

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ

А. А. Тортика

**Северо-Западная Хазария
в контексте истории Восточной Европы
(вторая половина VII — третья четверть X вв.)**

МОНОГРАФИЯ

Харьков, ХГАК, 2006

УДК 94(100)"06/09"

ББК 63.3(2)2-9

Т61

Рекомендовано к печати
ученым советом Харьковской государственной академии культуры
(протокол № от 25 ноября 2005 г.)

Рецензенты:

Гусев В. И., доктор исторических наук, профессор кафедры истории для гуманитарных факультетов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко;

Сорочан С. Б., доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина;

Чернявский Г. И., доктор исторических наук, профессор департамента истории университета им. Джона Гопкинса (г. Балтимор, США)

**Тортика А. А. Северо-Западная Хазария в контексте истории
Т61 Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.):
Моногр. / А. А. Тортика; Харьк. гос. акад. культуры. — Х.: ХГАК,
2006. — 555 с.**

ISBN 966-7352-96-X

Данное исследование создано на основе широкого комплекса ранне-средневековых арабо-персидских, хазаро-еврейских, древнерусских, скандинавских, византийских и западноевропейских источников с привлечением современного отечественного и зарубежного историографического опыта. Предлагаемая вниманию читателей монография является результатом подробного научного изучения политического и этносоциального положения алано-болгарского населения Хазарского каганата в Подонье-Приднестровье в конце VII—X вв.

Автором приводятся интересные аналогии, рассматриваются проблемы исторической географии раннесредневековой Восточной Европы, поднимаются теоретические вопросы развития традиционных кочевых обществ. Анализ осуществляется через призму местного исторического и археологического материала, а потому может представлять интерес не только для специалистов (историков, археологов, этнологов), но и для широкого круга читателей, интересующихся общеевропейской средневековой и местной историей.

УДК 94(100)"06/09"
ББК 63.3(2)2-9

ISBN 966-7352-96-X

© Тортика А. А., 2006

© Харьковская государственная академия культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

Глава 1

Население Северо-Западной Хазарии: этнические и социальные структуры

§ 1.1. Протоболгарский компонент в раннесредневековой истории Восточной Европы (дохазарский период).....	29
§ 1.2. Ранние хазары в Днепро-Донском междуречье.....	59
§ 1.3. Протоболгарский компонент в этносоциальной структуре населения Северо-Западной Хазарии.....	83
§ 1.4. Проблема оседания (седентеризации) алано-болгарского населения Днепро-Донского междуречья в хазарское время (конец VIII — начало X вв.).....	101
§ 1.5. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII — начало X вв.): историческая реконструкция.....	120

Глава 2.

Северо-Западная Хазария в геополитической системе Хазарского каганата

§ 2.1. Основные ориентиры для определения места Северо-Западной Хазарии в контексте истории Восточной Европы.....	137
§ 2.2. Климаты Константина Багрянородного и Северо-Западная Хазария.....	149
§ 2.3. Еврейско-хазарские документы о геополитической ситуации в Восточной Европе в X в. Киевское письмо.....	160
§ 2.4. «Кембриджский документ» — «текст Шехтера» о геополитической ситуации на юго-западе Хазарского каганата в первой половине X в.	175
§ 2.5. Место населения Северо-Западной Хазарии в военно-политической структуре Хазарского каганата: историческая реконструкция.....	196

Глава 3

Керченский пролив и Дон в системе историко-географических реалий хазарского времени: по данным раннесредневековых восточных авторов

§ 3.1. Керченский пролив в контексте хазарской истории: основные проблемы, источники, методы; ранняя арабская традиция.....	224
§ 3.2. Керченский пролив и Волго-Донской путь в трудах представителей «классической» школы арабской географии.....	235
§ 3.3. Зона Керченского пролива в документах хазаро-еврейского происхождения. Реконструкция общих представлений восточных авторов о регионе.....	245
§ 3.4. «Река славян» периода арабо-хазарских войн первой трети VIII в.	257

§ 3.5. «Река славян» в последующей арабо-персидской традиции. Реконструкция хронологии термина.....	289
--	-----

Глава 4

Буртасы и Северо-Западная Хазария: проблемы локализации и идентификации

§ 4.1. Лесостепные аланы — буртасы — мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнической идентификации.....	298
§ 4.2. Локализация буртасов арабо-персидских авторов и Северо-Западная Хазария.....	316
§ 4.3. Река «Буртас» средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации.....	329

Глава 5

Работорговля как фактор развития исторического процесса в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата

§ 5.1. Работорговля в Восточной Европе в хазарское время в отечественной и зарубежной историографии: основные подходы и методы.....	343
§ 5.2. Славяне — «ас-сакалиба» в контексте хазарской истории и работорговля в Восточной Европе в хазарское время.....	361
§ 5.3. Русы как участники работорговли. Этнокультурная природа русов (росов, руси) VIII–X вв.	376
§ 5.4. Раннесредневековые авторы о работорговле в Восточной Европе в VIII–X вв.	390
§ 5.5. Характер работорговли в Восточной Европе в VIII–X вв., ее основные участники и историческое значение.....	410

Глава 6.

Северо-Западная Хазария и Доно-Донецкий торговый путь в середине VIII — середине X вв.

§ 6.1. Доно-Донецкий торговый путь и славяне Днепровского Левобережья: историографические традиции и реальность.....	426
§ 6.2. Основные направления и динамика развития торговли с мусульманскими странами в Восточной Европе в середине VIII — середине X вв.: проблемы и мнения.....	439
§ 6.3. Природные условия, военно-политические и иные факторы речного судоходства в Восточной Европе в VIII–X вв.	458
§ 6.4. Доно-Донецкий путь и лесостепное Придонецье в середине VIII — середине X вв.: реконструкция характера и направлений торговых связей.....	466

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	494
-------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	508
--------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА	509
-------------------------	-----

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Западная Хазария — лесостепное Подонье-Придонецье, это регион, факт существования которого был установлен в результате археологических исследований памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (конец VIII — начало X вв.). Его название имеет в значительной степени условный характер и предполагает некую территориальную и этнокультурную общность населения, входившего, по мнению ряда специалистов, в состав Хазарского каганата [Артамонов 1940, с. 130–167]. Впрочем, последнее утверждение далеко не бесспорно и требует определенной аргументации, которая и будет предложена в соответствующих главах настоящей работы.

С самого начала необходимо подчеркнуть, что до последнего времени данной проблематикой занимались почти исключительно археологи, со всеми свойственными этой науке специфическими методами и задачами. В то же время указанные археологические источники недостаточно использовались для построения широких исторических выводов. Соответственно, если эти выводы и делались, то они носили локальный характер и были мало связаны с известными науке данными письменных источников. В этой связи представляется актуальным проведение комплексного исследования, в котором данные как археологических, так и письменных источников были бы использованы для построения исторических обобщений, для создания по возможности полной картины истории Северо-Западной Хазарии в VIII–X вв. во всех ее проявлениях: политических, социальных, этнокультурных.

Как представляется, историю этого региона необходимо рассматривать в рамках военно-политической и государственной структур Хазарского каганата, а также в тесной связи с существующей там системой социально-экономических отношений и торговых путей. Понятно, что такой подход заставляет выделять более широкий контекст исторических и этногенетических процессов, происходивших в Восточной Европе во второй половине VII — третьей четверти X вв. Складывается впечатление, что основными составляющими этих процессов были, с одной стороны, появление и эксплуатация речных торговых путей по Волге, Дону, Днепру, экономическая и военно-политическая активность скандинавов — русов («речных кочевников»), а

также степных кочевников (протоболгар, хазар, венгров, печенегов, гузов), влияние мусульманских стран и Византии. С другой стороны, очевидны прогресс экономики и социальных отношений местного населения (славянского, позднеиранского, финно-угорского, балтского и т. д.), возникновение городов, формирование первых раннегосударственных образований в Восточной Европе (Хазарский каганат, Русь, Волжская Булгария). Сопоставление этих общих для всей Восточной Европы, контекстных закономерностей с конкретными фактами истории лесостепного Подонья-Придонецья в хазарское время дает возможность для понимания места Северо-Западной Хазарии в соответствующих глобальных событиях и процессах. На основе косвенных данных, посредством использования общеисторического «фона», геополитического, географического, этнокультурного и иного контекста можно попытаться, восполняя тем самым пробелы источниковой базы, восстановить более полную картину истории Северо-Западной Хазарии. В то же время реконструкция истории региона, анализ его военного потенциала, этносоциальных структур, экономического состояния и торговых связей позволяют увидеть особенности в частных проявлениях названных выше общих факторов.

Ярким примером подобной локальной специфики является отсутствие русов на Северском Донце, в то время как другие реки Восточной Европы — Волга, Ока, Днепр, Дон — широко использовались ими, по крайней мере, с первой трети — середины IX в. Ни археологические памятники варяго-русского облика (подобные Тимерево, Сарскому городищу, Старой Ладоге, Гнездово), ни отдельные вещи северного, скандинавского происхождения, ни, наконец, клады восточных (куфических) монет, являющиеся важным признаком торговой деятельности русов, не обнаружены в бассейне Северского Донца и его притоков¹. Вплоть до начала X в. путь по Донцу фактически

¹ Клады, обнаруженные в бассейне верхнего течения Северского Донца (именно клады, а не отдельные куфические монеты из салтовских погребений), датируются, в лучшем случае, первой половиной X в. В это время в регионе кардинально меняется геополитическая ситуация. Вероятно, начинают меняться и этнический облик, и государственная принадлежность населения лесостепного Придонецья. Таким образом, клады эти следует связывать уже не с алано-болгарами и Северо-Западной Хазарией, а с левобережными славянами — северянами, находящимися в контексте политики Древнерусского государства, киевского княжеского рода.

находится под контролем военизированных групп салтовского населения, число которых определяется количеством укрепленных городищ на берегах этой реки. Можно предположить, что в период расцвета салтово-маяцкой культуры (в основном, на протяжении IX в.) ведущим направлением внешнеторговых связей региона было отнюдь не восточное, а южное. Географическое, экономическое и военно-политическое положение Северо-Западной Хазарии обусловило развитие, по всей видимости, меновой, безмонетной торговли с византийскими владениями в Таврике.

Таким образом, в результате всего вышесказанного, можно отметить, что исследованию подлежит определенная социальная, этническая, территориальная и политическая целостность (Северо-Западная Хазария) в процессе ее исторической эволюции. Предстоит определить основные характеристики этой целостности, дать ей обобщающую историческую оценку, описать направления и возможные перспективы её развития.

Выбор хронологических рамок темы — вторая половина VII — третья четверть X вв. — обусловлен временем существования Хазарского каганата. В соответствии с сообщениями Феофана и Никифора хазары самостоятельно выходят на историческую арену в 678 г. Их первой внешнеполитической акцией является подчинение приазовских протоболгарских племен хана Батбая (по всей видимости, утигуров) и война с ордой хана Аспаруха (оногундурами), закончившаяся бегством последнего на Дунай. Именно с этой даты принято начинать историю Хазарского каганата. Верхний хронологический рубеж определяется известной из арабо-персидских источников (сведения Ибн Хаукаля) датой гибели Хазарии и разрушения ее столицы — Итиля в 969 г. в результате нападения русов¹.

Выделенный период не совсем совпадает с общепринятой датировкой существования салтово-маяцкой культуры (конец VIII —

¹В последнее время среди специалистов получила преобладание именно такая точка зрения. Поход Святослава 965 г., освещенный в ПВА, и поход русов 969 г., описанный Ибн Хаукалем, разделяются и рассматриваются как разные события. Святослав совершил поход на вятичей, находившихся на Оке и верхнем Дону, затем на Саркел, «ясов и касогов». В 969 г. поволжские русы разгромили хазар, буртасов, болгар и разграбили Итиль. После этого жители Итиля бежали на острова Каспийского моря и в Дербент, а город уже не восстанавливается. В дальнейшем контроль над хазарским наследием в низовьях Волги устанавливает Хорезм [Коновалова 2003, с. 171-190].

начало X вв.) [Плетнева 1999, с. 3] и, соответственно, самой Северо-Западной Хазарии. Тем не менее, очевидно, что без выяснения предпосылок и условий формирования этого региона невозможна дальнейшая реконструкция его истории, этносоциальной структуры, определение места в геополитической системе отношений своего времени. Подобные предпосылки и соответствующие условия начали складываться еще в раннехазарский период, т. е. в конце VII — начале VIII вв., в ходе хазарского завоевания Днепро-Донского междуречья, а также в результате арабо-хазарских войн первой трети VIII в.

Продление верхней даты исследования до третьей четверти X в. вызвано необходимостью проследить до конца логику тех исторических процессов, которые привели к прекращению жизни на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры и, в конечном счете, к гибели самой Хазарии. Кроме того, ряд ключевых источников¹, использованных для раскрытия данной темы, был написан в середине — второй половине X в. Ретроспективный анализ содержащихся в них сведений позволяет реконструировать более ранние события, воссоздать ту геополитическую ситуацию, которая обусловила исчезновение Северо-Западной Хазарии с исторической арены.

Границы Северо-Западной Хазарии совпадают с ареалом распространения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (конец VIII — начало X вв.) и, соответственно, включают в себя памятники (городища, селища, могильники), расположенные в бассейне верхнего течения Северского Донца, Оскола, Тихой Сосны, Дона. К настоящему времени насчитывается уже более трехсот памятников этого варианта культуры. Северная и западная границы этого ареала не вызывают особых сомнений, поскольку были зафиксированы в результате картографирования известных салтовских памятников. Восточная граница определяется условно и, видимо, будет со временем скорректирована в результате дальнейшего доисследования Доно-Донецкого междуречья.

¹ Еврейско-хазарская переписка, «текст Шехтера» — Кембриджский аноним, «Киевское письмо», трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» и связанный с литературным творчеством этого же императора «Продолжатель Феофана», труды ал Мас'уди, ал Истахри, Ибн Хаукаля и т. д.

Больше всего сомнений вызывает определение южной границы. В данном случае исследователи исходят из физико-географического районирования лесостепной и степной природных зон, а также из современного понимания верхнего и среднего течения Северского Донца, условный рубеж между которыми проходит по широте города Изюма. Учитывая тот факт, что салтовские памятники VIII–X вв. известны практически по всей длине Донца, от его устья и почти до верховий, обоснование этой границы требует дополнительных доказательств. Как правило, в качестве такого доказательства выдвигаются рассуждения о кочевом образе жизни обитателей более южных, степных территорий, а также предположение о том, что южное Подонье занимали, в основном, протоболгарские племена. В то же время, южнее Изюма, на берегах Северского Донца давно известны археологические памятники оседлого населения, ничем не отличающиеся ни по культуре, ни по хозяйственной деятельности от своих северных соседей [Кравченко 2004, с. 242–276]. Вероятно, основными обитателями городища у с. Маяки или Сидоровского городища в среднем Придонецье, также как Верхнесалтовского или Дмитриевского городищ, находящихся в верхнем течении Северского Донца, были аланы. Исследования К. И. Красильникова показали, что и в нижнем, степном Придонецье существует устойчивая оседлость. При этом одним из основных этносов, входивших здесь в состав населения, наряду с протоболгарами, являются и аланы.

Работы В. К. Михеева и его учеников¹ на таких могильниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры как Сухая Гомольша, Красная Горка, Червонная Гусаровка, Нетайловка² доказывают, что и здесь этнический состав населения был весьма далек от единообразия. Материал, полученный на этих могильниках, еще ждет

¹ В. С. Аксенова, А. В. Крыганова, В. В. Скирды, Н. В. Черниговой и т. д.

² Название грунтового протоболгарского могильника, расположенного напротив Верхнесалтовского археологического комплекса, на другом, левом берегу Северского Донца — Нетайловка — укоренилось в историографии и стало привычным и узнаваемым для специалистов. В этой связи, дабы избежать недоразумений и путаницы, в работе будет использоваться именно это название. Тем не менее, настоящее название села, давшего имя данному памятнику — Металловка (Харьковская обл., Волчанский р-н, Старосалтовский сельсовет).

дальнейшего осмысления и интерпретации, однако уже сейчас понятно, что в условиях «хазарского мира» Придонецье стало ареалом тесного взаимодействия родоплеменных групп самого разного этнического происхождения. Характерно и то, что некоторые из родовых коллективов, оставивших названные могильники, вели явно кочевой или, по крайней мере, полукочевой образ жизни.

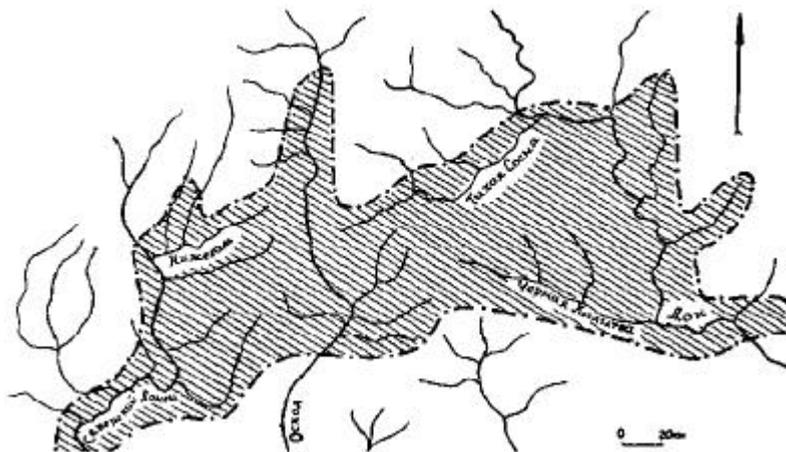

Рисунок 1. Ареал распространения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (по Г. Е. Афанасьеву [Афанасьев 1993, с. 6]).

Таким образом, ни один из перечисленных выше аргументов, использованных для обозначения южной границы Северо-Западной Хазарии, нельзя считать полностью убедительным. Как представляется, эту границу вообще невозможно точно определить (по крайней мере, на основе имеющихся в настоящее время данных). По всей видимости, все Придонецкое население, пронизанное одной водной магистралью, связанное единым для всего региона хазарским господством, представляло собой некую условную общность. В то же время эта целостность, в условиях племенного строя, не могла быть абсолютной и распадалась на ряд племенных или родовых структур. В этой связи, с полным осознанием всей условности такого деления, в данной работе основное внимание будет уделено именно лесостепному варианту салтово-маяцкой культуры, в рамках принятых в науке

границ этого варианта [Афанасьев 1993, с. 6, рис. 1; Плетнева 1999, с. 25–26, рис. 2, 33, 36].

При этом нельзя забывать, что салтовское население степной зоны, среднего и нижнего течения Северского Донца, в большинстве случаев входило в один исторический контекст, переживало сходные этнокультурные и социально-экономические процессы и было участником тех же событий, что и население лесостепного региона.

Следует отметить, что границы Северо-Западной Хазарии отнюдь не определяют территориальных границ всего исследования. «Контекстный» характер работы, создание общеисторического «фона» предполагают гораздо более широкие географические рамки. Необходимость учета тех событий и процессов, которые происходили за пределами Северо-Западной Хазарии, но не могли не повлиять на геополитическое или этнокультурное положение населения Приднестровья, заставляет анализировать ситуацию на всем юге Восточной Европы, а иногда и за ее пределами. В качестве ключевого пункта, своего рода географического репера, от которого исходили «волны» такого влияния, можно назвать столицу Хазарии — Итиль и связанные с ней Нижнее Поволжье и Северо-Западный Прикаспий. С конца IX в. это, безусловно, и Киев, Среднее Поднепровье и Днепро-Донецкое Левобережье, где постепенно накапливаются силы один из основных конкурентов Хазарского каганата — Русь.

Особое значение имела зона водного (морского и речного) торгового пути, проходившего через Керченский пролив, хазарскую Таматарху — Самкерц, Нижний Дон, Саркел на Дону и Волго-Донскую перемычку. Этот путь представляет собой своего рода ось (Рис. 2), на которую нанизывались геополитические успехи и поражения Хазарского каганата в течение IX–X вв. Частью этой оси, несомненно, был и самый крупный приток Дона — Северский Донец, а, следовательно, и проживавшее на его берегах алаано-болгарское население. События, происходившие на разных участках этого пути, сведения средневековых авторов о способах его использования — все это можно рассматривать в качестве индикатора новых исторических явлений и тенденций, проявившихся в непосредственной близости от Северо-Западной Хазарии. Строительство Саркела на Дону, осуществленное «хаганом и пехом Хазарии» с помощью Византии в период

правления императора Феофила (около 840 г.), путь купцов русов через Керченский пролив, Дон и переволоку, описанный Ибн Хордад-бехом (приблизительно середина — вторая половина IX в.), нападения Хельгу Руси на Самкерц (Таматарху) и ответные действия хазарского полководца Песаха (между 920 и 944 гг.), наконец, взятие Саркела Святославом в 965 г. — все это звенья одной цепи исторических событий. В этой связи чрезвычайно важной представляется реконструкция исторической географии данного водного пути, а также связанных с ним представлений и терминов¹ на основе всех доступных сообщений средневековых авторов.

Необходимость решения ряда частных проблем и поиска аналогий также расширяет географические ориентиры работы до масштабов всей Восточной Европы. Например, проблема идентификации буртасов (в связи с критикой идеи Г. Е. Афанасьева о тождестве этого народа и лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры) закономерно уводит исследование в Среднее Поволжье, в район Волго-Окского междуречья, где их локализация по-прежнему представляется наиболее приемлемой. Изучение характера работорговли, весьма распространенной в раннем средневековье, определение наиболее активных и последовательных участников этой деятельности, невозможно без знания основных торговых путей, служивших для вывоза рабов на юге, юго-востоке, севере и западе Восточной Европы. Наконец, реконструкция практиковавшейся в Хазарском каганате системы управления регионами, невозможна без учета аналогий, полученных в результате изучения истории Крымского полуострова, Северного Кавказа, Волжской Булгарии и т. д.

Очевидно, что любое новое исследование Подонья-Придонецья в хазарское время — Северо-Западной Хазарии — лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (конец VIII — начало X вв.) невозможно без учета достижений предшественников. Учитывая сложный характер работы, здесь будут упомянуты только основные

¹ Например, известного еще античной географии названия Дона — Танаис и того, что определяли этим термином арабо-персидские авторы; описательного арабского названия «нахр ас сакалиба» — «река славян» и особенностей его применения в разные периоды развития «арабской географии» и т. д.

Рисунок 2. Донской, Доно-Донецкий, Волго-Донской путь — «ось» истории региона.¹

¹ Карта дана по Малому атласу СССР [Малый атлас...1973, с. 31].

труды, посвященные непосредственно Северо-Западной Хазарии.¹ Историография «контекстного» характера, связанная с проблемами критики различных групп письменных источников, реконструкцией исторической географии Восточной Европы в хазарское время, торговли и работорговли, а также этнической атрибуции русов (росов, руси), будет приведена ниже, в соответствующих главах.

Так, связь салтово-маяцкого региона с хазарской историей, в частности идентичность культуры Придонецкого населения и хазарского Подонья, впервые научно обосновал в 1940 г. М. И. Артамонов. Далее, благодаря работам М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, Д. Т. Березовца (50–60-е гг. XX в.), в науке утвердилось представление о делении салтово-маяцкой культуры на лесостепной — аланский и степной — протоболгарский, локальные варианты. Тогда же были сделаны предварительные выводы о хронологии салтовских древностей, выявлены основные хозяйственные признаки культуры, начаты исследования традиций домостроительства, керамического комплекса, набора орудий производства, оружия и т. д. Кроме того, уже в это время был зафиксирован факт поливариантности погребального обряда носителей салтово-маяцкой культуры, катакомбного, в аланском варианте, и ямного, «грунтового», в протоболгарском.

Именно в этот период формируется основной набор гипотез, объясняющих причины появления лесостепного, аланского варианта салтовской культуры в середине VIII в., а также её резкого исчезновения в начале — середине X в. В частности, с тех пор переселение алан с Северного Кавказа в бассейн верхнего и среднего течения

¹ Библиография, связанная с общехазарской проблематикой, огромна. Этот факт подчеркивал еще М. И. Артамонов в 1962 г. [Артамонов 1962, с. 28–32], в настоящее время, по крайней мере, в этом вопросе с ним вполне солидарен П. Голден [Голден 2005, с. 30]. Среди библиографических обзоров, вышедших в последнее время на русском языке, следует назвать работу А. А. Астайкина [Астайкин 1996, с. 623–635]. Среди зарубежных изданий наиболее серьезными считаются обзоры, выполненные Д. Моравчиком [Moravcsik 1958, p. 81–86], А. Ярмолинским [Yarmolinsky 1938, p. 695–710; Yarmolinsky 1959, p. 237–241], Б. Вайнрибом [Weinryb 1963, p. 111–129]. Подробные библиографические и историографические обзоры содержатся также в работах П. Голдена [Golden 1980. Vol. 1; Golden 1992, p. 92–104; Голден 2005, с. 27–68].

Северского Донца традиционно связывают с активностью хазар и арабо-хазарскими войнами первой трети VIII в. Прекращение жизни на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры объясняют, как правило, военной активностью печенегов в Днепро-Донском междуречье или же рассматривают в качестве одного из последствий «хазарского» похода древнерусского князя Святослава (965 г.).

Целую эпоху в изучении салтово-маяцких древностей составили научные труды С. А. Плетневой¹. Из-под ее пера вышли сотни работ (статей, публикаций, монографий), посвященных как частным вопросам, так и обобщению накопленных знаний. Собственно, именно благодаря С. А. Плетневой сформировалось современное представление о территории и границах лесостепного варианта СМК, был открыт ряд новых памятников, проведены стационарные археологические исследования на Дмитриевском комплексе, Маяцком городище (на Тихой Сосне), Волоконовском могильнике и т. д. Это позволило поставить вопрос о месте салтовского населения в военно-политической структуре хазарского государства, его особой роли, которую исследовательница определила как пограничную — «своеобразного казачества». Именно С. А. Плетнева сумела выделить и подвергнуть научному анализу основные археологические признаки аланского и протоболгарского населения культуры. Она же отметила взаимопроникновение этих признаков, чересполосность расселения аланских и протоболгарских групп в лесостепи, начало процессов этнической и культурной консолидации первоначально разнородного населения. Анализируя факт близкого соседства славянских племен (северян и вятичей) и населения Северо-Западной Хазарии, С. А. Плетнева в целом характеризовала эти отношения как мирные, паритетные, построенные на взаимовыгодных экономических связях. В дальнейшем, как предполагала исследовательница, местами это приводило к межэтническим контактам, возникновению смешанных общин и включению какого-то процента славян в салтовский конгломерат.

¹ «...С. А. Плетнева, старейшина хазарской археологии и, на самом деле, археологии всей западноевразийской степи...» [Голден 2005, с. 53].

В качестве основных тенденций исторического развития массива лесостепного салтовского населения С. А. Плетневой были выделены: 1) оседание кочевых протоболгарских групп, совпадающее с восприятием и развитием ими культуры переселившихся с Северного Кавказа алан, с формированием признаков СМК, превращением этой материальной культуры в общую для значительной части населения Хазарского каганата; 2) успешное развитие экономики, пашенного земледелия, ремесел; 3) эволюция социального строя населения в направлении от последних стадий племенного строя к раннеклассовым, возможно, даже раннефеодальным отношениям. Наконец, как и предшествующие исследователи, С. А. Плетнева отмечает факт насильственного прекращения жизни на салтовских поселениях лесостепного региона и склонна связывать это явление с нашествием печенегов.

Важное место в разработке салтовской тематики занимает вышедшая в 1985 г. работа В. К. Михеева «Подонье в составе Хазарского каганата»¹ [Михеев 1985; Михеев 1986]. Она посвящена, главным образом, изучению хозяйства и социально-экономического состояния населения верхнего и среднего Придонечья. На конкретном археологическом материале, с привлечением разнообразных аналогий, В. К. Михеев сумел реконструировать систему земледелия, отгонного скотоводства, обрабатывающих промыслов, ремесел, присваивающих видов хозяйства. В частности, им были определены приоритеты этой деятельности, отмечено явное преобладание и ведущая роль пашенного земледелия и интенсивного скотоводства (со стойловым содержанием и зимней подкормкой животных). Подобное эффективное и комплексное хозяйство обеспечивало все потребности населения, служило основой для развития социальных отношений. Как и С. А. Плетнева, В. К. Михеев определяет социальный строй салтовцев как раннеклассовый, находящийся в процессе эволюции от

¹ Один из ведущих специалистов в области хазарской истории и источниковедения П. Голден характеризует эту работу В. К. Михеева как «...ценное и содержательное исследование» [Голден 2005, с. 52].

поздних форм племенных к ранним стадиям феодальных отношений [Михеев 1985, с. 21–26; Михеев 1991, с. 43–49].

Подробное изучение территориальной и социальной структуры населения аланского варианта СМК было проведено Г. Е. Афанасьевым. В частности, особый интерес вызывает сформулированная автором концепция микрорегионов, на которые делился массив салтовского населения. Последние он рассматривает как самостоятельные территории, имеющие ярко выраженную социальную обособленность друг от друга. Археологическим эквивалентом микрорегионов являются конкретные комплексы археологических памятников. Подобные комплексы объединяют, как правило, городище, несколько селищ и могильников. Г. Е. Афанасьев провел моделирование экономической взаимосвязи внутри и между микрорегионами, отметил потенциальные возможности для социально-политической коммуникации их населения [Афанасьев 1993, с. 109–117].

В рамках отдельных поселений, на материале жилых построек и хозяйственных усадеб Г. Е. Афанасьевым был исследован характер и структура семейных отношений. Он определил их как патриархальные, соответствующие периоду существования «большой семьи». Интересно, что, по наблюдениям исследователя, «малые», или «нуклеарные» семьи уже начинают спорадически выделяться из «больших», однако их существование еще представляется кратковременным и пока не соответствовало общему уровню развития социальных отношений [Афанасьев 1993, с. 51–64]. Этот уровень, по его мнению, пока не выходит за пределы характеристик племенного строя. В то же время

¹ Следует отметить, что В. К. Михеев всегда очень осторожно относился к использованию термина «феодализм» в ходе характеристики общественных отношений салтово-маяцкого населения лесостепи. Он отмечал, что «...если такое развитие действительно имело место, то едва ли оно выражалось в том, что отдельные лица или семьи платили налоги непосредственно конкретным феодалам или даже государству как выразителю их корпоративных интересов. Скорее, они уплачивали сразу целыми группами населения, что собственно и позволяет характеризовать подобные отношения как вассально-даннические раннефеодального типа, поскольку одним из признаков последних является то, что они представляют собой не индивидуально-семейную, а коллективную форму зависимости...» [Михеев 1991, с. 49].

общество уже не однородно, в нем (по аналогии с аланами Северного Кавказа) можно выделить, по крайней мере, две основные категории: алдар — князья и асфад — войско [Афанасьев 1993, с. 45–50].

В последние годы Г. Е. Афанасьев усомнился в непосредственной связи населения Подонья-Придонечья и Хазарского государства. Связь эта, по его мнению, весьма гипотетична и могла носить опосредованный характер, имела разную степень интенсивности в течение времени. Кроме того, Г. Е. Афанасьев подверг критике распространенный ранее тезис о «государственном» статусе салтово-маяцкой культуры¹ у населения Хазарского каганата [Афанасьев 2001, с. 43–54].

Целый ряд существенных уточнений в понимании отдельных категорий салтовских древностей или аспектов развития этой культуры сделал В. С. Флеров. Для настоящего исследования особую ценность представляет его убежденность в отсутствии признаков феодализма в социальной организации населения Северо-Западной Хазарии [Флеров 1990, с. 38–43]; доскональное изучение археологических следов процесса оседания, проведенное на основе обобщения всех доступных сведений о юртообразных постройках хазарского времени в Днепро-Донском междуречье [Флеров 1996, с. 8–25, 32–36]; реконструкция системы крепостей Подонья и, в частности, роли Саркела в этой сложной социальной, военно-политической и оборонительной системе [Флеров 2001, с. 56–70; Флеров 2002, с. 151–168].

¹ В этой же связи О. М. Приходнюк указывал на методологическую несовместимость понятий «археологическая культура» и «государство»: «...такое явление как археологическая культура является категорией, отображающей этнокультурные явления догосударственного периода. Государственные социальные образования определяются как цивилизации. Их характеризуют не только материальные остатки жизнедеятельности, как это характерно для догосударственных обществ, или реконструированные на их основе социально-экономические и этнокультурные факторы, но и типичный для классовых образований высокий уровень развития социального строя, культуры, образования и т. д., что характеризуется не столько выкопанными остатками материальной жизни, сколько письменными источниками, образцами произведений искусства, высокоразвитой светской и культовой архитектуры и др. В этой связи вызывает удивление тот факт, что на современном этапе развития археологии такие яркие цивилизации государственного типа, как иудейская Хазария, исламская Волжская Болгария и христианская Дунайская Болгария объединяются в археологическом отношении в одно целое...» [Приходнюк 2001, с. 80]

Особо следует выделить вышедший в свет в 1990 г. труд историка и востоковеда А. П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» [Новосельцев 1990]. На основе широкого охвата всех доступных видов письменных источников этим автором была воссоздана картина хазарской истории на всех этапах развития Каганата¹. В частности, А. П. Новосельцев реконструирует его внутреннюю структуру, экономику, внешнюю и региональную политику. В то же время общехазарская тематика указанного исследования не позволила автору уделить особое внимание населению Северо-Западной Хазарии. Этой проблематике посвящено всего несколько страниц работы А. П. Новосельцева. Тем не менее, даже такого небольшого раздела хватило для того, чтобы определить основные направления исторического изучения региона.

Так, А. П. Новосельцев рассматривал лесостепное Подонье-Придонецье как территорию, непосредственно входившую в состав Хазарского каганата. Вслед за С. А. Плетневой и В. К. Михеевым, он предполагал, что развитая экономика салтовского населения могла существенно обеспечивать потребности кочевых хазар и, прежде всего, хазарской верхушки, в продуктах земледелия².

Он также отмечал пограничный характер Северо-Западной Хазарии, указывая на определенную роль местных военных континентов в покорении и обложении данью славян Днепровского Левобережья. В то же время отношения между славянами и населением СМК, по его мнению, носили в целом достаточно мирный характер. Дань не была слишком обременительной, а «хазарский мир» (по крайней мере, наличие стабильной военно-политической ситуации) обусловил расширение территории славянских племен, развитие их экономики [Готье 1927, с. 83; Новосельцев 1990, с. 200–202].

Среди выдвинутых А. П. Новосельцевым тезисов особое значение для данного исследования имеют: 1) реконструкция региональной

¹ По мнению П. Голдена «в работе Новосельцева красиво суммировано и подитожено все, что мы можем сказать о хазарской проблеме на основе известных сейчас письменных источников» [Голден 2005, с. 53].

² Такого же взгляда на степень развития хазарской экономики придерживался и Т. Нунен [Noopen 1995–1997, p. 254–318].

системы управления в Хазарском каганате (наличие сословия тарханов — знати и тудунов — наместников, выполнявших волю центрального хазарского правительства) [Новосельцев 1990, с. 134–143]; 2) четкое выявление связи основных событий хазарской истории с контекстом исторического развития Восточной Европы (взаимоотношения с Византией, Халифатом, Хорезмом; транзитная торговля; миграции кочевых племен; появление и усиление русов, создание Древнерусского государства; внутренние процессы, происходившие в среде населения Восточной Европы, такие как: поступательное развитие экономики и постепенное разложение племенного строя и т. д.) [Новосельцев 1990, с. 196–210].

Следует также отметить, что в настоящее время усилиями В. К. Михеева и созданной им научной школы продолжается археологическое исследование памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры [Михеев 1982; Михеев 1986; Михеев 1990; Михеев 1994; Михеев 2004 и т. д.]. В. В. Колода и его сотрудники изучают систему городищ Северо-Западной Хазарии [Колода 1995, с. 38–40; Колода 1999, с. 98–100; Колода 2001, с. 129–131; Колода 2004, с. 265–271; Свистун 2001, с. 108–109], тем самым уточняя внутреннюю структуру региона, оценивая оборонительные возможности различных родоплеменных групп и населения в целом.

В. С. Аксенов, на основе изучения материалов катакомбных и грунтовых могильников, ведет работу по уточнению этнической структуры салтово-маяцкого населения, выявлению этнических групп иранского, тюркского и угорского происхождения [Аксенов 1999; Аксенов, Тортика 2001, с. 191–218; Аксенов 2002, с. 6–17 и т. д.]. Выделенные В. С. Аксеновым серии вещей импортного происхождения и проведенный им анализ привозной керамики позволяют судить о направлениях торговых связей, экономических контактах населения региона в хазарское время [Аксенов 1995, с. 95–96; Аксенов, Михеев 1998б, с. 344–357 и т. д.].

В то же время в процессе изучения Северо-Западной Хазарии накопился целый ряд новых проблем. Эти проблемы имеют как количественный, так и качественный характер.

С одной стороны, полевые исследования и публикация новых памятников, выводы хронологического, типологического, этногенетического

характера, полученные археологами, делают возможной историческую интерпретацию и обобщение этой пополнившейся базы данных.

К числу проблем такого рода следует отнести: 1) необходимость объяснения поливариантности погребального обряда на ямных «грунтовых» могильниках салтовской культуры. Это, в свою очередь, требует создания гипотезы о причинах формирования такого сложного этнического конгломерата и социальных механизмах его дальнейшего существования; 2) продолжает сохранять актуальность поиск реальных следов оседания салтовского населения, важно также разъяснение причин и механизмов этого процесса (если он, действительно, имел место); 3) новые нумизматические находки, а также публикации серий импортных предметов предоставляют возможности для создания моделей торговых связей региона (а именно определение основных торговых путей и уточнение направлений их использования); 4) важно также, учитывая определенный набор археологических артефактов, от декларативных утверждений о наличии добрососедских отношений между левобережными славянами и алано-болгарами хазарской лесостепи, перейти к формулировке рабочей гипотезы, отражающей реальный характер и социальные механизмы таких взаимоотношений; 5) наконец, отсутствие документально зафиксированных следов погромов на салтовских поселениях по-прежнему вынуждает к поиску убедительных объяснений причин исчезновения СМК в начале — первой половине X в.

Естественно, что решение этой группы проблем невозможно без использования новых методологий, появившихся в последнее время в исторической науке.

Таким образом, изменение методологических подходов в современной историографии и продолжающийся отход от формационной схемы требуют переосмысления или даже выявления новых проблем, характерных для истории Северо-Западной Хазарии.

К числу проблем подобного характера относятся:

- 1) Представление о потенциальной эволюции кочевых обществ и якобы неизбежной тенденции к оседанию. В советской историографии подобный процесс рассматривался как признак исторического прогресса в кочевой среде. Такой подход не учитывал

особенностей развития кочевой культуры и экономики, напрямую обусловленных природными факторами. Вследствие этого игнорировались своеобразный менталитет и этнопсихология кочевничества, довлеющие над индивидуальным сознанием представителей степных народов в течение тысячелетий. Таким образом, закономерности, выявленные при изучении земледельческих обществ, искусственно переносились на кочевой мир. Преобладал линейный взгляд на историю и прогресс, обусловленный всеобщим распространением формационной схемы в исторической науке. В настоящее время такой подход представляется устаревшим и мало соответствующим реальной истории кочевых обществ.

- 2) Оценка общественных отношений, сложившихся в Хазарском каганате, как раннефеодальных. Последние исследования, проведенные как историками, так и археологами, не позволяют говорить о существовании феодализма [Кобищанов 1992, с. 57–72] в Восточной Европе в VIII–X вв¹. Не выявлены признаки феодальных отношений и у населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры². По всей видимости, эти отношения могут быть охарактеризованы как племенной строй. С точки зрения современных методологических подходов должна быть охарактеризована и социальная структура населения Северо-Западной Хазарии.

Следует отметить, что помимо сугубо научных проблем, исследовательского или методологического характера, за советский период развития исторической науки накопился также ряд вопросов, связанных с прямым идеологическим воздействием государства. Так, отдельные историки, в ходе реконструкции раннесредневековой истории Восточной Европы, реализуя определенный идеологический заказ, приняли непосредственное участие в формулировке

¹ См., например, работу В. Я. Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв.». — Смоленск-М., 1995.

² См.: Флеров В. С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате// Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. — Пенза. 1990; Афанасьев Г. Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. — М., 1993. и т. д.

соответствующих идеологических концепций. Следы подобного политизированного подхода обнаруживаются даже в настоящее время.

Среди вопросов, решение которых обуславливалось идеологическими тенденциями, следует назвать, прежде всего, негативную оценку роли Хазарского каганата в истории Восточной Европы. Далее — резко отрицательное восприятие кочевников и кочевого образа жизни. Наконец, подозрительное отношение к факту международной торговли и лишённую историзма критику работоторговли, процветавшей в Восточной Европе в VIII–X вв. и т. д.

Не всегда объективно интерпретировались источники при анализе взаимоотношений между славянами и другими народами в раннем средневековье. Довольно часто в исторических исследованиях преобладали тенденции панславизма. Соответственно, любой исторический прогресс связывался с творческими потенциями исключительно славянского этноса, при этом роль других народов либо умалчивалась, либо трактовалась как несущественная. Неоправданное благодушие проявлялось и в реконструкции модели межэтнических отношений в раннем средневековье. Так, вопреки историческим фактам, свидетельствующим об очень жестких, построенных, как правило, на силовых аргументах реалиях таких отношений, на раннее средневековье (явно или подспудно, осознанно или подсознательно) проецировались идеологические постулаты «социалистического интернационализма».

Таким образом, в настоящей работе ставится задача изучения истории Северо-Западной Хазарии на широком историко-культурном фоне, в контексте истории всей Восточной Европы и в связи с протекавшими там в раннем средневековье этногенетическими, социальными и прочими процессами. Большое внимание будет уделено проблемам торговли и торговых отношений, уровня и степени развития социальных и политических структур, формирования ранней государственности, контактам с соседними восточнославянскими племенами, формам, способам и направлениям влияния на все эти процессы соседних цивилизованных областей — мусульманского Востока и православной Византии. Именно такое комплексное и контекстное исследование истории региона на основе параллельного использования данных всех возможных групп источников и представляется актуальным в настоящее время.

Отмеченный выше контекстный характер исследования обусловил достаточно сложную и в определенной степени дискретную структуру работы, отдельные элементы которой, видимо, нуждаются в специальном обосновании. Например, при работе над главой 1 «Население Северо-Западной Хазарии: этнические и социальные структуры» возникла потребность во введении специального параграфа 1.1. «Протоболгарский компонент в раннесредневековой истории Восточной Европы (дохазарский период)». Необходимость эта обусловлена двумя основными причинами. Во-первых, желанием определить некую точку отсчета для предстоящего исследования, показать ситуацию, на основе которой развивались геополитические и этносоциальные процессы, характерные для раннехазарского времени¹ (последняя четверть VII — начало VIII вв.). Во-вторых, стремлением подчеркнуть тот факт, что этническая пестрота т. н. протоболгарского населения хазарского времени и, соответственно, поливариантность погребального обряда «грунтовых» (ямных) могильников Днепро-Донского междуречья имеют истоки в дохазарском (протоболгарском) периоде истории кочевников Юга Восточной Европы.

В свою очередь в главе 2. «Северо-Западная Хазария в геополитической системе Хазарского каганата» выделены специальные параграфы, в которых проводится анализ и критика содержания отдельных письменных источников X в. Это сообщение Константина Багрянородного о неких «девяяти Климатах Хазарии», т. н. «Киевское письмо» и «текст Шехтера» — Кембриджский аноним. Анализ содержания названных документов необходим, прежде всего, для реконструкции геополитических условий, в которых находилось население Северо-Западной Хазарии в начале X в.

Сообщение Константина Багрянородного [Константин Багрянородный 1991, с. 37–53] обрисовывает эту ситуацию в целом. В частности, оно дает представление о врагах и союзниках Хазарии, о реальных (в отличие от обеих редакций т. н. «Ответа» Иосифа Хасдаи ибн Шапруту) границах Каганата на западе. Рассказ о «девяяти

¹ Само развитие этих процессов рассматривается в следующем параграфе — 1. 2. «Ранние хазары в Днепро-Донском междуречье».

Климатах», при том, что, по всей видимости, он не имеет прямого отношения именно к Северо-Западной Хазарии, проливает свет на внутреннее устройство позднего Хазарского каганата, а также на систему эксплуатации регионов, существовавшую в этом государстве. Поскольку Северо-Западную Хазарию предлагается рассматривать в качестве именно такого региона, то, соответственно, полученные сведения вполне применимы и к ее территории.

Источниковедческая критика т. н. «Киевского письма»¹ дает возможность для определения степени геополитического влияния хазарского государства на Среднее Поднепровье. Как представляется, влияние это в X в. было сведено к минимуму господством русов как на Днепровском торговом пути, в самом Киеве, так и на Левобережье, в Днепро-Донецком междуречье. Понятно, что подобное положение дел не могло не влиять на население Северо-Западной Хазарии, усиливало и делало более опасной его военно-пограничную функцию.

«Текст Шехтера» — Кембриджский аноним [Голб, Прицак 1997, с. 128–142; Коковцов 1932, с. 113–123] позволяет реконструировать конкретику отношений между хазарами и русами в первой половине X в. в зоне Керченского пролива и Крыма. Этот регион был частью Волго-Донского, а также Доно-Донецкого торговых путей, существовавших в хазарское время. Его связь с Северо-Западной Хазарией выглядит весьма вероятной. По этой причине происходившие здесь события являются важным критерием для определения степени хазарского влияния в лесостепном Подонье-Придонечье.

В свете всего вышесказанного, реконструкция историко-географических представлений средневековых авторов о Волго-Донском и Доно-Донецком торговых путях, является не только актуальной, но и необходимой. Данной проблеме посвящена глава 3 «Керченский пролив и Дон в системе историко-географических реалий хазарского времени: по данным раннесредневековых восточных авторов». В этом разделе работы аккумулируются сведения арабо-персидских авторов о Керченском проливе и Доне, их представления о

¹ Документ, составленный в еврейской общине Киева в X в. [Голб, Прицак 1997, с. 17–23, 24–31, 36–48].

хазарском могуществе в этом регионе, сообщения о появлении и активной деятельности русов и т. д. Все эти данные существенно дополняют и уточняют информацию Константина Багрянородного, документов хазаро-еврейского происхождения и древнерусской летописи. В конечном итоге одновременное использование источников разного происхождения (византийского, арабо-персидского, хазаро-еврейского, древнерусского) даёт надежду на большую объективность историко-географических реконструкций.

Без изучения средневековой арабо-персидской традиции, посвященной Дону, Волго-Донскому пути и окружающим их народам, трудно было бы решать вопрос о локализации народа «буртас» (глава 4 «Буртасы и Северо-Западная Хазария: проблемы локализации и идентификации»). Сама постановка этого вопроса была продиктована необходимостью критики гипотезы Г. Е. Афанасьева. Последний настаивает на идентичности народа «буртас» арабо-персидских авторов¹ и населения лесостепного (аланского) варианта СМК — Северо-Западной Хазарии [Афанасьев 1984б; Афанасьев 1985; Афанасьев 1987; Афанасьев 1988; Афанасьев 1993]. Как представляется, соответствующие источники не дают права на подобную идентификацию. В то же время Г. Е. Афанасьев предлагает развернутую систему аргументации своей точки зрения, оказавшую влияние на некоторых специалистов. Опровержение этой аргументации на основе сопоставления данных письменных и археологических источников, поиск места для локализации реки «Буртас» и реконструкция исторической географии племенного союза «буртасов» в X в. оказались возможны только в масштабах специальной главы².

Проблема работорговли, вынесенная на обсуждение в главе 5 «Работорговля как фактор развития исторического процесса в

¹ Ибн Русте, Гардизи, «Худуд ал Алам», Марвази, ал Мас'уди, ал Истархи, ибн Хаукаля и т. д.

² Краткий критический отзыв А. Х. Халикова на гипотезу Г. Е. Афанасьева [Халиков 1985, с. 161–164], а также незамедлительно последовавший ответ на этот отзыв самого Г. Е. Афанасьева [Афанасьев 1985, с. 164–169] ясно показали, с одной стороны, ряд недостатков старых, традиционных подходов к решению проблемы идентификации и локализации буртасов, а с другой, необходимость более внимательного отношения к аргументам, выдвинутым Г. Е. Афанасьевым.

Восточной Европе в период существования Хазарского каганата (VIII–X вв.)», имеет, прежде всего, именно контекстный характер. Здесь поднимается сразу несколько взаимосвязанных и достаточно болезненных для отечественной (особенно для советского периода ее развития) историографии вопросов. К их числу относятся: сам факт существования работорговли в раннем средневековье, историческая оценка этого экономического, культурного и, во многом, цивилизационного явления; место в этом процессе славян и других аборигенов лесостепной и лесной зон Восточной Европы; роль русов в работорговле (что неизбежно влечет за собой решение вопроса об этносоциальной природе русов (росов, руси)); роль хазар и других кочевников в работорговле, развенчание мифа о кочевниках, как основных инициаторах и организаторах работорговли и т. д.

С самого начала хотелось бы подчеркнуть, что работорговлю можно рассматривать только как один из элементов цивилизационного процесса в Восточной Европе в раннем средневековье. Нет сомнений в том, что развитие экономики местных народов и племен, постепенный прогресс их общественного строя, формирование дружинного сословия, выделение ремесел и рост городов сыграли гораздо более существенную роль в образовании восточноевропейской государственности (Русь, Волжская Булгария), ее дальнейшем укреплении и развитии. Тем не менее, работорговля, о чем свидетельствуют источники самого разного происхождения (древнерусские, западноевропейские, арабо-персидские, еврейские, скандинавские), выступает в роли одного из признаков, составляющих, а иногда и катализаторов подобных эволюционных изменений. В этой связи работорговля может быть использована для оценки геополитического положения различных регионов: во-первых, вольно или невольно оказавшихся в ситуации противостояния между Хазарией и Русью и, во-вторых, в контексте международной торговли, вовлекавшей народы Восточной Европы в сферу интересов (прежде всего, интересов потребительского, хищнического, эксплуататорского характера) цивилизованных государств Средней Азии, Закавказья, Ирана, Ближнего Востока, Византии, Магриба и даже Кордовской Испании.

Как представляется, население Северо-Западной Хазарии не принимало участия в работорговле ни в качестве рабов, ни в качестве

активных добытчиков «живого» товара или торговцев. Консервативное племенное устройство, с одной стороны, высокий уровень развития производительной экономики, с другой, особое географическое положение и особая военно-пограничная роль не способствовали распространению здесь подобного вида деятельности.

Соответственно, в главе 6 «Северо-Западная Хазария и Доно-Донецкий торговый путь в середине VIII — середине X вв.» проводится реконструкция той модели торговых отношений, которая представляется наиболее адекватной данным археологических и письменных источников. В этой заключительной главе так или иначе получают отражение все те результаты, которые были получены ранее (этносоциальная и военная структура населения Северо-Западной Хазарии; его место в системе управления Хазарского каганата; геополитическое положение на славяно-хазарском пограничье; комплекс сведений о Донском пути, Самкерце-Таматархе, Саркеле, переволоке; отрицательное решение вопроса о локализации буртасов в ареале СМК; данные о работоторговле, о степени участия и роли в ней варяго-русских дружин и т. д.). Только комплексное представление о Северо-Западной Хазарии, Подонье-Придонецье в VIII–X вв. делает возможным отказ от распространенного в историографии убеждения о вхождении бассейна среднего и верхнего течения Северского Донца в зону восточной торговли, о его якобы промежуточной роли в торговле между «востоком» и славянами Днепровского Левобережья. Это, в свою очередь, определяет непривычный для населения Хазарского каганата (связанного, в целом, с Волго-Каспийским путем и восточной торговлей) характер использования Доно-Донецкого торгового пути, его южную, по всей видимости, византийскую, ориентацию.

Возможности для участия населения Северо-Западной Хазарии во всех обозначенных выше глобальных процессах определялись, прежде всего, его составом, его этнической и социальной структурой. С выяснения этого вопроса и начинается настоящее исследование.

Население Северо-Западной Хазарии: этнические и социальные структуры

§ 1. 1. Протоболгарский компонент в раннесредневековой истории Восточной Европы (дохазарский период)

В специальной исторической и археологической литературе неоднократно поднималась проблема поливариантности погребального обряда носителей салтово-маяцкой археологической культуры VIII–X вв. К настоящему времени общепризнанным является мнение о том, что катакомбные погребения этой культуры принадлежат аланской части населения Подонья и Придонечья, входившего в этот период (в качестве достаточно обособленного региона) в состав Хазарского каганата [Новосельцев 1990, с. 202; Плетнева 1999, с. 207]. Вполне единодушны исследователи и в определении этнической принадлежности могильников с ямными погребениями. Практически всегда их связывают с протоболгарскими (тюрко-угорскими или угро-тюрокскими) племенами, которые, если и не сосуществовали с аланами буквально, в форме хозяйственного симбиоза, то, по крайней мере, были их постоянными и близкими соседями. В то же время уже давно замечено, что ямный погребальный обряд самих протоболгар распадается на целый ряд вариантов, имеющих как элементы сходства, так и достаточно существенные отличия [Аксенов 2004, с. 5–24; Михеев 1985, с. 158–173; Михеев 1990, с. 45–52; Михеев 1994, с. 194–195; Михеев 2004, с. 75–78; Плетнева, Николаенко 1976, с. 279–298; Плетнева 1999, с. 70–72; Флерова 2002, с. 169–188; Швецов 1989, с. 53–55; Швецов 1991, с. 109–123 и т. д.]. Не будет преувеличением сказать, что практически каждый из числа ныне известных науке протоболгарских могильников имеет свои особенные черты погребального обряда. По сути, складывается впечатление, что вариантов протоболгарского погребального обряда почти столько же, сколько и могильников, оставленных протоболгарами. Очевидно, что это явление не случайно, что оно имеет свои причины и указывает на наличие определенных закономерностей в развитии процесса этногенеза протоболгарских племен Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э.

Приступая к анализу ситуации, сложившейся в ходе этногенеза протоболгар, хотелось бы отметить, что их история имеет ряд особенностей, отличающих ее от истории других раннесредневековых этносов Восточной Европы. Это даже не столько история, сколько процесс этнокультурного развития [Генинг 1989, с. 5], происходивший в условиях очень медленного, местами так и не завершившегося разложения родоплеменного строя. Одной из составляющих этого процесса было частое отсутствие политической самостоятельности протоболгарского этноса при эпизодической вовлеченности его представителей в военно-политические акции других государств или кочевых народов. Здесь важным фактором этногенеза становится культурное воздействие различных кочевых и оседлых соседей, происходившее на фоне общей культурной нивелировки, характерной для степных народов Восточной Европы послегуннского периода. Можно говорить о существовании постоянной тенденции к усилению этнической консолидации в протоболгарской племенной среде и созданию в конечном итоге раннесредневековой народности, которая так и не была в целом завершена в силу постоянных военно-политических катаклизмов и внешних влияний [Тортика 1996, с. 37–48].

Как правило, первый, начальный период истории протоболгар связывают с гуннами¹ [Ангелов 1981, с. 3–15; Артамонов 1962, с. 79–80, 98–99; Генинг, Халиков 1964, с. 107–108; Гильфердинг 1868, с. 20; Димитров 1987, с. 30–37]. Он характеризуется кочевым хозяйством и образом жизни, достаточно низким уровнем социально-политического развития, находившемся на стадии родоплеменных отношений, и т. н. «интернациональной», «общекочевой», «евразийской» материальной культурой, без явно выраженных этнических признаков [Артамонов 1962, с. 40–47; Бернштам 1951, с. 141, 199–201; Генинг, Халиков 1964, с. 102–103; Засецкая 1986, с. 79–91; Засецкая 1994; Приходнюк 2001, с. 11–14]. В конце V начале VI вв. болгарские племена начинают выделяться из гуннского объединения и получают

¹ Даже язык болгар имел, по всей видимости, происхождение, связанное с языком (языками) населения гуннского племенного союза [Бенцинг 1986, с. 11–29; Rona-Tas 1991, p. 25; Rona-Tas 1998, p. 67–80; Miller 1999, p. 3–42].

собственное имя¹ [Бернштам 1951, с. 170]. В это время болгарами называют кочевые племена смешанного происхождения [Сектпетери 1989, с. 117], состоящие из тюркского, угорского и иранского (позднесарматского) компонентов [Ефимова, Кондукторова 1994, с. 569–570] (само слово «булгар» в переводе с древнетюркского «bulγa-» обозначает смесь, смешанный²) [Симеонов 1976, с. 5–15; Ромашов 1994, с. 207–208; Тортика 1995, с. 105–106]. Следовательно, нет достаточных оснований для выделения протоболгар из числа других кочевых народов Западной Сибири и Северного Казахстана еще в I тыс. до н. э., как это делал, например, А. Х Халиков [Халиков 1989, с. 55–65]. Вероятно, точкой отсчета их этногенеза и истории можно считать именно сложные этнические процессы смешения и ассимиляции [Засецкая 1977, с. 92–100; Christian 2000, p. 227], вызванные гуннским нашествием конца IV в. [Гадло 1979, с. 11; Thompson 1999, p. 7–11, 18–26] и продолжавшиеся в последующие столетия.

В течение V в. в рамках державы Аттилы (до 454 г.) и господства акациров (до 463 г.) усиливается этническая дифференциация в гуннской среде. После 463 г. господствующее положение в степях Восточной Европы переходит к сарагурам и оногурам, которые представляли собой новую волну азиатских кочевников, но в этническом отношении не отличались существенно от гуннов [Артамонов 1962, с. 78]. В конце V в. н. э. в письменных источниках Восточной Римской

¹ Первые достоверные упоминания о болгарях относятся к 481 г. и связаны с их нападениями на Византию. Более ранние упоминания болгар следует признать анахронистичными [Ромашев 1994, с. 208]. В 487 году по просьбе Византии болгары нападают на готов. В битве при Саве погиб болгарский вождь Бузан. В 488 г. во время переселения готов в Италию болгары выступили против них в союзе с гепидами. В 499 г. болгары вторглись во Фракию. В 514–515 гг. гунно-болгары участвовали в восстании Виталиана и т. д. [Артамонов 1962, с. 80–81].

² А. П. Новосельцев считал, что «этноним «булгары» во второй части, несомненно, отражает их первоначальную связь с уграми, а в первой части, очевидно, восходит к тюркскому «булга» («смешивать»), и тогда все слово означает «смешанные угры», т. е. первоначально болгары представляли собой тюркизированных (когда — неясно) угров и были одним из племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлеченных на запад в период гуннского нашествия» [Новосельцев 1990, с. 72].

империи протоболгары упоминаются уже под собственным именем [Генинг 1989, с. 7]. Их считают одним из гуннских племен и часто этнонимы гунны и болгары являются синонимами¹, а иногда приобретают форму гунноболгары [Агафий 1953, с. 147–148; Артамонов 1962, с. 80; Кулаковский 2004, с. 286; Прокопий из Кесарии 1950, с. 384–388]. Этот факт позволяет говорить о начале второго периода их истории. Но до VII в. процесс этнической консолидации протоболгар, по всей видимости, не шел дальше уровня создания локальных племенных группировок [Гадло 1979, с. 106–107; Димитров 1989, с. 33]. В VI в. они только еще осваивают степные пространства Восточной Европы и постепенно начинают играть все большую роль в жизни Северного Кавказа, Приазовья, Причерноморья и Византии. К этому времени известен ряд названий протоболгарских племен, среди которых выделяются оногуры, утигуры и кутригуры [Артамонов 1962, с. 84–87; Бернштам 1951, с. 170–176; Джафаров 1980, с. 153–162; Димитров 1987, с. 30–37; Новосельцев 1990, с. 73]. Кутригуры занимают степи от Дона и, возможно, до Днестра и постоянно тревожат Византию войнами и набегами [Артамонов 1962, с. 95–96; Christian 2000, p. 279]. Утигуры кочуют восточнее Дона, в Приазовье и Покубанье, они находятся в союзе с императором Юстинианом и по его просьбе часто воюют с кутригурами [Византийские историки 1860, с. 320–321].

Эти войны в конечном итоге ослабили и кутригуров, и утигуров [Артамонов 1962, с. 98] и привели к тому, что с 60-х гг. VI в. кутригуры вступают в союз с аварами [Артамонов 1962, с. 110; Генинг, Халиков 1964, с. 109], теряют самостоятельность и оказываются вовлеченными в военные действия Аварского каганата в Центральной Европе

¹ «Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригурами, другие — утигурами, некоторые — ультизурами, прочие вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или действительно ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае, перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением» [Агафий 1953, с. 147–148].

и на Балканах [Christian 2000, p. 281–282]. Утигуры после 568 г., но не позднее 576 г., подчиняются Западному тюркскому каганату [Гадло 1979, с. 95] и используются его правителями для нападения на Боспор, а также для войн на Кавказе и в Закавказье против Ирана [Димитров 1987, с. 38; Новосельцев 1990, с. 73–74; Ромашев 1994, с. 228–232; Saunders 2001, p. 25].

По всей видимости, более чем полувековое пребывание протоболгар в составе двух раннесредневековых кочевых государств подтолкнуло их вождей к созданию собственного государства и обретению независимости. Как только для этого появились условия, кутригуры начали борьбу за ханский престол в Аварском каганате. В соответствии с данными «Хроники Фредегарта¹», в девятый год правления Дагоберта [Свод древнейших... 1995, с. 364] около 631/2 г. они потерпели поражение, но отложились от авар и обрели свободу [Артамонов 1962, с. 112; Кулаковский 2004, с. 80–81; Сектпетери 1989, с. 118]. В том же году начались междоусобные войны в Западном тюркском каганате [Christian 2000, p. 259–261], которые привели к его распаду и обретению независимости приазовскими утигурами [Артамонов 1962, с. 160; Кулаковский 1899, с. 48–49]. Ситуацией воспользовался вождь гунно-гундулов Кубрат, который сумел объединить разрозненные протоболгарские племена и создать собственную конфедерацию, получившую название Великой Болгарии [Ромашев 1994, с. 232–237; Чичуров 1980, с. 61]. Это была первая попытка создания самостоятельной государственности протоболгарами² [Димитров 1987, с. 101–108]. Этот факт свидетельствует о начале нового периода протоболгарской истории, связанного с усилением этнической

¹ Т. н. «Хроника Фредегарта» — единственное значительное историческое сочинение, созданное в VII в. во Франкском государстве. Автор неизвестен, приписывается некоему архидиакону Фредегарту или Фредегарту схоласту. Предполагается, что хроника составлена около 660 г. человеком романского происхождения, по-видимому, уроженцем Транскоранской Бургундии [Свод древнейших... 1995, с. 364].

² В связи с гиперкритическим отношением к существованию Великой Болгарии Кубрата, проявляющимся в последнее время со стороны некоторых исследователей [Комар 2002, с. 5–6], уместно привести следующее замечание А. П. Новосельцева: «Относительно Великой Булгарии в последнее время возобладала точка зрения, что это область «вторичной колонизации» по аналогии с Великой Грецией, великой

консолидации, появлением этнического самосознания, выделением в составе народа аристократической верхушки, способной создать центральную государственную власть [Гадло 1979, с. 107]. Но, как это характерно для многих подобных кочевых объединений [Вернадский 1997, с. 18; Плетнева 1982, с. 40–41], единство Великой Болгарии сохранялось только благодаря авторитету и инициативе хана, после смерти которого во времена императора Константа II (641–668 гг.) конфедерация распадается [Генинг, Халиков 1964, с. 109–110; Гильфердинг 1868, с. 21; Кеппен 1836, с. 1; Новосельцев 1990, с. 90; Приходнюк 2001, с. 20].

Краткий период существования самостоятельного протоболгарского союза не позволил входящим в него племенам слиться в единую народность и создать общую, отличающуюся от других кочевых и оседлых народов материальную культуру. Материальная культура протоболгар времени Кубрата и последующих пяти десятилетий в целом не выходит за рамки общекочевых стандартов [Амброз 1982, с. 204–222; Амброз 1985, с. 293–303]. Она по-прежнему представлена одиночными захоронениями, разбросанными по югу степной зоны Восточной Европы, с неустойчивым обрядом, кочевническим инвентарем, легким всадническим оружием, украшениями и элементами поясных наборов, иногда захоронением части или целого коня [Артамонов 1962, с. 100–101].

Следующий период истории связан с окончательным разделением первоначального этнического массива протоболгар [Плетнева 1977, с. 285] и обретением каждой из его частей своей исторической судьбы [Генинг 1989, с. 12]. Известно, что на Дунае протоболгары быстро славянизируются, на Волге также подвергаются сильному смешению с местным населением, хотя в гораздо большей степени

Скифией и т. д. Аналогия явно неудачная. Великая Греция (Сицилия и Южная Италия в VII–IV вв. до н. э.) — это области, колонизованные из метрополии, собственно Греции. Более того, очевидно, греческое выражение правильнее перевести не как «Великая», а как «Большая» («мегалэ»), т. е. большая по величине территории. В случае с Великой Булгарией ситуация иная. Булгары, конечно, пришли в этот район, но откуда — мы точно не знаем. Михаил Сириец называет их «прародиной» внутренние области Скифии, к которым западные информаторы могли относить и области Средней Азии и Хорасана» [Новосельцев 1990, с. 90].

сохраняют собственную культуру и язык. Их стремление к обретению собственной государственности проявляется в названиях Болгария или Булгария.

Интересное явление наблюдается на территории Хазарского каганата, где развивается единая для значительной части его населения салтовская культура. Здесь происходит, казалось бы, формирование раннефеодальной народности, но поливариантность погребального обряда протоболгарских могильников опровергает такое предположение. Все это позволяет говорить о сохранении племенных отличий и разнородном этническом составе в протоболгарской среде вплоть до последних лет существования салтовской культуры.

В качестве важного фактора, во многом определившего своеобразие процесса этногенеза протоболгарских племен Восточной Европы, необходимо назвать их кочевой образ жизни¹ [Иордан 1960, с. 72; Прокопий из Кесарии 1950, с. 437–438; Византийские историки 1860, с. 321; Пигулевская 1941, с. 165], и связанную с ним типично кочевническую систему этносоциальной (родоплеменной) организации.

О кочевом образе жизни протоболгарского населения Восточной Европы VI–VIII вв. позволяют судить археологические источники. Это материалы, как правило, одиночных кочевнических погребений, датируемые VI–VII вв. Они разбросаны в степях от Северного Кавказа до Северного Причерноморья [Димитров 1989, с. 33]. По всей видимости, протоболгарами были оставлены такие археологические памятники: могильник у ст. Ново-Лабинской и Пашковский на Кубани, Борисовский могильник у г. Геленджика, возможно Абрау-Дюрсо у Новороссийска [Димитров 1987, с. 91], погребения Рисовое, Богачевка [Айбабин 1990, с. 4–86], Марфовка и у поселка Чикаренко в Крыму [Айбабин 1993, с. 121–134; Айбабин 1993а, с. 206–211], Карасюковка на Нижнем Дону [Безуглов 1985, с. 248–252], Сивашевка в Причерноморье [Орлов 1985, с. 104–105].

¹ Например, Хроника Захария Ритора дает живописный пример описания кочевого образа жизни протоболгар и родственных (или соседних) им народов: «...Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, диршар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыбе, дикими зверми и оружием» [Пигулевская 1941, с. 165].

Только с конца VII — начала VIII вв. вытесненные из степей хазарами протоболгары начинают постепенно переходить к оседлому образу жизни, да и то не везде. Судя по материалам могильников болгарского варианта салтовской культуры VIII–X вв. (на среднем Дону, Северском Донце, Осколе, в Приазовье и степном Днепровском левобережье)¹, протоболгары в большинстве своем сохраняют кочевой или полукочевой образ жизни.

О социальных отношениях и системе социальной организации протоболгарских объединений нет прямых данных. Тем не менее, принятое утверждение о кочевом скотоводческом типе хозяйства и связанном с ним образе жизни протоболгар является общепризнанным [Димитров 1987, с. 49]. Базируется подобное утверждение на знании уровня социального развития авар и тюркютов, в состав каганатов которых входили и протоболгары, на отдельных упоминаниях о кочевой аристократии, вождях и ханах, среди кочевников послегуннского времени [Артамонов 1962, с. 99] и, наконец, на наличии погребальных комплексов соответствующего времени, выделяющихся своим богатством.

Одно из свидетельств об общественном устройстве кочевников гуннского времени находится в Готской истории Приска Панийского [Christian 2000, p. 229–230] и связано с событиями, происходившими около 448 г. «... У этого народа [акациров] было много начальников по коленам и родам; император Феодосии послал им дары для того, чтобы они, по взаимному соглашению, отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей...» [Латышев 1948, с. 252]. Протоболгары вышли из гуннской среды и в указанный период должны были находиться на сходном с ними уровне социального развития [Артамонов 1962, с. 78; Ермолова 1984, с. 229–238].

¹ Например, Покровский, Дроновские [Татаринов, Копыл 1981, с. 300–307], у с. Желтое [Татаринов, Копыл, Шамрай 1986, с. 209–222], Сухая Гомольша [Михеев 1986, с. 158–173], у с. Красная горка [Михеев 1990, с. 45–52], Нетайловский [Крыганов, Чернигова 1993, с. 35–42; Крыганов 1994, с. 35–36], Волоконовский [Плетнева, Николаенко 1976, с. 279–298] и др.

В VI в. н. э. известны случаи отправления гепидами и византийцами послов к «вождям» утигуров и кутригуров. Предводитель кутригуров Сандилх сам сообщает Юстиниану о том, что родственные ему кутригуры управляются другими «вождями»¹. Все это указывает на сильные пережитки родоплеменных отношений, что характерно для большинства кочевых народов. Кочевая аристократия — это по-прежнему родовая и племенная верхушка общества, исполняющая обязанности военных вождей, судей, вершителей внешней политики и т. д. Одновременно уже в VI в. можно говорить о тенденции к выделению наиболее влиятельных представителей этой кочевой знати, которые начинают претендовать на роль верховных вождей или ханов. Они же выполняют функцию верховных военачальников. Это Сандилх — вождь утигуров и Зимарх — предводитель кутригуров. Только их имена упоминаются в письменных источниках и от их имени говорят послы с византийским императором. Эта кочевая верхушка уже избалована роскошью и богатством, ее представители требуют дани и различных благ у оседлых соседей [Прокопий из Кесарии, 1950, с. 438], оставляют богатые захоронения с большим количеством драгоценных изделий и золотых монет (памятники перещепинского круга, хотя и датируются VII — началом VIII в., связаны именно с такой родоплеменной кочевнической верхушкой — ханами и правителями). Конкретизировать эти представления можно на основе упоминаний письменных источников о Гостуне, Органе (возможно, дядя Кубрата [Гадро 1979, с. 109]) и Кубрате, при помощи данных, содержащихся в «именнике» болгарских ханов² [Гадро 1979, с. 113–116;

¹ Менанд Византиец следующим образом изображает поведение Сандилха в переговорах с императором: «...Сандилх, хотя и желал быть в дружеских отношениях с римлянами, однакож так писал к царю: «Было бы неприлично и притом незаконно в конце истребить наших единоплеменников, не только говорящих одним языком с нами, ведущих одинакий образ жизни, носящих одну с нами одежду, но притом и родственников наших, хотя и подвластных другим вождям...» [Византийские истории... 1860, с. 321].

² «Именник болгарских ханов», лапидарный источник конца VIII — начала IX в., дает простое перечисление нескольких болгарских ханов, возводя их династию к Аттиле (Авитоход), его сыну Ирнаху (Ирник) и тюркскому роду Дуло. Этот источник представляет собой династическую легенду, содержащую лишь фрагменты

Гильфердинг 1868, с. 21–23; Кулаковский 2004, с. 289–291; Куник, Розен 1878, с. 118–161], а также благодаря знанию системы социального устройства в первом Болгарском царстве [Димитров 1987, с. 195–205; Йорданов 1997, с. 89–108], Волжской Булгарии [Генинг, Халиков 1964] и в Хазарском каганате [Михеев 1991, с. 43–50].

Видимо у протоболгар в VI–VII вв. имел место родовой принцип наследования власти [Артамонов 1962, с. 99; Федоров-Давыдов 1973, с. 68], когда ханский титул переходил к старшему в роде, не обязательно сыну, а чаще брату или племяннику старого хана¹, как это и произошло в случае с Кубратом. Можно говорить об одном из вариантов хуннуско-тюркото-монгольской системы [Руденко 1962, с. 66–71], в основе которой, вероятно, лежала фратриальная дуализация общества и его военная организация [Таскин 1968, с. 21–44; Гумилев 1959,

позитивной информации. В данном случае важно упоминание наместника Гостуна (возможно это и есть Органа Никифора и Иоанна Никиусского [Чичуров 1980, с. 175]), правившего перед Куртом — Кубратом [Гадло 1979, с. 114], Безмера, возможно, Батбаяна Феофана и Никифора [Куник, Розен 1878, с. 134] и перешедшего через Дунай Испериха — Аспаруха Феофана и Никифора, «сына Худбарда» «Армянской географии»:

«Авитохол жил триста лет. Был он из рода Дуло и принял власть в девятый месяц года змеи.

Ирник жил стопятыдесят лет. Был он из рода Дуло и принял власть в девятый месяц года змеи.

Гостун, его наместник, правил два года. Был он из рода Ерми и принял власть в девятый месяц года свињи.

Курт правил шестьдесят лет. Был он из рода Дуло и принял власть в третий месяц года вола.

Безмер правил три года. Был он из рода Дуло и принял власть в третий месяц года вола.

Держали княжение по ту сторону Дуная эти пять князей пятьсот пятнадцать лет с остриженными головами. И затем перешел на эту сторону Дуная Исперих князь. Так и поныне.

Исперих-князь правил шестьдесят лет и еще один год. Был он из рода Дуло и принял власть в первый месяц года тигра...» [Родник златоструйный 1990, с. 176].

¹На подобный способ передачи власти в кочевых обществах обратил внимание еще П. Голубовский в 1884 г.: «...над коленом не могла властвовать одна семья; княжеское значение передавалось в семье дядей или двоюродных братьев, но вместе с тем никто из чужого рода не мог быть избран в князья... Над каждым известным коленом власть оставалась всегда в одном роде, но переходила к членам разных его семей.

с. 11–25; Гумилев 1961, с. 15–26; Степанов 2005, с. 319–320; Хазанов 1975, с. 127–129; Christian 2000, р. 252–257]. В этом случае выделялись владельческий род или племя, игравшие роль центра или «внутренней», в данном случае «великой» части народа [Йорданов 1997, с. 89–108]. В качестве примера можно назвать владельческий «эль» тюркютов [Бернштам 1946, с. 106–114; Гумилев 1961, с. 22–23; Киселев 1951, с. 500–505; Толстов 1938, с. 72–81], т. н. «тарханов» хазар [Артамонов 1962, с. 189; Новосельцев 1990, с. 119; Golden 2001, р. 41], «золотой» род Чингизидов [Владимирцов 1934, с. 103; Батраков 1947, с. 442; Федоров-Давыдов 1973, с. 52–53] или «белую кость» казахских ханов [Тольбеков 1955, с. 43–59]. С другой, «внешней» [Рашев 1993, с. 250–254] стороны, находился кочевой народ, или «простой народ», «будун» тюркютов, «черные» хазары или в-н-т-ры [булгары] еврейско-хазарской переписки и пр., который состоял из подчиненных кочевых племен, не связанных своим происхождением с легендарным или реальным первопродком данного кочевого объединения. В зависимости от расположения, при построении в войске, и территорий расселения эти племена делились на левое и правое крыло, восточную и западную часть. Внутри этих крупных подразделений обычно практиковалась система деления на десятки, сотни, тысячи и тьмы. Не всегда эти цифры соблюдались буквально и чаще они только условно соответствовали родам, племенам или каким-либо иным родовым единицам [Федоров-Давыдов 1973, с. 49–50].

Определенные представления об особенностях этногенеза протоболгар, речь идет о практически постоянном отсутствии этнического и политического единства в их среде, можно получить также в результате анализа данных об исторической географии протоболгарского населения Восточной Европы в раннем средневековье.

...Князем делался не всегда старший в роде, а власть переходила и к двоюродным племянникам.... Когда умирал князь, то колено, над которым он правил, избирало себе нового по своему желанию из какой угодно семьи этого рода, лишь бы избранный приходился умершему двоюродным братом или двоюродным племянником. Чем больше семей было в данном роде, тем больше было лиц, стоявших к князю в требуемой степени родства, тем многочисленнее были претенденты на власть после его смерти. При таком порядке замещения князей их власть была очень невелика» [Голубовский 1884, с. 213–214].

В качестве точки отсчета для создания такой историко-географической ретроспективы целесообразно выбрать период кратковременной консолидации протоболгарских племен в составе Великой Болгарии Кубрата. Образование этого объединения кочевников явилось своего рода итогом развития этногенетических и социальных процессов, происходивших в Восточной Европе после гуннского нашествия. В это время начинается новый виток этногенеза протоболгар и новый период их истории. С другой стороны, историческая ситуация, сложившаяся к моменту распада Болгарии Кубрата, во многом повлияла на расселение протоболгарских групп после хазарской экспансии [Генинг, Халиков 1964, с. 111] как за пределами Хазарско-го каганата в Дунайской Болгарии и Волжской Булгарии, так и в его составе, на землях Подонья, Придонечья, Приазовья и Покубанья.

Вопрос о границах Великой Болгарии неоднократно поднимался в исторической науке, но до сих пор его нельзя считать решенным окончательно [Приходнюк 2001, с. 19]. В настоящее время можно говорить о существовании, по крайней мере, двух основных точек зрения — это «широкий» и «узкий» варианты локализации объединения.

«Широкий» вариант предложил в конце XIX в. «классик» болгаристики В. Н. Златарский [Златарски 1970, с. 99–100]. По его мнению, Великая Болгария занимала обширные пространства между Волгой и Днепром.

Большинство современных болгарских ученых также придерживаются именно «широкого» варианта локализации. Это, в частности, А. Бурмов [Бурмов 1968, с. 22–45], Д. Ангелов [Ангелов 1981, с. 191–194] и С. Ваклинов [Ваклинов 1977], который считал, что Великая Болгария занимала земли от Кубани до Южного Буга.

Подробнее всех аргументировал эту точку зрения Д. Димитров [Димитров 1987, с. 101–108]. Он полагал, что в территорию объединения Кубрата входило не только Восточное, но и Северное Приазовье, вплоть до нижнего течения Днепра. Причем западную границу исследователь определяет по нижнему течению Днепра и Днепро-вскому лиману [Димитров 1987, с. 107], южную — по нижнему и среднему течению Кубани и предгорьям Кавказа, восточную — по Ергеням и началу Ставропольской возвышенности, северную — по границе

степи и лесостепи к северу — северо-западу от Азовского моря. Владения сына Кубрата, Аспаруха Д. Димитров располагает между Доном и восточными отрогами Ергеней, а Батбая — между Манычем и Кубанью [Димитров 1987, с. 108].

В отечественной исторической науке подобный вариант расположения Великой Болгарии был предложен Ф. Вестбергом [Вестберг 1908, с. 46–49]. По его мнению, она находилась между восточным побережьем Азовского моря и Днепром.

М. И. Артамонов отмечал, что Великая Болгария занимала земли от Кубани до Дона и от Дона до Днепра, охватывая не только приазовских болгар, но и северо-причерноморских кутригур. Он считал, что имеет право на распространение границ Великой Болгарии западнее Дона в Северное Приазовье по той причине, что этот регион был издавна освоен протоболгарскими племенами кутригуров. Кутригуры, под именем орды Котрага, продолжают кочевать там и после распада конфедерации, следовательно, их племенная территория входила в нее и при жизни Кубрата.

По мнению М. И. Артамонова, продление западных границ кочевого союза до Днепра и Северного Причерноморья вполне допустимо благодаря отождествлению р. Куфис Феофана не (или не только) с Кубанью, а также и с Южным Бугом, «впадающим в Черное море близ Мертвых врат (Некропил)». Анализируя данные «Армянской географии», вслед за Й. Марквартом и Ф. Вестбергом [Вестберг 1908, с. 48], М. И. Артамонов считает возможным прочтение названия болгарского племени Дучи-булкар как Кучи или Кочо [Артамонов 1962, с. 166–167]. Последнее название он отождествлял с Днепровским лиманом, в который впадает и Южный Буг. Местоположение орд Батбая и Аспаруха определялось им в Восточном Приазовье, которое рассматривалось в качестве ядра объединения [Артамонов 1962, с. 168].

В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков полагали, что территория Великой Болгарии находилась к северу от Кубани, в Подонье и Северном Приазовье [Генинг, Халиков 1964, с. 110–112]. Гиппейские (Булгарские) горы «Армянской географии» они отождествляли с Донецким кряжем, а Кераунские — с Ергенями. Таким образом, в районе Донецкого кряжа между Доном и Днепром, по мнению этих исследователей, располагались кочевья орды Аспаруха. Батбай занимал земли

в низовьях Дона, а Котраг (кутригуры) кочевал со своей ордой где-то на Северском Донце. На Ергенях же в это время уже находились хазары.

И. А. Баранов предположил существование так называемого «большого кочевого кольца». По его мнению, «... в середине VII в. тюркские роды традиционно кочевали по кольцевому маршруту, который начинался на зимних становищах в Северном Приазовье, шел через Тамань и Илличевский брод Керченского пролива в Крым. После кратковременной весенней перекочевки по степям Крыма кочевники перегоняли свои стада через Перекоп в степи Северной Таврии, откуда вдоль северного побережья Азовского моря они поздней осенью возвращались к зимникам» [Баранов 1990, с. 15]. Эта идея вызывает некоторые возражения. Дело в том, что, как правило, кочевники, за исключением периодов войн и масштабных переселений, осуществляют перекочевки небольшими коллективами типа айлов или кошей. Каждое подразделение двигалось по своему маршруту и осваивало соответствующую размерам стад территорию сезонного пастбища. Одновременное передвижение всего состава конфедерации по одному маршруту представляется невероятным. Кроме того, очень нерационально выглядит ежегодное перемещение на такие громадные расстояния (более 1000 км). В случае существования подобного маршрута кочевники вынуждены были бы преодолевать по несколько раз в год такие сложные водные преграды как Дон, Кубань, Керченский пролив и т. д. Эти переправы должны были осуществляться всем населением с имуществом, маленькими детьми, различными видами скота и его приплодом.

Известно также, что другие кочевники иначе использовали этот регион. Они строили свои маршруты на меньших, разделенных естественными рубежами территориях. Таким образом, более вероятным представляется существование у протоболгар нескольких племенных маршрутов, разбивающих «большое кочевое кольцо» на отдельные участки.

«Узкий» вариант локализации был предложен в 1883 г. К. Паткановым [Патканов 1883, с. 21–32], который располагал Великую Болгарию к северу от Кавказа и Кубани. К. Патканов также попытался отождествить описанные в «Новом списке Армянской географии»

реки, вдоль которых проживало четыре болгарских племени, с реальными реками северо-западного Предкавказья и Приазовья. В частности, его определение Купи-булгар как племени, проживающего у Кубани, не вызывает возражений у современных исследователей. Он также предложил связывать Гипшийские горы с Ергенями, а племя огхондор-булгар с оногурами Аспаруха [Патканов 1883, с. 29].

В советской исторической науке «узкий» вариант локализации обосновал И. С. Чичуров. По его мнению, «...границы болгарского племенного союза (в рамках «Хронографии») позволительно обозначать лишь на основании Экскурса, а Экскурс Феофана (как, впрочем, и Никифора) помещает Великую Болгарию к востоку от Меотиды» [Чичуров 1976, с. 77–80; Чичуров 1980, с. 110–111]. Такая точка зрения нашла поддержку у С. А. Плетневой, которая настаивает на том, что болгары занимали Приазовские степи и Таманский полуостров [Плетнева 1976, с. 21; Степи Евразии... 1981, с. 11].

Особую разновидность «узкого» варианта локализации предложил А. В. Гадло. Он считал, что до смерти Кубрата все подчиненные ему племена обитали восточнее Дона и Азовского моря. Основываясь на сведениях «Армянской географии», исследователь приходит к выводу, что располагавшаяся в Восточном Приазовье Великая Болгария на самом деле находилась не на побережье, а в районе Гипшийских гор, которые отождествляются со Ставропольской возвышенностью [Гадло 1979, с. 110–113].

С обоснованием «узкого» варианта выступила и З. А. Львова, которая располагает Великую Болгарию к востоку от Дона [Львова 1994, с. 262]. По ее мнению, в VII в. существовало сразу два Кубрата, возглавлявших разные группы протоболгар. Один из них был правителем располагавшейся к востоку от Азовского моря Великой Болгарии. Вторым являлся государем гунногундугов и племянником Органы, освободившимся в 630 г. от власти авар. На основании этого, а также материалов перещепинского комплекса [Львова 1993, с. 12] делается вывод о «невозможности отождествления этих государей», а также о том, что «...Поднепровье никогда не было под властью Великой Болгарии» [Львова 1996, с. 22]. В то же время традиционная идентификация Кубрата как государя гунногундугов, племянника

Органы, крещенного в Византии, владельца Великой Болгарии и друга Ираклия¹ была принята рядом исследователей², в числе которых

¹ Идентификация эта основана на сопоставлении данных константинопольского патриарха Никифора (ок. 758–829 гг.) и Иоанна Никиусского. Так, Никифор писал: «В это время Куврат, племянник Органа, государь уногундуrow, восстал против хагана аваров и, подвергнуv оскорблению, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия» [Чичуров 1980, с. 161]. В хронике Иоанна Никиусского сказано: «Кубрат, князь гуннов и племянник Органы, в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце. Он был соединен тесной дружбой с Ираклием, и после его смерти, как осыпанный его милостями, оказывал признательную преданность его детям и супруге Мартине. В силу святого и животворящего крещения, им полученного, он побеждал всех варваров и язычников...» [Артамонов 1962, с. 161]. И. С. Чичуров в комм. 61 к тексту Никифора, подчеркивает, что племянником Органа называет Куврата Иоанн Никиусский. Орган, по его мнению, болгарский хан, вероятно, тождественен Гостуну «Именника» болгарских князей [Чичуров 1980, с. 175].

² Например, Ю. А. Кулаковский, которому принадлежит классическая, ставшая хрестоматийной интерпретация соответствующих источников, связанных с упоминанием личности Кубрата, отмечал: «Вскоре после этой междоусобной войны в Паннонии, и, может быть, не без связи с нею, совершилось освобождение от верховной власти аварского хана всех гуннских племен Черноморского побережья. Во главе мятежного движения стал Кубрат, хан уногундуrow, как называет Никифор его улус. То был человек небезизвестный в столице. По сообщению Иоанна Никиусского, Кубрат прожил годы своего детства при дворе, будучи, вероятно, отдан в заложники, получил христианское воспитание и был лично предан Ираклию и его семье. Около 636 г. он изгнал гарнизоны аваров из пределов своих кочевий, вступил в соглашение с императором, заключил с ним союз и отвоевал свободу своих соплеменников от аваров. Император со своей стороны щедро его одарил и предоставил ему звание патриция. Таково сообщение Никифора. Тот же автор сохранил свидетельство, что уже дядя Кубрата, по имени Органа, являлся в Константинополь ок. 619 г., принял крещение, был удостоен звания патриция и с щедрыми дарами отослан на родину...» [Кулаковский 2004, с. 81]. В то же время, И. С. Чичуров указал на ряд трудностей, возникающих при идентификации Кубрата. С одной стороны, отождествление Курата Никифора и Кувера «Чедес св. Дмитрия Солунского, основанное на близости имен, противоречит хронологии событий (восстание Куврата по Никифору — 635 г.; восстание Кувера — 680–685 гг.). С другой — допустим, что Куврат, племянник Органа, идентичен Куврату Великой Болгарии, мы сталкиваемся с иной трудностью: определением восточной границы аварского каганата [Чичуров 1980, с. 174–175].

можно назвать Ю. А. Кулаковского [Кулаковский 2004, с. 81], М. И. Артамонова [Артамонов 1962, с. 160], В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова [Генинг, Халиков 1964, с. 110–111], А. В. Гадло [Гадло 1979, с. 108–109], А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 90] и Д. Димитрова [Димитров 1987, с. 101–102] и т. д.

Определенный компромисс между двумя вариантами локализации был предложен Н. Я. Мерпертом и А. П. Новосельцевым. Точка зрения Н. Я. Мерперта заключалась в том, что, хотя под контролем протоболгар находились земли вокруг всего Азовского моря, ядром объединения было все же именно восточное Приазовье, территория между Кубанью и Доном [Мерперт 1958, с. 586–615]. А. П. Новосельцев соглашается с тем, что, по данным византийских авторов, Великая Болгария находилась в пределах Западного Предкавказья и Кубани. В то же время, по его мнению, подвластные ей области могли охватывать весь юго-восток Украины, вплоть до Днепра [Новосельцев 1990, с. 89–90].

Итак, сведения о расположении Болгарии Кубрата содержатся, прежде всего, в «Бревиарии» патриарха константинопольского Никифора и «Хронографии» Феофана Исповедника [Никифора Патриарха... 1950, с. 349–387; Чичуров 1976, с. 5–146; Чичуров 1980, с. 60–62]¹. Оба произведения написаны в VIII — начале IX в. на основании какого-то одного общего источника. И Феофан и Никифор в качестве основной территории Великой Болгарии описывают, прежде всего, земли, расположенные между Кубанью и Доном, что соответствует «узкой» локализации границ этого объединения. На первый взгляд, несмотря на известную специалистам путаницу в географии Восточной Европы (кавказские истоки Дона, восприятие Дона как рукава Волги, Кубани — как Южного Буга), кажется, что названные источники не дают достаточных оснований для того, чтобы распространять границы конфедерации западнее Дона. Но, если внимательно изучить описанное авторами расселение «сыновей»

¹ Первые переводы соответствующих отрывков из Феофана и Никифора на русский язык были выполнены И. Штриттером и опубликованы в 1775 г. [Известия византийских историков... 1775, с. 110–111].

Кубрата после его смерти и распада Великой Болгарии¹, окажется, что здесь представлена в основном историческая география прото-болгарских племен, существовавшая еще в VI в. н. э., до их объединения Кубратом.

К событиям, связанным с хазарской экспансией 660-х гг., можно отнести только подчинение хазарам Батбая², который остался на своей территории в Восточном Приазовье и уход на Дунай орды Аспаруха. Расселение двух последних «братьев» никак не связано с распадом Болгарии Кубрата, эти группы протоболгар никогда не входили в это объединение, а были с 560-х гг. подчинены аварскому

¹ Феофан Исповедник знает о расположении Великой Болгарии и последующем расселении входивших в ее состав племен следующее: «...В северных, противоположных частях Эвксинского Понта, у озера, называемого Меотидой, в которое впадает величайшая река, стекающая от океана по земле сарматов и называемая Атель, в которую впадает река, называемая Танаис, сама вытекающая от Иверийских ворот, что в Кавказских горах, и от слияния Танаиса и Ателя выше уже названного Меотидского озера, когда Атель разделяется, течет река, называемая Куфис и впадает в край Понтийского моря поблизости от Некропил у мыса, называемого Баранья морда. А уже от названного озера течет подобное реке море и впадает в море Эвксинского Понта через земли Босфора Киммерийского; в этой реке ловится рыба, называемая мурзули, и ей подобная; в землях, прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев обитает множество народов; от самого же озера и до реки, называемой Куфис, где ловится болгарская рыбка ксисстон, простирается древняя Великая Булгария и живут соплеменные булгарам котраги. Во времена Константина Западного умер властитель упомянутой Булгарии и котрагов Кроват. Он оставил пять сыновей, завещав им ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, так, чтобы они властвовали надо всем и не попадали в рабство к другому народу. Но спустя недолгое время после его смерти разделились пять его сыновей и удалились друг от друга каждый с подвластным ему народом. Первый же сын [Кровата] по имени Батбаян, храня завет отца своего, оставался на земле предков доньяне. А второй его брат, по имени Котраг, перейдя реку Танаис, поселился напротив первого брата. Четвертый же и пятый, переправившись через реку Истр, называемую также Дуна, один — оставался в подчинении, вместе со своим войском, у хагана аваров в Паннонии Аварской, а другой — достигнув Пентаполя, что у Равенны, попал под власть империи христиан. Наконец, третий из них, по имени Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла — реки севернее Дуная, поселился между первыми и последним...» [Чичуров 1980, с. 60-61].

² «...[Этот народ — т. е. хазары — А. Т.] зделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне...» [Чичуров 1980, с. 61].

кагану, что признает большинство историков. Наиболее интересным местом рассказа Феофана и Никифора о разделе территории Великой Болгарии после смерти Кубрата является упоминание о том, что Котраг перешел Танаис и поселился напротив Батбая. Некоторые историки считают, что под ордой Котрага следует понимать племя кутригуров, входивших в конфедерацию наряду с утигурами Батбая, и что вымышленный сын Кубрата Котраг является просто отражением этого этнонима [Артамонов 1962, с. 166–167; Golden 2001, р. 25–27]. Но кутригурам совсем не нужно было переходить Дон и поселяться там, поскольку они еще в VI в. освоили эту территорию [Димитров 1989, с. 33].

Таким образом, расселение протоболгарских племен до образования Великой Болгарии, факт их вхождения в состав Болгарии, и затем сохранение их на тех же землях после распада конфедерации — все это может свидетельствовать о том, что в 630–660 гг. в ее границы входили племенные территории и утигуров, и кутригуров [Артамонов 1962, с. 160; Генинг, Халиков 1964, с. 109; Ромашев 1994, с. 216–218]. Поскольку утигуры во главе с Кубратом были инициаторами объединения¹, то их территория в Восточном Приазовье была описана Феофаном и Никифором, как ядро конфедерации. Учитывая большую вероятность соблюдения протоболгарами тюркского (кочевнического) принципа социальной организации — то есть деления на центр,

¹В истории тюркских (и не тюркских) кочевых народов известно много примеров, когда возникновение нового объединения, орды, союза племен, ханства, базировалось на усилении одного из кочевых родов, превращении его представителей в правящую верхушку, кочевую аристократию. Н. А. Аристов в 1896 г. совершенно верно подметил, что история государств кочевников «...показывает, что возникали они вследствие усиления одного из племен, во главе которого стояли храбрые, умные и счастливые в своих предприятиях родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена. Упрочения своей власти достигали они поставлением во главе родов и племен своих родственников или приверженцев. Падение тюркских государств происходило обыкновенно во время внутренних междоусобий в ханствующем доме, но всегда под преобладающим стремлением родов и племен к самостоятельности, когда их начальники объединили уже свои интересы с интересами родов. За падением господствовавшего племени наступал более или менее продолжительный период обособленности родовых союзов, пока не усиливалось одно из племен и не подчиняло своей власти остальные, основывая новое государство» [Аристов 1896, с. 284].

левое и правое крыло, внутреннюю — главенствующую и внешнюю — подчиненную части, можно предположить, что Феофан и Никифор действительно описали только «внутреннюю» Болгарию, располагавшуюся в Восточном Приазовье [Ваклинов 1977, с. 16]. Таким образом, установив границы племенной территории кутригуров и присоединив ее к землям утигуров (оногуров¹), можно получить представление о реальных границах Болгарии Кубрата.

Расселение и тех, и других в VI в. хорошо известно из «Войн с готами» Прокопия Кесарийского: «... Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так называемого «Меотийского болота» и до реки Танаиса, который впадает в «Болото». Само это «Болото» вливается в Эвксинский Понт. Народы, которые тут живут ... теперь зовутся утигурами» [Прокопий из Кесарии 1950, с. 384]. Далее он же отмечает, рассказывая о специфике расселения кутригуров и утигуров: «... так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону Болота [на запад], то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, так как по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними» [Прокопий из Кесарии 1950, с. 387–388]. «... За Меотийским Болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили

¹ По всей видимости, оногуры-оногундуры являлись частью утигуров [Артамонов 1962, с. 157], усилившейся после окончания утигуро-кутригурских войн и возглавивших протоболгарские племена в районе восточного Приазовья. Именно этим, как представляется, можно объяснить те трудности, с которыми сталкиваются исследователи в поиске мест обитания оногуров в предшествующий период. Например, как отмечает С. А. Ромашев: «Исходя из данных равеннского Анонима, Д. Моравчик четко локализовал оногуров между Доном и Кубанью. Но если они жили восточнее Меотиды в VII в., то их область полностью совпадает с расселением утигуров. Еще Й. Маркварт, учитывая, что с 576 г. последние перестают упоминаться в источниках, заключил, что оногуры заняли их область. Это произошло, по мнению В. Златарского, вследствие ослабления утигуров после подчинения их тюркам в конце VI в. Где конкретно находились оногуры ранее конца VI в., остается только гадать из-за скудости сообщений о них в византийских источниках. Й. Маркварт полагал, что оногуры жили где-то к северу от утигуров, Моравчик же — к югу. Продвинувшиеся к Азовскому морю оногуры либо жили с утигурами вперемешку, либо ассимилировали их, что при близком этническом родстве обоих племен было нетрудно» [Ромашев 1994, с. 223].

кутригуры-гунны» [Прокопий из Кесарии 1950, с. 523]. «... Если идти из города Боспора в город Херсон..., то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов...» [Прокопий из Кесарии 1950, с. 526]. Последняя цитата позволяет говорить о том, что и степи Крымского полуострова входят во времена Прокопия в зону кочевий кутригуров, ибо других «гуннов» в это время здесь уже не было. Гепиды в середине VI в. в поисках союзников для войны с лангобардами и римлянами «... послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского болота...». В ответ на это Юстиниан отправил послов «... к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону Меотийского болота...» [Прокопий из Кесарии, 1950, с. 434]. Причем тогда же для войны с кутригурами утигуры «всем народом перешли реку Танаис» [Прокопий из Кесарии 1950, с. 435].

Таким образом, кочевья кутригуров, до вступления их в союз с аварами в 60-е гг. VI в., располагались в степях Приазовья и Причерноморья между Доном и границами Византии [Димитров 1989, с. 33; Ромашов 1994, с. 217], поскольку источники, рассказывающие об их нападениях на земли империи, не упоминают никаких промежуточных народов и позволяют говорить о непосредственном соседстве. После освобождения от власти авар в 630 г. [Кулаковский 1915, с. 90], по крайней мере, часть кутригуров вернулась на свои исконные земли и вошла в состав Великой Болгарии. Можно предположить, что степи между Доном и Днепром никогда не пустовали, и какая-то часть кутригуров всегда кочевала здесь, просто между 560 и 630 гг. этот участок степи был пограничным между двумя непримиримыми врагами, — тюркютами и аварами, что не могло не осложнять жизни местного населения и не способствовало увеличению его численности. Возможно также, что в какие-то периоды тюрки могли претендовать на степное Днепро-Донское междуречье, и граница между каганатами проходила по Днепру. После падения Тюркского каганата и войны с аварами в 630 г. протоболгарские племена, вошедшие в Великую Болгарию, унаследовали восточную границу, по-прежнему проходившую по Днепру.

Традиции освоения степных просторов Восточной Европы, появившиеся у протоболгар еще в VI в., нужды кочевого хозяйства, ландшафт и климат занимаемой территории, наряду с влиянием

сложившейся в 630 г. геополитической ситуации, окончательно определили границы Великой Болгарии. По всей видимости, в состав объединения входили Таманский полуостров и Правобережье Кубани, примерно до среднего её течения. Здесь, на юге и юго-востоке, протоболгары соседствовали с готами-тетракситами, адыгами и аланами. В состав конфедерации входили и земли от восточного побережья Азовского моря, между устьями Кубани и Дона до восточных склонов Ергеней и Сарпинских озер. Это было ядро объединения, где-то здесь находилась ставка Кубрата, здесь же после его смерти располагалась орда Батбая и, возможно, Аспаруха, до нападения хазар и ухода последнего на Дунай. Сарпинские озера и просторы Ставропольской возвышенности на тот период можно рассматривать как естественную границу между усиливающимися воинственными хазарами и болгарами Кубрата, которые были «...более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря» [Жоковцов 1932, с. 92].

Кутригуры или котраги занимали степи между Доном и Днепром, в основном Северное Приазовье и степную часть Крымского полуострова. Отсутствие упоминаний письменных источников о кочевниках в Крыму в VII в. в дохазарское время можно объяснить двумя причинами. Во-первых, известной малочисленностью византийских исторических сочинений периода иконоборчества. Во-вторых, известно, что по договору с Ираклием у Болгарии Кубрата и Византийской империи вплоть до смерти обоих правителей и распада кочевой конфедерации сохранялись мирные отношения, соответственно, у авторов исторических сочинений не было повода для специального разговора о привычных кочевьях протоболгар, располагавшихся в степной части полуострова. В то же время археологические материалы подтверждают, что Крымские степи были заселены кочевниками как в период существования Болгарии Кубрата, так и после ее распада [Айбабин 1990, с. 72; Айбабин, Герцен, Храпунов 1993, с. 215].

Северная граница владений кутригуров между Днепром и Доном могла проходить по югу лесостепной зоны, где в то время еще встречаются памятники пеньковской культуры и замечены элементы взаимодействия кочевой болгарской и оседлой антской культур [Приходнюк 1996, с. 114–125, Флеров 1996, с. 33–36]. Косвенно о северных

и северо-западных границах Великой Болгарии позволяют судить данные о расселении протоболгарских племен после хазарской агрессии и потери ими самостоятельности. Помимо уже отмеченных сведений письменных источников, для этого могут быть использованы археологические материалы. Прежде всего, часть памятников перещепинского круга, датируемых обычно концом VII — началом VIII вв., и могильники болгарского варианта салтовской культуры конца VIII — начала X вв.

Ландшафтные, климатические, гидрографические и пастбищные характеристики¹ Днепро-Донецкой лесостепи [Бучинский 1960, с. 93–94; Демченко 1965, с. 48–57] благоприятны для ведения кочевого скотоводческого хозяйства и также могут свидетельствовать в пользу освоения этой территории населением Болгарии Кубрата.

После определения общих границ Великой Болгарии появляется возможность несколько уточнить и ее внутреннее устройство. Это позволяет сделать знание уже упомянутой социально-политической организации объединения; имеющиеся представления о хозяйственном цикле кочевых народов²; упоминания письменных источников о племенном делении протоболгарских племен до, во время и после существования Болгарии Кубрата; и, наконец, сведения об использовании этой территории кочевыми народами, заселявшими степи Предкавказья, Покубанья, Приазовья, Подонья, Калмыкии и Крыма в другие исторические эпохи.

Как уже отмечалось выше, социально-политическое устройство Болгарии Кубрата было аналогично устройству державы тюрков, впрочем, подобное устройство присуще многим тюрко-монгольским

¹ Здесь характерно чередование лесных и степных участков; при этом леса занимают более изрезанные балками участки водоразделов, а степи, наоборот, более ровные. Леса располагаются на серых оподзоленных почвах и деградированных черноземах, а степи на выщелоченных и мощных черноземах. Для Лесостепи характерны луговые степи, представляющие переход от степи к лугу. Зона Лесостепи простирается через всю Украину с запада на восток и поэтому имеет разные климатические условия. Климат западных областей Лесостепи имеет много общего с Полесьем, восточных — со степью. Климат Лесостепи умереннотеплый, с достаточным увлажнением на западе и неустойчивым на востоке [Бучинский 1960, с. 93–94].

² См., например, С. И. Руденко [Руденко 1955, с. 41, 65].

кочевым народам от гуннов до монгол Чингиз-хана и далее вплоть до казахских орд XVIII–XIX вв. Болгары Приазовья ничем не отличались от других кочевых народов своего времени, более полувека они находились под управлением удельных тюркских ханов и входили в военно-административную систему Тюркского каганата. Это дает возможность предполагать деление кочевого протоболгарского народа на ряд административных единиц, роль которых в то время могли играть как отдельные племена, так и конфедерации племен. Учитывая сложный этнический состав протоболгарского объединения, что подчеркивается многими авторами [Ангелов 1986, с. 29–38; Ращев 1993, с. 250–254; Димитров 1987, с. 48–49], в качестве двух основных единиц данной кочевой общности можно рассматривать кутригуров и утигуров, игравших роль правых и левых, западных и восточных. В то же время роль центра должна была играть владельческая орда (племя) оногуров (оно — или гунно-гундуоров). Как известно и утигуры, и кутригуры были родственными «говорящими на одном языке и ведущими одинаковый образ жизни, но управляемыми разными вождями» союзами племен и сами могли состоять из нескольких более мелких групп кочевого населения. Уже, исходя хотя бы из этого, трудно предполагать кочевание всего населения Великой Болгарии по одному маршруту — «большому кочевому кольцу» [Баранов 1990, с. 15]. Скорее, можно говорить о наличии нескольких племенных территорий, входивших в пределы границ Великой Болгарии, на которых и осуществлялось кочевание отдельных групп протоболгарского населения.

Этот же тезис подтверждает изучение закономерностей кочевого хозяйства. Известно, что кочевники, несмотря на отсутствие четко определенной частной собственности на землю, обычно осуществляют движение по степи небольшими подразделениями типа айлов, входящими в тот или иной род или племя. Они знают маршруты своих перекочевков, территории летних, зимних и др. пастбищ и воспроизводят их из года в год. Поскольку протоболгарские племена еще, по крайней мере, в VI в. н. э. освоили степи Восточного и Северного Приазовья, Подонья, Покубанья и Крыма, они не могли не выработать для себя подобных маршрутов. Соответственно, стремясь наиболее рационально использовать пастбищные ресурсы и климатические

условия, они были вынуждены разделить все известные им степи между племенами, родами и даже аилами.

На существование нескольких протоболгарских племен и особых племенных территорий также указывают и письменные источники. В «Новом списке Армянской географии» отмечено, что «В Сарматии лежат горы Кераунские и Иппийские, которые выпускают из себя пять рек, впадающих в Меотийское море. Из Кавказа текут две реки: Валданис, текущая до горы Кракс, которая начинается у Кавказа и тянется на северо-запад между Меотисом и Понтом. Другая река Псевхрос отделяет Босфор от тех мест, где находится городок Никопс.

К северу от них живут народы Турков и Болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Блкар пришельцы, Чдар-Болкар. Эти названия чужды Птолемию. Из Гиппийских гор бежал сын Худбарда. Между болгарами и Понтийским морем живут народы: Гаши, Куты и Сваны до города Питикунта на морском берегу страны Авзов...» [Патканов 1883, с. 29]. Таким образом, здесь говорится не только о наличии в Покубанье и Приазовье в конце VI начале VII вв., по крайней мере, четырех болгарских племен, но и о том, что их земли привязаны к бассейнам рек, что также очень характерно для многих кочевых народов древности и средневековья. Именно реки являлись естественными рубежами, делившими их племенные территории и определявшими направление маршрутов перекочевков.

О наличии издавна закрепленных племенных кочевий свидетельствует и факт быстрого распада Болгарии Кубрата на ряд орд, управляемых его сыновьями, о чем пишут Феофан и Никифор [Чичуров 1980, с. 61]. Очевидно, что это разделение только узаконило обычное состояние дел, и отсутствие центральной политической власти не повлияло на расположение составных частей объединения, продолжающих сохранять территориальную привязанность к азовскому побережью, Кубани, Дону и, возможно, Днепру [Артамонов 1962, с. 168; Christian 2000, p. 284–285].

Наконец, известно, что описанную территорию занимали в свое время и другие кочевые народы. Можно предположить, что протоболгары эксплуатировали эти земли примерно также, как и их предшествующие или последующие владельцы.

Так, например, в скифо-сарматское время степи Приазовья, Причерноморья и Крыма¹ использовались как зимние пастбища² [Страбон 1964; Гаврилюк 1995, с. 36–37; Гаврилюк 2001, с. 192; Хаза-нов 1975, с. 13; Яценко 1994, с. 69–72], таким же был режим их эксплуатации во времена акациров и прочих «гуннов» в V в. н. э.³ [Проконий из Кесарии 1950, с. 436–438; Иордан 1960, с. 72].

После распада Болгарии Кубрата, по данным археологии, зимние кочевья протоболгар конца VII — начала VIII вв. находились в Нижнем Подонье и по берегам Азовского моря [Димитров 1987, с. 118–121; Плетнева 1967, с. 14–15; Флеров 1996, с. 4].

¹ Геродот одним из первых описывает расселение кочевых народов в степях Восточной Европы, в Причерноморье, Приазовье и Таврике: «...на другой стороне реки Пантикапа обитают скифы-кочевники... Кочевники же эти занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра. За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. ... Их область к югу простирается до Таврики, а на восток — до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом» [Геродот 2001, с. 241–242].

² Н. А. Гаврилюк отмечает, что «...наиболее вероятным местом зимовок кочевых скифов было Присивашье, где снежный покров не превышает 10 см.... Но самыми удобными для зимовок местами являются Днепровская пойма, поймы других рек Поднепровья, степные поды и блюдца...» [Гаврилюк 1995, с. 36–37]. В позднесарматский период (I — III вв. н. э.), по данным С. А. Яценко, устье Дона было местом зимних стоянок кочевников. В 1978–1980 гг. им была выявлена цепь из шести стоянок I–IV вв. на участке придельтового Левобережья между городами Батайски и Азов, расположенных через 3–5 км., а также отдельные стоянки в дельте и донской заливаемой пойме. На лето айлы откочевывали вглубь степи, или вверх по Дону, где стоянки располагались в глубине балок, на небольших водорозделах или на мысах у степных озер [Яценко 1994, с. 71–72].

³ «...К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров, не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.

Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, [совершившиеся] по грехам нашим.

А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закипели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альцигирами, другие савирами, но места их поселений разделены: альцигиры — около Херсона, ...; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю...» [Иордан 1960, с. 72].

В IX в. печенеги, по крайней мере, какая-то их часть, использовали степи Северо-Западного Приазовья¹ и, возможно, Крыма как зимние пастбища [Константин Багрянородный 1991, с. 45].

В XI–XII вв. у половцев наблюдается концентрация зимних угодий на северном берегу Азовского моря в районе Молочной и Миуса², в Нижнем Поднепровье, отдельная половецкая орда занимает восточное побережье Азовского моря и Покубанье [Кудряшев 1948, с. 123–134; Плетнева 1990, с. 95–110; Федоров-Давыдов 1966, с. 147–150].

Позднее, в Золотой Орде, с XIII — по начала XV вв. естественными границами кочевий ханских темников являются крупнейшие реки Восточной Европы — Волга, Дон, Днепр, вдоль течения которых и располагались сезонные пастбища: на юге, в районе устья этих рек у Каспийского, Азовского и Черного морей — зимние, на севере в лесостепи — летние³ [Гильом де Рубрук 1997, с. 86–187; Егоров 1985, с. 38, 49, 53].

¹ «[Знай], что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето» [Константин Багрянородный 1991, с. 45].

² «Крупный половецкий центр находился в бассейне реки Молочной, входя, очевидно, в состав половцев Приморских, кочевавших от Днепра до нижнего Дона по берегам Азовского моря» [Кудряшев 1948, с. 134].

³ Рубрук пишет об ордынских татарах середины XIII в.: «Они не имеют нигде постоянного местожительства и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собой Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных вод, они пасут стада зимою...» [Гильом де Рубрук 1997, с. 91]. Интересно описание сухопутного маршрута, через степи, из Крыма на нижнюю Волгу: «...И все время, как мы оставили упомянутую выше область Газарию (Крым — А. Т.), мы ехали на восток, имея с юга море, а к северу большую степь, которая в некоторых местах продолжается на 30 дневных переходов и в которой нет никакого леса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная... Она вся заселена была команам капчат, равно как и дальше от Танаида до Этилии...» [Гильом де Рубрук 1997, с. 96]. И далее: «...Упомянутая река (Дон — А. Т.) имеет также на западном берегу большой лес. Выше этого места татары не поднимаются в северном направлении, так как в то время, около начала августа, они начинают возвращаться к югу...» [Гильом де Рубрук 1997, с. 108].

Потомки половцев и монголо-татар — кубанские ногайцы¹ — еще в XVIII в. зимовали в низовьях Кубани и на восточном берегу Азовского моря, а лето проводили в среднем течении Кубани, в предгорьях Кавказа и на западе Ставропольской возвышенности [Георги 1799, с. 30–43]. Крымские татары и ногайцы проводили зиму в степях Крыма, Пришивашье, Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье, причем восточной границей их кочевий были или Миус, или Молочная² [Сергеев 1912, с. 1–144; Сыроечковский 1940, с. 3–71].

Наконец, калмыки в XVIII–XIX вв. летом кочевали в Высокой Степи между Доном и Волгой и Ергенях, а зиму проводили в низовьях Маньча, у берега Азовского моря, на Сарпинских озерах³ и в так называемых Мочагах⁴ или черных землях в Северном⁵ и Северо-Западном Прикаспии [Георги 1799, с. 3–14; Костенков 1868, с. 6–49; Паллас 1773, с. 481].

Исходя из рассмотренных данных, а также эколого-хозяйственных возможностей изучаемого региона можно предположить существование, по крайней мере, четырех (а возможно и более) племенных территорий в составе Великой Болгарии [Тортика 1997, с. 66–67].

¹ «Восточныя Ногайския орды, которыя называются вообще Кубанскими, также черными или малыми Ногайцами, состоят из многих неравночисленных орд и кочуют к северной части Кубани, по сей реке до самых ея устьев. Знаменитейшия Восточныя или Кубанския орды составляют Касай Аул и Насыев улус; ...Они суть самые так называемые Кубанцы. Прежде сего кочевали между устьями Кубани до вершины Маньча.... Ныне же Касай Аул кочует в низких местах, по левую сторону Кубани...» [Георги 1799., Ч. 2. — с. 39].

² «...ино поворотить от Конских вод на Молочные воды, где кочуют ногаи...» [КБЧ 1950, с. 65].

³ «...Низменные, илистые берега (Сарпинских — А. Т.) озер густо зарастают камышем и служат только в зимнее время убежищем для калмыков..., удаляющихся отсюда на лето к северу...» [Костенков 1868, с. 30-31].

⁴ «На зимнее время калмыки укрываются в займища и острова, покрытые лесом и кустарниками, или остаются в степи близ озер, изобилующих камышами. Многие из них переходят на зиму к западному берегу Каспийского моря, укрываясь от зимних непогод в так называемых Мочагах» [Костенков 1868, с. 98].

⁵ «Калмыки со стадами своими зимою кочуют в полуденной стороне Волжской степи и вдоль берега Каспийского моря.... При Каспийском море имеют они довольно камышу для употребления вместо дров, и снегу там выпадает столь мало, что скотина сама находит себе корм на полях. По наступлении весны подаются они помалу к северу...» [Паллас 1773, с. 481].

Это: 1) Ядро объединения, которое можно локализовать в низовьях Кубани, включая Таманский полуостров с Фанагорией, и на восточном побережье Азовского моря примерно до Маньча — это зимник, часть Ставропольской возвышенности до верховий Егорлыка — летник. От Кубани до Маньча и Дона побережье Азовского моря разрезано на примерно равные участки такими реками как Бейсуг и Ея, вдоль которых могли кочевать крупные родовые подразделения или даже подплемена протоболгар.

2) Вдоль Маньча, между Маньчем и Доном, в основном в низовьях этих рек, предположительно располагался — зимник, в Ергенях и т. н. Высокой степи — летник. Эти протоболгары еще до распада Западного тюркютского каганата и, соответственно, до образования Великой Болгарии могли использовать пастбищные угодья вплоть до низовий Волги и конкурировать с хазарами и барсилами из-за Мочаг.

3) Западнее Дона в его низовьях, по северному берегу Таганрогского залива и Азовского моря до реки Молочной мог располагаться зимник еще одного племенного союза; на севере, возможно вплоть до нижнего и среднего течения Северского Донца, в соответствии с логикой ведения кочевого хозяйства и географией региона, локализуется летник. Между Доном и Молочной в Азовское море впадают такие реки как Миус, Грузкой Еланчик, Кальмиус, Берда, низовья которых могли служить хорошими зимними пастбищами для отдельных протоболгарских родов.

4) Степной Крым и Северо-Западное Приазовье можно рассматривать как удобный зимник четвертой группы (союза племен) кочевых протоболгар, тогда как степи левобережного Поднепровья¹ и Донецкого края логично рассматривать в качестве летника. Возможно, что, вследствие засушливого климата, а также пограничного

¹ С. А. Ромашев уверен в том, что «...западная граница Великой Болгарии проходила от Днепровско-Бугского лимана по Днепру на север» [Ромашев 1994, с. 244]. В то же время детальная локализация северной границы этого кочевого объединения — «от Ворсклы до Калитвы и Дона» [Ромашев 1994, с. 252] никак не подтверждается источниками. Ссылка на Прещенинское погребение в данном случае не может приниматься во внимание в связи с его поздней датировкой (конец VII — начало VIII вв.), к этому времени Великая Болгария уже давно прекратила свое существование.

с Аварским каганатом положения, эта территория была наименее населенной и поэтому она прямо не упоминается авторами письменных источников в составе Великой Болгарии, но она не могла не входить в сферу ее влияния, что было показано выше [Тортика 1999, с. 10–11].

Первые две племенные территории, исходя из предыдущей истории протоболгарских племен в Восточной Европе и логики событий болгаро-хазарской войны 60-х–70-х гг. VII в., можно связать с утигурским (включая оногуров) племенным массивом в целом. Первую из названных в списке территорий, с утигурами Батбая или Купи (Кубань) — Болгар «Армянской географии». Эта группа протоболгар (союз племен) без сопротивления подчинилась хазарам и, вероятно, стала основой для формирования упомянутой Константином Багрянородным Черной Болгарии X в. Вторая кочевая территория идентифицируется с оногурами (владельческим родом) Аспаруха, возможно Огхондор-Блкар «Армянской географии», вступившими в военный конфликт с хазарами и успевшими покинуть свои кочевья, а также сохранить самостоятельность, поскольку вероятно именно с Ергеней (г. н. Гипсийский гор той же «Армянской географии») «сын Хубраата» отправился на Дунай [Патканов 1883, с. 29].

Третью и четвертую территории можно связать с кутригурами или котрагами, традиционно занимавшими степи между Доном и Днепром¹. Возможно, наиболее западная их часть и носила имя Дучи-Булкар «Армянской географии», от Дучи — Кучи — Днепра [Артамонов 1962, с. 168; Димитров 1987, с. 34–35]. Оставшиеся Чдар-Блкар «Армянской географии» могут быть локализованы на правом берегу Дона.

Известно, что после смерти Кубрата и распада Великой Болгарии образовавшиеся в результате этого племенные союзы недолго

¹ Андраш Рона-Таш считает единственно возможной именно приднепровскую локализацию Великой Болгарии: «Идентификация могилы Куврата Вернером и его кольца печати Зайбтом, новая интерпретация некоторых отрывков из «Армянской географии»..., пересмотр сочинений Феофана и Никифора..., а также путевых заметок Константина Багрянородного демонстрируют, что Болгария Куврата находилась в районе Днепра, а не в районе Кубани» [Рона-Таш 2005, с. 117]. Впрочем, такое решение проблемы представляет собой очередную крайность, не соответствующую ни комплексу данных источников, ни мнению большинства специалистов.

сохраняют независимость. С 70-х годов VII в. болгар подчиняют хазары, которые распространяют свою власть на степи Азово-Каспийского междуморья, низовья Дона, Крым и Днепро-Донское междуречье. На вторую половину VIII–IX вв. приходится пик могущества Каганата (именно тогда в его границах оказывается самое большое количество территорий). В его состав входят: Степной Крым и восточная часть Южного берега от Керчи до Судака; степи между Днепром и Доном, населенные протоболгарами; лесостепное Подонье и Придонецье (его оседлую часть составляют аланы, а кочевую — болгары и различные тюркские или тюрко-угорские роды); Восточное Приазовье и Покубанье (жителями которых в то время были болгары, аланы и адыги); пространство между Азовским и Каспийским морями, а также степи волгодонского междуречья.

Именно сложный состав основных союзов племен и населения Великой Болгарии, регистрируемый благодаря данным Анании Ширакаци и патронимической легенде о сыновьях Кубрата, и обуславливает в дальнейшем поливариантность протоболгарской этноплеменной массы в составе Хазарского каганата. В последующее время эта полиэтничность усиливается в результате хазарской экспансии и четко фиксируется по материалам ямных могильников Подонья-Придонецья VIII–X вв.

§ 1.2. Ранние хазары в Днепро-Донском междуречье

Факт присутствия хазар в Днепро-Донском междуречье в конце VII — начале VIII вв. не вызывает сомнений и подтверждается целым рядом данных источников, как письменных так и археологических. Хазарский царь Иосиф в середине X в. писал своему корреспонденту Хасдаи «...В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними. В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они оставили свою страну и бежали, а те преследовали их, пока не настигли их, до реки по имени «Дуна». До настоящего дня они расположены на реке «Дуна» и поблизости от Кустандины, а хазары заняли их страну до настоящего дня» [Коковцов 1932, с. 92].

Анания Ширакаци (VII в.), автор «Армянской географии», уточняет, откуда именно были изгнаны болгары хазарами: «...Из Гиппийских гор бежал сын Худбадра» [Патканов 1883, с. 29].

Эти сведения подтверждают и данные византийских хроник начала IX в., а именно «Хронографии» Феофана исповедника и «Бревиария» патриарха Никифора. Феофан знал о том, что «Аспарух, переправившись через Днепр и Днестр и дойдя до Огла — реки севернее Дуная, поселился между первым и последним, рассудив, что место это отовсюду укрепленное и неприступное...» — и далее — «...из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону, вплоть до Понтийского моря. [Этот народ], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» [Чичуров 1980, с. 61].

Никифор вторит ему: «...третий их брат, по имени Аспарух, переправившись через реки Днепр и Днестр, поселился у Истра, достигнув места, удобного для поселения, сурового и неприступного для противника, называемого на их языке Оглом» — а также, — «племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия, стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвксинским и достигли моря. Затем, подчинив Баяна, они заставили его платить дань» [Чичуров 1980, с. 162].

Уход Аспаруха, сына Кубрата (Худбарда), на Дунай и начало хазарской экспансии обычно увязывают хронологически и датируют 678/9 г. Именно в это время хазарские отряды преследуют болгар Аспаруха до Дуная [Christian 2000, p. 285–286], как пишет о том Иосиф. Вслед за этим непокорным болгарским ханом они пересекают Дон, Днепр, Днестр, выходят к северо-восточному и северному побережью Черного моря, подчиняют орду брата Аспаруха — Батбая, кочевавшую в Восточном Приазовье¹. Таким образом, хазары появляются в Приазовье, Причерноморье, Крыму и Днепро-Донском междуречье и надолго утверждают здесь свое военно-политическое присутствие [Артамонов 1962, с. 174].

¹ Ю. А. Кулаковский считал, что Батбай (Батбайан) правил оногурами [Кулаковский 1906, с. 63]. В то же время проведенная выше реконструкция племенного состава и расселения протоболгар периода существования т. н. Великой Болгарии позволяет предположить, что оногурами (оногундурами) правил Аспарух, а в подчинении у Батбая были утигуры.

Данные археологии, связанные с указанной проблемой, также неоднократно обсуждались в научной литературе. С «позднеболгарским» или началом «раннехазарского» периода в истории Днепро-Донского междуречья обычно связывают памятники типа Сивашовки и памятники Перещепинского круга [Артамонов 1962, с. 175], перечень которых хорошо известен специалистам [Зарецкий 1912; Сміленко 1975; Этнокультурная карта... 1985]. Классическими в плане интерпретации этих комплексов считаются работы А. К. Амброза [Амброз 1982, с. 204–222]. К историческому осмыслению этого явления обращался М. И. Артамонов, Д. Димитров [Артамонов 1962, с. 175; Димитров 1987, с. 94–100] и многие другие авторы. В последнее время появился ряд исследований, в которых уточняется хронология этих памятников, предлагаются особые гипотезы, объясняющие их этнокультурную принадлежность [Айбабин 1991, с. 28–35; Айбабин 1999, с. 178–185; Гавритухин, Обломский 1996; Комар 2000, с. 130–142; Комар 2001; Круглов 2002, с. 79–93; Приходнюк 2001, с. 25–40 и т. д.].

Меньше всего противоречий среди исследователей вызывает интерпретация Вознесенского комплекса. Очевидно, что его датировка — первая четверть VIII в., военно-дружинный характер и расположение на левом берегу Днепра позволяют с достаточной уверенностью относить его к археологическим памятникам, отражающим культуру раннего хазарского объединения и связывать с какой-то тюркской дружиной, входившей в состав хазарской армии.

Остальные памятники по-прежнему трактуются неоднозначно как в плане хронологии, так и в плане определения этнической принадлежности оставившего их населения. В частности, О. М. Приходнюк относил их (Перещепино, Келегеи, Новые Санжары, Макуховку и др.) к протоболгарскому этапу развития кочевой культуры [Приходнюк 2001, с. 41].

А. И. Айбабин, анализирувавший тот же археологический материал, считает, что рассмотренные им «труположения и кремации с конями, поминальные комплексы, стойбища являются компонентами одной археологической культуры», которая, «несомненно», принадлежала хазарам [Айбабин 1999, с. 183, 185]. По его мнению, в это время хазары занимают все Днепро-Донское междуречье и Крым, и

даже ставка кагана в конце VII — первые десятилетия VIII в. могла располагаться в степях Поднепровья. Присутствие хазар, как считает А. И. Айбабин, было здесь настолько постоянным и устойчивым, что «там создали погребально-культовые комплексы кремнированных правителей каганата». В то же время к 722–737 гг. во время очередной арабо-хазарской войны ставка кагана уже находится в районе Прикаспийского Дагестана, в Баланджаре или Семендере. Причины столь радикального перемещения находившегося в достаточно благополучных и мирных условиях кочевого объединения не ясны.

Интересную гипотезу, позволяющую разобраться в логике описываемых событий и понять причины появления памятников Перещепинского круга именно как объектов раннехазарской культуры (в рамках протоболгарской гипотезы такие объяснения высказывались неоднократно (см., например, [Димитров 1987, с. 108–121]), предложил А. В. Комар [Комар 2001]. Последний считает, что хазары начали свою историю с переселения в Северное Причерноморье и находились здесь вплоть до первой четверти VIII в. Активизация арабов в районе Дербента вынудила хазарское правительство привлечь все возможные силы для борьбы с ними, в результате чего находившееся в районе Днепро-Донской степи и лесостепи население перекочевало в Прикаспийские степи и приняло участие в арабо-хазарских войнах [Комар 2001, с. 34–35]. Вероятно, назад, в Днепро-Донское междуречье, это население уже не возвращается. Таким образом, следующий этап истории региона в хазарское время связан уже с переселением сюда северокавказских алан (Верхний Салтов и т. д.) и существованием смешанных военизированных тюркских групп (Нетайловка, добавим в этот список и Красную Горку, Сухую Гомольшу и т. д.).

Большую стройность и доказательность концепции раннехазарской истории в Днепро-Донском междуречье, сформулированной А. И. Айбабиным и дополненной А. В. Комаром, придают выводы французского исследователя К. Цукермана, основанные на анализе сообщений раннесредневекового армянского географа Анании Ширакаци. Он считает, что первоначальным местом расселения хазар (до начала их экспансии в Восточной Европе) были территории вдоль средней Волги, где, по его мнению, и локализуется страна Барсилия и «остров» Башилов, расположенный у «семидесятирукавного»

Атиля. Разделение Волги на рукава К. Цукерман связывает не с протоками дельты, а с притоками верховий этой реки [Цукерман 2001, с. 326–329]. Это и является основным аргументом для расположения барсилов и, соответственно, соседних с ними хазар, столь далеко на север от привычной для большинства исследователей их локализации в Северо-Западном Прикаспии. Экспансия хазар началась с изгнания болгар Аспаруха, которые, как сообщает «Армянская география», находились в Гиппейских горах. Если располагать этот фантом античной и раннесредневековой географии не в Ергенях, как М. И. Артамонов, а ориентироваться вслед за В. Ф. Генингом на более северные территории [Генинг, Халиков 1964, с. 111–112], то, как считает К. Цукерман, можно локализовать орду Аспаруха в Волго-Донском междуречье, в районе Приволжской возвышенности, к югу от Воронежа. Здесь болгары, продвигавшиеся по К. Цукерману на север, были остановлены и разбиты хазарами. Соответственно, отсюда начинается хазарское наступление. Если так, то логично предположить, что преследующие орду Аспаруха хазары оказываются в Днепро-Донском междуречье и поселяются там.

Таким образом, налицо достаточно сформировавшаяся, четко выраженная и имеющая своих сторонников тенденция в объяснении характера раннехазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье. В то же время, следует отметить, что тенденция эта далеко не единственная и аргументы сторонников иных точек зрения пока нельзя считать полностью исчерпанными (см. например, монографию О. М. Приходнюка [Приходнюк 2001, с. 25–41] или статью В. Е. Науменко [Науменко 2003, с. 52–76]). Не претендуя на решение археологических аспектов данной проблемы (типология, хронология, этнокультурная принадлежность погребальных комплексов или отдельных предметов инвентаря), хотелось бы на основе известных сообщений письменных источников разного происхождения попытаться реконструировать иную логику исторического процесса и на ее основе иначе объяснить характер и особенности раннехазарского присутствия в указанном регионе.

Как представляется, местом начала экспансии хазар и их достаточно стабильного расселения к началу второй половины VII в. были степи Северо-Западного Прикаспия, современной Калмыкии и Ставрополя. В этот ареал входили и собственно «земля хазар» арабских

источников, и Барсилия, и «страна гуннов» Алп-Илитвера, подчиненного хазарам. Именно такое расположение хазар фиксируется данными источников, которые свидетельствуют о ранних периодах их истории.

Арабо-персидские авторы, описывающие ход завоевания арабами Закавказья и Северного Кавказа, а также сами арабо-хазарские войны, однозначно указывают на расположение столицы хазар или ставки кагана в непосредственной близости от Дербента, в районе Терека или Кумы.

Со слов ал Куфи в 650 г., когда Салман Ибн Раби'а подошел к Дербенту, там находился «... хакан, владыка хазар... Когда хакан услышал о приходе арабов к городу, он ушел из него» [Ал Куфи 1981, с. 10].

Халифа Ибн Хаййат (писал в середине IX в.) сообщает, что в 737 г. «... Марван... прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал Байд'а, в которой пребывает хакан...» [Бейлис 2000, с. 43].

Ат-Табари о том же походе Мервана пишет следующее: «С такими соединенными силами приблизился он [Мерван] в воинском порядке к Семендеру, где жил Хакан, царь хазарский...» [Дорн 1844, с. 87].

О том, что столицей «хазарских царей» до арабо-хазарских войн был Семендер, сообщает ал Мас'уди: «Столицей [последних] был Самандар, город, лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но так как в ранние дни ислама он был завоеван Сулайманом б. Раби'а ал Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил» [Минорский 1963, с. 192]. В другом случае тот же ал Мас'уди называет старой столицей Хазарии Беленджер: «... город Итиль, нынешнюю столицу хазарского царства. До этого времени был столицей их город Беленджер» [Караулов 1908, с. 33–34].

Приведенными цитатами, отнюдь, не ограничивается набор сведений арабо-персидских авторов о расположении хазар и их правителей в районе Прикаспийского Дагестана и близлежащих землях. В то же время на факт расположения ставки кагана в районе северного Приазовья или степного Крыма косвенно указывает, напротив, только одно единственное сообщение раннесредневекового источника. Речь идет об истории Юстиниана II, который, находясь около 704 г. в Доросе (Мангуп), вошел в сношения с хазарским каганом и получил в жены его сестру. Феофан исповедник пишет об этом следующее: «... достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с великими почестями, и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое

время Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой. Услышав про это, Апсимар послал хагану [посла], обещая ему множество даров, если он перешлет ему живого Юстиниана, если же нет, то хотя бы его голову. Хаган уступил такой просьбе, и послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а [сам] приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только им дадут знать. Но, так как через слугу хагана об этом была извещена Феодора, [все] стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; также Юстиниан поступил и с архонтом Валгицем. [Затем] он немедленно отсылает Феодору в Хазарию, а сам, тайно сбежав из Фанагории, прибыл в Томы» [Чичуров 1980, с. 62–63].

На основе приведенного сообщения исследователи делают вывод о том, что каган находился где-то недалеко от Дороса-Мангупа и Херсонеса и что как беглый император Юстиниан II, так и правивший тогда в Константинополе Апсимар могли легко и быстро войти в сношения с ним. Однако источник ничего не сообщает о временных рамках происходивших событий. Вероятно, все брачные переговоры Юстиниана II, как и сам брак с Феодорой, последующее переселение в Фанагорию и бегство оттуда, укладываются в период около года (по хронологии Феофана в 704–705 гг.). За это время Юстиниан II вполне мог отправить гонца в Нижневолжские или Прикаспийские степи, получить ответ, а потом выехать для заключения брака с хазарской принцессой¹. Все эти переезды, даже при максимально медленном передвижении, могли занять не более двух-трех месяцев. И Апсимар имел возможность «снестись» с каганом и начать интриги против Юстиниана II в такие же, а может быть и в меньшие, чем потребовалось Юстиниану II для брачного договора, сроки.

Кроме того, вполне вероятно, что каган мог временно находиться на территории степного Крыма, рассматривая полуостров, с его

¹ Впрочем, вполне возможно, что Юстиниан II к этому времени уже давно находился в Фанагории [Сорочан 2005, с. 330, 337], т. е. в относительной близости от ставок кагана, расположенных в Северо-Западном Прикаспии. Здесь, вероятно, происходили переговоры о браке с хазарской принцессой, здесь же и состоялся сам брак. В таком контексте идея о расположении ставки кагана где-то поблизости от Дороса, в степном Крыму, представляется еще менее вероятной.

торговыми приморскими городами, как важную часть своих владений. Тем более что последовавшие затем события показали, что именно там он собирался расширить свое влияние. Таким образом, просьба Юстиниана II о браке нашла такой быстрый и положительный отклик со стороны кагана именно потому, что соответствовала интересам потенциальной хазарской политики в Крыму¹. Однако из этого совсем не следует, что каган полностью переселился в Причерноморье и Крым. В период наивысшего расцвета хазарской державы он мог иметь несколько сезонных ставок, одна из которых могла временно располагаться и где-то поблизости от Дороса. Тем не менее, это только одно и далеко неоднозначное упоминание византийских авторов. Арабские же источники неоднократно сообщают о столице хазар и ставках кагана, находившихся в Приморском степном Дагестане, в районе Терека или Кумы, Дербента, в Беленджере, Семендере и ал Байде. Как было отмечено выше, можно насчитать десятки упоминаний хакана, сына хакана, ставки хакана или столицы хазар, расположенных

¹ Даже если эта политика осуществлялась в условиях «кондоминиума» [Сорочан 2005, с. 337-353], а не прямого хазарского господства [Айбабин 1999, с. 187-188, 197, 202], интересы хазар могли заключаться как в сохранении существовавшего при Юстиниане II положения дел, так, может быть, и в некотором укреплении своих позиций в районе Херсонеса. Впрочем, несмотря на выдвинутую С. Б. Сорочаном систему аргументов, обосновывающую ситуацию совладения, двоевластия, хазаро-византийского «кондоминиума», довольно сложно предположить, каковы были причины установления и механизм реализации на практике подобного совладения в условиях раннего средневековья, когда победоносные хазары имели полное военное превосходство в Таврике и могли, при желании, диктовать любые условия Византии. Возникает вопрос, были ли вообще кочевники-тюрки, военные контингенты которых тогда состояли из всегда готовых к грабежу племенных ополчений, способны к тому, чтобы неформально соблюдать подобные «кондоминантные» отношения в течение хоть сколько-нибудь длительного отрезка времени. Византия же, в свою очередь, вплоть до конца VIII в. была заинтересована в военном союзе с каганатом, направленном против арабов, что не могло не ограничивать ее претензий по отношению к хазарам на территории Крымского полуострова. Вероятно, сложная система взаимоотношений между Византией и Хазарским каганатом в Таврике сильно зависела от конкретной ситуации, диктовалась моментом, определенными и изменчивыми обстоятельствами. Эти отдельные моменты, фрагментарно отмеченные средневековыми источниками, могут вызывать у исследователей впечатление как полного хазарского господства [Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья... 2003, с. 53, 483] или «протектората», так и хазаро-византийского совладения — «кондоминиума» [Сорочан 2005, с. 395].

в этом регионе и хронологически соответствующих периоду конца VII — первой трети VIII вв. Таким образом, где бы ни находился каган в момент его переговоров с Юстинианом II, в Приазовье, что вполне возможно, или в Крыму, что также вероятно, основным местом его пребывания были степи Западного Прикаспия, в районе впадения в Каспийское море Терека и Кумы [Магомедов 1983, с. 59–60].

Такое расположение основной территории хазар подтверждается при анализе данных всех известных науке групп письменных источников. Последние однозначно указывают на то, что основные земли Хазарского каганата в IX–X вв. располагались в районе нижней Волги, между нижней Волгой и нижним Доном, в Северо-Западном Прикаспии и степях современной Калмыкии, вплоть до Кумы на юге. Эти сведения хорошо известны специалистам и содержатся, прежде всего, в «краткой» и «пространной» редакциях ответов хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту [Коковцов 1932]. Данные еврейско-хазарской переписки подтверждают многочисленные арабо-персидские авторы, такие как: Ибн Хордадбех [Ибн Хордадбех 1986], Ибн Русте [Известия о хазарах... 1869], Ибн Фадлан [Ковалевский 1956], ал Истахри [Караулов 1901], ал Мас'уди [Караулов 1908; Минорский 1963], Ибн Хаукаль [Караулов 1908], ал Мукаддаси [Караулов 1908], «Худуд ал Алам» [Бартольд 1973, с. 504–545], Гардизи [Бартольд 1973, с. 23–62], Ибн ал Асир [Ибн ал Асир 1940] и др.

Локализация страны Барсилии в среднем Поволжье и расположение «черного» острова барсиллов «Армянской географии» («Ашхарацуиц»)¹ в районе средних притоков Волги, предложенная К. Цукерманом, также вызывает большие сомнения. Большинство

¹ «Армянская география» — «Ашхарацуиц» была составлена в VII в. На французский язык была переведена в 1881 г. А. Сукри. Последний, также как и К. Патканов, автор первого перевода «Ашхарацуиц» на русский язык, приписывал ее Моисею Хоренскому [Патканов 1883, с. 21–22]. На английский язык «Ашхарацуиц» была переведена Р. Г. Хьюсенем. В настоящее время ее автором считается армянский ученый VII в. Анания Ширакаци [Новосельцев 1990, с. 30; Цукерман 2001, с. 325]. А. П. Новосельцев отмечал сложный и своеобразный состав этого произведения, указывал на его связь с данными античных географов (Птолемея, Марина Тирского), утраченными среднеперсидскими географическими сочинениями, местной (закавказской) традицией. Сведения о булгарах и хазарах, приведенные в «Ашхарацуиц» А. П. Новосельцев датирует 60–80-ми гг. VII в. [Новосельцев 1990, с. 30]. К. Цукерман предлагает еще более узкую датировку и относит составление «длинной» или «новой» версии, в которой дважды упоминаются хазары, к 660–665 гг. [Цукерман 2001, с. 325].

средневековых авторов, например ал Истахри, Ибн Хаукалем, а также побывавшим лично в низовьях Волги ал Гарнати, территория с семьюдесятью рукавами Волги однозначно воспринимается как район дельты, а отнюдь не ее среднее течение. Впрочем, наиболее показательно в данном случае сообщение самого Анании Ширакаци.

У Анании Ширакаци Азиатская Сарматия, являющаяся местом обитания хазар и барсиллов (по «старому списку»), располагается в основном в пределах Северного Кавказа, пространства между Азовским и Каспийским морями и, в лучшем случае, между нижними течениями Дона и Волги. Ничего конкретного о территориях, находящихся севернее, он не знал и современной ему информацией о реальном положении дел в Восточной Европе, по всей видимости, не владел. В его списке народов, обитавших в Азиатской Сарматии, также преобладают племена, живущие на Кавказе или в Прикаспии. Кроме них названы только фантастические обитатели Восточной Европы, известные еще античным авторам [Вуд 2005, с. 14–19; Мельникова 2005, с. 154–156], в частности, амазонки, людоеды и т. д. Было бы странно ожидать от автора, мыслящего в таком контексте, какой-либо точной информации о среднем течении Волги, нижнем течении Камы и о населяющих их берега народах. Для того, чтобы обосновать сказанное, рассмотрим основные фрагменты из «Армянской географии» как по «старому», так и по «новому» ее спискам.

Анания Ширакаци в «старом списке» отмечает: «Сарматия [азиатская] отделяется от своей половины [европейской] восточными оконечностями горы Рипия, рекою Танавис, морем Меотис, и простирается вдоль Кавказских гор у Грузии и Албании до Каспийского моря.

В Сарматии находятся горы Гиппийские и Кераунские и другие; много рек, в числе их Этиль с 70 рукавами, на котором защищается народ Басилы.

Следующие народы живут в Сарматии: 1) Хазары; 2) Буши; 3) Басилики [Барсилы]; 4) Апшеги; 5) Апхазы; 6) Царственные сарматы;... 53) Маскуты, у самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербентская стена, громадная твердыня в море. Севернее живут гунны, у которых город Варачан и другие города. Царь севера называется хакан. Царица же, жена хагана, происходит

из народа Басликов» [Патканов 1883, с. 27–28]. В перечне реально существующих, а не анахроничных или фантастических народов, знания Анании Ширакаци по «старому списку» «Армянской географии» не простираются далее страны гуннов и Варачана, за которым располагается царство севера — хазары.

По «новому списку» картина географии юго-восточной Европы получается еще более путаной и противоречивой. Автор пытается объединить сведения Птолемея с фрагментарными реальными данными известными ему самому и примирить эти два комплекса информации. Как и в «старом списке» степень достоверности и точности сведений Анании Ширакаци уменьшается по мере удаления от Кавказа на север. Сначала перечисляются географические объекты и народы Западного Кавказа и Предкавказья — Кубань, Меотис, Танаис. Затем названы обитающие вокруг Азовского моря и локализуемые возле определенных рек, в частности Кубани, протоболгарские племена. Далее, по мере продвижения на север, набор позитивных сведений средневекового географа приходит к концу, и он начинает апеллировать к книжной традиции, основанной на позднеантичных знаниях: «На севере в смежности с неизвестной землей живут 1) царственные Сарматы и 2) Гиппофаги» [Патканов 1883, с. 29]. Т. е. примерно в районе линии, проходящей между нижним течением Дона и Волги, заканчивается и осведомленность средневекового автора. Очевидно, что гиппофаги — «конееды» — это народ фантом, выдумка античных авторов, призванная заполнить лакуны в их представлениях об обитаемой части вселенной. Сармат (царственных) здесь также уже давно, по крайней мере с III в. н. э., не было, а сведения о них у Анании Ширакаци являются анахронизмом и восходят, вероятно, к Птолемею, писавшему еще во II в. н. э. Таким образом, можно заключить, что о среднем течении Волги и о лесной зоне Восточной Европы Анания Ширакаци ничего соответствующего реальному положению дел в этом регионе в VII в. не знал.

Далее, по «Новому списку», читаем: «...После того соединяются с нею две реки, текущие из северо-восточных гор Римика и делают из нее реку с семьюдесятью рукавами, которую турки называют Атль. Среди этой реки находится остров, на котором укрывается народ 8) Баслов от сильных народов 9) Хазар и 10) Бушхов, приходящих на

зимние пастбища и располагающихся на восток и на запад реки. Остров называется Черным, потому что он кажется черным, от множества баслов, населяющих его вместе со своими стадами. Птолемей называет его островом Грав. Рукава реки Атль за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматии от Скифии» [Патканов 1883, с. 29–30].

К. Цукерман, высказавший предположение о том, что 70-рукавный Итиль подразумевает верхнее и среднее течение Волги с ее притоками, исходил из современного, «картографического» взгляда на географию этого региона. Действительно, глядя на карту, как бы с высоты птичьего полета обозревая Поволжье и наблюдая достаточно многочисленные притоки, впадающие в Волгу, в принципе, можно прийти к такому выводу. Но подобный взгляд явно не соответствует возможностям средневекового писателя и модернизирует его позицию [Чекин 1999, с. 15–21]. Для большинства древних и средневековых географических описаний, вплоть до конца XIV в. не характерен картографический принцип. В подавляющем большинстве своем они построены по принципу «эгоцентрическому», когда автор рассматривает в качестве центра, точки отсчета, вокруг которой строится описание, свое собственное местоположение. Только Клавдий Птолемей смог практически полностью воплотить в жизнь картографический принцип описания земной поверхности, но вплоть до позднего средневековья ни один автор не смог не только превзойти его, но и хотя бы правильно повторить [Подосинов 1978, с. 22–45; Подосинов 1999, с. 328–329].

Анания Ширакаци использовал авторитетные данные Птолемея, но явно не владел его методом. Он автоматически воспринимал характерные для античной традиции трафаретные описания Восточной Европы и Евразии: выделяя Европейскую и Азиатскую Сарматии, Скифию, Неведомые земли Севера, т. н. Риппейские горы. Несмотря на то, что уже существует современное ему, возникшее, видимо, еще в гуннское время, название Волги — Итиль [Фасмер 1986, с. 336–337], он все равно в «новом списке» применяет характерное для древности и для Птолемея архаичное название этой реки Ира (Ра).

Для автора «Армянской географии» явно характерен эгоцентрический принцип описания интересующих его племен и местностей. Центром этого описания, основной точкой отсчета, является Кавказский хребет, на котором или возле южных склонов которого он сам

и находился. Сначала описаны народы, располагающиеся к западу от него, то есть от примерно обозначенного центра Кавказа к Черному морю; потом, веером, на северо-запад — Кубань, Азовское море, болгарские племена, низовья Дона, а уже затем к северу от них — «царственные сарматы» и «гиппофаги». О том, что находится севернее, Анания Ширакаци ничего не знает и снова возвращается к Кавказу. Здесь подробно перечисляются различные племена, обитающие в районе Центрального Кавказа и на Северном Кавказе с постепенным перемещением к востоку, к берегу Каспийского моря. На крайнем востоке этой достаточно хорошо известной ему области названы маскуты и «в этом месте хребет подходит к морю», дальше на восток описывать нечего. После этого он движется вдоль западного берега Каспия на север. За Дербентом находится «царство гуннов» и их города, далее, к Атилу — Волге, живут савиры, Атил разделяет Азиатскую Сарматию и Скифию, а царя их (т. е., вероятно, и савир, и хазар) зовут хаган [Патканов 1883, с. 31].

Далее Анания Ширакаци свое описание прекращает, поскольку, как уже отмечалось выше, просто ничего не знает о том, что находилось севернее. Его реальные знания ограничиваются нижним течением Волги и северным берегом Каспия, разделяющим, по Птолемию, Азиатскую Сарматию и Скифию. Таким образом, очевидно, что, не зная верхнего и даже среднего течения Волги, он не мог ничего знать и об ее реальных притоках и, соответственно, не мог воспринимать их как «семидесятирукавный Атиль». Нет никаких сомнений, что Анания Ширакаци имел какие-то реальные представления только о нижней Волге и именно этот ее участок возле дельты, и определял как «семидесятирукавный». Здесь же, по всей видимости, располагался и Черный остров базилов, как, собственно, и принято считать в отечественной историографии.

Сам Анания Ширакаци, как можно предположить, в низовьях Волги не был и писал, основываясь на письменной традиции и, возможно, на показаниях очевидцев. Если же обратиться к трудам средневековых авторов, которые гораздо лучше были информированы о географии региона и знали практически все течение Волги, вплоть до Булгара, т. е. до Волго-Камья, которое К. Цукерман склонен рассматривать как «семидесятирукавную» часть этой реки, то окажется, что и они, говоря о многочисленных рукавах, имели в виду именно территорию дельты. В качестве примера можно привести

описания, принадлежащие ал Истахри, хорошо информированному о прикаспийском регионе; его последователю и ученику Ибн Хаукалю; а также самостоятельно обследовавшему территорию дельты, путешествовавшему по Волге и посетившему Булгар — ал Гарнати.

Ал Истахри (первая половина X в.) писал: «Говорят, что река эта [Волга] разветвляется более чем на 70 рукавов, и остается, кроме того, главный поток реки; проходит он через земли хазар и впадает в море. Говорят, что, когда эти потоки соединяются в одну реку во время разлива, то она превосходит величиной Джейхун, и происходит от многоводности ее то обстоятельство, что она, достигая моря, впадает в него, врезываясь на расстояние двухдневного пути...» [Капулов 1901, с. 47]. Почти дословно его повторяет Ибн Хаукаль (70-е гг. X в.): «Говорят, что от этой реки расходится более 70 рукавов, а главное русло продолжает течь по хазарской земле до впадения в море...» [Капулов 1908, с. 113; Калинина 2003б, с. 29]. Очевидно, что у обоих авторов речь идет о нижнем течении реки, поскольку верхние притоки, разлившись, не смогли бы снова соединиться в одну реку, которая должна будет впадать, как это и было описано, в Каспийское море.

Ал Гарнати (середина XII в.) дает самое подробное описание нижнего течения Волги: «И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много раз, она будто море, из которого вытекают большие реки» [Путешествие Абу Хамида...1971, с. 27]. «И прошел я эту реку в ширину, когда она замерзла, и была ширина ее, без рукавов, которые вытекают из этой реки, тысяча шагов и восемьсот сорок... А джинны сделали Сулайману рядом с этой рекой тысячу рек, каждая река размером в милю, и вынули из них землю, и стало так, будто около этой реки гора, ширина ее — полет стрелы, а рядом с ней похожих на нее тысяча гор и тысяча рек, рек глубоких, наполненных водой из этой реки» [Путешествие Абу Хамида...1971, с. 28]. В книге «Подарок умам и выборки дикувинок» у ал Гарнати есть прямое определение местности в низовьях Волги как семидесятирукавного Итиля: «И впадает в это море огромная река, называемая Итиль; выходит она выше Булгара из области Мраков. Она раз в сто или больше превосходит Тигр. Из нее вытекает семьдесят рукавов, каждый рукав как Тигр, и все-таки остается от нее около Саджсина огромная река» [Путешествие Абу Хамида...1971, с. 56]. В данном случае средневековый автор специально подчеркивает,

что «... из нее вытекает семьдесят рукавов», именно вытекает, а не впадает, как это было бы, если бы речь шла о притоках Волги.

В определенной степени расположение региона с большим количеством рукавов именно в дельте Волги дают описания поздней столицы Хазарского каганата — Итиля, встречающиеся во многих арабо-персидских источниках [Якубовский 1948, с. 255-270]. Например, у ал Мас'уди: «Атил, там, где теперь живет хазарский царь, состоит из трех частей, на которые его делит великая река, которая вытекает из верхних частей тюркских земель» [Минорский 1963, с. 192].

Любой древний или средневековый путешественник, не владеющий картографическим методом, а пользующийся эгоцентрическим принципом описания местности, то есть представляя собой точку отсчета (либо неподвижную, либо перемещающуюся в пространстве — дорожники, периплы и хорографии), даже побывав на Волге, в районе Камы, не воспринял бы этот регион как «семидесятирукавный». Двигаясь по Волге на корабле, он рассматривал бы ее как некое единое русло. Достаточно большие расстояния, в несколько дней пути, между притоками не могли бы, при таком непосредственном знакомстве с регионом, создать иллюзии многорукавности. При описании верхних участков течения Волги традиционно возникали искажения другого характера. Средневековые авторы не имели четкого представления об ее истоках и поэтому часто путали верхнюю Волгу и Каму, объединяя сведения о них в одно и получая комбинированный географический объект. В результате Волга у них имела азиатские истоки и текла сначала с востока на северо-запад, потом поворачивала к юго-востоку, и только от Булгара и далее к югу описание ее течения приобретало в целом достоверный характер¹.

Напротив, нижнее течение Волги купцы и путешественники знали хорошо. Они все, за исключением Ибн Фадлана, познакомились с

Например, у ал Истахри: «Река Итиль, как я узнал, берет начало близ земель Хирхиз, и протекает между землями Каймаков и Гуззов, и представляет естественную границу между этими народами. Потом проходит река эта за Болгарами на запад и возвращается на восток, пока не протекает через земли Русов; затем проходит она через земли Болгар, потом через земли Буртасс, пока не впадает в Хазарское море» [Караулов 1901, с. 45-47].

ним в первую очередь и, как правило, были поражены его масштабами, «многоруканностью», избытком островов, рыбными богатствами и т. д. Совершенно очевидно, что во всей прикаспийской географической традиции, как арабо-персидской, так и армянской, представления о 70 рукавах Волги являются отражением именно ее нижнего течения. Такие представления соответствуют как уровню раннесредневековой географической науки, так и реальной географии Волги¹.

Таким образом, гораздо больше оснований по-прежнему определять местонахождение «семидесятирукавного Итиля», «черного острова Басилова» Анании Ширакаци и, соответственно, страны Барсиллии Феофана и Никифора на Северном Кавказе или в Северо-Западном Прикаспии [Гадло 1979, с. 65–68; Димитров 1987, с. 39]. Если так, то все последующие рассуждения К. Цукермана о том, что хазарская экспансия началась с севера, из Волго-Камья, становятся неактуальными и могут не приниматься во внимание. Барсиллия² находилась где-то в районе нижнего течения Волги, Северо-Западного Прикаспия и Дагестана [Магомедов 1989, с. 66–76; Халиков 1989, с. 60], и, соответственно, хазарская экспансия также началась именно отсюда.

Наиболее четко расположение основной территории хазар в конце VII — первой половине VIII вв. выявляют арабо-хазарские войны. Всю вторую половину VII и практически весь VIII в., несмотря на поражение 737 г., хазары демонстрируют устойчивую активность на Северном Кавказе и в Закавказье. Они воюют, заключают союзы и династические браки, пытаются влиять на политику местных правителей [Ал-Балазури 1927; Ал-Куфи 1981; Ибн ал-Асир 1940; Артамонов 1962, с. 202–224; Буниятов 1965, с. 108–115; Новосельцев 1990, с. 184–187; Тер-Гевондян 1977, с. 87–91]. Описание хазарских набегов на территорию Закавказья; хроники арабо-хазарских войн и ответных вторжений арабов на подвластные или соседние хазарам территории, содержащиеся у Халифы ибн Хайята, ат-Табари,

¹ Интересно, что точно такое же представление о Волге и практически такое же стандартное описание ее нижнего течения, дельты, дает автор Повести временных лет: «...Из того же леса вытекает Волга на восток и вливается семидесятью гирлами в море Хвалиское» [ДР 1989, с. 3].

² Наиболее полные сведения о расположении Барсиллии были собраны и проанализированы П. Голденом [Golden 1980, p. 143-147].

ал Балазури, ал Куфи, Гевонда, Ибн ал Асира и др., со всей очевидностью показывают, что хазары были постоянными жителями этого региона. Их столица и подвижные ставки кагана располагались в непосредственной близости (несколько дневных переходов) от основного театра военных действий.

На территорию Днепро-Донского междуречья основная часть хазарской орды, а тем более ее ханская верхушка (руководившая набегами в Закавказье и упорно сопротивлявшаяся арабам), по всей видимости, не переселялась. Скорее всего, сюда совершали рейды отряды хазарской конницы, которые вытеснили Аспаруха на Дунай, подчинили кочевавшее в степях Приазовья и Крыма протоболгарское население, а также Крымскую Готию и византийские города на побережье. Вероятно, они же совершали рейды в лесостепь, преследуя непокорные протоболгарские роды и принуждая к дани славянские племена, с чем и связано известное археологам «выпадение» кладов этого времени на славянских территориях [Гавритухин, Обломский 1996, с. 146–148; Комар 2001, с. 34; Комар 2005, с. 211; Шрамм 1997, с. 98]. Возможно, что памятником какого-то пограничного конфликта, в котором погибли представители подобного тюрко-хазарского пограничного отряда, и является Вознесенский поминальный комплекс.

Следует отметить и то, что далеко не всегда кочевые войны вели к переселению всего этноса на вновь завоеванные территории. Кочевники переселялись и покидали родные степи с налаженной системой перекочевков, водопоев, летников и зимников только в крайних случаях, когда их вынуждали к этому какие-либо внешние обстоятельства: природные — изменения климата; социальные (в широком смысле) — поражение от более успешных соседей, которые вытесняли их и заставляли заниматься поисками новой родины [Тортіка 2002, с. 11–20]. Так было с аварами, венграми, печенегами и т. д. В то же время победоносные тюрки или монголы, конечно же, расширяли свои территории, но, в большинстве своем, не переселялись на новые места. Они, как правило, ограничивались покорением, ограблением и взиманием дани с побежденных народов и стран. Когда мобильные кочевые армии совершали быстрые тысячекилометровые рейды, их юрты, стада и семьи оставались на родине и ждали возвращения нагруженных добычей и сопровождаемых рабами воинов.

Нельзя согласиться и с тем, что памятники Перещепинского круга отражают т. н. первую стадию кочевания, на которой якобы находились оставившие их хазары [Айбабин 1999, с. 173]. Вообще выделение этой стадии в истории кочевых этносов [Плетнева 1982, с. 13–19] можно считать достаточно спорным. Ее характеристики применимы к «беглым» кочевым группам, скрывающимся от врагов и завоевывающим новые территории. Вынужденные быстро преодолевать большие расстояния, иногда в тысячу и более километров, оказываясь в новом, зачастую враждебном окружении, они, естественно, при всем желании не могут вести нормальное кочевое хозяйство. В ходе своего переселения-бегства они могут утратить не только скот, но и семьи, которые остаются на покинутой родине и достаются победителям. Лишенные женщин воины приобретают себе жен путем набегов на местное население в новом месте. Так или примерно так, насколько это известно, поступали авары, протоболгары, венгры.

Очевидно, что такую ситуацию нельзя считать нормальной, соответствующей определенной закономерной стадии в эволюции кочевого хозяйства, и она не может продолжаться долго. Любой кочевой народ, обретший новые земли и избавившийся от своих врагов, в ближайшие десятилетия приобретал характеристики второй (по С. А. Плетневой, аильной) стадии кочевания. В этот период он осваивал новые территории, налаживал систему сезонных перекочевок¹,

¹ Русский академик И. И. Лепехин в 1768-1769 гг. наблюдал кочевую жизнь и кочевое хозяйство калмыков. Сделанное им описание сезонных перекочевков представителей этого народа можно считать хрестоматийным: «Народ, приобывший к степному кочеванию, и по сие время своей привычки оставить не может. Живут по степям, на пригористых местах в кибитках, которые они удобно с места на место переносить могут. Летнее свое кочевье избирают при реках и местах удобных к пастыбе, и всякое кочевье состоит не более, как из десяти кибиток, а иногда и меньше. Зимой выбирают такие места, где им удобнее от снежных выюг укрыться можно. Такие места для них бывают удобные перелески, или между горами долины, а ближайšie к Волге убираются в поемные места» [Записки путешествия... 1821, с. 233]. По данным А. Харузина «кочевник тот, кто совершает правильные переходы с места на место... Киргизы совершают правильные перемены пастбищ (перекочевки), основываясь на известной производительности трав, сообразно сезонам, обилию корма, здесь все опыт, наблюдение и своего рода скотоводческая культура, выработанная веками...» [Харузин 1889, с. 58].

исследовал водопои и броды, копал колодцы, обустроивал зимники [Кумеков 1972, с. 89–90; Плетнева 1982, с. 36–43]. Катастрофическое для нормальной кочевой скотоводческой экономики положение дел во время вынужденных переселений было явлением временным и не носило закономерного стадийного характера [Марков 1976, с. 282–285]. В то же время этот переселенческий этап был связан одинаковыми проблемами и трудностями у разных кочевых народов, поэтому его археологические характеристики (отсутствие стационарных могильников, одиночные разбросанные погребения, поливариантность обряда погребения и т. д.) вполне оправданы. Однако к хазарам в конце VII — начале VIII в. эти характеристики уже не должны иметь никакого отношения.

Хазары в отмеченный период времени никуда не переселялись. Они были победоносным кочевым народом, который справился с «многочисленными, как песок у моря», противниками — протоболгарами, подчинил себе «царство гуннов» Дагестана, часть Крыма, степи Днепро-Донского междуречья. В таких условиях на покоренной территории находились только гарнизоны и пограничные контингенты, которые следили за выплатой дани и осуществляли иные функции раннегосударственной власти. Не следует забывать и о том, что протоболгары, культурно и этнически близкие хазарам [Флерова 2002, с. 185], постепенно вливались в состав их объединения и служили основой для формирования воинских контингентов, использовавшихся, в том числе, и для покорения левобережных славян или ведения боевых действий в Крыму. Этнически пестрый состав Хазарского каганата общепризнан. Имя — хазары достаточно условно объединяло различные роды и племена тюркского, тюрко-угорского или даже иранского происхождения [Christian 2000, p. 283]. Это одна из закономерностей кочевой истории, проявлявшаяся неоднократно в формировании различных орд, каганатов и кочевых империй [Аксенов, Тортика 2001, с. 193–201].

Было бы странно, если бы хазары, кочевавшие, в основном, в Прикаспии, хоронили свою родовую знать на далеких окраинах собственных территорий, на северо-западе и западе Каганата, в Поднепровье. Достаточно распространенное мнение о том, что для кочевников такое положение дел было характерным далеко от истины.

Большинство кочевых народов помещало некрополи своих предводителей в центральные или старые традиционные места своего проживания [Хазанов 1975, с. 59–60], относилось к ним, как к сакральным центрам, и всячески оберегало их от надругательства. Так вели себя скифы, центрально-азиатские хунну, тюрки, половцы и т. д.¹ В этом случае можно предположить местонахождение погребений раннехазарской знати в пока слабо изученных археологически степях Калмыкии и иных соседних регионах. Возможно, что их вычленение для данного периода почти невозможно в силу смешанного состава хазарского объединения [Круглов 1992, с. 32–37] и интернационального характера культуры, находившейся под сильным воздействием Закавказского региона и общеевразийских степных традиций.

В этой связи чрезмерно категоричным выглядит определения памятников Перещепинского типа как однозначно хазарских. Для такой этнической привязки нет да, наверное, и не может быть достаточных оснований. Вероятно, корректнее по-прежнему характеризовать эти объекты, как памятники, оставленные кочевым населением раннехазарского времени, без точного определения их этноса.

Кроме того, по крайней мере, часть памятников перещепинского типа все ещё можно связывать и с протоболгарами. Анализ состава материала [Амброз 1971, с. 96–123; Амброз 1982, с. 204–222]; в случае погребения — обряда и хронологии византийских монет [Семенов 1986, с. 92–98]; соотнесение их географического расположения с возможным вариантом проведения западной границы Великой Болгарии по Днепру, а также с логикой событий болгаро-хазарской войны [Сміленко 1975; Баранов 1990] говорит о том, что, как минимум, Приднепровская группа этих памятников могла быть оставлена не хазарами, а протоболгарами. Западное положение в протоболгарском массиве занимали кутригуры, именно на них может указывать отмечаемое многими исследователями сильное влияние аварской культуры на стиль и состав украшений, и поясных наборов погребения у с. Перещепино и т. д. [Львова 1993, с. 111–116; Львова 1994,

¹ А. М. Хазанов пишет, что «...у туркмен иногда еще и сейчас покойников везут издалека, чтобы похоронить на кладбищах, принадлежащих мелким племенным подразделениям» [Хазанов 1975, с. 60].

с. 257–270; Львова 1996, с. 12–36; Львова, Маршак 1998, с. 490–498]. Специфической чертой большинства этих памятников является и то, что они оставлены социальной верхушкой общества, более подверженной интернациональной «моде» на вещи и их декор. В составе комплексов много привозных предметов из самых различных регионов Евразии.

Таким образом, гипотеза о переселении хазар в Днепро-Донское междуречье и о наличии здесь постоянного хазарского населения в конце VII — начале VIII вв. пока не выглядит однозначно убедительной. Как уже отмечалось выше, данные письменных источников, применение теории кочевниковедения и общий характер развития исторических процессов в хазарское время не дают возможности говорить о переселении в Днепро-Донское междуречье сколько-нибудь значительных массивов хазарского населения, появлении здесь ставок хазарских каганов и их погребений. В этом регионе хазары не жили и не кочевали. Основным местом их обитания с конца VII и по вторую половину X вв. оставались степи Северо-западного Прикаспия, Нижнего Поволжья, Калмыкии и Волго-Донского междуречья в низовьях обеих рек. Именно в этом регионе были обнаружены археологические памятники — курганы с ровиками [Плетнева 2005, с. 23; Приходнюк 2001, с. 92–93; Семенов 1997, с. 62–63], которые можно связывать с тюркским населением¹ хазарского времени. В данном случае речь может даже идти и о «номинальных хазарах» [Погодин 1871, с. 9] (при всей уже неоднократно отмечавшейся и признанной исследователями разных направлений этнической пестроте их объединения [Флерова 2002, с. 169–185]).

Характер хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье можно определить термином военно-политического доминирования [Christian 2000, p. 287] над местным населением. Кочевые, оседлые и полукочевые военизированные группы этого населения

¹ По поводу тюркского происхождения языка хазар см. работы П. Голдена [Golden 1980, v. 1. — p. 173-174], С. Г. Кляшторного [Klyshorny 1982, p. 335-336; Klyshorny 1985, p. 137-156], Т. Сенги [Senga 1990, p. 57-69.], К. Кзегледи [Czegledy 1981, p. 461-462], Т. Текина [Tekin 1982, p. 795-838; Tekin 1983, p. 43-86] и др.

(аланы, алано-готы, протоболгары, славяне) находились в русле хазарской политики [Новосельцев 1990, с. 199]. В лесостепной части Днепро-Донского междуречья хазары, по всей видимости, никакой регулярной деятельности не осуществляли, ограничиваясь грабительскими набегами и разовыми обложениями данью оседлого населения. Вероятно, легендарным отображением событий того времени и является рассказ Повести временных лет о дани, которую поляне выплатили хазарам [ПВА 1999, с. 148].

Регулярная хазарская политика на правом берегу Дона становится только после окончания второй арабо-хазарской войны в 737 г. и переселения алан на территорию среднего Подонья и верхнего Подонцовья, т. е. с середины VIII в. Именно в это время в регионе появляется постоянное, подчиненное хазарам население, которое полностью зависит от центральной власти и выполняет ее распоряжения. После этого начинается достаточно спокойный этап сосуществования восточных славян и алано-болгар Подонья-Придонечья. Ситуация становится стабильной и относительно предсказуемой. Хазары облагают данью все лесостепные славянские племена Днепро-Донского Левобережья и Подонья: полян, радимичей, северян, вятичей, но эта дань относительно невелика¹ и имеет регулярный характер. Таким образом, экономика славянского населения не подавляется, а, напротив, получает возможности для развития в достаточно мирных условиях. Только после появления венгров в Днепро-Донском междуречье в 30-е гг. IX в. для какой-то части славянского населения лесостепного левобережья вновь становится актуальной угроза кочевнических нападений (набегов) с юга. В этом случае Северо-Западная Хазария могла играть роль своего рода заслона от подобных набегов для славянского населения среднего Подонья, верхнего Подонцовья, в какой-то степени и Днепро-Донского Левобережья.

Одновременно в соседнем регионе, на юге, на территории Крыма, особенно в приморских городах, связанных с интересами международной торговли, присутствие хазар с первых лет их появления в

¹ Одна белка или одна серебряная монета с целого хозяйства («дыма») в год, и это по данным отнюдь не симпатизировавшего хазарам древнерусского летописца.

этом регионе становится достаточно постоянным [Новосельцев 1990, с. 109, 199]. В городах, по крайней мере, в части из них¹, находятся хазарские тудуны [Васильев 1927, с. 194–195; Якобсон 1954, с. 152; Golden 2001, р. 41], осуществляющие функции надзора, управления и сбора податей, возможно, что их сопровождают небольшие военные контингенты — гарнизоны этих городов и крепостей [Артамонов 1962, с. 196; Новосельцев 1990, с. 134–144; Плетнева 1967, с. 8, 186].

¹ В историографии существуют различные точки зрения на проблему хазарского присутствия в городах южного, юго-восточного и восточного Крыма. Например, А. А. Якобсон отмечал: «... к 70-м годам VII в. хазары заняли степи Прикаспия и Приазовья (об этом сообщает византийский хронист Феофан); тогда же они захватили и Керченский полуостров; посадив на Боспоре, а также на Таманском полуострове (в Фанагории) своих наместников — тудунов. Тогда же или немного позднее хазарский тудун появился в Сугдее, а в конце VII в. большая часть Таврики, включая и юго-западный ее район (за исключением Херсона), была фактически уже в руках хазар» [Якобсон 1954, с. 152]. Подобную точку зрения разделяли М. И. Артамонов и С. А. Плетнева [Плетнева 1986, с. 23]. А. П. Новосельцев указывал на то, что «особо стоит вопрос о хазарской власти в Крыму. В VIII–IX вв. присутствие хазар здесь было столь значительно, что Черное море называлось Хазарским, хотя у хазар флота не было и по Черному морю они не плавали...» [Новосельцев 1990, с. 109]. А. И. Айбабин также считает, что хазарам с начала VIII и до третьей четверти IX в. принадлежали Боспор и окружающие его мелкие города, и порты — Судак-Сугдея, Фулы, горная область Дори, и даже, на несколько лет, Херсон [Айбабин 1999, с. 226–227]. В то же время постепенно растет число сторонников иной, отличной от мнения А. А. Васильева, А. А. Якобсона, М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. П. Новосельцева и А. И. Айбабина, гипотезы, претендующей на реконструкцию модели хазаро-византийских отношений в Крыму. К их числу, в первую очередь, необходимо отнести С. Б. Сорочана [Сорочан 2004, с. 92; Сорочан 2005, с. 394–395 и т. д.], В. Е. Науменко [Науменко 2005, с. 231–244], Ю. М. Могаричева [Могаричев 2005, с. 245–250] и др. С. Б. Сорочан, в частности, отрицает хазарское покорение Херсонеса, сомневается в существовании прямого хазарского управления в Сугдее, Доросе, Боспоре [Сорочан 2005, с. 328–329, 357–364, 377 и т. д.]. Это мнение основано на анализе письменных и археологических источников, а также на уже упоминавшейся выше идее хазаро-византийского «кондоминиума», взаимовыгодного «соправления» территориями Крыма: «...Хазары были вынуждены мириться с тем мощным византийским влиянием в Таврике, которое и делало жизнеспособным состояние здешнего кондоминиума. В то же время наличие сравнительно близкого хазарского военного присутствия не позволяло перевести сложившуюся ситуацию в плоскость протектората или господства только одной из сторон» [Сорочан 2005, с. 395]. Тем не менее, идея кондомината не отрицает ни самого факта хазарского присутствия, ни существования хазарских интересов в Крыму и крымских городах (прежде всего, торгово-

Такая реконструкция характера хазарского присутствия в Днепро-Донском междуречье, как представляется, находится в большем соответствии с логикой исторического процесса в регионе. Действительно, исходя из концепции А. И. Айбабина, А. В. Комара и К. Цукермана, трудно объяснить, почему хазары, победившие и вытеснившие из «Гиппийских гор» орду Аспаруха, обложившие данью Батбая, принудившие к династическому браку предводителя «гуннов» Алп-Илитвера, не находят себе места в Восточной Европе, постоянно, вместе со стадами и семьями меняют места своего обитания. Из одного свободного от конкурентов и удобного для ведения кочевого хозяйства места — Северо-западного Прикаспия и Нижнего Поволжья, расположенного к тому же вблизи от традиционного центра военно-политических интересов прикаспийских кочевников — Закавказья, они зачем-то перемещаются в Днепро-Донское междуречье. Затем, пробыв там несколько десятилетий (по А. И. Айбабину и А. В. Комару), установив полную гегемонию на территории от Крыма до лесостепи, хазары, опять же вместе со стадами, семьями и детьми, без всяких видимых причин оставляют обширные степи Днепро-Донского междуречья, бросают могилы своих предводителей (если считать таковыми памятники перещепинского круга), идут навстречу арабской угрозе (вероятно, для того, чтобы у Мервана было больше добычи и пленных) и снова переселяются на расстояние около 500-700 км. в Прикаспийский Дагестан и Ставрополье. Все это выглядит, по меньшей мере, странно и не находит прямых подтверждений в данных письменных источников. Последние, напротив, постоянно указывают на Поволжские и Прикаспийские степи как на основное, неизменное и традиционное место обитания хазар.

-экономических), а только ограничивает представления о тотальности политического господства хазар. В этом случае тудуны присутствуют в системе управления тех или иных населенных пунктов и портов наравне с византийскими чиновниками, выполняя функции наблюдателей и контролеров в совместном хазаро-византийском использовании экономических или транспортных ресурсов региона. Впрочем, поскольку эти гипотетические отношения «...не были облечены в письменную, четко оговоренную правовую форму...» [Сорочан 2005, с. 395], весьма трудно предположить, как столь пикантная ситуация реализовывалась конкретными представителями обоих государств на практике. Вероятно, что все решали местные условия и частные обстоятельства.

Оправдывать такие перемещения кочевым характером экономики и образа жизни хазар также нельзя. Кочевники имели свои представления о целесообразности, и эти представления определялись объективными нуждами кочевого хозяйства [Тортика 2001, с. 270–278]. Они, не менее чем земледельцы, были заинтересованы в стабильности своего хозяйственного годового цикла на привычных и хорошо освоенных пастбищных угодьях [Тортика, Михеев 2001, с. 147–152]. Такие серьезные перемещения, безусловно, должны были сказаться на их экономике, вели к падежу скота, сокращали общую численность стад. Таким образом, суммируя все вышесказанное, необходимо еще раз отметить, что у хазар не было реальных причин для такой частой и радикальной смены мест обитания в конце VII — начале VIII вв.

Впрочем, нужно подчеркнуть, что в данном случае критике была подвергнута, главным образом, логика исторических выводов названных выше авторов. В то же время характеристика археологического материала, проведенная А. И. Айбабиным, созданная им хронологическая схема признаны специалистами, весьма убедительны и мало у кого вызывают возражения. Хотелось бы надеяться, что предложенная здесь корректировка локальной модели исторического процесса — характера хазарского присутствия в Днестро-Донском междуречье в конце VII — начале VIII вв., может быть полезной для дальнейшего изучения истории региона в раннем средневековье и, в частности, этнокультурной интерпретации памятников Перещепинского круга.

§ 1.3. Протоболгарский компонент в этносоциальной структуре населения Северо-Западной Хазарии

Результаты, полученные в ходе анализа раннесредневековой истории протоболгар, их кочевой культуры и уровня социального развития, а также исторической географии юга Восточной Европы во время существования раннего хазарского государства, позволяют приступить к реконструкции исторической и этнокультурной ситуации, сложившейся в Приднестровье после хазарской экспансии и подчинения основной части протоболгарских племен Хазарскому каганату.

По всей видимости, в первые годы после поражения от хазар (678 г.) происходит частичное разрушение прежней системы расселения протоболгар и их племенной структуры. Как известно,

орда Батбая относительно безболезненно входит в состав Хазарии и сохраняет кочевья в Покубанье, тогда как Аспарух со своими оногурами переселяется на Дунай, а Котраг (кутригуры, по крайней мере, значительная их часть) — на Волгу. Скорее всего, в это время в интересующем нас регионе между Доном и Днестром перестают существовать крупные протоболгарские племенные союзы и даже племена. Осколки кочевых групп разного племенного происхождения: кутригуры, утигуры, оногуры и т. д. — ищут убежища от хазар на окраинах степной зоны в Крыму, на левом берегу Днестра и в Донецкой лесостепи. Хазары преследуют их, частично уничтожают, грабят, отнимают скот и постепенно подчиняют своей власти. В этих экстремальных условиях старые родовые объединения ослабевают или совершенно исчезают, а на их месте, на основе слияния выживших и сохранившихся групп или отдельных семей возникают новые кочевые роды и айлы. Происходит смешение различных традиций, в том числе и погребальных, возникают новые варианты погребальной обрядности. В каждом отдельном случае наблюдается различный пропорциональный состав представителей тех или иных этнических групп в составе новых родоплеменных структур. Это и определило формирование у их потомков определенных культурных традиций и особой погребальной обрядности.

Подобное положение дел достаточно типично для кочевого мира и неоднократно повторялось в течение кочевой истории евразийских степей. Благодаря сходству и одинаковому уровню культуры, хозяйства, социального устройства и этнопсихологии различные кочевые народы легко (гораздо легче, чем оседлые) смешивались и ассимилировали друг друга. Процесс такого смешения перманентно происходил в кочевой среде в ходе войн и переселений, создания или гибели тех или иных кочевых союзов, каганатов, империй. Входившие в кочевое объединение племена уже изначально могли иметь достаточно сложную этническую структуру, поскольку состояли из родов разного происхождения. После распада таких объединений и возникновения новых союзов или государств отдельные роды отпадали от одних ослабевших племен и добровольно или насильственно присоединялись к другим. Если период стабильности в рамках образовавшейся социально-политической структуры продолжался достаточно долго, то на основе описанных родоплеменных конгломератов возникали относительно компактные кочевые этносы. Их

имена становились известными соседям и историкам в результате военных побед и территориальных захватов — это гунны, тюрки, хазары, печенеги, половцы, монголы и т. д. При этом отдельные родовые единицы, входившие в состав таких народов, часто долго хранили память о своем особенном происхождении и связанное с этим фактом родовое название¹.

Постепенно, к концу VII — началу VIII вв., военно-политическая ситуация в рамках Хазарского каганата стабилизировалась. Поскольку хазары сами не переселяются на запад от Дона, то Приазовье, степи и лесостепи между Доном и Днепром вновь осваиваются протоболгарами. Они восстанавливают свое кочевое хозяйство, возобновляют систему сезонных перекочевок и пастбищ, существовавшую до нападения хазар. Можно предположить наличие меридианальных кочевых маршрутов, проходивших по водоразделам и вдоль берегов больших и малых рек Днепро-Донского междуречья. Зимние пастбища в этом случае должны были располагаться на юге, в Приазовье, а летние — на севере, в Донецкой лесостепи. По всей видимости, в это время они кочуют небольшими подразделениями — айлами, управлявшимися отдельными предводителями, подчинявшимися хазарским тудунам. Хазары не были заинтересованы в консолидации таких родовых групп и создании крупных протоболгарских племен или племенных союзов. В результате, в течение всей истории Каганата, они сохраняют элементы культурной и этнической обособленности, проявившейся, видимо, и в поливариантности погребального обряда. В то же время общим культурным фоном для них является салтово-маяцкая культура хазарского времени.

Отмеченные особенности этногенеза кочевых народов легко представить в виде следующей условной модели. Возьмем четыре примерно одинаковые группы шариков разного цвета: зеленого,

¹ Г. А. Федоров-Давыдов отмечает, что в истории кочевых тюркоязычных народностей большой интерес представляет проблема соотношения старых и новых племенных наименований, этнонимов собирательных и обозначающих части какого-то этнического массива. Кочевая группа, дробясь, попадает в разные племенные объединения, но сохраняет там свои наименования, восходящие к более древнему периоду. Новообразованная кочевая группа может состоять из многих осколков старых групп, сохраняющих в наименовании память о своем прошлом в составе других племенных объединений [Федоров-Давыдов 1973, с. 173].

красного, синего и желтого. Каждый цвет — это отдельный кочевой протоэтнос, каждая группа отдельного цвета — это племя. Первоначально племена состоят из шариков только одного цвета. Затем закроем глаза и произвольно перемешаем все шарики, а потом снова разделим их, но уже не на четыре, а на три примерно равные группы. Возникшие разноцветные образования с разным пропорциональным составом тех или иных цветов (родовых объединений разного этнического происхождения) создадут типичную картину кочевого этногенеза. Такие перемешивания и разделения могут происходить неоднократно, а со временем в этом процессе могут появляться новые цвета и их сочетания.

Отдельные протоболгарские айлы, обретшие убежище на севере лесостепи во время хазарских набегов, видимо, так и не нашли выходов к южным приазовским пастбищам и осуществляли свой хозяйственный цикл в рамках лесостепной зоны в районе Северского Донца и Оскола. Здесь, на окраине степной зоны, лишенные привычной степной пастбищной базы, они вынужденно переходят к полуоседлости. Вместе с аланами они формируют лесостепной или Придонецкий локальный вариант салтово-маяцкой культуры. Вероятно, именно такими протоболгарскими группами смешенного состава и были оставлены могильники типа Волоконовского, Сухогомольшанского или у с. Красная Горка.

Представители общин, оставивших эти могильники, наряду с аланами, а иногда, возможно, в составе аланских военно-племенных образований, в качестве отдельной территории входили в состав Хазарского каганата и несли военную службу на границе со славянскими племенами и Киевской Русью. Этнический состав этих общин был достаточно пестрым и не может быть охарактеризован в целом. По этой причине попытки связать не аланское население Подонья-Придонецья с каким-то одним этносом, упоминающимся в письменных источниках, представляются неконструктивными.

Гораздо перспективнее, видимо, пытаться определять этнические особенности каждого отдельного могильника, как памятника, оставленного отдельной родовой группой, имевшей свою, особенную историю формирования и постепенно превращающейся в территориальную общину в составе владений Хазарского каганата. Рассмотрим далее, как проявлялись отмеченные особенности этнического

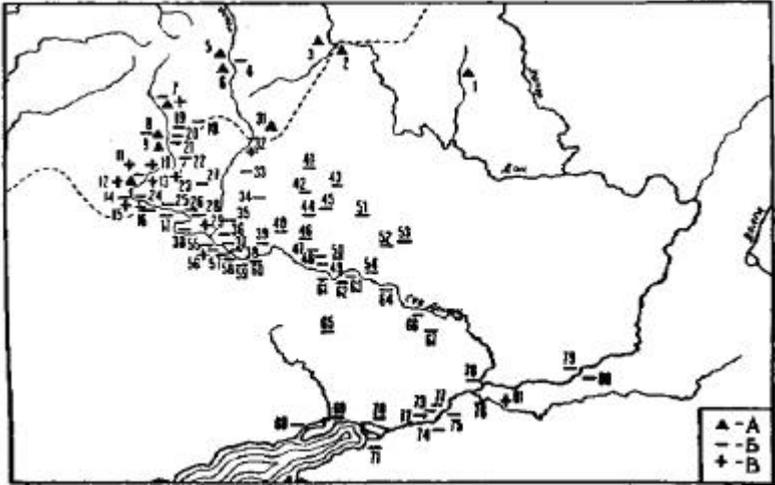

Рисунок 3. Могильники и отдельные погребения салтово-маяцкой культуры (по В. К. Михееву [Михеев 1986, с. 399–400]).

Условные обозначения: А — катакомбы; Б — ямные захоронения; В — трупосожжения.

1 — Воробьевка; 2 — Маяцкое; 3 — Урыв; 4 — Волоконовка; 5 — Ютановка; 6 — Нижняя Лубянка; 7 — Дмитриевское; 8 — Верхний Салтов; 9 — Старый Салтов; 10 — Кочеток; 11 — Новая Покровка; 12 — Мохнач I; 13 — Мохнач II; 14 — Готвальд (Кампицкий карьер); 15 — Сухая Гомольша; 16 — Красная горка; 17 — Залиман; 18 — Захаровка; 19 — Бочково; 20 — Нетайловка; 21 — Петровское; 22 — Марговая; 23 — Пятницкое; 24 — «База»; 25 — Балаклея; 26 — Кунье; 27 — Староверовка; 28 — Липчановка; 29 — Бондариха; 30 — Бугаевка; 31 — Подгоровка; 32 — Тополи; 33 — Покровский; 34 — Гончаровка; 35 — Лагерь; 36 — Шейковка; 37 — Лиманское озеро; 38 — Зливки; 39 — Кременная; 40 — Булгаковка; 41 — Николаевна; 42 — Белокуракино; 43 — Горшковка; 44 — Бутковка; 45 — Старобельск; 46 — Айдар Николаевка; 47 — Безгино I; 48 — Безгино II; 49 — Вольный; 50 — Петровка; 51 — Новолимаревка I–II; 52 — Верх. Камышная; 53 — Бараниковка; 54 — Гуркино; 55 — Сидорово; 56 — Маяки; 57 — Райгородок; 58 — Дроновка; 59 — Платоновка; 60 — Кривая Лука; 61 — Родаково; 62 — Желтое; 63 — Ст. Луганская; 64 — Давыдово-Никольское; 65 — Торез (Шахта 19); 66 — Каменск-Шахтинский; 67 — Гуково; 68 — Беглица; 69 — Миусский залив; 70 — Недвиговский; 71 — Азов; 72 — Кривенский; 73 — Кирово; 74 — Артугановский; 75 — Багаевский; 76 — Семикаракоры; 77 — Станица Заплавская; 78 — Крымский; 79 — Правобережное Цимлянское; 80 — Саркел; 81 — Большая Орловка.

состава и общественного устройства протоболгарских племен Подонья-Придонечья на конкретных примерах могильников и отдельных погребений, обнаруженных археологами в этом регионе.

Как показало исследование В. С. Аксенова [Аксенов 1999], на протоболгарских могильниках VIII–IX вв. верхнего течения Северского Донца наряду с обычными рядовыми погребениями так называемого «зливкинского» типа присутствуют и захоронения, в которых погребенных сопровождал целый конь либо его части (череп, кости ног) или конское снаряжение [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 1–3; Жиронкина, Цитковская 1996, табл. 1]. Эти отличия в погребальном обряде позволяют говорить о наличии разных погребальных традиций у оставившего данные могильники протоболгарского населения, а, следовательно, и об особых этнических составляющих воинского сословия и господствующего слоя в пределах Северо-Западной Хазарии. Развитие системы государственных отношений в Хазарском каганате не могло не привести к некоторой нивелировке различий в погребальной обрядности у рядового населения. В то же время социальная верхушка общества, в силу ряда объективных причин, продолжала сохранять свои старые традиции. Следует обратить особое внимание на этот факт, особенно в связи с продолжающимися в современной историографии поисками доказательств участия различных этнических групп в процессе формирования раннесредневековых протоболгар. В частности, по мнению болгарского историка Р. Рашева, иранский этнос юга Восточной Европы вошел в основу рядового протоболгарского населения, тогда как социальная верхушка протоболгар, оставившая богатые погребения типа Малое Перещепино-Мадара, была тюркской по происхождению [Рашев 1993, с. 251–252, 253]. В то же время В. Бешевлиев попытался доказать наличие трех этнических элементов в составе протоболгарской племенной верхушки — тюркского, иранского и утро-финского [Бешевлиев 1981, с. 22]. Подобные разногласия требуют более глубокого изучения этнических составляющих протоболгарского населения. В этой связи возникает необходимость анализа материалов погребений из протоболгарских могильников верхнего течения Северского Донца. В качестве одного из основных этноопределяющих признаков данных погребений воинской социальной верхушки, предполагается рассматривать те или иные варианты сопровождающих их конских захоронений.

По мнению Е. В. Круглова, для протоболгарских погребений конца VII — начала VIII вв. характерно помещение останков коня, в виде целой конской туши или ее частей, непосредственно над погребением человека, на деревянном перекрытии или в засыпке могильной ямы (Сивашское, Сивашовка, Дымовка и др.) [Круглов 1992, с. 33; Орлов 1985, с. 104–105]. На границе с лесостепью захоронения с конем этого типа встречены на протоболгарском грунтовом могильнике второй половины VII в. у с. Рябовка на реке Ворсклица (Полтавская область) [Обломский, Терпиловский 1993].

Как отмечает В. С. Аксенов, на памятниках салтовской культуры бассейна Северского Донца подобный тип представлен лишь единичными захоронениями на протоболгарских могильниках, для которых характерна различная ориентация умерших: восточная — Нетайловский могильник (погр. №4), западная — могильник у с. Красная Горка (погр. №28, 289/к-28) [Аксенов, Тортика 2001, с. 200]. К сожалению, все эти погребения в древности подверглись обряду обезвреживания покойников или были ограблены, но размеры могильных ям и состав конских останков позволяет утверждать, что непосредственно над погребением человека находились целые костяки коней.

Очень близко по чертам обряда конского захоронения к этим памятникам находится погребение №3/к-7 могильника у с. Красная Горка [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 1, 2]. Здесь расположение костяка коня лишь частично соответствует протоболгарской погребальной традиции. Над человеком, на крышке гроба, покоилась только передняя часть коня, заваленного на левый бок, вместе с передними конечностями, тогда как задняя часть коня занимала свободный край могильной ямы. Подобное расположение конских останков было отмечено также в погребении второй половины VII в. (№9) на протоболгарском грунтовом могильнике у с. Рябовка. В погребении из Рябовки над нижней частью человеческого костяка залегали кости передней половины лошади, лежавшей в анатомическом порядке и ориентированной, как и скелет человека. Отсутствие в захоронении задней половины лошади, в данном случае, может быть объяснено чисто утилитарным подходом родственников умершего: задняя часть лошади была съедена на поминках, тогда как передняя часть положена в могилу. По мнению В. С. Аксенова, в этом

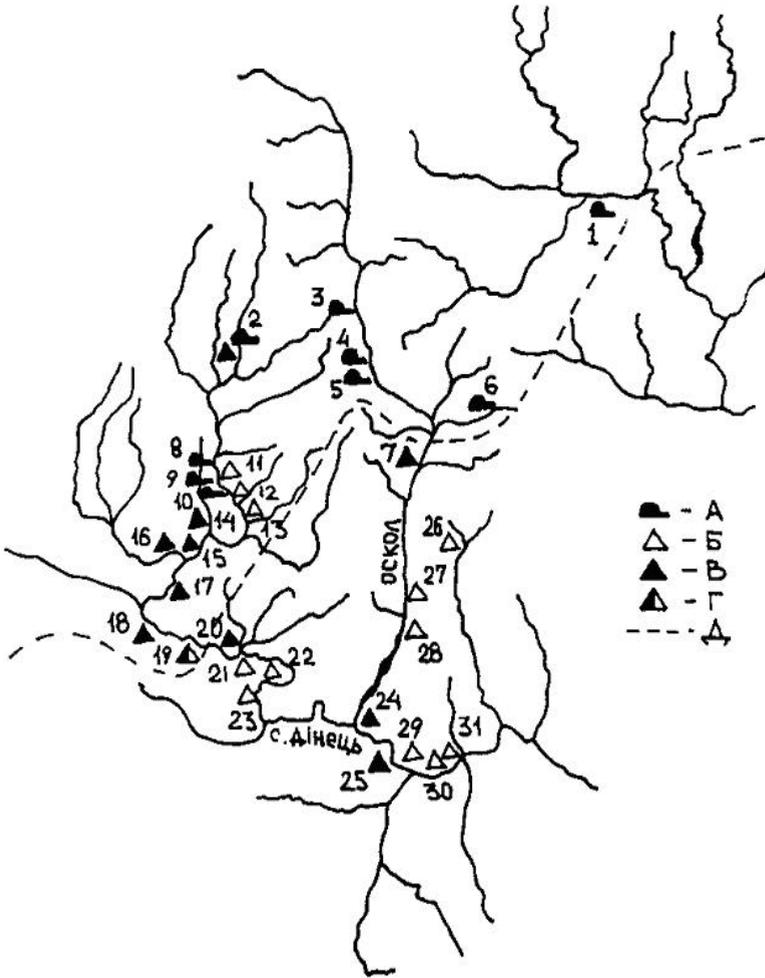

Рисунок 4. Могильники салтово-маяцкой культуры в районе верхнего и среднего течения Северского Донца (по В. С. Аксенову [Аксенов 1999, с. 221]).

Условные обозначения: А — катакомбные могильники; Б — грунтовые могильники с труположением; В — грунтовые могильники с трупосожжением; Г — биритуальные могильники; Д — граница степи и лесостепи.

и подобных захоронениях наблюдается процесс некоторой модификации протоболгарской погребальной традиции [Аксенов, Тортика 2001, с. 200]. Изменения в расположении коня (из положения над телом человека к его ногам и еще дальше) могло быть связано с повышенной заботой родственников об умершем.

Опасность падения коня на человека, существовавшая в реальной жизни, вероятно, была учтена и в ритуальном размещении останков коня над погребением человека. Как считает В. С. Аксенов, это проявилось в разнесении в пространстве захоронения коня и его хозяина, в размещении коня в могильной яме уже после того, как тело покойного было засыпано землей [Аксенов, Тортика 2001, с. 200]. Так, например, во многих погребениях тюркоязычных кочевников тело человека отделялось от туши коня стенкой из камней, колод, конь размещался на ступеньке, ниже уровня расположения человека, и даже в отдельной яме [Нестеров 1990, с. 75].

Проявление подобной формы заботы об умершем нашло отражение и в некоторых захоронениях с конем на могильнике у с. Красная Горка [№70/К-5, 77/к-3, 93/к-6, ЮО/к-8, 140/К-12, 200/К-18, 209/к-Ю, 293/К-34, 305/К-32] [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, рис. 1, 1; 2, 1, 2]. Останки коня в этих погребениях занимают место на свободном участке могильной ямы в ногах у человека. При этом ориентация по сторонам света у коня и у человека совпадают. В погребении №40/к-12 захоронение коня находилось в более глубокой яме, чем яма человека, и было отделено земляной перемычкой в 5 см от погребения человека. Захоронения коней к-11, 14, 31, 23 на могильнике у с. Красная Горка были удалены на 2–3 м от погребений своих хозяев — №44, 145, 199, 282 соответственно. Подобное размещение погребений людей и принадлежащих им коней отмечены также на протоболгарском Крымском могильнике (погр. №41, 88, 119 и захоронения коней №32, 96, 113 соответственно) [Савченко 1986], на могильнике Дюрсо [Дмитриев 1979а, с. 212–231]. Обряд захоронения коня в отдельной яме, невдалеке от могилы хозяина, сохранился у тюркских народов до конца XIX в. [Катанов 1894, с. 117].

На могильнике Красная Горка встречен ряд захоронений (№75/К-4, 150/к-13, 219/К-20, 245/К-17, 264/К-24, 288/к-30), которые

находят прямые аналогии в подкурганных погребениях тюркоязычных кочевников VI–XIII вв., расположенных на территории от Алтая до Паннонии. Для этих погребений характерно размещение целого костяка коня по правую руку от человека, в общей простой могильной яме. При этом и конь, и человек сориентированы в одном направлении [Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, рис. 3, 1, 3]. В отмеченных захоронениях человеческие останки находились в деревянных (дубовых) гробах-ящиках с дном и крышкой, изготовленных без помощи гвоздей, скоб, шиповых соединений [Михеев 1990, с. 49]. Подобные захоронения встречены также в единственном числе на некоторых протоболгарских грунтовых могильниках Дунайской Болгарии (№3 могильника Нови-Пазар, №5 могильника Кюлевча, №6 могильника Ножарево) [Станчев 1958, с. 11, 12, табл. XI; Въжарова 1976, с. 114–119; Рашев, Станилов 1989, с. 218]. Отличием этих захоронений от погребений могильника у с. Красная Горка, по наблюдениям В. С. Аксенова, является отсутствие деревянных гробов, ориентировка коня и человека головами в противоположные стороны [Аксенов, Тортика 2001, с. 201]. Однако, как и в погребениях у с. Красная горка, в этих погребениях костяк коня занимает место справа от человека. Варьирование ориентировки коня (черепом к голове человека или же к его ногам) вполне допустимо и встречается у родственных групп тюркоязычного населения (например, тип XVII и XVIII у Г. А. Федорова-Давыдова) [Федоров-Давыдов 1966, с. 125].

В. С. Аксенов полагает, что захоронения могильника у с. Красная Горка и упомянутые выше погребения с могильников Дунайской Болгарии существенно отличаются от подкурганных хазарских захоронений VIII–IX вв. [Аксенов, Тортика 2001, с. 201]. Для хазарских погребений более характерно использование ямы с подбоем, наличие остатков мясной пищи в виде костей барана, что типично для захоронений тюркоязычных кочевников VI–IX вв. Алтая и Сибири [Могильников 1981, рис. 18, 1,4,5,6; 20, 1; 24, 1, 3], а также размещение конских останков слева от человека при одинаковой их ориентировке [Айбабин 1985, с. 200, рис. 4; Круглов 1990, с. 171, рис. 4; Круглов 1992, рис. 1,1]. Западная, с сезонными отклонениями, ориентация хазарских захоронений и болгарских погребений с конем могильника у

с. Красная Горка, в этом случае, может свидетельствовать о родственности обеих групп населения. Западная сторона у тюркоязычных народов устойчиво связывалась с мотивами перехода в небытие, со страной предков [Традиционное мировоззрение... 1988, с. 43].

При размещении коня в могиле слева от человека, при одинаковой ориентировке обоих, человека, по мнению В. С. Аксенова, укладывали со стороны, наиболее подходящей для посадки на коня [Аксенов, Тортика 2001, с. 201]. То же самое наблюдается и при размещении коня справа от человека, когда они ориентированы в противоположные стороны (погребения с конем Дунайской Болгарии). Размещение же коня так, как это имеет место в погребениях могильника у с. Красная Горка, вероятно, может свидетельствовать о существовании у населения представлений, что в загробном мире все меняется своими местами и превращается в свою противоположность. Таким образом, правая сторона в мире живых, в мире мертвых становится левой и наоборот. Следует отметить, что подобные воззрения были отмечены у тюркоязычных народов еще в конце XIX в. [Катанов 1894, с. 117]. Характерно, что в некоторых впускных протоболгарских погребениях второй половины VII — рубежа VII–VIII вв. из района, где могла располагаться Великая Болгария Кубрата (к. 8, Старониче-стбелевский I могильник), конские останки также занимают место справа от человека [Атавин 1996, табл. 23]. Таким образом, погребальная традиция, характерная для тюркоязычных народов, в протоболгарских захоронениях неизменно присутствует, начиная со времени Великой Болгарии Кубрата, и продолжает сохраняться и во время нахождения болгар в составе Хазарского каганата (могильник у с. Красная горка) [Аксенов, Тортика 2001, с. 201].

Отдельно необходимо отметить, что в верхнем Придонецье известны комплексы (Тополи, Кочеток) и могильники (Новая Покровка, Сухая Гомольша, Лысый Горб, Пятничкое, Красная Горка), содержащие кремационные погребения VIII–IX вв. [Кухаренко 1951; Дегтярь 1984; Шрамко 1983; Михеев 1986; Михеев 1990]. Их этническая принадлежность продолжает оставаться спорной. Существует, по крайней мере, четыре гипотезы, ни одна из которых до сих пор не получила окончательного преобладания в историографии: славянская [Кухаренко 1952, с. 49; Плетнева 1962, с. 64], тюркская [Плетнева

1967, с. 100–101], угорская [Михеев 1982, с. 166] и иранская [Шрамко 1983, с. 50].

Для решения этого вопроса, как представляется, может быть использован материал биритуального грунтового могильника у с. Красная Горка. Уникальность этого памятника заключается в том, что захоронения с разным обрядом погребения на могильнике в некоторых случаях образуют относительно компактные группы, отделенные от других подобных групп свободным от погребений пространством. При этом кремационные захоронения, довольно часто, были впущены в засыпку погребений по обряду трупоположения, без разрушения последних. Так, в засыпку погребения с конем №5/к-4 было впущено два ямных сожжения (№69 и 71) и захоронение человеческого черепа (№64), в сопровождении незначительного погребального инвентаря и мясной жертвенной пищи. Сожжения были обнаружены в засыпке других ингумационных захоронений с конем — №289/К-28, 93/к-6. Такая же ситуация прослеживалась и на примере рядовых ингумационных погребений. Так, в засыпке погребений №9, 74, 113, 243, 247, 274 были обнаружены трупосожжения №9, 58, 111, 237, 242, 268. В засыпке погребения №6 находилось два кремационных погребения — №7, 38. В ряде случаев основное и впущенное в него захоронения были однообрядовыми. В частности, в погребение с конем №150/к-13 было впущено безинвентарное захоронение подростка в колоде (№42). Ямное сожжение №9 содержало два захоронения по обряду кремации (№96, 108). Погребение №8 было совершено в урне и содержало достаточно богатый погребальный инвентарь, включавший предметы вооружения и конского снаряжения, а также смятый бронзовый котел, что позволило отнести его к высшему разряду воинских захоронений [Аксенов 1998, с. 44, табл. 2].

Такое сочетание отличающихся по обряду погребений свидетельствует о существовании в общине, оставившей могильник у с. Красная Горка, семей, принадлежавших, по-видимому, к родственным в этническом плане, но, тем не менее, достаточно самостоятельным группам (родам, фратриям), практиковавшим разный обряд захоронения своих умерших родственников [Аксенов, Тортика 2001, с. 202]. Известно, что у тюркских народов еще в XIX в. представите-

лей отдельных социальных групп хоронили по особому обряду. Так, принадлежащих к социальной верхушке сжигали, а простых людей просто закапывали в землю или же бросали в степи [Катанов 1894, с. 117]. Погребения по обряду кремации исследователи сибирских древностей приписывают тюркам-тюгу [Вайнштейн 1966, с. 61; Грач 1968, с. 211] или только представителям социальной верхушки тюркского общества [Кызласов 1960, с. 51–53].

Исходя из вышесказанного, отмеченные трупосожжения из могильников, расположенных в бассейне Северского Донца, как предполагает В. С. Аксенов, могут быть связаны с представителями тюркского этноса, которые в социальной структуре местного салтовского общества занимали привилегированное положение [Аксенов, Тортика 2001, с. 202]. Последнее заключение подтверждается наличием среди трупосожжений Придонечья достаточно большого числа захоронений конных воинов. Интересно, что среди них удалось выделить погребения командиров небольших конных отрядов — сотников, социально маркирующим показателем для которых, как и у аланского населения [Афанасьев 1993, с. 26–29, 39–42], является конское очелье в комплекте с 3–4 видами вооружения [Аксенов 1998, с. 40]. Это позволяет предположить, что данные сожжения принадлежали социальной верхушке местного общества — представителям тех древних тюркских родов (собственно тюркам), предки которых играли главенствующую роль в степных районах Юго-Восточной Европы в предсалтовское время. Вероятно, именно они (т. е. подобные представители аристократических тюркских родов) оставили такой богатейший комплекс как Вознесенка. В условиях перехода господствующего военно-политического положения к хазарам представители этой более ранней кочевой элиты потеряли значительную часть своей власти, но все же вошли в состав правящей верхушки Хазарского каганата, оставаясь во главе местного протоболгарского кочевого общества [Аксенов, Тортика 2001, с. 202].

На грунтовых протоболгарских могильниках Придонечья встречаются захоронения, в обряде которых наблюдаются и угорские черты. К ним можно отнести ниши-подбой в торцевых стенках могильных ям с частями коня (черепа, кости ног) и конским снаряжением или сбруей [Аксенов 1997, с. 34, 35]. Например, в погребении №27 Не-

тайловского могильника в нише-подбое находился целый костяк коня, здесь же лежала конская сбруя [Аксенов 1997, рис. 1, 1]. Вероятно, близкую конструкцию могильной ямы имели и погребения №3, 53, открытые на Нетайловском могильнике экспедицией Д. Т. Березовца [Иченская 1981, рис. 3]. На этом же могильнике открыты захоронения с частями коня и конской сбруей (№32, 171) или только конским снаряжением (№44, 221), также помещенным в ниши-подбой [Жиронкина, Крыганов, Цитковская 1997, рис. 1; Жиронкина, Цитковская, 1996, рис. 4; Аксенов 1997, рис. 1, 3, 6].

Аналогии захоронениям с целым костяком коня, расположенным в ногах хозяина перпендикулярно его телу, находят в погребениях венгров, относящихся к эпохе обретения ими родины в Паннонии (V группа [Балинд 1972, с. 181]). Общность подобных захоронений обнаруживается при изучении расположения конских останков в могиле, отличает же их наполнение погребения (целый конь — растянутая шкура). Наличие в венгерских захоронениях растянутой в ногах человека шкуры коня сказалось на форме самой могильной ямы, которая в некоторых случаях, как и в погребении №3 Нетайловского могильника, имела «грушевидную» в плане форму [Балинд 1972, рис. 1,6].

Захоронения с черепом и костями конечностей коня в ногах хозяина хорошо известны и на Танкеевском могильнике и подобных ему некрополях салтовского времени Южного Урала и Среднего Поволжья [Халикова 1971, с. 71], где погребения данного типа приписываются смешанному тюрко-угорскому населению. Размещение в ногах человека свернутой шкуры коня (череп и кости ног, сложенные кучкой) является наиболее характерной чертой угорского погребального обряда, тогда как для захоронений тюрков отмечено наличие в могиле растянутой вдоль тела человека шкуры коня [Казаков 1981, с. 66; Казаков 1989, с. 83]. Последнее находит подтверждение в болгарских захоронениях VI–VII вв. с предполагаемой территории Великой Болгарии Кубрата [Атавин 1996, табл. 4, 8, 12, 23]. При этом если для угорского населения характерно укладывание черепа коня лобной частью вверх, резцовой частью — к голове погребенного, над кучкой костей ног коня, рядом с ногами человека, то в болгарских (с

угорским влиянием) погребениях череп коня лежит на боку поперек могильной ямы [Казаков 1984, с. 105]. Именно так были уложены останки коня в большей части погребений Больше-Тарханского могильника [Генинг, Халиков 1964, рис. 9, 10] и в протоболгарских могильниках Подонья [Татаринов, Копыл, 1981, рис. 2, 4; Татаринов, Копыл, Шамрай 1986, рис. 7, 4].

В Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках, где большинство конских останков в погребениях уложено в соответствии с угорской традицией, известны единичные захоронения с конским черепом, уложенным поперек могильной ямы [Халикова 1976, рис. 2а; Халикова 1971, рис. 6, 10б]. В погребениях №80, 264, 298 протоболгарского Больше-Тарханского могильника останки коня были уложены в полном соответствии с угорской погребальной традицией [Генинг, Халиков 1964, рис. 8а, с. 23]. Аналогичным образом были уложены конские останки в тех немногих венгерских погребениях, которые были открыты на территории Украины [Бокий, Плетнева 1988, рис. 2, 7; Приймак, Супруненко 1994, с. 81].

Интересен и тот факт, что только на Танкеевском могильнике встречены захоронения с подбойчиками в торцевой стенке у ног погребенных [Халикова 1971, с. 84], аналогичные нишам-подбоям в захоронениях Нетайловского могильника и протоболгарских могильников у с. Желтое и Зливки [Красильников 1991, с. 71; Швецов 1991, с. 115]. На могильниках Среднедонечья могильные ямы с подбоями у ног или головы отмечены в 8,3% протоболгарских захоронений [Красильников 1990, с. 31]. В VII–VIII вв. наличие ниш-подбоев с уложенной в них жертвенной пищей характерно для погребений турбаслинской культуры Южного Урала, которые приписываются пришлому из степей населению [Мажитов 1981, рис. 12, 2,3,4]. Появление ниш-подбоев, укладывание в них или у ног умершего свернутой шкуры коня в погребальном обряде протоболгарского населения Подонья можно связывать с влиянием угорского компонента [Аксенов, Тортика 2001, с. 203]. Последнее было бы невозможно без тесных и продолжительных межэтнических контактов. Очевидно, начало таких контактов должно относиться еще к гуннскому времени.

Вопрос о выделении иранского компонента в составе протобол-

гар является наиболее сложным. Распространенным является предположение о ранней тюркизации сармат, произошедшей в период становления гуннского объединения и приведшей к формированию протоболгар [Смирнов 1951, с. 10–12; Артамонов 1962, с. 82–83; Ваклинов 1977, с. 28–29]. Существует мнение (основанное на материалах могильников VIII — IX вв. из Среднего Поволжья), что болгары имели близкую с сарматами антропологическую основу [Акимова 1964, с. 184, 185]. Черты иранского (позднесарматского) погребального обряда — подбой — в одной из продольных стенок могилы, наличие в могиле мела или белых камней, присутствие мясной заупокойной пищи в виде костей барана, а также деформация черепов — отмечены в раннеболгарских памятниках новинковского типа из Среднего Поволжья [Матвеева 1997, с. 62]. Как показали антропологические исследования, новинковское население, по комплексу краниологических и одонтологических признаков, входило в круг распространения протоболгарских кочевых племен Поволжья, Подонья и было смешанным по своему антропологическому составу. При общей европеоидности новинковской серии в ней присутствуют индивиды с монголоидной примесью, которая больше всего проявилась в женской группе. В то же время мужским черепам, происходящим из могильников Среднего Поволжья, близка сборная антропологическая серия венгров «эпохи завоевания родины», Больше-Тарханского могильника, а также серии из Саркела [Матвеева 1997, с. 97–98].

Антропологи отмечают вероятность существования этнических связей новинковцев с группами населения из Подонья — Саркел, Зливки. Не исключено, что с подобным населением можно связывать те брахикранные черепа монголоидного типа, которые были представлены в зливкинской серии [Наджимов 1955, с. 74]. Т. А. Трофимова предположила, что брахикранные черепа монголоидного типа из Злинок могут принадлежать «угорской или какой-нибудь южной остяко-самодийской, возможно также и тюркской группе населения, происходящей из лесной полосы Западной Сибири, ассимилированной “салтовцами”» [Трофимова 1956, с. 112]. Свидетельством такого положения дел могут служить отмеченные выше элементы тюркской и угорской погребальных обрядностей в протоболгарских

захоронениях салтовской культуры.

Другой антропологический тип, представленный в Зливках — брахикранный европеоидный — близок по своим морфологическим чертам к одному из типов сармат Поволжья [Наджимов 1955, с. 74; Дебец 1948, с. 256]. Т. С. Кондукторова считала, что следы «сарматского» типа на территории Украины будут установлены в среде антропологически смешанного населения памятников подобных Зливкинского могильнику [Кондукторова 1956, с. 173]. Исследования серии черепов из могильника у с. Червоная Гусаровка [Михеев 1994, с. 195] свидетельствует о преобладании европеоидных брахикранных и мезокранных черепов, близких по своим морфологическим показателям к черепа сармат. Одновременно было зафиксировано отличие черепов из могильника у с. Червоная Гусаровка от верхнесалтовского, нетайловского и зливкинского антропологических типов. Это тем более показательно, поскольку по обряду погребения и форме могильных ям захоронения из могильника у с. Червоная Гусаровка, в целом, относятся к так называемому «зливкинскому» типу.

Захоронения могильника у с. Червоная Гусаровка отличаются четкими рядами, идущими с севера на юг. В рядах отмечено наличие обособленных групп могил (от 3 до 10), содержащих, как правило, захоронения и взрослых, и детей. Захоронения индивидуальны, произведены в неглубоких простых грунтовых ямах. Характерно наличие в ямах остатков деревянных гробов-рам, иногда в сочетании с перекрытием из поперечно уложенных деревянных плах. Погребенные находились в вытянутом на спине положении, головой на северо-запад, с вытянутыми ногами и сложенными на животе, на груди или на костях таза руками. Инвентарь в большинстве захоронений представлен только одним глиняным сосудом, поставленным слева или справа от головы погребенного. Остатки мясной жертвенной пищи отсутствуют, тогда как последняя характерна для «стандартных» захоронений «зливкинского» типа [Плетнева 1999, с. 78].

Близкие по конструкции могильные ямы — яма с прямыми стенками, в нижней части которой вырыта узкая погребальная камера — встречаются в ингумационных захоронениях черняховской культу-

ры [Никитина 1985, с. 48, 49], которые большинство исследователей связывают с сарматами.

Все это позволяет вычленировать из серии памятников так называемого «зливкинского» типа те комплексы, которые с достаточной долей вероятности можно ассоциировать с иранским (сарматским, не аланским) компонентом протоболгарского населения салтовской культуры. Таковыми, по мнению В. С. Аксенова, являются захоронения могильника у с. Червоная Гусаровка, в которых отсутствуют остатки мясной жертвенной пищи и такие конструктивные детали могил как ниши-подбой в торцевых стенках могильных ям [Аксенов, Тортика 2001, с. 211]. Тот факт, что данное население успешно ассимилировало тюркский компонент, подтверждается откритием на могильнике погребений, в которых находились останки людей с ярко выраженными монголоидными чертами. В одном из таких захоронений были обнаружены остатки каптаргака — специального кожаного мешочка для хранения разных бытовых вещей, который у представителей тюркских народов подвешивался к поясному ремню, и бронзовое крупное зеркало, типологически близкое зеркалам поздних сармат [Білик 1998, с. 18, 21].

Таким образом, можно констатировать, что изучение отдельных протоболгарских могильников верхнего и среднего течения р. Северский Донец, оставленных кочевыми и полукочевыми объединениями, входившими в состав Хазарского каганата, действительно позволяет говорить о наличии на них захоронений, в которых достаточно четко прослеживаются черты тюркского, угорского и иранского (позднесарматского) погребальных обрядов. Это же подтверждают данные письменных источников, которые указывают на достаточно пестрый этнический состав населения междуречья Днепра и Дона в хазарское время. Такая ситуация сложилась исторически, в результате отмеченных выше бурных событий протоболгарской истории. Однако следует отметить, что в VIII–X вв. продолжался приток кочевого населения в указанный регион из других районов Восточной Европы. Поводом к таким переселениям в период существования Хазарского каганата были вполне объяснимые объективные причины: наличие свободных и благодатных для ведения хозяйства территорий, уда-

ленность Придонецья от центральной власти, что давало возможность представителям местной социальной верхушки проявлять большую самостоятельность, различные военно-политические события¹.

В результате омеченных выше причин процесс этнической консолидации протоболгарского кочевого населения в рамках Хазарского каганата на территории Днепро-Донского междуречья, в Приазовье и Донецкой лесостепи так и не был завершен. Ослабление Хазарии, проникновение в степи Восточной Европы угров, гузов, печенегов и половцев привело к началу нового витка кочевого этногенеза. Сохранившиеся в исторических катаклизмах конца IX–X вв. протоболгарские роды и их отдельные представители влились в состав угорских или печенежских племен, тем самым завершив период относительно самостоятельного исторического развития.

§ 1.4. Проблема оседания (седентеризации) алано-болгарского населения Днепро-Донского междуречья в хазарское время (конец VIII — начало X вв.)

Основными этносами, образовавшими салтово-маяцкий массив на правобережье Дона и в районе Северского Донца и его притоков, были переселившиеся с Северного Кавказа аланы, а также вошедшие в состав Хазарского каганата после 679 г. протоболгарские племенные группы. В течение 150–200 лет аланы и протоболгары были близкими соседями, носителями одной материальной культуры и находились в контексте политики одного раннегосударственного образования [Новосельцев 1990, с. 196–211]. Очевидно, что все это привело к развитию сложных и многогранных процессов этнического и социального взаимодействия, которые по сегодняшний день привлекают внимание специалистов, вызывая различные оценки и суждения [Аксенов, Тортика 2001, с. 191–218]. В данном случае предпринимается попытка реконструкции этносоциальной структуры протоболгарской части салтово-маяцкого населения с позиций переосмысления неко-

¹ Имеются в виду события арабо-хазарских войн, проникновение венгров на территорию Восточной Европы в первой трети IX в., печенегов — в Днепро-Донское междуречье и далее в конце IX в., движение огузских племен, «просачивавшихся» на территорию Волго-Донского междуречья в течение первой половины X в. вопреки воле хазарского правительства.

торых методологических положений советской исторической науки, в частности теории «стадий» кочевания и неизбежности «седентеризации» — оседания [Плетнева 1982] кочевых обществ.

Протоболгары, входившие в состав Хазарского государства и являвшиеся носителями салтово-маяцкой культуры, по всей видимости, с большей легкостью, чем аланы, подвергаются ассимиляции. Это типично для кочевников евразийских степей. В кочевой истории известно много примеров, когда этно-социальные родоплеменные организмы — племена или союзы племен — на короткий срок объединялись, потом распадались и входили в состав новых объединений [Аксенов, Тортика 2001, с. 198]. Как уже отмечалось выше (параграф 1.1.), для протоболгар в течение раннесредневековой истории эта перманентная смена форм их политической принадлежности была нормой¹.

Лишение привычной пастбищной базы и скота в результате хазарского завоевания степей Восточной Европы (кочевники всегда отнимали скот у побежденных), местами как в Придонецье, так и в Крыму, приводит к оседанию каких-то протоболгарских семей или родовых групп. На этот процесс неоднократно обращали внимание: С. А. Плетнева [Плетнева 1967; Плетнева 1982; Плетнева 1999], А. В. Гадло [Гадло 1971б], К. И. Красильников [Красильников 1981], В. К. Михеев [Михеев 1985] и др. В результате в оседании раннесредневековых кочевников Восточной Европы была определена константная историческая закономерность, и весь ход исторического развития кочевых обществ рассматривался как поступательное (линейное) движение от полного (таборного, по С. А. Плетневой [Плетнева 1982, с. 17–20]), кочевания к полуоседлости и затем полной оседлости¹. Этот процесс рассматривался в советской исторической

¹ В VI в. они образовывали родственные, но постоянно враждующие племенные союзы кутригуров и утигуров. Затем оба союза потеряли политическую самостоятельность и вошли в состав Западно-тюркского (утигуры около 576 г. и до 630 г.) и Аварского (кутригуры после 570 г. и до 630 г.) каганатов. После 630 г. протоболгары освобождаются и создают самостоятельную кочевую политику (конфедерацию) — Великую Болгарию Кубрата, в которой политическое преобладание получил ханский род оногундугов. После 768 г. и до конца IX, а, местами, возможно, и до середины X в. значительная часть протоболгар, входивших в состав Великой Болгарии, подчиняется хазарам [Генинг 1989; Димитров 1987].

науке как проявление прогресса в кочевой среде.

В этой связи следует отметить, что закономерный характер перехода к оседлости экономически здоровых и состоятельных в военном отношении кочевых народов вызывает сомнения. Кочевники, владевшие степями и выпасавшие там скот, сохраняли неизменным свой образ жизни и способ ведения хозяйства в течение столетий. В целом, степи

¹ Достаточно полный обзор работ по этой тематике к настоящему времени можно найти в статье Е. П. Бунятян [Бунятян 1994, с. 73-101], которая предлагает строить типологии кочевого хозяйства на основе его технологических признаков. По ее мнению, существующие к настоящему времени типологии кочевого хозяйства, представленные в работах Г. Н. Симакова [Симаков 1982, с. 67-75], Д. Е. Еремеева [Еремеев 1977, с. 3-13], Т. А. Жданко [Жданко 1968, с. 274-281], Б. В. Андрианова [Андрианов 1985], А. В. Гадло [Гадло 1971, с. 61-75], Г. Е. Маркова [Марков 1981, с. 83-94] и других авторов, имеют ряд недостатков формально-логического и конкретного характера. Как правило, эти недостатки связаны с тем, что при создании претендующих на универсализм типологий многие авторы использовали какой-то локальный этнографический материал, оценивали не столько хозяйство, сколько общество, выделяли отдельные типы на основе разных наборов критериев. В результате многие из существующих типологий на самом деле таковыми не являются, носят описательный характер, непригодны для оценки кочевого хозяйства вообще, их сложно применять при реконструкции хозяйственных моделей, основанных на изучении археологического материала.

Если использовать предложенную Бунятян Е. П. схему классификации и типологии скотоводства, то в настоящей работе будет рассматриваться хозяйство, которое характеризуется экстенсивным кочевым скотоводством с круглогодичным пастбищным содержанием скота [Толыбеков 1971, с. 50-51] и регулярными сезонными перегонами (термин перекочевки кажется более удачным — А. Т.) с зимних на весенние, летние и осенние пастбища. Именно такой тип хозяйства воспроизводился большинством известных кочевых народов и воспринимался оседлыми соседями, авторами письменных источников как соответствующий образу жизни кочевника. Так вели свое хозяйство и строили свой образ жизни сюнну и гунны, протоболгары, печенеги, гузы, половцы, монголы, калмыки, ногайцы, казахи и т. д. [Кумекоев 1972, с. 89; Тортика 1999, с. 17; Федоров-Давыдов 1966, с. 198-199]. В то же время, как совершенно верно писал Г. Е. Марков, отнесение к чилу кочевников только «чистых» скотоводов лишено основания. Хозяйство кочевников всегда комплексно. Но при этом в хозяйственном комплексе одни виды деятельности занимают подчиненное положение, тогда как другие дают основные средства к существованию, определяя собой хозяйственный тип. Так, у кочевников, на разных этапах их истории и в разных местах, земледелие, торговля, ремесло, сопровождение караванов, грабеж и т. д. играли то большую, то меньшую роль. Но основу их существования всегда составляло экстенсивное скотоводство в условиях сезонных перекочевок [Марков 1976, с. 9].

Евразии формируют условия [Савицкий 1997, с. 342; Christian 2000, р. 4–18], в которых кочевой быт и кочевое хозяйство воспроизводятся, несмотря на пестроту сменявших друг друга народов, по крайней мере, три тысячи лет [Курочкин 1994, с. 51–57; Руденко 1961, с. 3; Трубецкой 1997, с. 214; Хазанов 1975, с. 10; Saunders 2001, р. 9–14], создавая постоянно присутствующий в истории оседлых соседей фон своего рода кочевой «цивилизации»¹ [Тортика 2002, с. 103–111].

Оседают же, на самом деле, в рамках традиционного кочевого

¹ Термин цивилизация применяется в данном случае с определенной степенью условности, в кавычках. Эта условность и эти кавычки являются данью тем определениям цивилизации и цивилизованности, которые приняты в современной исторической науке. Тем не менее, нельзя отрицать самостоятельных достижений кочевого мира в хозяйственной сфере, военном деле, бытовой и духовной культуре, его особых и порой весьма эффективных форм государственности [Бартольд 1964, с. 27; Бартольд 1968, с. 187–192]. Кочевники оказались способны и к созданию собственной письменности, ярким примером которой являются орхоно-енисейские рунические надписи. Только крайние проявления европоцентризма заставляют современных западных исследователей видеть в кочевниках лишь варваров, «толпящихся в приходежей цивилизации», вечных проводников и перевозчиков товаров, которые лишь вследствие засухи или демографического подъема покидали свои пастбища и вторгались к оседлым соседям. Оказывается, что полная событий, падений и взлетов история кочевых народов, это всего лишь «...исключительный случай длительного паразитизма...» [Бродель 1986, с. 112]. Очевидно, что это не так и что кочевой мир являл собой самодостаточную и самостоятельную целостность, прежде всего в экономическом отношении. Кочевое хозяйство с избытком обеспечивало все необходимые жизненные потребности рядового члена кочевого общества [Тортика, Михеев 2001, с. 141–161]. Если оседлые соседи и оказывали культурное влияние на кочевников, то и кочевники неоднократно оказывали влияние на оседлые государства, причем не только в форме военного давления на них [Бартольд 1968, с. 238–252]. Китай, Иран, Византия, Киевская Русь и отдельные Древнерусские княжества были заинтересованы в торговле с кочевыми народами, покупали у них скот и продукты скотоводства, рабов, вступали с ними в военные союзы, заимствовали слова их языка, элементы одежды, вооружение и тактику ведения боевых действий.

Критике европоцентристского подхода в отношении истории кочевых народов немало внимания уделили основатели «евразийства» Н. С. Трубецкой и П. Н. Савицкий. Так, например, Н. С. Трубецкой подчеркивал, что «...кочевники, как сильно отличающиеся по своему быту от современных романогерманцев, на эволюционной лестнице всегда помещаются ниже оседлых народов» [Трубецкой 1997, с. 70]. П. Н. Савицкий отмечал, что «...в науке, имевшей до сих пор дело с кочевым миром,

хозяйства, только бедняки [Федоров-Давыдов 1966, с. 199–200], потерявшие скот¹ и пастбища. Это — всегда незначительная часть населения. Оседают кочевники, потерпевшие военное поражение, ограбленные, лишенные скота, вытесненные из степей более могущественным противником [Тортіка 2002]. Именно это и произошло, по всей видимости, с протоболгарами Придонецья, Приазовья и Крыма, и данный пример объясняется не воздействием некой внутренней закономерности стадийного характера, а является результатом развития конкретной исторической ситуации, связанной с военной активностью хазар и созданием Хазарского каганата.

Необходимо напомнить, что для советских ученых, пытавшихся создать какие-то обобщенные картины исторического развития, возможности формулировки исторической концепции, как правило, ограничивались общепринятыми и обязательными марксистскими построениями, носившими «однолинейный» прогрессистский характер. Поэтому, при всем желании быть объективными, даже лучшие представители отечественной науки мыслили в контексте марксистской схемы² и, временами, несколько упрощенно трактовали историческое развитие кочевых народов, входивших в состав Хазарского каганата.

Здесь, вслед за А. М. Хазановым, можно признать, что «идеоло-

по понятным причинам, преобладали окраинолюбивые мотивы: ведь эта наука создана окраинными народами. ...Это приводило и к тенденциозности. Придавалось преувеличенное значение (Sic! — А. Т.) культурной зависимости степного мира от периферийных стран, в особенности западных и южных; без достаточных оснований все и вся в степном укладе возводилось к периферическим влияниям (иными словами, игнорировалось качество кочевой среды как самостоятельного исторического мира)...» [Савицкий 1997, с. 359–360].

¹ А Харузин, на материалах казахов Букеевской орды (конец XIX в.), констатирует, что «...падеж скота происходит, главным образом, от болезней (сибирской язвы и, особенно, чумы), далее, от бескормицы и снежных бурь (буранов)...» [Харузин 1889, с. 187].

² Для советской исторической науки характерно постоянное внимание к проблемам социального развития кочевников. По этой причине большая часть литературы теоретического характера по кочевниковедческой тематике почти всегда связана с изучением общественного устройства, попытками объяснить его с позиций формационной схемы, найти ему место в этой схеме. Обилие точек зрения и аргументов

гия поставила советских ученых перед неразрешимой проблемой: как доказать, что кочевники развивались в направлении более сложных социально-экономических систем» [Хазанов 2002, с. 46]. В то же время, следует отметить, что еще в 1967 г. С. А. Плетнева в результате объективного научного анализа археологического материала локальных вариантов СМК, пришла к выводу, что, в течение всего времени существования культуры, у оставившего ее населения существовали параллельно самые разнообразные хозяйственно-

по этому поводу, появившихся с 1920-х по 1990-е гг., свидетельствует если не о нерешаемости, то о чрезвычайной запутанности этого вопроса. Вероятно, его перманентная неразрешенность является результатом нахождения в методологическом тупике, связанном с вульгарной трактовкой положений марксистской политэкономии и социологии, с очевидной односторонностью такой позиции. Большое влияние на решение проблемы кочевого феодализма, собственности на средства производства в условиях традиционного кочевого общества, наличия классов и формах эксплуатации оказывали господствующая коммунистическая идеология и политическая ситуация в СССР. Практически каждая статья 30–50-х гг. начинается с «правверных» высказываний в пользу классиков марксизма-ленинизма, едких выпадов в сторону буржуазных ученых, жестких обвинений советских исследователей, неправильно понимающих положения исторического материализма. Таким образом, глубоко научная проблема в это время могла быть превращена в идеологическую и политическую. Связано это было с тем, что многочисленные кочевые народы, доставшиеся СССР от Российской империи, также как и все остальное население государства должны были участвовать в строительстве социализма. Поскольку «классики марксизма» не предусмотрели в своих работах возможность перехода к социализму сразу из состояния первобытнообщинных отношений, необходимо было доказать наличие классового общества у кочевников, эксплуатации, несправедливости по отношению к большинству рядовых производителей, их недовольство существующим положением вещей. Все эти многочисленные категории угнетаемого населения должны были стать опорой советской власти в условиях кочевого хозяйства и были призваны поддерживать и осуществлять социалистические преобразования в жизни своего народа (казахского, киргизского, тувинского и т. д.). Необходимость колхозного строительства и построения социализма привели к формированию ставшего общепринятым представления о примитивности кочевой жизни, ее застойности и консервативности. Поскольку, исходя из принципов социалистического интернационализма, все народы равны и одинаково талантливы, то и в кочевом хозяйстве начали искать прогресс, который однозначно был определен в тенденции к оседанию и занятию земледелием или ремеслами. Это же привело к поиску и определению стадий в кочевом хозяйстве, неизбежно завершающихся оседлостью. В такой ситуации представители кочевых народов, отстаивающие свой традиционный образ жизни,

культурные типы¹ [Плетнева 1967, с. 180–190]. Именно эта идея, как представляется, является наиболее продуктивной и может быть положена в основу современной трактовки причин социального, экономического и этнического разнообразия, отмеченного исследователями в среде носителей СМК.

Как уже было отмечено выше, закономерный и поступательный характер процессов оседания населения лесостепного Подонья-Придонецья опровергается и результатами археологических исследований памятников этого региона. В этом отношении наиболее показательны, как представляется, данные об уровне и структуре хозяйства населения, а также о характере традиций домостроительства лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Исходя из материалов, опубликованных С. А. Плетневой [Плет-

обвинялись в буржуазном национализме (хотя до создания собственной буржуазии и соответственно капиталистических отношений даже по традиционной схеме исторического материализма всем этим народам было еще очень далеко) и преследовались как реакционеры и враги советской власти. В исторических же работах остро обсуждался вопрос о наличии собственности на землю как основное средство производства, от решения которого зависело выделение класса эксплуататоров и форм эксплуатации, определение способа взимания и формы феодальной ренты [Тортика 1999, с. 11].

¹ Такие ХКТ (три варианта), существующие в условиях аридной зоны и основанные на кочевом или полукочевом скотоводческом хозяйстве, выделяет С. И. Руденко [Руденко 1961, с. 3–4]. По его мнению, детальное ознакомление с бытом скотоводческих племен Азии свидетельствует о том, что в огромном большинстве они вели полукочевой образ жизни. Последний обуславливался составом стада и имущественной дифференциацией [Руденко 1961, с. 5]. Г. А. Федоров-Давыдов также выделяет три основные «формы» кочевого хозяйства. Две из них он квалифицирует как «полукочевые» и считает, что именно эти «варианты» были наиболее распространенными в среде поздних кочевников Восточной Европы [Федоров-Давыдов 1966, с. 198–199]. С. С. Сорокин, в свою очередь, выделяет пять подобных ХКТ [Сорокин 1961, с. 28–29]. Такое же количество типов (пять), хотя и с иной их характеристикой, насчитывает А. М. Хазанов [Хазанов 1975, с. 11]. Все это приводит к выводу о том, что одновременное существование многочисленных типов скотоводческого хозяйства с разным составом стада, различной степенью оседлости или полным ее отсутствием, свидетельствует, скорее, не о наличии «стадий» и эволюции кочевого хозяйства, а о разнообразных природных условиях и исторических обстоятельствах, в которых складывались и развивались те или иные ХКТ.

нева 1967; Плетнева 1999], А. З. Винниковым [Винников 1984], Г. Е. Афанасьевым [Афанасьев 1987; Афанасьев 1993] и др., можно констатировать, что жилища на исследованных археологами селищах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры VIII–X вв. представлены разнообразными и разнотипными постройками: так называемыми «юртообразными», углубленными в материк; наземными, слегка углубленными в материк; полуземляночными — с очагом посредине или печкой, расположенной в углу; жилищами с конструкцией промежуточной между полуземлянкой и наземной постройкой. Все эти постройки, по мнению С. А. Плетневой, являются отражением определенных эволюционных этапов в развитии жилища у населения, идущего по пути от кочевания к оседлости [Плетнева 1967, с. 70]. Однако, как отмечает тот же автор, пока нет данных для установления хронологических этапов развития жилища. Все названные выше типы жилых построек, как Дмитриевского поселения, так и Маяцкого селища, по всей видимости, сосуществовали. Одни из них — «юртообразные» — являлись, по мнению С. А. Плетневой и А. З. Винникова, отражением каких-то кочевых традиций в жизни аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, другие — полуземлянки, по представлениям тех же авторов, свидетельствуют об оседлости основной массы населения.

Кроме относительной хронологии построек разного типа, существовавших, как было отмечено выше, одновременно, идею об эволюции салтовских жилищ из «юртообразных» в полуземляночные или наземные стационарные постройки опровергает внимательное изучение конструктивных особенностей самих т. н. «юртообразных» построек. В классическом понимании этого термина юрта — это сборно-каркасное жилище, состоящее из плетеной или решетчатой основы, жердей, подпирающих кровлю, и войлочного (либо какого-то иного, например, из шкур или тканей) покрытия [Нечаева 1975, с. 7–49; Вайнштейн 1976, с. 42–63]. Подобные юрты появляются у кочевников Евразии уже в период существования Тюркских каганатов в VI–VII вв. Следовательно, в хазарское время такой тип жилища был хорошо известен кочевникам, в том числе и тем, что обитали в степях Восточной Европы. Такая юрта не оставляет следов в культурном

слое и ее конструкция не может быть прослежена археологически¹.

Как совершенно верно отметил В. С. Флеров, «юртообразные» постройки в строгом смысле слова юртами, конечно же, не являются [Флеров 1996, с. 6]. Судя по наличию во многих из этих построек котлованов, постоянных очагов, столбов, являвшихся основой конструкции стен, поддерживавших кровлю и врытых в материк на несколько десятков сантиметров, эти жилища однозначно относятся к числу стационарных. Вероятно, у алан, в период их жизни в предгорьях Кавказа, такой тип постройки выполнял функции временного жилища на отгонных пастбищах или был местом обитания бедных семей. Наиболее скептическое отношение к выделению юртообразных построек у носителей аланского варианта СМК высказал Г. Е. Афанасьев [Афанасьев 1987, с. 40–52]. В частности, у него вызвало сомнение определение отдельных построек Маяцкого городища и как юртообразных, и как жилых. Так, по его мнению, наземная постройка №, которую С. А. Плетнева считала юртой, не имеет очага и вообще не может считаться жилой [Афанасьев 1993, с. 74].

Наиболее ярким примером того, что подобные жилища могут быть связаны с местом обитания (зимником) представителей кочевой (тюрко-болгарской или собственно хазарской) родовой группы, является Правобережное Цимлянское городище. Однако этот памятник находится в степной зоне, и не может быть напрямую связан с лесостепным вариантом СМК. В то же время существование подоб-

¹ Хорошее представление об этом дает описание калмыцкой юрты, выполненное И. И. Лепехиным около 1769 г.: «...Весь их дом состоит в кибитке, войлочной постели, котле и двух или трех кожаных узкогорлых ведрах. Кибитки свои делают из звенчатых решеток, которые, будучи розтянуты, цилиндрическую представляют фигуру. Через каждый узел решетки ставят изогнутые шестики вышиною аршина в два и с лишком, которые укрепляются сверху в деревянном круге, на котором проверчены дыры по числу палок. Круг связывается выпуклистым крестом для твердости. И так, когда круг наденется на палки, то верх кибитки представляет полушароватую фигуру. Снаружи цилиндр кибитки окутывают или войлоком в зимнее время, или рогожею, сделанною из тростника; а полушар кибитки всегда одевается войлоком. Сверх онаго войлока отверстие круга покрывается другим войлоком, разрезанным на четыре поля, который им служит вместо трубы. ... Посреди кибитки ставят они таган, служащий им вместо печи. На нем они варят свою пищу, на нем они и топят, а дым проходит в отверстие верхнего круга...» [Записки путешествия ... 1821, с. 234].

ных зимовок и наличие на них стационарных жилищ совсем не обязательно свидетельствуют о процессе оседания кочевников. Богатый представитель кочевого подразделения — бай или хан — был типичным кочевником. Вся организация жизни его аила [Плетнева 1982, с. 37–38], состав стада, маршрут перекочевок, менталитет и этнопсихология представителей кочевой группы были сформированы в условиях кочевого хозяйства¹ и направлены на поддержание его стабильности [Григорьев 1875, с. 4; Тортика 2001, с. 276]. Большую часть года эти кочевники проводили на степных и лесостепных маршрутах, выпасая свои стада и только зимой, когда подвижный образ жизни становился невозможным, они останавливались на стационарных зимниках в поймах рек или на берегах морей. Весной, как только начинал таять снег, они возобновляли свое кочевание, которое продолжалось до поздней осени. Иначе вести кочевое хозяйство в условиях Восточной Европы, с ее холодными зимами и обильными снегопадами, было просто невозможно [Тортика, Михеев 2001, с. 141–161].

Изучение хозяйственных построек лесостепных памятников

¹ Яркий пример кочевой этнопсихологии, системы ценностей, характерной для представителей кочевого мира, приводит австрийский барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московитских делах». Путешествуя по Восточной Европе в первой четверти XVI в. (первая поездка в Москву — 1516 г., вторая — 1525 г.) он сталкивался с различными народами, в том числе и с ордынскими татарами. Общаясь с ними, Герберштейн записал поговорку, которая свидетельствует о крайнем пренебрежении оседлостью, оседлым образом жизни и связанными с ними занятиями. Татары, писал Герберштейн, «...не остаются долго на одном месте, считая за сильное несчастье долго пребывать на одном и том же месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастье, они обычно говорят им: «Чтоб тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь». Поэтому, стравив пастбища в одном месте, они переселяются в другое, со стадами, женщинами и детьми...» [Герберштейн 1908, с. 143–144]. В третьей четверти того же столетия Россию и сопредельные страны четыре раза посетил англичанин Антон Дженкинсон (с 1557 по 1571 гг.). Он ездил из Москвы в Бухару и далее, видел кочевников, описывал их жизнь и нравы. В данном контексте интересны его наблюдения над ногайцами восточноевропейских степей: «...Зерен они не едят вовсе и не употребляют хлеба; смеются за это над христианами, презирая нашу крепость, они говорят, что мы живем едой верхушек трав и пьем из них же выделанные напитки; чтоб достиг их силы и крепости рекомендуют есть много мяса и пить молоко» [Известия англичан... 1884, с. 38].

салтово-маяцкой культуры, опубликованных археологами [Плетнева 1967, с. 65–67; Плетнева 1989, с. 44–60; Плетнева 1999, с. 24–36; Винников 1984, с. 124; Афанасьев 1993, с. 65–79; Приходнюк 2001, с. 89], свидетельствует, что оставившее их население имело достаточно долгие традиции оседлой жизни и устойчивые строительные навыки. Постройки были весьма разнообразны, но при этом делились на ряд вполне устойчивых типов, имеющих свои особенности как по форме и конструкции, так и по функциональному назначению. Разнообразию и специализации функций раскопанных построек указывают на сложность и развитость хозяйственной деятельности, на высокий уровень развития традиционной строительной культуры. Население салтовских памятников было хорошо обеспечено удобными и надежными помещениями для содержания скота, хранения инвентаря, зерна и иных продуктов питания, выполнения ремесленных работ и т. д. Это подтверждает выводы археологов о существовании у носителей лесостепного варианта СМК комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, включавшего в себя пашенное земледелие [Колода, Горбаненко 2004, с. 176] и придомное скотоводство со стойловым [Пашкевич, Горбаненко 2004, с. 234], по крайней мере, в зимнее время, содержанием скота [Михеев 1985, с. 25–27]. Изучение хозяйственных построек, в частности гончарных мастерских, позволяет говорить о процессе выделения и специализации отдельных ремесел (в первую очередь, гончарного), происходившем среди населения салтовской культуры. Все это в очередной раз указывает на то, что оседание (седентаризация) для основной части населения лесостепи не было тем фактором, который бы объяснял проходившие там социальные, экономические и культурные процессы.

В этом отношении весьма показателен анализ раннесредневековых юртообразных построек Восточной Европы, проведенный В. С. Флеровым¹ [Флеров 1996]. В его работе, важной для понимания этнокультурной ситуации, складывавшейся на границе между степью и другими регионами (лесостепью, горами) в хазарское время, собраны и описаны практически все доступные для изучения по-

¹ См. также работы С. А. Плетневой [Плетнева 1967, с. 57], О. М. Приходнюка [Приходнюк 2001, с. 89] и т. д.

стройки такого типа. Заслуживает внимания терминологическая точность автора, поскольку все рассмотренные жилища — это именно юртообразные постройки, а не юрты. Они не имели решетчатого каркаса и носили стационарный характер. Также очевидно, что такие постройки могли быть только переходным типом жилья, возникающим в разных местах у оседающих кочевников при особых обстоятельствах и в особом этнокультурном окружении. Отсутствие выработанных строительных стандартов и навыков, безусловно, повышало уровень воздействия субъективного фактора, то есть личных представлений владельцев о будущей конструкции постройки.

На данный момент археологические характеристики особенностей юртообразных построек, предложенные В. С. Флеровым, представляются практически исчерпывающими [Флеров 1996, с. 57–60]. В то же время, на основе введенных им в научный оборот материалов, можно попытаться реконструировать и социальные процессы, приведшие к оседанию кочевников и появлению тех или иных юртообразных построек, известных археологам. Как представляется, эти процессы могли иметь неоднородную природу, будучи обусловленными различными причинами и историческими условиями. Таким образом, имел место не единый процесс «великого оседания» [Флеров 1996, с. 59], а ряд локальных оседаний, проявления которых должны дифференцироваться.

Общий взгляд на все описанные в работе В. С. Флерова юртообразные постройки позволяет говорить, как минимум, о трех различных социальных (в широком смысле) процессах, результатом которых стало появление юртообразных жилищ на территории Восточной Европы от Волги до Дуная. Первый, наиболее очевидный, наблюдается в Дунайской Болгарии, после переселения туда орды Аспаруха. Второй, как представляется, имел место у общин, подобных той, что проживала на Правобережном Цимлянском городище. Третий представлен на широкой территории вдоль границы степи и лесостепи от Дона до Днепра, он также фиксируется археологами в предгорьях Крыма и Северном Причерноморье.

В первом случае оседание было обусловлено военным поражением протоболгар орды Аспаруха от хазар, тем, что они покинули степи и были вынуждены поселиться в новых для них условиях сре-

ди оседлого славянского населения. Кочевать больше было негде, значительная часть скота была потеряна во время бегства от хазар (брошена, отобрана передовыми хазарскими отрядами или погибла во время длинных перегонов, когда не было возможностей для осуществления полноценного выпаса животных, отдыха, водопоя и т. д.). В результате вынужденно протоболгары переходят к оседлому образу жизни и оседлым формам хозяйства. Следует подчеркнуть, что, несмотря на это, на территории Добруджи еще длительное время, около ста лет (четыре поколения!) сохраняются остатки кочевых традиций [Флеров 1992, с. 213]. Очевидно, что говорить о закономерном, связанном с существовавшими в кочевом обществе внутренними предпосылками, характере оседания здесь не приходится.

Во втором случае, вероятно, речь идет о зимнике относительно небольшого кочевого подразделения, располагавшемся на территории Правобережного Цимлянского городища [Плетнева 1967, с. 69]. Этнографические параллели свидетельствуют о том, что на зимниках, помимо временных юрт, вполне могли существовать и долговременные стационарные жилища, с характерными для кочевников особенностями архитектуры, так хорошо отслеженными С. А. Плетневой и В. С. Флеровым на Правобережном Цимлянском городище. Возможно, что отмеченное В. С. Флеровым изобилие лунок и ямок на полу юртообразных жилищ Правобережного Цимлянского городища [Флеров 1996, с. 16–18] является признаком кочевой жизни их обитателей, которые ежегодно, возвращаясь в конце осени после перекочевки на зимник, вновь обустроивали и подправляли свои зимние дома, меняли или укрепляли опоры стен и кровли, вновь устанавливали требующие специальной опоры предметы интерьера (трехногие столики, лежанки и т. д.).

Казахские баи и ханы в XVIII–XIX вв. оставляли на зимниках зависимых работников¹ — «младших родственников» [Руденко 1961, с. 14–15], которые не имели своего скота и поэтому не могли кочевать самостоятельно. В течение года они жили на зимнике, поддерживали в порядке находившиеся там постройки, собирали то-

¹ Различные категории зависимости и наличие зависимых работников в хозяйствах кочевых баев, нойонов, зайсангов, манапов, беков и ханов фиксируют источники начиная с эпохи раннего средневековья и заканчивая концом XIX — началом XX в. По этому поводу см. работы А. Н. Бернштама [Бернштам 1946, с. 115–129],

пливо, заготавливали на зиму корм для молодняка, иногда немного занимались земледелием¹ или рыбной ловлей. При этом хозяйственно-культурный облик всей группы, которой принадлежал данный

В. Я. Владимирцова [Владимирцов 1934, с. 158–172], А. М. Хазанова [Хазанов 1975, с. 139–151] и т. д. Очень часто такими зависимыми работниками, обслуживавшими нужды большого богатого хозяйства, становились дальние родственники владельца. Если они и не были родственниками, то со временем, через одно два поколения становились как бы младшими членами рода, обреченными на всю жизнь работать на «старших» его членов. Мужчины пасли скот, седлали коней, рубили дрова, резали и разделявали забитых животных. Женщины собирали топливо, убирали в юрте, готовили еду, нянчили детей, обрабатывали молочные продукты и т. д. Положение этих людей было крайне бесправным, они часто не имели своего жилья, женились с разрешения хозяина, не получали регулярной платы и работали только за еду [Потапов 1947, с. 12–14].

² Земледелие у кочевников могло быть совершенно не связано с оседанием и оседлым образом жизни, иногда целые кочевые орды имели поля, засеянные пшеницей, и при этом продолжали кочевать большинством своего численного состава. О такой своеобразной, кочевой форме земледелия, практиковавшейся ордынцами, по крайней мере, во второй половине XV в. рассказывает венецианский дворянин, купец и путешественник Иосафат Барбаро: «...В исходе февраля месяца по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все, для того нужно; ибо в такой-то день марта предположено отправиться к такому-то месту, для посева избранному. Вследствие сего объявления, все желающие немедленно делают приготовления свои; насыпают семянный хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, женщинами и детьми, или только с частью своих семейств к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась орда во время возвещения приказа о посеве. Тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, и потом уже возвращаются назад в орду. Между тем Хан, подобно матери семейства, отпустившей детей своих порезвится и беспрестанно издали наблюдающий за ними, все кружиться около засеянного поля, останавливаясь то там то сям, — никогда не удаляясь от онаго далее четырех дней пути. Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так равно и покупатели, отправляются туда для жатвы; с повозками, волами, верблюдами и со всем нужным, как бы на собственную мызу. Почва земли у них весьма плодородная. Пшеница очень крупна зерном и нередко родится сям пятьдесят, а просо сам-сто. Иногда жатва бывает так обильна, что не знают, куда деваться с хлебом, и часть его по необходимости оставляют на месте...» [Библиотека иностранных... 1836, с. 36–37]. При таком богатом урожае ордынцы практиковали земледелие далеко не каждый год, совершая иногда пропуски между посевами в 11 лет, а на вопросы о том, что они будут есть, отвечали — «а мясо на что» [Библиотека иностранных... 1836, с. 38]. Таким образом, кочевники в очередной раз демонстрировали свою независимость от продуктов земледелия, тот факт, что традиционное кочевое хозяйство давало им все необходимое для жизни.

зимник, оставался сугубо кочевым¹, а оседлость вызывала только презрение. При первой же возможности находившийся на зимнике работник с радостью возвращался к кочевому образу жизни² [Толыбеков 1971, с. 118–125; Хазанов 1975, с. 151].

В описанном случае ситуация усугублялась наличием крепости, возведенной по приказу хазар какими-то гораздо более профессиональными строителями, нежели ее обитатели. Данное кочевое подразделение, по всей видимости, несло военную службу, связанную, скорее всего, с контролем над речным путем по Дону (иначе, зачем была построена крепость?). Необходимость постоянного пребывания кочевников (гарнизона и, вероятно, членов их семей) в крепости могла стать причиной вынужденного и временного оседания. Говорить о закономерном процессе седентеризации и здесь, по всей видимости, не приходится.

Самым сложным для объяснения представляется третий случай. Речь идет о том, что в разных местах Восточной Европы, как правило, на границе степей, в лесостепи или предгорьях, начиная где-то с конца VII в. и примерно до середины IX в. появляются следы перехода кочевников к оседлому или полуоседлому образу жизни. Следы эти весьма малочисленны. Если говорить об общепризнанном эпицентре седентеризации в хазарское время, Подонье-Придонечье, то здесь обнаружено, за исключением уже рассматривавшегося Правобережного Цимлянского городища (49 построек), удивительно мало юртообразных жилищ (если не считать Саркела) не более двух десятков [Флеров 1996, с. 8–27], которые и являются наиболее важным свидетельством оседания. Как правило, это единичные постройки, расположенные на памятниках, оставленных какими-то

¹Точно также и северные туркмены в конце XIX — начале XX в. могли вести, в целом, кочевую жизнь, иногда занимаясь и земледелием. Часть семей могла кочевать со скотом, а часть обрабатывала землю. Некоторые семьи, в зависимости от складывавшихся обстоятельств, часто возвращались от земледелия к скотоводству и кочевой жизни, и обратно [Марков 1961, с. 149, 192]. Следует, впрочем, иметь в виду, что к этому времени туркмены располагали меньшим, по сравнению с прошлыми временами, количеством скота. Бесперывные войны, межплеменные столкновения и другие события туркменской истории XIX в. привели к дальнейшему сокращению поголовья скота и увеличили степень оседлости населения [Марков 1961, с. 194].

²А. М. Хазанов отмечает, что у туркмен и южных групп казахов в XIX в. кочевники, лишившиеся скота, оседали на землю, а разбогатевшие земледельцы нередко заводились скотом и переходили к кочеванию [Хазанов 1975, с. 13].

иными, явно оседлыми группами населения — антами, славянами или аланами. Даже если предположить, что не все уже раскопанные постройки опубликованы и что со временем их будет известно гораздо больше, все равно их количество явно не соответствует тем масштабам «великого оседания», которые предполагаются в этом регионе.

Анализ юртообразных построек Саркела, как и причин оседания оставившего их населения, связан с решением проблемы возникновения городов в кочевых государствах, подобных Хазарскому каганату [Плетнева 1996, с. 40; Плетнева 2002, с. 117–118]. Эта задача выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного исследования. Можно только предположить, что в Саркеле оседали и строили юртообразные жилища лишенные возможности заниматься скотоводством обедневшие кочевники.

Появление стационарных грунтовых могильников, как представляется, далеко не всегда может рассматриваться в качестве признака оседлости оставившего их протоболгарского населения. Такой вывод может быть сделан только после комплексного изучения могильника и связанного с ним селища. Сами по себе могильники могли появиться в результате обитания на той или иной территории собственно кочевых групп. Факт их возникновения свидетельствует только о том, что кочевники достаточно хорошо освоили данный регион [Хазанов 1975, с. 59–60]. В результате у них появились определенные маршруты кочевания и пункты остановок, которые, при условии сохранения мира в степи (а так и было в хазарское время до появления венгров и печенегов в междуречье Днестра и Дона), могут не меняться на протяжении жизни нескольких поколений. Наиболее важными для любых кочевников были места зимников, где они, в условиях Восточной Европы, проводили от трех до четырех месяцев в году, здесь они, как правило, и устраивали свои некрополи. Если кочевник умирал вдали от зимника во время сезонных перекочек, его могли несколько месяцев возить по степи для того, чтобы похоронить на родовом кладбище. Такой обычай зафиксирован, например, у казахов и туркмен еще в XVIII–XIX вв. Часто и вещевой материал могильников свидетельствует о сохранении кочевой культуры и кочевого образа жизни (Нетайловский могильник, могильник у с. Красная Горка [Михеев 1990, с. 45–52], Сухая Гомольша [Михеев 1986, с. 158–173] и т. д.).

Таким образом, исходя из археологических данных, можно го-

ворить о том, что оседали отдельные семьи или очень небольшие родовые группы. Они, как правило, очень бедны, находятся на уровне элементарного воспроизводства собственной жизни и хозяйства (минимум находок, простая лепная керамика в заполнении построек, бедные погребения). Если использовать этнографические параллели, то подобное оседание, как уже отмечалось выше, связано с потерей скота отдельными кочевыми семьями (в силу разных причин — джут, эпизоотия, баранта) и, соответственно, с потерей возможности вести кочевой образ жизни [Федоров-Давыдов 1966, с. 200; Хазанов 1975, с. 13–14]. Подобное перманентное оседание обедневших кочевников на границах степей было результатом своего рода естественного отбора в экстенсивном кочевом скотоводстве и никогда не вело к оседанию всего этноса, большинство представителей которого продолжало успешно вести кочевое хозяйство. Для таких кочевых групп подобное оседание также имело вынужденный характер. Они рассматривали свое оседлое состояние как временное и неблагоприятное, и, как только появлялась такая возможность, переходили к кочеванию [Хазанов 1975, с. 151].

В условиях хазарского господства положение зависимых протоболгарских кочевых групп в степи между Доном и Днестром усугублялось, по всей видимости, натуральным налогом — скотом и военной повинностью (не зря в качестве собственно хазарских товаров, продававшихся в Итиле, арабские авторы называют, помимо рабов, именно скот — быков и овец), необходимостью принимать участие в военных действиях хазар, не получая за это никакого вознаграждения. Неслучайно, как только политическая ситуация в степи изменилась (с середины IX в.), оседание протоболгар прекращается, и они, по всей видимости, вливаются в состав сначала венгерских, а затем и печенежских кочевых групп. Какая-то часть протоболгар и в период хазарского господства, и после прихода печенегов сохраняет собственное племенное устройство и военный потенциал. Именно она, вероятно, фигурирует в письменных источниках как Черная Булгария, которая в середине X в. была в состоянии самостоятельно «воевать хазар» [Константин Багрянородный 1991, с. 53].

Наиболее устойчивое и массовое оседание протоболгар наблю-

дается в Восточном Крыму и предгорьях Крымских гор [Яacobсон 1973; Баранов 1990; Айбабин 1999, с. 202, 204; Зинько, Пономарев 2005, с. 408]. Здесь, вероятно, имели место две основные причины, приведшие к такому положению дел. Во-первых, как и в Дунайской Болгарии, оседали кочевники, вытесненные хазарами со своих земель или бежавшие от арабской угрозы, лишенные привычных мест кочевания и скота. Во-вторых, нельзя исключить и целенаправленной политики хазарского правительства, заинтересованного в создании более прочной базы своего господства в Крыму, как военной, так и экономической. Не зря после поражения восстания Иоанна Готского протоболгары начинают селиться в Крымской Готии. В любом случае оседание и здесь носит, по крайней мере первоначально вынужденный характер, обусловленный внешними причинами [Зинько, Пономарев 2005, с. 406].

Протоболгары, в отличие от алан, уже в период переселения в Придонецье в силу отмеченных выше перипетий их истории были неоднородны в этническом отношении. Именно они, вероятно, являлись в Подонье-Придонецье наиболее активным этнонивелирующим элементом. Отдельные протоболгарские роды несли в себе иранские, тюркские, угорские компоненты, проявляющиеся, прежде всего, в чертах погребального обряда [Аксенов, Тортика 2001, с. 211–212]. Эти группы в лесостепи бассейна Северского Донца и Дона постепенно, с конца VIII — начала IX в. создают территориальные общинные поселки или кочевья. Принцип формирования таких поселков, по всей видимости, зависел от характера общины, ее места и функций в системе регионального управления, организованного хазарами, конкретного места расположения. Так, на пограничье со славянами, ближе к северу лесостепи, вероятно, актуализировался военно-территориальный принцип, характерный для любых военных поселенцев и существовавший у соседних алан. Южнее, в степи, мог сохраняться другой, аильный принцип организации общества, типичный для кочевников в мирное время и характерный для подчиненного кочевого или полукочевого населения.

В среднем Придонецье, ближе к степи и в самой степи, в отличие от верхнего Придонецья, в численном отношении, по мнению К. И. Красильникова, преобладали болгары. Как отмечает этот

исследователь, этническая ситуация здесь также характеризовалась смешанностью этнокультурных и погребальных традиций, включавших в себя 4–5 этносов: протоболгар (основное ядро населения в этом регионе), алан, возможно, в какой-то степени, славян и тюрков [Красильников 2001, с. 320]. Интересно, что протоболгарское население, оставившее лесостепные могильники, как правило, было хорошо вооружено, консолидировано, стратифицировано в социальном и военном отношении. Население степи выглядит беднее. Оно менее вооружено, вероятно, лишено тех военно-пограничных функций, которые были у жителей лесостепи и, соответственно, в большей степени зависимо от хазар.

Что касается протоболгарских большесемейных и родоплеменных групп, находившихся в регионе в хазарский период его истории, то их этносоциальная специфика во многом зависела от конкретного географического расположения и места, которое они занимали в военно-политической системе Каганата. Проживавшие в лесостепи, в районе верхнего течения Северского Донца, общины имели явно военизированный характер и, вероятно, выполняли какие-то пограничные и иные военные функции. Возможно, что они на равных входили в общине с аланами военно-территориальные единицы. Проживавшие южнее, в степи, кочевые группы были явно беднее, поскольку оставленные ими погребения содержат меньше предметов вооружения, а могильники — малочисленнее. Вероятно, здесь можно говорить о подчиненном хазарам, обложенном данью кочевом населении, основной формой организации которого являются обычные кочевые айлы, объединяющие несколько больших семей. Более крупные формы общественной организации — племена — здесь не прослеживались; возможно, что их образованию препятствовало центральное хазарское правительство.

Как представляется, процесс оседания (седентаризации)¹, в це-

¹ Здесь следует согласиться с А. М. Хазановым, который отмечал, что «...седентаризация и номадизация в Евразии происходили в основном в маргинальных районах, в которых возможны оба рода хозяйственной деятельности — и скотоводство, и земледелие. Там они являлись двумя обратимыми и встречными процессами, со-вершавшимися на протяжении всей истории кочевничества в евразийских степях. Они могли происходить даже одновременно, в рамках одного и того же общества» [Хазанов 1975, с. 13].

лом, играл гораздо меньшую роль в жизни восточноевропейских протоболгар, чем это предполагалось ранее. В тех же случаях, когда оседание кочевников действительно фиксировалось археологически, оседлость носила вынужденный характер, а масштабы ее были незначительными. Таким образом, очевидно, что оседлый характер населения Среднего Придонечья, отслеженный многолетними исследованиями К. И. Красильникова, не может быть объяснен эволюционным процессом оседания кочевых протоболгар и, скорее, связан с изначально оседлым характером большей части переселившегося туда в середине VIII в. салтовского населения.

§ 1.5. Социально-политическая и военная структура населения Северо-Западной Хазарии (конец VIII — начало X вв.): историческая реконструкция

Прежде чем непосредственно обратиться к реконструкции социально-политической и военной структуры населения Северо-Западной Хазарии, следует отметить, что эта проблема имеет уже достаточно длительную историю изучения. Не предполагая создания исчерпывающего историографического обзора, здесь необходимо назвать хотя бы основные работы, имеющие отношение к поставленной задаче. К их числу относятся: во-первых, обобщающие монографии, в которых дана ретроспектива всей хазарской истории и, хотя бы обзорно, обозначено место Подонья-Придонечья в этом государстве; во-вторых, естественно, требуют внимания взгляды авторов, писавших специально о лесостепном варианте салтовской культуры и его населении.

К перечню обобщающих работ необходимо отнести статьи и монографии М. И. Артамонова [Артамонов 1936; Артамонов 1940; Артамонов 1962 и т. д.], И. И. Ляпушкина [Ляпушкин 1958 и т. д.], Д. Т. Березовца [Березовец 1962; Березовец 1965], С. А. Плетневой [Плетнева 1967; Плетнева 1999 и т. д.], А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990]. В определенной степени помогает раскрытию темы и книга А. В. Гадло [Гадло 1979], посвященная этнокультурному развитию другого, не менее важного для Хазарии региона — Северного Кавказа.

Собственно Северо-Западной Хазарии посвящены, в основном, археологические работы Д. Т. Березовца [Березовец 1962; Березовец 1965], С. А. Плетневой [Плетнева 1967; Плетнева 1989; Плетнева 1999,

с. 24–64], В. К. Михеева [Михеев 1985; Михеев 1986; Михеев 1991], Г. Е. Афанасьева [Афанасьев 1987; Афанасьев 1993], К. И. Красильникова [Красильников 2001] и др¹. Иной характер имеют только монографии О. Б. Бубенка [Бубенок 1997; Бубенок 2004], в которых излагаются результаты комплексного историко-археологического изучения алано-ясского населения Восточноевропейской степи и лесостепи.

Как отмечают ведущие исследователи хазарской проблематики, в середине (40–60 гг.) VIII в., видимо вскоре после окончания самой крупной арабо-хазарской войны (737 г.) часть алан покинула предгорья Северного Кавказа и переселилась в лесостепное Подонье, освоив там бассейны таких рек, как Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна [Афанасьев 1983, с. 89–101; Плетнева 1999, с. 24–25; Михеев 1986, с. 398–400]. К настоящему времени там известно более 300 памятников² салтово-маяцкой культуры [Афанасьев 1993, с. 151], а общая площадь освоенного в хазарское время региона составляет около 100000 кв. км [Плетнева 1989, с. 7].

За время, прошедшее с момента открытия салтовской культуры, ее исследователи выдвигали самые разнообразные гипотезы, объясняющие причины такого массового переселения алан (бегство от арабов, чуму, вытеснение болгарами и т. д.) [Плетнева 1967, с. 91; Михеев 1985, с. 97; Афанасьев 1975, с. 61; Афанасьев 1993, с. 151; Кузнецов 1964, с. 38; Плетнева 1999, с. 24–25; Ромашев 1992, с. 13]. Тем не менее, в настоящее время наиболее убедительной представляется гипотеза, выдвинутая А. В. Гадло [Гадло 1979] и В. К. Михеевым [Михеев 1985, с. 97; Михеев 1991, с. 46; Михеев 2004, с. 89]. Эти авторы вполне обоснованно считали, что в период расцвета Хазарского каганата, успешного подчинения и освоения хазарами территории юга Восточной Европы, никакие переселения не могли происходить без санкции центрального хазарского правительства. Исходя из этой гипотезы аланы (какая-то их часть) были переселены на северо-западное по-

¹ Для более полного представления о послевоенном уровне развития «салтовской» тематики необходимо упомянуть и «Древности Северского Донца» Б. А. Шрамко [Шрамко 1962].

² По данным В. К. Михеева в целом, в Подонье-Приазовье в настоящее время обнаружено около 80 могильников, более трети из них находятся в бассейне верхнего течения Северского Донца [Михеев 2004, с. 75, рис. 1].

границе Каганата целенаправленно, в качестве пограничного воинского контингента, обеспечивавшего покорность и данничество восточнославянских племен.

Тот факт, что аланы этого региона не упоминаются в письменных источниках, объясняется тем, что, во-первых, он находился за пределами территорий, известных раннесредневековым авторам; во-вторых, скорее всего, аланы здесь получили другой этноним.

В основу салтово-маяцкой культуры легла сармато-аланская культура [Готье 1927, с. 84; Плетнева 1967, с. 184–186] или, скорее, по мнению Г. Е. Афанасьева, она может рассматриваться как один из хронологических этапов аланской культуры¹ [Афанасьев 1993, с. 151]. В этом вопросе между исследователями наблюдаются некоторые разночтения в понимании этнической сущности СМК и ее генезиса [Мерперт 1951, с. 14–30]. Наиболее точной, в этой связи, представляется формулировка С. А. Плетневой, которая еще в 1967 г. отметила, что наибольшую роль в формировании СМК сыграла культура северокавказских аланов, принесших с собой на новые места уже сложившийся земледельческо-скотоводческий уклад жизни и ремесла. Протоболгары, проживавшие в VIII в. в Подонье и Приазовье, вступили в непосредственный контакт с аланами, быстро заимствовали и осваивали их культуру. Однако, поскольку численно болгар было больше, чем алан, именно они стали, в конце концов, основными носителями этой культуры в других местах ее распространения (средний Донец, нижний Дон, Приазовье, Крым и т. д.) [Плетнева 1967, с. 185; Плетнева 1999, с. 24; Плетнева 2005, с. 20].

А. П. Новосельцев утверждал, что Подонье, населенное аланми-яссами и болгарями, непосредственно входило в состав Хазарского каганата [Новосельцев 1990, с. 105]. Он считал возможным отождествлять Климаты Хазарии Константина Багрянородного с местами обитания народов, населявших север Хазарии в соответствии со списком, приведенным в письме хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту [Коковцов 1932, с. 98–99]. В результате, по его мнению, в сочинении Константина Багрянородного речь шла о вос-

¹ Хронологические рамки аланской культуры обычно определяются как IV — XIII вв. [Кузнецов 1962, с. 7].

точноевропейских владениях Каганата [Константин Багрянородный 1991, с. 53], которые являлись главным источником дани для хазар¹. К числу названных Климатов исследователь относил и Подонье, район которого считал особенно важным для хазар. Крепости, располагавшиеся по Дону и Северскому Донцу, давали хазарам возможность контролировать торговые пути, проходившие через переволоку, с Волги на Дон, с Дона в Азовское море и далее [Новосельцев 1990, с. 108–109].

По выражению С. А. Плетневой, население Северо-Западной Хазарии играло роль своеобразного «казачества». Основной его функцией было проведение в жизнь наступательной политики Каганата, сориентированной на западных и северо-западных соседей [Плетнева 1989, с. 282; Плетнева 2005, с. 21]. Причины и точное время исчезновения с исторической арены населения Северо-Западной Хазарии по-прежнему обсуждаются в научной литературе. Среди гипотез, объясняющих это историческое явление, наибольшее распространение получили «печенежская» (т. е. памятники СМК прекращают свое существование в результате разгрома печенегами) — начало X в. [Плетнева 1989] и «древнерусская» (в результате похода Святослава 965 или 968 г.) версии [Артамонов 1962; Новосельцев 1990, с. 219–231; Афанасьев 1993, с. 153].

Итак, приступая к анализу социально-политического устройства и военной организации алано-болгарского населения Подонья-Придонечья, в первую очередь, следует отметить, что представители обоих этносов были явно военизированы. Это проявлялось в высокой степени вооруженности мужской части населения, зафиксированной по материалам могильников [Плетнева 1989, с. 69; Аксенов 1998, с. 39–51; Бубенок 2002, с. 18–27], а также в наличии большого количества оборонительных сооружений — городищ и крепостей [Плетнева 1967, с. 22–50; Плетнева 1999, с. 25–26; Плетнева 2005, с. 21–22; Афанасьев 1993, с. 129–140; Колода 2004, с. 270]. Организованы и те и другие были по родоплеменному принципу, который сочетался с территориальным [Афанасьев 1993, с. 109–117; Иченская 1982,

¹ Подробнее эта проблема будет рассмотрена в следующей главе.

с. 140–147; Тортика 2005, с. 480–485].

Можно предположить, что все эти полиэтничные территориальные общины, образовавшиеся в результате катаклизмов раннесредневековой истории Восточной Европы [Михеев 1991, с. 47; Аксенов, Тортика 2001, с. 198–199], регенерируют родоплеменной способ организации общества. Этот процесс осуществлялся через постепенное включение новых компонентов в общую, имеющую традиционный характер военно-территориальную структуру. Основную массу населения составляли свободные общинники. Все взрослые мужчины являлись воинами, объединенными в какие-то военные единицы. Одновременно такие единицы были эквивалентом соответствующих родоплеменных образований, территорий, населенных пунктов и крепостей.

Вероятно, ту систему социально-политических отношений, которая сложилась в это время у населения Придонецья, можно определить термином — «вождество» [Афанасьев 1993, с. 152]. С одной стороны, этот термин соответствует тому состоянию общества, когда в нем выстраивается уже достаточно сложная иерархия власти, налицо социальная стратификация, обусловленная положением человека в военно-родовой системе. С другой стороны, это социальное разделение и эта иерархия носят еще сугубо традиционный характер, развиваются в рамках реального и вполне эффективного существования, а также номенклатуры племенного строя¹. Наиболее полную² и обоснованную реконструкцию системы социальной стратификации, отражавшей одновременно традиционную военно-иерар-

¹ Как отмечает С. А. Токарев, настоящая, прочная племенная организация с особым вождем, племенным советом и т. д. складывается лишь на закате общинно-родового строя, на грани перехода к классовому обществу [Токарев 1964, с. 47]. Эта характеристика как нельзя более подходит к ситуации, которую можно наблюдать в общественном развитии разноплеменного населения, входившего в состав Хазарского каганата.

² На основе материалов Верхнесалтовского могильника подобную реконструкцию социальной стратификации аланского общества провел и В. К. Михеев. Им были выделены три основные группы: низшая (бедняки) — 43,7% от всего взрослого населения; средняя (земледельцы и ремесленники) — 34,2% и высшая (военнослужительская аристократия) — 22,1%. По мнению В. К. Михеева, социальная подвижность внутри этих групп населения была крайне ограниченной, поскольку положение индивида в социальной структуре определялось уже в момент рождения, было наследственным [Михеев 1986, с. 21–26].

хическую структуру аланского общества лесостепного Подонья-Придонечья, предложил Г. Е. Афанасьев. По его мнению, аланы Придонечья делились на две основные социальные группы — алдар и асфад. Первые представляли собой военную верхушку — «князей», вторые — рядовое войско¹ [Афанасьев 1993, с. 50].

В то же время принадлежность к воинской верхушке, судя по материалам катакомбных погребений, еще не была или не всегда была наследственной [Массон 1976, с. 149–151], и во многом место человека в обществе зависело от его индивидуальных качеств² [Флеров 1990, с. 38–43], воинских подвигов и доблести. Следует отметить, что такое деление было отнюдь не уникальным явлением, характерным только для алан Северного Кавказа и Придонечья. Напротив, подобное деление на два социальных слоя — войско и военные вожди-предводители — существует практически у всех кочевников Евразии вплоть до начала Нового времени. На основе изучения археологических материалов, полученных в ходе раскопок ямных могильников, можно предположить существование подобного общественного устройства и у протоболгар, что, очевидно, и облегчило процесс консолидации алано-болгар Подонья-Придонечья. Вероятно, это сходство усиливалось благодаря совместному несению пограничной службы на Северо-Западе Хазарии.

Подобная ситуация сохраняется в течение всего времени существования салтово-маяцкой культуры, около 150–200 лет, что подтверждается и результатами исследований катакомбных могильников, в частности Дмитриевского [Плетнева 1989, с. 168–172].

Основной социальной единицей таких обществ являются боль-

¹ Подобное деление выглядит несколько упрощенным и со временем, вероятно, будет уточняться. Так, например, Ж. Дюмезиль отмечал, что «...у осетин-дигорцев ниже верхушки — *badeliat*? (князей) иерархия выглядела так: *uʔzdan, wezdon* — (знатный), затем — *ʔrʂsaglʔg* (свободный) с двумя низшими разновидностями — *gʔvdʔsard* (сын свободного) и рабыни) и *qutaʔag* (крепостной) и, наконец, *saʔar* (раб)» [Дюмезиль 1976, с. 153].

² По мнению В. С. Флерова, традиционно применяемые археологами социально маркирующие признаки, такие как поясные наборы в мужских погребениях или золотые украшения в женских, на самом деле таковыми не являются, а определяют только возрастные отличия умерших [Флеров 1990, с. 38–43].

шие семьи [Афанасьев 1993, с. 78–79; Бубенок 1997, с. 61]. Малые или нуклеарные семьи могут существовать как в составе больших, так и отдельно [Гуревич 1977, с. 43–55], но их полное выделение носит временный характер. Выделившиеся семьи в благоприятных условиях проявляют тенденцию к укрупнению и воссозданию новых больших семей. Выделение малых семей отражает, скорее, появление проблем между родственниками, нежели изменения в общепринятой форме семейных отношений¹. Видимо, в суровых условиях раннесредневековой Восточной Европы (как и всей Евразии) выжить и сохранить определенную семейную, родовую и этническую идентичность, можно было только при такой форме отношений². В условиях различных военно-политических и экологических стрессов, массовых миграций и ассимиляционных процессов, большая семья была эффективнее малой и являлась гарантом некоторой защиты от внешнего мира [Радлов 1893, с. 68] для своих членов³. Большая семья являлась также и основной экономической единицей общества [Бернштам 1946, с. 93–98].

¹ А. Харузин, наблюдавший казахов Букеевской орды в конце XIX в., отмечал: «...В прежние времена... нередко были большие семьи, когда женатые сыновья оставались при отце и подчинялись его власти.... В степи часто встречались семьи в 5–10-кибиток, во главе которых стоял глава семьи, именем которого и назывался весь семейный аул. Теперь, в большинстве случаев, семья распадается...» [Харузин 1889, с. 110].

² Точную характеристику именно такой формы общественных взаимоотношений, обусловленных традицией, стабильностью и внешними причинами военно-политического порядка, дает А. Я. Гуревич: «...Общественные связи имеют, по преимуществу, еще природный, органический характер. Это связи родовые, племенные, семейные, отношения родства и свойства. В той мере, в какой в этом обществе существуют отношения господства и подчинения (ибо в нем есть рабы и другие категории зависимых людей), они также строятся в соответствии с доминирующей моделью и носят патриархальный облик. Индивид, как правило, не выбирает людей, с которыми он входит в группу, это его родственники, и даже брачные связи подчиняются определенной схеме и ограничиваются предписанием. Элемент волеизъявления в формировании социальных групп и системных связей здесь отсутствует или минимален — его можно обнаружить разве что в образовании дружин вокруг вождей и князей» [Гуревич 1984, с. 172–173].

³ Об этом ярко свидетельствует хорошо известный специалистам памятник тюркской рунической письменности — надпись в честь Кюль Тегина: «...Враждебные [нам] Огузы врасплох напали на орду [т. е. наше становище]. Кюль Тегин, сев на белого своего Отсиза, заколол девять мужей [и] не отдал орды. Моя мать-катун и вы,

В традиционной военной организации многих народов Евразии² две–три подобные семьи, вероятно, были эквивалентом таких боевых единиц, как десятки³.

Следующей единицей общественной структуры алано-болгар

идущие за нею [по знатности] мои сводные матери, мои тетки, мои невестки, мои княжны, сколько [вас] ни было, все вы были в опасности, [или] оставшись в живых, попасть в рабство, [или] будучи убитыми, остаться лежать в орде и на дороге» [Бернштам 1946, с. 97–98].

¹ Например, у атрекских туркмен еще в начале XX в. в патриархальной большой семье сохранялось общее хозяйство с одним «большесемейным котлом». «Общий котел» заключался в том, что забота о снабжении продуктами и другими необходимыми предметами производилась из общего фонда большой семьи. Общими у членов такой семьи были и орудия, и средства производства. Обычно во главе большой семьи стоял старейший мужчина. Главой семьи после смерти или после потери трудоспособности отца мог стать старший сын, который имел опыт ведения хозяйства, улаживания семейных ссор и т. д., так как от его авторитета и способностей соблюдения справедливых взаимоотношений, а также от его способности поддерживать в семье мир и порядок, в значительной степени зависела и устойчивость большой семьи. В ведении хозяйства, распределении материальных благ и т. д. глава семьи был наделен большими полномочиями, порою даже неограниченной властью. Он регулировал и следил за поведением каждого члена семьи, по своему усмотрению распоряжался имуществом. Все члены семьи беспрекословно подчинялись его воле [Джикиев, Мурадов 1987, с. 48–49].

² Совпадение общественной и военной структуры считает «характернейшим» явлением общественного строя кочевников Г. А. Федоров-Давыдов. Он отмечает, что в эпоху военной демократии военные подразделения совпадали с племенами и родами. Например, в эпоху улусной системы Чингис-хана и его преемников совпадение улусов, данных в держание, и военных подразделений было весьма полным, что нашло выражение в делении всего народа на военные единицы [Федоров-Давыдов 1973, с. 50]. Такое же совпадение военных, племенных и государственных институтов демонстрирует государство кимаков IX–XI вв. [Кумеков 1972, с. 117].

³ По мнению М. О. Косвена, в некоторых случаях общая численность населения патриархальной семьи — семейной общины могла достигать до нескольких сотен человек [Косвен 1963, с. 4]. У туркмен-йомутов в период упадка кочевого хозяйства в конце XIX — начале XX в. в экономической единице, аналогичной большой семье — «тире», объединялось до трех поколений родственников, и число объединения доходило до 50–60 человек [Марков 1961, с. 195–196]. Объединенная группа могла рационально пасти свой скот, сооружала общими усилиями колодцы и располагала вооруженными силами для защиты жизни и имущества своих членов [Марков 1961, с. 196–197].

Подонья-Придонецья была территориально-родовая община. Она состояла из нескольких больших семей, иногда разного этнического происхождения, но имела тенденцию к регенерации родового, родственного принципа внутренней организации. Так, и у жившего оседло на границах степей населения, и у кочевников Евразии [Радлов 1893, с. 68–69] принцип кровнородственности или, когда это было невозможно, псевдокровнородственности [Владимирцов 1934, с. 46; Хазанов 1975, с. 127] был одной из основ общественной организации. Этот принцип обеспечивал монолитность и жизнеспособность как старых общин, принявших в свой состав иноэтничные элементы, так и новых, составленных из осколков различных родовых групп, выживших после очередных войн и переселений. Общность евразийских культурных традиций, постоянные смешения разных кочевых этносов, регулярно наблюдавшиеся после гуннского нашествия, обеспечивали быструю консолидацию таких общин, появление общекультурных признаков, постепенное стирание различий в погребальном обряде. Важно было противопоставить внутреннее единство общины перманентной агрессии извне¹. Этнопсихологическим императивом такого единства был общий культ мужчины-воина, защитника², который с детских лет готовился к выполнению этой главной жизненной функции. Не зря и стратификация общества, и половоз-

¹ Анализируя общественный строй кочевых и полукочевых народов Евразии, Н. А. Аристов еще в 1896 г. указывал на важнейшее значение рода (общины), как базовой социальной, экономической и военной единицы. По его мнению, «сильный, многочисленный, дружный род имел большую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам верную и действительную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства, и обеспечивать большую долю добычи и даней, поступавших в пользу племени или государства» [Аристов 1896, с. 283].

² Очевидно, что для каждого народа, проживавшего в степных или лесостепных районах юга Восточной Европы, умение воевать было жизненно необходимым и обеспечивало не только возможность для успешных нападений на соседей, но и сам факт существования данного этноса. Племена или народы, которые не умели или были неспособны отстоять себя с оружием в руках, теряли независимость, превращались в рабов, ассимилировались, исчезали навсегда со страниц письменных источников и этногеографической карты региона. Варварская война велась по жестоким правилам. Победители, зачастую, уничтожали всех взрослых мужчин, захватывали

растная структура, прослеженные в погребальном обряде аланского варианта салтово-маяцкой культуры, отражали положение каждого мужчины (юноши, мальчика) в военной иерархии¹. В отличие от Западной Европы или от лесной зоны Восточной Европы, где функцию защиты (впрочем, также одновременного подчинения и порабощения) общества (сельских общин и торговых городов) взяли на себя профессиональные воины — дружина [Горский 1984, с. 17–18] (иногда иноэтничного происхождения, например варяги), в подобных общинах, несмотря на оседлость, сохраняется кочевнический принцип: каждый мужчина — воин, и даже женщины часто носят оружие.

В результате длительного совместного проживания, и, соответственно, перекрестных браков псевдокровнородственные отношения в таких общинах [Хазанов 1975, с. 105] со временем (через одно-два поколения) снова приобретают характер кровнородственных, усиливая единство и чувство взаимоидентичности их членов². Все это позволяло выжить, не дать покорить себя врагам, не ассимилиро-

в плен и порабощали женщин и детей. Народы, не желавшие для себя такой судьбы и выжившие в сложной ситуации раннего средневековья, сделали войну одной из постоянных основ своего существования. Все звенья общества, от больших патриархальных семей до племен, были построены по принципу военной организации. Каждый взрослый мужчина был воином, который с детства через систему общественного воспитания, обряды возрастных инициаций и традиционный набор моральных ценностей готовился к защите своего семейно-этнического окружения [Тортіка 2003, с. 106].

¹ О. Б. Бубенок отмечает, что особый интерес в связи с этим «представляет анализ поясов, которые носили аланские воины. Пояс для аланов являлся знаком воинской доблести и с течением времени заменялся другим с большим количеством бляшек, что свидетельствовало о заслугах воина» [Бубенок 1997, с. 62]. Отголоски подобной традиции прослеживаются, например, у осетин. Там мальчики до трех лет не относились к разряду мужчин. Только прохождение обряда «цауаггаг» снимало с мальчиков скверну младенчества. Именно с трех лет и по девятый год включительно имел место первый уровень самостоятельности. Второй уровень начинался на десятом году жизни и заканчивался шестнадцатым включительно. Третий уровень охватывал период до двадцати трех лет. Завершался весь цикл подготовки взрослого воина в возрасте тридцати лет [Бубенок 1997, с. 63].

² Подобный тип общественной организации М. О. Косвен квалифицировал как «патронимию». Характерно, что, по его мнению, «патронимический» строй может образовывать довольно сложную структуру, которая часто могла представлять собой «в известном смысле территориальную общину» [Косвен 1963, с. 103-104]. Патронимия существовала и у кочевых, и у полукочевых народов [Косвен 1963, с. 109].

ваться в сложной и постоянно меняющейся ситуации Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. Как отмечает Н. Н. Крадин, в предклассовых и раннеклассовых обществах война была своеобразной формой естественного отбора наиболее сильных и централизованных коллективов и незаурядных личностей. В военной организации условным эквивалентом таких общин были сотни (по крайней мере, масштабы сотни — двух-трех сотен вполне соответствуют размерам таких погребальных памятников, как Сухая Гомольша, Красная Горка, Нетайловка [Аксенов 1998, с. 39–51; Михеев 1986, с. 158–173; Михеев 1990, с. 45–52; Михеев 1994, с. 194–195; Тортика 1992, с. 35–37.]).

Несколько подобных общин, объединенных под властью одного вождя, военного предводителя, бека [Кумеков 1972, с. 117–118], образуют так называемые «простые вожества» (племена [Радлов 1893, с. 70–71]). Археологическим эквивалентом подобных простых вожеств в Подонье-Придонечье были, по всей видимости, отдельные городища-крепости или взаимосвязанные территориально и социально группы крепостей с окружавшими их посадами и селищами. Это Верхнесалтовское городище с округой, Маяцкий комплекс и другие, по терминологии Г. Е. Афанасьева — «микрорегионы» [Афанасьев 1993, с. 109–117], центрами которых являлись те или иные укрепленные пункты. Простые вожества отличались по размерам занимаемой территории, количеству входивших в них общин и численности населения, поэтому в военном отношении они могли быть эквивалентом таких единиц как сотня (Дмитриевский комплекс) или тысяча (Верхнесалтовский комплекс).

Можно предположить, что в лесостепном Подонье-Придонечье с целью обеспечения удобства управления, налогообложения и мобилизации населения центральная хазарская власть могла назначать «главных» вождей — правителей более крупных объединений, состоявших из нескольких вожеств. Таким образом, здесь могли возникнуть так называемые «сложные вожества», которые представляли собой иерархически организованные группы нескольких простых вожеств. В силу того, что в этом регионе аланы проживали не единым компактным массивом, а разделялись на три группы (занимавшие бассейны верхнего течения таких рек как Северский Донец, Оскол и Тихая Сосна) каждой из которых соответствуют археологи-

ческие памятники разных типов — городища, селища, могильники [Плетнева 1999, с. 25–26; Афанасьев 1993, с. 141–150; Михеев 1985, с. 21–23; Приходнюк 2001, с. 86], здесь могло возникнуть несколько относительно небольших сложных вождеств. Основной причиной разделения салтово-маяцкого лесостепного населения на три неравные группы, возможно сложные вождества, была, как представляется, естественная география региона. В данном случае речь идет о наличии удобных для расселения долин рек, которые были освоены аланскими группами разного родоплеменного происхождения. Водоразделы этих рек, незаселенные и использовавшиеся, по всей видимости, для выпаса скота, служили своего рода естественными границами отдельных сложных вождеств. Пока нет достаточных оснований (а таковыми могут быть только данные письменных источников) для того, чтобы связывать это деление с традиционной для индо-иранцев концепцией троичности общества [Афанасьев 1993, с. 152]. Нет оснований и для того, чтобы говорить о том, что весь регион находился под властью какого-то одного вождя и связывать с его пребыванием тот или иной памятник (Каганово городище [Плетнева 1967] или Верхнесалтовское городище [Афанасьев 1993]).

Военными эквивалентами таких отдельных сложных вождеств, в зависимости от их размера были тысяча или тьма (десять тысяч) [Федоров-Давыдов 1973, с. 48–49]. Воинский потенциал Северо-Западной Хазарии трудно оценить даже приблизительно в силу отсутствия достоверных и полных палеодемографических данных. Можно, основываясь на общем количестве открытых в этом регионе памятников (около 300, хотя точных данных об их площади, заселенности и единовременности нет, поскольку ни один из них не раскопан и не опубликован полностью), только предположить, что, вероятно, он находился в пределах тьмы и мог составлять от 5 до 15 тыс. человек. Даже если взять за основу меньшую цифру (5 тыс.), становится очевидным, что такого организованного и хорошо вооруженного контингента было вполне достаточно для осуществления контроля над соседними восточнославянскими племенами, по крайней мере, до их объединения под властью Древнерусского государства.

Лесостепное Подонье-Придонечье входило в состав более слож-

ного социально-политического организма, кочевнической «политии» — Хазарского каганата. Н. Н. Крадин предлагает подобные образования называть «суперсложными вождествами». По его мнению, принципиальным отличием последних является появление механизма наместников [Бернштам 1946, с. 112], которых верховный вождь посылал управлять региональными структурами. «Это не сформировавшийся аппарат государственной власти, поскольку количество таких лиц невелико. Однако это важный структурный импульс к последующей интеграции» [Бондаренко, Каратаев, Крадин 2002, с. 22–23]. Следует отметить, что наличие института подобных наместников — тудунов документально зафиксировано для территорий, входивших в состав Хазарского каганата [Васильев 1927, с. 195–197; Якобсон 1954, с. 152; Новосельцев 1990, с. 144]. В то же время термин «сложное вождество», несмотря на то, что его смысловое наполнение соответствует хазарским реалиям и логически продолжает ряд вождество — простое вождество — сложное вождество, выглядит несколько схематично и громоздко.

Условно он, видимо, может быть принят, но только для самых общих характеристик. Для определения образования государственного типа, созданного хазарами, как представляется, гораздо больше подходит исторически оправданная дефиниция «каганат» [Golden 2001, p. 39–45]. Использование этого термина предполагает наличие всех тех системных признаков сложного вождества, которые выделены Н. Н. Крадиным и в то же время позволяет апеллировать к конкретно-историческим реалиям Хазарии.

Наличие хазарских наместников — тудунов в Крыму (в Херсоне, Мангупе, Сугдее, Фулах, Керчи)¹, на противоположном берегу Керченского пролива (в Фанагории и Самкерце — Таматархе) свидетельствует о сложившейся в Хазарском каганате общепринятой для разных групп населения системе управления. Вероятно, можно предположить наличие сходной системы управления и в лесостепном Подонье-Придонечье. Очевидно, отмеченные выше группы салтово-маяцкого

¹ Выдвинутая С. Б. Сорочаном гипотеза о хазаро-византийском «кондоминиуме» не исключает присутствия в названных городах, в то или иное время, хазарских «наблюдателей» — тудунов.

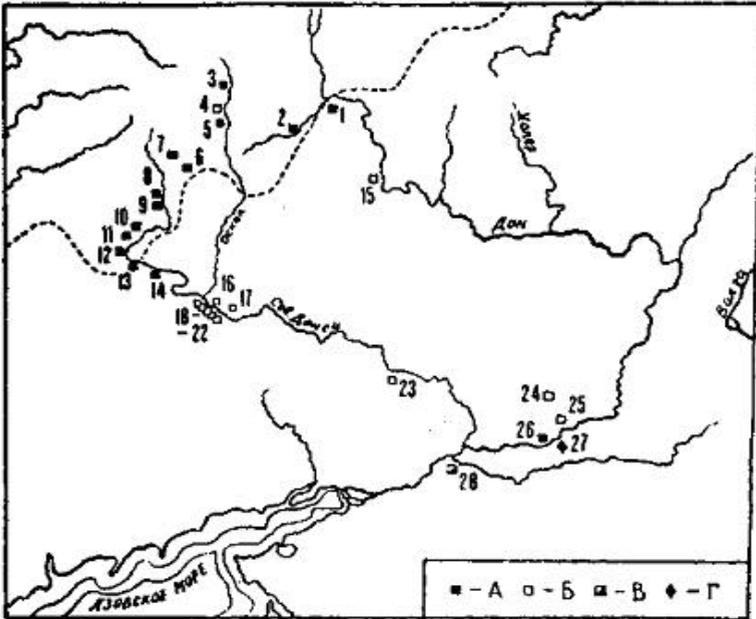

Рисунок 5. Салтово-маяцкие городища Подонья-Придонечья (по В. К. Михееву [Михеев 1986, с. 398]).

Условные обозначения: А — с каменными стенами; Б — с земляными валами; В — со стенами из сырца; Г — со стенами из кирпича.

1 — Маяцкое; 2 — Верхний Ольшан; 3 — Афоньевка; 4 — Ютановка; 5 — Нижняя Лубянка; 6 — Волчанск; 7 — Дмитриевское; 8 — Верхний Салтов; 9 — Старый Салтов; 10 — Кабаново; 11 — Мохнач; 12 — Коробово; 13 — Сухая Гомольша; 14 — Вербовка; 15 — Карабут; 16 — Новоселовка; 17 — Кировка; 18 — Богородичное; 19 — Святогорск; 20 — Татьяновка; 21 — Сидорово; 22 — Маяки; 23 — Каменск-Шахтинский; 24 — Средний; 25 — Карнаузов; 26 — Правобережное Цимлянское; 27 — Саркел; 28 — Семикаракоры.

населения — сложные вождества, соответствующие территориально бассейнам трех основных рек региона — верхнего Донца, Оскола и Тихой Сосны, могли контролироваться, по меньшей мере, тремя тудунами [Тортика 2005, с. 484].

Тудуны осуществляли политику центрального хазарского пра-

вительства¹, которая заключалась, прежде всего, в обеспечении покорности подвластного населения [Васильев 1927, с. 195–196; Новосельцев 1990, с. 108]. В их функции входил также сбор налога² (дани), вероятно, натурального — сельхозпродуктами, ремесленными изделиями, пушниной. Кроме того, можно предположить, что тудуны контролировали выполнение этим населением военно-пограничных функций и проводили мобилизацию военных контингентов местного населения для ведения военных действий там, где это было необходимо [Артамонов 1962, с. 401]. Для Придонецья, видимо, особую роль имело обеспечение данничества [Хазанов 1975, с. 163] восточнославянских племен, контроль над движением варягов по Дону и Донцу, а с конца IX в. — охрана северо-западных рубежей государства от проявлений активности древнерусских князей — Олега, Святослава [ПВА 1999, с. 150, 168].

В то же время трудно предположить, что эксплуатация региона была чрезмерной. Прежде всего, хорошо вооруженные и прекрасно обученные воины, традиционно организованные в боевые единицы, скрепленные родовыми связями, были не самым лучшим объектом для угнетения. Сохранение высокого уровня вооруженности [Аксенов 1998, с. 39–51; Крыганов 1989, с. 98–114; Криганов 1993, с. 52–62; Мерперт 1955, с. 131–168; Михеев, Степанська, Фомін 1967, с. 163–172] населения Северо-Западной Хазарии на протяжении всей ее истории свидетельствует о том, что скорее именно военная служба была той основной повинностью, которую требовали хазары от алано-болгар Подонья-Придонецья [Артамонов 1962, с. 405; Бубенок 2002, с. 26]. Кро-

¹ Подробнее проблема вхождения Подонья-Придонецья в военно-политическую структуру Хазарского каганата будет рассмотрена в следующей главе.

² У орхоно-енисейских тюрок в VIII в. сборщиками податей были тарканы (tarqanbag). По мнению А. Н. Берштама, сборщики получали во времена древних тюрок дань или подать не деньгами, а продуктами [Бернштам 1946, с. 113]. Интересна трансформация значения этого термина в дальнейшей истории кочевого мира. В Золотой орде он по-прежнему был связан с налогообложением, но, по данным египетского путешественника и шпиона Абу Абдаллаха Мухаммада Ибн Батуты (1304–1377 гг.), посетившего Орду при хане Узбеке, термин «тархан» обозначал освобождение от налогов той или иной территории: «...Тархан значит у них место, изъятое от податей...» [Тизенгаузен 1884, с. 301].

ме того, отмечаемый археологами рост населения, увеличение числа поселений и, соответственно, расцвет экономики, в частности земледелия и ремесел [Михеев 1966, с. 91–98; Михеев 1968, с. 5–18; Шрамко, Михеев 1969, с. 74–81; Михеев 1986, с. 224–270 и т. д.], не были бы возможны в условиях чрезмерного угнетения и эксплуатации.

Покорность¹ вождей местных «сложных вожеств» обеспечивалась, во-первых, не только сохранением старой родоплеменной аристократии, но и ее полноправным включением в состав правящего слоя Каганата² [Бернштам 1946, с. 111–115; Голден 1993, с. 217–219; Крадин 2002, с. 119–120; Михеев 1991, с. 49; Хазанов 1975, с. 190]. Во-вторых, в случае попыток добиться полной независимости отдельными регионами, предпринимались карательные походы хазарской армии (примером тому может служить подавление восстания «царя алан», описанное Кембриджским Анонимом) [Голб, Прицак 1997, с. 141]. В-третьих, военно-политическая стабильность обеспечивалась наличием хазарских военных гарнизонов на территории покоренных племен (Саркел [Константин Багрянородный 1991, с. 171], возможно, судя по граффито на стенах крепости — Маяцкое городище). В-четвертых, применялось чересполосное расселение более преданных хазарскому правительству, иноэтничных для основных жителей региона кочевых или полукочевых военизированных групп (возможно, эквивалентом таких поселенцев для Придонецья являлось население, оставившее отмеченные выше могильники типа Нетайловки и Красной Горки [Михеев 1990, с. 45–52]). Наконец, в-пятых, покорность обеспечивалась заключением принудительных или полу-

¹ Основные пути достижения покорности подчиненных народов, практиковавшиеся кочевыми властителями, достаточно подробно описал еще в 1875 г. В. В. Григорьев. По его мнению, этой цели служили: 1) набеги; 2) дань; 3) необходимость кормить и одевать посольства или иных представителей господствующего кочевого народа (администрацию, гарнизоны и т. д.); 4) династические браки [Григорьев 1875, с. 17–20].

² Как совершенно верно отмечала С. А. Плетнева: «Если в XIII в. монгольские ханы, придя в южнорусские степи, прежде всего, уничтожили всю половецкую (куманскую) аристократию и сами стали единственной знатью в половецкой степи, то хазары, наоборот, сохранили всю правящую верхушку побежденных народов, болгар и алан, связав ее с собой вассалитетом. По существу алано-болгарские аристократы ничего не потеряли, войдя в Хазарский каганат» [Плетнева 1967, с. 57].

принудительных династических браков, когда дочери местных владетелей были обязаны выходить замуж за хазарского кагана [Ковалевский 1956, с. 141].

Окончательного и убедительного ответа на вопрос о том, как прекратила свое существование Северо-Западная Хазария, пока не существует. «Венгерская», «печенежская» [Готье 1927, с. 84] и «древнерусская» гипотезы прекращения жизни на салтовских поселениях Подонья-Придонечья имеют многочисленные слабые стороны, неоднократно отмечавшиеся в специальной литературе, кроме того, не соотносятся с конкретными археологическими памятниками (усредненные датировки, отсутствие следов погромов на поселениях) [Плетнева 2005, с. 24]. Вопрос о том, куда ушли носители СМК, остается открытым. Отсутствие следов погромов указывает на то, что они не были уничтожены, однако памятников, по которым можно зафиксировать их новые места расселения в более поздний период, не обнаружено, неясен и характер материальной культуры, присущей им в это время. В любом случае, очевидно, что судьбы носителей лесостепного варианта СМК, алано-болгар были в гораздо большей степени связаны с судьбой Хазарского каганата, чем судьбы других этнических групп населения юга Восточной Европы того же хронологического периода [Тортика 2005, с. 486]. Алано-болгары Придонечья существовали как этнокультурная и социально-политическая целостность только в рамках хазарского господства.

ГЛАВА 2.

Северо-Западная Хазария в геополитической системе Хазарского каганата

§ 2.1. Основные ориентиры для определения места Северо-Западной Хазарии в контексте истории Восточной Европы

В предыдущей главе были рассмотрены основные этносоциальные процессы, определявшие специфику населения Подонья-Придонечья в Хазарское время в VIII–X вв. Была проведена реконструкция вероятных форм общественной организации этого населения, предложен вариант объяснения его территориально-географической структуры. Очевидно, что более глубокое понимание этой структуры возможно только на фоне основных геополитических процессов, происходивших на юге Восточной Европы в указанный хронологический период. Здесь одной из наиболее важных задач представляется реконструкция той роли, которую могла играть Северо-Западная Хазария во внешней и внутренней политике центрального хазарского правительства. Поскольку прямых сведений письменных источников по этой теме нет, возникает необходимость использования косвенных данных в качестве основы для исторического моделирования. Последнее становится возможным при сопоставлении результатов археологического изучения Подонья-Придонечья VIII–X вв. с информацией средневековых авторов о Хазарском каганате, Руси, Восточной Европе в целом.

Итак, границы региона, получившего в специальной литературе условное название «Северо-Западная Хазария», были определены в результате археологического изучения памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры [Афанасьев 1993, с. 6; Михеев 1985; Плетнева 1989, с. 7; Плетнева 1999, с. 24–26 и т. д.]. Учитывая наличие различных точек зрения по поводу конкретной локализации этих границ, следует отметить, что, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений правомерность выделения достаточно компактной, культурно и хронологически однородной группы памятников СМК, расположенной в бассейне среднего и верхнего течения Северского Донца, Оскола и Тихой Сосны. Как известно, эти памятники пред-

ставляют собой ряд городищ-крепостей, протянувшихся цепочкой вдоль течения названных рек, а также связанные с ними посадки, находящиеся неподалеку селища и могильники. Наличие подобной группы памятников традиционно трактуется археологами как результат существования у оставившего их населения определенной этносоциальной общности. Не вызывает сомнений факт вхождения этой группы населения в состав Хазарского каганата, и, соответственно, подчинение ее центральной хазарской власти.

В то же время, в рамках хазарского государства, эта группа памятников расположена достаточно обособленно. Между ней и столицей Хазарии — Итилем — находилось малозаселенное пространство сухих степей Волго-Донского междуречья, протянувшееся с северо-запада на юго-восток на несколько сотен километров. По всей видимости, и сам Дон служил естественной границей, отделяющей обозначенный регион от кочевых хазар Волго-Донского междуречья и Северо-Западного Прикаспия.

С другой стороны, обособленное положение отмеченного региона усугублялось той военно-политической ролью, которую выполняло его население на границе с восточнославянскими племенами, а с конца IX в. — и с Древней Русью. Подобное функциональное назначение населения региона, вероятно, и обусловило строительство большого количества городищ-крепостей [Афанасьев 1993, с. 148–149; Плетнева 1999, с. 25–27], а также достаточно высокий уровень вооруженности¹, что неоднократно отмечалось в специальной научной литературе [Аксёнов 1997, с. 51–53; Аксенов 1998, с. 39–51; Бубенок 2002, с. 21–27; Крыганов 1987; Крыганов 1989,

¹ В отличие от соседних славян, о которых Ибн Русте пишет: «...Вооружение их состоит из дротиков, щитов и копий; другого оружия не имеют» [Известия о хазарах..., 1869, с. 31]. По данным В. Д. Гопака, «Раннеславянские предметы вооружения последней четверти I тыс. в наших исследованиях представлены черешковыми и втульчатыми наконечниками стрел, наконечником копья из Пеньковки и наконечником кинжала из Каневского...» [Гопак 1976, с. 55]. Напротив, у хазар известны: «Сабли длиной до 80 см... Оружием всадников были кинжалы, топоры, копья, кистени, лук и стрелы. В качестве защитного снаряжения использовались кольчуги, панцири и кожаные шлемы. Считается, что каждый хазарский воин носил портупейный пояс, оснащенный декоративными бляшками. Их количество зависело от места,

с. 98–114; Плетнева 1967, с. 101; Приходнюк 2001, с. 96, 99].

К настоящему времени неплохо изучен этнический состав населения Северо-Западной Хазарии. Его основу составляли переселившиеся в середине VIII в. с Северного Кавказа аланские родоплеменные группы, которые были локализованы возле отдельных городищ-крепостей. Их размеры и численность неравномерны, соответственно, неравномерны и масштабы археологических комплексов, возникших в результате их жизни (например, крупный Верхнесалтовский и относительно небольшой Дмитриевский). Кроме того¹, в состав этого населения входили довольно крупные, зачастую военизированные (большинство погребенных мужчин на могильниках — это хорошо вооруженные воины-всадники [Плетнева 1999, с. 207–208]) кочевые или полукочевые протоболгарские группы (Нетайловка, Красная Горка и т. д.). Эти общности, как уже было показано выше, имели различный этнический оттенок (иранский, угорский, тюркский) [Аксенов, Тортика 2001, с. 191–218].

Очевидно, что для осколков целого ряда этнических групп, традиционно воспринимаемых исследователями под собирательным именем протоболгар, такая общность культуры первоначально была вынужденной и обуславливалась военным поражением и подчинением хазарам. Однако, со временем, возникает явная тенденция к культурному и социальному сближению разноязычных групп сал-

которое занимал его владлец в военной иерархии...» [Приходнюк 2001, с. 99]. Длительный период времени военные навыки населения Юга Восточной Европы развивались в контексте военной техники, общественной организации и этнопсихологии, присущих кочевым народам Евразии — иранским, тюркским и монгольским. Только с IX в., благодаря проникновению через речные пути Восточной Европы хорошо вооруженных и воинственных варяго-русов, возникают симбиотические формы вооружения и военного искусства, объединяющие наиболее удачные элементы кочевой и скандинавской военной традиции. Использование этих военных навыков и комбинированных видов оружия и снаряжения дружинами древнерусских князей оказалось достаточно эффективным и способствовало изменениям в геополитической ситуации в Восточной Европе. Хазарский каганат прекратил свое существование, а славянское население лесостепной зоны (едва ли не впервые за всю историю этого региона) приобрело возможность на равных конкурировать с кочевниками в военном отношении [Тортика 2003, с. 106].

¹ См. параграфы 1.3. и 1.5.

товского населения, созданию ими совместных территориальных объединений и полиэтничных общин (о чем свидетельствуют биритуальные могильники Подонья-Придонецья). Вероятно, появляются предпосылки для сложения синтетической раннефеодальной народности — алаано-болгар. Аналогичная ситуация развивается в Южном Крыму, на территории Крымской Готии, где подобным же образом формируется достаточно компактное алаано-готское население, существовавшее как этническая целостность до середины XVIII в. [Айбабин 1999, с. 229–230]. В то же время письменные источники свидетельствуют о том, что сами хазары в лесостепном Подонье-Придонецье, скорее всего, никогда не селились и не кочевали. Нет и археологических памятников, которые бы позволили с уверенностью говорить о присутствии здесь сколько-нибудь значительных массивов хазарского населения [Аксенов 2005, с. 227].

Наконец, следует отметить, что Северский Донец и Дон в IX в. входили в систему речных путей, связывавших бассейн Балтийского и Черного морей, тогда как Волго-Донская переволока соединяла Черное и Каспийское моря [Коновалова 2006, с. 126–133]. Эти пути использовались для транзитной торговли [Калинина 2000, с. 106–119]. В этом контексте отдельные находки дирхемов, в основном на территории могильников, свидетельствуют об участии населения лесостепного региона (видимо, все же, пассивном) в какой-то части этого товарооборота¹. По рекам Восточной Европы проходили маршруты масштабных военно-грабительских экспедиций русов (росов, руси). По всей видимости, речные пути были открыты и для региональных торговых операций, связывавших Северо-Западную Хазарию с территорией Крыма или Таманского полуострова. Многочисленные амфоры [Айбабин 1999, с. 205; Якобсон 1951, с. 325–344; Якобсон 1954, с. 164–172; Якобсон 1955, с. 102–109; Якобсон 1973, с. 44–47], баклаги, ойнохойя, стеклянные и сердоликовые бусы, обнаруженные археологами на поселениях и могильниках региона, являются надежным доказательством существования такой торговли².

По мнению А. В. Назаренко, в IX–X вв. через Восточную Европу

¹ Реконструкции характера торговли по Донецкому и Донскому речным путям посвящена глава 6 настоящей работы.

² Подробнее об этом см. также главу 6.

проходил и сухопутный торговый путь «из немец в хазары» [Назаренко 2001, с. 98–101], впрочем, восточная его часть, от Киева до Итиля, не поддается реконструкции в силу отсутствия данных источников. Если же исходить из информации, содержащейся в письме Хасдаи ибн Шафрута царю хазар Иосифу, этот путь вел из Киева в Булгар и только потом — из Булгара в Итиль. Хасдаи следующим образом описывает этот маршрут: «...прибыли посланцы царя Г-б-лимсов и вместе с ними два человека из израильтян. ... Когда они услышали о моем беспокойстве, они утешали меня, и сказали мне: «Дай нам твои письма, и мы доставим их царю Г-б-лимсов (Чехия — А. Т.), а он, ради оказания тебе почета, пошлет твоё письмо к израильтянам, живущим в стране Х-н-г-рин (Венгрия — А. Т.). Точно так же, (те) перешлют его в страну Рус (Киевская Русь — А. Т.), и оттуда в (страну) Б-л-гар (Волжская Болгария — А. Т.), пока не придет твоё письмо, согласно твоему желанию, в то место, куда ты желаешь (т. е. в Хазарию, в столицу хазар — Итиль — А. Т.)» [Коковцов 1932, с. 65–66]. Однако, при таком описании маршрута, это уже не сухопутный, на чем настаивает А. В. Назаренко, а традиционный речной путь, проходивший через переволоки между речными системами Днепра, Дона (или Оки) и Волги.

Еще раз следует отметить, что прямых данных письменных источников о Северо-Западной Хазарии практически нет. Ряд сообщений средневековых авторов лишь косвенно затрагивает интересующий нас регион. Это достаточно неопределенные экскурсы арабоперсидских авторов, таких как Ибн Хордадбега [Ибн Хордадбех, 1986], Ибн ал Факиха, Ибн Русте [Известия о хазарах... 1869], ал Истахри, ал Мас'уди [Гаркави 1870; Минорский 19], Ибн Хаукаля, «Худуд ал Алам», Марвази, Гардизи, ал Бекри, ал Идриси [Коновалова 1999а, с. 84, 105] и пр.

В основном, сведения мусульманских авторов о Восточной Евро-

¹ Например, ал Мас'уди (30–50 гг. X в.) пишет: «Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях...» [Гаркави 1870, с. 140].

пе восходят к тексту т. н. «Анонимной записки», оригинал которой не сохранился и полное содержание неизвестно¹.

Сведения Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха отличаются от «Анонимной записки» и по фактическому материалу, и по контексту, датируются они, по всей видимости, более ранним временем и возникли независимо от нее. Также информация авторов X в. ал Мас'уди, ал Истахри, Ибн Хаукаля, принадлежавших к «классической» школе арабской географии, и ал Идриси, составившего свою сводную работу энциклопедического характера в середине XII в., независима от влияния текста «Анонимной записки» и может привлекаться для самостоятельного анализа².

Исходя из косвенного и порой фрагментарного характера данных источников, поиск места Северо-Западной Хазарии должен опираться на общие географические представления арабо-персидских авторов. Он должен вестись с учетом их знаний о местоположении других народов Восточной Европы. Тогда, методом исключения, можно обозначить некоторое условное историко-географическое пространство, которое и будет соответствовать положению искомого региона. Как правило, в трудах средневековых географов и хронистов речь идет не о реальном описании того или иного объекта (реки, моря, города, народа), а о некой рефлексии, отраженных и многократно искаженных представлениях, которые далеко не всегда подлежат реконструкции. Впрочем, в отсутствии реальных сведений даже такая косвенная информация все же представляет определенную ценность.

Например, Ибн Русте, на основе уже упоминавшейся «Анонимной записки», писал о взаимном расположении печенегов, буртасов и мадьяр. Очевидно, что все они были соседями Северо-Западной Ха-

¹ Анализ данных, связанных с пересказом различными арабо-персидскими авторами содержания «Анонимной записки», целесообразно привести в четвертой главе, в связи с решением вопроса о раннесредневековом народе буртас, его локализации и гипотетической связи с населением аланского, лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

² Данные названных авторов будут использованы в соответствующих разделах настоящей работы, главным образом, для воссоздания историко-географических реалий Восточной Европы VIII-X вв., представлений о реках и основных водных маршрутах, реконструкции торговых путей, проходивших через бассейны Дона и Северского Донца.

зари и, соответственно, входили в единый с ней пространственный, временной и причинно-следственный контекст. «От земли Печенегов до земли Хазар десять дней пути по степным и лесистым местам. Торного пути или больших дорог нет впрочем между помянутыми землями, а пробираются из страны Печенежской до самой земли Хазарской, как сказано, лесистыми и болотистыми местами...» [Известия о хазарах...1869, с. 16].

Где расположена описанная Ибн Русте «страна» печенегов, можно только предполагать. В то время, когда писалась «Книга драгоценных камней», т. е. в начале X в., печенеги уже занимали степи Восточной Европы между Доном и Днестром, Днестром и Дунаем. Однако, исходя из приведенного выше описания можно предположить, что сведения Ибн Русте запаздывают на несколько десятков лет и относятся к более раннему времени, к периоду пребывания печенегов где-то за Волгой. Именно туда, по данным того же Ибн Русте, «они (хазары) ходят ежегодно войною против Печенегов».

Далее следует еще один важный отрывок, указывающий на то, что описание расположения племен и народов у Ибн Русте часто отстает от исторических реалий лет на 50–30: «Между землею печенегов и землею болгарских Эсегень лежит первый из краев мадыарских...» [Известия о хазарах... 1869, с. 25]. То есть Ибн Русте характеризует это место указанием на «первый из краев мадыарских», очевидно, речь идет о месте первоначального обитания мадыар между Волгой и Уралом до 830-х гг., тогда, соответственно, на севере от этого «края мадыарского» располагалась Волжская Болгария, а на юге — печенеги.

Затем Ибн Русте описывает местоположение венгерских племен, по всей видимости, между Доном и Днестром, до изгнания их оттуда печенегами в 889 г.: «...Земля их обширна; одною окраиной своею прилегает она к Румскому морю, в которое впадают две реки;... между этими-то двумя реками и находится местопребывания мадыар» [Известия о хазарах... 1869, с. 26].

После этого, в соответствии с текстом «Анонимной записки», приведено описание славянской земли: «От земли Печенегов до земли Славян 10 дней пути. В ближних краях земли Славянской

находится город, по имени Ва-и. Путь туда идет по степям, по местам бездорожным, через ручьи и леса дремучие. Земля Славян есть равнина лесистая; в лесах они и живут» [Известия о хазарах... 1869, с. 28; Новосельцев 2000, с. 294].

Где точка отсчета для отмеченных в источнике десяти дней пути и какое из мест пребывания печенегов имеется в виду, неясно. В то же время в данном отрывке ничего не сказано о необходимости переправы через крупные реки — Волгу или Дон, поэтому логично предположить, что в данном случае печенеги уже являются жителями Днепро-Донского междуречья [Молодчикова 1974, с. 105–107], что и позволяет им совершать набеги на славян Днепровского Левобережья. А. П. Новосельцев считал, что в сообщении Ибн Русте речь идет о том времени, когда печенеги жили где-то в Среднем Поволжье, возможно между Вологой и Доном [Новосельцев 2000, с. 298]. Однако такое расположение печенегов вызывает сомнения. Степи между Доном и Волгой традиционно, до 965 г., принадлежали хазарам. Печенеги прорвались через этот участок для того, чтобы попасть в Днепро-Донское междуречье, при этом они не имели возможности находиться хоть сколько-нибудь длительное время между Волгой и Доном.

Ал Балхи (умер около 940–951 гг., «Книга видов земли») также описывает народы Восточной Европы и их взаимное расположение, но все это делается достаточно приблизительно, широкими штрихами, подробности касаются только торговли: «Земля славян занимает пространство двух месяцев пути в длину и ширину. Внешний Булгар есть небольшой город, не имеющий многих селений. Известен же он потому, что служит складочным местом (или гаванью) этих государств. Русь есть народ, соседний с булгарами, между сими последними и славянами. Часть Турка выселилась из страны своей, и заняла пространство между хазаром и Румом — их зовут Баджнаками; в древние времена они не занимали настоящих своих жилищ, а лишь (впоследствии) они разделили, и завоевали эти владения. Что касается хазара, то это имя племени людей; столица же есть город по имени Итиль, который назван по имени реки...» [Гаркави 1870, с. 275–276].

О том, как печенеги вытеснили венгров из Восточной Европы и заняли места их обитания, помимо других источников, сообщает и

«Хроника Регинона Прюмского», написанная в самом начале X в., т. е. вскоре после названных событий: «В лето от воплощения Господня 889-е. Из скифских царств, из бесконечных болот, образованных разливом Танаиса, явился жесточайший народ венгры, свирепостью превосходящий диких зверей, в прежние века неизвестный... Из собственной страны, названный народ был изгнан соседними ему племенами, которые зовутся печенегами, потому что они превосходили [венгров] числом и храбростью, а родина [их], как я полагаю, оказалась недостаточна для обитания [такого] чрезвычайного множества. Итак, [венгры], бежав под их натиском, простившись с отчизной, двинулись в путь в поисках земель, где они могли бы поселиться и устроить [себе] обиталище» [Назаренко 1993, с. 107].

Изгнание венгров, борьба с венграми и их уничтожение были главной военно-политической задачей печенегов после их переселения в степи Восточной Европы. Находившиеся в лесостепи, на периферии этого региона алано-болгары не мешали выполнению этой насущной задачи и могли оказаться в стороне от основного вектора печенежского нашествия. Кочевники, приступавшие к завоеванию Приазовских, Крымских и Причерноморских степей, во все эпохи в первую очередь расправлялись со своими противниками на юге, осваивали основное место своего обитания, привычную и естественную для их хозяйства и образа жизни ландшафтно-экологическую нишу — степную зону. Как правило, только после этого они начинали претендовать на северные территории, вторгались в лесостепь, грабили или облагали данью оседлые племена. Здесь, в лесостепи, в первую очередь печенежским нападениям и набегам подверглись славянские племена, не имевшие государственности. По всей видимости, алано-болгары Придонецья лишь в незначительной степени были затронуты печенежскими нападениями. Большая часть салтовских памятников спокойно переживает появление печенегов в Восточной Европе и не имеет следов нападений (пожаров или разрушений). Вероятно, такое положение дел можно объяснить как высоким военным потенциалом самих жителей региона, так и дипломатической или военной поддержкой центральной хазарской власти, заинтересованной в сохранении своего Северо-Западного форпоста, в славянской дани, а

также в существовании в составе Каганата экономически развитой группы оседлого населения, производившей разнообразную земледельческую и скотоводческую продукцию.

Непосредственное отношение к теме имеет и сообщение Константина Багрянородного о миссии спафарокандидата Петроны и строительстве Саркела: «...От понизовья реки Дунай, против Дистры, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. «Саркел» же означает у них «Белый дом»; он был построен спафарокандидатом Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила построить им эту крепость... Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек... Так совершилось строительство Саркела. От реки Дунай до вышеназванной крепости Саркел 60 дней пути. В пространстве этой земли имеются многочисленные реки, величайшие из них две — Днестр и Днепр. Имеются и другие реки, так называемые Сингул, Ивил, Алматы, Куфис, Богу и многие иные. В верховьях реки Днепр живут росы; отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям; Пачинакия занимает всю землю [до] Росии, Боспора, Херсона, Сарата, Бурата и тридцати краев... За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за его величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него — река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Болгарию, и в Хазарию, и в Мордию... С восточной стороны Меотидского озера впадает много всяких рек: река Танаис, текущая от крепости Саркел, Харакул, в которой ловится верзитик; есть и иные реки, Вал и Вурлик, Хадил и прочие многочисленные реки...» [Константин Багрянородный 1991, с. 171–175].

Исходя из данного сообщения Константина Багрянородного, можно предположить вхождение Подонья, а также, вероятно, и

Придонецья, в зону влияния и военно-политического контроля Хазарского каганата. Ни Константин Багрянородный, ни Петрона не дифференцируют население Хазарского каганата, не выделяют в его составе каких-то самостоятельных этноплеменных единиц. Для них это целостное образование — Хазария, соседями которого являются, например, Черная Булгария, Мордия (мордва), Росия, Пачинакия и т.д. Константин Багрянородный хорошо разбирается в этнополитической ситуации, имевшей место на юге Восточной Европы, знает основных участников происходящих там событий, представляет себе их роль в сложившейся системе взаимоотношений. По всей видимости, его информаторы неплохо ориентировались и в физической географии региона, знали морские водные магистрали, реки, населенные пункты, представляли себе расстояния в днях пути между основными этапами торговых маршрутов. Таким образом, никак не отмеченный в этногеографическом экскурсе Константина Багрянородного алано-болгарский массив Придонецья либо был вовсе неизвестен византийцам, что маловероятно¹, либо воспринимался ими как часть некой иной геополитической единицы, скорее всего, именно Хазарии, Хазарского каганата в целом.

Для определения места населения Северо-Западной Хазарии в этно-географии Восточной Европы важны все сведения о соседях по региону, прежде всего о венграх и печенегах, сыгравших свою роль в истории Хазарского каганата. Косвенным доказательством того, что и после переселения печенегов в Восточную Европу население

¹ Маловероятно в силу того, что миссия Петроны проходила в непосредственной близости от алано-болгарского Подонья-Придонецья, не заметить его византийские разведчики просто не могли. Маловероятно, также и потому, что византийцы знают даже гораздо более северных обитателей Восточной Европы: и названную в данном отрывке мордву, и славянские племена, находившиеся в лесостепном Поднепровье, которые до определенного времени не имели ни самостоятельного выхода к бассейну Черного моря, ни самостоятельной внешней политики. Тем не менее, и они, в связи с деятельностью росов (русов, руси), попали в поле зрения византийского автора. И, наконец, на прямое знакомство византийцев, скорее всего, представителей купечества, с жителями лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры указывает наличие импортных предметов византийского (Крымского, Фанагорийского) происхождения на салтовских археологических памятниках (прежде всего, амфорной тары, встречающейся в изобилии).

Северо-Западной Хазарии продолжает оставаться на прежнем месте и выполняет прежние военно-пограничные функции, являются сообщения Повести временных лет о подчинении ряда восточнославянских племен хазарам и об освобождении этих племен от хазарской дани первыми киевскими князьями. Эти события происходят как в конце IX в., так и в начале X в., т. е. уже после появления печенегов в Днепро-Донском междуречье (889 г.). Следовательно, печенеги не повлияли на политику Хазарского каганата в отношении восточнославянских племен и не препятствовали хазарским тудунам, облагавшим их данью при поддержке или непосредственном участии алано-болгарских военных контингентов, базировавшихся в Подонье-Придонецье.

По Константину Багрянородному, печенеги появились в Восточной Европе следующим образом: «...Пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих (Урал или Эмба), будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад (около 889 г.) упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет» [Константин Багрянородный 1991, с. 155].

Современное Константину Багрянородному расположение печенежских племен таково: «Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцикур, фема Сирукалпей, фема Вороталмат и фема Вулацапон, — расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям.... Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии — на десять дней, от России — на один день, от Турции —

на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе» [Константин Багрянородный 1991, с. 157]. И далее: «... [Знай], что местность пачинакитов, в которой в те времена жили турки, именуется по названиям тамошних рек. А реки эти таковы: первая река под названием Варух, вторая река, именуемая Куву, третья река по имени Трулл, четвертая река, называемая Брут, пятая река, именуемая Серет [Константин Багрянородный 1991, с. 163].

Итак, ни один из приведенных источников ничего не сообщает о населении Северо-Западной Хазарии, не дает нам ни названия этого региона, ни имени его жителей. В то же время, на основе рассмотренных данных, воссоздается общий геополитический контекст, в рамках которого существовали и алано-болгарские племена Подонья-Приднестрья. На юге региона, между Доном и Днестром, в степи, на границе между лесостепью и степью с 830-х по 889 гг. господствуют венгры, после 889 г. — печенеги. Венгры активны во взаимоотношениях с Крымскими владениями Византии, совершают набеги на славян, но, по всей видимости, лояльны к хазарам и не претендуют на их территорию. Печенеги появляются в Днестро-Донском междуречье вопреки воле хазар, изгоняют оттуда союзных им венгров и гипотетически конечно же, могут представлять угрозу для салтово-маяцкого населения Подонья-Приднестрья. Тем не менее, как было показано выше, они, скорее всего, не смогли ни подчинить себе, ни уничтожить Северо-Западную Хазарию. По крайней мере, до начала X в. ее жители сохраняют свою территорию, экономику, военно-политическую структуру, по всей видимости, находятся в контексте политики Хазарского каганата и воспринимаются авторами письменных источников как неотъемлемая часть этого государства.

§ 2.2. Климаты Константина Багрянородного и Северо-Западная Хазария

Особого внимания заслуживает сообщение Константина Багрянородного о неких «девяти Климатах», являвшихся экономической, прежде всего, сельскохозяйственной базой, благодаря существованию которой хазары якобы получают все необходимое для жизни [Константин Багрянородный, 1991, с. 53, 171–177].

Неоднократно в исторической науке делались попытки локализации Климатов и интерпретации содержания этого термина. Так, Ю. А. Кулаковский видел в Климатах только территорию Крыма. Возникающее в этом случае противоречие с информацией Константина Багрянородного (последний писал о том, что аланы нападают на хазар по дороге к Климатам и Херсону) он обходил, утверждая, что в данном случае речь идет не о северокавказских аланах, а об аланах Причерноморских степей [Кулаковский 1899, с. 54]. Сходную позицию занимал польский историк Т. Левицкий, который предполагал, что Константин Багрянородный писал об аланах Нижнего Дона [Lewicki 1956, p. 38].

М. И. Артамонов считал, что Константин Багрянородный называл Климатами хазарские владения в Крыму или на Кавказе, заселенные оседлыми племенами, поставлявшими хазарам продукцию земледелия и ремесленного производства. Более точно границы Климатов этот исследователь не определял [Артамонов 1962, с. 363]. В. А. Кузнецов располагал Климаты в районе Нижнего и среднего Прикубанья. По его мнению, такая локализация Климатов бесспорна, так как богатые земледельческие районы Покубанья вполне могли служить источником доходов для хазар. В то же время этот район располагался в непосредственной близости от Северокавказских алан-асов, которые могли нападать и на само Прикубанье, и на дороги, которые вели из Закубанья в Хазарию [Кузнецов 1971, с. 17].

А. В. Гадло считал, что Климаты охватывают значительные территории Северного Предкавказья. Главное, по его мнению, в сообщении Константина Багрянородного, это то, что эти хазарские области — Климаты — прилегают к Алании, и то, что аланы могут препятствовать перемещению хазар по территории Предкавказья в направлении Таврики и Подонья [Гадло 1971а, с. 60; Гадло 1979, с. 193–194]. А. П. Новосельцев высказал предположение о том, что упомянутые Константином Багрянородным Климаты — это подвластные хазарам области, занятые населением, обложенным данью и что в состав этих Климатов могло входить нижнее Подонье и Прикубанье [Новосельцев 1990, с. 108–109]. Также в качестве хазарских областей рассматривает упомянутые в 10 главе труда Константина Багрянородного

Климаты О. И. Прицак [Голб, Прицак 1997, с. 160–161]. Наконец, отдельное мнение по этому поводу имеет М. Г. Магомедов, который, на основании того, что под «девятью Климатами» подразумеваются какие-то области богатые «средствами к жизни», т. е., по всей видимости, продуктами земледелия, считает, что они располагались на территории Приморского Дагестана.

В последнее десятилетие проблема идентификации Климатов разрабатывалась в основном в трудах представителей крымской школы медиевистики. На основе сравнительного анализа соответствующих византийских источников, такими авторами как А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, В. Е. Науменко, было сделано заключение о том, что Климаты — это Херсон и юго-западная часть горного Крыма, Крымская Готия, Страна Дори, столицей которой был Дорос-Мангуп.

Следует отметить, что сам термин Климаты имеет позднеантичное происхождение и связан с представлением о разделении земной поверхности на определенные широтные зоны, с особыми климатическими и иными характеристиками. В системе византийского управления фема Херсона некоторое время носила официальное наименование Климаты. В конце VIII — середине IX в. Климаты непосредственно подчинялись хазарам, после восстания Иоанна Готского в столице Крымской Готии — Доросе-Мангупе — какое-то время находился хазарский гарнизон и хазарский тудун контролировал сбор дани со всей этой территории, включая и Херсонес [Герцен 2002, с. 31]. После потери крымских владений в конце IX — начале X вв. хазары время от времени совершают набеги на территорию Крыма — Климаты. Помешать им в осуществлении таких набегов, по мнению Константина Багрянородного, могут аланы и печенеги, побуждаемые к подобным действиям союзническими отношениями с Византией.

Не возражая против того, что определение Климатов как сугубо крымских областей, связанных с Херсоном и Крымской Готией, полностью справедливо для VIII–IX вв., хотелось бы высказать некоторые предположения по поводу того, какое значение мог иметь этот термин в середине X в. Прежде всего, необходимо еще раз внимательно рассмотреть само сообщение, проанализировав контекст произведения и задачи, которые ставил перед собой Порфирородный

автор. Крайне важно оценить и те исторические условия, которые существовали в Крыму, Приазовье, Подонье и Покубанье во время написания его труда.

Как представляется, локализация Климатов, упомянутых Константином Багрянородным, должна производиться не вообще, а в соответствии с каждым отдельным упоминанием этого термина. Так, например, в главе I трактата «Об управлении империей» сказано: «Поскольку этот народ пачинакифов соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты» [Константин Багрянородный 1991, с. 37]. Из контекста явствует, что в данном случае Климаты непосредственно связаны с Херсоном, находятся рядом с ним и могут одновременно подвергаться набегам печенегов. Следовательно, в данном случае, безо всяких сомнений речь идет о территории горного Крыма.

В главе 10 того же труда Константин Багрянородный пишет: «[Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии» [Константин Багрянородный 1991, с. 53]. Есть все основания предполагать, что именно в этом отрывке речь идет о Климатах, располагавшихся за пределами Крымского полуострова и действительно входивших в состав Хазарского каганата еще в середине X в. Таким образом, аргументами в пользу именно такого расположения упомянутых в главе 10 Климатов является факт их непосредственного соседства с Аланией (они «прилегают к Алании»). В то же время очевидно, что Алания располагалась именно на территории Северного Кавказа, какая бы то ни было другая Алания в это время неизвестна ни средневековым авторам, ни современным исследователям. Кроме того, именно северокавказские аланы в это время располагали необходимым военным потенциалом для проведения подобных военных операций: «Аланский царь выступает с 30000 всадников. Он могущественен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей», — пишет современник Константина Багрянородного ал Мас'уди [Миновский 1963, с. 205–206].

О том, как аланы воевали с хазарами, сообщает и анонимный автор Кембриджского документа — текста Шехтера (документ был написан в Константинополе во второй половине X в.): «...в дни Аарона царя царь алан воевал против казар, потому что подстрекал его царь Греции. Но Аарон нанял против него царя TWRQY', так как он [был силен]. Царь Алан пал перед Аароном, и (последний) захватил его в плен живым; но [царь] оказал [ему ве]ликий почет и взял его дочь в жены своему сыну, Иосифу. Царь алан поклялся ему в верности и царь Аарон отпустил его в его [з]емлю...» [Голб, Прицак 1997, с. 141].

По мнению одного из авторов публикации приведенного документа О. И. Прицака, в данном отрывке речь идет о событиях, происходивших в 20–30-е гг. X в. Почетное, с точки зрения хазарского еврея, замужество дочери аланского царя могло восприниматься самим предводителем алан как большое несчастье и унижение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вроде бы примиренный царь — эскурсиократор Алании — через несколько десятков лет после войны, описанной в тексте Шехтера, снова нападет на хазар и будет настроен по отношению к ним явно враждебно.

Далее тот же Константин Багрянородный в главе 42, которую большинство исследователей расценивает как достаточно точный дорожник, указывает, перечисляя географические объекты северо-западного Предкавказья с запада на восток: «...За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор — страна Алания» [Константин Багрянородный 1991, с. 175]. При этом аланы регулярно нападают на зихов и во время этих набегов доходят до морского побережья, в результате зихи вынуждены искать убежище на прилегающих островах [Константин Багрянородный 1991, с. 177]. Очевидно, что и район Таматархи (там вплоть до середины X в. располагался хазарский гарнизон и таможенная застава), а также область Покубанья находились в сфере досягаемости алан, в результате чего данные территории вполне могли подвергаться нападениям и грабежам.

Возвращаясь к тексту главы 10, следует напомнить, что в ней идет речь об областях, непосредственно принадлежащих хазарам, обложенных налогами или данью и подчиненных им. Известно, что территория Крыма в середине X в. в состав Хазарии не входила, последний свой оплот в восточном Крыму, Боспор — Карх — Керчь, хазары потеряли в конце IX в. Хазарская цитадель была разрушена, а в городе было организовано византийское управление [Айбабин 1999, с. 222]. По данным Ибн Русте (903 г.), венгры торгуют в окрестностях Керчи уже именно с византийцами: «Воюя славян (сакалиба) и добывши от них пленников, отводят они (мадьяры) этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, которая зовется Карх. ...А как дойдут мадьяры с пленниками своими до Карха, греки выходят к ним навстречу. Мадьяры заводят торг с ними, отдают им пленников своих, и взамен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные коврики и другие греческие товары» [Известия о хазарах... 1869, с. 27].

Описанная Ибн Русте торговля между венграми и византийцами в районе Керчи могла происходить в тот период истории венгерского объединения, когда оно занимало степи между Доном и Днепром, т. е. до вытеснения венгров печенегами из этой области — Леведии. Следовательно, эта ситуация должна датироваться временем до 889 г. Таким образом, хазар в это время, т. е. в последней четверти IX в., в Керчи уже не было и хазарские Климаты — подчиненные хазарам области, никак не могли находиться в Крыму, тем более, что речь идет о событиях, происходивших в середине X в.

В главе 11, как и в главе 1, упоминаются, по всей видимости, Климаты, располагавшиеся в Крыму: «[Знай], что эскурсиократор Алании не живет в мире с хазарами... он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эскурсиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир» [Константин Багрянородный 1991, с. 53].

В отрывке хорошо указана последовательность движения — «переходов» хазарских войск. Сначала к Саркелу — к Дону, затем к

Климатам и Херсону. Херсон и Климаты явно образуют смысловую пару, они одновременно пользуются миром, в случае, если аланы мешают хазарам нападать на них. Такое соседство предполагает только Крымскую локализацию данных Климатов.

Таким образом, в результате проведенного анализа следует отметить, что в сообщении Константина Багрянородного под общей дифиницией Климаты речь идет о разных областях Восточной Европы, которые располагались как в Крыму, так и за его пределами. По всей видимости, строгое использование термина Климаты только по отношению к феме Херсона и Юго-Западному Крыму к середине X в. ушло в прошлое, а сам термин получил более широкое значение «областей», подчиненных тому или иному государству. Так, например, по мнению К. Цукермана, официальное название фемы Климаты существовало только в конце первой половины IX в. В Тактиконе 899 г. название Климаты уже отсутствует [Сорочан 2003, с. 105].

Можно предположить, что перенесение термина Климаты на области, подчиненные хазарам, произошло в тот период, когда Климаты Херсона и Юго-Западный Крым действительно входили в сферу влияния и налогообложения Хазарского каганата. Такое положение дел, как известно, сохранялось около ста лет и вполне могло стать привычным для византийских наблюдателей. После того, как хазары были вытеснены из Крыма, представление о том, что у них есть Климаты (т. е. облагаемые данью области, являющиеся источником доходов), могло быть перенесено и на другие подвластные хазарам регионы Восточной Европы.

Ситуация осложнялась тем, что во всех других главах своего труда «Об управлении империей», как было уже отмечено выше в главе 1 и главе 11, Константин Багрянородный продолжает использовать традиционное представление о Климатах как об областях Крыма. Особенно четко это прослеживается в тексте главы 42: «От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера... Самый же залив Меотиды тянется в направлении к Некропилам, находящимся близ реки Днепр, мили на четыре, и сливается [с ними] там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив [таким

образом] находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам» [Константин Багрянородный 1991, с. 175]. Судя по данному сообщению, крепости Климатов «расположены от Херсона до Боспора», а от внешней угрозы, исходящей из степей Восточной Европы, их защищает Перекоп. Соответственно, эти Климаты находятся на территории Крымского полуострова.

В то же время те «девять Климатов Хазарии» (Константин Багрянородный «Об управлении империей» глава 10), которые прилегают к Алании и являются источником «жизни и изобилия в Хазарии», очевидно, располагаются за пределами Крыма. Об этом свидетельствует как уже отмеченная выше их близость к Алании (Северный Кавказ и Предкавказье), так и факт экономической зависимости, поскольку именно из этих Климатов хазары получают основные средства к жизни, что совершенно неприменимо для Крыма в середине X в. Хазары были вытеснены из Крыма уже в конце IX в. и не имели там никаких подчиненных земледельческих областей, в лучшем случае, они могли совершать грабительские набеги на византийские города Крымского побережья. Наконец, заслуживает внимания то обстоятельство, что именно аланы могут «грабить их отसेле и причинять великий ущерб и бедствия хазарам». Аланы не нападали на Крымские Климаты, да и не имели для этого реальных возможностей. Таким образом, несомненно, что в данном случае речь идет о каких-то других территориях.

В середине X в., когда Константин Багрянородный писал свое сочинение «Об управлении империей», хазары сохраняли свое влияние только на незначительной части принадлежавшей им ранее территории юга Восточной Европы. Степи между Доном и Днепром, а также степную часть Крымского полуострова контролировали печенеги: «Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии — на десять дней, от России — на один день, от Турции — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она

очень близко, а к Боспору еще ближе (выделение — А. Т.)» [Константин Багрянородный 1991, с. 157] или «..и другой народ из тех же самых пачинакифов находится рядом с областью Херсона...» [Константин Багрянородный 1991, с. 41]. Соответственно, прибрежные города Крыма «от Херсона до Боспора» и Горный Крым принадлежали Византии [Якобсон 1954, с. 157]. Даже черные булгары, располагавшиеся в Приазовье могли «воевать с хазарами» [Константин Багрянородный 1991, с. 53]. Также, со слов Константина Багрянородного, известно, что «экскурсиократор Алании» может нападать на хазар «при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону», т. е. за пределами Крыма, где-то в районе Донского левобережья и Волго-Донского междуречья.

Вероятно, упомянутые Константином Багрянородным «девять Климатов» могут быть локализованы вдоль левого берега Кубани, в округе Таматархи (Самкуша Ибн ал Факиха или С-м-крца хазаро-еврейских документов), а также по обоим берегам Маньча и Сала, вдоль нижнего и среднего течения Дона по левому берегу, вплоть до Саркела. Возможно, что в определенной степени был прав и М. Г. Магомедов, который располагал названные Климаты в приморском Дагестане, с той поправкой, что этот регион можно рассматривать не как все «девять Климатов», как считает этот исследователь, а только как один (часть) из них.

В непосредственной близости от алан располагались и южные границы домена хазарского царя Иосифа, описанные в еврейско-хазарской переписке (примерно территория современной Калмыкии) [Коковцов 1932, с. 102–103]. Однако эти территории были населены собственно хазарами и, если следовать заданной источником логике, не являлись областями, подчиненными хазарам и не могли быть включены в состав интересующих нас «девяяти Климатов».

По некоторым формальным показателям, указанным в труде Константина Багрянородного, к числу областей Хазарии, из которых хазары получают «жизнь и изобилие», можно было бы отнести и Северо-Западную Хазарию (земли между Северским Донцом, Осколом и Доном), сохранявшую роль пограничного форпоста и земельческой базы Хазарского каганата вплоть до похода Святослава

«на ясов и касогов» в 965 г. Соблазн велик. Именно по этому пути шли те исследователи, которые помещали Климаты в том регионе, который был, по их мнению, сельскохозяйственной базой хазар в Северном Предкавказье — Покубанье (Кузнецов), Дагестане (Магомедов). Тем не менее, исходя из сведений анализируемого источника, вторым бесспорным критерием для локализации хазарских «девяяти Климатов» является их близость к Северокавказской Алании. Северо-Западная Хазария этому критерию не соответствует, для аланасов она была недостижима и географически, и в военном отношении. В данном случае на пути у алан находились либо хазарские степи с крепостью Саркелом и хорошо вооруженными конными отрядами наемников ларсиев (если двигаться по левому берегу Дона), либо печенежские земли (если идти по правому берегу). К тому же она была населена родственными аланскими племенами, недавними выходцами с Северного Кавказа, возможно из Кисловодской котловины, где, собственно, и проживали западные аланы-асы.

В то же время в связи с описанным Константином Багрянородным фактом наличия у хазар своих Климатов, т. е. областей, населенных, по всей видимости, не хазарами, но какими-то иными оседлыми и сельскохозяйственными этноплеменными группами (территорий, из которых хазары получают средства к жизни), возникает возможность проведения аналогий с территорией Северо-Западной Хазарии. Здесь весьма плодотворной представляется идея А. П. Новосельцева, который предполагал, что Климат, в данном случае, соответствует административно-территориальной единице Хазарского каганата и мог управляться хазарским наместником (тудуном). К числу подобных Климатов можно отнести, помимо отмеченных территорий Покубанья и Прикаспия, «страну» бургасов (мордвы), Волжскую Болгарию и Подонье с Саркелом и Северскодонецкими крепостями [Новосельцев 1990, 108–109].

В условиях практически полного отсутствия сведений письменных источников по истории Северо-Западной Хазарии даже такая косвенная ассоциация может быть полезной для реконструкции того положения в системе государственного и экономического устройства Хазарского каганата, которое занимал этот регион. В этом

отношении Северо-Западная Хазария, как можно предположить на основе археологического изучения экономики ее населения, выполненного В. К. Михеевым [Михеев 1985], вполне сопоставима с Климатами Константина Багрянородного. В то же время в отличие от «девяяти Климатов», располагавшихся в Азово-Каспийском междуморье, в относительно безопасной (по крайней мере, со второй половины VIII до начала X в.) глубине Хазарского каганата, Северо-Западная Хазария всю свою историю находилась на «славяно-хазарском пограничье». Она играла роль пограничного форпоста, ее население осуществляло сбор дани с восточнославянских племен и контролировало речной путь по Северскому Донцу и Верхнему Дону. В этих условиях возрастала роль местной военно-племенной верхушки, большой процент погребений которой зафиксирован археологами на могильниках региона. В каких отношениях местные вожди находились с хазарским тудуном и каковы были полномочия последнего, можно только предполагать. По всей видимости, главным требованием хазар была своевременная поставка славянской дани и обеспечение безопасности речных путей [Тортика 2002, с. 145–146]. Местная комплексная земледельческо-скотоводческая экономика, судя по всему, не подвергалась чрезмерному налоговому прессингу. Об этом свидетельствуют зафиксированные археологически рост производства, увеличение числа поселений и, соответственно, рост местного населения. Вероятно, именно военизированный пограничный характер этого населения и обеспечил как его большую устойчивость в военно-политических потрясениях второй половины IX в., так и большую преданность хазарам, союз с которыми был не только выгоден, но и даже необходим. Возможно, что такое органичное и бесконфликтное вхождение региона в систему хазарского управления на протяжении почти 200 летней истории, а также его географическая удаленность от побережий морей и центров письменной культуры как раз и обусловили столь печальное для историков невнимание авторов средневековых письменных источников к Северо-Западной Хазарии.

§ 2.3. Еврейско-хазарские документы о геополитической ситуации в Восточной Европе в X в. Киевское письмо

Помимо арабо-персидских и византийских источников, определенное представление об этногеографии Восточной Европы в конце хазарской эпохи (в первой половине — середине X в.) дают источники хазаро-еврейского или еврейского происхождения. Среди них, конечно же, необходимо назвать еврейско-хазарскую переписку, Кембриджский аноним — «текст Шехтера», «Таблицу народов» из книги «Иосиппон» и «Киевское письмо».

Достаточно давно обсуждается в специальной литературе приведенный в письме хазарского царя Иосифа кордовскому сановнику Хасдаи ибн Шафруту список племен и народов, когда-либо входивших в состав Хазарского каганата. Как известно, существуют две редакции этого письма — «краткая» и «пространная».

«Краткая» редакция содержит сведения о том, что Хазария расположена в низовьях Волги, а также о том, что в ее состав входит девять поволжских народов: «Подле (этой) реки расположены весьма многочисленные народы в бесчисленном множестве; они живут и в селах и городах и в укрепленных (стенами) городах. Их девять народов, которые не поддаются (точному) распознаванию и которым нет числа. Все они платят мне дань» [Коковцов 1932, с. 81–83]. Имена этих народов в данном случае не названы. Затем Иосиф описывает Прикаспийские, Предкавказские и Крымские владения, которые, как известно, в середине X в. уже не входили в состав Хазарского государства.

«Пространная» редакция письма Иосифа дает следующий список народов, якобы подчиненных хазарам: «...Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. ...» [Коковцов 1932, с. 98–102]. Это буртасы — жители среднего Поволжья, волжские болгары, родственные им сувары (савиры), одно из подразделений мордвы — арису (эрзя), черемисы, вятичи, северяне и, возможно, новгородские словене, без всяких на то оснований включенные Иосифом в данный список. Все эти народы, за исключением словен, в период расцвета Хазарского каганата или непосредственно входили в его состав, или являлись его данниками. Как считает большинство исследователей, имени носителей лесостепного варианта салтовомаяцкой культуры нет среди перечисленных этнонимов. Исключение

составляет только точка зрения Г. Е. Афанасьева, отождествляющего буртасов с донскими аланами. По всей видимости, эта гипотеза, несмотря на целый ряд аргументов, приведенных ее автором, все же неправомерна¹.

Списку народов хазарского царя Иосифа частично соответствует, а частично дополняет его небольшой фрагмент («Таблица народов») из книги «Иосиппон» (вторая половина X в.): «...Тогарма составляют десять родов, от них Козар, Пещинак, Алан, Кабнина, Турк, Буз, Занук, Угр, Талмац. Все они живут на севере, и имена стран их — по именам их, и они живут по реке Итиль. Только Угр и Булгар и Пещинак живут на реке великой, называемой Дануби, то есть Дунай... Тирас — это Руси... Руси живут на реке Киева, впадающей в море Гурган...» [Петрухин 1995, с. 36–40]. Также в «тексте Шехтера» названы племена, которые: «...сражаются с нами (как союзники): ‘SY, Bab al Abwab, ZYBWS, TWRQ и LWZNYW» [Голб, Прицак 1997, с. 141–142].

Среди этнонимов, названных в обоих документах, по всей видимости, также нет имени жителей Северо-Западной Хазарии. Здесь перечислены, в разной транскрипции, аланы, венгры, печенеги, гузы, болгары, русы или норманны, обитатели Дербента (Баб ал Абвab). Автору «Таблицы народов» известны и некоторые подразделения печенегов, соответствующие данным Константина Багрянородного — это, например, Талмац. Все это свидетельствует о том, что именно названные народы определяли геополитический фон своего времени в Восточной Европе. Отсутствие или невычлененность имени жителей Северо-Западной Хазарии в очередной раз свидетельствует о том, что они, скорее всего, не играли самостоятельной политической роли и воспринимались современниками под именем своих патронов — хазар. В то же время идентификация и локализация всех обозначенных в данных перечнях народов позволяют лучше представить этногеографию Восточной Европы в хазарское время.

¹ В связи с определенной популярностью взглядов Г. Е. Афанасьева среди археологов, а также из-за крайней запутанности и сложности сообщений раннесредневековых источников о народе буртас, этой проблеме будет посвящена отдельная, четвертая глава данной работы.

К аналогичным выводам приводит и изучение совершенно иного документа, южногерманского по происхождению. Речь идет об «Описании городов и областей к северу от Дуная» — анонимной записке, которая получила условное название «Баварский географ» и датируется IX в. Автор «Баварского географа» неплохо знает географию Центральной Европы, но имеет очень приблизительные сведения о Европе Восточной¹. По степени информированности он находится даже ниже автора еврейской книги «Иосиппон». Описание в этом источнике построено по распространенному в средние века принципу взаиморасположения тех или иных областей и населяющих их народов (место каждого из народов в списке является своего рода точкой отсчета для определения расположения предыдущего и последующего этносов). Указано также и количество городов, имеющих в данной области или у данного народа. Единственное упоминание о хазарах в тексте «Баварского географа» следующее: «...Кацдыры, 100 городов...» [Назаренко 1993, с. 15]. Перед хазарами названы центрально-европейские славянские и неславянские племена и области — Велунцаны, Брусы, Висунберы, после хазар — Руссы, Форшдерен лиуды, Фрешиты и др. Реальные соседи хазар (кроме упомянутых руссов), а также входившие в состав Хазарского каганата племена и народы, по всей видимости, не были известны автору «Баварского географа». Заслуживает внимания упоминание 100 городов у хазар. Автор русского перевода «Баварского географа» А. В. Назаренко предлагает понимать под этими городами укрепленные поселения, т. е. не только города, но и городища. Цифра 100, конечно же, имеет условный характер и должна обозначать только то,

¹ Чем западнее находилась страна, тем, естественно, меньше сведений о Восточной Европе было у проживавших там авторов хроник или географических описаний. Так, например, в дополнениях английского короля Альфреда (872–899 или 901 г.) к хорографии Орозия — «Орозий короля Альфреда» («King Alfred's Orosium») о Восточной Европе нет современных сведений, а то, что известно, восходит к Орозию и представляет собой компиляцию позднеантичных знаний (Танаис, Меотида, Феодосия и т. д.) [Матузова 1979, с. 13, 15, 23].

что область хазар большая и что городов у них много. С определенной долей вероятности можно допустить, что к числу этих многочисленных «городов» относятся и городища Северо-Западной Хазарии. Допуск этот возможен лишь в рамках той отраженной картины исторической действительности, которую содержит источник, но, естественно, не в отношении самой действительности. Эти картины близки и в чем-то совпадают, но не идентичны и не взаимозаменяемы.

Определенные выводы геополитического характера, проливающие свет на степень хазарского присутствия в Днепровском Левобережье в середине X в., позволяет сделать документ, получивший в историографии название «Киевское письмо». Он был обнаружен Н. Голбом в 1962 г. в Кембриджской университетской библиотеке среди материалов, привезенных в 1896 г. С. Шехтером из генизы Каирской (Фустат-Миср в средние века) синагоги. Документ впервые был опубликован с переводом и комментариями Н. Голбом и О. Й. Прицаком на английском языке в 1982 г. На русском языке эта книга вышла в 1997 г. [Голб, Прицак 1997].

Названный документ заслуживает особого внимания, так как, по мнению авторов перевода и публикации, он является самым древним письменным источником, написанным в Киеве. Кроме того, авторы, на основе изучения и трактовки содержания этого документа, делают ряд выводов, касающихся истории Хазарского каганата и распространения торговых хазаро-еврейских общин по территории Восточной Европы в конце I тыс. н. э. В частности, по мнению О. Й. Прицака, «...Киев управлялся хазарами до того, как был завоеван русью» и «...киевское письмо было написано в то время, когда Киев еще управлялся хазарами» [Голб, Прицак 1997, с. 64].

Очевидно, что процитированные утверждения в корне расходятся с концепцией раннесредневековой истории Восточной Европы, традиционно принятой в отечественной исторической науке. В этой связи точка зрения авторов (главным образом О. Й. Прицака) неоднократно подвергалась критике со стороны украинских и российских медиевистов (историков и археологов) как в советский период развития исторической науки, так и в постперестроечное время. Целенаправленные критические рецензии на работы О. И. Прицака

были опубликованы Е. А. Мельниковой [Мельникова 1984, с. 201–209] и А. П. Толочко [Толочко А. 1987, с. 144–146]. Ряд критических замечаний и источниковедческий анализ отдельных положений «Киевского письма» и «Кембриджского документа» содержатся в работах А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 8] и П. П. Толочко [Толочко П. 1990, с. 104–105; Толочко 2004, с. 99–107]. Весьма существенные замечания имеются также в комментариях и послесловии к публикации документа на русском языке, подготовленных В. Я. Петрухиным [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 194–223]. Названные авторы подвергли критическому анализу в основном те положения концепции О. Й. Прицака, которые были связаны с утверждением идеи об основании Киева хазарами, о подчинении этого города хазарам, о наличии в Киеве хазарской администрации и о существенной роли Хазарского каганата в образовании государственности на Руси.

Так, Е. А. Мельникова [Мельникова 1984, с. 201–209], возражает против идеи экспорта государственности, носителями которой, по мнению О. И. Прицака [Прицак 1997, с. 75–87], были купцы и воины. Кроме того, неправомерными, на ее взгляд, выглядят следующие положения концепции О. И. Прицака: образование новых империй вдоль торговых путей, охранявшихся кочевниками-тюрьками (в том числе и хазарами); хронологические разрывы и неувязки (открытие Волжского торгового пути в VII в., возникновение «готских» городов Полоцка и Смоленска в VII в., появление Игоря в Киеве только после 930 г. и т. д.); наконец, наиболее фантастическим, по ее мнению, выглядит существование и деятельность «интернационального торгового концерна Рус», якобы возникшего в Галлии и распространившего в VII–X вв. свое влияние на Францию, Германию и Восточную Европу. Причиной появления подобных заблуждений в работах О. Й. Прицака является, как считает автор рецензии, игнорирование историографии, определенная методологическая сумбурность и отсутствие строгого источниковедческого анализа.

Подобно Е. А. Мельниковой, А. П. Толочко также достаточно критичен в своей рецензии на первое, англоязычное, издание «Хазарско-еврейских документов», опубликованное в 1987 г. Не оспаривая подлинности «Киевского письма» и филологических выводов

Н. Голба, и не отрицая возможности существования тех или иных связей Киева с Хазарией, он выступает против утверждения о хазарском владычестве в Киеве [Толочко А. 1987, с. 144–146].

Эту точку зрения развивает и П. П. Толочко, который пишет о практически полном отсутствии хазарских древностей в культурном слое раннесредневекового Киева [Толочко П. 1990, с. 104–105]. Этот факт он рассматривает в качестве серьезного аргумента против идеи о сколько-нибудь существенном присутствии хазар в этом городе. В данном случае следует иметь в виду, что в качестве «хазарских древностей» археологи, как правило, понимают материалы салтово-маяцкой археологической культуры VIII–X вв.

В этой связи хотелось бы отметить, что вошедшее в оборот в 80-е гг. прошлого века утверждение о том, что салтово-маяцкая культура была «государственной» культурой Хазарского каганата, в настоящее время можно рассматривать только как метафору. Очевидно, что сама постановка вопроса о наличии «государственной культуры» в VIII–X вв. н. э. не соответствует реалиям раннесредневековой истории Восточной Европы и может быть квалифицирована как модернизация. Сами хазары не являлись ни создателями, ни носителями этой археологической культуры, которая, как известно, сформировалась как особое явление в алано-болгарской этноплеменной среде. Хазарское государство никоим образом не могло целенаправленно санкционировать развитие и распространение этой культуры. Речь может идти только о том, что в условиях определенной стабильности, возникшей в рамках Хазарского государства во второй половине VIII в., у алано-болгарской части населения Каганата появились благоприятные возможности для развития хозяйства, что и привело к формированию СМК. Поскольку аланы и болгары проживали в разных частях Каганата, локальные варианты этой культуры возникают в Крыму, Приазовье, на Среднем Дону и Северском Донце. Отсутствие развитой городской жизни в этом регионе, тот факт, что алано-болгары не были господствующей в политическом отношении группой населения в Каганате, кочевой образ жизни самих хазар, сложная племенная структура раннесредневекового Хазарского государства и, наконец, ухудшение военно-политических условий в регионе с конца IX в. (нашествие печенегов) не позволили СМК распространиться по всей территории Хазарии.

В этом контексте «археологическая» аргументация противников идеи существования хазаро-еврейской общины в Киеве в X в. не всегда оправдана и убедительна. Археологи, оспаривая факт присутствия хазар или хазарской администрации в Киеве, ссылаются на отсутствие в культурном слое раннесредневекового Киева материалов салтово-маяцкой культуры, настаивая на том, что хазары должны были бы проявить свое присутствие там именно таким образом¹. Однако на чем основано подобное убеждение? Носителями СМК были аланы и протоболгары, проживавшие в бассейне Среднего Дона, на Северском Донце и Осколе и т. д. — это отнюдь не кочевники-хазары и не купцы-евреи. Алано-болгары в Киеве, по всей видимости, не селились. Хазары, если они и бывали в Киеве в качестве дипломатов, купцов или даже сборщиков дани² [ЛР 1989, с. 10], вряд ли были многочисленны и уж тем более не возили с собой в большом количестве предметы алано-болгарского ремесленного производства. Даже если хазарский тудун (или тархан) и находился какое-то длительное время в Киеве вместе со своей дружиной, то естественно, что ни он, ни его спутники никакой хозяйственной деятельностью не занимались и жили за счет местного населения. Евреи же, в том числе и проживавшие в данное время в Киеве, не создавали для повседневного обихода каких-то особых форм утвари или характерных только для них бытовых предметов, т. е. тех объектов материальной культуры, которые могут быть обнаружены археологами, а пользовались тем,

¹ Например, А. В. Комар, отмечает: «Собственно салтовских памятников в Киеве и его округе нет. Информация о киевских «катакомбах», открытых в 1874 г., мало достоверна, но урновые трупосожжения в «камерках» все равно не имеют никаких салтовских параллелей. Единственный же сосуд из Киева, традиционно относимый к салтовским, из п. 3 могильника в «Парке пионеров», имеет совершенно нехарактерную для салтовских кувшинов форму горла и резко отличается от салтовских крынок. Приходится констатировать, что археологические следы непосредственно присутствия хазар в правобережном лесостепном Поднепровье ограничиваются 1-й третью VIII в., что не оставляет места для любых спекуляций о значительной роли хазар в Киеве в IX–X вв.» [Комар 2005, с. 214].

² Первую дань, которую поляне выплатили хазарам мечами можно рассматривать, в отличие от патристической трактовки Нестора, как массовое разоружение покоренного народа [Гумилев 1992; Плетнева 1996, с. 28–41], после которого (859 г.) ежегодная дань приобрела традиционную форму (пушнина): «А хозари брали з полян, і з сіверян, і з вятчів; брали вони по білій вирівці — стільки від диму» [ЛР 1989, с. 12].

что было распространено в обиходе аборигенного населения¹. Для Киева это могли быть предметы местного, славянского ремесленного производства или византийский импорт. В полиэтничной среде варяго-славянского торгового города, обладавшего собственными керамическими, ювелирными и прочими мастерскими, странно было бы ожидать появления простых бытовых предметов (в том числе и керамики) салтово-маяцкого облика, торгующая которыми на таком расстоянии (около 400–500 км. пути через водораздел Дона и Днепра) от места изготовления не сулила никакой выгоды². Наконец, предметы религиозного обихода у еврейских купцов, проживавших в местах столь отдаленных от основных центров еврейской жизни, не могли быть многочисленными, соответственно, их тщательно хранили и использовали многие поколения евреев, что практически сводит на нет шанс их обнаружения в культурном слое³.

Следовательно, на основе сведений, полученных в ходе археологического изучения раннесредневекового Киева, можно говорить только о том, что здесь не было постоянного и сколько-нибудь существенного алано-болгарского населения, являвшегося носителем СМК. Утвер-

¹ Проблему поиска «материальных» признаков иудаизма на археологических памятниках лесостепной и степной Хазарии попытались решить в специальной работе В. С. Флеров и В. Е. Флерова [Флеров, Флерова 2005, с. 185–205], впрочем, полученный этими исследователями результат носит, скорее, отрицательный характер, искомые признаки обрисованы только гипотетически, но так и не обнаружены ни на одном реальном объекте.

² Еврейские (также как и согдийские, арабские, варяжские и т. д.) купцы в раннем средневековье предпочитали торговать дорогостоящими предметами: пряностями, благовониями, серебром, мехами, рабами, продажа которых давала многократную прибыль и оправдывала риск купеческих предприятий, но не гончарной керамикой или простыми ремесленными изделиями. Кроме того, уровень производства подобных предметов, а также степень развития товарно-денежных отношений у алано-болгарского населения в ареале распространения СМК позволяют говорить в основном о внутриобщинном, в лучшем случае межобщинном обмене ремесленными изделиями, но не о внешней торговле.

³ Иосиф (в «пространной» редакции ответа Хасдаи) пишет следующее о тех культурных предметах, которые приобрел его далекий предок Булан: «Он посвятил их (богу) и выстроил благодаря им шатер, ковчег, светильник, стол, жертвенники и священные сосуды. По милосердию Господа и силе Всемогущего, они до настоящего дня целы и хранятся в моем распоряжении» [Жоковцов 1932, с. 94].

ждение о подчинении Киева хазарам и о наличии в городе хазарской администрации (сборщика податей — тархана) на основе только археологических данных не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто. На современном уровне развития источниковой базы данная проблема по-прежнему может решаться только на основе интерпретации информации, содержащейся в письменных документах.

А. П. Новосельцев в специальном параграфе, посвященном анализу источников по истории Хазарии, написанных на древнееврейском языке, кратко упоминает и «Киевское письмо». Он не высказывает никаких сомнений по поводу его подлинности и считает, что хотя «содержание его малоинтересно», все же сам факт находки документа, происходящего из Киева X в., представляет собой «уникальное событие» [Новосельцев 1990, с. 8].

В. Я. Петрухин в комментариях и послесловии к публикации «Киевского письма» на русском языке отмечает, что «о проживании в Киеве IX в. хазар-иудеев, тем более правителей, ничего неизвестно» [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 202]. По его мнению, «общеизвестность» того факта, что Киев до обоснования в нем варягов управлялся хазарами, — явное преувеличение О. И. Прицака. Совершенно справедливо он указывает на то, что ПВЛ сообщает лишь о дани, которую платили хазарам киевские поляне. В то же время восточные источники IX–X вв. действительно называют Киев городом славян или руси, а не хазарским [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 207]. Необоснованными и малоперспективными, по его мнению, являются также «построения о хазарском происхождении Кия и его полянского рода», как и любые другие попытки «искать исторические прототипы для основателя Киева» [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 210, 211–212]. В то же время, как считает В. Я. Петрухин, для развития еврейско-хазарской темы в истории Киева может быть интересна этимология названия «киевской крепости Самватос» [Константин Багрянородный 1991, с. 315], предложенная А. А. Архиповым [Архипов 1984, с. 224–240]. Дело в том, что данное название является, по мнению автора, производным от имени реки Самбатсион, известной из талмудических легенд. По легенде, она находилась на краю ойкумены и «покоилась в субботний день», а на ее берегу проживала праведная иудейская община. По мнению В. Я. Петрухина, окраинное положение киевской общи-

ны могло способствовать актуализации этих легенд [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 210].

Таким образом, рассмотренные выше замечания в адрес концепции О. И. Прицака опираются на три основных момента: на сравнение его взглядов с традиционной для советской исторической науки точкой зрения; привлечение «археологической» аргументации; внешнюю критику данного источника, сравнение его с данными древнерусских летописей, византийской и арабской исторических традиций. Необходимость изучения социально-экономического положения Северо-Западной Хазарии в контексте истории Каганата, определения ее места в хазарской геополитике заставляет еще раз и более подробно обратиться к анализу «Киевского письма» с точки зрения его содержания, внутренней логики и вероятных обстоятельств возникновения.

Речь идет о том, что «Киевское письмо» было написано киевскими евреями хазарского происхождения¹ в тот период, когда этот город, по мнению Н. Голба и О. И. Прицака, входил в состав Хазарского государства. Именно тогда в нем пребывала хазарская администрация, представитель которой якобы поставил свою «визу» — «Я прочел»² — на письме³. Наибольшие возражения вызывает именно

¹ В последнее время киевское происхождение письма также вызывает сомнения у некоторых специалистов: «... еврейский текст на самом деле не говорит: «Мы, община Киева, извещаем вас о причиняющем беспокойство деле» и т. д., как переведено Голбом, а «мы извещаем вас, община Киева, о причиняющем беспокойство деле...». Поэтому, по крайней мере, возможно, что письмо было послано не из Киева, а в Киев, что делает шаткой основу всех извлеченных из письма заключений, касающихся хазар и истории Киева» [Эрдаль 2005, с. 131].

² Хазарское происхождение этого слова, переведенного О. И. Прицаком как «Я прочел» вызывает большие сомнения у Марселя Эрдаля. Проведенный им лингвистический анализ этого слова показывает, что оно могло иметь не хазарское, а, скорее, болгарское происхождение и что тогда само письмо «могло, например, происходить из болгарского царства на Нижнем Дунае...» [Эрдаль 2005, с. 132].

³ Можно согласиться с В. Я. Петрухиным и в том, что из самого письма действительно совсем не следует, что «виза» хазарского чиновника поставлена именно в Киеве [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 207]. Необходимо добавить, что из письма также не следует, что то слово, которое авторы публикации воспринимают как «визу хазарского чиновника», написано именно хазарским чиновником и что оно действительно представляет собой именно визу. Кроме того, нет никаких других данных о том, что хазарские чиновники-тудуны ставили подобные «визы» на каких-либо иных документах.

это утверждение о хазарском господстве в Киеве, соответствующем дате создания источника (X в.).

Следует напомнить, что «Киевское письмо» представляет собой рекомендацию киевской еврейской общины, которая была дана ее представителю, некоему Мар Яакову бен Р. Ханукке, для предъявления в других еврейских общинах с целью сбора денег на выплату долга кредиторам — иноплеменникам. Для решения поставленной задачи необходимо воспроизвести ту часть документа, на основе которой и будет производиться дальнейшая критика отмеченных выше положений Н. Голба и О. Й. Прицака.

«...Мы, община Киева, (этим) сообщаем вам о трудном деле этого (человека) Мар Яакова бен Р. Ханукки, сына [добрых людей]. Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет до того времени, пока ему не была предрешена жестокая судьба, и брат его пошел и взял деньги у иноверцев: этот (человек) Яаков стал поручителем. Его брат шел по дороге, и тут пришли разбойники, которые убили его и взяли его деньги. Тогда пришли кредиторы (и) взяли этого (человека) Яакова, они наложили железные цепи на его шею и кандалы на его ноги. Он находился в таком положении целый год [... и после...] этого мы поручились за него. Мы заплатили 60 [монет] и теперь еще осталось 40 монет; поэтому мы послали его по святым общинам, чтобы они могли оказать милость ему» [Голб, Прицак 1997, с. 30–31].

В ходе прочтения данного отрывка, прежде всего, возникает вопрос, почему киевская община сама не уплатила всю сумму долга за своего представителя, который, судя по всему, относился к числу уважаемых ее членов и, до описанной в письме неприятной финансовой ситуации, находился в числе благотворителей или, скорее, заимодателей: «Он был тем, кто дает, а не тем, кто берет...». Неужели киевская еврейская община в период хазарского господства в этом городе была настолько бедной, что целый год собирала 60 монет для выплаты залоговой суммы за уважаемого и ни в чем не виновного иудея, находившегося в долговой тюрьме у кредиторов — иноверцев. В то же время, со слов авторов, выкуп в 100 монет (по мнению Н. Голба и О. И. Прицака, речь идет о серебряных монетах) был традиционной суммой в таких случаях. Вспомним также, что благодаря сообщению ПВЛ известны принятые в то время в Восточной Европе цены

на рабов в золотых византийских монетах. По договору Игоря с Византией от 945 г. десять золотых монет платили за молодого раба (рабыню), восемь — за пожилого и пять — за ребенка [ЛР 1990, с. 28]. Торговля рабами была обычным и прибыльным делом, этим промыслом тогда занимались венгры, печенеги, варяги-русы [Константин Багрянородный 1991, с. 49]. В качестве перекупщиков в работоторговле участвовали купцы греческого (византийского), арабского, персидского или еврейского (очевидно, и хазаро-еврейского) происхождения, доставлявшие живой товар к месту назначения, в Византию или мусульманские страны Средней Азии и Ближнего Востока. Следовательно, залоговая цена или цена выкупа за одного человека, соответствовавшая, по всей видимости, стандартной цене одного молодого раба или цене десяти таких рабов, даже если в документе речь идет все же не о серебряных, а о золотых монетах, не могла вызвать таких трудностей и промедлений с выплатой (год) у целой еврейской общины, проживавшей под юрисдикцией иудейского Хазарского государства. Таким образом, описанная в «киевском письме» ситуация никак не соответствует тому господствующему экономическому положению, которое приписывается хазаро-еврейскому купечеству в данный период в Восточной Европе.

Далее, в этой же связи, возникает вопрос, почему хазарская администрация, если предположить что ее представитель действительно находился в Киеве в тот период, никак не защитила единоверца от произвола иноплеменников или, по крайней мере, не способствовала скорейшему внесению полной суммы выкупа?

Если Киев в это время входил в состав территорий, подчиненных Хазарскому каганату, то также закономерным представляется вопрос о том, почему наш «многострадальный» Якоб отправился в далекий Египет, а не в столицу собственного государства — Итиль? Неужели длинный морской путь через порты других государств был безопаснее пути, пешего и речного, по территории, контролируемой или, если верить О. Й. Прицаку и Н. Голбу, непосредственно входящей в состав Хазарского каганата. К тому же, еврейско-хазарская община Итиля, кроме того, что она была многочисленной, влиятельной и богатой, должна была быть еще и более терпимой к хазарским

прозелитам и полукровкам, носившим нетипичные для евреев имена. Очевидно, что именно здесь можно было скорее рассчитывать на получение финансовой помощи. Тем не менее, Якоб едет именно в Египет, и там, по всей видимости, либо получает необходимые деньги, либо остается до конца своих дней.

Вероятнее всего, ответ на все эти вопросы заключается в первую очередь в том, что ко времени написания письма, т. е. в X в., Киев уже давно находился под контролем варягов (как и принято считать в отечественной историографии). Город не подчинялся хазарской администрации, а хазаро-еврейские купцы потерпели поражение в конкурентной борьбе и были постепенно вытеснены с торговых путей Восточной Европы, по крайней мере, с Днепровского пути «из варяг в греки». Можно предположить, что случай с Якобом и его братом является типичным примером этой борьбы. Кто были кредиторы, посадившие Якоба в тюрьму? По всей видимости, это были люди, имевшие свободные наличные деньги, скорее всего, речь идет о купцах и воинах варягах, которые и контролировали на самом деле в это время Киев и связанные с ним торговые пути. Очевидно, что если бы последние не имели административного влияния в Киеве, общину вряд ли могли бы заставить изыскивать деньги по поручительству. Только тот, кто имеет власть и силу, может требовать возвращения долга. Можно даже предположить, что все те же варяги «встретили» брата «нашего» Якова «на дороге», убили его и забрали взятые займы деньги.

Все это объясняет, почему киевская община, отправившая своего члена на поиски денег для уплаты, в общем-то, небольшого долга по другим общинам не могла самостоятельно этот долг погасить. Экономическая деятельность киевской еврейской общины как участника транзитной торговли с каждым годом угасала. На торговых путях господствовали опасные варяги-русы, а ее представители обеднели настолько, что занимали деньги у иноверцев и терпели финансовый крах. Более того, если даже в это время Хазарский каганат еще и не прекратил своего существования (т. е. если письмо было написано до известного похода Святослава 965 г. и похода русов 969 г.), связи с его столицей и столичной иудейской общиной уже были затруднены

враждебными отношениями между государствами. Именно поэтому киевская община отправляет своего представителя не в географически близкий Итиль, а в отдаленный Египет, где и было найдено письмо.

Таким образом, не возражая ни против подлинности данного документа, ни против того факта, что он действительно мог быть написан в Киеве (евреями, часть из которых, судя по их именам, могла быть выходцами из Хазарии), следует отметить, что содержание письма не дает никаких оснований для того, чтобы считать Киев городом, входящим в это время в состав Хазарского каганата и управляющимся хазарской администрацией. Даже если Киев в какой-то период времени и находился в зависимости от хазар, а, скорее всего так и было, то ко времени написания письма, исходя даже только из его содержания, этот период уже закончился. К X в. хазары не имели никакого влияния на его внутреннюю жизнь, а хазарские евреи не только не могли воспользоваться поддержкой хазарской власти, но и не имели регулярного сообщения со своими единоверцами в Итиле.

Эти выводы в целом совпадают с периодизацией использования речных торговых путей Восточной Европы, основанной на изучении кладов арабских монет. Как отмечал М. Б. Свердлов, представление о том, что Древняя Русь торговала с Востоком для конца VIII — начала IX вв., неприемлемо. В VIII в. в Среднем Поднепровье, по всей видимости, международных путей не было, нет никаких сообщений об их существовании и нет кладов этого времени [Свердлов 1969, с. 542–543]. В. Я. Петрухин также указывает на то, что Днепровский путь «из варяг в греки» начал интенсивно функционировать лишь в X в., то есть тогда, когда Русь стремилась установить контроль над этими путями, что и было одной из причин ее столкновения с Хазарией [Петрухин. Комментарии/ Голб, Прицак 1997, с. 208].

Возможно, что в известной степени был прав и В. А. Пархоменко, который еще в 30-е гг. XX в. писал о том, что экономические связи хазар (хазарских евреев А. Т.) с Киевом следует относить к периоду упадка Хазарского государства. По его мнению, и хазары, и евреи появляются здесь только со второй половины X в., а известны с XI по XII вв. В частности, он сомневается, что они могли быть здесь раньше, поскольку в период господства хазар на Нижней Волге

Днепр не находился под их контролем. Тот факт, что древляне не платили дань хазарам, по его мнению, также указывал на отсутствие раннего хазарского господства на Днестре, поскольку тот, кто владел Киевом, не мог не вмешиваться в дела древлян (последние были географически тесно связаны с Киевом) [Пархоменко 1928, с. 3–6; Пархоменко 1929, с. 357–359].

Выводы, полученные в результате анализа источников хазаро-еврейского и еврейского происхождения, в том числе и «Киевского письма», позволяют судить о вероятном геополитическом положении Северо-Западной Хазарии в период написания этих документов (середина X в.). Оно, как можно предположить, было весьма напряженным. Влиянию Хазарского каганата в Днепро-Донецком левобережье приходит конец. В Киеве господствуют русы. Киевские евреи хазарского происхождения находятся в бесправном и экономически невыгодном положении. Северяне, до этого — данники хазар, переходят под протекторат киевского княжеско-дружинного клана. Военно-пограничное положение Северо-Западной Хазарии в этих условиях грозит проблемами, гораздо большими, нежели сбор дани у населения ранее слабоорганизованных и не способных к действенному сопротивлению славянских племен. Дефицит источников не позволяет говорить о том, как именно развивались отношения в пограничной зоне верхнего Приднестрия между хазарами и русами. Известен только один момент этого противостояния — поход Святослава 965 г., закончившийся разгромом какой-то хазарской армии, взятием Саркела и нападением на ясов и касогов. Данные события происходят в непосредственной и опасной близости от алано-болгарских анклавов Приднестрия, и, вероятно, в конечном итоге приводят к прекращению жизни на салтовских памятниках лесостепного региона.

**§ 2.4. «Кембриджский документ» — «текст Шехтера»
о геополитической ситуации на юго-западе
Хазарского каганата в первой половине X в.**

В контексте изучения динамики геополитических отношений, складывавшихся на юге Восточной Европы в X в. между русами (росами, русью), хазарами и Византией, большое значение имеет дальнейшая интерпретация данных текста Шехтера — Кембриджского документа о некоей хазаро-русской войне. Это тем более важно, поскольку остальные источники — византийские, древнерусские, арабо-персидские ничего не сообщают ни об этом событии, ни вообще о характере хазаро-русских отношений в Приазовье в первой половине X в. Древнерусская летопись знает только одну войну между Хазарским каганатом и Киевской Русью — это война 965 г. (поход Святослава). Такое невнимание летописца к столь важным событиям в жизни нарождающегося Древнерусского государства объясняют, обычно, тем, что к моменту составления начального свода в XI в., Хазарский каганат уже давно прекратил свое существование. Память о нем стерли новые противники Руси на юге — сначала печенеги, а затем — половцы.

В то же время хорошо известно, что активность русов проявляется по всем стратегическим направлениям, соответствующим основным водным артериям — Днепру, Дону и Волге — на юге Восточной Европы. Именно в этот хронологический период (первая половина X в.) русы совершают ряд удачных и неудачных походов на Византию, их военные флотилии появляются на Каспии [Якобсон 1946, с. 461–472], внося новый элемент в военно-политическую ситуацию прикаспийского региона и непривычный для местного прибрежного населения фактор угрозы с моря.

Таким образом, очевидно, что отношения русов и хазар не могли быть безмятежными¹. Напряжение нарастало давно и было обусловлено противоречием интересов находящегося в процессе становления Древнерусского государства («архонтов со всеми росами») и

¹ В. Я. Петрухин по этому поводу отмечает: «Летопись не случайно начинает русскую историю с описания сфер влияния варягов и хазар в Восточной Европе: активность тех и других, безусловно, должна была привести к столкновению их интересов» [Петрухин 1995, с. 89].

хазарской таможенной политики в зоне Керченского пролива, акватории Азовского моря и нижнего течения Дона (до Волго-Донской переволоки). По крайней мере, с середины — второй половины IX в. военно-торговые предприятия русов наталкиваются на жесткий таможенный барьер со стороны Хазарского каганата в ключевых пунктах водных (морских и речных) путей юга Восточной Европы: в Самкерце — Таматархе, на азиатском берегу Керченского пролива; в Саркеле на Дону и в Итиле на Нижней Волге. Причем и в Самкерце, и в Итиле нужно было платить 10% пошлину со всех провозимых товаров (Ибн Хордадбех, Ибн ал Факих) [Калинина 1986]. Тем не менее, русы проникают в Итиль, создают там свою достаточно влиятельную и многочисленную общину, которая со временем получает право (вместе с аборигенами Восточной Европы — сакалиба) на самостоятельную юрисдикцию, основанную на обычном праве.

По мнению А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 214] и И. Г. Коноваловой [Коновалова 1999б, с. 112–113], в первые десятилетия X в. хазарское правительство пытается направить агрессию русов на своих противников — Саманидов, используя их флот и военный потенциал. В это время, вытесненная из Днепро-Донского междуречья печенегам, а из Крыма — Византией, Хазария оказывается в затруднительном положении и в Поволжско-Прикаспийском регионе. На севере возникает новое исламское государство — Волжская Болгария, которая налаживает торговые отношения с городами Средней Азии в обход Хазарии, через огузские степи Южного Урала и Северного Казахстана. Южный берег Каспийского моря практически весь подчиняется Саманидам, враждебным хазарам. Западнокаспийские земли — Ширван и Дербент, а также царство Серир (горный Дагестан), угрожают хазарским владениям в северо-восточном Прикаспии. В этих условиях хазарское правительство вынуждено лавировать между различными союзниками, натравливая их друг на друга и сохраняя относительный паритет сил на своих границах. Ярким примером такой дипломатии хазар в отношении кочевников являются сообщения того же Кембриджского Анонима о войне хазар против коалиции степных народов, произошедшей во время правления царя Вениамина (конец IX в.). В этой войне хазар поддержали аланы, а

затем, наоборот, о войне хазар и алан, произошедшей в период правления отца Иосифа — Аарона (начало X в.) [Голб, Прицак 1997, с. 140–141]. В последнем случае союзниками хазар, решившими исход военного противостояния, оказались тюркские племена гузов (или, возможно, одно из подразделений печенегов) [Новосельцев 1990, с. 194–195].

Вероятно, в период правления того же Аарона интересы центрального хазарского правительства временно совпали с желанием отрядов русов совершить военно-грабительский поход на южный берег Каспийского моря. Нет данных для того, чтобы полностью восстановить мотивации царя хазар, разрешившего русам проход через Итиль в 912/13 гг. Возможно, учитывая описанные ал Мас'уди масштабы этого похода и многочисленность его участников (видимо, условно выраженную в цифрах раннесредневековым автором), хазары сначала просто не могли отказать русам в их желании попасть на Каспий¹. Одновременно, по наблюдениям И. Г. Коноваловой, они воспользовались этим вынужденным случаем для того, чтобы направить этот поход русов против земель, принадлежащих Саманидам (Ардебиль и Баку) [Коновалова 1999б, с. 116]. Пока длился поход (около года), хазары мобилизовали свои силы и подготовились к прохождению русов через Итиль. Это был единственно правильный ход с их стороны, поскольку в подобной ситуации не было никаких гарантий того, что русы, окрыленные победами и привыкшие к грабежу, на обратном пути не займутся тем же и в хазарской столице. В качестве повода для несоблюдения договора о прохождении дельты Волги был использован праведный гнев мусульманской гвардии, обиженной на то, что русы делали с их единоверцами во время своего пиратского набега на южные берега Каспия.

Несмотря на некоторый риск, хазарская дипломатия одержала очередную победу. Русы были разгромлены и практически полностью уничтожены, мусульманская гвардия получила их добычу и моральное удовлетворение, а население Прикаспия — урок уважения к

¹ Вероятность силового давления на хазар допускал и В. В. Бартольд: «...очень возможно, что переговорам предшествовали враждебные действия...» [Бартольд 1963, с. 831].

Хазарскому каганату, который в очередной раз показал свою стратегическую роль в регионе. Хазары не только взимали пошлины и обеспечивали безопасность транзита, но и служили препятствием для подобных нападений и набегов. О том, что эта позиция была вполне осознанной и декларативной (хотя и не всегда соответствовала действительности), свидетельствует утверждение последнего царя Хазарского каганата — Иосифа. В своем ответе Хасдаи ибн Шафруту он как раз настаивал именно на такой, пограничной роли своего государства, разделявшего мусульманский мир и Восточную Европу с ее воинственными и опасными русами, а также другими народами: «Я (сам) живу у входа в реку и не пускаю Русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним. Точно также я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [Коковцов 1932, с. 83–84].

Важно отметить: хотя ал Мас'уди и пишет о том, что русы пришли на Каспий в 912/13 гг. из бассейна Черного моря, из контекста его сообщения можно предположить, что, скорее всего, они не были связаны с Киевом и политикой киевских князей¹. Из рассказа о разгроме русов мусульманской гвардией ясно, что остатки армии русов

¹ «[Несколько времени] после 300/912 г. около 500 судов их (русов — А. Т.) были в пролив Нитаса, соединенный с Хазарским морем. Здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. [Их задача] оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря до Нитас... Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем [прося разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку (канал, на котором стоит их столица?) и таким образом достичь Хазарского моря... Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив, достигли устья реки [Дона] и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...» [Минорский 1963, с. 198–199].

² Интересно, что несколько раньше, до описания похода русов, в ходе общей характеристики народов Поволжско-Каспийского региона ал Мас'уди пишет, что «Русы — громадное племя; они не подчиняются никакому царю и никакому закону. Среди них есть купцы, которые постоянно ездят к царю бургар...» [Минорский 1963, с. 196–197]. Таким образом, прикаспийские мусульмане, информаторы ал Мас'уди, ничего не знали о киевских князьях и их целенаправленной политике. В этом нет

стремятся на север. После поражения в Хазарии они оказываются в земле буртасов, но и там встречают отпор, потом в Волжской Болгарии, где, по всей видимости, подвергаются окончательному уничтожению.

О том, что политика хазар в данном случае была достаточно дальновидной и, несмотря на перманентное общее ослабление военного потенциала Каганата и уменьшение его территории, позволила ему продержаться еще около половины столетия, свидетельствуют события 965 и 969 гг. [Вестберг 1908, с. 3; Калинина 1976, с. 91–93; Новосельцев 1990, с. 225–227]. В 965 г. Киевская Русь во главе со Святославом нанесла сильный удар по Хазарскому каганату, разгромив его армию и лишив его одной из немногих сохранившихся к тому времени крепостей — Саркела. Таким образом, был открыт путь к переправе. В 969 г., по сообщению Ибн Хаукаля, пришедшие с севера волжские русы закончили разгром, взяв столицу Каганата — Итиль [Коновалова 2003, с. 183] и одержав победу над союзными ему буртасами и другими поволжскими народами: «Затем пришли русы, разрушили все это и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртасским на реке Итиль. Русы овладели этой страной, а жители Итиля искали убежища на острове Баб-уль-Аббаба и укрепились на нем, а некоторые из них в страхе поселились на острове Сия-Кух» [Караулов 1908, с. 114].

ничего удивительного. «Русская земля» с центрами в Киеве и Чернигове формируется в Поднепровье и ориентирована не на волжский путь, а на днепровский путь «из варяг в греки», а также на взаимоотношения с Византией, Болгарией и т. д., но не с прикаспийскими народами и государствами. На Волгу и в Каспий купцы-руссы приходят в основном с севера, вероятно, из Новгородской земли и Ладоги. Кроме того, в 911 г. Олег заключил вполне выгодный для него договор с Византией. Исползовавшиеся им с 907 г. северные контингенты (руссы, варяги, словене, кривичи и т. д.) были уже не нужны ни в Киеве, ни в бассейне Черного моря. Именно они и могли организовать, по дороге домой, в верхнее Поволжье, грабительский поход на южный берег Каспийского моря в 912/13 гг.

¹ О. И. Прицак считает, что «Из того факта, что русы не продолжали свое плавание по Волге, следует, что они не являлись Волжской Русью с центром на так называемом полуострове русов» [Голб, Прицак 1997, с. 169]. В то же время, исходя из сообщения ал Мас'уди, очевидно, что русы рвутся именно на север и именно вдоль Волги, где и терпят поражение поочередно, сначала в Итиле (низовья Волги), затем в «стране» буртасов (среднее течение Волги), и, наконец, в стране бугар (в районе впадения Камы в Волгу).

Между 913 и 969 гг. давление на Хазарию нарастало со всех сторон. Дипломатические усилия Византии в этом направлении известны благодаря Константину Багрянородному, который рассматривает в качестве потенциальных противников хазар печенегов, черных булгар, гузов и северокавказских алан. Интересно, что росов (русов, арабо-персидских авторов) в этот список он не включает и, в отличие от своего предшественника Романа, не видит никаких способов для их взаимного столкновения. В то же время, как известно, именно русы нанесли последний удар по хазарам. Также интриговали против хазар и исламские государства. В частности, известное посольство багдадского халифа 921 г., описанное Ибн Фадланом, имело одной из своих целей ослабление Хазарии и укрепление ее противника, молодого мусульманского государства — Волжской Болгарии.

Одним из важнейших звеньев геополитической структуры Хазарского государства, позволявших ему удерживать хотя бы часть своего бывшего влияния, был Самкерц — Таматарха с округой. Сохранение за собой этого пункта обеспечивало хазарам стратегическую позицию в Северо-Западном Предкавказье, у входа в акваторию Азовского моря, на Дону, и, наконец, собственный, не зависимый от Византии, выход в Черное море¹.

Даже в последние годы существования Хазарского государства Самкерц, по всей видимости, принадлежал хазарам. О наличии там хазарского гарнизона во время похода русов 912/913 гг. упоминает в уже приводившейся выше цитате ал Мас'уди. Вероятно, концом IX — началом X вв. может быть датирована информация Ибн ал Факиха о наличии хазарской таможни (или перевалочного пункта) в Самкерце: «Славяне (сакалиба) едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до Самкуша еврейского; далее они направляются в страну славян (сакалиба) или переходят из моря

¹ Выше уже отмечалось, что, по всей видимости, именно этот регион Константин Багрянородный воспринимал в качестве «Климатов Хазарии»: «[Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании, и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии» [Константин Багрянородный 1991, с. 53; Торгіка 2004, с. 40–41].

славянского в ту реку, которую называют Славянская река, с тем, чтобы пройти в залив (или рукав² — халидж) Хазарский (ал-хазар), и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому...» [Гаркави 1870, с. 251; Калинина 1986, с. 75; Новосельцев 2000 (1965), с. 292]. Можно предположить, что, владея Самкерцем, хазары сохраняли возможность для некоторого контроля над акваторией Керченского пролива, иначе сбор пошлин с русов, передвигавшихся по морю на «моноксилах», был бы невозможен.

Наконец, в письме инициатора «еврейско-хазарской переписки» Хасдаи ибн Шафрута есть косвенные данные, позволяющие предполагать хазарскую принадлежность Самкерца, сохранявшуюся еще в начале второй половины X в. Так, со слов византийцев, он знает, что «... между ал-Кустантинией и их страной (Хазарией — А. Т.) 15 дней пути, но что «...сухим путем между нами (и ими) находится много народов»; что имя царя царствующего (теперь над ними) Иосиф; что «...корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары»» [Коковцов 1932, с. 63–64]. Корабли могли приходиться в Константинополь из страны хазар только при том условии, что у последних еще был свой выход в бассейн Черного моря. Таковым, вероятно, вплоть до окончательной гибели Каганата, оставался только Самкерц-Таматарха. Порты, находившиеся на территории Крымского полуострова, хазары, как принято считать в последнее время [Айбабин 1999, с. 222, 227; Ачкинази 1994, с. 84; Науменко 2004, с. 22], потеряли еще во второй половине IX в. Возможно даже, что хазарский анклав Самкерца пережил на какое-то время саму Хазарию¹. Поход русов 969 г. затронул Поволжье, Итиль и Семендер,

¹ В любом случае известно, что еще в 1089 г. в Самкерце — Таматархе — Тмутаракани существовала достаточно крупная хазарская община, пытавшаяся поднять восстание против русского владычества, подавленное Олегом. Факт восстания свидетельствует не только о многочисленности хазар, но и о сохранении ими неких претензий на самостоятельность и, возможно, государственность. После подавления восстания 1089 г. хазары в ПВД больше не упоминаются [АР 1989, с. 125]. Впрочем, после ухода Олега из Тмутаракани в 1094 г. и город и его округа навсегда исчезают со страниц древнерусских летописей. По мнению Н. Ф. Котляра в это время Тмутаракань могла попасть под власть местной общины, состоявшей из хазар и касогов и зависевшей от половецких ханов [Котляр 2005, с. 118].

но не распространялся на Приазовье и Керченский пролив¹. Только с конца X — начала XI в., на базе бывших хазарских владений в районе Самкерца-Таматархи, формируется т. н. Приазовская Русь.

Одним из немногочисленных документов, проливающих свет на развитие отношений между хазарами и русами в период с 913 по 969 гг. и вообще на геополитическую ситуацию в районе Керченского пролива и Приазовье, является «Кембриджский аноним». Описанное в этом источнике военное столкновение между хазарами и русами произошло, как отмечено в самом тексте, во время правления византийского императора Романа I Лакапина, т. е. между 920 и 944 гг. В документе говорится о том, что: «...Роман [злодей] послал большие дары HLGW, царю RWSY', побуждая его на его собственную беду; он пришел ночью к городу SMKRYU (С-м-к-рай) и взял его воровским способом, потому что его начальника, вождя войска, тогда там не

¹ Ранее считалось, что Таматарха впервые была взята еще Святославом. Это предполагало чрезвычайно длинный и сложный маршрут похода 965 г. Святослав вышел из Киева, прошел землю вятичей, разбил болгар и буртасов, затем по Волге спустился в Итиль и разбил армию кагана, потом по Каспию добрался до Семендера, который тоже был им разгромлен, после этого вдоль Кавказа пошел на запад, разгромил алан, касогов, оказался на Таманском полуострове, взял Таматарху, по Азовскому морю и Дону поднялся до Саркела, взял его, и только после этого вернулся в Киев [Гадло 1971а, с. 60; Пашуто 1968, с. 93]. Возникает целый ряд сомнений в целесообразности, да и вообще возможности осуществления такого военного предприятия (Сколько времени должен был занять такой поход? Нужно было идти с боями несколько тысяч километров по чужим и враждебным территориям, населенным вполне боеспособными народами, где брать фураж и продукты для армии? Если армия была большой, то ее трудно прокормить в таких условиях, если маленькой, то военные задачи становятся непосильными и невыполнимыми. Где были взяты лодки для того, чтобы спуститься по Волге и выйти в Каспий? Как можно было пройти вдоль Кавказа на запад, да еще и напасть на алан, в то время как известно, благодаря ал Мас'уди, что у царя алан было 30000 войска, он был в союзе с дагестанцами (страной Серир) и контролировал практически весь Северный Кавказ? и т. д.). Недавно И. Г. Коновалова убедительно доказала, что в 965 г. Святослав совершил поход на вятичей, Дон и, возможно, в Приазовье. Итиль и Семендер были взяты русами, пришедшими, скорее всего, с верхней Волги в 969 г. [Коновалова 2003, с. 179, 185]. Кроме того, источники ничего прямо не сообщают о взятии Святославом Таматархи. Если он и напал на восточноприазовских касогов (хотя есть и другие варианты локализации этих касогов, например, на Нижнем Дону, в составе населения салтово-маяцкой культуры), то это еще не доказывает автоматически того, что он тогда же мог взять и Таматарху.

было. Когда это стало известно BWLSSY, то есть Песаху HMQR, он пошел в гнев на города Романа и губил и мужчин, и женщин. И он взял три города, не считая деревень большого количества. Оттуда он пошел на город SWRSWN [.] и воевал против него. [...] и они вышли из страны как черви [...] [И]зраиля, и умерло из них 90 человек. [Он не окончательно разгромил их в битве], но он обязал их служить ему. Так [Песах] спас [казар от] руки RWSW. Он поразил всех, кого он нашел из них, [...]еchem. И оттуда он пошел войною на HLGW; он воевал [четыре] месяца; Г-сподь подчинил его Песаху, и он пошел [дальше] [и н]ашел ... добычу, которую (HLGW) взял из SMKRYW. Тогда сказал (HLGW): «Воистину, Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах, «если это так, то иди и войой против Романа, как ты сражался против меня, и я отступлюсь от тебя, но если нет, тогда здесь я или умру, или пока жив, буду мстить за себя». И пошел он против своей воли и воевал против Константинополя (QWSTNTYN') на море четыре месяца. И пали там его мужи доблестные, так как македоняне победили его, благодаря (греческому) огню. Он бежал и, постыдившись вернуться в свою (собственную) страну, он бежал морем в FRS, и там он и все его войско пало. Тогда RWS была подчинена власти хазар...» [Голб, Прицак 1997, с. 141–142].

Приведенный рассказ содержит некоторые спорные моменты, которые уже неоднократно обсуждались в историографии [Сахаров 1980, с. 210–211]. К их числу следует отнести, прежде всего, самую достоверность описываемого события, личность царя (князя) Руси — Хельгу — одного из главных участников повествования, а также примерную дату отмеченных военных действий. В качестве самостоятельного объекта исследования необходимо выделить попытки некоторых историков связать сообщение Кембриджского Анонима с русско-византийской войной 941 г., а также с определенными династическими изменениями в Киеве.

Как представляется, подобное событие было вполне вероятным и в целом соответствует реалиям первой половины X в. Тем более, что активизация внешних устремлений военно-дружинной руси фиксируется в это время походами (в частности походом Олега 907 г.) на Константинополь и неоднократными разбойничьими набегами на

побережье Каспийского моря. В этих условиях всякого рода препятствия, а именно таковыми и были хазарские таможенные заставы, должны были устраняться набирающими силу русами (росами, русью). В качестве логичной составляющей этих процессов можно рассматривать и нападение на Самкерц. Удачный исход этого предприятия открывал руси свободный переход из Черного моря в Азовское и наоборот, а также, при полной победе, обеспечивал хорошую базу на пути из Черного моря в Каспийское. В контексте этой политики можно рассматривать поход Святослава на вятичей в 965 г., взятие им Саркела на Дону, нападение на ясов и касогов, а затем и набег русов на Поволжье и Итиль в 969 г., закончившийся окончательным уничтожением Хазарии как самостоятельного государства.

Личность князя (царя, в переводе Н. Гольба) Руси — Хельгу, организовавшего нападение на Самкерц, стала причиной появления нескольких генеалогических и хронологических гипотез. Его рассматривали и как прототип Вещего Олега, и как самостоятельного князя, правившего (соправителя) во время Игоря Старого. Сопоставление с Вещим Олегом либо вынуждало авторов пересматривать хронологию ПВА, заменяя ее данными Новгородской первой летописи и продолжая правление Олега до 20-х гг. X в., либо отказываться от приведенной в тексте Шехтера (Кембриджском Анониме) датировки (во время правления Романа)¹ и переносить описанное в документе событие в первое десятилетие X в. Среди гипотез, высказанных в последнее время, особой нетрадиционностью и новизной выделяются точки зрения О. Прицака и К. Цукермана.

Один из соавторов новой публикации Кембриджского Анонима О. И. Прицак уверен, что в этом документе под царем Руси — Хельгу — необходимо понимать только Олега Вещего древнерусской летописи. По его мнению, «Олег умер между 920 и 928 гг. во время Каспийского похода, который описан у ал Мас'уди и в еврейском

¹ Также и С. Б. Сорочан, размышляя о хронологии описанного Кембриджским Анонимом события, отмечает, что «...цепь этих последних, тесно связанных происшествий пришлась на период между 932 и 944 гг. Отвергнуть это можно лишь игнорируя летописную хронологию русских князей IX–X вв. и внося субъективные поправки в даты ал Мас'уди» [Сорочан 2005, с. 1192].

тексте, впервые открытом Шехтером» [Голб, Прицак 1997, с. 92]. Таким образом, по мнению О. И. Прицака, и Кембриджский аноним, и ал Мас'уди описывают одно и то же событие или, по крайней мере, цепь взаимосвязанных событий, которые датируются примерно 925 г. Такая датировка похода русов на Ардебиль и Баку, как отмечает А. П. Новосельцев, не соответствует показаниям самого ал Мас'уди, который пишет, что «царем Ширвана в те дни был Али б. Хайсам» [Минорский 1963, с. 200], правивший до 917 г. [Новосельцев 1990, с. 213]. Следовательно, этот поход произошел, в любом случае, до правления Романа (920–944 гг.) и не может быть связан с событиями, описанными в тексте Шехтера¹. Обстоятельства похода русов, описанного ал Мас'уди, также мало соответствуют данным текста Шехтера. По ал Мас'уди, поход русов выглядит не как вынужденное бегство потрепанной в боях и ослабшей после ряда поражений армии, а как хорошо организованное и подготовленное предприятие. Русы договариваются с хазарской заставой в Керченском проливе, проходят через подконтрольные хазарам Нижний Дон и переволоку и оказываются на Волге. Хазарский царь с неохотой и, как отмечалось выше, в определенной степени вынужденно соглашается пропустить русов на Каспий. В контексте событий первой половины X в., определявших взаимоотношения русов и Хазарского каганата, логичнее

¹ Построения О. И. Прицака во многом основаны на его собственной концепции ранней истории древнерусского государства [Прицак 1997; Прицак 2003]. В частности, одной из составляющих этой концепции является гипотеза о существовании Русского каганата в Ростовской земле, правителем которого (великим князем) и был Олег: «Это была территория племени меря, и здесь контролировался путь вдоль Оки и Северского Донца к Эллпалтару. Это была база для набегов (вдоль реки Дон к Азовскому морю, Керченскому проливу) на Черное море и Крым» [Голб, Прицак 1997, с. 89–90]. По мнению О. И. Прицака, Олег Киев не завоевывал и киевским князем не был. Киев завоевал сам Игорь (Старый), и произошло это событие около 930 г. Олег не умер в 912 г., а продолжал править и совершать походы и, в результате, погиб во время похода на Каспий в 925 г. (поход 912/13 гг.). Следует отметить, что обозначенные положения концепции О. И. Прицака уже неоднократно подвергались анализу в специальной литературе: см. комментарии В. Я. Петрухина к изданию «Хазаро-еврейские документы X в.» [Голб, Прицак 1997, с. 201–223], особенно с. 216, также см. работы Е. А. Мельниковой [Мельникова 1984, с. 201–209], А. П. Толочко [Толочко 1987, с. 144–146] и П. П. Толочко [Толочко 1990].

предположить, что нападение Хельгу на Самкерц было следствием и закономерной реакцией (мстью) русов (руси) Хазарскому каганату за несоблюдение договора и поголовный разгром на Волге в 912/13 гг.

К. Цукерман также склонен отождествлять Хельгу Кембриджского Анонима и Олега Вещего, предлагая при этом свой вариант пересмотра хронологии древнерусской летописи и первых киевских княжений. С его точки зрения, Киев был захвачен Олегом не в 882 г., а не ранее 910 г., в 910–930-е гг. Таким образом, Олег княжил в Киеве с 911 по 941 гг. В это время существовало своеобразное «двоевластие» Олега и Игоря. Следовательно, Игорь правил самостоятельно только с 941 по 945 гг. По мнению К. Цукермана, «текст Шехтера» был написан в 949 г. и сообщал о реальных событиях, произошедших несколько лет назад. Военные действия Хельгу в бассейне Черного моря датируются 941 г. и соответствуют отмеченному в летописи неудачному походу Игоря на Константинополь. Русским флотом во время этого похода командовали и Олег, и Игорь. Игорь бежал в начале сражения в Киев и установил там единоличную власть, а Олег, вместо того, чтобы последовать за ним, отправился на Каспий. Таким образом, поход русов на Берда совершил в 944 г. сам Олег Вещий, где он и погиб «за морем», что и объясняет его неожиданное исчезновение со страниц русской истории [Zuckerman 1995, p. 237–270; Цукерман 1996, с. 68–77].

Участие Олега Вещего в походе Игоря 941 г., как и связь этого события с вынужденным нападением на Византию Хельгу текста Шехтера, вызывает ряд возражений¹. При всех известных противоречиях между Повестью временных лет и Новгородской первой

¹ Характерно, что А. А. Васильев, реконструировавший события похода Игоря 941 г. в основном по византийским источникам в 1902 г., т. е. тогда, когда Кембриджский аноним еще не был обнаружен и опубликован Соломоном Шехтером [Schechter 1912/1913], ничего не знает ни об Олеге, ни о походе разгромленных византийцами русов на Каспий. По его версии, поход организовал сам Игорь, после ряда поражений русы к сентябрю 941 г. попытались пробиться к фракийскому берегу, там они были окончательно разгромлены патрицием Феофаном и, затем «только немногие русские ладьи, спасшись из битвы, достигли своей родины» [Васильев 1902, с. 248]. Необходимо отметить, что знаток еврейских текстов — Д. М. Данлоп весьма осторожно отнесся к сообщению Кембриджского Анонима о хазаро-византийской войне: «В общем, мы вряд ли узнаем где-то еще, кроме Кембриджского документа о войне хазар с Византией» [Dunlop 1954, p. 162].

летописью смерть Олега в первой из них датируется 912 г., а во второй — 922 г., т. е. в любом случае ко времени похода Игоря на Византию он должен был быть мертв. При этом могила Олега, по версии ПВА, находилась в Киеве, по данным НПЛ — возле Ладоги или «за морем». Даже принимая во внимание отмеченные еще А. А. Шахматовым [Шахматов 1908, с. 99–108] проблемы с установлением абсолютной хронологии¹ в древнерусской летописной традиции до 945 г., следует отметить, что относительная последовательность событий первых княжений (убийство Аскольда и Дира, захват Киева, вокняжение Олега или Игоря, походы Олега на славянские племена и «избавление» их от хазарской дани, победоносный поход Олега на Константинополь, договор с Византией, смерть Олега, княжение Игоря, неудачный поход Игоря на Византию в 941 г., наконец, смерть Игоря в земле древлян в 945 г.²) обычно не вызывает возражений у исследователей [ПВА 1999]. Непонятно, почему летописец проигнорировал Олега в ходе описания похода 941 г., если до этого он отмечал все военные действия с его участием. Ни один источник, кроме Кембриджского Анонима (если следовать версии К. Цукермана), ничего не сообщает о его роли в этом событии.

Основанием для сопоставления похода Игоря 941 г. и нападения на Византию Хельгу, описанного в тексте Шехтера, служат: во-первых, тот факт, что в период правления Романа Лакапина зафиксирован только один поход руси на Константинополь — в 941 г.³; во-вторых,

¹ Следует принять во внимание также и замечание В. Я. Петрухина о том, что «...30-летний цикл, разделяющий известия о начале Руси (852/6360 г.), поход Олега и Игоря на Киев (882/6390 г.), договор Олега (911/6420 г.), едва ли отражает некую «эпическую традицию», как обычно предполагают. Скорее, речь может идти о конкретной исторической значимости 30-летнего цикла в византийской дипломатической практике: на 30 лет заключался греками так называемый вечный мир...» [Петрухин 2000, с. 224].

² А. В. Назаренко обосновывает иную дату смерти Игоря «...киевский князь Игорь погиб не в 944/45, а не ранее 946 г.» [Назаренко 2001, с. 263].

³ Этот поход достаточно подробно описан у «Продолжателя Феофана» в книге III, которая, как считается, составлена по поручению Константина Багрянородного его анонимным секретарем: «(Во время правления Романа I — А. Т.) Одиннадцатого июня четырнадцатого индикта (941 г.) на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы.... Против них со всеми дромонами и триерами, которые только

оба похода закончились неудачно; в-третьих, одной из причин этой неудачи¹ в обоих случаях послужило использование византийцами «греческого огня», решившее исход морского сражения [Половой 1961а, с. 99]. При этом, несмотря на наличие определенных параллелей, ни один из этих аргументов не доказывает участия именно Олега Вещего в предприятии Игоря 941 г. Исходя из контекста самого источника — текста Шехтера — известно только, что Хельгу — царь руси, но неизвестно, откуда он пришел и какая именно Русь находилась в его подчинении².

Выход из отмеченных затруднений обозначил В. Я. Петрухин, который предлагает рассматривать Хельгу как действительно самостоятельного (одного из архонтов Руси) князя времен Игоря (отнюдь не

оказались в городе, был отправлен патрикий... Когда росы приблизились и подошли к Фаросу..., патрикий, располжившийся у входа в Евксинский порт..., неожиданно напал на них на Иероне, получившем такое название из-за святилища... Первым вышедший на своем дромоне патрикий рассеял строй кораблей россов, множество их спалил огнем, остальные же обратил в бегство. Вышедшие вслед за ним другие дромоны и триеры довершили разгром, много кораблей потопили вместе с командой, многих убили, а еще больше взяли живыми...» [Продолжатель Феофана... 1992, с. 175].

¹ По мнению С. Б. Сорочана, «единственным надежно зафиксированным в источниках разгромом русов в это время был морской поход против Константинополя и окрестных ромейских земель с 11 июня по сентябрь 941 г. (т. е. как раз в течение указанных четырех месяцев), когда отступавшие были добиты патрикием Феофаном около берегов Фракии (PRS или FRS «текста Шехтера» — искаженное первоначальное *Tiras*, что толкуется в Талмудах как Фракия). В таком случае под X-л-гу должен пониматься «царь Руси» Игорь или, если следовать Начальному своду, воевода Игоря, Олег...» [Сорочан 2005, с. 1192].

² Сомнение в том, что Русь Кембриджского Анонима не была связана с Киевом, высказал еще в 1924 г. В. А. Пархоменко. В дальнейшем, обсуждая личность Олега, князя этой Руси, он пришел к выводу, что речь идет не о киевском князе: «...(где тогда был Игорь), а иной Руси, той, что была ближе к хазарам, Руси Азово-Донской. В таком случае нам понятно будет свидетельство названного еврейского источника о близком соседстве и упорной борьбе Олега с хазарами, и о походе его в Персию, и смерти его там» [Пархоменко 1928, с. 134]. Следует, впрочем, отметить, что в современной историографии идея о существовании Приазовской Руси в первой половине X в., как правило, не признается. В. А. Пархоменко также одним из первых высказал гипотезу о возможной связи похода русов на Бердаа с данными текста Шехтера.

Предположение о том, что дружина Хельгу происходит не из Киева, «представляется вполне обоснованным» и В. Я. Петрухину [Петрухин 2005, с. 83].

Олега Вещего¹), правившего, вероятнее всего, в Чернигове [Петрухин 2000, с. 226]. В таком случае он мог иметь свою дружину и проводить самостоятельные военные действия в акватории Черного и Азовского морей. Отказ от идентификации Хельгу с Вещим Олегом снимает несогласование и в определении хронологии сообщения. Теперь нет необходимости противоречить содержанию источника и переносить данное событие в обозначенный летописью период княжения Олега (до 912 или 922 г.) или продолжать правление Олега до 941 г. Очевидно, что оно произошло в период правления Игоря на Руси и Романа в Византии, т. е. между 920 и 944 гг. В целом же летописные сведения о Вещем Олеге во многом являются отражением некой героической (дружинной) традиции: и он сам, и его поступки, и сама смерть (от любимого коня или за морем) в значительной степени мифологизированы. В этой связи вовлечение в его биографию реальных исторических дат, не соответствующих относительной (событийной) хронологии его правления (поход 941 г.), а также попытки определения точного места и времени его смерти (во время похода на Каспий, описанного ал Мас'уди, в низовьях Волги или под стенами Бердаа в 944/45 гг.) кажутся малоперспективными и не отвечают реальным информативным возможностям источников.

Впрочем, есть и другое объяснение, его предложил еще П. К. Ковцов. По его мнению, «текст Шехтера» представляет собой достаточно сложное литературное произведение и содержит информацию разной степени достоверности. Ряд событий, описанных в документе, мог быть просто смешан или перепутан средневековым автором. Результатом такой путаницы (поход Олега на Константинополь 907 г., неудачный поход Игоря 941 г., сведения о походах русов на Каспий и т. д.) могли стать отмеченные выше противоречия в описании столкновений между Хельгу и Песахом.

Анализ содержания процитированного выше отрывка из текста Шехтера наводит также на определенные размышления историко-

¹ «Так или иначе, упоминание Хельгу в Кембриджском документе не дает прямых оснований отождествлять его с Вещим Олегом, а скорее позволяет усматривать в нем представителя русского княжеского рода, наиболее активного на «хазарском» направлении русской экспансии» [Петрухин 2005, с. 83].

географического характера. Где именно развивались основные военные действия описанного там конфликта, какие византийские города взял со своим войском Песах, где именно он вынудил Хельгу к принятию его условий и почему это стало возможным? Очевидно, что Хельгу вел свои действия с моря. Его неожиданное появление у Самкерца ночью («взял воровским способом») свидетельствует, скорее всего, о привычном для руси морском десанте, а не о пешем походе. Последний был бы легко замечен и вовремя пресечен тогда еще достаточно сильными хазарами. Характерно, что Песаха с войском в это время не было в городе. Помимо того, что Самкерц выполнял таможенную функцию, он был еще и центром сельскохозяйственной округи, которую хазарам нужно было охранять от притязаний усиливающихся соседей — алан (Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл. 10 — цитировалось выше) и, возможно, гузов (сообщение ал Мас'уди¹).

По всей видимости, после возвращения Песаха с войском, Хельгу и его дружине удалось ускользнуть по морю с награбленной добычей, не вступая в столкновение с хазарами. В результате месть Песаха, в первую очередь, распространяется на некие три византийских города с округами и на город SWRSWN, который и П. К. Коковцов, и Д. М. Данлоп и О. И. Прицак отождествляют с Херсоном [Голб, Прицак 1997, с. 164; Коковцов 1932, с. 118; Danlop 1954, р. 166]. Вероятно, эти первые три неназванные в документе города (?), как и Херсон, находились на территории Крыма. Другие византийские города в первой половине X в. уже давно не были доступны хазарам. Впрочем, как известно, еще один хазаро-еврейский документ — «пространная» редакция ответного письма хазарского царя Иосифа Хасдаи

¹ Ал Мас'уди: «...Надо заметить, что турецкое племя гузы приходит на зимовку в эти области. Часто случается, что поток, соединяющий реку Хазар и канал моря Нитас, совершенно замерзает, а вода небольшая, и гузы переезжают на своих лошадях по льду, слишком крепкому, чтобы подломиться под их ногами, и проникают в земли хазар. Часто, когда они разбивали пост, на обязанности которого лежало отражать их, царь хазар выступал против них, чтобы помешать им переправиться через этот лед и защитить свое государство. Летом для турок нет переправы через этот поток» [Караулов 1908, с. 47].

ибн Шафруту — содержит список городов крымского побережья, якобы принадлежавших в это время хазарам [Коковцов 1932, с. 100–102]. Подобные геополитические претензии, призванные представить Хазарию мощным государством в глазах кордовского сановника Хасдаи, были, по всей видимости, не чужды и автору текста Шехтера, писавшего, как принято считать, тому же адресату. Впрочем и византийский император Константин Багрянородный, современник Иосифа и Хасдаи, указывает на то, что Херсон в период его правления, т. е. в середине X в., находился в пределах досягаемости хазарских армий и требовал определенных дипломатических усилий для обеспечения его защиты. Эти усилия должны были заключаться в том, чтобы привлечь на свою сторону «экскурсиократора» Алании, который мог воспрепятствовать хазарским нападениям на Херсон: «... так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты...» [Константин Багрянородный 1991, с. 53].

Все эти данные свидетельствуют о том, что представления о полном вытеснении хазар из Крыма в конце IX в. являются не совсем верными. Вплоть до середины X в. хазары имели какую-то реальную возможность для набегов на города Крыма и Херсон, в частности. Это позволяет предположить, что либо они сохранили за собой какой-то из крымских портов в районе Керченского пролива, либо, скорее, имели возможность проникать в Крым через Приазовские степи и Перекопский перешеек. Вероятно, как аланы, так и печенеги далеко не всегда препятствовали в этом хазарам, и, соответственно, в определенные моменты могла существовать политическая ситуация, далекая от идеала, описанного Константином Багрянородным. Этот далекий от устремлений Византии идеал политических взаимоотношений между народами юга Восточной Европы был сформирован в результате успешных усилий хазарской дипломатии. Результаты этих усилий и описывает Кембриджский аноним, когда повествует о победе хазар над коалицией народов в период правления Вениамина и позднее — над аланами во время царствования Аарона.

Возвращаясь к описанной в тексте Шехтера войне русов и хазар, следует отметить, что только после демонстрации силы в отношении

византийцев Песах начинает боевые действия с Хельгу¹, которые идут долго — «четыре месяца». Песах, по всей видимости, действует на суше, Хельгу, как уже было отмечено выше — на море. Это противоречие уже само по себе вызывает некоторые сомнения в достоверности описываемых далее событий. Можно предположить, что у Песаха появляется военный флот, что, впрочем, маловероятно, скорее у русов в пределах досягаемости Песаха была сухопутная база, на которой они хранили награбленные в Самкерце сокровища. Где именно проходили военные действия Песаха против русов в документе не сказано. Исходя из контекста источника, скорее всего, они не выходили за пределы территории Крымского полуострова или даже его прибрежной зоны. Вполне возможно, что по договору с Романом Лакапиным русы использовали в качестве базы один из визан-

¹ Сомнительно, чтобы Песах начал громить византийские города, оставив Самкерц-Таматарху в руках у русов, как то предполагает И. Г. Семенов: «...Песах очень быстро выяснил, что нападение Руси на Таматарху было спровоцировано византийцами, поэтому он не сразу направился против Хельгу, а сначала напал на византийские владения в Крыму и, в частности, на Херсон. Только потом он обрушился на Хельгу, засевшего в Таматархе, и держал его в осаде четыре месяца» [Семенов 2005, с. 330]. Версия И. Г. Семенова вызывает ряд возражений. Как Песах мог оставить у себя в тылу армию русов и уйти в Крым, для того, чтобы начать войну с византийцами? Если русы действительно сидели в Таматархе, то, по всей видимости, путь через Керченский пролив был закрыт для армии Песаха, флотилии русов и византийцев должны были тогда господствовать в его акватории. Следовательно, Песаху понадобилось бы обойти Азовское море, через земли черных болгар и печенегов выйти к Перекопу, пройти степи и горы Крыма, и только после этого напасть на Херсон и иные византийские города. Практически невероятное предприятие для геополитической ситуации, существовавшей в Приазовье и Крыму в первой половине X в. Исходя из текста Кембриджского Анонима, Песах одним появлением своей армии вызывал бегство Хельгу, взявшего Самкрай «воровским способом». По всей видимости, у Хельгу не было достаточных сил для открытого сопротивления хазарской армии. Песах именно преследует Хельгу: «...и он пошел [дальше]» [Голб, Прицак 1997, с. 142], — и где-то в ином месте в результате этого преследования он находит добычу, которую Хельгу уже вывез к тому времени из Самкрая.

² «Четыре месяца» боевых действий между Хельгу и Песахом, это конъектура Н. Голба. В любом случае эту цифру нужно воспринимать как условную, обозначающую какой-то длительный промежуток времени. Главное, что эта война не была выиграна сразу, в ходе одной битвы, победе хазар предшествовали длительные преследования и поиски противника, мелкие стычки, возможно осады и т. д.

тийских портов Крыма. Не случайно хазары нападают сначала именно на анонимные византийские города¹ и Херсон. Итак, Песах наступает русов, возвращает потерянное имущество и принуждает Хельгу к военным действиям против Византии.

Последний факт вызывает наибольшее удивление. Неужели русы, потеряв добычу, не могли уйти от хазар морем и через Днепр вернуться домой? Что реально побуждает их к нападению на Византию, если оно действительно состоялось, как о том пишет автор Текста Шехтера? По всей видимости, такое поведение Хельгу — «царя» русов можно объяснить тем, что сфера его основных военно-политических интересов находилась в пределах досягаемости хазарской армии. О том, что его флот был в боевой готовности, свидетельствует последующее, хотя и неудачное, нападение на Византию. После чего, вероятно, на этих же кораблях, Хельгу, с остатками дружины, бежал от позора поражений в Персию (на Каспий), воспользовавшись теперь уже союзом с хазарами, а также известным со времен Ибн Хордадбеха путем через Азовское море, Дон, переволоку и Волгу. Неслучайно этот факт, у целого ряда исследователей, в частности у В. А. Пархоменко, Н. Я. Полового, А. П. Новосельцева, К. Цукермана, И. Г. Семенова и т. д. вызывал ассоциацию с известным походом русов на Бердаа [Пархоменко 1928, с. 134; Половой 1961а, с. 104; Новосельцев 1990, с. 217; Цукерман 1996, с. 76; Семенов 2005, с. 334–335].

Складывается впечатление, что в условиях становления раннеклассового Древнерусского государства разбойничьим дружинам русов становится тесно в Восточной Европе. Те из них, кто не хочет подчиняться киевскому князю и его союзникам либо погибают, как Аскольд и Дир, либо ищут новые места для жизни на юге региона. Вождем такой скандинаво-русской вольницы мог быть и Хельгу текста Шехтера². Он не вернулся в Восточную Европу только потому, что ему некуда было возвращаться [Половой 1961а, с. 102].

¹ С. Б. Сорочан подчеркивает именно византийскую принадлежность данных населенных пунктов [Сорочан 2005, с. 1192].

² И. Г. Семенов также предлагает рассматривать Хельгу в качестве одного из полководцев князя Игоря или, возможно, в качестве скандинавского союзника Киевской династии [Семенов 2005, с. 328].

Собственно говоря, нет особых оснований связывать его как с Черниговом¹, так и с формирующейся там княжеской династией. Вообще, любая конкретизация в данном случае кажется излишней и уводит исследователей в не совсем оправданные гипотетические построения². В то же время данные текста Шехтера достаточно точно отражают геополитический фон своего времени — первой половины — середины X в. Этот фон во многом и с каждым годом все более и более определяется устремлениями киевского княжеского дома. Однако активность киевских князей не может объяснить все события, связанные с участием русов.

Следует напомнить, что арабо-персидские авторы X в. настойчиво твердят о наличии «трех групп» русов, имеющих обособленные центры проживания и не связанных единым управлением³. Одну из этих групп с центром в городе Куйаба традиционно идентифицируют с Киевом, другую — Славия — с Новгородом и Ладогой, третью — Арса, или Артания — располагают где-то в Поволжье. Отдавая себе отчет во всей неоднозначности и туманности этих сведений, можно

¹ Для обоснования связи Хельгу с Черниговом В. Я. Петрухин, в частности, приводит только самые общие соображения и косвенные аргументы: «...для русских дружинных древностей в целом характерно восприятие элементов степной «хазарской» культуры, но наиболее явственно (и естественно) это восприятие прослеживается в дружинных древностях Черниговщины...» [Петрухин 2005, с. 83].

² Примером подобных построений является, например, очень мало связанная с текстом источника реконструкция событий И. Г. Семенова: «...Хельгу же, после трехмесячных действий в Малой Азии, сумел уйти в море и добраться до Таматархи, к своим хазарским союзникам. Пополнив там свою армию волонтерами из хазар (? — А. Т.) алан и северокавказских горцев (? — А. Т.), он вышел в Каспийское море и достиг самого богатого закавказского города того времени — Берда'а (943 г.). Пока Игорь готовился к новому нападению на Византию, Хельгу, ничего об этом не зная, воевал с Марзубаном и в следующем, 944 г., погиб. Весной Свенельд (? — А. Т.) вывел отряд Хельгу из Берда'а и благополучно добрался до Итиля, а в это же время, не позднее июня, армия Игоря... уже выдвигалась к Дунаю. Только к концу лета или началу осени, когда поход Игоря уже завершился, Свенельд сумел вернуться в Киев и стал там самым влиятельным военачальником Игоря (? — А. Т.)» [Семенов 2005, с. 335].

³ Ал Истахри пишет: «Русы. Их три группы. Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он (город) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славия, и (третья) группа их, называемая ал-Арсания, и царь их сидит в Арсе...» [Новосельцев 2000, с. 316].

предположить, что они все же отражают некое реальное разделение группировок русов в Восточной Европе в указанный хронологический период. Такое разделение выглядит вполне закономерным для громадных пространств Восточной Европы от Балтики до Черного моря и Каспия. Иногда русы из этих групп объединяются и действуют совместно против общего противника, например, во время похода Олега на Константинополь, иногда выступают независимо друг от друга (как это отмечал ал Мас'уди).

Представители северных (Славия) и Поволжских (Арса), русов могли, с согласия киевских князей или в союзе с ними, проникать в бассейн Черного моря, торговать там или вести грабительские войны. В случае прекращения союзных отношений с Киевом обратный путь таких групп пролегал не через Днепр, а проходил по маршруту, известному еще Ибн Хордадбеху, через Керченский пролив, Азовское море, Нижний Дон, переволоку и Волгу. Не исключено, что эти русы стремились закрепиться в бассейне Черного моря и создать здесь собственную, независимую от Киева базу¹. В качестве такой попытки можно рассматривать нападение русов Хельгу на Самкерц, попытки, подкрепляемой к тому же союзом с византийским императором Романом Лакапиным. Как известно, акция эта не удалась и, более того, закончилась для русов трагически. Только киевские князья (точнее, князья «русской земли» [Лебедев 1985, с. 237; Насонов 1951, с. 29–30]), проводившие свою завоевательную политику на основе прочной государственной и экономической базы, созданной в Поднепровье благодаря реформам Ольги [Петрухин 1995, с. 156, 159], смогли к концу X в. (988 г.) [Жотляр 2005, с. 108–109] утвердиться в Самкерце-Таматархе².

¹ А. Я. Гадло, например, также считал, что Русь в это время была еще не в состоянии сдерживать активность отдельных скандинавских отрядов, которые могли проходить через ее территорию и осуществлять самостоятельные военные акции в бассейнах Черного или Азовского морей [Гадло 1971а, с. 59–68].

² Как отмечала Е. Ч. Скржинская: «XI столетие — это время русской Тмутаракани. Хронологические рамки упоминания Тмутаракани летописью 988–1094 гг., когда здесь отмечено одиннадцать княжений (считая и повторные) русских, в ряде случаев черниговских, князей» [Скржинская 2000, с. 105].

**§ 2.5. Место населения Северо-Западной Хазарии в
военно-политической структуре Хазарского каганата:
историческая реконструкция**

Необходимо напомнить, что в специальной литературе уже неоднократно высказывались определенные точки зрения на место населения Донского региона в политической системе Хазарского каганата. Взгляды авторов на эту проблему зависели как минимум от трех факторов. Во-первых, от того, как они решали вопрос о причинах переселения алан с Северного Кавказа в лесостепное Подонье. Следующий момент был связан с оценкой социально-экономических отношений в Хазарском каганате в целом. Наконец, многое зависит от точности определения степени развития и формы государственного устройства, существовавшего в Хазарии.

Специалистам известны основные гипотезы, объясняющие переселение части северокавказских алан в бассейн среднего Дона и Северского Донца. Их высказывали практически все ведущие исследователи хазарской истории. Так, по мнению И. И. Ляпушкина, аланы бежали от хазар, проводивших агрессивную политику в Северном Предкавказье [Ляпушкин 1958]. С. А. Плетнева предполагала, что они ушли из родных мест, спасаясь от угрозы арабских нападений, разорения и дани [Плетнева 1967, с. 91, 183]. В. А. Кузнецов [Кузнецов 1964, с. 38] и В. Б. Ковалевская [Ковалевская 1984, с. 168–174] считали, что аланы были вытеснены из кисловодской котловины болгарами. А. В. Гадло [Гадло 1984, с. 26] и В. К. Михеев [Михеев 1985, с. 97; Михеев 2004, с. 89] писали о том, что они были переселены хазарами специально для несения пограничной службы на границе со славянами. Г. Е. Афанасьев [Афанасьев 1981] настаивал на том, что переселение произошло в результате внутренних процессов развития аланского общества, но не без участия хазар, которые контролировали военно-политическую ситуацию в регионе. А. П. Рунич [Рунич 1974, с. 44–46] выдвинула оригинальную гипотезу эколого-демографического характера и предположила, что часть населения Северокавказской Алании, происходившая, вероятно, из Кисловодской котловины, ушла, спасаясь от эпидемии чумы и т. д.

Сравнивая аргументацию названных авторов, необходимо учитывать, что к середине VIII в. активные набеги арабов на Северный

Кавказ уже закончились, к тому же они не привели к установлению прочного господства Халифата в этом регионе. Аланы продолжали оставаться здесь наиболее крупным объединением и основной военной силой как в течение всего хазарского периода, так и после падения Хазарского каганата. В этой связи достаточно сомнительным выглядит отмеченное выше предположение об их вытеснении болгарами. Гипотеза об эпидемии чумы, как причине переселения алан, не нашла подтверждений в исторических источниках и не разделяется большинством специалистов. По всей видимости, наиболее правомерна точка зрения В. К. Михеева (близкую позицию занимали А. В. Гадло и А. П. Новосельцев), высказавшего гипотезу об осуществленном центральной хазарской властью целенаправленном переселении алан с Северного Кавказа в Подонье.

Подобная акция могла решить сразу две политические проблемы. С одной стороны, несколько ослаблялась лишенная части людских ресурсов Северокавказская Алания — важный стратегический союзник и потенциальный противник хазар. С другой, переселенцы могли быть привлечены для выполнения военно-пограничных функций в регионе, где сами хазары не жили, и, видимо, не хотели жить. Вероятно, хазар, как кочевников, вполне устраивали степи Прикаспия и Волго-Донья [Михеев, Тортика 2001]. В то же время в районе Подонья они имели стратегические интересы, связанные с контролем над речными торговыми путями (по Дону и Донцу, а, возможно, и по Днепру) и данничеством славянских племен (вятичей, северян, радимичей, полян) [Тортика 2002, с. 146–147]. Кроме того, как считает В. К. Михеев, хазары, переселя в Подонье хорошо знакомых с навыками пашенного земледелия алан, таким образом, расширяли свою земледельческую базу на вновь приобретенных территориях Восточной Европы [Михеев 1991, с. 46].

О том, каким мог быть статус этого населения в составе Хазарского каганата, можно, в определенной степени, говорить на основе анализа социально-экономических отношений, сложившихся как в государстве в целом, так и существовавших у алано-болгар Северо-Западной Хазарии. Если говорить об известных характеристиках социальных отношений населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в VIII–X вв., то, как отмечал В. С. Флеров [Флеров

1990, с. 38–43], использование термина «феодалы» в данном случае явно преждевременно. В источниках нет оснований для разговора о феоде, нет четко выраженного статуса феодалов. Даже хазарская аристократия, проживающая зимой в экономически и социально развитом Итиле, кочует «родами», хотя земельные владения этих родов и являются наследственными. Иосиф по этому поводу пишет следующее: «Каждый из (наших) родов имеет еще (наследственное) владение (полученное от) своих предков, место, где они располагаются; они отправляются (туда) и располагаются в его пределах...» [Коковцов 1932, с. 102].

Тем не менее, археологически все же наблюдается определенная социальная стратификация и имущественная дифференциация алаано-болгарского населения лесостепного Подонья. Еще М. И. Артамонов квалифицировал эти отношения как племенной строй с элементами формирования раннеклассовых отношений: «...это было общество примитивного феодализма, сложившееся на местной варварской основе и не прошедшее рабовладельческой стадии» [Артамонов 1962, с. 37–38].

Подобную точку зрения высказал и А. П. Новосельцев, считавший, что «сохранение реликтов родовой организации, свободы основным населением и в то же время выделение особого сословия знати (тарханов) свидетельствует о том, что Хазария может рассматриваться как раннеклассовое общество, где социальная дифференциация не достигла большой глубины, хотя и проявлялась в специфической форме» [Новосельцев 1990, с. 119].

Подчеркивая «специфичность» данной социальной конструкции, Г. Е. Афанасьев, на основе изучения материалов катакомбных могильников, выделяет два общественных ранга в среде носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Как уже отмечалось выше, их он определяет, используя традиционную для алан Северного Кавказа терминологию, как аддар (князя) и асфад (войско). В то же время, по мнению Г. Е. Афанасьева, нет никаких оснований видеть в них сформировавшиеся классы феодалов и зависимых крестьян [Афанасьев 1993, с. 152]. Поскольку, по всей видимости, в данном случае передача функций военачальника еще не является наследственной, а

деление на две группы не носит классового характера, что соответствует тому уровню развития общественных отношений, который квалифицируется как племенной строй.

Видимо, прав был и В. К. Михеев, писавший о том, что налогообложение (дань) для племен, входивших в состав Хазарского каганата, вероятно, было не индивидуальным или семейным, а имело форму коллективной ответственности. Можно предположить, что налоги (по всей видимости, в натуральной форме) взыскивались с определенных родоплеменных единиц [Михеев 1991, с. 49]. В то же время известно, что дань с населения, не входившего в состав Каганата, в частности со славянских племен, была в большей степени индивидуализирована. Поляне, как известно¹, заплатили единоразовую дань — контрибуцию «от дыма по мечу» [ПВА 1999, с. 148]. Радимичи, северяне и вятичи «платили по вервице с дыма» [ПВА 1999, с. 150] и «по шелягу с сохи» [ПВА 1999, с. 168]. Также и «царь булгар», по данным Ибн Фадлана, «платит дань царю хазар: от каждого дома в его государстве — шкуру соболя» [Ковалевский 1956, с. 140].

Возможно, что именно военно-пограничные функции алано-болгар Подонья и были той формой подчинения и своеобразным натуральным налогом (во всяком случае, если не единственным, то основным), который удовлетворял центральное хазарское правительство. Вероятно, именно этим можно объяснить столь бурный расцвет экономики региона, высокий уровень производства, богатство его жителей. Следует отметить, что для лесостепного региона распространения СМК это актуально как для катакомбных, так и для ямных могильников, т. е. как для собственно алан, так и для тех родоплеменных групп, которые традиционно воспринимаются археологами как протоболгары.

По всей видимости, термин «конфедерация», применявшийся отдельными исследователями для определения внутреннего устройства Хазарии, также не соответствует исторической действительности VIII–X вв. и модернизирует реальную ситуацию. Конфедерация предполагает добровольный принцип вхождения в нее всех ее

¹ По версии древнерусского летописца, в легендарной форме отражающей какие-то реальные события и взаимоотношения.

участников. В случае же с Хазарским каганатом наблюдается обратное явление [Ромашев 1992, с. 10]. Сначала хазары тем или иным способом подчиняли себе все входившие в их объединение народы, а потом различными средствами принуждения добивались их покорности: «И был ужас [божий на народах, которые] кругом нас, так что они не приходили (войною) на казарское царство» [Коковцов 1932, с. 116]. Как только возможности для применения этих средств принуждения иссякли, Хазарский каганат прекратил свое существование.

Хазарское государство также называли раннеклассовым или раннефеодальным, однако эти дефиниции, помимо того, что они, по всей видимости, не совсем соответствуют действительности (на что уже указывалось в первой главе настоящей работы), носят слишком обобщенный характер и плохо отражают систему управления, сложившуюся в Каганате.

Нужно признать, что наиболее точным оказалось определение П. Б. Голдена, который сравнивал политическое устройство Хазарского каганата с Тюркским каганатом [Голден 2005, с. 27; Golden 2001, р. 5–6] и находил между ними большое сходство¹. Тюркская система государственного управления предполагала единовластие кагана, причем в рамках самого тюркского этноса это была многоуровневая, замкнутая структура: каган (верховный правитель) — беги (аристократия) — будун (народ) [Бернштам 1946, с. 98–105; Golden 2001, р. 39–43]. В то же время и подчиненные племена имели своих бегов и свой будун. Аристократия, складывавшаяся таким образом в сложную государственную систему, носила название эля. У покоренных племен мог сохраняться собственный эль — система внутреннего управления и организации жизни, своего рода политическая организация, развивавшаяся пока еще в рамках племенного строя.

Как уже говорилось выше, алано-болгары Подонья в известной степени сохранили свой эль, т. е. свою племенную организацию. Наличие подобной структуры облегчало для хазарских властей управление

¹ По этому поводу П. Б. Голден отмечал что, «...Хазарский каганат являлся государством, привнесенным в Западную Евразию извне. Его формы управления, иерархию, должности следует искать в институтах Тюркского каганата, с историей которого его образование тесно переплеталось» [Голден 1993, с. 211–233].

этой группой населения и ее использование в военно-пограничных целях. Это сохранение племенной организации и правящей верхушки покоренного населения было принципом внешней и внутренней политики хазар [Артамонов 1962, с. 406], осуществлявшемся практически без исключений в течение всей истории Хазарского каганата, начиная с момента его образования и заканчивая первой половиной X в.

Так, хазары, как сообщают Феофан и Никифор, еще в последней четверти VII в. приняли покорность хана приазовских болгар-утигуров Батбая (Батбаяна). Они сделали его своим данником, подчинив его орду практически в полном составе: «...[Этот народ — А. Т. — хазары], сделав своим данником первого брата, Батбаяна, властителя первой Булгарии, получает с него дань и поныне» [Чичуров 1980, с. 61].

Так называемый «правитель» Готии после антихазарского восстания Иоанна Готского, произошедшего в 786 или 787 г., был помилован хазарами и, по всей видимости, оставлен у власти. В то же время известно, что рядовые восставшие — «семнадцать рабов» — были казнены [Айбабин 1999, с. 208–209; Васильевский 1912, с. 396–400].

Как известно, власть хазар над подчиненными народами держалась на военной силе и институте заложничества. Роль своеобразных заложников выполняли, как правило, многочисленные жены кагана — дочери вождей покоренных племен и народов. Династические браки практиковались верхушкой Хазарского каганата в течение всей его истории и могут служить хорошим индикатором геополитических процессов и изменений, происходивших в истории этого государства.

Одно из первых сообщений источников о попытке заключения брачного союза между Византией и сюзереном хазар — Западно-тюркским каганатом — связано с именем византийского императора Ираклия. Последний во время военной компании на Кавказе в 622 г. договорился о заключении династического брака с джебгу-каганом западных тюрков (Зиевилом). Брак не состоялся, так как джебгу-каган (ябгу) погиб в междоусобной войне [Чичуров 1980, с. 160–161].

С последней четверти VII в. основной силой на Юго-Востоке Восточной Европы становятся хазары. В результате очень скоро они оказываются участниками событий [Christian 2000, p. 292], одним из последствий которых было заключение первого династического брака между Хазарским каганатом и Византийской империей.

Феофан Исповедник так пишет об этих событиях¹: «Когда Юстиниан, живший [в то время] в Херсоне, заявил, что вновь собирается царствовать, тамошние жители, убоявшись опасности со стороны империи, решили либо убить его, либо выслать василевсу. А он, проведая [об этом], смог спастись бегством и, достигнув Дараса, потребовал свидания с хаганом хазар. Узнав [об этом], хаган принял Юстиниана с великими почестями, и отдал ему в жены Феодору, свою кровную сестру. Спустя некоторое время Юстиниан, отпросившись у хагана, уехал в Фанагорию и жил там с Феодорой» [Чичуров 1980, с. 62–63].

Далее, в 706/707 г., вернув себе престол «...Юстиниан, послав кувикулярия Феофилакта, привез Феодору и Тиверия, ее сына, короновал их, и они воцарились вместе с ним» [Чичуров 1980, с. 63].

Статуя хазарской принцессы, а теперь императрицы Византии была поставлена в Константинополе рядом со статуей ее мужа. Есть предположение, что в связи с этим в столице империи побывал и сам каган, чествование которого происходило у «Царской цистерны» [Кулаковский 1912, с. 290–291]. Ал Мас'уди называет жену Юстиниана дочерью «малика хазар». А. А. Новосельцев убежден, что в данном случае речь идет именно о хакане хазар [Новосельцев 2000, с. 372], который в тот период хазарской истории еще обладал всей полнотой власти в государстве. После вторичного свержения Юстиниана II в 711 г. сам император был обезглавлен, его сын и сторонники убиты [Чичуров 1980, с. 166]. Судьба хазарской принцессы неизвестна.

Последний династический брак между Хазарским каганатом и Византией был и самым удачным в истории хазарских внешнеполитических связей. Как известно, император Лев III в 732 г. женил своего сына Константина V на хазарской принцессе, дочери кагана Чичак (в переводе — Цветок, Ирина после крещения). По Феофану, произошло это следующим образом: «В этом году (732/733 г.) василевс Лев женил сына Константина на дочери хагана, властителя скифов, обратив ее в христианство и назвав Ириной» [Чичуров 1980, с. 68].

К. Цукерман напрямую связывает это событие с внешнеполитическими интересами Византии. Хазары, верные союзническим отношениям,

¹ И. С. Чичуров датирует их 704/705 г., К. Цукерман — 700 г. [Цукерман 2001, с. 312].

вторгаются в Закавказье, ослабляют арабов, и византийцы снова восстанавливают некоторые из своих владений в этом регионе [Цукерман 2001, с. 333].

Далее Феофан сообщает о том, что «...25 января, того же, 3-го, индикта (750 г.) у василевса Константина родился сын от дочери хагана Хазарии, которого он назвал Львом» [Чичуров 1980, с. 68]. Известно, что Лев IV Хазарин был византийским императором с 775 по 780 г.

Примерно в то же время хазары заключают династический союз с еще одной могущественной военно-политической силой — арабами. Этот брак был инициирован арабской стороной. Как отмечал А. В. Гадло — «мир с хазарами был закреплен браком Язида ибн Усайда с дочерью кагана». По его мнению, этот брак свидетельствовал о завершении арабо-хазарских войн, признании южных границ и сферы влияния Каганата [Гадло 1979, с. 162–163].

Язид ибн Усайд ас-Сулами был наместником Армении с 752/3 г. до 70-х гг. VIII в. Идея брака с хазарской принцессой исходила от халифа Мансура (754–775 гг.). Язид выполнил поручение халифа и попросил у кагана Багатура руку его дочери — Хатун (видимо все-таки не имя, а статус — принцесса — А. Т. [Golden 2001, p. 40]). Каган согласился, отпустил дочь и дал за нее богатое приданое. Хатун приняла ислам, вышла замуж за Язида и прожила с ним 2 года и 4 месяца, родив двух детей [Артамонов 1962, с. 241–242]. К сожалению и она, и ее дети умерли. Ал Куфи настаивает на том, что Язид был глубоко опечален их смертью. Однако Гевонд сообщает, что хазары обвинили арабов в умышленном преступлении и совершили набег на Закавказье [История халифов... 1862, с. 92]. Брак между Язидом и хазарской принцессой М. И. Артамонов датировал 759/760 гг., а набег хазар, соответственно, 762/763 гг. [Артамонов 1962, с. 244].

Следующая попытка династического брака между арабским наместником в Закавказье (с 791 г.) ал Фадлом Ибн Яхья и представительницей семьи хазарского кагана также закончилась неудачно. По неизвестной причине принцесса умерла в дороге. Сопровождавшие ее тарханы сообщили, что она была коварно убита арабами. Вслед за этим каган вторгся в Закавказье и мстил за дочь, повсеместно убивая арабов [Артамонов 1962, с. 249–250].

Оба описанных случая династических браков между наместниками халифа в Армении и Хазарским каганом были инициированы арабами. Оба брака закончились плачевно для хазарских невест, а затем и для арабов и не привели к установлению долговременных мирных отношений. Следует отметить, что и византийцы, и арабы сватаются к хазарам на протяжении практически всего VIII в. К началу — первой трети этого века относится время заключения таких браков византийцами (Юстиниан II — 700 или 704 г., Константин V — 732 г.), тогда как во второй половине века брачными партнерами хазар пытаются стать арабские наместники Армении (Язид — около 760 г. и Фадр Бармаки — около 798 г.).

Ни в IX, ни тем более в X в. хазары больше уже не заключают династических браков такого высокого межгосударственного уровня. Возможно, что это объясняется определенной стабилизацией военно-политической обстановки. Устанавливается некоторое равновесие между Византией и Арабским халифатом.

Вероятно, также, что прекращение подобных брачных союзов можно объяснить и фактом иудаизации хазарской верхушки, которая в соответствии с известным сообщением ал Мас'уди произошла как раз на рубеже VIII и IX вв. Впрочем, необходимо отметить, что К. Цукерман, вслед за Дж. Марквартом и Г. Вернадским, настаивает на том, что это обращение произошло не ранее 861 г., после неудачной миссии к хазарам Константина — Кирилла Философа [Цукерман 2002].

Наконец, с конца первой трети IX в. века начинается постепенное ослабление Хазарии, степи между Доном и Днестром занимают венгры, а с 889 г. — печенеги. Все это существенно снижает роль хазар в Причерноморском регионе. С другой стороны, в своих военно-политических и экономических интересах они начинают в большей степени ориентироваться на местные народы Восточной Европы и каспийско-волжскую торговлю.

Кроме брачных союзов с крупными средневековыми государствами, такими как Византия и Арабский халифат, хазары с самых первых шагов своей истории практикуют союзнические и иногда равноправные брачные договоры с представителями восточноевропейских племен и народов. В краткой версии «Армянской географии», в

одном из первых известных и достоверных упоминаний о хазарах, говорится: «Царем севера является хакан, государь хазар. Царица, или хатун, жена хакана, из народа басил» [Патканов 1883, с. 49; Артамонов 1962, с. 184; Цукерман 2001, с. 329]. Традиционный выбор главной жены хазарского кагана — хатун из представительниц одного и того же кочевого племени подчеркивает особое, практически равное хазарам положение этого племени в Каганате.

Впрочем, барсилы были родственны хазарам и входили в состав их объединения, поэтому брачные отношения с ними носили фактически внутренний характер. Однако, уже к первой трети VIII в. относятся данные о заключении хазарами браков с представителями других, независимых от них народов. Так почти в одно время с Константином V, родственные отношения с хазарским каганом устанавливает владетель Абхазии Леон I. Он был женат на дочери кагана, т. е., возможно, на сестре или племяннице жены Константина V [Гадло 1979, с. 199].

Следующий пример союзнического брака связан с хазаро-венгерскими отношениями в период пребывания венгров в Восточной Европе. Константин Багрянородный пишет о том, как венгры «...жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией, благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия по неведомой случайности не прижил детей с той хазаркой»¹ [Константин Багрянородный 1991, с. 159]. М. И. Артамонов датировал это событие серединой IX в. [Артамонов 1962, с. 344–345].

Венгры, как известно, были нужны хазарам, прежде всего, для борьбы с печенегами. По мнению К. Цукермана, заключение такого брака, когда хазарка была отправлена в кочевья венгров, означало признание Леведии в качестве независимого правителя, но не подчинение

¹ В. Т. Пашуто считал, что Леведия был женат на дочери кагана [Пашуто 1968, с. 92]. Впрочем, такое утверждение никак не следует из текста самого источника и не подтверждается другими данными, речь идет именно о «благородной хазарке», которая могла происходить из какого-либо знатного, но не обязательно каганского рода.

венгров хазарам. В последнем случае, по его мнению, в хазарский гарем попала бы знатная венгерская девушка [Цукерман 2002, с. 529]. В то же время, исходя из всего контекста сообщения Константина Багрянородного, следует, что венгры в это время находились в дружественных отношениях с хазарами и, хотя бы формально, признавали их сюзеренитет. Избрание Арпада предводителем венгров обсуждалось с хазарами и произошло с их согласия и при их участии [Константин Багрянородный 1991, с. 159–163].

Напротив, у покоренных владетелей хазары забирали дочерей в гарем кагана или царя, получая, таким образом, своего рода заложниц, которые должны были обеспечить большую сговорчивость и послушание их отцов и братьев. В частности, известно, что еще в самый ранний период существования хазарского государства в 70-е гг. VII в. предводитель гуннов Прикаспийского Дагестана Алп-Илитвер «принужден был дать» свою дочь в супруги кагану (сведения «Хроники Михранидов»). Этот факт А. В. Гадло рассматривал как признак его вассальной зависимости от хазар [История агван 1861, с. 199; Гадло 1979, с. 141]. В то же время этих гуннов нельзя считать барсилами, т. е. речь в данном случае идет не о хатун, а об одной из многочисленных жен или наложниц кагана, происходящих из числа дочерей зависимых от него вождей и правителей.

Один из случаев такого брака по принуждению, ставший известным авторам письменных источников, датируется первой половиной VIII в. [Семенов 2004, с. 1]. В «Матиане Картлиса» («Летопись Грузии») содержится предание, согласно которому каган сватался к младшей дочери царя Грузии Арчила — Шушан(е): «В царствование Иоане и Джуаншера хазарский хакан, прельщенный красотой младшей сестры царя Иоане, по имени Шушаны, предложил царю выдать за него замуж сестру свою, а взамен этого обещал свое содействие в борьбе против арабов» [Джанашвили 1897, с. 27–28]. К наследникам Арчила, братьям грузинской принцессы — Иоане и Джуаншеру, был послан хазарский посол, который просил ее руки для кагана и обещал помочь в борьбе с арабами. Грузины отказали в браке. Тогда хазарский хакан организовал поход в Грузию и попытался принудить грузинских князей выдать за него их сестру [Новосельцев 2000, с. 375].

Захваченная силой принцесса отравилась ядом, спрятанным в перстне, и умерла. Не уследивший за ней хазарский военачальник был казнен каганом, а брат принцессы — Джуаншер, провел сем лет в плену у хазар в качестве заложника [Гадло 1979, с. 198]. М. И. Артамонов считал сведения этой легенды вполне вероятными и соответствующими реалиям хазарской политики на Кавказе и в Закавказье [Артамонов 1962, с. 251]. Заложничество Джуаншера ярко свидетельствует об истинных целях этого несостоявшегося династического брака по принуждению.

Ибн Фадлан, посетивший Булгар в 921 г., однозначно пишет о браках по принуждению, как об устоявшейся и хорошо известной соседям практике правителей Хазарского каганата: «...У царя хазар двадцать пять жен, причем каждая из них — дочь какого-либо царя соседних земель. Он берет их себе волей или неволей» [Ковалевский 1956, с. 147]. Кроме названного числа жен, у царя было еще 60 наложниц, причем каждая из них жила в отдельном помещении, судя по описанию — юрте [Заходер 1962, с. 34]. Как совершенно верно отмечал Б. Н. Заходер, в числе царей, дочери которых пополняли гарем кагана, были главы не только собственно хазарских родовых объединений, но и соседних с ними народов и племен [Заходер 1962, с. 145]. В частности Ибн Фадлан, рассказывает о том, как царь Хазарского каганата, используя военную демонстрацию, принудил к браку дочь правителя Волжской Булгарии Алмуша: «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя «славян», так что он послал сватать ее. А он высказался против него, и отказал ему» [Ковалевский 1956, с. 141].

О том, как «эскурсиократор» алан был вынужден отдать свою дочь в жены сыну хазарского царя, сообщает анонимный автор текста Шехтера: «...в дни Аарона царя царь алан воевал против казар, потому что подстрекал его царь Греции. Но Аарон нанял против него царя TWRQY, так как он [был силен]. Царь Алан пал перед Аароном, и (последний) захватил его в плен живым; но [царь] оказал [ему великий почет и взял его дочь в жены своему сыну, Иосифу. Царь алан поклялся ему в верности и царь Аарон отпустил его в его [землю...» [Голб, Прицак 1997, с. 141]. Иосиф был последним царем (беком) Хазарии в X в., имя которого известно авторам письменных

источников. Именно от его лица составляется ответ на запрос Хасдаи ибн Шафрута. Его предшественник, возможно отец, принуждает к браку болгарку. Он сам женат на аланке. Очевидно, что династические браки в это время становятся полной прерогативой хазарских царей — беков и, вероятно, уже не могут практиковаться каганами.

Следует отметить, что почетное, с точки зрения константинопольского еврея — гипотетического автора текста Шехтера, замужество дочери аланского царя могло восприниматься самим предводителем алан как большое несчастье и унижение. Об этом свидетельствует, в частности, подобная же ситуация, описанная в «Записке» Ибн Фадлана. Именно так оценивал необходимость заключения родственных отношений с хазарским царем предводитель болгар Алмуш, который поспешил поскорее выдать другую дочь за вождя одного из подвластных ему племен только для того, чтобы и она не отправилась к хазарам. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, казалось бы, уже «примиренный» царь — эскурсиократор Алании — через какое-то время (20–30 лет) после войны описанной в тексте Шехтера, снова нападает на хазар на дороге к Климатам и настроен по отношению к ним явно враждебно [Константин Багрянородный 1990, с. 53].

Происхождение 25 жен, положенных по регламенту хазарскому царю¹, можно гипотетически реконструировать на основе сообщений источников о племенах и народах, входивших в состав Хазарии. Оно может быть восстановлено на основе обеих («краткой» и «пространной») редакций ответа Иосифа Хасдаи ибн Шафруту. В «краткой» редакции говорится о том, что на севере и северо-востоке Хазарского государства Иосифу подчиняются и платят дань «девять народов» [Коковцов 1932, с. 81]. Как уже отмечалось выше, «пространная» редакция в соответствующем месте дает перечисление этих народов, правда, здесь их уже не девять, а восемь [Коковцов 1932, с. 98].

Далее Иосифом перечисляются народы и пункты северо-западного Прикаспия, а также северного Предкавказья, вплоть до Черного

¹ Д. М. Данлоп в связи с этим допускает, что «...упоминание о 25 женах: «каждая — дочь одного из подвластных ему царей» связано с версией Эльдада Данида (IX в.), писавшего о том, что у хазарского царя было 25 подчиненных ему царей» [Dunlop 1954, p. 109–110].

моря. По версии «краткой» редакции, здесь расположено 15 подчиненных хазарам народов. В их числе, по данным «пространной» редакции: (1)¹ «С-м-н-д-р в конце (страны) Т-д-лу» и местность, расположенная вдоль Каспия вплоть до Дербента, т. е. территория страны или «царства гуннов».

Затем народы названы в направлении на запад, вдоль Кавказских гор — это: (2) «Азур, в конце (страны) Б-г-да, (3) С-риди, (4) Китун, (5) Ар-ку, (6) Шаула, (7) С-г-с-р-т, (8) Ал-бус-р, (9) Ухус-р, (10) Киарус-р, (11) Циг-л-г, (12) Зуних, расположенные очень высоко в горах, (13) все аланы до границы Аф-кана, (14) все живущие в стране Каса и (15) все (племена) Киял, Т-к-т, Г-бул до границы моря Кустандинь...» [Коковцов 1932, с. 100–102]. Если принять последнее обобщение трех племен — «все (племена)» за один пункт, то можно говорить о том, что данные «пространной» редакции практически полностью совпадают с числом 15 «краткой» редакции, если нет, то перечислено 17 народов и пунктов. Среди этих позиций очевиден Семендер на северо-западном берегу Каспийского моря, аланы и касоги в северном и северо-западном Предкавказье, этническое определение других народов не требуется в настоящем контексте.

В следующем списке «краткая» редакция насчитывает 13 народов и мест, а «пространная» относит к их числу: «Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин» [Коковцов 1932, с. 102] — ровно 13 наименований. Все они давно определены. Известно, что первым здесь назван Саркел на Дону, затем Таматарха на Таманском полуострове, все остальные пункты расположены на территории Крыма [Новосельцев 1990, с. 109–110].

Наконец, последним народом, который, по версии царя Иосифа, подчиняется хазарам и платит им дань, названы печенеги — Б-ц-ра, кочующие неподалеку от Днепра — Ва-г-з (Юг-з) [Коковцов 1932, с. 102].

Всего в результате проведенных подсчетов получается, учитывая неточности и разночтения между «редакциями» ответов Иосифа, от 37 до 40 подчиненных народов, областей и пунктов. Уже давно

¹ Нумерация народов в списке в круглых скобках жирным шрифтом дана специально, для удобства восприятия и облегчения подсчета — А. Т.

общим местом стало утверждение о том, что во время правления Иосифа большинство из названных народов и местностей не подчинялись Хазарскому каганату, это очевидно. Тем не менее, приведенный список дает представление о том, что названные Ибн Фадланом цифры в свое время вполне могли соответствовать действительности. Гипотетически правитель Хазарии мог иметь 25 (и более) жен, являвшихся дочерьми правителей подчиненных ему народов. Среди них, учитывая и данные других источников («Армянскую географию», ПВА, арабских авторов), в разное время могли быть: барсилки — хатун, аланки с Северного Кавказа, болгарки из Волжской Булгарии, представительницы гуннов прикаспийского Дагестана, дочери племенных вождей буртасов, касогов, вятичей, северян, полян, радимичей, венгров, гузов, различных горских народов Северного Кавказа, правителя Крымской Готии (Мнк-т — Мангуп) и т. д. Таким образом, не исключено, что в гаремах хазарских каганов и царей могли находиться и дочери племенных вождей из Подонья-Придонецья — Северо-Западной Хазарии. Однако проследить эти династические связи точнее, в их конкретном проявлении и развитии, не представляется возможным в виду отсутствия соответствующих сведений источников.

Очевидна определенная дифференциация жен кагана, а с конца IX в. — и царя, статус которых, вероятно, должен был зависеть от значимости в политике хазар того государства или племени, представительницами которого они являлись.

Выше уже отмечалось, что в ранний период хазарской истории первой и главной женой кагана была представительница барсилков. Неизвестно, сохранилась ли эта традиция до последних лет существования Каганата. В любом случае статус первой жены — хатун был весьма высок. Известно, что в 730/1 гг. во главе Хазарского каганата стояла женщина — мать умершего кагана — Парсбит [История халифов 1862, с. 71]. По мнению М. И. Артамонова, она, возможно, выступала в роли опекуни несовершеннолетнего кагана [Артамонов 1962, с. 217].

Анализ проблемы осложняется известным «двоевластием» хазар, точнее сменой правящей династии ко второй половине — концу IX в. Примерно в это время каган потерял реальную власть, и Хазарским каганатом начинают управлять представители династии

беков — цари Хазарии [Артамонов 1962, с. 275–282, 408–411; Бейлис 1986, с. 143; Григорьев 1876, с. 66–78; Державотворні процеси... 2000, с. 49, 55; Новосельцев 1990, с. 134–144; Петрухин 2001; Цукерман 2002; Golden 1980, p. 100–102; Zuckerman 1995, p. 251–253]. В этих условиях царь-бек, так же как и в свое время каган, имеет главную жену, которая после смерти мужа сохраняет важное положение своего рода «вдовствующей хатун» (если допустимо такое выражение) при своем сыне. Об этом сообщает Иосиф: «...я живу у этой реки (Итиля — А. Т.), с помощью всемогущего, и у меня есть в моем царстве три города. **В одном (из них) живет царица со своими прислужницами и евнухами** (выделение — А. Т.). Длина и ширина его, с пригородами и примыкающими к нему деревнями, составляет 50 на 50 фарсахов...» — «краткая» редакция [Коковцов 1932, с. 84–85]. «Пространная» редакция уточняет: «Знай, что я живу у этой реки, с помощью всемогущего, и на ней находятся три города. **В одном (из них) живет царица; это город, в котором я родился** (выделение — А. Т.). Он велик, имеет 50 на 50 фарсахов в длину (и ширину), описывает окружность, расположен в форме круга» [Коковцов 1932, с. 102]. По мнению А. Я. Гаркави, с которым согласен и П. К. Коковцов [Коковцов 1932, с. 110], здесь идет речь не о жене, а именно о матери царя хазар. Действительно — Иосиф здесь «родился», соответственно в этой части Итиля должна проживать его мать.

Таким образом, очевидно наличие «хатун» и в семейно-династической традиции беков-царей. Она была главной женой, матерью наследника и даже после смерти царя-отца при царе-сыне сохраняла за собой очень высокий социальный и государственный статус. В целом, это характерно для кочевников, сходная ситуация существовала, например, в Крымском ханстве.

Этническое происхождение хатун на всех этапах хазарской истории, скорее всего, не могло быть одним и тем же. Менялись политические приоритеты и союзы. Произошла смена правящей династии Хазарского каганата. Если есть данные о том, что в VII в. хазарские каганы брали за себя барсилы, то в дальнейшем они могли быть и иного происхождения. Источники донесли до нас несколько имен знатных хазарских женщин. Прежде всего — это Феодора, жена

Юстиниана II, названная так, по всей видимости, после крещения. Около 730 г. Хазарией правит Парсбит, имя которой, возможно, имеет иранский характер (аланка?). Далее, в хронологическом порядке, следует назвать Чичак — Ирину, имя которой считается однозначно тюркским и переводится как «Цветок». Затем следует Хатун — жена Язида, вместо имени автор источника назвал в данном случае тюркский термин, обозначающий именитую женщину, аристократку. Потом в списке идет умершая на пути к своему арабскому жениху Суб-т (С-бу-т). Ее имя не поддается точной идентификации, но, возможно, также имеет тюркское происхождение. И, наконец, последней должна быть названа еврейка Серах, жена Сабриэля, по тексту Шехтера. Все эти имена свидетельствуют о значительном этническом разнообразии среди хатун, что в очередной раз отражает сложный этнический состав населения Хазарского каганата и его многочисленных соседей [Тортика 2005, с. 100].

К первой половине — середине X в. большинство народов юга Восточной Европы выходит из состава Хазарского каганата. Соответственно, обеспечение положенного по этикету количества жен хазарского царя становится все более и более трудным делом, в то время как внешняя политика хазар терпит одно поражение за другим. Усиливаются другие объединения и племена, которые теперь успешно конкурируют с хазарами и даже используют сходные методы политических взаимоотношений. В частности, благодаря ал Мас'уди известно, что в середине X в. между царем алан и царем Серира (Горный Дагестан) существовали брачные связи. Они были женаты на сестрах друг друга [Минорский 1963, Приложение III]. Поскольку, как отмечает А. В. Гадло, в это время царь Серира совершает регулярные набеги на хазар, такой брачный союз можно рассматривать как объединение против хазарского господства в регионе [Гадло 1979, с. 180]. Эта мысль находит подтверждение у Константина Багрянородного, который однозначно говорит о напряженных отношениях между хазарами и аланами и о реальной возможности нападения последних на Климаты Хазарии и на караваны хазар, идущие в Крым.

Очевидно, что описанные выше династические браки и браки-заложничества были не исключением из правил, а нормой политических внутри и межгосударственных отношений. Более того, подобные

отношения были широко распространены и в других средневековых государствах, каганатах, империях. Можно предположить, что в случае с хазарами традицию заключения таких браков и способы их использования в политике следует рассматривать как результат политической практики Китая. По всей видимости, она сначала была воспринята Тюркским каганатом, а уже от последнего унаследована хазарами. Как отмечает К. Цукерман: «Несмотря на то, что имеющиеся источники явно не поддерживают гипотезу о происхождении хазарских каганов от династии Ашина, принадлежность Хазарского государства тюркской традиции несомненна» [Цукерман 2002, с. 524].

В политической практике Тюркского каганата можно найти много примеров, подтверждающих эту мысль. Тюрки широко практиковали династические браки с самыми разными народами и государствами, и использовали их как действенное орудие для заключения союза или подчинения противников.

Династический союз с той или иной державой был индикатором внешнеполитического статуса кочевого объединения или каганата, его военной мощи и политического признания. Так, хазары принудили к династическому союзу Алп-Илитвера, предводителя гуннов Дагестана, Алмуша — царя Волжской Булгарии, «эскурсиократора» Алании, пытались путем прямого насилия и войны добиться брака с грузинской принцессой и т. д. Эти примеры датируются всем временем существования хазарского государства, начиная с конца VII и по середину X в., и свидетельствуют об устойчивости и традиционности такого поведения [Тортика 2005а, с. 101].

Кроме Китая и тюрков, на хазарскую практику внешнеполитических отношений, в том числе на такую ее разновидность, как заключение династических брачных союзов, могла повлиять и Византия. В течение длительного времени хазары были партнерами Византии в борьбе с арабами. Они заключали друг с другом союзы, вели переговоры, отправляли посольства, координировали совместные военные действия против арабов.

Известно, что византийская традиция внешнеполитических отношений в идеале не допускала династических браков с представителями варварских народов. В то же время, как отмечал Г. Г. Литаврин

[Константин Багрянородный 1991, с. 341-342], эта идеализация была характерна не столько для дипломатической практики Византийской империи вообще, сколько для Константина Багрянородного в частности. Этот император активно выступает против династических браков в своем произведении «Об управлении империей» и обвиняет в них императоров иконоборцев [Константин Багрянородный 1991, с. 57, 59–63]. В то же время известно, что сестра Константина Багрянородного — Анна — была замужем за Людовиком Слепым, а его сын Роман II с 944 по 949 гг. был женат на Берте-Евдокии, побочной дочери Гуго Арльского. Очевидно, что основной причиной подобных династических связей было весьма практическое желание приобрести как можно больше политических союзников [Константин Багрянородный 1991, с. 344].

Таким образом, несмотря на замечания Константина Багрянородного, следует заключить, что династические браки были нормой, а не исключением в дипломатических отношениях византийского двора в X в. [Литаврин 1999, с. 447–448]. Также и С. А. Иванов отмечает, что одной из форм византийского «миссионерства», распространения христианства на близлежащих «варваров», было крещение варварских вождей. В результате, иногда, «варварские» аристократы или сам князь женились на гречанках. Все это имело целью политически привязать племенную элиту соседних народов к Византии и обеспечить ее влияние в пограничных регионах, прежде всего, в Восточной Европе и на Кавказе [Иванов 2001, с. 18].

Отрицательное отношение к бракам с хазарами со стороны Константина Багрянородного связано, как считает Г. Г. Литаврин, скорее всего, с тем, что они не крестились, а приняли иудаизм. Возможно, что осуждение Константином браков с хазарами связано и с политическими причинами. Очевидно, что когда хазары являлись партнерами Византии во внешней политике, подобные браки были возможны и даже желательны. После того, как они превратились в ее врагов, старые соображения отошли на второй план, а «виновные» в подобных браках императоры стали рассматриваться как нарушители традиций.

В качестве аналогий могут быть приведены и другие примеры. Если говорить о ближайших соседях, а потом и преемниках Хазарского каганата, сменивших его на политической арене Восточной Европы

ко второй половине X в., то нельзя не вспомнить о Древнерусском государстве. Тем более, что его правители поначалу также носили хазарский титул каганов. По данным арабо-персидских авторов, в языческий период каганы (цари) русов («Русского каганата») подражают хазарскому кагану в размерах гарема и интенсивности браков, которые многие исследователи считают ритуальными. Большое количество жен и наложниц племенного вождя или правителя подчеркивало его могущественные возможности, определяло сакральную силу.

Ибн Фадлан дает следующее описание обычаев и образа жизни русов этого времени: «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причем находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него. С каждым из них [имеется] девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготавливает ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, [которой] он пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворит ее в таз, а если он захочет поехать верхом, то он подведет свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на нее верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведет свою лошадь на столько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как [сочетаться] с девушками, пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов, и замещает его у его поданных...» [Ковалевский 1956, с. 146].

По всей видимости, описанные Ибн Фадланом отношения и обычаи были характерны именно для той группы русов, которая ориентировалась не на Днепровский, а на Волжский торговый путь и, в этой связи, была лучше знакома со внутренним устройством Хазарского

каганата. Ее правители, вероятно, считали престижным копировать и воспроизводить хазарские брачные законы. Не зря восточные авторы говорят о «трех центрах или видах («джинс») руси» — Куябе, Славии и Артании [Коновалова 1999а, с. 145–148]. Под ними современные исследователи понимают, соответственно, Киев, Новгородскую землю и Северо-восточную Русь в районе Ростова Великого. В начале X в. торговавшие на Волге русы из «Артании» еще не подчинялись напрямую Киеву. Они имели самостоятельных правителей и, как показывают источники, даже приобрели специфические этнографические признаки. Эти особенности во многом были унаследованы от хазарского государства и являлись частью хазарской традиции власти в Восточной Европе. Киевские князья, напротив, в гораздо меньшей степени восприняли эту традицию, они противопоставляли себя хазарам и предпочитали иные направления культурных заимствований и династических связей [Тортика 2005а, с. 104].

Древнерусские князья никогда не заключали династических брачных союзов с хазарами, по крайней мере, источники ничего не знают об этом. В то же время, династические браки были вполне привычным и характерным явлением для внешнеполитической деятельности Древнерусского государства. Общеизвестно, что киевские князья часто брали в жены представительниц европейских, скандинавских или византийских правящих династий, а сами отдавали своих дочерей и сестер замуж за европейцев [Пашуто 1968, с. 419].

В конце хазарской истории, в результате практически трехсотлетнего развития, была сформирована достаточно оригинальная и своеобразная тюрко-хазарская модель брачных отношений, распространенных среди представителей правящего класса. Династические браки, как один из признаков полновластия правителя, становятся прерогативой хакан-беков или царей Хазарии, которые женятся сами или женят своих сыновей на дочерях правителей наиболее сильных восточноевропейских народов (например, Алании или Волжской Булгарии). Хакан (каган), потерявший реальную власть и существующий лишь в качестве сакрального символа государства, сохраняет за собой, по всей видимости, право только на ритуальное многоженство, описанное Ибн Фадланом [Тортика 2005а, с. 105].

Описанные выше матримониальные связи хазарских каганов и царей беков, их широкая распространенность как за пределами Каганата, так и внутри него, по отношению к союзным или подчиненным народам, позволяют предположить существование подобной практики и в отношении социальной верхушки Северо-Западной Хазарии. Увы, конкретика этих отношений осталась за пределами интересов авторов средневековых письменных источников и современному исследователю приходится, в данном случае, довольствоваться только «общим фоном», знанием того, как это «могло бы происходить» на примере грузин, волжских болгар или северокавказских алан. Как представляется, население Северо-Западной Хазарии не должно было выпадать из очерченного контекста. В то же время, дочери племенных вождей этого небольшого и напрямую зависимого от хазар региона, скорее всего, не могли претендовать на статус старших жен — хатун, и, в лучшем случае, входили в «рейтинговый» состав 25 жен, положенных правителю Хазарии по описанному Ибн Фадланом регламенту.

Помимо стратегии династических браков, в качестве прямого и привычного инструмента внешней и внутренней политики Хазарского каганата использовалась военная сила [Christian 2000, p. 290]. В случае, если хазары не в состоянии были самостоятельно справиться с непокорным народом, они либо искусно использовали вражду между соседями, либо привлекали к военным действиям союзников. Например, Кембриджский аноним сообщает, что: «... [Но в дни Вениамина] царя, возмутились все народы против [казар], и они обложили и[х с помощью] царя Македона. Пошли воевать царь 'SY', и TWRQ[Y'...], и 'BM, и PYYNYL, и Македон; только царь алан поддержал [народ казар]... Эти цари, [кто] воевал против Казарии; но царь алан пошел на их землю и разгромил ее...» [Голб, Прицак 1997, с. 140]. В большинстве случаев эта политика оправдывала себя и привела к неудаче только в случае с печенегами, бежавшими от гузов на территорию самой Хазарии, в степи Днепро-Донского междуречья, Северного Приазовья и Крыма.

Возможно также, что для алано-болгар Подонья союз с хазарами был длительное время объективно выгоден, и они сохраняли его

по собственной инициативе уже тогда, когда Хазарское государство ослабло. Из требовательных владетелей хазары могли со временем превратиться в естественных союзников в борьбе со славянами, варягами-русами, печенегами, гузами. Относительно небольшие и, по всей видимости, не имевшие общего для всего лесостепного региона самоуправления [Гортика 2005б, с. 484], родоплеменные группировки алан в районе Северского Донца, Оскола, Тихой Сосны не могли самостоятельно противостоять возникавшим в Восточной Европе крупным племенным союзам (например, печенегам) и раннегосударственным образованиям (Древняя Русь). Логика исторического процесса была такова, что, выйдя на историческую арену вместе с хазарами, в результате претворения в жизнь политики центрального хазарского правительства они и в конце хазарской эпохи все еще не теряли военно-политической, а возможно, и династической связи с Каганатом. Не зря Святослав после разгрома хазар под Итилем совершил поход на касогов и ясов (под последними некоторые исследователи понимают именно Донских алан¹).

Вероятно, место Северо-Западной Хазарии в военно-политической системе Каганата пережило определенную эволюцию от практически полного подчинения центральной власти (в момент переселения алан с Северного Кавказа в Подонье во второй половине VIII в.) до формирования относительно самостоятельной военно-племенной структуры к середине-концу IX в. Степень самостоятельности региона и его обособленности от хазарской власти, вероятно, колебалась, в зависимости от усиления или ослабления центрального правительства. Можно попытаться определить степень этой зависимости по косвенным признакам. К их числу можно отнести: во-первых, способ формирования и сам характер хазарской армии; во-вторых, ключевые внешнеполитические события хазарской истории.

Известно, что первоначально армия Хазарского каганата складывалась из ополчения всех подчиненных племен, в том числе и самих

¹ Например, А. П. Новосельцев считает, что «...аланы жили и в Подонье, где яское население известно и позже и где они обитали вместе с осевшими на землю булгарами. Киевский князь Святослав именно там воевал с яссами в 965 г.» [Новосельцев 1990, с. 105].

кочевых хазар. Именно такой характер хазарской армии зафиксирован во время набегов хазар на Закавказье в конце VII — начале VIII вв. Подобная же структура сохраняется и во время арабо-хазарских войн. Не зря Мерван в 737 г. настиг хазарского кагана на берегу «реки славян», где последний пытался собрать силы (ополчение подвластных и союзных хазарам племен) для отпора арабам [Артамонов 1962, с. 218–220]. Интересно, что это решение каган принимает не единолично, а посоветовавшись со «своими», вероятно, старейшинами. Ибн ал Асир так пишет об этом: «..Царь хазар обратился за советом к своим и те сказали ему: ...Если ты останешься (здесь) пока не соберешь (войска), то не скоро они соберутся у тебя; ...Царь одобрил их мнение, и выступил туда, куда ему посоветовали...» [Ибн ал Асир, 1940, с. 31].

Постепенно племенное ополчение приобретает форму ранне-классового, когда главы родов и объединений сами выставляют те или иные воинские контингенты под знамя хазарского кагана [Артамонов 1962, с. 401]. Об этом прямо сообщает Ибн Русте: «Царь их (хазар) Иша, возложил на зажиточных и богатых из них обязанность поставлять всадников, сколько могут они по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих». И далее он отмечает: «Конное царское войско состоит из 10000 всадников, как обязанных постоянною службою, находящихся на жаловании у царя, так выставляемых (как сказано) людьми богатыми в виде повинности» [Известия о хазарах... 1869, с. 18]. Этот факт свидетельствует об их большей внутренней самостоятельности, о начале формирования военного сословия в лице упомянутых арабскими авторами «тарханов» и «детей тарханов».

Социальная стратификация салтовского населения Подонья, исследованная С. А. Плетневой, В. К. Михеевым, Г. Е. Афанасьевым, В. С. Флеровым и др., указывает на то, что и здесь, в лесостепи, происходили сходные процессы. Так, позднее, к началу X в., когда основной военной силой в Хазарском каганате уже стала наемная гвардия [Duplор 1954, р. 103–104] (притом, что для внешнеполитических акций могли привлекаться союзники, например, гузы или северокавказские аланы) степень вооруженности населения Подонья не уменьшается.

Напротив, среди погребенных в катакомбных и ямных могильниках региона по-прежнему наблюдается высокий процент военачальников. Это может свидетельствовать только об усилении степени самостоятельности региона, наличии у его населения собственных вооруженных сил и своего командного состава, а, соответственно, и определенной независимости в политике.

Если обратить внимание на ключевые внешнеполитические события хазарской истории, то, после обоснования алан в Подонье в середине VIII в., первым внешнеполитическим катаклизмом для населения юга Восточной Европы становится переселение венгров в Леведию. Ее точное расположение неизвестно, однако обычно его связывают с междуречьем Дона и Днепра. К. Цукерман, в отличие от М. И. Артамонова и А. П. Новосельцева, склонен преувеличивать значение этого факта [Цукерман 2001, с. 313]. В частности, он пишет о том, что после 830-х гг. хазары потеряли свое влияние в Крыму и на правобережье Дона. Одним из следствий этого, по мнению К. Цукермана, стало строительство Саркела на левобережье Дона. Последний был предназначен именно для защиты от венгров [Цукерман 1998].

С подобной точкой зрения трудно согласиться, поскольку благодаря Константину Багрянородному известно, что, вплоть до появления печенегов в междуречьи Дона и Днепра, венгры сохраняли союзнические отношения с хазарами. Этот византийский император отнюдь не благоволил хазарам, повсюду ищет их врагов, оценивает те или иные народы Восточной Европы с точки зрения их способности вести войну с хазарами. Его труд во многом носит злободневный политический характер и призван научить его сына — Романа — управлению империей, в частности, правильному поведению с соседними «варварскими» народами. Задача Константина — показать реальную расстановку сил, назвать сыну вероятных союзников и противников Византии. В этой связи трудно заподозрить, что он стал бы приписывать хазарам излишнее влияние и рассматривать в качестве их союзников тот народ, который уже практически сто лет (если следовать выводам К. Цукермана) враждовал с ними.

Даже после того, как венгры были изгнаны печенегами из Леведии в Ателькузу (вероятно, междуречьи Днепра и Серета), они сохраняют,

по крайней мере, номинально, подчиненное положение по отношению к хазарам. Судя по сообщению Константина Багрянородного, венгерские вожди, хотя и не выполняют буквально предписаний хазар по поводу выборов верховного владетеля и не утверждают предложенную хазарами кандидатуру, все же ведут переговоры очень лояльно и уважительно. В результате этих переговоров хазарские представители признают избрание Арпада (т. е. декларируют легитимность его власти с точки зрения правительства Хазарского каганата) «...по обычаю — «закану» хазар подняв его на щите» [Константин Багрянородный 1991, с. 159–163]. Если бы венгры к этому времени уже враждовали с хазарами и даже вытеснили их из Днепро-Донского междуречья, на чем настаивает К. Цукерман, навряд ли такая ситуация была бы возможна.

Географическое расположение Саркела также противоречит идее о том, что он был построен для защиты от венгров [Ромашев 1992, с. 13; Christian 2000, р. 290], печенегов или каких-то иных кочевников [Флеров 2002, с. 151–168]. Фактически, при желании, через Дон можно было переправиться в любом другом месте, ниже или выше по течению. Таким образом, для нападения на центральные хазарские владения или их столицу — Итиль, кочевникам не нужно было делать такой крюк и отправляться на Волго-Донскую переволоку, которую и прикрывал Саркел. Собственно, как совершенно верно отметил В. С. Флеров, никакая крепость в степи не может быть помехой для противника, если она не защищается достаточно сильной и мобильной полевой армией [Флеров 2002, с. 156].

Также сомнительно, чтобы Саркел был построен для защиты от Древнерусского государства. Во-первых, ко времени создания крепости (т. е. в 30-е гг. IX в.) оно еще не оформилось как некая целостная политическая сила или территориальная единица с явно выраженными завоевательными устремлениями. Во-вторых, как уже отмечалось выше, Саркел, с его многочисленным гарнизоном, состоявшим из «трехсот таксеотов» [Константин Багрянородный 1991, с. 171], не был помехой на сухопутном пути с запада на восток, поскольку его легко было обойти с севера или с юга, что и доказал поход Святослава.

Очевидно, что Дон, как главная водная артерия региона, и, соответственно, Волго-Донская переволока, были нужны тому противнику хазар, который передвигался по рекам, а именно, «речным кочевникам» (по выражению О. Й. Прицака) варяго-русам¹. Не случайно время постройки Саркела (между 829 и 842 гг.) практически совпадает с сообщением Бертинских анналов (839 г.) о проявлениях политической активности народа рос в Восточной и Центральной Европе. Донской и Волго-Донской пути уже использовались в это время варяго-русами², представлявшими опасность, как для населения Каганата, так и для международной торговли, проходившей транзитом по его территории (Кембриджский аноним живописно рассказывает о борьбе с этой опасностью, которую вел хазарский полководец Песах). Естественно, что в таких условиях пограничная роль, а соответственно, и степень самостоятельности алано-болгарского военизированного населения лесостепного Подонья только повышались.

¹ Свое согласие с подобным определением геополитической роли Саркела высказал недавно и С. Б. Сорочан, который уверенно датирует время строительства этой крепости 840 г. [Сорочан 2005, с. 561-562]. Подобной же датировки придерживается и Д. Кристиан [Christian 2000, p. 290].

² Ибн Хордадбех сообщает: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин] страны славян к Румийскому морю. Владелец ар-Рума взымает с них десятину. Если они отправляются по Танаису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец также взымает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу.... Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах...» [Ибн Хордадбех 1986, с. 124].

Эта же информация, но с дополнительными подробностями воспроизводится в «Книге стран» Ибн ал Факиха (X в.): «Что касается славянских купцов, то они возят меха лисиц и меха выдр из дальнейшего конца Славонии, для чего они отправляются к Румскому морю, где владелец Рума берет с них десятину; затем идут по морю к Самкушу-Еврею (Тмутаракань), после чего они обращаются к Славонии. Потом они берут путь от Славянского моря, пока не приходят к Хазарскому рукаву, где владелец Хазарии берет с них десятину; затем они идут к Хазарскому морю по той реке, которую называют Славянской рекою. Часто же они выходят в Джурджан, где продают все, что у них есть, и все это попадает в Райю...» [Гаркави 1870, с. 251].

Таким образом, в приведенных цитатах, как представляется, описан не один, а два маршрута: 1) Днепр — Константинополь — проливы?; 2) Днепр — Черное море — Крым — Керченский пролив и Тмутаракань — Дон — излучина Дона — переволока — Волга — Каспийское море.

Быстрое развитие экономики региона [Noonen 1995–1997, р. 254–318], происходившее на фоне постепенной этнокультурной консолидации разнородных групп населения и в условиях ослабления влияния Хазарского каганата, свидетельствует о появлении реальных возможностей для оформления в лесостепном Подонье-Придонецье независимого от Хазарии этнополитического образования. В силу внешних военно-политических причин тенденция эта не была реализована, и Северо-Западная Хазария прекратила свое существование.

Вопрос о том, каковы были эти военно-политические причины, очевидно, не может быть решен однозначно. Высказывавшееся неоднократно мнение о том, что конец Северо-Западной Хазарии необходимо связывать с нашествием печенегов не находит убедительных подтверждений. Следы погромов, обнаруженные в Саркеле и на Правобережном Цимлянском городище, свидетельствуют о факте нападения, однако оно совсем не обязательно должно быть печенежским (скорее всего, это результат военно-политической деятельности древнерусского князя Святослава). На собственно лесостепных памятниках, в большинстве случаев, таких погромов не было, и население покинуло их самостоятельно, по-видимому, в достаточно спокойных условиях. Это подтверждают опубликованные материалы как Дмитриевского, так и Маяцкого археологических комплексов [Плетнева 1989; Маяцкое городище 1984; Афанасьев 1987 и т. д.].

Не все ясно и с датой этого переселения. Хронология салтовских древностей пока не дает возможности точно ответить на этот вопрос. Вполне вероятно, что на части салтовских поселений жизнь сохранялась на протяжении всей первой половины X в., т. е. в условиях пребывания печенегов в междуречье Дона и Днепра. Таким образом, выселение алано-болгар с территории Подонья, если оно состоялось, следует связывать, скорее, с политической активностью древнерусских князей, на что, впрочем, неоднократно обращали внимание различные авторы, в частности, М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев, Г. Е. Афанасьев и т. д. Однако, эта проблема, также как и поиски мест их дальнейшего пребывания, уже выходит за рамки настоящей работы.

Керченский пролив и Дон в системе историко-географических реалий хазарского времени: по данным раннесредневековых восточных авторов

§ 3.1. Керченский пролив в контексте хазарской истории: основные проблемы, источники, методы; ранняя арабская традиция

Реконструкция военно-политической системы Хазарского каганата и геополитических условий, в которых существовала Северо-Западная Хазария, приводит к выводу, что одним из основных элементов хазарского господства на юге Восточной Европы был контроль над водными путями в районе Керченского пролива, нижнего и среднего течения Дона. Хазарское военное присутствие в зоне прохождения основных водных магистралей между Черным и Каспийским морями являлось важным условием развития торговых отношений племен Восточной Европы с цивилизованным миром (Византией, Арабским халифатом) в VIII–X вв. Именно этот факт во многом определяет содержание исторического процесса в данном регионе, наполняет его разнообразными и драматическими событиями. Выше, на примере сообщений Кембриджского Анонима (Текста Шехтера), уже было показано, как развивались отношения Хазарского каганата и варяжской вольной руси в районе Керченского пролива и Крымского побережья в первой трети X в. Подобные события не могли не отражаться и на населении хазарского Подонья-Придонецья — Северо-Западной Хазарии, входившей, как представляется, в единый историко-географический контекст с хазарскими владениями в Восточном Приазовье и на нижнем Дону. Во многом это единство было обусловлено географическим фактором, наличием естественного водного пути, соединявшего через Дон и Северский Донец население лесостепной части Днепро-Донского междуречья с бассейнами Азовского и Черного морей. Известно, что как в древности, так и в средневековье реки выступали в роли основного канала коммуникации

между различными регионами. Развитие разветвленной системы речных путей было особенно актуально для Восточной Европы. Непроходимые леса севера и населенные воинственными кочевниками степи юга определяли ведущую роль именно водных путей сообщения.

Керченский пролив, в античной традиции Боспор Киммерийский, начиная с конца VII в. находился в орбите экономических и военно-политических интересов Хазарского каганата. Вместе с другими городами Крыма Боспор входил в организованную хазарами систему управления, имел, по всей видимости, своего тудуна, свой хазарский гарнизон и даже колонию хазарского (алано-болгарского) населения, оставившего в культурном слое материалы салтово-маяцкого облика. Таматарха (Самкерц, Самкуш восточных авторов) входила в состав Каганата вплоть до его крушения. Даже после походов русов и гибели Итиля в 969 г. здесь все еще сохраняется значительное и консолидированное хазарское население. Керчь (Карх, по Ибн Русте), по мнению А. И. Айбабина, И. В. Ачкинази и К. Цукермана, перестала быть хазарской в 70-х гг. IX в. Таким образом, около двух с половиной столетий Боспор Киммерийский так или иначе был связан с хазарами.

Важное стратегическое положение Керченского пролива (связи между территорией Крыма, Кавказом и Предкавказьем, наличие водного пути из Черного моря в Азовское, из Азовского — по Дону вверх по течению, через систему волоков вплоть до Балтики или до Волго-Донской перелоки и далее в Каспийское море) обусловило тот интерес, который проявляют к нему авторы восточных письменных источников в хазарское время¹.

Среди арабо-персидских авторов, писавших или упоминавших о районе Черного и Азовского морей, находящихся там населенных пунктах и маршрутах купцов, следует назвать ал Хорезми, ал Фергани, ат-Баттани, Ибн Хордадбеха, Ибн ал Факиха, Ибн Русте, Гардизи, ал Мас'уди и ал Идриси. Необходимо отметить, что ни один из них не видел Керченского пролива и не бывал в Восточной Европе.

¹ Под последними в настоящей работе понимаются, прежде всего, арабо-персидские географические сочинения и хазаро-еврейские документы.

Все они писали либо понаслышке, либо основываясь на авторитетной письменной традиции. Вообще мусульманские авторы гораздо лучше знали Каспийское (Гурганское) море и Волгу, нежели Черное море, Керченский пролив, Азовское море и Дон. Керченский пролив большинству из них вообще не был известен, тем не менее этот район входил в систему их общегеографических представлений, был связан с описанием торговых путей, проходивших через Восточную Европу, ведущих в Каспийский регион и т. д. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть сообщения арабо-персидских авторов о Черном и Азовском морях и находящихся на его берегах хазарских городах с разных позиций. Во-первых, в хронологическом порядке, отражающем накопление реальных знаний об этом регионе в мусульманской географической традиции. Во-вторых, в связи с описанием конкретных торговых путей, проходивших через пролив, Азовское море и Дон.

Хазаро-еврейские документы, содержащие информацию о Керченском проливе в хазарское время, сводятся к нескольким источникам, давно переведенным на европейские и русский языки и известным специалистам [Гаркави 1874; Голб, Прицак 1997; Danlop 1954; Коковцов 1932; Starkova 1972]. Это письмо кордовского вельможи еврейского происхождения Хасдаи Ибн Шафрута хазарскому царю Иосифу, «краткая» и «пространная» редакции ответа Иосифа Хасдаи, а также анонимный документ, написанный, по всей видимости, бывавшим или проживавшим в Хазарии константинопольским евреем и получивший в историографии название «Кембриджский документ», или «текст Шехтера». Все три документа датируются последними десятилетиями существования Хазарского каганата — 50–60-ми гг. X в.

Казалось бы, связанные с проходившими через Хазарский каганат торговыми путями и даже жившие на его территории еврейские купцы гораздо лучше, чем арабы, должны были знать Черное и Азовское моря, Керченский пролив и находящиеся на нем города. Еврейские купцы плавали по Черному морю, жили в Таматархе-Самкерце и Боспоре-Кархе, вероятно, часть из них можно рассматривать как постоянное население этих городов [Ачкинази 2000, с. 46–53]. В то же время сведения о Керченском проливе — Боспоре Киммерийском,

содержащиеся во всех названных документах, фрагментарны. Эти упоминания связаны либо с общим описанием границ Хазарского каганата, либо с происходившими здесь военно-политическими событиями. Тем не менее, они дают некоторое представление о месте и роли региона во внутреннем устройстве Каганата, а также позволяют реконструировать существовавшую здесь в хазарское время систему управления и обороны.

Следует также отметить, что в настоящей работе использованы данные письменных источников, переведенных и опубликованных в разное время профессиональными филологами-востоковедами. К их числу относятся А. Я. Гаркави, Д. А. Хвольсон, П. К. Коковцов, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, А. П. Ковалевский, В. М. Бейлис, В. Ф. Минорский, А. Н. Поляк, А. П. Новосельцев и др. Среди современных исследователей необходимо выделить О. Г. Большакова, Т. М. Калинину, И. Г. Коновалову, Д. Е. Мишина. Их труды отражают новейший уровень исследований, развития методики и методологии. Практически все названные авторы в комментариях к переводам, пояснительных статьях к публикациям источников, специальных исследованиях, посвященных частным проблемам, затрагивали сюжеты, связанные с изучением Черного и Азовского морей, Керченского пролива, а также расположенных на их берегах городов и проходивших через них торговых путей.

Ближе всего к данной теме по содержанию и по поставленным задачам находятся исследования таких востоковедов как В. М. Бейлис [Бейлис 1962; Бейлис 1984; Бейлис 1988], Т. М. Калинина [Калинина 1978; Калинина 1984; Калинина 1986; Калинина 1988; Калинина 1999; Калинина 2000; Калинина 2001; Калинина 2002; Калинина 2003б] и И. Г. Коновалова [Коновалова 1999а; Коновалова 1999б; Коновалова 2000б; Коновалова 2001], посвященные изучению географических представлений арабо-персидских авторов о морях, реках и водных путях Восточной Европы, а также некоторым конкретным событиям и явлениям раннесредневековой истории этого региона.

В то же время, в таком ракурсе, который предлагается здесь, а именно, с акцентом на Керченский пролив — Боспор Киммерийский, сведения арабо-персидских и хазаро-еврейских источников пока не

рассматривались. В этой связи основной задачей исследования является по возможности более полное обобщение географической и исторической информации, содержащееся в трудах арабо-персидских авторов и документах хазаро-еврейского происхождения, ее классификация и интерпретация. Необходимо показать, что именно знали восточные авторы о Боспоре Киммерийском в хазарское время и как можно воспользоваться их сведениями для реконструкции исторических реалий этого региона в названный период. Исторические произведения, написанные в Византии, будут привлекаться только в некоторых случаях для проведения аналогий. Это, прежде всего, «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора [Чичуров 1980], а также трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный 1991].

Среди арабо-персидских авторов, имевших какие-то сведения о Восточной Европе, в том числе и о районе Керченского пролива, первым как хронологически, так и по значению его труда следует назвать Мухамада Ибн Мусу ал Хорезми (первая треть IX в.) [Калинина 1988, с. 11–107]. В своей «Книге картины земли» он частично копирует, а частично переосмысливает данные «Альмагеста» и «Географического руководства» Птолемея (II в. н. э.). Труд ал Хорезми относится к направлению так называемой астрономической географии и не содержит описаний интересующих нас местностей, а представляет собой таблицы с координатами географических объектов и населенных пунктов [Крачковский 1957, с. 94–96]. Эти координаты часто очень сильно отличаются от координат Птолемея, а географические названия даны либо в арабской, либо в зачастую уже устаревшей античной форме. Азовское море известно ал Хорезми как ал Батиха — озеро, а Черное — как «море Барики и Лазики». В отличие от Птолемея, он не знает, что эти моря соединены проливом, т. е. Керченский пролив как таковой отсутствует, а ал-Батиха — это отдельный водный бассейн, связанный напрямую с Северным Внешним морем. Ал Хорезми называет так же ряд населенных пунктов, расположенных у ал-Батихи. Все эти наименования, как отмечает автор перевода и публикации текста ал Хорезми Т. М. Калинина, заимствованы у Птолемея. При этом некоторые из указанных населенных пунктов к

IX в. уже либо не существовали вообще, либо назывались по-другому. В частности, это Арсаса — Гермонасса (Матарха), *Арсина — Ойнантея(?)*, *Танаис (Дон)*, *Сурис — Наварис (Дон)*, *Ксубис — Эксополис (?)*, *Тирми — Тирамба (гирло Кубани)*¹ [Калинина 1988, с. 78–82; Калинина 2000, с. 108]. По мнению В. М. Бейлиса, в данных по картографии Восточной Европы у ал Хорезми не обнаруживается реальных следов знакомства с Причерноморьем и даже утрачена часть материалов, содержавшихся у Птолемея [Бейлис 1962, с. 21–22]. Возможно, как считает Т. М. Калинина, разделение Черного и Азовского морей у ал Хорезми можно объяснить наличием разных информаторов у этого арабского автора: одни описывали речные пути, связывавшие север и юг Европы, другие — морские, проходившие вдоль северного берега Черного моря.

Также к IX в. относится начало использования в отношении к Черному морю названия Бахр ар-Рум. Оно встречается в труде астронома и географа ал Фергани в отрывке, посвященном описанию седьмого климата, с которым, собственно, и соотносится в арабской географии территория Восточной Европы. Ал Фергани писал: «Седьмой климат проходит через страну тюрок, затем по побережью моря Джурджан (Каспийское) со стороны севера, затем пересекает море ар-Рум (Черное) и проходит через край Бурджан (дунайские болгары) и ас-Сакалиба (славяне) и достигает моря ал Магриб (Атлантический океан)» [Бейлис 1962, с. 22]. Очевидно, что под Бахр-ар-Рум подразумевается не Средиземное, а именно Черное море. Это следует, во-первых, из логики самого отрывка и последовательности перечисления географических объектов и этнических наименований. Во-вторых, известно, что Средиземное море этот автор в других местах своего произведения называет Бахр аш-Шам (Сирийское море).

Следующим автором, продолжавшим традицию книжной, астрономической географии у арабов, был ал Баттани (852–929 г.). До настоящего времени дошли только составленные им астрономические таблицы «аз-Зиж ас-Саби». Содержащиеся там географические описания восходят к сильно измененной греко-сирийской версии Птолемея.

¹ Курсивом показаны населенные пункты, по определению Т. М. Калининой, уже не существовавшие во время написания труда ал Хорезми [Калинина 1988, с. 79-82]

Ал Баттани пишет: «Море Понтос (Бунтус) тянется от Лазики до великого Константинополя. Длина его 1060 миль, а ширина 300 миль. В него впадает река, которая называется Танаис, течение его со стороны севера от озера, которое называется Мэотис. Это большое море, хотя и называется озером; длина его с востока на запад 300 миль, а ширина 100 миль. У Константинополя отделяется от него залив, который течет точно река и впадает в море Мисра (Средиземное)...» [Крачковский 1957, с. 100–103]. Именно ал Баттани, по мнению В. М. Бейлиса, ввел в оборот в арабской географической литературе название Понтос для Черного, и Майотис для Азовского морей [Бейлис 1962, с. 24]. Следует отметить, что описание этого автора в большей степени соответствует и действительности, и Птолемею.

К направлению астрономической географии можно отнести также географический трактат «Чистых братьев» — общества, существовавшего в Басре с начала по 80-е гг. X в. [Калинина 1984, с. 196]. Его авторы или не знали, или игнорировали более точные и подробные сведения описательной географии о Черном море и его бассейне. Можно предположить, что они основывали свои представления на несколько переработанной греческой традиции. Тем не менее, Черное море — Бунтус — в этом трактате упоминается несколько раз в связи с перечислением географических объектов, находящихся в шестом и седьмом климатах обитаемой четверти Земли. Азовское море, также как и Керченский пролив, неизвестны авторам данного произведения. Таким образом, даже в X в., в период расцвета «классической арабской географии», просвещенная ближневосточная интеллигенция продолжала строить свои представления о мире на основе давно устаревших, но авторитетных книжных знаний. Эта тенденция сильно повлияла на выводы представителей описательной географии, знакомых с реальным положением дел, получавших информацию от очевидцев, побывавших в тех или иных местах земли, но также зачастую зависимых от авторитета книжной традиции.

Первым арабским «дорожником» [Калинина 2000, с. 110] считается «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега (40-е или 80-е гг. IX в.) [Булгаков 1958, с. 129], которого, как правило, относят к направлению описательной географии. Среди многочисленных сведений,

собранных этим автором об обитаемой части Вселенной, наибольший интерес в контексте рассматриваемой темы представляет описание маршрута купцов-русов: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян (сакалиба). Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян (сакалиба) к Румийскому морю. Владелец ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танаису — реке славян (сакалиба), то проезжают мимо Хамлиджа¹, города хазар. Их

¹ Большинство специалистов по-прежнему размещает этот город на нижней Волге, возможно, около ее эстуария у Каспийского моря [Эрдадь 2005, с. 136]. Еще у Н. А. Караулова в 1908 г. не возникло никаких сомнений по поводу локализации Хамлиджа: «Хамлидж — столица хазарского царства на правом, самом широком рукаве р. Итиль (Волга). Он был расположен на обоих берегах рукава, причем одна часть его называлась Сарашен, другая Хабнела; дворец царя находился на острове между этими частями города» [Караулов 1908, с. 21-22]. А. П. Новосельцев, анализируя сведения арабо-персидских авторов о столице Хазарского каганата, отмечал, что «самые ранние сведения мы находим в группе источников, восходящих к сочинению Ибн Хордадбеха.... В дошедшей до нас краткой редакции несколько раз упоминается хазарский город Хамлидж. Во-первых, он отмечен как конечный пункт торгового пути из Джурджана морем и сказано, что при хорошем ветре туда можно доехать за восемь дней. Во-вторых, Ибн Хордадбех пишет, что Хамлидж расположен на берегу реки, текущей из реки славян и впадающей в Джурджанское (Каспийское) море (это уже опровергает отождествление Хамлиджа с Самандаром). Затем Хамлидж указан первым среди хазарских городов.... И, наконец, Хамлидж (в форме Хамлых) фигурирует в знаменитом описании маршрута русских купцов как столица хазар. Как видим, эти материалы свидетельствуют в пользу того, что столица хазар в IX в. находилась в устье Волги (Атиля) и называлась Хамлидж (возможно, Хамлых)...» [Новосельцев 1990, с. 129]. С этим мнением согласна и Т. М. Калинина: «В разделе, посвященном северной части Земли («ал-Джарби»), Ибн-Хордадбех упоминает некую реку, текущую из «страны славян» и впадающую в Каспий («море Джурджана») близ хазарского города Хамлидж, который идентифицируется исследователями с частью хазарской столицы в устье Волги, именуемой источниками X в. «Итиль»» [Калинина 1999, с. 88]. Или, в другой работе Т. М. Калининой, читаем: «..Другим путем русов был водный. Ибн Хордадбех описывает его как идущий по «реке славян», название которой в сохранившемся варианте его книги искажено и не может быть восстановлено. Однако конечным пунктом этого пути назван Хамлидж — город хазар, где платится обязательная десятина хазарскому властителю. Хамлидж описан в другом фрагменте как город, находившийся при впадении реки, текущей из страны славян, в Каспий. Хамлидж считается первой прикаспийской столицей Хазарии, расположенной в устье Волги и ставшей впоследствии частью города Итиль» [Калинина 2000, с. 113].

владелец также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан...» [Ибн Хордадбех 1986, с. 124; Калинина 1986, с. 71]. Имеется много трактовок маршрута, описанного в этом сообщении, но в последнее время преобладает следующий вариант его реконструкции: в IX в. купцы-русы спускались по Днепру на Черное море, затем, преодолев Керченский пролив и Азовское море, выходили в устье Дона, пересекали Волго-Донскую переволоку и попадали на Волгу и Каспий [Калинина 2000, с. 113–115; Коновалова 1999б, с. 112; Мишин 2002, с. 57, 178].

В отличие от большинства других арабских географов Ибн Хордадбех называет Черное море «морем хазар» — Бахр ал Хазар. Как считали В. В. Бартольд, Д. Данлоп и В. М. Бейлис, это наименование Черного моря восходит к утраченному сочинению ал Джарми [Бейлис 1962, с. 22; Dunlop 1954, р. 107–108]. Вслед за Ибн Хордадбехом этим термином пользуются также Ибн ал Факих и Кудам Ибн Джафар [Калинина 2000, с. 111; Калинина 2002, с. 42]. Это название известно только в конце IX — начале X вв. Остальные авторы называли «морем хазар» Каспийское море (у Ибн Хордадбеха «море Джурджана»). Обычным, «книжным», унаследованным от греческой традиции названием Черного моря в арабо-персидской литературе было, как уже указывалось, «море Бонтус» или «Нитас», от греческого «Понт». Азовское море называлось бахр Майутис, соответственно, от греческой Меотиды. Дон называли, по Птолемею, Танаисом или по связанному с ним восточноевропейскому населению «рекой славян» — «нахр ас-саклиба».

Следует отметить, что представление об истоках Дона в арабо-персидской географической литературе носило достаточно искаженный характер. Последнее было обусловлено общими взглядами на устройство мира, в первую очередь, тезисом о связи всех морей, представляющих собой как бы заливы «Окружающего океана», а также идеей о существовании водного пути, соединяющего Северный Океан и Черное море [Подосинов 2005, с. 199]. По мнению Т. М. Калининой, «представление о реке Танаис вобрало в себя известия о водных артериях севера Восточной Европы, книжные данные о Танаисе как восточной границе Европы и реальные сведения о

нижнем течении Волги, в результате чего в книге Ибн Хордадбеха появилось понятие о единой водной артерии, соединяющей север и юг Восточной Европы» [Калинина 1999, с. 89].

В то же время представления о нижнем течении Дона были более конкретными и приближались к реальности, о чем, в частности, и говорит сообщение Ибн Хордадбеха [Коновалова 2000б, с. 127]. Так, он уже знает, что Черное и Каспийское моря связаны посредством впадающих в них рек. Это, в свою очередь, приводит к формированию представлений о том, что в своем нижнем течении река Атил (Волга) раздваивается на рукава, один из которых, как и положено, впадает в Каспий, а второй — в Черное море. Очевидно, этот рукав и следует считать нижним течением Дона. И именно такое представление впоследствии разделяется целым рядом арабо-персидских авторов, вплоть до ал Идриси (1154 г.) [Коновалова 2000б, с. 129].

Ибн ал Факих ал Хамадани в своей «Книге стран» (903 г.) при описании маршрута славянских купцов частично повторяет Ибн Хордадбеха, но, в то же время, вводит новые географические понятия. Ибн ал Факих сообщает: «Славяне (сакалиба) едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до Самкуша еврейского; далее они направляются в страну славян (сакалиба) или переходят из моря славянского в ту реку, которую называют Славянская река, с тем, чтобы пройти в залив (или рукав? — халидж) Хазарский (ал-хазар), и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому...» [Гаркави 1870, с. 251; Калинина 1986, с. 75; Новосельцев 2000, с. 292].

Как указывает Т. М. Калинина, хазарский город Хамлидж, о котором писал Ибн Хордадбех, у ал Факиха заменен словом *халидж* — «канал», «пролив» или «залив» с эпитетом *ал-хазари* — «хазарский» [Калинина 2002, с. 41–42]. Возможно, что здесь имеется в виду Керченский пролив и Азовское море, поскольку именно здесь находился город Самкарш (Самкуш-еврейский) — Таматарха, в который попадали славянские купцы из Румийского моря [Калинина 1999, с. 95].

Море ар-Рума у Ибн ал Факиха в контексте приведенного отрывка, как и у ал Фергани, обозначает Черное море. Однако, следует отметить, что у него представление о море ар-Рума не было достаточно

четким, поскольку оно включало в себя одновременно и Черное, и Средиземное моря, которые, в то же время, соединялись с Каспийским. «Море ар-Рум, — писал Ибн ал Факих, — простирается от Антиохии к Константинополю, затем образует круг, начиная от стран Запада, пока не выходит за Баб ва-л-Абвабом (Дербент) из страны ал-Хазар и не достигает Кайравана Африканского и Тарабулуса Африканского, а затем достигает ал-Андалус (Испания)» [Бейлис 1962, с. 23]. Таким образом, в труде Ибн ал Факиха в какой-то степени конкретизируются представления о торговом маршруте, соединявшем в хазарское время бассейны Черного и Каспийского морей, а также Днепровский и Волжский пути. В то же время его общегеографические представления о Черном море носят примитивный, недифференцированный характер, а сведения об Азовском море полностью отсутствуют. Керченский пролив никак не описан, в лучшем случае он упомянут как часть маршрута купцов-русов или купцов-славян.

Особый интерес представляет информация о Самкуше-еврейском — Таматархе, в которой находилась хазарская таможня, взимавшая, по всей видимости, подать со всех купцов, проезжавших через Керченский пролив [Новосельцев 1990, с. 109]. Использование определения «еврейский» можно понимать и как осведомленность арабского автора об иудаизме хазар и как сообщение о наличии значительной иудейской общины в этом городе в хазарское время. Очевидно, что взимание таможенных сборов, особенно с сочетавших торговлю и войну «купцов-русов», было возможно только при наличии некоей военной силы. Следовательно, данное сообщение косвенно указывает на факт присутствия хазарского военного гарнизона в Таматархе, по крайней мере, еще в начале X в., т. е. тогда, когда в Керчи уже существовало византийское управление [Айбабин 1999, с. 222].

Таким образом, в ранней арабо-персидской литературе, до X в., отсутствуют какие бы то ни было позитивные знания о Керченском проливе и нижнем течении Дона. Керченский пролив не воспринимается как самостоятельный географический объект, а Дон описан крайне абстрактно, как часть некоего большого водного пути. Как уже было отмечено выше, сведения о Черном и Азовском морях, Доне и прилегающих землях основаны, главным образом, на книжной традиции и восходят к Птолемию. Даже в тех случаях, когда речь идет о

реально существовавших торговых маршрутах, проходивших через Керченский пролив и Дон, эти сведения получены из вторых рук, лишены точности и ясных географических ориентиров. Все это в сумме свидетельствует о том, что данные водные маршруты не были освоены мусульманским купечеством, находились вне пределов его постоянных интересов. Это и не удивительно. Очевидно, что территории вдоль этих маршрутов, равно как и акватории Керченского пролива, Азовского моря, Дона, входили в зону геополитического и экономического влияния Хазарского каганата и Византии. Восточная торговля здесь в VIII–X вв. не велась или практически не велась.

§ 3.2. Керченский пролив и Волго-Донской путь в трудах представителей «классической» школы арабской географии

Качественно новый уровень представлений об окружающем мире, в отличие от ранней арабской традиции, основанной на Птолемее, демонстрируют авторы, относящиеся к так называемой «классической» школе арабской географии. Основные произведения, дающие представление об этой школе, были написаны в X в. И. Ю. Крачковский отмечает, что к этому времени «...можно относить и апогей арабской географической литературы в ее творческой линии самостоятельного движения» [Крачковский 2004, с. 171].

Наиболее подробные, интересные и достоверные сведения об указанном регионе в хазарское время приводит автор, писавший в 30–50-е гг. X в. — ал Мас'уди: «Что касается моря Понтос, то оно простирается от страны Лазики до Константинополя и длина его 1100 миль, а ширина его в основании 300 миль. В него впадает великая река, известная под именем Танаис (Дон)...» [Бейлис 1962, с. 24].

Он также сообщает: «Ошибались люди и полагали, что море ал-хазар соединяется с морем Майотис. А я не видел из входящих в страну хазар купцов и судовладельцев никого, [плавающего] по морю ал-хазар в страны русов и болгар, кто бы утверждал, что с морем ал-хазар соединяется какое-либо море из этих морей или соединяется с ним что-нибудь из его вод или каналов, кроме реки ал-хазар. Мы упомянем об этом при нашем рассказе о горе Кавказ...» [Гаркави 1870, с. 128; Калинина 2001, с. 204].

Далее у ал Мас'уди в обещанном выше «рассказе о горе Кавказ» находится следующее сообщение: «В верхней части хазарской реки есть проток (устье²), вливающийся в залив моря Нитас — море русов (у Гаркави «которое есть русское море»), по которому не плавают другие племена (у Гаркави «никто кроме них (Русов) не плавает по нем»)» [Гаркави 1870, с. 130; Минорский 1963, с. 196].

В другом месте ал Мас'уди объясняет, что он понимает под верховьями Волги: «...от Атила около страны Бургаз (Волжская Булгария) отделяется рукав, который впадает в Майатас» [Минорский 1963, с. 192; Коновалова 1999б, с. 92].

Заметно, что представления о названных географических объектах у этого автора далеко не всегда достаточно четки. Так, уже в другом месте он пишет о Танаисе, совершенно не связывая его устье с Азовским морем: «Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленными народами славянскими и другими народами...» [Гаркави 1870, с. 140–141; Калинина 1978, с. 18]. В данном случае Дон, исходя из сведений ал Мас'уди, впадает непосредственно в «Понтус» — Черное море, что, как было отмечено выше, достаточно типично для географических представлений арабо-персидских авторов. С другой стороны, этот тезис мог быть унаследован и от позднеантичной или ранневизантийской традиции, представители которой часто рассматривали Керченский пролив как русло Дона, Танаис и «устье Меотиды». Также явно книжный характер имеет следующее утверждение ал Мас'уди: «Город Бургар стоит на берегу Майатаса, и я полагаю, что этот народ живет в седьмом климате» [Минорский 1963, с. 197].

В этой связи нужно напомнить, что ал Мас'уди собирал свои сведения о Восточной Европе, находясь на южном берегу Каспийского моря и в Закавказье. Вероятно, здесь он расспрашивал капитанов кораблей и купцов, пользовался литературными источниками, при этом сам в бассейне Черного моря не был, через Керченский пролив, Азовское море и Дон не плывал [Ковалевский 1973, с. 66–67]. В результате, наряду с реальными описаниями, в его труде встречаются путаные места, которые свидетельствуют о не совсем ясных представлениях о

географии Черного и Азовского морей, Керченского пролива и Дона [Калинина 2002, с. 43–45]. Например, у ал Мас’уди есть и такой отрывок: «Некоторые лица называют море Майотис озером и определяют его длину в 300 миль, а ширину в 100 миль. И от него отделяется пролив Константинополя, впадающий в море ар-Рум» [Бейлис 1962, с. 24].

Как установил еще В. М. Бейлис, ал Мас’уди часто путает Понтос и Майотис: «Название того из этих морей, что широко и многоводно, — Майотис, а того, что узко и мелководно, — Понтос, не мешает соединять их под одним [именем] Майотис, или Понтос», — и далее, — «Многие из древних и новых авторов упоминают в своих книгах, что Константинопольский канал, выходящий из моря Майотис, соединен с морем ал-Хазар (Каспийское)», «море Понтос и Майотис должны быть [не чем иным, как] одним и тем же морем, хотя в некоторых местах и стесняет их суша, придавая форму пролива между водами обоих морей (выделение — А. Т.)» [Бейлис 1962, с. 25].

Вероятно, именно в последней фразе можно увидеть единственное в арабской географической литературе IX–X вв. описание Керченского пролива. В этой фразе проявилось представление о том, что эти моря непосредственно взаимосвязаны и нет никаких физических препятствий для перемещения из одного моря в другое, а место, где «стесняет их суша, придавая форму пролива» собственно и является Керченским проливом. Это, в свою очередь, могло привести ал Мас’уди к выводу о том, что Понтос и Майотис — одно море.

Т. М. Калинина также отмечает некоторую эволюцию взглядов ал Мас’уди на Азовское и Черное моря, прослеживаемую в его книгах, написанных в разное время — «Промывальни золота и рудники драгоценностей» и «Книге предупреждений и пересмотра». В первой он склонен смешивать Понтос и Майотис, во второй, как видно из приведенной выше цитаты, отмечает, что из находящегося на севере озера — Майотиса берет свое начало Константинопольский пролив [Калинина 2001, с. 203; Подосинов 2005, с. 206].

По мнению Д. Е. Мишина, терминологическая путаница у ал Мас’уди связана с его интерпретацией исходного греческого материала. Этот востоковед считает, что под Танаисом ал Мас’уди, в том случае, когда речь идет о впадении последнего в Бунтус (Черное море)

и о проживании на его берегах славян — «сакалиба», необходимо понимать не Дон, а Днепр [Мишин 2002, с. 72–74]. Не всегда можно согласиться с такой трактовкой Танаиса ал Мас'уди. Так, исходя из контекста большинства приведенных цитат, можно предположить, что это именно нижний Дон, связывающий через переволоку бассейны Черного и Каспийского морей. Южным «продолжением» этого Танаиса является Керченский пролив. Только в том частном случае, о котором говорит Д. Е. Мишин, Танаис можно рассматривать даже не как Днепр, а скорее как выражение обобщенного географического представления арабских авторов о наличии водного пути, ведущего на север Восточной Европы через земли славян — сакалиба. Именно в этом обобщенном представлении, основанном на книжной традиции и на знании о существовании реальных торговых путей (из бассейна Балтийского моря в Черное и Каспийское моря), предстают реальные «реки славян» — Дон, Волга, Ока, Днепр и схоластический Константинопольский пролив, прорезающий Восточную Европу с севера на юг [Подосинов 2005, с. 206].

Ал Мас'уди знает целый ряд названий Черного моря, связанных с именами обитающих на нем народов и соотносит все эти названия с книжным и общепринятым — Понтос: «...море ал-Бургар, и ар-Рус, и Баджна, и Баджнак (печенег), и Баджгард (венгры), а эти трое — различные виды тюрок — это море Понтос», «...это и есть море ар-Рус и не держит по нему путь никто, кроме них...» [Бейлис 1962, с. 26].

Заслуживает внимания и описанный ал Мас'уди маршрут похода русов на Ардебиль и Баку (912/13 г.): «[Несколько времени] после 300/912 г. около 500 судов их (русов — А. Т.) прибыли в пролив Нитаса, соединенный с Хазарским морем. Здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. [Их задача] оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря до Нитас. ... Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снесли с хазарским царем [прося разрешения] пройти через его землю, спустится вниз по его реке, войти в реку (канал, на котором стоит их столица?) и таким образом достичь Хазарского моря... Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив, достигли

устья реки [Дона] и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...» [Минорский 1963, с. 198–199]. В этом отрывке не только описан путь через Керченский пролив к Дону и далее, но и указано на существование хазарского гарнизона, закрывавшего этот путь для русов.

По мнению В. В. Бартольда, основанному на данном сообщении ал Мас'уди о походе русов на Каспий, русы прибыли из Черного моря в Азовское. Переговоры с хазарами велись в Тмутаракани, дальнейшее плавание происходило вверх по Дону до Волока и вниз по Волге до устья [Бартольд 1963, с. 831]. Таким образом, подтверждается маршрут купцов-русов (славян-сакалиба), описанный Ибн Хордадбехом и ал Факихом. Это очень характерно для смешанных варяжских дружин, которые получили в Восточной Европе имя «русы» [Петрухин 1995, с. 84]. Сначала они торговали и разведывали новые пути, искали слабые места у местного населения, затем захватывали или пытались захватить ключевые населенные пункты в интересующем их регионе¹. Во всяком случае, очевидно, что уже с первой трети IX в. им был известен путь, проходивший через Керченский пролив, Азовское море и Дон [Коновалова 1996, с. 112]. По всей видимости, именно для контроля над речным путем по Дону и Волго-Донской переволоке и был в 840-е гг. построен Саркел, который на севере отмеченного отрезка водного пути дублировал, страховал и усиливал таможенный пункт² в Таматархе. В течение последующих полутора

¹ Например, в Киеве им сопутствовала удача как в случае с Аскольдом и Диром, так и позднее, когда этот город был захвачен Олегом и объявлен «матерью городов русских». Напротив, в Бердаа русы потерпели поражение, и этот город так и не стал их основным опорным пунктом, «матерью городов» в Закавказье.

² По мнению Д. Кристиана, Саркел, помимо военных и пограничных функций, выполнял роль таможни на Волго-Донской переволоке [Christian 2000, p. 291]. Эту мысль подтверждает топография распространения византийских монет в Доно-Донецком регионе в хазарское время. По данным В. В. Кропоткина на 1962 г. у станицы Романовской Волгодонского района Ростовской области в инвентаре подкурганного погребения была обнаружена монета Льва III Исавра (717–741 гг.). С арелом лесостепного варианта СМК могут быть связаны монеты из Коробова хутора

столетий русы стремились избавиться от хазарского контроля над этим регионом, примером этой борьбы является хазаро-руское столкновение, описанное Кембриджским Анонимом [Голб, Прицак 1997, с. 141].

Представления о существовании такой напряженной военно-политической ситуации в районе Керченского пролива, Азовского моря, Дона и Переволоки сохранялись в арабской письменной традиции вплоть до XIV в. и даже позднее. Так Шамс ад-дин ад-Димашки (первая треть XIV в.) писал: «Русы называются по имени города Русийа, расположенного на северном берегу одноименного моря... Они населяют несколько островов в море Манитас и обладают военными судами, на которых ведут войну с хазарами. К ним (русам) приходят по рукаву, текущему в Хазарское море, и нападают [там] на них (хазар)» [Коновалова 2001, с. 180].

Итогом этой конкуренции стала гибель Хазарии после похода руссов 969 г. и возникновение, со временем (вероятно к концу X началу — XI в.), юго-восточной — Тмутараканской Руси. В трудах арабо-персидских географов указанные этнополитические изменения проявились в соотношении акватории Черного моря с деятельностью русов. В частности, имя русов начинают использовать для обозначения самого моря и связанных с ним объектов. Так, ал Бируни (973–1048 гг.)

(расположен неподалеку от одноименного городища СМК) Змиевского р-на Харьковской области — монета Льва VI (886-912 г.); из Завалишинского клада куфических монет (12 целых, 40 обломков, младшая — 809/810 г.) Старо-Оскольского р-на Белгородской обл. — одна византийская серебряная монета Льва IV Хазарина с сыном Константином (775-780 г.). Подавляющее большинство византийских монет, известных в Подонье, обнаружены именно в Саркеле (Цимлянская станица Цимлянского р-на Ростовской обл.). Из раскопок В. И. Сизова: херсоно-византийская монета Романа II (959-963); византийская монета Василия I (867-886 гг.); византийская монета Романа I (919-944 гг.); — Никифора II Фоки (963-969 гг.). Из раскопок Н. И. Веселовского: две медные херсоно-византийские монеты — одна Василия I (867-886 гг.); вторая Константина VII и Романа I. Из раскопок М. И. Артамонова: херсоно-византийские медные монеты Василия I (867-886 гг.) — 6 экземпляров; Константина VII и Романа II (945-959 гг.) — 4 экземпляра; Романа II (959-963 гг.) — 7 экземпляров; Никифора II Фоки (963-969 гг.) — 2 экземпляра; Иоанна Цимисхия (969-976 гг.) — 1 экземпляр; Василия II (976-1025 гг.) — 4 экземпляра; еще херсоно-византийские IX-X вв. без точного определения — 6 экземпляров; византийская медная монета Романа I (919-944 гг.); медная монета Никифора II Фоки (963-969 гг.) и т. д. [Кропоткин 1962, с. 24, 25, 27, 37, 48].

писал: «Затем в середине обитаемой [четверти] в земле саклабов и русов есть море, известное у греков как Понтос, а у нас как море Трапезунда...» [Бейлис 1962, с. 28].

С периодом широкого применения географических терминов, основанных на этнониме «рус» в акватории Керченского пролива, совпадает труд ал Идриси «Развлечения истомленного в странствии по областям» (1154 г.). Это работа энциклопедического характера, которая представляет собой обобщение практически всего, что было известно арабским авторам о географии населенной части земли к XII в. Как отмечает И. Г. Коновалова, по уровню и масштабу охвата материала она сопоставима с тем, что сделали Страбон и Птолемей для античной науки [Коновалова 1999а].

Необходимо подчеркнуть, что некоторые данные, приводимых ал Идриси, имеют архаический характер, и сопоставимы с ситуацией, известной в области Керченского пролива в хазарское время. Интересно, что для него, также как и для другого арабского автора XIII в. — ал Гарнати [Путешествие Абу Хамида... 1971], Хазария и хазарское население Восточной Европы, несмотря на то, что оно уже 150 лет не существует, является географической реальностью и описывается наряду с другими современными объектами.

Итак, ал Идриси писал следующее о бассейне Черного моря и его берегах: «Поистине то, что включает эта шестая часть [шестого климата], — это море ан-Нитаси и [одна] сторона тех стран, что на этом море. Она включает также часть земли ал-Куманийя и страны ар-Русийя внешней, некоторую часть страны ал-Булгарийя и часть страны ал-Лан, земли ал-Хазар и ее городов, и рек» [Бейлис 1984, с.209].

В отличие от своих предшественников X в., ал Идриси имел хотя и не всегда точное, но все же близкое к реальности представление о р. Кубань, которая в некоторых местах выступает у него под именем «реки Русийю»: «От него (Трапезунда — А. Т.) по берегу моря в восточном направлении 75 миль до [места] впадения реки Русийю. Это большая река, вытекающая с высот гор ал-Кабк. Далее она течет на север и пересекает землю ал-Ланийя. На ней нет известных городов, но по обоим ее берегам — населенные деревни и обильные посевы. Затем эта река течет на запад до тех пор, пока не впадает [в море]

в этом [упомянутом] месте. По ней плавают небольшие лодки, которыми пользуются для перевозки легких вещей из числа товаров и припасов, переправляемых из одного места в другое» [Бейлис 1984, с. 209–210]. Кавказские истоки «реки Русийа», направление ее течения, тот факт, что она проходит через земли алан убедительно свидетельствуют о правомерности ее отождествления с Кубанью. Однако в других местах сочинения ал Идриси и в другом контексте «река Русийа» может быть связана с Керченским проливом¹.

Кроме того, ал Идриси подробно описывает путь, который вел из Константинополя вдоль населенных пунктов, расположенных по северному берегу Черного моря к Матрахе — Таматархе — Тмутаракани (5 секция 6 климата) — «Пути от ал-Кустантинии до города Матраха на северном берегу». Рассмотрим здесь только тот отрезок названного пути, который связан с Керченским проливом и описанием самой Матрахи — Тмутаракани: «...От города Султатийа (Судак) до Бутара (Феодосия?) — 20 миль, а от Бутара до устья реки Русийа (в данном случае — Керченский пролив — А. Т.) [также] 20 миль. От устья реки Русийа до Матрахи 20 миль. Матраха — это вечный город, существует с древних времен, и неизвестно, кто его построил. Здесь есть виноградники и поля. Его владыки мужественны, благоразумны и решительны. Их почитают по причине их отваги и их власти над теми, кто соседствует с ними. Это — большой город со множеством жителей с процветающими округами, в нем имеются рынки и [собираются] ярмарки, посещаемые людьми из самых дальних стран и из ближайших округов» [Бейлис 1988, с. 69–70]. И далее (6 секция 6 климата): «Город Матраха большой и населенный, имеет множество областей, обширные земли, благоустроенные селения, посевы, следующие непрерывно один за другим. Она находится на реке, называемой Секир (Керченский пролив — А. Т.), и она [представляет собой] рукав, который подходит к городу от реки Атил, что на море Табаристана (Нижний Дон — А. Т.). От города Матраха до города ар-Ру-

¹ И. Г. Коновалова считает, что русская река ал Идриси в целом отождествляется с Керченским проливом, хотя в то же время это отождествление не может быть буквальным, возможно выделить только некоторые конкретные детали [Коновалова 1999/а, с. 104-105].

сийя (Корчев) 27 миль. Между жителями Матархи и жителями Русийя постоянная война.

От города ар-Русийя, [что] на большой реке (Керченский пролив — А. Т.), текущей к нему с гор Кукайа (? среднерусская возвышенность по Б. А. Рыбакову [Рыбаков 1952, с. 24]), до города Бутар (Феодосия?) 20 миль» [Бейлис 1984, с. 211–212]. Как отмечает И. Г. Коновалова, город ар-Русийя в арабо-персидской литературе впервые появляется именно у ал Идриси. Это название было включено в состав соответствующего рассказа не ранее второй половины XII в. И, по мнению исследовательницы, он уверенно отождествляется с Керчью [Коновалова 1999а, с. 163–164; Коновалова 2001, с. 187].

Автор перевода приведенного выше отрывка из ал Идриси В. М. Бейлис, напротив, отождествлял реку Сакир с Кубанью [Бейлис 1984, с. 222]. Впрочем, в данном случае, скорее всего, нужно говорить о смешении представлений о Кубани, Доне и Керченском проливе в один условный, иногда единый, иногда распадающийся на отдельные составляющие, географический объект. В рассмотренных местах он лучше всего отождествляется с Нижним Доном — Керченским проливом (Танаис — устье Меотиды позднееримских и ранневизантийских авторов). Таким образом, как уже говорилось, иногда Керченский пролив определяется ал Идриси как «Река Русийя», которая в других отрывках, бесспорно, отождествляется с Кубанью. Вероятно, упоминание о Керченском проливе также есть и в описаниях морских торговых путей, связанных с Трапезундом: «...а если пересечь море от Атрабзунда до моря ар-Русийя (вероятно, Керченский пролив вместе с Азовским морем — А. Т.) — 5 дней плавания» [Бейлис 1988, с. 71]. В то же время, как отмечает В. М. Бейлис, ясные представления об Азовском море как об отдельном водном бассейне и географическом объекте, имеющем свою конфигурацию и требующем самостоятельного описания, были утрачены ал Идриси. Название Майутис у него не встречается [Бейлис 1988, с. 73].

Ал Идриси являлся сторонником принятых со времен Ибн Хордадбеха представлений о том, что Волга связана рукавом с Черным морем: «От этой реки (Исил) отделяется рукав, [текущий] на запад до впадения в море Нитас...» [Коновалова 1999а, с. 84]. А также:

«После того как она (Атил — А. Т.) отклоняется в южную сторону к земле ар-Рус, от нее отделяется рукав, который приходит к городу Матраха на море Нитас: он называется река Сакир» [Бейлис 1984, с. 217]. О таком разделении Атила на рукава, один из которых впадает в Черное море, ал Идриси упоминает несколько раз. Очевидно, что речь идет о водной системе, включающей в себя Дон от переволоки до устья, Азовское море и Керченский пролив. Интересно, что подобные представления были характерны не только для позднеантичных авторов (как уже отмечалось выше), но и для средневековых итальянских мореплавателей [Скржинская 1949, с. 247].

Ал Идриси также был знаком с характерным для ранних арабских текстов представлением о том, что Черное море соединяется прямым водным путем с Окружающим океаном. Авторы, принимающие подобную точку зрения, отмечали существование т. н. Константинопольского пролива, который якобы начинался у Константинополя и шел на север, разделяя земли славян, вплоть до его впадения в Окружающий океан. Так, например, ал Мас'уди писал о том, что: «Константинопольский пролив выходит из моря Майатас, вода в нем идет током и изливается в Сирийское (Средиземное) море... Ширина его в том месте, где он начинается у моря Майатас, около 10 миль (арабская миля в VIII в. была равна четырем тысячам «черных локтей» (0,4932 м), что равно 1972,8 м [Крачковский 1957, с. 83]), и здесь находятся населенные места и принадлежащий Византии город, который называется Мусаккат и удерживает приходящие сюда корабли русов и другие корабли...» [Минорский 1964, с. 20]. Для сравнения у Константина Багрянородного читаем: «Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль (византийская миля ?)» [Константин Багрянородный 1991, с. 175].

По материалам ал Идриси можно установить также и основные направления торговых путей в северо-восточной части Черного моря в первой половине XII в. Основным районом торговой деятельности в данном случае являются Керченский пролив и находящиеся на нем города Матраха (Тмутаракань) и Русийа (Корчев). Именно этот регион

был конечной целью всех указанных ал Идриси торговых путешествий [Коновалова 1999а, с. 166–167]. Тот факт, что сведений об Азовском море в сочинении ал Идриси практически нет, И. Г. Коновалова объясняет тем, что запрет на проход кораблей через Керченский пролив (эдикты византийских императоров 1169 и 1192 гг.) существовал уже в середине XII в. [Коновалова 1999а, с. 171].

У более поздних арабских авторов, начиная с XIII в., сведения об Азовском море становятся более подробными. Примером чего может быть описание указанного географического объекта Ибн Са'идом ал Магриби в его «Книге распространения земли в долготу и ширину» (вторая половина XIII в.). В частности, он пишет: «К северу от него (Судака) лежит вход из вышеупомянутого моря Ниташ в море Маниташ шириной около 30 миль и протяженностью с юга на север около 60 миль. Затем начинается море, расширяющееся с запада на восток [на расстоянии] около двух миль и одной трети дня плавания, а с юга на север — около 160 миль. В нем есть острова, населенные русами, исповедующими сейчас христианскую веру. На севере этого моря [в него] впадает река, текущая из огромного озера Ту-ма. На западном берегу этой реки лежит Русийа — главный город русов...» [Коновалова 2001, с. 179].

§ 3.3. Зона Керченского пролива в документах хазаро-еврейского происхождения. Реконструкция общих представлений восточных авторов о регионе

Источники хазаро-еврейского происхождения гораздо менее многочисленны, чем арабо-персидские. В данном случае речь идет всего о трех документах, датирующихся началом второй половины X в.: во-первых, о письме Кордовского сановника Хасдаи Ибн Шафрута хазарскому царю Иосифу; во вторых, об ответном письме Иосифа Хасдаи Ибн Шафруту, сохранившемся в двух редакциях («краткой» и «пространной») [Гаркави 1974; Коковцов 1932; Danlop 1954, р. 125–155]; наконец, в-третьих, о письме анонимного еврея из Константинополя, получившем в историографии название «текст Шехтера» или «Кембриджский документ» [Грушевский 1928; Коковцов 1932; Голб, Прицак 1997].

Хасдаи Ибн Шафрут рассказывает в своем письме Иосифу о том, как он собирал сведения об «Иудейском царстве» — Хазарии и как искал подтверждения полученной информации. Это подтверждение он получил от византийских послов, пришедших «...(из) Кустантинии с подарком и письмом от царя их к нашему царю. Я спросил их об этом деле, и они ответили мне, что действительно дело обстоит так и что имя царства — ал-Хазар; что между ал-Кустантинией и их страной 15 дней пути, но что «сухим путем между нами (и ими) находится много народов»; что имя царя царствующего (теперь над ними) Иосиф; что «корабли приходят к нам из их страны и привозят рыбу и кожу и всякого рода товары»» [Коковцов 1932, с. 63–64].

Очевидно, что византийцы были хорошо осведомлены о Хазарии, и их сообщение носит реальный характер. Особый интерес представляет тот факт (исходя из приведенной цитаты), что хазары еще в середине X в. имели свой выход к Черному морю. Следовательно, они могли вести в его акватории самостоятельную торговлю. Ведь речь идет не о том, что византийцы могут плавать к хазарам, а именно о том, что от хазар приходят корабли в Византию, скорее всего, в Константинополь, и привозят туда свои товары. По всей видимости, хазарским портом, из которого приходили эти корабли, мог быть в это время только Самкерц — Матраха — Таматарха. Поскольку письмо Хасдаи датируют 50–60 гг. X в., можно с достаточной уверенностью говорить о том, что до этого времени Таматарха все еще подчинена хазарам.

Этот же источник содержит единственное известное упоминание о номенклатуре хазарских товаров, перевезившихся по Черному морю — к их числу относятся, прежде всего, рыба и кожа. Это были характерные для хазар предметы экспорта, которые наряду с рабами и мехами вывозились также и из столицы Хазарии — Итиля.

Такой набор товаров связан с кочевой или полукочевой экономикой самих хазар (шкуры), наличием у них хороших рыболовных угодий в низовьях Волги, Дона¹ и в районе Керченского пролива. По

¹ В XV в. рыбные богатства Дона и Волги описывает Иосафат Барбаро [Барбаро 1996, с. 133, 148].

всей видимости, там ловилась рыба осетровых пород¹, о которой в начале IX в. пишут Феофан и Никифор — «...в этой [реке] ловится рыба называемая мурзули, и ей подобная...» [Чичуров 1980, с. 60, 110]. Позднее, в середине X в., Константин Багрянородный знал о некоей рыбе «верзитик» [Константин Багрянородный 1991, с. 175, с. 404]. В XII в. вкусовыми качествами и дешевизной осетров или белуг (во время пребывания в Саксине на Волге) восхищался ал Гарнати — «...вкуснее мяса жирного барашка» [Путешествие Абу Хамида...1971, с. 27–30]).

Византийские послы ничего не говорят об экспорте хазарами рабов и мехов в Константинополь. Это не случайно, к середине X в. на Черном море этими дорогостоящими товарами торговали в основном дружинники киевских князей — русы [Минорский 1963, с. 196; Константин Багрянородный 1991, с. 45–51; ПВА 1999]. Кроме того, рабов, как отмечено выше², византийцы сами покупали у кочевников Восточной Европы (венгров, печенегов). Основными рынками работорговли были Карх — Керчь, принадлежавшая Византии уже с последней четверти IX в., и, вероятно, Херсон. Русы везли своих рабов на продажу непосредственно в Константинополь [История Византии 1967, Т. 2, с. 138; ПВА 1999].

Традиционным маршрутом хазарской работорговли, точнее того потока рабов, который контролировали хазары, а также экспорта мехов с севера Восточной Европы были Булгар, Волга, Итиль и южно-каспийские города. Собственно, везли рабов и меха не хазары, а купцы-русы, арабы, персы и евреи. Конечными пунктами этой хорошо налаженной торговли были Халифат, государство Саманидов,

¹ Ю. А. Кулаковский считал, что «неправильные представления о географии края не мешали автору (Феофану — А. Т.) иметь точные сведения о рыбном богатстве тех мест. Он знает, что в проливе ловится рыба «мурзулис и ей подобные». И доньине в Керченском проливе ловятся осетр, севрюга и белуга, которые, очевидно, уже тогда поступали на византийский рынок. Кроме рыбы, автор упоминает о «болгарском лакомстве», которое обозначил словом ζυστόν. Вряд ли будет ошибкой признать в этом лакомстве нашу икру. Упоминание об иудеях в Фанагории является указанием на посредников, при участии которых продукты рыбного промысла того края поступали на византийский рынок» [Кулаковский 2004, с. 286].

² См. главу 2.

Средняя Азия. Вывозить эти товары через Таматарху, по крайней мере, в X в., было нецелесообразно и даже опасно. Сухопутные пути, соединявшие столицу хазар Итиль с Нижним Доном, территорией Крыма и Таманью, то же были небезопасны, поскольку могли подвергаться нападением северокавказских алан [Константин Багрянородный 1991, с. 53; Гадло 1971а, с. 60].

Известно, что сами хазары не занимались мореходством: «Хазарский царь не имел [морских] судов, и его люди не умели обращаться с ними», — пишет ал Мас'уди [Минорский 1963, с. 200]. Скорее всего, торговлю между Таматархой (Самкуш-Еврейский) и Константинополем вели в это время купцы еврейского происхождения. В периоды мирных взаимоотношений посредниками в такой торговле могли выступать и купцы-русы, разведавшие пути через Черное и Азовское моря и знавшие Керченский пролив еще в начале IX в. Опираясь на сообщения ал Идриси, можно сделать вывод, что через какое-то время после походов Святослава, к концу X (988 г.) началу — XI в., русы полностью взяли под свой контроль и Керченский пролив, и торговлю из Таматархи — Тмутаракани.

«Краткая» редакция ответного письма хазарского царя Иосифа содержит только беглое упоминание о том, что все побережье Черного моря (моря Кустантини) от западного Предкавказья и до Днепра (Юз-г) населено народами, платящими дань хазарам: «Все жители страны Баса и Т-н-т до (самого) моря Кустантини, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны живут 13 народов многочисленных и сильных, располагающихся по берегу моря Кустантини. Оттуда граница поворачивает к северу до большой реки по имени Юз-г» [Коковцов 1932, с. 82].

В «пространной» редакции письма Иосифа имеется подробный список населенных пунктов, расположенных на северном берегу Черного моря и якобы принадлежащих хазарам. Как уже давно установлено, большая часть этих пунктов находится в Крыму и поддается идентификации¹. В данном случае особый интерес представляет

¹ Иосиф пишет: «...до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны — Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суграй, Алус, А-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины, к (западной) его стороне [Коковцов 1932, с. 102].

упоминание Самкерца — Таматархи и Керца — Керчи, которые, по версии Иосифа, находятся в сфере политического влияния Хазарского каганата и платят ему дань. Следует отметить, что, по мнению большинства исследователей, ко времени, когда было написано письмо, из числа названных Иосифом городов хазарам принадлежали только Саркел на Дону и Самкерц-Таматарха на Таманском полуострове [Айбабин 1999; Артамонов 1962; Гадло 1979; Новосельцев 1990; Плетнева 1976 и т. д.]. Очевидно, письмо отражает ситуацию, существовавшую до середины — второй половины IX в., когда хазарам действительно подчинялись все названные пункты Крымского побережья, включая К-р-ц — Керчь. В этой связи А. П. Новосельцев отмечал, что правильнее всего связывать Самкерц (Самкуш) именно с Матархой. По его мнению, отождествление Самкерца и Керчи опровергается упоминанием К-р-ц в письме Иосифа наряду с Самкерцем [Новосельцев 1990, с. 132–133].

Выше уже рассматривалось сообщение Кембриджского Анонима («текста Шехтера») о войне между «царем» руси Хельгу и «баликчи» хазар Песахом. По мнению одного из авторов последней публикации Кембриджского Анонима О. И. Прицака, упомянутый в письме хазарский военачальник Песах был правителем хазарской провинции Боспор. Ее центром была Керчь, а город Тмутаракань был частью этой провинции [Голб, Прицак 1997, с. 164]. Следует, впрочем, отметить, что существование именно такого названия хазарской провинции является авторской реконструкцией самого О. И. Прицака. Тем более сомнительна принадлежность хазарам Керчи в X в., поскольку, по данным А. И. Айбабина, уже в конце IX в. Керчь занимал византийский гарнизон [Айбабин 1999, с. 220–222]. Хазары же владели Таманским полуостровом и расположенной на нем Таматархой — Самкерцем — Тмутараканью, которая и была центром области хазар на территории Азиатского Боспора [Айбабин 1999, с. 188].

Возможно, что область Таматархи может быть как-то связана с уже упоминавшимися «девятью Климатами Хазарии» Константина Багрянородного¹. Ведь действительно Таматарха прилегала к Алании

¹ «[Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии» [Константин Багрянородный 1991, с. 53].

и могла подвергаться набегам кавказских алан (в отличие от Климатов Крыма). Оттуда в Хазарию могли поступать значительные средства от таможенных сборов за проход купеческих флотилий по Керченскому проливу, а также от торговли с Византией. Кроме того, в округе Таматархи было много сельскохозяйственных поселений, производивших зерно, необходимое населению Итиля и кочевым хазарам.

Сразу после открытия и публикации Кембриджского документа Шехтером в 1912 г. внимание исследователей привлек титул хазарского правителя Песаха. Еще в 1924 г. Ю. Д. Бруцкус высказал предположение, что «булшици» — это тюрко-хазарский термин, обозначающий должность хазарского военачальника Песаха [Грушевский 1928, с. 133; Пархоменко 1928, с. 134]. А. А. Васильев полагал, что «булшици» Кембриджского Анонима должен быть приравнен к Боспорскому «бальчитци» и фанагорийскому «папатци» Феофана и Никифора, и является термином, обозначающим хазарского наместника [Васильев 1927, с. 195]. Как титул правителя, соответствующий рангу начальника гарнизона рассматривает этот термин и О. И. Прицак [Голб, Прицак 1997, с. 164]. По мнению Д. М. Данлопа, «булшици» следует переводить как «почитаемый бег». Из контекста документа ясны функции этого бега — он является главнокомандующим [Danlop 1954, p. 166]. Результаты интерпретации этого термина обобщил А. И. Айбабин, который также отмечает его тюркское происхождение и указывает, что он мог обозначать хазарского тудуна, наместника, управителя и начальника военного подразделения — гарнизона [Айбабин 1999, с. 187–188]. Система хазарского управления Боспором сложилась еще в начале VIII в. и до последней четверти IX в. хазарский наместник действительно мог находиться в Керчи. Но, ко времени написания Кембриджского Анонима хазары уже потеряли европейскую часть Боспора, и их наместник, по всей видимости, располагался теперь в С-м-крае — Таматархе.

Таким образом, нападение русов во главе с Хельгу на Таматарху (спровоцированное византийской дипломатией) должно было лишить хазар выхода к Черному морю и прекратить деятельность хазарской таможни в районе Керченского пролива. Осуществление этой цели было выгодно и византийцам, и русам. Византийцы окончательно вытесняли враждебных им хазар с берегов Черного моря и

лишали их последнего крупного порта. Русы, в случае удачи своего предприятия, получили бы добычу от грабежа, и, что гораздо важнее, удобный порт, необходимый для контроля над Керченским проливом и беспрепятственного проникновения в Азовское море и Дон, где последней преградой для них оставался Саркел на Волго-Донской переволоке. Совершенно очевидно, что хазарские заставы на Керченском проливе, на Дону и Волге стесняли русов, мешая их свободному перемещению из Черного моря в бассейн Волги и Каспия. Именно об этом свидетельствует приведенное выше сообщение ал Мас'уди о походе русов на Ардебиль и Баку в 912/13 г. Однако в описанное в «тексте Шехтера» время (20–40-е гг. X в.), хазары были еще достаточно сильны, и акция Хельгу закончилась неудачей. Самкерц был отбит, византийские города Крымского побережья подвергнуты хазарским набегам, а войско русов потерпело поражение.

Таким образом, Кембриджский аноним указывает на Таматарху в первой половине X в. как на место пересечения экономических, военных и политических интересов Хазарского каганата, Византии и дружин русов. Описанные в документе события можно рассматривать как преддверие известных геополитических изменений в Восточной Европе, когда Хазарский каганат прекратил свое существование, а в районе Керченского пролива со временем возникла Тмутарканская Русь.

Проведенный анализ письменных источников арабо-персидского и хазаро-еврейского происхождения позволяет реконструировать следующую ситуацию. Прежде всего, необходимо ещё раз подчеркнуть, что арабо-персидские авторы хазарского времени (VIII–X вв.) не имели, в большинстве своем, ясных представлений о Керченском проливе и связанных с ним населенных пунктах. В лучшем случае они писали о Черном и Азовском морях и о реках, впадающих в эти моря. Кроме того, они описывали и торговые пути, маршруты которых предполагали проход через Керченский пролив. Вслед за В. В. Бартольдом, И. Ю. Крачковским, В. М. Бейлисом, И. Г. Коноваловой, Т. М. Калининой и др., следует указать на отличия в описании арабскими авторами Черного моря и связанных с ним объектов, в том числе и Керченского пролива. Они наблюдаются в трудах представителей двух основных направлений арабской географии — астрономического и описательного.

Авторы, которых можно отнести к направлению «астрономической» или «математической» географии (ал Хорезми, ал Фергани, ат-Баттани, «Чистые братья» и т. д.) строили свои выводы о географии Черного и Азовского морей, в основном, на базе позднеантичной традиции [Подосинов 2005, с. 195–203]. Как правило, они опирались на разные варианты трудов Клавдия Птолемея (II в.) — «Альмагест» и «Географическое руководство». Не всегда они следовали Птолемею буквально. В качестве примера можно привести ал Хорезми, который пользовался своей терминологией (ал-Батиха — Азовское море, море Барики и Лазики — Черное море). Однако в целом именно от Птолемея они получили основные сведения о расположении Черного и Азовского морей и их греческие названия Понтус — Бонтус — Нитас и Майотис, которые, как считается, ввел в оборот ат-Баттани. Некоторые из этих авторов вообще не знали об Азовском море (и, следовательно, о существовании Керченского пролива). Другие считали, что Азовское и Черное моря никак не связаны между собой (ал Хорезми). В то же время все они, так или иначе, приводили названия и координаты населенных пунктов, расположенных на берегах Керченского пролива и Азовского моря.

От Птолемея также были получены самые общие представления о Танаисе, как о реке (или потоке, проливе), впадающей в Понтус или Майотис. Иногда эти представления творчески перерабатывались (не всегда удачно) в контексте новых методологических установок или под воздействием отголосков реальных сведений, поступавших от очевидцев. Главным теоретическим заблуждением арабо-персидских авторов этого направления, — заблуждением, повлиявшим на все дальнейшее развитие географических знаний о Восточной Европе (в том числе и на труды представителей описательной географии), стала идея о существовании пролива, пересекающего всю Восточную Европу с юга на север¹. Как отмечали В. М. Бейлис, И. Г. Коновалова, Т. М. Калинина, Д. Е. Мишин и др., существовали различные варианты описания этого пролива, его локализации и связи с реальными

¹ Пролива, соединяющего Северный и Западный океаны, проходящего через Средиземное море, Босфор, Черное море, пересекающего через земли славян — сакалиба — всю Восточную Европу.

(Дон, Волга, Днепр) или книжными реками. Чаще всего этот пролив ассоциировался с Танаисом или носил наименование Константинопольского пролива. Иногда можно уловить в этих сообщениях о Танаисе — Константинопольском проливе — некоторые смутные знания о Керченском проливе и реальном Доне. Впрочем, чаще их следует рассматривать как некое обобщенное книжное представление о водном пути, связывавшем север и юг Европы и включавшем в себя в разных сочетаниях как реальные реки, так и теоретические домыслы. По мнению Т. М. Калининой, уже со времени ал Хорезми, эти идеи были в определенной степени оправданы знанием о существовании торговых путей, проходивших в меридиональном направлении по рекам Восточной Европы.

Воздействие отмеченных книжных представлений было настолько сильным и устойчивым, что даже сторонники направления описательной географии, хорошо разбиравшиеся в реальных географических объектах Восточной Европы и знавшие, со слов очевидцев, точные маршруты торговых путей и военных экспедиций, находились под воздействием этих теоретических положений и использовали их в своих работах¹. В результате возникала отмечаемая многими исследователями путаница, когда у одного и того же автора встречаются как достоверные, так и искаженные описания одного и того же географического объекта.

Первые определенные сведения о Керченском проливе появляются у арабо-персидских авторов, творчество которых относят к направлению описательной географии. Это — Ибн Хордадбех, Ибн ал Факих, Ибн Русте, Гардизи, ал Мас'уди и др. Они писали в IX–X вв., т. е. в период существования Хазарского каганата. К этому же направлению можно отнести ал Идриси, который завершил свой труд уже в середине XII в., однако при этом широко использовал данные из книг своих предшественников.

Ибн Хордадбех описывает знаменитый маршрут купцов-руссов, который проходит через Керченский пролив, и указывает на наличие там хазарской таможни. Ибн ал Факих уточняет эти сведения, он

¹ Например, ал Мас'уди.

уже знает о Матархе — Самкерце-еврейском и именно с этим пунктом связывает хазарскую таможенную заставу. Начиная с Ибн Хордадбеха в арабской географической науке появляется положение о наличии рукава или пролива, связывающего Каспийское и Черное моря. Представления об этом проливе были основаны, по всей видимости, на рассказах очевидцев, которые сообщали о возможности перехода из бассейна Черного моря в бассейн Каспийского через Азовское море, Дон и Волго-Донскую переволоку. Впрочем, из-за того, что сами арабские авторы никогда не бывали в этих местах и пользовались только опосредованной информацией, а также благодаря воздействию отмеченных выше книжных теоретических идей, эти представления достаточно часто носили искаженный характер. Например, не дифференцировались Азовское море и Керченский пролив, они воспринимались как часть Черного моря — Понтуса. Нижний Дон рассматривался как рукав Волги или как пролив, непосредственно (т. е. без представлений о существовании переволоки) соединяющий Каспий с Черным морем. Иногда этот Танаис — Дон можно идентифицировать и как часть Керченского пролива, и как Азовское море, и как собственно Нижний Дон. Ал Факих усиливает эту путаницу своим смешением Черного и Средиземного морей и утверждением об их непосредственной связи с Каспийским морем.

Тем не менее сведения Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха в целом имеют позитивный характер. Так, в частности, благодаря этим авторам известно, что уже в IX в. военно-торговые дружины русов знали пути, проходившие через Керченский пролив и Азовское море. Здесь, на берегу Керченского пролива, в Самкуше — Матархе их ожидала хазарская таможенная заставка, прикрывавшая водный путь по Азовскому морю и Дону вглубь Хазарского каганата. Вместе с Саркелом Самкуш — Матарха был частью организованной хазарами системы безопасности и системы таможенного обложения (десятина за прохождение ключевых пунктов). Использование ал Факихом термина Самкуш-еврейский может указывать, с одной стороны, на наличие значительного, вероятно, торгово-ремесленного еврейского населения, с другой — на иудаизм хазарской верхушки, управлявшей городом. О Керчи, в которой до последней четверти IX в. находился хазарский гарнизон, эти авторы ничего не знают и названия этого города не упоминают.

В отличие от Ибн Хордадбега и Ибн ал Факиха, автор начала Х в. Ибн Русте знает название Керчи — Карх и сообщает о том, что возле этого города существует рынок рабов, на котором венгры продают захваченных ими славян-сакалиба византийским грекам. По всей видимости, здесь речь идет о ситуации, сложившейся в 80-х гг. IX в. (до 889 г.), когда из Керчи уже ушли хазары (город снова принадлежал Византии), а венгры еще не были изгнаны печенегами из Леведии и кочевали в степях между Доном и Днепром.

Среди авторов хазарского времени наиболее точные и подробные сведения о Керченском проливе обнаруживаются у ал Мас'уди (сер. X в.). Он знает о существовании Азовского и Черного морей, знает, что они связаны проливом — местом, где между морями сужается суша, что, впрочем, иногда приводит его к выводу о том, что это одно море. Далее, ал Мас'уди опровергает заблуждение о непосредственной связи Черного и Каспийского морей и о наличии между ними прямого пролива. Он настаивает, что связь между этими морями осуществляется через реки — Танаис (Дон) и Атил (Волгу).

Особый интерес представляет содержащееся в его труде последовательное изложение пунктов движения русов. Последние пришли в 912/913 гг. в Каспийское море из Черного для совершения набегов на Ардебиль, Баку и Ширван. В данном случае ал Мас'уди предлагает самое точное и подробное среди всех арабских авторов описание этого пути (Черное море — Керченский пролив — Хазарская застава — Азовское море — Дон — Хазарская застава — Волга — Хазарская застава — Итиль — Каспий). На основе его информации на этом маршруте можно предположить наличие, по крайней мере, двух, а может быть и трех хазарских таможенных пунктов и застав с гарнизонами: 1) Самкерц — Матарха; 2) Саркел; 3) место выхода из перевалки на Волгу или какой-то пункт недалеко от Итиля вверх по течению, где-то в начале рукава, на котором стояла хазарская столица.

Известно, как неудачно для русов закончился упомянутый поход. Они были разгромлены и почти полностью уничтожены наемниками хазарского царя — ларсиями где-то на Волге в районе перевалки. Возможно, это произошло именно благодаря наличию отмеченной выше системы пропускных пунктов и военных гарнизонов, организованной центральной хазарской властью и призванной контролировать основные водные артерии (Керченский пролив, Нижний

Дон до переволоки, Нижнюю Волгу) на территории Каганата. Именно наличие такого жесткого контроля, как отмечают многие исследователи, и привело к обострению отношений с русами, результатом которого стал поход Святослава [Артамонов 1962; Новосельцев 1990; Коновалова 1999б и т. д.].

В то же время не все географические описания ал Мас'уди носят реальный характер. Этот автор склонен путать и объединять в одно Черное и Азовское моря. Его Танаис, в тех случаях, когда речь не идет о конкретных маршрутах русов, может иметь книжно-схоластический характер, впадает в Понт (Черное море) и отождествляется некоторыми современными исследователями с Днепром (Д. Е. Мишин), а некоторыми (И. Г. Коновалова, Т. М. Калинина) — с присущей арабским географам общей теоретической идеей о существовании водного пути с юга на север (и наоборот). Впрочем, как правило, то значение, которое придает ал Мас'уди тому или иному географическому термину, становится понятным исходя из контекста его рассказа.

Как упоминалось ранее, ал Идриси писал в XII в., когда Хазарский каганат уже давно прекратил свое существование. Тем не менее, благодаря использованию в его труде достижений предшествующего периода развития арабской географии, он существенно дополняет сведения о Керченском проливе в хазарское время. Новым у ал Идриси является знание Кубани, кроме того, у него уже сформированы достаточно четкие представления о Керченском проливе, Керчи (Русийа) и Тмутаракани — Матрахи. Наконец, ал Идриси знает, что Матраха является конечным пунктом, по крайней мере, двух торговых путей — из Константинополя и из Трапезунда, и приводит подробное описание этого города.

Данные хазаро-еврейских документов, несмотря на их малочисленность и лапидарность, во многом дополняют и уточняют сообщения арабо-персидских авторов. Они не содержат почти никаких географических подробностей и описаний. Однако одновременное упоминание Самкерца и К-р-ца в «пространной» редакции письма Иосифа позволяет с уверенностью говорить о том, что имеются в виду два разных города и что Самкерц (Самкуш) — это Таматарха, а К-р-ц — Керчь. Информация Хасдаи Ибн Шафрута, полученная от византийских послов, дает возможность утверждать, что еще в середине X в. хазары имели выход к Черному морю и, по всей видимости, контролировали Таматарху. Можно предположить, что проживавшие там

еврейские купцы вывозили в Византию продукты хазарского скотоводства (шкуры) и рыбу, пойманную в Керченском проливе и Азовском море (возможно, осетрину). Кембриджский аноним подтверждает данные ал Мас'уди о том, что в первой половине X в. в Таматархе еще находился хазарский гарнизон и что этот город вместе с округой подчинялся хазарскому наместнику (управителю). Этот же документ сообщает о неуспешной попытке русов захватить Таматарху и, соответственно, контроль над Керченским проливом. Очевидно, что напряжение между русами и хазарами в районе Керченского пролива нарастало с первой трети IX в., с того времени, когда русы открыли для себя путь из Черного моря на Каспий, а хазары перекрыли его таможенными заставами и гарнизонами. Кульминационными моментами этого противостояния стали: поход русов на Каспий в 912/913 гг., закончившийся их разгромом на Волге, описанная Кембриджским Анонимом война между Хельгу русов и полководцем хазар Песахом, походы Святослава 965 г. и, соответственно, волжской руси 969 г. Итог известен [Артамонов 1962, с. 429; Гадло 1971а, с. 65–66; Мавродин 1945, с. 260–261; Пашуто 1968, с. 93–95; Рыбаков 1964, с. 42–47 и др.].

§ 3. 4. «Река славян» периода арабо-хазарских войн первой трети VIII в.

В произведениях целого ряда средневековых арабо-персидских авторов встречаются сообщения и о так называемой «реке славян (нахр ас-сакалиба)», расположенной где-то на юго-востоке Восточной Европы. Известные науке упоминания «реки славян» связаны, как правило, с общим географическим описанием территории Восточной Европы. В некоторых случаях «река славян» рассматривается арабо-персидскими авторами в качестве важного отрезка проходивших через Хазарию транзитных торговых путей. Иногда она определяется как место действия ключевых военно-политических событий арабо-хазарской войны 737 г. [Сведения арабских... 2002, с. 442].

В исторической литературе, начиная с середины XIX в., было высказано немало гипотез о локализации «реки славян», ее привязке к определенной реке или речной системе Восточной Европы. В качестве наиболее распространенных прототипов «реки славян», выдвигавшихся историками, можно назвать Дон, Волгу и Оку. Для обоснования

этих вариантов использовались труды средневековых авторов, в которых в разной связи и в различном контексте упоминалась «река славян».

Сейчас уже можно выделить систему основных аргументов, благодаря которым делается вывод о той или иной локализации «реки славян». По мнению отдельных исследователей, «река славян» — это Дон. Такое заключение основывается, прежде всего, на сообщении Ибн Хордадбеха о пути купцов-русов и Ибн ал Факиха о пути купцов-славян [Калинина 1986; Калинина 1994; Коновалова 2000а; Новосельцев 1990]. Действительно, у обоих этих авторов речь идет о торговом пути, который шел через Черное море, Керченский пролив, Азовское море, «реку славян» — Дон, переволоку и Волгу и выходил на Каспий.

«Река славян» может рассматриваться как Дон и на основании проведенной А. П. Новосельцевым реконструкции маршрута похода Мервана¹ в 737 г. Для него главным аргументом в пользу определения именно Дона как «реки славян» является ретроспективный взгляд на известное сообщение Ибн Хордадбеха о пути купцов-русов. Необходимо также обратить внимание на упомянутых ал Куфи и ал Белазури «ас-сакалиба», захваченных в рабство войсками Мервана именно у «реки славян» [Новосельцев 1990, с. 184–187].

Впрочем, на основании тех же сообщений ал Куфи, ал Белазури, ат-Табари и Ибн ал Асира М. И. Артамонов делает совершенно противоположный вывод о том, что «река славян» — это Волга. Он, вслед за З. Валиди-Тоганом и А. П. Ковалевским, считает, что «сакалиба» арабских авторов — это не только славяне, но вообще население Восточной Европы — болгары, финно-угры и другие племена. Если это так, то, по мнению М. И. Артамонова, в 737 г. арабы захватили в плен буртасов, которые проживали на средней Волге, вдоль ее правого берега. В то же время «река славян» Ибн Хордадбеха, по его мнению, это именно Дон, являвшийся частью так называемого «хазарского» пути. Именно по нему путешествовали купцы-русы, византийский спафарокандидат Петрона, построивший Саркел в 40-е гг.

¹ «Марван б. Мухаммад б. Марван ал Химар — арабский полководец (сын знаменитого полководца Мухаммада б. Марвана), добившийся больших успехов в походах на Кавказ. Впоследствии, последний Омейядский халиф (годы правления: 127–132 г. х./744–750 гг.). Начал участвовать в походах на Кавказ вместе с Масламой б. 'Абд ал Маликом» [Сведения арабских... 2002, с. 460].

IX в., и Константин (Кирилл) Философ, во время своей религиозной миссии в Хазарию в 861 г. [Артамонов 1962].

С. Г. Кляшторный, вслед за Т. Левицким признает в «реке славян» Ибн Хордадбеха только Волгу¹, в связи с чем считает, что Мерваном в 737 г. в районе излучины Волги были захвачены в плен и славяне, и соседние им неславянские племена. Он полагает, что в «Китаб ал-футух» ал Куфи содержится древнейшее упоминание о славянах в Нижнем Поволжье. В его концепции важное место занимают некие горы страны хазар. По его мнению, это Ергени, почти соприкасающиеся с Волгой как раз в районе излучины. Именно через Ергени бежал от Мервана хакан хазар и именно в районе излучины Волги он был достигнут арабами [Кляшторный 1964, с. 16–17].

И, наконец, С. Дублер, А. Л. Монгайт [Путешествие Абу Хамида...1971, 108–110] и Д. Е. Мишин [Мишин 2002, с. 39] в качестве «реки славян» рассматривают Оку вместе с участком Волги от впадения Оки в Волгу до города Булгара. Эта гипотеза построена на сообщении ал Гарнати о том, что он в 1150–1153 гг. совершил путешествие из Волжской Болгарии в Венгрию и обратно. Поскольку первоначально его путь пролегал через «реку славян», а двигался он именно на запад, то, очевидно, что наиболее вероятным маршрутом его движения было течение Оки от места ее впадения в Волгу к переломам, соединяющим бассейн Оки с бассейном Днепра.

Анализ основных точек зрения на локализацию «реки славян» показывает, что зачастую противоречия между авторами названных гипотез возникают из-за того, что в качестве основы своих построений они принимают разновременные сообщения источников. Таким образом, для того, чтобы понять, о чем именно идет речь в том или ином отрывке, необходимо обратить внимание на хронологию этих сообщений. Можно констатировать, что в зависимости от времени создания источника в качестве «реки славян» могли выступать разные географические объекты Восточной Европы. Кроме того, каждый раз необходимо обращать внимание и на контекст произведения, исходя из которого можно определить, что именно имел в виду под «рекой славян» тот или иной автор.

¹ Девид Кристиан в 1998 г. (первое издание его работы), по сути, повторил эту точку зрения, впрочем, без каких-либо дополнительных аргументов [Christian 2000, p. 286].

С достаточной уверенностью можно утверждать, что почти во всех случаях упоминания «реки славян» в арабо-персидской литературе она выступает в разных ипостасях и может быть связана с различными географическими объектами. Вероятно также, что в силу слабой информированности большинства мусульманских авторов о географии Восточной Европы, термин «река славян» может носить обобщающий характер, являясь квинтэссенцией представлений о водных торговых путях и народах, с ними связанных.

Кроме общих хронологических и контекстных соображений, существенное значение для локализации «реки славян» имеет определение некоторых конкретных этнических терминов и географических объектов. К их числу относится, прежде всего, термин «ас-сакалиба». Необходимо понять, насколько он связан именно со славянами в том или ином средневековом произведении. От этого зависит ответ на вопрос, обязательно ли искать «реку славян» — «нахр ас-сакалиба» именно в местах проживания славян? Если она действительно связана со славянами, то насколько оправданы предположения о существовании славянского населения на Волге или Доне в 737 г., во время похода Мервана?

Ещё одним ориентиром, позволяющим скорректировать расположение «реки славян» у ранних арабских авторов, являются «горы», через которые хакан хазар уходил от войска арабов Мервана. Необходимо попытаться ответить на вопрос, что это за географический объект — Ергени, Приволжская возвышенность, Донецкий кряж, или, может быть, Кавказ? Почему хакан, бежавший из Семендера, а затем оставивший ал Байду, в низовьях Волги, оказался в этих «горах»? Если он двигался на север вдоль течения Волги, то никаких гор на пути у него не было. Если же путь кагана лежал на северо-запад, к Дону, то он должен был пересечь степи Калмыкии, Ергени, Сарпинские озера, Маньч и только после этого оказаться в долине Дона.

В любом случае локализация «реки славян» средневековых мусульманских авторов имеет важное значение для реконструкции исторической географии Восточной Европы в хазарское время. Она позволяет лучше понять географию самого Хазарского каганата и расположение входивших в его состав народов и племен.

Представляется целесообразным рассмотреть соответствующие упоминания арабо-персидских авторов о «реке славян» в хронологическом порядке. Причем за основу построения этой хронологии

необходимо взять не время написания тех или иных произведений, а хронологию тех событий или процессов, в связи с которыми средневековые авторы обращали внимание на интересующий нас географический объект. Как можно предположить, такая методика будет более правильной. Даже если произведения, посвященные какому-либо раннему событию арабской истории, писались достаточно поздно, через несколько сотен лет, все равно их авторы находились в контексте определенной традиции оценки этого события, описания его хода, этногеографической номенклатуры.

Первые сведения о некоем географическом объекте, получившем название «реки славян», появились в первой трети VIII в. во время второй большой арабо-хазарской войны. Эту войну можно рассматривать как одну из первых попыток непосредственного знакомства арабского мира с территорией Восточной Европы. Следующий комплекс сведений, в котором есть упоминания о «реке славян», связан с описанием торгового пути купцов-русов, проходившего по сложному речному маршруту из Черного моря в Каспийское в середине — второй половине IX в. И, наконец, хронологически последнее упоминание «реки славян» как определенной географической реалии находится в труде ал Гарнати и связано оно с описанием речного пути из Булгара в Киев в XII в.

Исходя из принятой событийной последовательности, рассмотрим в первую очередь сообщения арабо-персидских авторов о походе Мервана 737 г. и связанные с этим событием упоминания о «реке славян». Известно, что первые произведения, посвященные арабским завоеваниям — различные «Книги завоеваний», появились уже в VIII в. До наших дней эти источники в целом виде не дошли, сохранились только отдельные выдержки из них, содержащиеся в трудах более поздних авторов, писавших в IX, X и даже XIII вв. К их числу необходимо отнести Халифу Ибн Хайята ал'Усфури [Бейлис 2000, с. 32–53; Сведения арабских... 2002, с. 444–445, 460–462], ат-Табари [Дорн 1844, с. 86–87; Гаркави 1870, с. 75–76; Сведения арабских... 2002, с. 446–454, 463; Стори 1972, с. 279; История ат-Табари 1987, с. 57], ал Куфи [Кляшторный 1964, с. 16–18; Сведения арабских... 2002, с. 464–469; Стори 1972, с. 612; Ал Куфи 1981, с. 49–51], ал Балазури [Гаркави 1870, с. 37–38; Ал-Балазури 1927; Сведения арабских...

2002, с. 462–463], Ибн ал Асира [Ибн ал Асир 1940, с. 30–32; Сведения арабских... 2002, с. 470–472]. Кроме того, краткие упоминания о походе Мервана есть у ал Йа'куби [Караулов 1903, с. 55–58; Я'Куби 1927, с. 7], Ибн ал Факиха [Караулов 1902, с. 31] и ал Мукаддаси [Караулов 1908, с. 4].

Известно также, что ранние арабские авторы, писавшие о победоносных походах эпохи исламских завоеваний, как правило, сами не были очевидцами описываемых событий и собирали сведения о них по прошествии какого-то времени. Их информаторами были непосредственные участники военных компаний, арабские воины и офицеры, которые часто не могли представить себе всех масштабов происходившего. В лучшем случае они были способны только на какой-то узкий, локальный взгляд на описываемое событие. Как отмечает О. Г. Большаков, часто участники одного и того же сражения, находившиеся на отдельных участках поля боя, описывали его настолько по-разному, что у современного читателя возникает впечатление, что речь идет о разных событиях, происходивших в разное время и в различных местах [Большаков 1993, с. 3–12.]. Тем не менее, описание похода Мервана у различных авторов в целом совпадает и, видимо, принадлежит к какой-то одной традиции. Сравним основные варианты описания этого похода, сохранившиеся у арабо-персидских авторов.

Как уже упоминалось выше, такие авторы как Ибн ал Факих, ал Йа'куби и ал Мукаддаси ничего не знают о маршруте похода, и только сообщают о том, что Мерван воевал с хазарами, и победил их. Ал Йа'куби¹ (умер после 904 г.) в своей «Истории» пишет: «В 117 г. х. Мерван Ибн Мухаммад совершил поход в страну турок...» [Я'Куби 1927, с. 7]. Возможно, что соответствующая часть его произведения, в которой подробнее рассказывалось о походе Мервана, просто не сохранилась. Не менее краток и Ибн ал Факих («Книга стран», написана около 903 г.): «...Потом управляли ею (Арменией — А. Т.) разные лица, пока не стал управлять ею Мерван Ибн Мухаммед. Он

¹ Ахмед Ибн абу Я'куб Ибн Дж'афар ибн Вахба ибн Вадиш, по прозвищу ал Я'Куби [Я'Куби 1927, с. 3] — современная транскрипция «прозвища» — ал Йа'куби [Сведения арабских... 2002, с. 440].

воевал земли хазар, и вторглся в них» [Караулов 1902, II, с. 31]. Можно предположить, что о походе Мервана в искаженном виде и, сам не понимая о чем идет речь, писал и ал Мукаддаси: «Я слышал, что Ма'мун ходил походом на них (хазар — А. Т.) из Джурджана, овладел их царем, и призвал его к исламу» [Караулов 1908, VII, с. 4]. Известно, что хазарский каган был вынужден согласиться на принятие ислама только однажды, в 737 г. после похода Мервана¹. В данном случае, у ал Мукаддаси перепутано только имя организатора похода, вместо Мервана назван аббасидский халиф ал Ма'мун, потративший много усилий на подавление восстания Бабека. Таким образом, ни славяне, ни «река славян» ни одним из названных авторов не упоминаются.

Краткую, но достаточно точную версию описания похода Мервана дает Халифа Ибн Хайят ал'Усфури² в своей книге «Та'рих»

¹ В частности ал Балазури пишет об этом следующим образом: «Когда стали известны главе ('азим) хазар многочисленность тех мужей, с которыми Марван ступил на землю, их вооруженность и их сила, то оробело от этого его сердце и наполнило [это] его ужасом. Когда Марван приблизился к нему, то отправил к нему посланца, призывая его [выбрать] ислам или войну. Он ответил: «Я принял ислам. Пришли ко мне того, кто растолкует его мне». И тот сделал это. А он открыто принял ислам и прекратил враждебные действия против Марвана при условии, что тот утвердит его в его царстве.» [Сведения арабских... 2002, с. 462-463].

² «Халифа ибн Хайят (ум. 240 г. х. /854 г. или 243-244 г. х. /858 г.) — хадисовед и историк, является автором одного поколения с ал Мадаини (ум. 215 г. х. /830 г. или 225 г. х. /840 г., 228 г. х. /842-843 г.) и Ибн Са'дом (ум. 279 г. х. /892 г.), предшественником ал Балазури и ал Йа'куби. Он происходит из потомственной семьи авторитетных хадисоведов Басры и сам как хадисовед пользовался признанием Мухаммада ал Бухари и других составителей сборников хадисов. Его краткая «История» («Та-рих») — самое раннее дошедшее до нас целиком историческое сочинение (охватывает период 1-232 г. х. /622-846 гг.). Основная ценность сведений Халифы в том, что события у него датированы не только погодным изложением, но более точными датами (например, с точностью до дня месяца), которые помогают определить во времени более подробные, но не датированные сведения других историков. Источником информации о походах на Кавказ был его учитель Абу Халид Йусуф б. Са'ид ал Басри (ум. 190 г. х. /805-806 г.). Лишь в нескольких случаях параллельно его сведениям он приводит данные Хишама б. ал Калби (ум. 204 г. х. /819-820 г.), младшего современника Абу Халида. Информаторами Абу Халида были Абу ал Хаттаб ал Асади и Абу Бара ан-Нумайри, годы жизни которых неизвестны, но исходя из того, что они были предшественниками Абу Халида, можно предположить, что их записи осуществлялись примерно в середине II в. х. (последняя четверть VIII в. н. э.)» [Сведения арабских... 2002, с. 442].

(«История») (середина IX в.): «119/737 г. В этом году Марван Ибн Муххамад предпринял дальний поход из Арминии. Он проник в ворота алан (Баб ал-Лан), прошел землю ал-Лан, затем вышел из нее в страну хазар и прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал-Байд'а, в которой пребывает хакан. Хакан бежал [из города]» [Бейлис 2000, с. 43; Сведения арабских... 2002, с. 461].

Ал Балазури¹ («Книга завоевания стран», писал в 60-е гг. IX в.), отмечает: «...Затем он (Марван) вступил в землю Хазар, со стороны Баб-ал-Алана и ввел в нее Ашда Ибн Зафира ас-Сулами [и] Абу Язида; с ним были (также) цари гор из окрестностей Баб-ал-Аббаба. И Марван сделал набег на Славян, живших в земле Хазар, взял из них в плен 20000 оседлых людей и поселил их в Хахит. Впоследствии же, когда они умертвили своего начальника и бежали, он (Марван) настиг, и перебил их» [Гаркави 1870, с. 37–38].

Ат-Табари (автор «Всемирной истории», родился в 839, умер в 923 г. [Стори 1972, с. 279], по мнению А. Я. Гаркави, писал около 914/15 г.)² сообщает: «...и прислал Мервана, который отправился из Сирии с 120000 человек в Армению, пришел на место лагеря, называемого Кисаль, близ Бердаа, начал воевать с царями Армении, подчинил их себе, и завоевал всю землю Армении. Затем написал он приказ

¹ Абуль Аббас Ахмед ибн Яхиа ибн Джабир известен под прозвищем ал Бал-лад(зури) [Гаркави 1970, с. 35]. Современные востоковеды в русской транскрипции придерживаются прочтения — Абу ал 'Аббас Ахмад ал Балазури. Умер в 279 г. х. / 892 г. Является автором «Книги завоевания стран» («Китаб футух ал-буддан»), задуманной как всеобщая история. Материал организован по региональному принципу (описание завоеваний арабов от региона к региону в их хронологической последовательности), кроме того ал Балазури мало датирует события, редко называет своих информаторов. В случаях, когда ал-Балазури указывает свои источники, он в отличие от Халифы б. Хаййата и ат-Табари (у которых иснад с цепочкой имен передатчиков обычно непосредственно предшествует сообщению) перечисляет имена авторов в начале подборки сведений, а сами сообщения приводит уже без ссылки на конкретного информатора [Сведения арабских... 2002, с. 442].

² Абу Джафар Мухаммад б. Джарир б. Йазид б. Касир б. Гали ат-Табари родился в столице Табаристана Амуне в конце 224 или в начале 225 г. х. / 839 г. н. э. Происходил из местной иранской знати. Много учился, побывал в Сирии, Египте, Багдаде и т. д. Умер в Багдаде в 923 г. «История» ат-Табари представляет громадную компиляцию, составленную из различных источников. Доведена до 915 г. [История ат-Табари 1987, с. 6–7].

к тем войскам, которые были в Баб-ал-Аббабе, чтобы они пришли к нему. Затем Мерван велел созвать войско, взял его и пришел в ущелье, называемое Баб-ал-Аллан, всё убивая, пока не пришел он в Самандар, который есть один из хазарских городов. Также и войско из Баб-ал-Аббаба пришло с человеком по имени Ашд ал-Лям и у Марвана дополнилось войско до 150000. С этим войском следовал он до города Самандара, где живет царь хазарский. Хакан бежал, и Марван отправился дальше, оставив город позади себя, расположился лагерем при Славянской реке, напал на жилища неверных, убил их всех, и разрушил 20000 домов (выделение — А. Т.)» [Гаркави 1870, с. 75-76].

Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'Сам ал Куфи (написал «Книгу завоеваний», умер в 926 г.) о походе Мервана 737 г. рассказывает гораздо больше и подробнее других авторов: «...Мерван выступил из Сирии во главе 120-тысячного войска, и вскоре достиг Азербайджана. Он остановился в населенном пункте, называемом Касак, расположенном в 40 фарсах от Барды и в 20 фарсах от Тифлиса. Он начал уничтожать армянских князей и патриков, пока не принудил их к послушанию и повиновению. Затем он начал двигаться вперед, покоря одну крепость за другой, пока не завоевал все крепости Арминии. После этого он направил письмо всем войскам, находившимся в Баб ал-Аббабе, приказав им начать вторжение в страну хазар с целью достижения города Самандара.

...После этого Марван объявил войскам смотр, и выступил в поход. Он вторгся в Баб Алан (здесь и далее, выделения — А. Т.), где убивал, брал в плен, и сжигал, и направился на Самандар, а это был один из хазарских городов. Войска мусульмов во главе с 'Усайдом Ибн Зафиром ас-Сулами достигли этого города. Вскоре туда прибыл и Марван во главе 150-тысячного войска. У города он перестроил свои войска...

После этого войска выступили и вскоре достигли города ал Байда, в котором пребывал хакан, Царь хазар. ..Хакан стал убежать от Марвана, и вскоре добрался до гор.

Марвану и муслимам в стране хазар сопутствовал успех, и они достигли даже земель, расположенных за Хазарией. Затем они совершили набег на славян (сакалиба) и на другие соседние племена безбожников и захватили из них 20 тысяч семей. После этого они пошли

далее и вскоре добрались до реки славян (нахр ас-сакалиба — А. Т.). Он вызвал одного из сирийских храбрецов, которого звали Каусар Ибн ал-Асвад ал-Анбари... И сказал ему: «Горе тебе, о Каусар! Ко мне пришел лазутчик, который сообщил мне, что хахан, Царь хазар, направил против нас одного из своих тарханов по имени Хазар-Тархан во главе 40 тысяч детей тарханов. Ты перейди реку прямо перед ними и устрой им засаду с таким же количеством воинов...

После этого ал Каусар сразу же отобрал 40 тысяч человек из числа конных воинов. Затем он разбил их на группы, и сам переправился вместе с отрядом, в составе которого было более тысячи человек. ...В тот же день ал Каусар выступил против хазар и, когда наступил полдень, он натолкнулся на одного хазарского военачальника с 20 хазарскими всадниками, которые охотились с собаками и соколами. ...Ал Каусар бросился на него, и убил его. Были перебиты также и бывшие с ним спутники... Затем ал Каусар и его воины последовали дальше, и вскоре достигли густой лесной чащи. И когда они расположились на месте, они вдруг увидели дым, исходящий из глубины чащи.

Ал Каусар спросил: «Что это за дым?» Кто-то сказал: «Наверное, там находятся какие-то хазарские воины». ...После этого ал Каусар подозвал своих воинов, они сели на коней и направились в сторону дыма. Хазары ничего не подозревали. Ал Каусар же во главе 40 тысяч воинов продвигался вперед. Они напали на хазар, перебили из них 10 тысяч и взяли в плен 7 тысяч. Остальные бросились бежать от арабов, и укрылись в чащах, долинах и горах... (все выделения — А. Т.)» [Ал Куфи 1981, с. 49–51; Сведения арабских... 2002, с. 464–469].

Еще один средневековый автор, Ибн ал Асир (1160–1234 гг., «Тарих-ал-Камиль» — «Полный свод по истории»), в целом компилирует своих предшественников. В его работе содержится объяснение причин, по которым каган хазар покинул свою столицу и «бежал» от Мервана. На самом деле, он отправился для сбора новой армии, по всей видимости, из числа подвластных ему народов. «...Царь хазар обратился за советом к своим и те сказали ему: “...Если ты останешься (здесь) пока не соберешь (войска), то не скоро они соберутся у тебя”; ...Царь одобрил их мнение, и выступил туда, куда ему посоветовали...» [Ибн ал Асир 1940, с. 31; Сведения арабских... 2002, с. 471].

На основе интерпретации приведенного выше относительно небольшого по объему набора сведений средневековых источников в исторической науке сложилось несколько ставших уже традиционными направлений реконструкции маршрута похода Мервана и, соответственно, локализации «реки славян», упоминаемой ат-Табари и ал Куфи. Наиболее четкое выражение эти направления получили в работах М. И. Артамонова [Артамонов 1962] и А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990]. Последние, впрочем, в значительной степени использовали выводы своих предшественников — Б. А. Дорна, А. Я. Гаркави, Д. А. Хвольсона, Н. А. Караулова, Ф. Вестберга, Й. Маркварта, З. В. Тогана, Д. Данлопа и др.

Первая часть похода Мервана, от Дарьяла (Баб ал Аллан) и до Семендера, описана одинаково подробно всеми средневековыми авторами и не вызывает разночтений у современных исследователей. Мерван подготовил армию к походу в полевом лагере Касак (Кисаль), находившемся недалеко от Бердаа. Предварительно он обезопасил свой тыл, подчинив оставшихся до того непокорными армянских князей. Более того, он включил в состав своей армии корпус армянской конницы под предводительством ишхана Армении Ашота Багратуни. Вероятно, армянская конница была полезна во время похода, не зря Мерван, по данным Гевонда, по возвращении назад, в Партав «... пятую часть добычи и пленных отправил к властителю своему Гешму... Остальную добычу и пленных Мерван раздал войскам своим; уделил часть Ашоту и другим почетным князьям, дал им рабов и рабынь» [История халифов... 1862; Буниятов 1965, с. 113; Тер-Гевондян 1977, с. 91].

Арабы первоначально выступили против хазар двумя неравными по численности отрядами. Большой, под предводительством Мервана, шел через Дарьял (Баб ал Аллан). Меньший начал свое движение через Дербент (Баб ал Абваб). Переход Мервана через Кавказ не прошел спокойно, очевидно, местное население, прежде всего аланы, оказало ему ожесточенное сопротивление, арабам приходилось «жечь и убивать», чтобы продвигаться вперед. Возможно, что это сопротивление было организовано не без участия хазар, которые понимали важность обороны горных перевалов и к тому же являлись в этот период сюзеренами алан. Местом встречи обоих отрядов на территории Хазарии был выбран Семендер. Дербентский отряд, двигавшийся

напрямую, достиг пункта сбора раньше. Затем туда подошли главные силы Мервана, и армия соединилась. Вероятно, до Семендера серьезных столкновений с хазарской армией у арабов не было, по крайней мере, сохранившиеся источники ничего об этом не сообщают. Складывается впечатление, что и сам Семендер, на то время одна из ставок кагана, был сдан без особого сопротивления.

По данным средневековых авторов общая численность армии Мервана достигла под Семендером 150 000 человек. Нужно с удивлением отметить, что эта цифра без особой критики воспринимается современными исследователями. В то же время известно, что источники, как правило, преувеличивают численность арабского войска. На самом деле арабы выигрывали свои сражения гораздо меньшим числом. В частности, в сообщениях арабских историков о войнах с Византией называются цифры в 20–30 тыс. воинов [Васильев 1900; Васильев 1902]. Очевидно, что во время длительного похода по территории противника только относительно небольшое войско можно было обеспечить продуктами и фуражом. Таким образом, арабское войско в походе насчитывало обычно несколько тысяч, реже десятки тысяч воинов [Разин 2000, с. 109, 112–113]. Даже если принять во внимание важность мероприятия, организованного Мерваном, реальную численность его армии нужно уменьшить до 30–50 тыс. человек.

Так или иначе, проведя смотр войскам под Семендером, Мерван двинулся дальше, преследуя хазарскую армию и кагана. Именно с этого момента начинаются разночтения в трактовке маршрута войска Мервана. Так, М. И. Артамонов [Артамонов 1962, с. 219–220], Ф. Вестберг [Вестберг 1908, с. 44–45], Зеки Валиди Тоган, Д. Данлоп [Dunlop 1954, р. 41–87] и С. Г. Кляшторный [Кляшторный 1962, с. 17–18] полагали, что от Семендера войска Мервана пошли вдоль Каспия к низовьям Волги. Там, по их мнению, располагалась столица Хазарского каганата — ал Байда. Каган не дал генерального сражения и начал уходить от противника на север. В районе Саратова арабы догнали хазарскую армию, переправились через Волгу, убили Хазар-Тархана и уничтожили его 40-тысячный отряд, а самого кагана принудили к капитуляции и принятию ислама.

В основе этих построений лежало следующее умозаключение: ал Байда — это место пребывания кагана, следовательно, — столица Хазарского каганата. Из более поздних сообщений арабских авторов

известно, что в X в. столицей Хазарского каганата был город Итиль, располагавшийся в Низовьях Волги. Таким образом, и ал Байда располагалась в Низовьях Волги, однако со временем она поменяла свое название и стала называться Итилем. Если это так, то дальнейшие события происходят вокруг «реки славян» — Волги. Эта мысль подтверждалась также сообщением Ибн Хордадбеха о том, что верховья Волги-Итиля находятся в земле славян [Lewicki 1956, с. 76–77]. В таком случае плененные славяне — сакалиба восточных авторов (по мнению Зеки Валиди Тогана, разделяемому в данном случае и М. И. Артамоновым) — это финно-угорские или тюркоязычные жители Восточной Европы [Мишин 1997, с. 52–63]. Поскольку в том районе Волги, куда, по расчетам М. И. Артамонова, дошла армия Мервана, в X в. проживали буртасы [Бартольд 1963, 868–869], то, если следовать этой трактовке источника, в плен арабами были захвачены 20000 буртасских семей [Артамонов 1962, с. 223–224]. С. Г. Кляшторный в качестве дополнительного аргумента в пользу волжской локализации похода Мервана использует сообщение ал Куфи о том, что «каган бежал в сторону гор». По его мнению, это Ергени и Приволжская возвышенность. Именно в том месте, где Приволжская возвышенность ближе всего подходит к Волге, Мерван и настиг хазарскую армию [Кляшторный 1964, с. 17].

В отличие от вышеназванных авторов, А. П. Новосельцев, напротив, предполагал, что ал Байда — Белая — это второе название первой столицы хазар — Семендера [Новосельцев 1990, с. 125–127]. Соответственно, нет никаких оснований для того, чтобы говорить о том, что арабы проследовали к низовьям Волги. Кроме того, поскольку источники сообщают о захвате в плен какого-то славянского населения, а на Волге славяне не жили, то логичнее было бы предположить, что войско Мервана достигло Дона. Здесь, по мнению А. П. Новосельцева, они действительно проживали. Еще одним основанием для отождествления «реки славян» ат-Табари и ал Куфи с Доном является описание маршрута купцов-русов, сделанное Ибн Хордадбехом в 70-е гг. IX в. Последний использует термин «река славян», скорее всего, по отношению именно к Дону [Новосельцев 1990, с. 185]. Это мнение А. П. Новосельцева, несмотря на некоторые колебания, разделяют в целом такие исследователи, как Т. М. Калинина [Калинина 1986; Калинина 1994; Калинина 1999; Калинина 2000] и И. Г. Коновалова [Коновалова 2000a].

Таким образом, после взятия Семендера Мерван со своим войском преследовал кагана через все Калмыцкие степи, после чего достиг Дона. Затем он поднялся вверх, вдоль реки, как минимум до её среднего течения, а может быть, и выше (т. е. до тех мест, где есть леса и высокие берега с оврагами, описанные ал Куфи), дошел до территории проживания неких славянских племен и, наконец, именно там разгромил армию Хазар-Тархана, а также захватил в плен 20000 человек. Оттуда вместе с пленными (семейными людьми с детьми и имуществом?) он совершил обратный марш через сухие степи и горные перевалы, после чего вернулся в Закавказье, где и разделил добычу между своими войсками и союзниками. Маршрут похода в таком случае оказывается еще более трудным и длинным, чем в варианте, предложенном М. И. Артамоновым.

Как представляется, в обеих гипотезах есть слабые места и утверждения, не согласующиеся с показаниями источников и логикой военных действий арабов в 737 г. Для того, чтобы показать это, необходимо подвергнуть критике ключевые аргументы, выдвинутые сторонниками рассмотренных точек зрения. К их числу относятся: 1) локализация ал Байды в Низовьях Волги, отождествление ал Байды и Итиля, а также отождествление ал Байды и Семендера; 2) представление о том, что войска Мервана действительно захватили в плен настоящих славян, проживавших где-то в районе Среднего или Верхнего Дона; 3) идея о том, что «река славян» и Дон — это одна река; 4) представление о хазарских горах как о Приволжской возвышенности или Ергенях.

Тезис о расположении ал Байды в низовьях Волги, как и о том, что этот город можно рассматривать в качестве прототипа Итиля, достаточно подробно и аргументированно опроверг А. П. Новосельцев [Новосельцев 1990, 125–127]. Действительно, источники не содержат никаких оснований для того чтобы как-то объединять эти два города. Различные части Итиля у арабских авторов X в. носили названия Хамлидж, Хазаран, Ханбальк, но никак не ал Байда. Если Итиль или его прототипы — Хамлидж или Хазаран — и упоминаются средневековыми авторами в общем списке хазарских городов, то только в качестве отдельных объектов. Например, Ибн Хордадбех, перечисляет следующие хазарские города: «...Город Семендер лежит за Бабом, и вся страна за ним во власти хазар» [Караулов 1903, III, 15]. «От Джурджана до Хамлиджа, — столицы Хазарии, лежащей

на берегу реки, которая выходит из земель славян и впадает в джуржанское море, — при благоприятном ветре 8 дней плавания. Города хазар: Хамлидж, Беленджер и Бейда. ...За Бабом находятся царства Сувар, ал-Лакз, Аллан, Филан и Маскат, царство Сахиб-ас-Серира и город Семендер» [Караулов 1903, III, с. 17].

В описаниях маршрута похода Мервана у Халифы Ибн Хайята, ал Куфи, ал-Балазури и ат-Табари также нет никаких прямых упоминаний о Волге и о том, что ал Байда находилась в ее низовьях. Мало того, в этих источниках ничего не говорится и о том, что ал Байда располагалась в низовьях или на берегах какой бы то ни было реки. Известно только, что после того, как войска Мервана побывали у этого города, они отправились дальше вглубь Хазарии, продолжая преследовать армию хазарского кагана. Только после этого, на завершающей стадии похода, перед решительной битвой они оказались на некоей «реке славян».

Сообщения арабо-персидских авторов также не дают оснований для того, что бы вслед за А. П. Новосельцевым объединять ал Байду и Семендер и представлять их в качестве одного, но по-разному называемого города [Новосельцев 1990, с. 126]. Так, четко разделяет ал Байду и Семендер Халифа Ибн Хайят: «(Мерван — А. Т.)...прошел Баланджар и Самандар и дошел до ал-Байд'а, в которой пребывает хакан» [Бейлис 2000, с. 43]. Ал Куфи пишет о том, что после встречи под Семендером армия Мервана перестроилась и совершила новый переход: «После этого войска выступили и вскоре достигли города ал Байда, в котором пребывал хакан» [Ал Куфи 1981, с. 50]. Очевидно, что ал Байда — это отдельный от Семендера пункт. В то же время из приведенных сообщений следует, что ал Байда находилась недалеко от Семендера, поскольку переход был недолгим и войска Мервана «вскоре» достигли ал Байды. Это свидетельство ал Куфи об отличии и, одновременно, относительной близости ал-Байды и Семендера является дополнительным доводом против гипотезы о тождестве ал Байды и Итиля. Ведь благодаря ал Истахри известно, что «...от Семендера до Итиля семидневный путь по пустыне» [Караулов 1901, I, с. 39]. Такое же расстояние в днях пути дает и Ибн Хаукаль: «...от Семендера до Итиля 7 дней по степи» [Караулов 1908, IX, с. 107].

Особый интерес вызывают краткие, не встречающиеся у других авторов сообщения Халифы Ибн Хайята об арабо-хазарских

столкновениях до 737 г. От него мы узнаем, что еще в 730 г. Джаррах дошел до хазарского города ал Байды: «Ал Джаррах был вторично назначен правителем в сто одиннадцатом году (729/30 г.). Он вступил в Тифлис, затем он совершил набег на хазарский город, именуемый ал Байда', и захватил его, после чего ушел оттуда. Тогда хазары собрали многочисленное сборище [во главе] с сыном хакана и вторглись в Арминию...» [Бейлис 2000, с. 40; Сведения арабских... 2002, с. 444–445]. Если это сообщение верно, то, очевидно, что ал Байда не находилась в низовьях Волги, а располагалась гораздо ближе, недалеко от Северного Кавказа, возможно, на Тереке или Куме. В таком случае поход к ал Байде не требовал такой громадной армии, какая приписывается Мервану, а мог быть осуществлен относительно небольшими силами. В то же время взятие этого города никак не повлияло на военные возможности хазар, а только вызывало их ответный поход в Закавказье, стоивший, как известно, жизни и Джаррашу, и почти всей его армии.

В более поздних источниках неоднократно встречаются параллельные упоминания ал Байды, Семендера или Итиля (Хамлиджа, Хазарана). Например, ал Мукаддаси знает следующие хазарские города: «...Столица их называется Итилем. К городам этой страны принадлежат Булгар, Семендер, Сивар... Хамлидж, Беленджер и Бейда» [Известия о хазарах... 1869, с. 45]. И далее: «Города при Итиле (здесь и далее, выделения — А. Т.): Булгар, Семендер, Сувар, Беганд, Кайшава, Байдау, Хамлидж и Беленджер. ...Столица области Итиль, а города ее Булгар, Семендер, Сувар, Беганд, Кайшава, Хамлидж, Беленджер и Байдау» [Караулов 1908, VII, с. 3–5]. Ал Мукаддаси достаточно хорошо знает и подробно описывает Итиль, Булгар, Сувар, Хазар (не названный в общем списке — вторую половину Итиля), Семендер. Он четко отмечает приморское положение Семендера: «Семендер — большой приморский город, лежащий между рекой Хазар и Баб-ал-Абвабом...» [Караулов 1908, VII, с. 5]. Остальные города он только называет, но не описывает. Вероятно, в его время они уже не существовали и их включение в список можно рассматривать только как дань книжной традиции.

В «Худуд ал Алам» также есть сведения о хазарских городах, где в качестве отдельных пунктов опять-таки упоминаются Итиль, Семендер и Байда: «Итиль — город, через который посредине проходит река

Итиль; он столица хазар и местопребывания царя, которого называют Хазар-тарханом... **Семендер** — город на берегу моря, богатый; есть базары и купцы. **Хамидж**, **Баланджер**, **Байда** (выделения — А. Т.), **Савгар**, **Хтиг**, **Лкн**, **Сур**, **Масмада** — города в стране хазар, все с крепкими стенами, богатые [Бартольд 1973, с. 544].

Вообще не знает и не упоминает ал Байду писавший в начале X в. Ибн Русте, хотя Семендер (Сарашен) ему известен: «Главным городом у них Сарашен, рядом с которым лежит другой город, по имени Хаб-Нела' или Хабнела'» [Известия о хазарах... 1869, с. 17].

Ал Истахри хорошо знает Семендер и подробно описывает его [Караулов 1901, I, с. 47]. В то же время он сообщает: «Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Семендера» [Караулов 1901, I, с. 49]. Других городов он не называет. Показательно, что его описание пешего пути вокруг Каспия выглядит чрезвычайно реалистично. Вероятнее всего, в позднем Хазарском каганате (середина X в.) другие города между Итилем и Семендером уже просто не существовали.

Ал Мас'уди, который сам побывал на берегах Каспийского моря, плавал по нему, опрашивал очевидцев [Караулов 1908, VIII, с. 39] и владел достаточно точной информацией о прикаспийской Хазарии, писал: «Жители Баб-ал-Абваба терпят неприятности от соседства царства Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер, лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба. Теперь он еще населен хазарским племенем, однако с той поры, как он был завоеван в первые времена ислама Сулейман-Ибн-Рабия ал Багалийцем, престол царства был перенесен в Итиль на семь дней пути далее» [Караулов 1908, VIII, с. 43]. Он также не называет ал Байду в числе известных ему хазарских городов.

М. Г. Магомедов, уделивший много внимания локализации и идентификации хазарских городов Прикаспийского Дагестана, предположил возможность существования сразу двух Семендеров. Один из них, по его мнению, располагался в четырех днях пути от Дербента у берега моря и неподалеку от озера Ак-Гель (Таркинское городище). Второй мог находиться в восьми днях пути от Дербента на Тереке (Шелковское городище) [Магомедов 1983, с. 56–60]. Впрочем, подобная гипотеза выглядит малоубедительно. Сомнительно, чтобы были реальные основания говорить о наличии двух городов с

одним названием (двух Семендеров), находившихся в такой близости друг от друга. Тем не менее, мысль эта не кажется совсем беспочвенной. Возможно, что противоречия в сообщениях арабо-персидских авторов, основывавшихся на не менее противоречивых сведениях своих информаторов — участников арабских походов в Прикаспийский Дагестан, связаны с тем, что у кагана было несколько ставок, которые он менял в зависимости от времени года и колебаний военно-политической обстановки. Это вполне типично и нормально для вождя кочевого объединения¹. Таким образом, одна из ставок кагана находилась в Семендере или возле него, и в данном случае именно Семендер считался столицей. При этом другая ставка могла находиться в ином месте (ал Байда), и это место также могло рассматриваться как столица и, следовательно, ошибочно отождествляться с Семендером².

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Ал Байда и Семендер — разные города (пункты), расположенные относительно недалеко друг от друга. В ранний период истории Хазарского каганата, в частности во время арабо-хазарских войн первой трети VIII в., эти города сосуществовали. Вероятно, они оба одновременно являлись ставками хазарского кагана и потому были известны арабским авторам. В поздний период истории Хазарского каганата Семендер продолжал оставаться крупным и густонаселенным городом, с развитой экономикой и торговыми связями, тогда как ал Байда прекратила свое существование. Вероятно, даже во время похода Мервана ал Байда не была городом в полном смысле этого слова, а скорее всего, представляла собой некий укрепленный пункт, крепость, в которой находилась ставка кагана³. Когда после перемещения столицы Каганата в Итиль необходимость в ней отпала, она перестала выполнять свои административные и оборонительные функции и уже не

¹ Например, Чингисхан из своих походов всегда возвращался в родные стойбища, которые он менял в соответствии со сменой времен года [Рашид ад-Дин 1952, Т. 1., Кн. 2., 229-230].

² Семендер = Столица и Ал Байда = Столица, следовательно, Семендер = Ал Байда.

³ Кочевой ставка кагана, не имевшей постоянного местоположения, но перемещавшейся по кочевому маршруту, считает ал Байду Н. Гараева [Сведения арабских... 2002, с. 449].

существовала как реальный населенный пункт на территории Прикаспийской Хазарии. Только в книжной традиции, в сочинениях некоторых арабо-персидских авторов IX–XI в., ал Байда продолжает упоминаться наряду с реальными городами — Баб-ал-Абвабом, Семендером, Итилем. Характерно, что у авторов, хорошо знавших этот регион и даже посетивших его лично, таких как ал Мас’уди, ал Истахри, Ибн Хаукаль, подробно описаны Семендер и Итиль, даны расстояния в днях пути между ними, оценено их экономическое и политическое значение, тогда как ал Байда даже не названа в качестве известного им хазарского города. Вероятно, располагалась ал Байда где-то в пределах Прикаспийского Дагестана, севернее или, скорее, северо-западнее Семендера, в районе междуречья Терека и Кумы или недалеко за Кумой.

Следующим важным ориентиром, который позволял исследователям предложить тот или иной вариант реконструкции маршрута армии Мервана, было упоминание средневековых источников о «славянах». В частности, они утверждают, что Мерван вышел «за пределы» страны хазар и, в разных вариантах, либо напал на славян — «сакалиба» и других «неверных» и разрушил 20000 домов, либо захватил 20000 пленных («сакалиба»), которых переселил в Хакит. Именно на основании этого сообщения ал Балазури, ат-Табари и ал Куфи современные исследователи делали вывод о том, что Мерван ушел далеко на север, на Волгу или Дон. То есть настолько далеко, чтобы выйти за пределы Хазарии, вторгнуться в земли «неверных» (возможно, что действительно этнических славян) и захватить их в плен.

Сторонники Волжского варианта похода Мервана, прежде всего З. В. Тоган и М. И. Артамонов, определяя этническую принадлежность захваченных Мерваном «сакалиба», исходили из высказанного еще Ф. Вестбергом «значения сакалиба, саклаба, в смысле румянолицых, голубоглазых, русоволосых народов вообще...» [Вестберг 1908, 369]. Это позволило им не искать места расселения настоящих славян в районе Волги, там, где их в действительности еще и не было в 737 г., а определить в качестве «сакалиба» бургасов, проживавших, по данным арабо-персидских авторов X в., в среднем Поволжье, т. е. там, где и проходил, по их мнению, маршрут арабской армии. Однако, поскольку, как было показано выше, нет никаких оснований для

того, чтобы говорить о походе Мервана на Волгу, отпадает и буртаская идентификация «сакалиба» — пленников Мервана. Кроме того, как отмечал А. П. Новосельцев, арабы так хорошо знали буртасов, проживавших вдоль волжского торгового пути между булгарами и хазарами, что никак не могли перепутать их со славянами [Новосельцев 1990, с. 186]. Впрочем, в 737 г. арабы, скорее всего, еще очень плохо знали население Восточной Европы и не имели никакого реального представления о народах, проживавших севернее Предкавказья. Во время похода Мервана происходило только первое знакомство со многими из этих народов, результаты которого и отразились в последующей средневековой арабской историографии.

Следует отметить, что еще в 1870 г. А. Я. Гаркави, который считал, что ат-Табари и ал Балазури говорят о настоящих славянах, был, отнюдь, не уверен в том, что Мерван мог зайти так далеко на север. Еще более сомнительным, с его точки зрения, было пленение 20000 человек, что предполагало бы неожиданно большую концентрацию славянского населения. По его мнению, речь скорее могла идти о каких-то славянах, находившихся на службе у хазар, например, о неком военном контингенте, дружине [Гаркави 1870, с. 41–42]. Однако возможность наличия у хазар в первой половине VIII в. славянской дружины такой значительной численности вызывает большие сомнения. Тем более, что на этом этапе развития государственности армия у хазар формировалась еще по принципу племенного ополчения. Таким образом, насколько можно судить об этом из сообщений письменных источников (о походах в Закавказье и войнах с арабами), она, в основном, состояла из представителей кочевых народов — хазар, т. н. «гуннов» Дагестана, протоболгар. В принципе, хазары, как известно, практиковали переселения отдельных народов в рамках своей территории. Так, например, в середине VIII в. часть алан была переселена из Северного Кавказа в Подонье-Придонечье. Однако о подобном переселении славян ничего не известно. Ни письменные, ни археологические источники не подтверждают факт существования славянского населения в пределах Северного Кавказа или Предкавказья в раннем средневековье. В реальной номенклатуре народов, проживающих в этом регионе и представленной в работах авторов, обладавших действительно точной информацией (Ибн Хордадбех,

ал Мас'уди, Константин Багрянородный, еврейско-хазарская переписка), славяне вообще не упоминаются. Однако известно, что в последней четверти VII в. хазары уже овладели Днепро-Донским междуречьем и установили там свое военно-политическое господство. Следовательно, проживавшие в Среднем Поднепровье славяне были им доступны и, вероятно, неоднократно подвергались набегам и нападениям, в результате чего даже стали данниками хазар [Гавритухин, Обломский 1996, с. 147–148; Шрамм 1997, с. 98]. В таких условиях гипотетически можно говорить о переселении хазарами какой-то группы славян из Поднепровья в Предкавказье. Однако тогда будет очень трудно объяснить причины, ход и социальные механизмы такого переселения, в любом случае оно выглядит маловероятным.

В свою очередь, Ф. Вестберг в 1908 г., анализируя соответствующий отрывок из ал Балазури, считал, что «тут под славянами не могут подразумеваться настоящие славяне... По всей вероятности, славяне Беладзори покрывают алан...» [Вестберг 1908, с. 366]. И далее: «славян Баладури следует признать за какое-нибудь голубоглазое, белолицее, русоволосое кавказское племя, жившее на Северном Кавказе. Это были, по всей видимости, осетины, аланы» [Вестберг 1908, с. 45]. Нельзя согласиться и с такой точкой зрения. К 737 г., когда начался поход Мервана, арабы уже неоднократно сталкивались с аланами и хорошо знали их правильное название. Вообще, все племена Центрального и Северного Кавказа, с которыми арабы воевали в конце VII — первой половине VIII вв., были им хорошо известны. Поэтому, даже несмотря на свойственное арабским авторам искажение этнонимов и географических названий, они достаточно четко идентифицируются. Собственно и сам поход Мервана был начат через Аланские ворота — Баб ал-Аллан, о чем единодушно сообщают все перечисленные выше источники. Ни у участников похода Мервана, ни у описывавших этот поход средневековых историков не было никаких причин для того, чтобы называть алан сакалибами, тем более, что, преодолев земли алан, армия Мервана пришла в Семендер, затем в ал Байду и только через какое-то время после этого достигла мест обитания «сакалиба» и «славянской реки».

А. П. Новосельцев отмечал, что вопрос «о применении арабскими авторами IX–X вв. этнонима «ас-сакалиба» не прост и требует

осторожного подхода и конкретного, осмотрительного решения» [Новосельцев 1990, с. 185]. В то же время А. П. Новосельцев полагал, что Мерван захватил в плен все же настоящих славян, проживавших в VIII в. на Доне или Северском Донце: «...некоторые ученые славян на Северском Донце находят, а с Северского Донца славяне могли попадать и на Дон, хотя считать их поселения там массовыми оснований, конечно, нет» [Новосельцев 1990, с. 186].

Приведенные выше и порой значительно различающиеся гипотезы многих исследователей показывают, что дальнейшее изложение проблемы требует решения вопроса о том, кого же именно понимали под «сакалиба» арабо-персидские авторы. Очевидно, что это невозможно сделать без учета мнения современных специалистов, прежде всего, филологов-арабистов. Можно констатировать, что в последнее время наиболее авторитетные ученые в этой области склоняются к тому, что термин «сакалиба» следует связывать, в первую очередь, с этническими славянами¹. Так, Т. М. Калинина в 1994 г. отмечала: «В арабских источниках этноним «славяне» обозначается термином «ас-сакалиба», который является множественным числом формы «ас-саклаб» и воспроизводит сходную греческую форму...» [Калинина 1994, с. 212]. В одной из последних обобщающих работ И. Г. Коновалова также указывала: «Несмотря на то, что этническое содержание термина «ас-сакалиба» в некоторых арабо-персидских известиях о народах Восточной Европы **не всегда поддается однозначной трактовке** (выделение — А. Т.), этимологически ас-сакалиба — это славяне» [Коновалова 2000а, с. 172]. Д. Е. Мишин, посвятивший специальную работу «сакалиба» (славянам) в исламском мире, считает, что большинство арабских авторов до конца X — начала XI вв. хорошо ориентировались в этнической номенклатуре и называли «сакалиба» именно славян вообще, как этнос, или рабов-слуг славянского происхождения, попавших в мусульманские страны. В частности, он

¹ Еще А. Я. Гаркави в 1871 г. отмечал: «...впервые арабы познакомились с юго-западными славянами, жившими в Византийской империи, посему и название для них арабы заимствовали у византийцев, которые имя словене передавали как склавины... Для избежания повторения двух согласных в начале слова, арабы прибавили еще гласный звук и произносили салаб, множественное число сакалиба» [Гаркави 1871, с. 3].

пишет: «В исламской литературе слово сакалиби применялось, как правило, к славянам... В то же время анализ источников показывает, что **возможность ошибки, то есть зачисления в сакалиба неславян, существует...**(выделение — А. Т.)» [Мишин 2002, с. 99]. Таким образом, арабы не могли, скорее всего, назвать хорошо известный им неславянский народ славянами. Если они использовали этот термин, то либо действительно по отношению к настоящим этническим славянам, либо применительно к народу, который был им мало знаком или повстречался впервые. При этом он должен был соответствовать той системе характеристик и признаков, которые приписывались славянам как народу в системе стереотипов, сложившейся в мусульманском мире.

Для того, чтобы понять, кого именно захватил в плен Мерван во время своего похода 737 г., славян или каких-то иных обитателей Восточной Европы, необходимо снова вернуться к реконструкции маршрута похода, общей логики и условий боевых действий, описанных средневековыми авторами. Так, в частности, исходя из сообщения Халифы Ибн Хаййата, можно сделать вывод, что первые нападения на ас-сакалиба Мерван совершил не в 737, а на пять лет раньше, в 732/3 году. «Марван выступил в сто четырнадцатом году и [продвигался], пока не перешел реку ар-Р. мм. Он убивал, угонял в плен, и совершал набеги на ас-сакалиба» [Бейлис 2000, с. 42].

Вероятно, об этом же походе пишет ал Куфи, не упоминая среди пленных, захваченных арабами, сакалибов: «...Он (Мерван) собрал воинов, и выставил более 40 тысяч войск. Во главе войск он направился против хазар, и достиг Баланджара. Затем он выступил из Баланджара в страну хазар, после чего начал сражаться с ними, и громить их так, что перебил их множество, пленил их детей и жен, угнал их скот и благополучно возвратился в город ал-Баб с добычей» [Ал Куфи 1981, с. 48].

Следовательно, чтобы достигнуть мест проживания «ас-сакалиба», Мервану в 732 г. не нужно было уходить далеко от перевалов Северного Кавказа, пересекать степи и полупустыни Калмыкии, а также подниматься вверх по Волге или Дону вплоть до переправы. Необходимо отметить, что слишком далеко, например, в Подонье, как предполагал А. П. Новосельцев, в этом году Мерван уйти бы не смог.

Его не пустили бы хазары, армия которых была еще сильна, многочисленна и способна к активному сопротивлению [Юнусов 1990, с. 97–105]. Ведь известно, что еще три года назад (728/9 г.) от них был вынужден уйти (практически бежать) Маслама. Нужно сказать, что и успехи арабского похода 732 г. были явно преувеличены¹. Скорее всего, он представлял собой обычный грабительский набег за рабами и добычей, не причинивший вреда ни основной территории Хазарии, ни ее военным силам. Иначе не было бы необходимости в походе 737 г., в результате которого хазары действительно потерпели серьезное поражение и впервые были вынуждены принять условия арабов при заключении перемирия. И так, по всей видимости «сакалиба», на которых напал Мерван, жили где-то поблизости, в районе Северного Кавказа, и, вероятно, представляли собой не славян, а какое-то местное население, которое, по неизвестной для нас причине подпало, под это определение.

Если исходить из антропологических (фенотипических) характеристик, приписываемых славянам (рыжеволосые или светловолосые, румяные, белокожие) уже ранними арабскими авторами² в конце VII — начале VIII вв., то под суммарное, в данном случае, значение термина

¹ Победоносные, в изложении арабских авторов, походы далеко не всегда выглядят так в передаче сторонних наблюдателей. Так, Себеос без всяких героических настроений описывает поход Салмана: «...Они достигли теснин Чора. Перешли теснины, вторглись по ту сторону, и предали грабежу предгорские края. Против них выступило малочисленное войско из страны т'еталийцев — охрана местности под названием — ворот гуннов, но (исмаильяне) разбили его. Пришло другое войско из страны т'еталийцев, и они обрушились друг на друга с большой силой. Т'еталийцы разбили исмаильян, и перебили их мечом. Те, которые спаслись бегством, не могли пробраться сквозь теснины, ибо другое войско т'еталийцев зашло к ним в тыл. Тогда они бросились в горы Кавказа, с трудом карабкаясь по склонам гор. Лишь немногие с величайшим трудом спаслись...» [История Епископа Себеоса 1939, с. 125-126].

² Так, например, у ал Ахталя (умер в 710 г.):

«Верблюды каравана сторонятся встречных людей,

Точно видят в них толпу златокудых саклабов» [Свод древнейших... 1995, с. 509], — или у Абу-Мансура (писал в 960-е гг.) «...славяне — племя красного цвета, имеющее русые волосы; они граничат со страной хазар на вершинах Румских гор. Человека красного цвета называют славянином, по причине подобия его цвету славян» [Гаркави 1870, с. 279]. А. Я. Гаркави подчеркивает, что эпитет «красный», «рыжий» в арабских источниках часто обозначает «русоволосый» (блондин) [Гаркави 1870, с. 6].

«ас-сакалиба» в Северном Предкавказье могли попасть представители адыгейских племен — касоги. Именно такое их описание содержится в «Лугах золота и рудниках драгоценных камней» у автора середины X в. ал Мас'уди: «По соседству с аланами между Кабхом и Румским морем находится племя по имени Кешак; это племя благоустроенное и подчиненное религии магов. Из описанных нами племен нет ни одного в этих странах народа, в котором можно было бы встретить тип с более светлой кожей и светлым цветом лица и более красивых мужчин и женщин. Ни у одного народа нет стана более стройного, талии более тонкой, бедер и таза более выдающихся и форм более красивых, чем у этого народа» [Караулов 1908, VIII, с. 54–55]. Известно также, что среди адыгов часто встречаются рыжие и русоволосые люди. Таким образом, все внешние характеристики «славян» налицо. Вероятно, арабы, впервые столкнувшиеся с белокожими и светловолосыми касогами в начале VIII в. во время походов на Северный Кавказ и Предкавказье, приняли их за хорошо известных им по Малой Азии славян. Последних они знали как переселенцев с Балканского полуострова [Бартольд 1963, с. 870], т. е. с территории Рума — Византии¹. Подобная ошибочная идентификация и могла, как представляется, породить, в дальнейшем уже сугубо книжную идею о проживании славян на Кавказе¹.

¹ Первые славянские перебежчики — бывшие византийские военные поселенцы в Малой Азии — появились в Сирии в 663 г. Возможно, что уже в конце VII в. славянские воины входили в состав дворцовых отрядов омейядских эмиров и использовались для подавления восстаний в Халифате [Левицкий 1964, с. 8, 13].

² Например, у Ибн ал Факиха находим следующее сообщение: «В горах Кабх 72 племени, и каждое племя не понимает говора своих соседей иначе, как при содействии переводчика. Длина гор 500 фарсахов, простираются они по землям Рума, до предела хазар и аланов и тянутся в землю славян; на горах также есть племя славян, а остальные армяне» [Караулов 1902, II, с. 33]. А. П. Новосельцев объяснял это этногеографическое искажение общепринятым в арабской географии представлением о существовании единого горного хребта, пересекающего всю обитаемую землю. В этот хребет в качестве составляющих входили Кавказ, горы Малой Азии и Крыма, Балкан, Карпаты и т. д. Если исходить из такого представления, то в сообщении Ибн ал Факиха речь могла идти о славянах на Балканах или в Карпатах. Впрочем, указание на то, что в горах Кавказа живут одни армяне, также явно не соответствует не только действительности, но и реальным знаниям арабов об этом регионе. Очевидно, что в этот отрывок у Ибн ал Факиха закралась какая-то ошибка, начало которой,

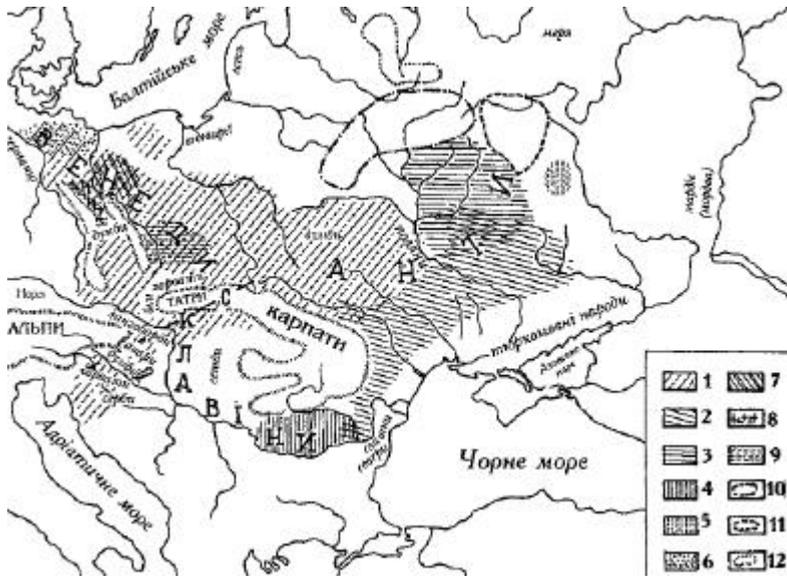

Рисунок 6. Ареалы основных славянских культур третьей четверти I тыс. н. э. (по О. М. Приходнюку [Приходнюк 2001, с. 208, рис. 68]):

1 — пражская культура; 2 — пеньковская культура; 3 — колочинская культура; 4 — культура Ипотешт-Киндешт; 5 — славянские древности VI — VII вв. в Подонье; 6 — древности с фельтбергской керамикой; 7 — древности с дзедзицкой керамикой; 8 — древности с керамикой неорнаментированного типа (Unverzierte Keramik); 9 — древности с торновской керамикой; 10 — культура Тушемли-Банцеровщины; 11 — мощинская культура; 12 — культура ранних длинных курганов.

Такое предположение кажется гораздо более оправданным, нежели гипотеза о продвижении войск Мервана далеко на север по Волге или Дону в места обитания славянских племен или же утверждение о проживании настоящего славянского населения в районе Северного Кавказа в начале VIII в.

вполне возможно, было положено авторами первых «Книг завоеваний», писавших о походе Мервана и о захваченных им в плен славянах — «сакалиба», проживавших на Северном Кавказе. Поскольку эти авторы, в отличие от современных ученых, ничего не знали о походе Мервана на Волгу или Дон, то они располагали этих «сакалиба» там, где этот поход в действительности имел место, т. е. на Северном Кавказе и в Предкавказье.

Впрочем, следует отметить, что даже в пределах Волжской излучины или на Среднем Дону обнаружить места компактного проживания славян (20 тыс. семей) в первой половине VIII в. было бы весьма сложно. Никакие другие письменные источники даже косвенно не упоминают о славянских обитателях этого региона в данный период. Археологические источники также не дают оснований для поиска здесь территории проживания какого-нибудь если и не славянского, то близкого по культуре населения (рис. 6). Ни один из авторов последних обобщающих археологических работ о славянах и их культуре¹, не распространяет ареал их обитания в первой половине VIII в. на восток за пределы лесостепного Днепровского Левобережья, далее верхнего течения Северского Донца [Славяне юго-восточной Европы...1990, с. 261; Приходнюк 1998, с. 21; Приходнюк 2001, с. 47–60, 208–209, 223–224 и т. д.]. Мало того, славянская принадлежность населения, оставившего в районе Днепровского Левобережья археологические культуры конца VII — начала VIII вв., сейчас также вызывает сомнения у многих исследователей [Гавритухин, Обломский 1996, с. 147–148]. Только ко второй половине VIII, а скорее, к началу IX в., на верхнем Дону, в районе современного Воронежа, появляется население, которое можно, и то достаточно условно, считать славянским (рис. 7).

Видимо, на современном уровне развития науки говорить о каком бы то ни было славянском населении на Северном Кавказе, Волге или Дону (даже в пределах максимально дальнего варианта реконструкции похода Мервана, предложенного М. И. Артамоновым или А. П. Новосельцевым) не представляется возможным. Скорее можно предположить, что с реальными славянами Мерван вообще не сталкивался, а захватил в плен жителей Северного Предкавказья, вероятнее всего касогов. В этой связи термин «сакалиба» не должен использоваться в качестве ориентира для продления маршрута Мервана куда-либо далее Предкавказья, а тем более в район Дона или Северского Донца. А это, в свою очередь, означает, что локализация

¹ Кроме, пожалуй, одного В. В. Седова [Седов 2002, с. 260–262], точка зрения которого подвергалась неоднократной критике в специальной литературе.

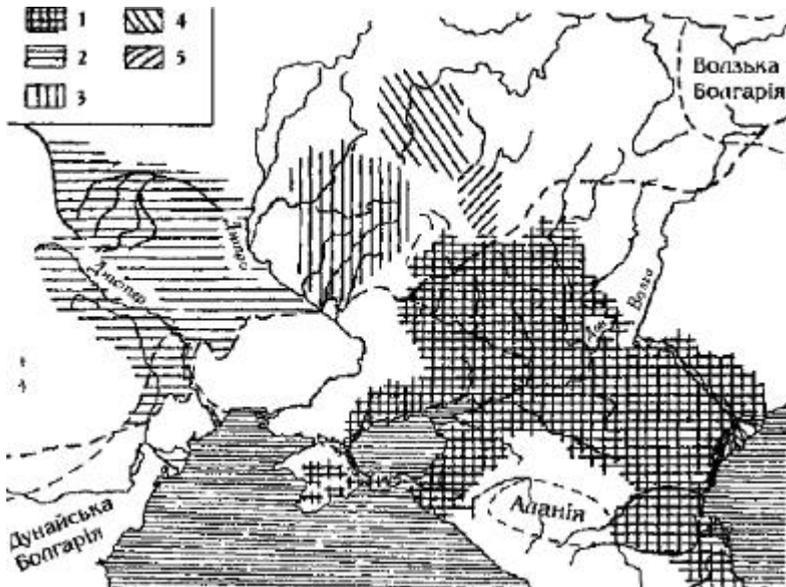

Рисунок 7. Ареалы славянских культур и салтово-маяцкой культуры в последней четверти I тыс н. э. (по О. М. Приходнюку [Приходнюк 2001, с. 223, рис. 84]):

- 1 — ареал салтово-маяцкой культуры;
- 2 — ареал культуры Луки-Райковецкой;
- 3 — ареал роменской культуры;
- 4 — ареал древностей ранних вятичей;
- 5 — ареал боршевской культуры.

«реки славян» ат-Табари и ал Куфи в районах действительного проживания славян в Восточной Европе в начале VIII в. также вряд ли возможна. Очевидно, что эта «река славян» располагалась там же, где находились захваченные Мерваном «сакалиба», а именно в районе Северного Кавказа или Предкавказья.

Если продолжить реконструкцию маршрута похода Мервана на основе результатов проведенного выше анализа, а также некоторых ландшафтных характеристик, содержащихся в рассказе ал Куфи, то можно получить следующую локализацию «реки славян». Выступив из Семендера, Мерван «вскоре» достиг ал Байды, располагавшейся, видимо, в пределах 1-2-3 (не более) дней пути, т. е. в районе между Терекон и Кумой или сразу за Кумой. Каган, не став дожидаться

Мервана и не вступая в бой, отправился за подкреплением «и вскоре добрался до гор». Вероятно, эти горы были также недалеко от основного места боевых действий, соответственно, логичнее всего предположить, что это предгорья Северного Кавказа, где проживало союзное или подчиненное хазарам население. Наречие «вскоре», использованное ал Куфи, передает, вероятно, расстояние от 1 до 3 дней пути, что вполне соответствует реальным расстояниям между береговой линией Каспия, степями Прикумья и Кавказскими предгорьями. Как представляется, нет никакой необходимости отправлять кагана в степи между Волгой и Доном и искать там «хазарские горы», расположенные на расстоянии не менее двух-трех недель быстрой верховой езды, в то время как настоящие горы находились столь близко.

Здесь в течение некоторого времени продолжается погоня армии Мервана за каганом и его войском, во время которой арабы, вполне вероятно, могли выйти и за пределы собственно хазарской территории, т. е., например, в земли касогов, которые непосредственно в Хазарский каганат никогда не входили. Более того, они сохраняли некоторую самостоятельность и от хазар, и от алан. Вот тогда и были сожжены дома «неверных» и захвачены в плен двадцать тысяч сакалиба, поселенные затем в Хахите.

Благодаря настойчивости и оперативности действий Мервана каган не успел собрать необходимое, по его мнению, войско и не предпринял сам генерального сражения. Тем временем арабы вышли к «реке славян» и обнаружили на ее противоположном берегу 40-тысячный отряд Хазар Тархана, состоявший из «детей тарханов», т. е. хазарскую гвардию. Соответствующий по численности отряд арабов во главе с Каусаром (вероятно, размеры обоих подразделений сильно преувеличена) безо всяких препятствий и затруднений переправился через «реку славян» и начал разведку боем на вражеском берегу. Ничего о сооружении мостов, тем более «понтонных», средневековые авторы не говорят, вероятно, переправа осуществлялась вброд или вплавь, что предполагает сравнительно небольшие размеры реки. На противоположном берегу арабы обнаружили леса и чащи, видимо, местность была весьма пересеченной, с ограниченной видимостью. Это и позволило им внезапно напасть на охотившегося Хазар-Тархана, убить его и перебить всю его свиту. Та же заросшая лесом

и пересеченная местность («густая лесная чаща») позволила большому арабскому отряду незаметно подойти к лагерю противника и напасть на него. Следует отметить, что в данном случае действия отряда Каусара вполне соответствовали арабскому военному искусству: на войне арабы традиционно применяли засады, набеги и внезапные нападения, особенно на рассвете, когда сон противника был крепок [Разин 2000, с. 113].

Затем, после того, как войско Хазар-Тархана было полностью разгромлено, спасшиеся хазары «бросились бежать от арабов, и укрывались в чащах, долинах и горах». Описание природных условий, в которых происходило генеральное сражение, также в гораздо большей степени соответствует не степному ландшафту Нижнего Дона, а Северному Предкавказью. Ландшафтные признаки местности в районе «реки славян» вполне адекватны физико-географической характеристике среднего течения Кумы или Терека. Так, А. К. Давыдов в своей «Гидрографии СССР (воды суши)» дает следующее описание течения Кумы: «В верхней части течения река протекает в узкой долине, почти лишенной поймы, меж обрывистых берегов. ... От Станицы Суворовской долина значительно расширяется, но река по-прежнему течет меж высоких берегов, причем правый берег обрывистый, а левый обычно пологий... От села Стародубского Кума становится типично равнинной рекой и протекает до села Владимировки в широкой долине с обширной заливаемой водами паводков поймой, достигающей местами 5 км. Правый склон долины, вначале высокий, обрывистый, постепенно снижается вниз по течению, левый, напротив, пологий. Лишь у г. Буденовска, где появляется вторая незаливаемая терраса, он сравнивается по высоте с правым берегом...» [Давыдов 1955, с. 272]. Остается только добавить, что берега Кумы, как и предгорья Кавказа, в средние века, а местами и сейчас, были покрыты густыми зарослями и лесами. Подобные же густые леса известны и в поймах таких рек, как Кума и Терек. Таким образом, описанные природные условия идеально соответствуют тем, в которых проходил поход Мервана после ал Байды и, в особенности, месту разгрома хазарской армии отрядом Каусара.

Локализация маршрута Мервана в пределах Предкавказья соответствует и общей логике арабо-хазарских войн первой трети VIII в.

В частности, арабы были заинтересованы в покорении земледельческого и городского населения Закавказья и Кавказа, которое можно было облагать налогами. Далее, они были нацелены на ограждение этих доходных провинций от хазарских набегов. Северные степи их не интересовали. Очень важна в этом контексте мысль А. В. Гадло, который писал, что «победа над хазарами открывала Мервану возможность беспрепятственного завоевания страны гор, что и было, видимо, основной целью арабских вторжений в Хазарию (выделение — А. Т.)» [Гадло 1979, с. 161].

Возникает вопрос, почему после разгрома отряда Хазар-Тархана каган не бежал дальше, за Дон, в Днепро-Донское междуречье или Крым, хотя последний тогда уже находился в зоне хазарского влияния. Почему он согласился унизиться перед Мерваном и, хотя и номинально, принять ислам. Очевидно, он рассматривал Северное Предкавказье как основную свою территорию. Эти земли, на которых находилась ставка кагана — ал Байда и, вероятно, его «фамильные» кочевья, своего рода «домен», были охвачены арабским наступлением. Чтобы сохранить их и иметь возможность собрать в будущем новые силы, он, скорее всего, вполне осознанно пошел на этот дипломатический ход, принял условия Мервана и выиграл время. Трудно не согласиться с тем, что при желании он мог скрыться на просторах Восточной Европы от находившейся на чужой и малознакомой территории арабской армии. Вероятно, предпринятые каганом дипломатические ухищрения позволили хазарам сохранить свои позиции в Прикаспийском Дагестане и Предкавказье. Вскоре, буквально через несколько десятилетий, они снова нападают на арабские владения в Закавказье и громят арабские армии.

Проведенный выше анализ сообщений средневековых мусульманских авторов о походе Мервана 737 г., а также систематизация гипотез современных ученых позволяют скорректировать существующие в науке и ставшие привычными представления об этом событии. Итак, поход Мервана проходил в пределах Северного Предкавказья и охватил почти весь этот регион от западного берега Каспийского моря, где находился Семендер, до Центрального, а, может быть, и Западного Предкавказья. Где-то здесь, недалеко от Семендера, а

отнюдь не в низовьях Волги, находилась ал Байда¹, вынесенная за пределы города в вольную степь ставка кагана, потерявшая свое значение и исчезнувшая из географической номенклатуры Хазарского каганата после перенесения его центра в Итиль. Здесь же, в Центральном и Западном Предкавказье, «за пределами страны хазар», проживало пострадавшее от арабского набега население, «сакалиба» средневековых авторов, в котором предположительно можно видеть адыгские племена Предкавказья — касогов. В этом же регионе находилась река, получившая от тогда еще мало знакомых с реальной топонимикой этой территории арабов условное наименование «река славян». Поскольку на Тереке арабские армии уже бывали и «рекой славян» его не называли, можно предположить, что под этим названием скрывается Кума, возможно, в ее среднем течении, физико-географические условия которого сходны с описанными в средневековых источниках. Вскоре арабы познакомились с местными этногеографическими названиями и перестали применять термины «река славян» и «славяне» по отношению к реалиям Северного Кавказа. В дальнейшем они сохранились только в книжной традиции, связанной с описанием арабо-хазарских войн и походов Мервана 732 и 737 гг., отражая существовавший тогда у арабов уровень знаний о территории Восточной Европы севернее Кавказского хребта. Со временем эта книжная традиция вошла в соприкосновение с расширяющимися конкретными знаниями о населении Восточной Европы и местах проживания настоящих славянских племен. Последнее обстоятельство привело к экстраполяции термина «река славян» на новые географические объекты, которые могли по той или иной причине соответствовать этому определению, а именно на Дон, Волгу и Оку.

¹ Потому-то она и ал Байда — Белая, что, скорее всего, состояла из белых шатров или юрт, престижных и принятых у тюркской знати Евразии. Ал Байда могла не иметь или почти не иметь стационарных строений (подобной точки зрения придерживается и Н. Гараева [Сведения арабских... 2002, с. 449]). Не зря средневековые авторы ничего не сообщают об ее осаде или взятии арабской армией.

§ 3.5. «Река славян» в последующей арабо-персидской традиции.
Реконструкция хронологии термина

Прежде всего новое использование термина «река славян» нашло отражение в трудах Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха. У обоих этих авторов упоминания о «реке славян» связаны с описанием торговых путей, проходивших через Восточную Европу в IX в. Ибн Хордадбех в «Книге путей и государств» (80-е гг. IX в.) пишет: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владелец ар-Рума взимает с них десятину. Если они отправляются по Танаису — реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джудрджан...» [Ибн Хордадбех 1986, с. 124].

Ибн ал Факих ал Хамадани в своей «Книге стран» (903 г.) дает несколько иную версию описания того же пути: «Славяне едут к морю Рум, и берет с них властитель Рума десятину; затем следуют они по морю до Самкуша еврейского; далее они направляются в страну славян или переходят из моря славянского в ту реку, которую называют Славянская река, с тем, чтобы пройти в залив Хазарский, и там с них берет десятину властитель хазар; затем следуют они к морю Хорасанскому...» [Гаркави 1870, с. 251; Новосельцев 2000, с. 292].

Цитируемые отрывки из работ средневековых мусульманских географов послужили причиной для появления различных, порой взаимоисключающих трактовок их содержания. Основная проблема заключается в том, что на самом деле в отличие от приведенного выше перевода Н. Велихановой [Ибн Хордадбех 1986], настоящее название «реки славян» у Ибн Хордадбеха сохранилось только частично, в его окончании — «нис» [Калинина 1994, с. 216]. Это дало возможность разным специалистам по-своему обосновывать конъектуру этого гидронима и, соответственно, предлагать различные варианты названий реки [Калинина 1986, с. 79–80]. Например, польский ориенталист Т. Левицкий считал, что даже поверхностный анализ сведений Ибн Хордадбеха о славянах показывает, что эти данные представляют собой, главным образом, устные сообщения еврейских и русских купцов, приезжавших в Багдад [Левицкий 1961, с. 50]. По его мнению, «рекой славян» Ибн Хордадбех называл Волгу, которая

к тому же «вытекает из земли славян» [Lewicki 1956, с. 76–77, 133–134]. Такое определение «реки славян» Ибн Хордадбега было удобно М. И. Артамонову [Артамонов 1962, с. 299], с этой же точкой зрения был солидарен и С. Г. Кляшторный, который полностью доверял Т. Левицкому [Кляшторный 1964, с. 17].

А. П. Новосельцев, напротив, категорически возражал против такой конъектуры [Новосельцев 1990, с. 186]. Он считал, что и у Ибн Хордадбега, и у Ибн ал Факиха «под Славянской рекой, скорее всего, следует понимать Дон». В этом его поддерживает Т. М. Калинина, которая отмечает, что «совпадение нумизматических, исторических и текстологических данных позволяет предпочесть название Танаиса-Дона у Ибн Хордадбега» [Калинина 1986, с. 80]. В то же время, по ее мнению, Ибн Хордадбех «неверно представлял себе само устье Танаиса» [Калинина 1994, с. 216]. И, наконец, И. Г. Коновалова также полагает, что сообщения Ибн Хордадбега и Ибн ал Факиха позволяют довольно уверенно отождествить «реку славян» с Доном [Коновалова 2000а, с. 202]. Выводы этих авторов находятся в зависимости от упоминания «реки славян» в связи с походом Мервана¹.

Как представляется, такая зависимость не обязательна или, скорее, она может носить иную, более опосредованную форму. Выше уже отмечалось, что, если использовать «событийную» хронологию упоминаний такого географического термина как «река славян», то первичное его применение датируется 737 г. В это время арабы, скорее всего, о реальном Доне еще ничего не знают. Восточная Европа для них — пока еще совершенно новый и незнакомый регион. Позднее, когда появились сведения о торговых маршрутах, описанных Ибн Хордадбехом и Ибн ал Факихом, а применение термина «река славян» для Северного Кавказа стало неактуальным в связи с хорошим знанием этого региона и его местных гидронимов, название-определение «река славян» было использовано для другой реки или рек. Здесь проплывали русы — «разновидность сакалиба», по Ибн

¹ Например, А. П. Новосельцев: «Подавляющее большинство специалистов полагают, что под Славянской рекой, до которой дошел Мерван, следует понимать Дон, тем более что в издании «Книги путей и стран» Ибн Хордадбега де Гуге «нахр ас-сакалиба» обозначена как Танаис, т. е. Дон» [Новосельцев 1990, с. 185].

Хордадбеку, или собственно «купцы славяне», по Ибн ал Факиху. Эти реки авторами описательного направления в арабской географии воспринимались неясно и мало соответствовали реальному Дону — Танаису. Как считает Т. М. Калинина, «представление о реке Танаис вобрало в себя известия о водных артериях севера Восточной Европы, книжные данные о Танаисе как восточной границе Европы и реальные сведения о нижнем течении Волги...» [Калинина 1999, с. 89]. Последняя характеристика Танаиса — «реки славян» в контексте сообщений Ибн Хордадбека и Ибн ал Факиха кажется наиболее правильной. Эти авторы писали о нем с чужих слов и поэтому плохо представляли себе, как выглядели реальные реки Восточной Европы.

Очевидно, что местное население Восточной Европы никогда не называло Дон «рекой славян» [История Дона... 1973]. Это был искусственный и неточный термин, по каким-то причинам попавший в работы арабо-персидских географов — представителей описательного направления арабской географии. Известно, что в письменной традиции цивилизованных народов древности и средневековья Дон изначально получил название Танаис, которое считается раннеиранским, а точнее киммерийским. Дон — это тоже название реки, но в позднеиранском его варианте¹. Вероятно, это название, в обеих его ипостасях, получило всеобщее распространение как у народов, живущих вдоль берегов самой реки, так и у средневековых авторов, имевших о ней хоть сколько-нибудь приблизительное представление. Такое же название, судя по данным древнерусских источников, было распространено и среди восточных славян — Дон, Дон Великий [Словник гідронімів... 1979]. Как отмечает Г. Шрамм, славяне познакомились с Доном лишь при своем движении на юго-восток Европы, позаимствовав это название у алан [Шрамм 1997, с. 33]. «...В основу славянских названий Донца и Дона, бассейны которых были освоены

¹ См. у Макса Фасмера: «Дон, род. п. Дона, отсюда уменьшительное — Донец, укр. Дін, род. п. Дону, др. -русск. Донъ, турецкое Тап «Дон», также «Большая река», также Туп, Тіп, калмыкское Тең. Древне название Танаис (Геродот, Страбон), первоисточником которого является авестийское *danu* — ж. «река», осетинское *don* «река, вода»... Греческое *t* Розадовский возводит к языку киммерийцев, в котором, по его мысли, *t* соответствовало *d*, как в армянском и тохарском. Невероятно разграничение слов Дон и Танаис вопреки Маркварту...» [Фасмер 1986, с. 528-529].

славянами только в позднейшие века, было положено иранское название Дона...» [Шрамм 1997, с. 55].

Известно, что географические знания арабов о населенной части Земли во многом зависели от предшествовавшей античной традиции [Подосинов 2005, с. 195–203] и, прежде всего, от Клавдия Птолемея. Последний, являясь автором уникального для своего времени картографического описания Земли [Подосинов 1978, с. 36], хорошо знал основные реки Восточной Европы в их нижнем течении и, конечно же, правильно определял как название Дона — Танаис, так и его местоположение. Одновременно Дон традиционно служил границей между Европой и Азией. В то же время верхнее и даже среднее течение Дона, а тем более его истоки оставались неизвестны ни античным, ни более поздним римским и раннесредневековым авторам [Шрамм 1997, с. 10]. По поводу этих истоков высказывались различные гипотетические предположения, несоответствовавшие действительности. Иногда истоки Дона и некоторых других рек Восточной Европы помещали в Рифейских горах, а иногда выдвигалась идея об озерных истоках Дона [Подосинов 2005, с. 195]. Нужно отметить, что Рифейские горы не соответствуют никакому реальному географическому объекту и являются результатом сугубо умозрительного построения античных авторов¹. Поиск их прототипа, особенно в связи с описанием истоков Дона, — бесплодное занятие и не может привести ни к какому позитивному результату. Гипотеза об озерных истоках Дона также является результатом развития античными авторами неких спекулятивных идей, не основанных ни на каких реальных знаниях. Для того, чтобы обосновать эту гипотезу, ее сторонники в древности и раннем средневековье переносили Азовское море — Меотиду (Меотис) далеко на север, после чего рассматривали его как озеро, из которого истекает Дон.

¹ Интересно, что, в отличие от некоторых современных исследователей, это понимал уже Матвей Меховский, автор географического трактата, вышедшего в 1517 г.: «...Заметим, в-четвертых, что гор Рифейских и Гиперборейских в природе нет ни в Скифии, ни в Московии, ни где бы то ни было, и хотя почти все космографы утверждают, что из этих гор вытекают Танаис, Эдель или Волга, Двина и другие крупные реки, написанное ими — выдумки и невежественное баснословие. Танаис, Волга и наиболее крупные реки текут из Московии, из страны равнинной, болотистой и лесистой, вовсе не имеющей гор...» [Меховский 1936, с. 84].

Ряд ставших общепринятыми еще в период античности географических идей восприняла и раннесредневековая арабская наука. Вслед за Птолемеем в целом правильно определяют Танаис и представители «математического» направления в арабской географии. Так, у ал Хорезми это река, впадающая в Меотис и протекающая с севера на юг по Восточной Европе. В то же время в его трактовке конфигурация Дона и Азовского моря очень сильно искажена и не соответствует действительности [Калинина 1988, с. 114–115]. Следует признать, что эти авторы практически не имели реальных сведений о Доне. Их Танаис только условно может быть соотнесен с «рекой славян» Ибн Хордадбеха. О населении Восточной Европы в районе Дона, в частности о славянах, они, по всей видимости, также ничего не знали. Только у ал Мас'уди в середине X в. появляются более точные представления о реке Танаис, на которой «множество поселений славян и других языческих народов» [Новосельцев 1990, с. 186].

Таким образом, можно констатировать, что представления о Танаисе — Доне как «реке славян» формируются в арабской географии не ранее середины — второй половины IX в., т. е. не менее чем через 100–150 лет после похода Мервана. Причем эти представления связаны не столько с реальным Доном, сколько с водным торговым путем, проходившим в IX в. через Дон, Волгу и другие реки Восточной Европы. Настоящее среднее, а тем более верхнее течение Дона, где располагались славянские племена — вятичи, авторам этого времени было совершенно неизвестно. На нижнем и среднем Дону в IX в. славяне не жили, поскольку это был основной регион распространения салтово-маяцкой культуры, носителями которой были аланы и протоболгары.

Из всего вышеизложенного следует, что и в данном случае название «река славян» носило спекулятивный характер. Возможно, оно связано с представлениями о том, что где-то на севере Европы, там, где находятся истоки этой реки, живут «сакалиба» — славяне. Кроме того, это название могло появиться у Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха в связи с описанием движения купцов, которых считали «разновидностью славян» или «славянами», а потому и реки были названы славянскими. Наконец, на этот водный путь могло быть перенесено возникшее после похода Мервана книжное представление о том, что в Восточной Европе есть некая «река славян».

В любом случае «река славян» эпохи торговых предприятий русов в IX в. и «река славян» похода Мервана 737 г. — это разные географические объекты, имевшие общепринятые или местные названия и получившие у арабских авторов сходное описательное определение только в силу плохого знания реальной географии Восточной Европы, ее топо- и гидронимики. Как представляется, нет достаточных оснований для экстраполяции представлений о «реке славян» — Доне Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха на «реку славян» (возможно, Куму) ат-Табари и ал Куфи. Подобная экстраполяция искажает сведения средневековых авторов о маршруте похода Мервана 737 г., заставляет продлевать его вглубь Восточной Европы вплоть до среднего, а то и верхнего течения Дона или Волги, что не соответствует действительности. Армия Мервана на Дон или Волгу, как было показано выше, не ходила.

Следующим по хронологии (и по принципу событийности, и по времени написания самого письменного источника) упоминанием реки славян является рассказ о ней арабского писателя, купца и путешественника XII в. ал Гарнати. Во время своего пребывания в Восточной Европе в середине XII в. он совершил поездку из Булгара в Киев, во время которой часть его маршрута проходила по «реке славян»: «...Когда я поехал в страну славян, то выехал из Булгара, и плыл на корабле по реке славян. А вода ее черная, как вода моря Мраков, она будто чернила, но притом она сладкая, хорошая, чистая. В ней нет рыбы, а есть большие черные змеи, одна на другой, их больше чем рыб, но они не причиняют никому вреда. И есть в ней животное вроде маленькой кошки с черной шкурой, зовут его водяным сободем. Его шкуры вывозят в Булгар и Саджисин, а водится он в этой реке» [Путешествие Абу Хамида... 1971, с. 35].

Автор исторических комментариев к публикации ал Гарнати А. Л. Монгайт не сомневается в том, что арабский путешественник описывает Оку. По его мнению, это следует, прежде всего, из реконструкции направления движения ал Гарнати. Кратчайший и древнейший путь из Булгара в Киев шел по Оке и Десне [Путешествие Абу Хамида... 1971, с. 108–109]. Добавим, что исходя из описаний свойств реки и ее животного мира, можно заключить, что это река, протекающая через лесную зону Восточной Европы, — ее вода черна от постоянно падающих на дно листьев. По мнению А. Л. Монгайта,

ал Гарнати называет Оку «славянской рекой» не только потому, что он не знает (или забыл) ее настоящее название и ориентируется на имя народа, живущего на ее берегах, но и потому, что был знаком с книжной арабской традицией описания Восточной Европы. Как считает данный исследователь, с IX в. восточные авторы называли «славянской рекой» Волгу и ее притоки, в том числе и Оку. Именно поэтому А. Л. Монгайт утверждает, что и Ибн Хордадбех и Ибн ал Факих в своих сообщениях о маршруте купцов-русов и славян имели в виду не Дон, а именно Волгу. Поскольку в советское время отождествление русов и славян восточных авторов было практически обязательным, то к своей аргументации А. Л. Монгайт добавляет и сообщения арабских авторов — Ибн Хаукаля, ал Бируни и ал Димашки, в которых говорится о «русской реке», т. е., действительно, Волге. Если «русская река» — это Волга, а русы и славяне — один и тот же народ, то, естественно, что и «славянская река» — это тоже Волга [Путешествие Абу Хамида...1971, с. 110].

В настоящее время подобные логические построения недопустимы. Очевидно, что русы и славяне раннесредневековых источников — это разные этносы, и Волга была названа восточными авторами «русской рекой», прежде всего, потому, что в IX–X вв. она была одним из основных торговых маршрутов варяго-русов. Соответственно, по крайней мере, в рамках такой системы аргументации, Волга не может быть отождествлена со «славянской рекой» арабо-персидских авторов IX–X в. В то же время практически не вызывает сомнения утверждение о том, что ал Гарнати называл «славянской рекой» именно Оку, по которой он, видимо, действительно плыл в сторону Киева и в районе которой в его время уже жили славяне — вятичи. Не исключено, что он знал это книжное, несоответствующее общепринятой гидронимике Восточной Европы название и раньше, но не понимал, какую именно реальную реку арабо-персидские авторы, писавшие за 200–300 лет до него, называли «славянской». Судя по всему, его описание не связано ни с предшествующей традицией, ни с литературой исторического характера, на подобие «Всемирной истории» ат-Табари и «Книги завоеваний» ал Куфи, ни с географическими работами Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха. Таким образом, отождествление Оки и «славянской реки» в данном случае единично, оно принадлежит только ал Гарнати и не может экстраполироваться

на упоминания «славянской реки» другими восточными авторами, а тем более привлекаться для ее локализации в ходе событий 737 г., связанных с походом Мервана. Очевидно, что на Оку Мерван не ходил и славянских пленников там не захватывал. Таким образом, нет никаких оснований и для того, чтобы отождествлять «реку славян» — Оку ал Гарнати и «реку славян» — Дон или Волго-Донской путь Ибн Хордадбеха. Во времена Ибн Хордадбеха арабы никаких реальных сведений об Оке, по всей видимости, не имели и ничего написать о ней не могли.

Итак, подводя итоги, необходимо подчеркнуть следующие моменты:

1) Название «река славян», встречающееся в арабо-персидских источниках возникло случайно, имеет описательный характер и не связано с каким-либо местным названием той или иной реки. Скорее его появление объясняется плохой информированностью ранних арабских авторов о реальной географической номенклатуре Восточной Европы, а также, возможно, игнорированием этой номенклатуры их информаторами.

2) Впервые название «река славян» появляется в связи с походом Мервана (737 г.), который проходил в пределах Северного Кавказа и Предкавказья. В этом случае «рекой славян» была названа (описана) одна из рек этого региона, предположительно Кума, хотя не исключены и другие варианты. На Волгу или Дон арабская армия в 737 г., по всей видимости, не ходила и, соответственно, название «река славян» с этими географическими объектами в VIII в. никак не связано. После того, как термин «река славян» был использован в середине VIII в. одним из ранних авторов «Книг завоеваний», он стал достоянием книжной традиции. Таким образом, его продолжали использовать при описании арабо-хазарских войн и более поздние писатели IX–X вв. Так, наконец, и захваченные Мерваном в плен «сакалиба» не были настоящими славянами, а представляли собой какое-то местное население, возможно — касогов.

3) В рассказе Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха о движении купцов по рекам Восточной Европы в качестве одного из этапов маршрута подразумевается, по всей видимости, Дон, вплоть до Волго-Донской переправы. В то же время полных представлений о Доне и других реках Восточной Европы эти авторы не имели. Они просто

описывали водный путь, различные участки которого приходились не только на Дон, но и на Волгу. В этой связи представления о «реке славян» могут распространяться на Волго-Донской путь в целом, а иногда только на Волгу в частности. В любом случае эта «река славян» и «река славян» в описании похода Мервана представляют собой разные географические объекты и не должны смешиваться. Таким образом, упоминание «реки славян» Ибн Хордадбехом и Ибн ал Факихом не должно использоваться для обоснования идеи о походе арабской армии на Волгу или Дон в 737 г.

4) «Река славян» в сочинении ал Гарнати в середине XII в. — это почти наверняка Ока. Но подобное использование термина единично и принадлежит только ал Гарнати, его нельзя экстраполировать на другие события или на описания, принадлежащие более ранним авторам: ат-Табари, ал Куфи, Ибн Хордадбеху и Ибн ал Факиху.

Буртасы и Северо-Западная Хазария: проблемы локализации и идентификации

§ 4.1. Лесостепные аланы — буртасы — мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнической идентификации

Специалистам по источниковедению, истории и исторической географии Восточной Европы в хазарское время хорошо известна проблема буртасов. Речь идет о возможности идентификации одного из раннесредневековых народов, обитавшего где-то в пределах правобережья Волги и подчиненного хазарам. О буртасах писали в своих сочинениях многие арабо-персидские средневековые авторы: и Ибн Русте, и ал Бакри, и, далее, ал Истахри, ал Мас'уди, ибн Хаукаль, анонимный автор «Худуд ал Алам», Гардизи, Мервази, ал Идриси и др. В конечном счете именно их данные и являются основой современных научных представлений об этом народе. В настоящее время проблема буртасов заключается, прежде всего, в соотношении данного этноса с каким-то из известных сегодня или в средние века поволжских народов. Кроме того, сохраняется неясность в определении археологического эквивалента территории буртасов, выявления отдельной археологической культуры или принадлежавшей им группы археологических памятников.

Следует отметить, что историография буртасской проблемы весьма обширна. Фактически научное изучение и интерпретация данных восточных источников, посвященных буртасам, были начаты еще около 200 лет назад Х. Д. Френом и О. И. Сеньковским. Подробный обзор гипотез и специальной литературы, посвященной этому вопросу (начиная с первых десятилетий XIX в. и по 1960 г.) содержится в статье Б. А. Васильева [Васильев 1960, с. 180–209], который осуществил систематизацию огромного количества разнообразных точек зрения на проблему идентификации данного этноса. Так, в частности, буртасов связывали с мордвой (П. С. Савельев, Й. Маркварт, В. В. Бартольд, В. Ф. Минорский и т. д.), чувашами (В. А. Сбоев, И. Н. Смирнов, С. М. Середонин и т. д.), марийцами, мишарями или «тюркскими мещеряками» (Ф. Ф. Чекалин, В. Ф. Вестберг и т. д.). Их участие видели в этногенезе поволжских татар (В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков, М. Г. Сафаргалиев). Кроме того, некоторые исследователи предполагали

первоначально угорское этническое происхождение буртасов и их связь с движением венгерских племен на запад (Б. А. Васильев, П. Д. Степанов [Степанов 1965, с. 205], П. Н. Черменский [Черменский 1970, с. 85–87]). Наконец, известны и достаточно экзотические гипотезы, авторы которых переносили буртасов на Северный Кавказ, проводили параллели между буртасами и чеченцами (М. Г. Сафаргалиев, П. Н. Черменский [Черменский 1970, с. 94], А. И. Попов [Попов 1948, с. 208–209]).

Впрочем, большинство востоковедов, самостоятельно переведивших и комментировавших сообщения арабо-персидских авторов (как в XIX, так и в XX вв.), считали наиболее вероятной «мордовскую» гипотезу идентификации буртасов. Они определяли (в целом) место проживания этого народа в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы, точнее, в районе правого берега Волги южнее Оки. Среди сторонников такой точки зрения можно назвать В. В. Бартольда [Бартольд 1963, с. 868–869], А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 66, 197], Д. Е. Мишина [Мишин 2002, с. 181] и И. Г. Коновалову [Коновалова 2000а]. В то же время, лишь отдельные археологи (В. В. Гольмстен [1946, с. 17–25] и А. П. Смирнов [1952, с. 160]) разделяли, полностью или частично, «мордовскую» гипотезу. Большинство археологов, этнографов и лингвистов, изучавших поволжский регион, напротив, с недоверием относились к этой идее. Так, они указывали на целый комплекс натяжек и недостатков, возникающих при такой идентификации буртасов (Б. А. Васильев, П. Д. Степанов, М. Г. Сафаргалиев, А. Е. Алихова, П. Н. Черменский, А. И. Попов и др.). В частности, до сих пор не решен вопрос об археологической культуре буртасов в Поволжье. А имевшие место попытки провести параллель между культурой буртасов и археологическими памятниками мордвы (VIII–X вв.) были встречены критически целым рядом исследователей.

Среди аргументов противников мордовской идентификации буртасов, основанных на анализе хозяйственно-культурного типа мордвы и буртасов¹, можно выделить следующие: 1) археологические памятники мордвы (могильники) находятся в лесной зоне, южнее известны только городища, которые могли принадлежать уже другому населению; 2) Ибн Русте пишет о том, что у буртасов были верблюды, разведение которых, как считалось, невозможно в местах

¹ Историко-географические характеристики и ориентиры будут рассмотрены ниже, в следующем параграфе данной главы.

проживания мордвы; 3) известно, что одним из основных товаров, которыми торговали буртасы, был куний мех. Однако, куница, по мнению А. Е. Алиховой, водится везде, в том числе и в степной зоне, на Маньче, куда она и помещает буртасов [Алихова 1949, с. 53–55].

Точку зрения А. Е. Алиховой в определенной степени поддерживал и М. Г. Сафаргалиев, который полагал, что сообщения арабских авторов о хозяйстве буртасов носят противоречивый характер (земледелие и скотоводство, мех, мед и верблюды). По его мнению, у мордвы было подсечное земледелие, в отличие от пашенного земледелия у буртасов. Он, как и А. Е. Алихова, не видел возможностей для приобретения мордвой верблюдов, а также отмечал, что у мордвы неизвестен обряд трупосожжения, и т. д. «...Буртасы, — писал М. Г. Сафаргалиев, — несомненно, был народ кочевой — скотоводческий... их совершенно невозможно отождествлять с современной мордвой...» [Сафаргалиев 1951, с. 94–96].

Б. Н. Заходер в целом придерживался некоей компромиссной точки зрения. В частности, он считал, что под именем «буртас» следует понимать не один народ, а большой союз племен, который в последствии распался. Впрочем, он подчеркивал, что у мордвы не было обряда трупосожжения, а потому ее нельзя связывать напрямую с буртасами¹ [Заходер 1962, с. 246].

Б. А. Васильев, будучи противником мордовской идентификации буртасов, считал, что их верования и обычаи были сходны скорее с обрядами гузов, а не с верованиями мордвы. Хозяйство буртасов, как и П. Н. Черменский, он квалифицирует как полуседлое степное. Этот тезис, по его мнению, подтверждает и многочисленное (10 тыс.) конное войско, которое приписывают буртасам восточные авторы. Однако известно, что мордва, напротив, воевала в пешем строю (пешие лучники). Кроме того, Б. А. Васильев ссылается и на кочевой характер жилищ буртасов, что также не должно быть характерно для мордвы [Васильев 1960, с. 201–203].

П. Н. Черменский отмечает, что археология вообще не знает буртасских памятников на их древней территории. По его мнению, о материальной культуре буртасов вообще мало что можно сказать, поскольку упоминания о них в трудах восточных писателей весьма

¹ Ниже будет показано, что результаты археологического изучения раннесредневековых мордовских могильников опровергают и этот аргумент.

лаконичны. Тем не менее, характеристика быта буртасов, оставленная Ибн Русте, «несомненно» указывает, как считает П. Н. Черменский, на их кочевой образ жизни (у них стада рогатого скота, верблюды, кони). Пушкину и мед кочевые буртасы добывают в приречных лесах. После вытеснения из степей «дикими» половцами в конце XI–XII вв. буртасы переселяются в лесную зону и только под воздействием мордвы меняют свой образ жизни на оседлый [Черменский 1970, с. 88–89].

Отрицая гипотезу мордовской идентификации буртасов, названные выше авторы выдвигают свои, порой еще менее обоснованные концепции. Последние не нашли пока признания в науке и не получили одобрения специалистов. Таким образом, в течение всего послевоенного периода развития исторической науки буртасская проблема не находила своего разрешения и, казалось, зашла в тупик¹. Нужны были новые решения, основанные на комплексном анализе как данных письменных источников, так и результатов археологических исследований Поволжского региона, которые накапливались с каждым годом. Однако, как ни странно, решение буртасской проблемы пошло совершенно иным путем.

В последние двадцать лет достаточно распространенной и популярной стала гипотеза Г. Е. Афанасьева [1984; 1985; 1988], согласно которой с буртасами могут быть связаны археологические памятники лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (Северо-Западная Хазария). Свои выводы Г. Е. Афанасьев основывает на самостоятельном анализе данных восточных авторов и изучении характеристик лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Кроме того, он подкрепляет полученные результаты выводами лингвистов (главным образом, И. Г. Добродомова [Добродомов 1986, с. 119–129]). В системе аргументов Г. Е. Афанасьева одно из важных мест занимает сопоставление хозяйственно-культурного типа и этнографических признаков буртасов (известных науке по данным восточных авторов) с ХКТ

¹ Характерно, что Л. А. Голубева, автор соответствующего раздела о мордве в коллективной монографии «Финно-угры и балты в эпоху средневековья», вообще избегает темы этнической принадлежности буртасов и никак не связывает их с мордвой [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 97–107].

населения лесостепного варианта СМК. По мнению Г. Е. Афанасьева, они идентичны, и это позволяет ему с достаточной уверенностью говорить о тождестве буртасов и населения Северо-Западной Хазарии. В данном случае необходимо остановиться именно на этом аспекте буртасской проблемы.

Для того, чтобы оценить справедливость аргументов Г. Е. Афанасьева, а также перечисленных выше противников «мордовского» решения буртасской проблемы, необходимо сравнить доступные для исследования данные восточных авторов о буртасах с современными археологическими характеристиками мордвы VIII–X вв. Как представляется, анализ обобщенных характеристик ХКТ и этнографических признаков буртасов, содержащихся в произведениях средневековых арабо-персидских авторов, дает достаточно широкое поле для всевозможных сопоставлений и аналогий. Соответственно, возникает возможность идентификации буртасов не только как носителей СМК, но и как средневековой мордвы (традиционная точка зрения) или иного населения лесного и лесостепного Поволжья.

Рассмотрим сначала сообщения и отрывки из произведений восточных авторов, в которых так или иначе описывается образ жизни буртасов, их хозяйство и иные этнографические признаки.

В трудах арабо-персидских авторов X в., принадлежавших к направлению так называемой «описательной» географии, содержатся сведения о существовании некоего народа буртас, расположенного по соседству с хазарами и подчиненного Хазарскому каганату. Впервые подробная¹ информация о буртасах появляется в так называемой «Анонимной записке», посвященной описанию месторасположения, численности, хозяйства и военного потенциала различных народов Восточной Европы: хазар, болгар, печенегов, славян, венгров, русов, в том числе и буртасов. Обычно «Анонимную записку» связывают с каким-то отчетом, находившимся в канцелярии Багдадских халифов или, скорее, Хорасанских эмиров. Вероятно, она была

¹ Первое упоминание имени буртасов относят обычно к более раннему времени, хотя оно и весьма сомнительно и по своему содержанию, и по написанию имени этого народа. В сочинении ал-Кальби, написанном около 819 г., есть упоминание о неких бурджасах, которых и А. Я. Гаркави [Гаркави 1970, с. 15], и Г. Е. Афанасьев [Афанасьев 1984б, с. 31] связывают с буртасами.

подготовлена по их заданию с целью выявления военного потенциала соседних или даже достаточно удаленных народов.

Одним из первых в сохранившейся арабо-персидской литературе сведения «Анонимной записки» воспроизвел Ибн Русте, писавший в первой трети (после 903 г.) X в. Затем, в рамках той же традиции, восходящей к сведениям «Анонимной записки», находится автор «Худуд ал Алам», далее ал Бакри и Гардизи. Таким образом, как отмечает Т. М. Калинина, вплоть до XVII в. у различных восточных писателей (ал Макдиси — вторая половина X в., ал Марвази — конец XI — начало XII вв., Ахмад Туси — вторая половина XII в., ал Казвини — XIII в. и т. д.¹) с той или иной степенью полноты и искажений воспроизводятся все те же сведения из «Анонимной записки» [Калинина 2003а, с. 204]. Авторство «Анонимной записки» пока не установлено [Бартольд 1973, с. 524; Новосельцев 2000, с. 283–284; Мишин 2002, с. 50–53]. Обычно ее связывают с деятельностью Ибн Хордадбеха или ал Джейхани [Крачковский 1957, с. 219–223], находившихся на государственной службе [Булгаков 1958, с. 129] и имевших доступ к архивам почтовых ведомств.

У некоторых авторов X в. (ал Истахри, ал Мас'уди, Ибн Хаукаля, а также у писавшего в XII в. ал Идриси) сведения «Анонимной записки» дополняются новыми, более современными данными. Как правило, они связаны с уточнением представлений о географии Восточной Европы (более подробным описанием водных путей), либо, у Ибн Хаукаля, с реакцией на изменение геополитической ситуации в Поволжском регионе во второй половине X в. после похода русов (Руси) 969 г.

Наиболее ранний текст, посвященный буртасам, содержится в произведении Ибн Русте: «Земля Буртасов лежит между Хазарскою и Болгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10000 всадников. Нет у них верховного главы, который бы управлял ими и власть которого признавалась бы законно; есть у них в каждом селении

¹ По мнению И. Умнякова, глава о хазарах в книге испано-арабского географа XI в. Исхака ибн ал Хусейна — «Книга холмов из кораллов касательно описания известных городов в каждом месте», практически полностью основана на соответствующих сведениях Ибн Русте [Умняков 1939, с. 1142–1143].

только по одному или по два старейшины, к которым обращаются они за судом в своих распрях... Земля их просторна и обилует лесистыми местами... Вера их похожа на веру гузов. Собою они стройны, красивы и дородны... Буртасы имеют верблюдов, рогатый скот и много меду; главное же богатство их состоит в кунных мехах. Одни из буртасов сожигают покойников, другие хоронят. Земля ими обитаемая, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней Хелендж. Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще. Страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути...» [Известия о хазарах... 1869, с. 19–24].

В свою очередь ал Балхи отмечает: «...Буртасы живут рассеяно по берегам Итиля. Буртасы — имя страны, также Русь и Хазар...» [Известия о хазарах... 1869, с. 73]. За ал Балхи следует ал Истахри, который писал около 930 г. Он практически буквально повторяет его: «Буртасы племя соседнее с хазарами; между ними и хазарами не живет никакого другого народа; это народ, рассеянный по долине реки Итиль...» [Караулов 1901, с. 49].

Ал Мас'уди (середина X в.) знает о буртасах следующее: «Из страны Буртас вывозят шкуры черных лисиц, представляющие самые лучшие и самые ценные меха. Из них существует несколько видов: бурые и белые, неуступающие в ценности собольему и песцовому... Черные лисьи меха не встречаются нигде в мире, кроме этой страны (Буртас) и соседних с нею стран... Часто вывозят их в северные страны славянских земель, так как буртасы находятся близко от севера...» [Караулов 1908, с. 34].

Особое внимание привлекает отсутствующее в «Анонимной записке» замечание ал Мас'уди об оседлом образе жизни буртасов: «...вдоль нее (р. Буртас — А. Т.) живут оседлые тюркские племена, составляющие часть хазарского царства. Их поселения тянутся непрерывно между Хазарским царством и бургарами...» [Минорский 1963, с. 196]. Вероятно, данные ал Мас'уди имеют самостоятельный характер. Он не повторяет Ибн Русте, а основывается на современных ему сведениях, переданных информаторами, побывавшими в Поволжье.

Ибн Хаукаль, автор «Книги путей и государств», писавший в 976–977 гг., во многом дублирует сведения ал Мас'уди. Однако очевидно, что у него есть и новые данные, записанные по собственным

впечатлениям. Эти данные отражают ситуацию, сложившуюся после похода русов на Итиль в 969 г.

По всей видимости, во второй половине X в. буртасы окончательно оттесняются от меховой торговли. Их имя в восточных источниках заменяется именем русов, выполнявших теперь все основные торговые и посреднические функции. Именно русы скупают меха у местного населения Восточной Европы (в том числе и у буртасов) для того, чтобы перепродать этот товар купцам из мусульманского мира или жителям столицы Хазарского каганата — Итиля. Итиль был важным перевалочным пунктом в торговле между Восточной Европой и Прикаспийскими мусульманскими странами. Ибн Хаукаль пишет о хазарах: «...а что вывозится из их страны (А. Т. — Хазарии), а именно: мед, воск и шерсть, они сами получают из стран русов и болгар; то же самое можно сказать и о шкурах бобра, вывозимых во все страны и встречающихся только в реках севера, находящихся только в землях русов, болгар и Куяба... Большая часть этих шкур, даже почти все они встречаются в странах русов...» [Караулов 1908, с. 112–113].

Тем не менее, вытеснение буртасов из меховой торговли в Поволжье и окончательная замена их посредниками-русами (последние не только перекупали, но и отнимали этот ценный товар у местных жителей, а после походов Олега получали его в качестве дани) не означает, что буртасы полностью исчезли как народ или как союз племен. По всей видимости, они по-прежнему занимали традиционные места своего обитания, но были уже подчинены хазарам. В частности, во время похода русов 969 г., Ибн Хаукаль, как и более ранние авторы, указывает на их соседство с хазарами и на их продолжающееся проживание в районе Волги: «Затем пришли русы, разрушили все это, и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртасским на реке Итиль» [Караулов 1908, с. 114]. После этих событий буртасы, очевидно, оказались в зависимости от волжских болгар, которые, по мнению А. Х. Халикова, к 70-м гг. X в. вплотную приблизились к землям вятичей. Пытаясь обезопасить свою западную границу, они создали в указанном регионе сеть форпостов, в сферу влияния которых могли попасть и территории буртасов [Халиков 1986, с. 8]. В дальнейшем эта территория на несколько столетий становится ареной борьбы между Булгаром и русскими князьями за преобладание в Среднем Поволжье [История Татарии 1937, с. 27–31].

Анонимный автор «Худуд ал Алам» (983 г.) знает о буртасах немало, скорее всего, его сведения представляют собой сокращенную компиляцию данных предшествующих авторов: «Слово об области бердасов. Они — люди, придерживающиеся веры гузов; владеют палатками; мертвых сжигают; повинуются хазарам; их доход от мехов горностаев...» [Бартольд 1973, с. 545].

Между 1050–1053 гг. была написана книга персидского автора Гардизи «Украшение известий». По мнению В. В. Бартольда, сведения о Восточной Европе Гардизи заимствует, в основном, у Ибн Русте, а также, возможно, у Ибн Хордадбеха. О буртасах Гардизи знает следующее: «...Вся местность между их владениями и страной хазар представляет равнину; на пути есть населенные места, с источниками, деревьями и текущими водами. Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итилю, на судне; другие едут сухим путем. Их оружие — два дротика, топор и лук; панциря и кольчуги у них нет, лошадь имеет не всякий, а только очень богатые. Их одежда — серьги (?) и джубба. Плодов в той стране нет; вино у них делается из меда. Они носят шапки, и обертывают их чалмами» [Бартольд 1973, с. 58].

Ещё один автор, упоминавший буртасов, — ал Бекри — жил во второй половине XI в. Он никогда не выезжал из Испании и умер в 1094 г. Сведения об этом народе содержатся в его географической компиляции «Книга путей и стран». По мнению переводчика текста В. Розена, в параграфах, посвященных буртасам, булгарам, хазарам и т. д., ал Бекри, скорее всего, не пользовался непосредственно произведением Ибн Русте. Можно предположить, что он был знаком с каким-то текстом, автор которого либо заимствовал свои сведения у Ибн Русте, либо имел с ним одинаковые источники. Таким автором, по мнению В. Розена, мог быть ал Джейхани [Известия Ал-Бекри...1878, с. 17]. В результате в компиляции ал Бекри содержится следующее сообщение о буртасах: «Что же касается земли Фрдас-ов, то она лежит между Хазарами и Блкан... Вера их сходна с верою Гузов. Они имеют обширную страну и много торговых мест; земля их имеет в длину 1,5 месяца пути

1 Абд ал Хайй б. ад-Даххак б. Махмуд Гардизи был современником султана Зазны Зайн ал Мила 'Абд ар-Рашида б. Махмуда (1049–1053 гг.), которому и посвятил свою книгу «Зайн ал-ахбар» [Стори 1972, с. 288].

и в ширину столько же... Большая часть их деревьев — халендж и главное их богатство мед и куний мех. И имеют они большие стада рогатого скота и овец, и обширные пашни. Одно из их племен сожигает своих убитых, а другое хоронит их. И когда у них девушка достигнет совершеннолетия, то у отца ее нет больше власти над ней: она избирает себе мужем кого захочет» [Известия Ал-Бекри...1878, с. 61–62].

Отдельные сведения о буртасах сохранил и известный географ XII в. ал Идриси (1100 — 1164 гг.). Во-первых, ему известно о непосредственном соседстве буртасов и болгар, буртасов и хазар — это общее место арабо-персидской географии. Далее он приводит привычные данные о протяженности их земли — 15 дней пути. Из этнографических описаний в его работе содержится только следующее указание: «Это хозяева деревянных домов, а также войлочных шатров...» [Бейлис 1984, с. 217].

Вплоть до позднего средневековья в арабо-персидской географической литературе практически без изменений сохраняется «сюжет» о буртасах. В частности, в «Книге ароматного сада с сообщениями о странах» ал Химйари, магрибского ученого второй половины XV в., можно прочесть следующее: «...Они (буртасы — А. Т.) зависимы от Хазарского правителя, и нет у них собственного властелина. Однако в каждом селении есть судья, который решает спорные вопросы... Религия их напоминает религию гузов... Страна их обширная и плоская и имеет протяженность пятнадцать дней пути в ширину и столько же в длину. Могут они выставить десять тысяч всадников. Их леса состоят в большинстве из деревьев, называемых хаданг, а большую часть богатства составляют мед и меха. Есть у них также много рогатого скота, овец и обширные обрабатываемые поля. Одна часть этого народа хоронит своих покойных, другая, однако, сжигает останки... Буртасы имеют густые волосы. Одежда их состоит из шапок, рубашек, плащей с широкими рукавами. Оружие их составляют копья, щиты и кольчуги» [Левицкий 1960, с. 135]. Вероятнее всего, эти сведения ал Химйари позаимствовал у Ибн Русте, ал Истахри и ал Бакри. В сообщении о вооружении буртасов, очевидно, вошло искажение, связанное с неоднократным переписыванием этого отрывка разными авторами. Таким образом, вместо утверждения о том, что у буртасов нет панцирей и кольчуг, возникло обратное мнение о наличии у них щитов и кольчуг. В остальном ал Химйари достаточно точно передает данные, содержащиеся в текстах его предшественников.

Итак, суммируя сведения всех приведенных выше арабо-персидских источников (исключая при этом явные противоречия и ошибки), можно сделать следующие выводы. По мнению восточных авторов, буртасы жили на равнинах, земля их была обширна и покрыта лесами (или имела леса). Между хазарами и буртасами дорога шла по степи или по реке (Итилю — Волге). Наибольшую известность буртасы снискали себе благодаря торговле пушниной. Среди арабо-персидских авторов долгое время бытует представление о том, что пушнина поступает в страны ислама из «страны Буртас». Именно поэтому меха куниц, белок, лис, бобров получили на востоке название «буртасы». Кроме того, буртасы активно занимались пчеловодством, у них не было никаких плодов (вероятно, не было ни садоводства, ни виноградарства), поэтому вместо вина они пили хмельной напиток, сделанный из меда. У них были пашни. Знали буртасы и скотоводство: разводили крупный рогатый скот, овец, однажды были упомянуты и верблюды. У богатых буртасов встречаются кони. Мервази пишет даже о разведении буртасами свиней, однако, по мнению Б. Н. Заходера, это «должно характеризовать не столько реальный факт, сколько брезгливое отношение мусульманина к «нечистым», употребляющим свиное мясо» [Заходер 1962, с. 244].

Жили буртасы, как правило, в деревянных домах, но могли пользоваться шатрами или палатками (по-видимому, летом). Вооружение буртасов составляли кинжалы, секиры-топоры, луки и копья. В то же время по требованию царя хазар их народ мог выставить до 10000 всадников, что свидетельствует о достаточно развитом коневодстве. Одежда буртасов, по мнению восточных авторов, типична для населения Восточной Европы, следовательно, средневековые информаторы не находят в ней ничего особенного. Вера у буртасов языческая и напоминала мусульманским писателям веру кочевых тюркских племен — гузов. В погребальном обряде наблюдаются как трупосожжение, так и трупоположение. Общественные и семейные отношения находились на стадии племенного строя. Девушки по достижении зрелости сами выбирали себе женихов. Общего управления государственного типа у буртасов не существовало, а в каждом поселке находились вожди или старейшины, выполнявшие судебные и иные властные функции.

Полученные данные весьма лаконичны, тем не менее, дают достаточно представление о ХКТ, системе социальной организации, основ-

ных чертах погребального обряда и религии буртасов. Такой комплекс сведений вполне может быть использован для сравнительной характеристики буртасов и раннесредневековой мордвы на основе наличного (опубликованного) археологического материала.

Как точно в свое время отметил Г. Е. Афанасьев [Афанасьев 1984б], ни один из авторов, писавших о буртасах и мордве, не провел полного сравнительного анализа их хозяйственно-культурных характеристик. Сам Г. Е. Афанасьев осуществил подобный анализ, сопоставив данные восточных авторов о буртасах с археологическими характеристиками населения СМК, но не сделал того же по отношению к археологическим и этнографическим признакам мордвы. Таким образом, соответствующий анализ остается по-прежнему актуальным.

Итак, мордва VIII–X вв. жила на равнинах южнее Оки, в лесах, а возможно, и лесостепи. Как отмечал В. И. Вихляев, восточная граница традиционного расселения мордвы проходила по Суре, а южная — находилась в верховьях Суры и Цны¹. По его мнению, на протяжении I-го тыс. н. э. и по начало II-го тыс. н. э. этот ареал оставался практически неизменным [Вихляев 1988, с. 11]. Только с XI в. население лесостепного Поволжья начинает «оттягиваться» к северу, испытывая давление «диких» половцев. Следовательно, между территорией мордвы и хазарами действительно протянулись пространства лесостепи и степи. Можно предположить, что сообщение между ними осуществлялось и по речному пути, в частности по Волге или по Цне, а затем — по Оке и Волге и т.д. В восточных и южных пределах обитания мордвы лес перемежался с лесостепью, что создавало благоприятные условия для развития того комплексного хозяйства, о котором писали восточные авторы.

Полученные в результате раскопок селищ VII–IX вв. представления о традициях домостроительства мордвы вполне сопоставимы с данными арабо-персидских авторов о преобладании у буртасов деревянных жилищ стационарного характера. Как отмечает А. Л. Голубева, наиболее характерный тип жилища мордвы — это наземный срубный дом с углубленной центральной частью. Его стены сооружались из

¹ «Формирование мордвы происходило в междуречьях Оки, Волги, Цны, Суры, Алатыря. Древнейшая область обитания эрзи — бассейн Суры, мокши — бассейн одноименной реки» [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 97].

вертикально врытых тесаных досок, обмазанных глиной. Вдоль стен располагались земляные нары. Отапливалось такое жилище находившимся посредине очагом или глинобитной печью [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 101].

Охота и пчеловодство являлись традиционными занятиями мордвы [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 106], что вполне возможно как в лесной, так и в лесостепной зоне. Археологических данных о пчеловодстве мордвы в VIII–X вв. нет, и, вероятно, не может быть. Тем не менее, этнографические параллели, сообщения более поздних средневековых авторов, сами природные условия местожительства мордвы говорят о том, что пчеловодство этому народу было хорошо известно.

Все виды пушного зверя, о которых пишут арабские авторы, встречаются и на территории проживания мордвы. В первую очередь это касается куниц, белок, лисиц и бобров. Интересно, что, располагавшийся буртасов гораздо южнее, на территории степного Поволжья и вплоть до перволоки, Б. А. Васильев считал, что бобровый мех они покупали у болгар, а потом уже перепродавали его восточным купцам [Васильев 1960, с. 204]. Именно поэтому, по его мнению, бобровые меха получили на востоке название «буртасских мехов». Вызывает удивление такая характеристика роли буртасов в меховой торговле. По данным всех названных выше восточных авторов, именно земля буртасов славится мехами. Меха — одно из основных её богатств. Буртасы, по всей видимости, сами добывают меха, а потом уже продают их купцам.

Известно также, что посредниками во всех видах торговли, процветавшей в VIII–X вв. на Волге (работорговля, торговля мехами), были русы и болгары [История Татарии 1937, с. 17–23]. Именно они скупали, отнимали или вжимали в виде дани у местного населения меха, после чего продавали их восточным купцам. Пока буртасы находились под хазарским протекторатом, часть мехов поступала в столицу Хазарского каганата — Итиль. Затем уже оттуда купцы — персы, арабы и евреи — вывозили этот ценный товар в Среднюю Азию, Закавказье, Иран и на Ближний Восток. Оставшиеся меха¹ буртасы могли сами продавать

¹ Налоговое давление хазар на приграничные регионы, судя по сообщениям ПВЛ, не было чрезмерным.

купцам и посредникам во «множестве торговых мест», наличие которых отмечают у них восточные авторы. Таким образом, допустимо проведение некоторых параллелей. Территория мордвы была связана речными путями с бассейном Оки и Волги. Мало того, часть мордовского населения проживала непосредственно на берегах этих рек, являвшихся основными транспортными артериями региона. Понятно, что в таких условиях аборигенное население имело все возможности для продажи добытые на охоте мехов. Очевидно, что такая важная характеристика деятельности буртасов, как торговля пушниной, была вполне применима и для мордвы VIII–X вв.

Земледелие в его пашенной форме распространяется у мордвы во второй половине I тыс. н. э., а с VIII–X вв. оно уже становится ведущей отраслью хозяйства [Вихляев 1988, с. 19–20]. В то же время мордва занималась и придомным скотоводством [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 106]. Нет ничего удивительного в том, что в хазарский период, когда торговые связи со Средней Азией были сильны и регулярны, отдельные представители мордовского населения могли приобретать себе и верблюдов. Вполне вероятно, что именно активное участие в пушной торговле со среднеазиатскими купцами давало им такую возможность. Характерно также, что скотоводство у мордовского населения до VII в. даже преобладало над земледелием, которое тогда имело характер подсечного [Полесских 1977, с. 45]. Интересно, что среди пород скота, употреблявшихся в пищу населением лесостепного и лесного Поволжья, археологически зафиксированы и верблюды. По крайней мере, по данным А. Х. Халикова, на памятниках именьковской культуры кости верблюда составляют до 2% кухонных остатков [Халиков 1971, с. 60].

Судя по данным мордовских могильников, в частности Крюковско-Кужновского [Материалы по истории мордвы 1952], у мордвы, как и у населения СМК, в качестве предметов вооружения использовались топоры, луки со стрелами, копья, кинжалы и неназванные восточными авторами сабли. По всей видимости, вооружение и боевое снаряжение мордовских племен еще в V–VII вв. складывалось под сильным влиянием алано-сармат [Вихляев 1974, с. 58]. Позже, уже в хазарское время,

двусторонние торговые связи между аланами и мордвой усиливаются¹. В частности, представление об этом дают весьма значительные для условий племенного строя масштабы импорта аланского оружия, конской сбруи и поясных наборов [Петербургский 1976, с. 130]. Именно поэтому в комплексах вооружения мордвы и населения лесостепного варианта СМК, аланского по своей этнической принадлежности, зачастую наблюдается большое сходство. Так, сабли в обоих случаях являются достоянием военной элиты, воинов-всадников. Как отмечает В. И. Вихляев, для мордвы в V–VII вв. захоронения с конем были достаточно типичны (каждый второй погребенный мужчина — воин-всадник). Количество таких погребений уменьшается только в хазарское время (каждый пятый), что объясняется как определенной военно-политической стабилизацией, так и прямым давлением со стороны хазар [Вихляев 1988, 20–21].

К VII в., возможно, под влиянием племен именьковской культуры у мордвы появляется обряд трупосожжения [Вихляев 1988, с. 19]. В VIII–X вв. он уже достаточно широко распространен, несмотря на общее преобладание обряда трупоположения [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 101]. Например, на Крюковско-Кужновском могильнике из 586 погребений 101 (около 17%) совершено по обряду трупосожжения. Примерно такое же соотношение дает Журавнинский II (23% кремации), Старобадиновский II (14,8%), Елизавет-Михайловский (18,7%) и др. могильники [Аксенов, Гришаков 1988, 63–64]. На Армиевском могильнике IX–X вв. погребения с трупосожжением были сконцентрированы в северной, а с трупоположением — в центральной и южной частях его площади [Белорыбкин 1985, с. 138].

Религиозные представления мордвы имеют явно языческий характер. В отдельных аспектах они аналогичны верованиям салтово-маяцкого населения (солярные амулеты-подвески в виде небольшого круга с петлей для подвешивания и амулеты с лучами-спицами, «конские»

¹ Характерно, что в этот период истории проникновение алан в среду поволжского населения регистрируется не только на правобережье, но и на левобережье. По мнению С. И. Руденко, могильник у с. Левашовки принадлежал одному из обособившихся в Башкирии аланских племен. В разных местах Башкирии обнаружено также большое количество вещей аланского типа [Руденко 1955, с. 29].

подвески, амулеты с верблужьими головками, повернутыми мордами в разные стороны, амулеты с птичьими головками и т. д. [Вихляев 1974, с. 60]). По всей видимости, древнемордовские племена испытали влияние общеэвразийских культурно-религиозных традиций (иранских и тюркских) и усвоили часть из них [Флерова 2001, с. 30–53]. В частности, помимо погребального обряда (имевшего все же определенную этническую специфику), к числу таких традиций можно отнести поклонение небу и земле, солнцу и молнии, особое отношение к коню и т. д. [Бубенок 1997, с. 19–24]. Вероятно, в контексте степных, евразийских ценностных приоритетов можно рассматривать доблесть и воинский дух населения, ставшие неотъемлемой частью менталитета поволжских народов еще в скифо-сарматское время [Бубенок 1997, с. 43–44, 140–141]. В таком контексте верования мордвы для стороннего наблюдателя из мусульманского мира вполне могли быть сопоставимы с религией гузов.

Между мордвой и салтовским населением Подонья-Придонецья в хазарское время существовали постоянные межплеменные контакты. Последние проявлялись в наличии импортных изделий, известных, прежде всего, по материалам могильников (например, тех же Крюковско-Кужновского, Журавнинского и т. д.). На салтовских могильниках Придонецья известны вещи поволжского происхождения, финно-угорского облика, например, достаточно широко распространенные конские подвески (Сухая Гомольша, Верхний Салтов) [Михеев 1982, с. 156–167; Флерова 2001, с. 45, 47, 92]. На могильниках мордвы также встречаются салтовские украшения и амулеты. Кроме того, были зафиксированы мужские поясные наборы, керамика салтовских типов, даже в головных уборах прослеживаются аланские элементы [Вихляев 1988, с. 21]. Нужно обратить внимание и на бронзовые или серебряные серьги салтовского типа с подвесками из одного шарика с зернью или из нескольких шариков. Как отмечает В. И. Вихляев, до VIII в. мордва не знала таких форм ювелирных изделий, они начинают распространяться среди мордовского населения только с приходом алан на Дон. Среди предметов салтовского происхождения можно назвать также ботала, оружие, в частности сабли, аналогичные найденным на Верхне-салтовском могильнике, предметы конского снаряжения и т. д. [Вихляев 1974, с. 60–61].

Отсутствие сведений письменных источников не позволяет однозначно судить о форме этих контактов. Однако, оценивая отмеченный

набор предметов обмена, можно сделать вывод, что они не были слишком оживленными. Очевидно, такие контакты не имели товарно-денежного выражения и отражали племенную стадию общественных отношений. Все отмеченные выше предметы, как правило, не являлись объектом торговли и не производились в товарных масштабах в местах своего изготовления. Ремесло как у салтовцев так и у мордвы, носило все еще общинный характер. За пределы общины такие предметы выходили случайно, в силу каких-то субъективных причин. Скорее всего, подобные контакты возникали в результате естественного географического соседства, наличия коммуникаций по речным путям — Дону, притокам Дона и Оки. Возможно также, что они существовали и благодаря единому хазарскому господству, объединявшему эти регионы около двух столетий. Наконец, свою роль сыграло и военно-политическое преобладание салтовского населения в Подонье-Придонецье. Реализовывая функцию форпоста хазарского государства на северо-западе, салтовцы собирали дань, совершали объезды территорий, подавляли племенные восстания.

Эффективная социальная организация, традиционный комплекс вооружения, высокая боеспособность салтовского населения могли служить примером для подражания. В результате предметы, напрямую связанные с военным делом (оружие и конская сбруя), личные украшения, определяющие статус человека (например, мужские поясные наборы), становились объектом заимствования соседей, лишняя раз подчеркивая особое положение (военное и социальное) их владельцев. Подражают в варварском обществе тому, что вызывает восхищение и зависть, служит индикатором успеха, побед и воинской доблести. Салтовские, алано-болгарские конные отряды, лошади военачальников с очельями и султанами, сложный набор вооружения, дружинно-героическая семантика поясных наборов — все это должно было поражать воображение традиционно воинственного населения Поволжья (в том числе и мордву). Вероятно поэтому производство подобных предметов было освоено и самими мордовскими ремесленниками [Вихляев 1974, с. 61].

Характерно, что после того, как хазарская геополитическая система, в которой немаловажную роль должны были играть алано-болгарские племена Подонья-Придонецья, рухнула, аланское влияние на мордву заметно ослабевает. В XI–XII вв. аланских вещей уже нет в

мордовских могильниках. Возможно, языческая мордва, которая очень высоко ценила воинскую доблесть, не стала подражать уже побежденному и потерявшему свое положение народу. Именно о таком этнопсихологическом настрое свидетельствует сообщение монаха-путешественника Юлиана, наблюдавшего мордву в XIII в.: «Мордвины-язычники до того жестоки, что у них считается никуда не годным тот, кто не убил много людей. Если кто-нибудь у них идет по дороге, несут перед ним головы всех людей, убитых им, и чем больше голов, тем он лучше сам. Из черепов делают чаши и охотно пьют из них. Жениться тому нельзя, кто не убил человека» [Аннинский 1940, с. 71–112; Бубенок 1997, с. 141].

Мордва второй половины I тыс. в своем общественном развитии не выходит за пределы племенного строя¹. Даже в конце XII — начале XIII вв., т. е. уже после подчинения этих территорий русским княжествам, она сохраняет его пережитки, что вполне соответствует описанию общественных и семейных отношений буртасов восточными авторами. Судя по данным археологии, в последней четверти X в. мордовские племена жили вдоль рек. Их поселения образовывали типичные для этого времени гнезда — археологический эквивалент племенной организации общества. Населения на мордовских территориях было немного, между гнездами-племенами наблюдается большое расстояние. Заселены были только берега рек, на водоразделах не было постоянного населения, здесь росли густые леса, а на юге, в лесостепи, могли существовать и участки степного ландшафта. Естественно, что в таких условиях у мордвы не возникло никакого центрального управления. Внутренняя жизнь регулировалась на основе типичных для племенного строя форм самоорганизации. В общинных поселках могли существовать советы старейшин, описанные восточными авторами. Более крупные звенья племенной организации в условиях хазарского мира вряд ли имели ярко выраженный регулярный характер, т. к. до середины X в. именно хазары обеспечивали стабильность военно-политической ситуации в регионе.

Таким образом, мордовская гипотеза идентификации буртасов по-прежнему имеет право на существование. Можно сказать, что

¹ В частности, архаичную форму общественных отношений отражает, по мнению Е. И. Горюнова, застройка селища Полянки, наиболее полно раскопанного ранне-средневекового мордовского поселения [Финно-угры и балты в эпоху средневековья 1987, с. 101].

средневековая мордва даже в большей степени, чем население лесостепного варианта СМК, обладает теми хозяйственно-культурными и этнографическими признаками, которые приписывают буртасам восточные авторы. В таком контексте аргументация Г. Е. Афанасьева, связанная с хозяйственно-культурными характеристиками СМК и буртасов, становится не такой однозначной. Эти характеристики вполне применимы не только к мордве (как было показано выше), но (при более внимательном изучении) и к другим группам раннесредневекового населения Восточной Европы. Вероятно, вопрос о локализации буртасов в VIII–X вв. (независимо от «мордовской» или «салтово-маяцкой» гипотез) должен решаться не столько на основе описания их образа жизни, типичного для многих оседлых и полуседлых народов того времени, сколько при помощи основных географических ориентиров, содержащихся в работах арабо-персидских авторов.

§ 4.2. Локализация буртасов арабо-персидских авторов и Северо-Западная Хазария

Несмотря на существование целого ряда научных направлений, представители которых придерживались тех или иных точек зрения на локализацию раннесредневекового народа — буртасов, большинство из них определяло местонахождение этого народа в районе среднего Поволжья, как правило, на правобережье, чаще всего, в лесной зоне.

Следует еще раз подчеркнуть, что востоковеды разных поколений, как в XIX, так и в течение всего XX в. достаточно уверенно отождествляли буртасов с раннесредневековой мордвой и располагали их на правом берегу Волги, примерно в ее среднем течении¹ (Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави, Ф. О. Вестберг, В. В. Бартольд, Б. Н. Заходер, А. П. Новосельцев, Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова, Д. Е. Мишин и т. д.). Таковую же точку зрения на расположение буртасов разделял автор классической для советской науки работы по истории хазар — М. И. Артамонов [Артамонов 1962, с. 224–230].

¹ Характерно, в этом отношении, определение В. В. Бартольда, приведенное в его известных статьях к «Энциклопедии Ислама»: «...Буртасов отождествляют с финским народом, называемым русскими «мордвой». Места их расселения граничили на Оке непосредственно с местами поселения славян и простирались довольно далеко на север...» [Бартольд 1963, с. 869].

В то же время, Г. Е. Афанасьев (развивая идею об идентичности буртасов и населения СМК) утверждает, что география распространения археологических памятников Подонья — Придонецья полностью соответствует рассказам о буртасах, содержащихся в произведениях арабо-персидских авторов. Насколько справедливы эти выводы Г. Е. Афанасьева, и предстоит установить далее.

Прежде всего, Г. Е. Афанасьев дифференцирует географическую информацию восточных источников, разделяя их на «три группы» в зависимости от достоверности и точности тех сведений, которые позволяют определить местонахождение буртасов. К первой группе он относит Ибн Русте, Гардизи, ал Бекри и Марвази, отмечая, что они дают наиболее полную информацию о буртасах. При этом, по мнению Г. Е. Афанасьева, названные авторы ничего не говорят ни о том, что Волга проходит непосредственно через земли буртасов, ни о том, что они живут на берегах этой реки [Афанасьев 1984б, с. 32; Афанасьев 1988, с. 87–88].

Вторая, по Г. Е. Афанасьеву, группа источников «утверждает, что Итиль протекает через землю буртасов». К ней относятся, прежде всего, ал Истахри и Ибн Хаукаль. Г. Е. Афанасьев считает, что эта группа имеет «самую незначительную и разбросанную информацию о буртасах» [Афанасьев 1984б, с. 33].

И, наконец, к третьей группе исследователь относит те источники, которые, по его мнению, «помещают страну буртасов в стороне от Итиля». Это — анонимное персидское сочинение «Худуд ал Алам», написанное в конце X в., а также некоторые произведения автора середины X в. ал Мас'уди. Именно на основе анализа данных последней группы источников Г. Е. Афанасьев делает вывод о том, что земля буртасов располагалась к западу от Волги, на какой-то другой реке (реке Буртас, по сообщению ал Мас'уди¹).

Приведенное выше разделение трудов арабо-персидских авторов, предпринятое Г. Е. Афанасьевым, вызывает ряд возражений. Особенно обращает на себя внимание то, что в третью группу (имеющую якобы наиболее реальные сведения о буртасах) попало анонимное произведение

¹ Проблема идентификации и локализации реки Буртас ал Мас'уди будет рассмотрена ниже, в отдельном параграфе.

«Худуд ал Алам». Востоковеды, исследовавшие этот источник, достаточно убедительно показали, что он является «книжной» компиляцией, в которой механически объединены данные более ранних авторов, прежде всего Ибн Русте [Новосельцев 2000, с. 389–391]. Более того, приводимые в «Худуд ал Алам» сведения о народах Восточной Европы часто оказываются перепутанными и несоответствующими не только реалиям конца X в., но и исходному тексту «Анонимной записки». В результате и Ибн Русте, и писавшие в XI в. ал Бакри и Гардизи передают исходный текст «Анонимной записки» точнее, и именно их работы позволяют реконструировать этногеографию Восточной Европы в хазарское время. В «Худуд ал Алам» же, напротив, перепутанны буртасы и волжские болгары, и только там, где речь идет о народе барадас (собственно буртасы), кратко передаются отдельные этнографические сведения, восходящие к тексту «Анонимной записки» [Мишин 2000, с. 52–63]. Таким образом, в «Худуд ал Алам» информации о буртасах не то что не больше, чем в источниках «первой и второй групп», а, скорее, даже значительно меньше. Такая информация вряд ли может стать основой для самостоятельного исследования и уж конечно не должна использоваться без параллельной проверки тех же данных у других арабо-персидских географов.

Далее, причисление таких авторов, как ал Истахри и Ибн Хаукаль ко «второй группе», менее достоверной, чем предыдущая, по мнению Г. Е. Афанасьева, вызывает определенные сомнения. Данные представители «классической» школы арабской географии демонстрируют, в отличие от автора «Худуд ал Алам», достаточно современное и в определенных вопросах даже более точное, чем «Анонимная записка» знание восточноевропейских реалий X в. В частности, писавший в 30-е гг. X в. ал Истахри и его ученик (последователь) Ибн Хаукаль (60–70-е гг. X в.) неплохо знают среднее и нижнее течение Волги и достаточно подробно описывают населяющие ее берега народы. При этом они хорошо ориентируются в политическом устройстве Хазарского каганата и знакомы с условиями жизни в его столице — Итиле. Именно они сообщают о делении русов на три разряда — «джинс», знают о существовании Киева — «Куябы», «Славии», которую современные исследователи обычно связывают с северной Русью, Новгородом и Ладогой, и «Артании» — вероятно, поволжской Руси.

Наконец, именно благодаря Ибн Хаукалю современная наука получила представление о том, что Хазарский каганат был разрушен в результате двух походов: Святослава 965 г. и поволжской или северной руси 969 г. [Вестберг 1908, с. 3; Калинина 1976, с. 91–93; Новосельцев 1990, с. 225–227; Коновалова 2003, с. 183]. Как известно, во время похода русов 969 г. сам Ибн Хаукаль находился неподалеку, в Джурджане, и был, по сути, свидетелем этого события [Крачковский 1957, с. 202]. Кроме того, хотелось бы подчеркнуть, что очень точное, с указанием пунктов и расстояний, описание северо-западного Прикаспия, выполненное этими авторами, свидетельствует, если не об их личном присутствии в регионе, то, по крайней мере, о наличии у них весьма осведомленных и наблюдательных информаторов. Таковыми, скорее всего, являлись купцы, торговавшие на Северном Кавказе и в Восточной Европе. Все это позволяет с гораздо большим, чем Г. Е. Афанасьев, доверием относиться к сообщениям ал Истахри и Ибн Хаукаля, в том числе и в ходе поиска мест проживания буртасов в X в.

Что касается сведений ал Мас'уди о расположении буртасов (в частности об их участии в разгроме русов на Волге в 913/14 гг.), то, как представляется, они не опровергают, а, напротив, подтверждают локализацию этого народа именно в Поволжье. Очевидно, речь идет о районе среднего течения Волги, а также о правобережье Оки и ее притоках.

Таким образом, решая проблему локализации народа буртас на территории раннесредневековой Восточной Европы, прежде всего, необходимо снова обратиться к данным арабо-персидских авторов. Дополнительные сведения в этом случае предоставляет еврейско-хазарская переписка, особенно «пространная» редакция письма хазарского царя Иосифа Хасдаи ибн Шафруту. В этом документе буртасы упоминаются наряду со своими соседями, другими народами Восточной Европы, якобы подчиненными хазарам. Как представляется, в названных группах источников есть достаточно историко-географических ориентиров, позволяющих определить примерное местонахождение буртасов, соотнося его с основными рекам региона, соседними народами или государственными образованиями.

Как уже отмечалось выше, одним из первых сведения «Анонимной записки» о буртасах передает автор начала X в. Ибн Русте: «Земля Буртасов лежит между Хазарскою и Болгарскою землями, на расстоянии

пятнадцатидневного пути от первой. Буртасы подчиняются царю хазар и выставляют в поле 10000 всадников... Земля их просторна и обилует лесистыми местами. На болгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги... Земля ими обитаемая, ровна, а из деревьев чаще всего встречается в ней Хелендж... Страна их как в ширину, так и в длину простирается на 17 дней пути.

Болгарская земля смежна с землей Буртасов. Живут болгаре на берегу реки, которая впадает в море Хазарское, и прозывается Итиль, протекая между землей Хазарской и Славянской... От земли Буртасов до земли этих Болгар три дня пути. Последние производят набеги на первых, грабят их и в плен уводят» [Известия о хазарах... 1869, с. 19–24].

Как принято считать в современной историографии, сведения о протяженности земли буртасов, впрочем, как и о площадях земель других народов, упомянутых в «Анонимной записке», являются очень неточными и не отражают географических реалий. Действительно полезной информацией в данном случае является определение взаиморасположения того или иного народа, а также указания на такие ориентиры, как Волга, Каспий и т. д.

В данном случае возможность для локализации буртасов дает представление о том, что они расположены между булгарами (волжскими) и хазарами. Причем даже в относительном представлении информаторов автора «Анонимной записки» (в днях пути), буртасы расположены дальше от хазар (пятнадцать дней) и ближе к булгарам (три дня). Арабские купцы путешествовали по Восточной Европе, используя, главным образом, водные пути. Основной водной артерией, по которой развивалась торговля между народами Восточной Европы и мусульманским миром, была именно Волга. Таким образом, логично предположить, что взаимное расположение хазар, буртасов и болгар описано информатором (купцом), совершавшим торговое путешествие по Волге из Итиля в Булгар. Естественно, что он мог описать именно те народы, которые действительно встретились ему на пути. Если буртасы, как настаивает Г. Е. Афанасьев, действительно жили в Подонье-Придонецье (регион удален от фарватера Волги на запад на несколько сотен километров), они вряд ли попали бы в поле зрения плывущего по этой реке путешественника, тогда как и хазары, и булгары действительно жили на Волге.

Непосредственная близость буртасов к болгарам (три дня пути — около 100 км), подтверждаемая регулярными набегами друг на друга, свидетельствует о проживании буртасов в лесной зоне, в крайнем случае, на севере лесостепи. При этом информация, содержащаяся в произведении Ибн Русте, свидетельствует, что указанные события так или иначе происходят неподалеку от Волги. Показательно, что Ибн Фадлан, совершивший в 921 г. сухопутное путешествие в Волжскую Болгарию из Средней Азии в обход Хазарского каганата, ничего не знает о буртасах [Ковалевский 1956, с. 135–146]. Они не встретились ему на пути. В самой же Волжской Булгарии буртасы, если к тому времени они еще существовали в форме особого союза племен [Заходер 1962, с. 243], очевидно воспринимались как часть Хазарии.

Ал Балхи (умер около 940-951 гг., написал «Книгу видов земли») не только подтверждает, но и несколько дополняет Ибн Русте: «...Буртасы — народ, который граничит с хазарами. Между этими двумя народами не живет другой. Буртасы живут рассеянно по берегам Волги. Буртасы — имя страны, также Русь и Хазар...» [Известия о хазарах... 1869, с. 73]. Таким образом, буртасы не только непосредственные соседи хазар в поволжском регионе, но еще и «живут рассеянно по берегам Волги». Вполне возможно, что в период достаточно длительного подчинения хазарам, пользуясь определенным миром, буртасы (вероятно, все-таки — мордва) расселялись южнее лесной зоны, выходили в лесостепь и степь, где и занимались скотоводством, о котором также пишут восточные авторы.

Данные «Анонимной записки», сходные с текстом Ибн Русте и ал Балхи, есть и у авторов XI в. — ал Бекри и Гардизи. Известно, что ал Бекри писал, никуда не выезжая из Испании, основываясь только на книжной традиции, т. е., опять же, на том или ином варианте «Анонимной записки»: «Что же касается до земли Фрдас-ов, то она лежит между хазарами и Блкан. Между нею и землею Хазар — 15 дней пути. Они (Буртасы) воюют с Блкар-ами и Печенегами... Земли Блкар-ов граничат со странами Фрдас-ов. И между странами Блкар-ов и Фрдас-ов — три дня пути. И их (Болгар) жилища находятся на берегу реки Итиля; и они — между Фрдаса-ми и Славянами...» [Известия Ал-Бекри... 1878, с. 1–63].

Помимо уже зафиксированного расположения земли буртасов (между хазарами и болгарами) здесь есть важное указание на то, что

болгары, в свою очередь, находятся между буртасами и славянами. Если бы буртасы располагались в ареале лесостепного варианта СМК, в Подонье-Придонецье, то логичнее было бы предположить, что славяне (вятичи) находятся между ними и волжскими болгарами. Но ал Бекри четко указывает, что болгары живут «между Фрдаса-ми и Славянами». Вероятно, речь здесь идет о славянах — новгородских словенах и кривичах, занимавших «верхнюю» северную часть волжского пути из Каспия в Балтийское море. Следовательно, возникает еще один дополнительный аргумент в пользу приволжской локализации «земли буртасов».

Перс Гардизи в труде «Украшение известий», написанном между 1050–1053 гг., отмечает: «...Вся местность между их (буртасов — А. Т.) владениями и страной хазар представляет равнину; на пути есть населенные места, с источниками, деревьями и текущими водами. Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итилю, на судне; другие едут сухим путем...» [Бартольд 1973, с. 58].

Приведенная выше цитата свидетельствует о том, что к буртасам от хазар можно было приплыть по Волге — Итилю. Значит, если они и не располагались непосредственно на правом берегу этой реки, то, по крайней мере, были в пределах досягаемости для передвигавшихся по воде купцов. Кроме того, через Оку и ее притоки можно было проникнуть в самую глубь земли буртасов.

Данные ал Истахри (930-е гг.) восходят к тексту ал Балхи: «Буртасы племя соседнее с хазарами; между ними и хазарами не живет никакого другого народа; это народ рассеянный по долине реки Итиль. Буртас имя страны точно также, как Рус и Хазар...» [Караулов 1901, I, с. 49]. При описании течения Волги — Итиля ал Истахри также упоминает местоположение буртасов, соотнося его с территориями других соседних народов: «...проходит она через земли Болгар, потом через земли Буртас, пока не впадает в Хазарское море...» [Гаркави 1870, с. 193; Караулов 1901, I, с. 47].

Ал Мас'уди (950-е гг.) разделяет типичное для арабо-персидской географии заблуждение об азиатских истоках Волги. Так, он путает истоки Волги и Каму, однако, после впадения Камы в Волгу дает уже знакомую картину расселения поволжских народов: «...Что же касается реки Итиль, то она вытекает вблизи Хархиза, течет между Кайманией и Гузией, так, что образует границу между Кайманией и Гузией;

затем она выходит к западу по верхнему Булгару и обращается вспять к востоку, пока не проходит по Русу, потом проходит по Булгару, затем — по Буртасу, пока не впадает в Хазарское море» [Гаркави 1870, с. 192–193; Караулов 1908, с. 33–34].

Г. Е. Афанасьев полагал, что упоминание русов должно свидетельствовать о западном направлении земли буртасов. В этом контексте он понимал под русами только Киевскую Русь. Тем не менее, как уже отмечалось выше, восточные авторы знали несколько «видов» руси, проживавшей в разных местах Восточной Европы. Следовательно, в IX и даже в первой половине X в. такое, пусть и достаточно условное разделение руси (русов) на региональные группы, имевшие свои направления торговой и военной активности, вполне соответствовало действительности. Для восточных купцов, торговавших на Волге, Киевская Русь была достаточно отдаленным регионом. Гораздо больше их волновали отношения с русами, приходившими из верховий Волги и привозившими оттуда рабов и меха. В данном случае речь может идти о какой-то поволжской руси, которая, если брать в качестве ориентира основное течение Волги, действительно располагалась севернее болгар. В такой системе координат болгары действительно оказывались территориально между русами и буртасами, причем буртасы географически соотносились именно с поволжскими народами. Центром этой системы ориентиров в сообщениях восточных авторов является именно Волга.

Косвенно о расположении буртасов в районе Волги свидетельствует и рассказ ал Мас'уди о разгроме русов после их похода на Каспий в 913/14 г.: «...Спаслось бегством около 5000 человек. Они прошли по другому руслу реки на своих кораблях в тех местах, что граничат с буртасами. Они оставили суда и высадились на сушу, но часть их была убита буртасами, а часть достигла болгар, попала в руки мусульман и была ими избита» [Караулов 1908, с. 49; Минорский 1963, с. 200].

Судя по тому, что русы оказались у булгар, они шли на север, вдоль Волги. Высадившись на берег, вероятно, именно здесь, у Волги, они встретили буртасов. Было бы странно, если бы скрывающиеся от гвардии кагана разгромленные русы отправились за несколько сотен километров в Подонье-Придонечье только для того, чтобы там быть снова разбитыми буртасами, после чего остатки их армии, вместо того, чтобы попытаться спастись привычным водным путем по Дону и Азовскому

морю, пошли на северо-восток, в Волжскую Булгарию. Очевидно, что это было не так, и что русы шли именно на север, надеясь, миновав Волжскую Булгарию, оказаться в безопасных и знакомых местах. По дороге после хазар, что совершенно соответствует данным «Анонимной записки», они встретили буртасов, а затем и болгар.

Ибн Хаукаль в «Книге путей и государств» (976–977 гг.) частично повторял ал Истахри и ал Мас’уди, однако у него есть и новые данные, записанные по собственным свежим впечатлениям после похода русов (969 г.) на Итиль и Волжскую Булгарию: «Река Итиль выходит восточною стороною из окрестности Хирхиза, течет между Кайманией и Гузией, затем идет к западу по верхней части Булгара, возвращается вспять к востоку и проходит по Русу, затем по Булгару, потом по Буртасу, пока не впадает в Хазарское море. ...Буртас есть имя страны также, точно так Рус и Хазар. ... В настоящее же время не осталось и следа ни из Булгара, ни из Буртаса, ни из Хазара, ибо Русы напали (или истребили) всех их, отняли у них все эти области и присвоили их себе...» [Гаркави 1870, с. 218–219; Караулов 1908, с. 114]. Таким образом, Ибн Хаукаль помещает буртасов в общий список поволжских народов, пострадавших от набега русов в 969 г.

Ал Идриси (середина XII в.) составил сводную энциклопедию, основанную на всей предшествующей ему традиции. По широте охвата и эрудированности автора этот труд в арабо-персидской науке приравнивают к сочинению Клавдия Птолемея в позднеантичной географии [Коновалова 1999а, с. 3]. Ал Идриси несколько раз упоминает о местонахождении буртасов: во-первых, описывая расстояния между основными пунктами и соседство между народами в пределах Хазарского каганата; во-вторых, характеризуя течение Волги и проживающие на ее берегах племена. «...От Атила до края границ буртасов 20 дней. А буртас — это земля, от начала до конца которой 15 дней, а от буртасов до баджанакон — 10 дней, а от Атила до баджанакон — один месяц пути. От Атила до Булгара по дороге, степью, около месяца, а по воде — два месяца, это вверх по воде, а вниз по течению около 20 дней пути» [Бейлис 1984, с. 216].

Волга у ал Идриси в интересующей нас части ее течения «...протекает через земли русов, затем через болгар, далее через буртасов и течет [далее], пока не впадает в море ал-Хазар, проходя через их земли в южном направлении. ... И еще [говорится], что буртасы соседят с хазарами, и между ними и хазарами нет никакого другого народа» [Бейлис

1984, с. 217]. Сведения ал Идриси находятся в полной гармонии с данными предыдущих авторов. Буртасы живут на Волге или, по крайней мере, рядом с ней. Даже условное расстояние между столицей хазар — Итилем (Атил), буртасами и болгарами, указанное в днях пути, близко (пропорционально) соответствующим данным «Анонимной записки».

Документы еврейско-хазарского происхождения, а именно ответное письмо хазарского царя Иосифа испанскому сановнику Хасдаи ибн Шафруту в его «пространной» редакции (датируется 960-ми гг.) подтверждает точку зрения арабо-персидских авторов на приволжское расположение буртасов. Иосиф декларирует следующее: «..Я тебе сообщаю, что я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало (этой) реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-нтит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается (точному) расследованию и им нет числа. Все они мне служат и платят дань...» [Коковцов 1932, с. 98–102].

Заслуживает внимания определенное указание Иосифа на тот факт, что он говорит о народах, находящихся в непосредственной близости от Волги или даже населяющих ее берега. Он подчеркивает, что именно у этой реки — Итиля (Волги) — расположены буртасы. И все остальные народы — болгары, савиры, арису (одно из подразделений мордвы), черемисы, вятичи и словене — находятся либо на волжском пути, либо на самой Волге, в ее верховьях или, наконец, на ее важнейших притоках — Каме и Оке. Только С-в-р (вероятно, северяне) выпадают из этого списка.

Таким образом, в результате проведенного выше анализа источников (в основном, арабо-персидской традиции) можно утверждать, что приволжская локализация народа буртас по-прежнему является наиболее приемлемой и наиболее соответствующей содержанию этих произведений. Если и не располагать основной массив буртасов непосредственно на правом берегу Волги, в ее среднем течении, то в любом случае место расселения этого союза племен тяготеет к бассейну Волги и для всех восточных авторов ассоциируется именно с этой рекой.

В период своего расцвета (хазарского мира), т. е., вероятно, с конца VIII по середину X вв., буртасы могли занимать достаточно обширную

территорию Поволжья, включающую как лесную, так и лесостепную природные зоны. Показательно, что все восточные авторы свидетельствуют о достаточно большой относительной протяженности земли буртасов (в днях пути), причем как в меридиональном, так и в широтном направлении. Разделяя скептическое отношение современных исследователей к конкретным цифрам и расстояниям, содержащимся в трудах средневековых авторов, возможно, все же, их использование в качестве неких относительных ориентиров. Так, например, известно, что буртасы расположены примерно на половине пути из Итиля (Нижняя Волга) в Булгар (впадение Камы в Волгу). От буртасов до болгар расстояние небольшое — 3 дня пути (около 100 км). Следовательно, практически всю вторую половину пути от хазар к болгарам купцы следовали вдоль земли буртасов. Очевидно, что не все эти пространства были одинаково густо заселены. Как пишут средневековые географы, здесь располагались пустоши, леса, много источников вод (ручьев и притоков), но в то же время были торговые места и открытые поселки.

Известно также, что у буртасов не было государственности и жили они племенным строем. В таких условиях на столь обширных пространствах лесной и лесостепной зоны, в разнообразных ландшафтах могли жить и вести свое хозяйство (как кочевое, так и оседлое; охоту, бортничество и т. д.) племена и племенные группы разной этнической принадлежности [Заходер 1962, с. 240]. Собирательным именем для этого разношерстного населения стало «буртасы», которые, по всей видимости, ближе всех находились к Волге и создали, тем самым, впечатление о глубинных, материковых племенах. Таким образом, не исключено, что в состав союза буртасов могла входить и мордва, постоянный житель указанного региона, а также какие-то другие, несохранившиеся до нашего времени этносы, вполне возможно, что и позднеиранского происхождения¹. Работы лингвистов достаточно убедительно показали, что этноним «буртас» имеет именно иранское происхождение

¹ Характерно, что и антропологические исследования позволяют выделить в среде мордвы несколько отличающихся типов: 1) светлый массивный широколицый европеоидный тип — эрзя; 2) темный грацильный узколицый европеоидный тип — мокша; 3) субуральский тип — мокша. По мнению К. Ю. Марка, грацильный узколицый европеоидный тип имеет южное происхождение. Возможно, фатьяновское или срубно-хвалыинское. В любом случае этот тип проник сюда из более южных областей, где жили иранские племена [Марк 1960, с. 145].

[Бушаков 1995/6, с. 94–103; Добродомов 1986, с. 127–128; Добродомов 1990, с. 58].

Еврейско-хазарская переписка свидетельствует о том, что дифференциация отдельных этносов в рамках союза буртасов началась уже в X в. Так, Иосиф наравне с буртасами знает народ Арису, который современные исследователи, как правило, связывают с мордвой эрзей. Можно предположить, что в последующие столетия, после падения Хазарского каганата, уже в новых исторических условиях это разделение завершается. После этого мордва и буртасы выступали на исторической арене в качестве отдельных самостоятельных народов — явление, весьма типичное для племенных союзов, возникающих на последних стадиях существования племенного строя, особенно в условиях войн и завоеваний.

Источники эпохи становления империи Чингисхана фиксируют названия различных подразделений мордвы и буртасов в связи с завоеванием Поволжья Батыем и последующими походами монгольских армий в Европу [Бубенок 2004, с. 47–49]. Так, в «Слове о погибели Русской Земли» автор, прославляя могущество русских князей, пишет о том, что им подчинялись все земли «от моря до болгар; от болгар до буртас; от буртас до черемис; от черемис до мордвы...». На князя Владимира Мономаха якобы «...буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали...» [Худ. проза... 1957, с. 253]. Следует отметить, что в этом источнике буртасы отделены от мордвы, но в то же время локализованы как ее соседи, рассматриваются как один из народов поволжского региона.

В качестве обитателей Поволжья, завоеванных монгольскими войсками в 1237 г., упоминает буртасов Рашид ад-Дин: «...сыновья Джучи — Бату, Орда и Берке, сын Угедей каана — Кадан, внук Чагатая — Бури и сын Чингиз-хана — Кулкан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими» [Рашид ад-Дин 1960, с. 38].

Вероятно, в постхазарское время буртасы расселяются в разных регионах Восточной Европы. В этих местах их имя сохраняется как минимум до XIII в., а иногда и позже. Например, на Кавказе знают буртасов Низами и Плано Карпини. В «Искандер-наме» Низами в описании одного из сражений, произошедшего между кавказскими народами, есть следующие строки:

«Плечистые аланы позади.

Буртасы слева рвутся напролом» [Черменский 1970, с. 93].

Плано Карпини знает каких-то буртасов, которые живут в Восточной Европе. При этом он определяет их место проживания по-разному: сначала среди поволжских народов, а затем — южнее половцев: 1) «...Жоманы, Брутахи, которые суть иудеи, Мордвы, Турки, Хазары, Самогеды, Персы...» [Плано Карпини 1997, с. 60]; 2) «...с юга же к Комании прилегают аланы, чиркасы, хазары, Греция и Константинополь, также земля иберов, кахи, брутахи, которые слывут иудеями — они бреют голову, — также земля уннов, георгеанов и арменов...» [Плано Карпини 1997, с. 74].

Рядом с кавказскими черкесами и другими народами южного происхождения помещает буртасов автор рассказа о «Донском побоище» (1380 г.): «Поиде Ординьский князь Мамаи съ единомысленьки своими с всеми князи ординьскими и со всею силою Татарською и Половецкою. Еще же к тому пока именоваль рати, Бесермены и Армены, Фрязы и Черкасы и Буртасы...» [Московский летописный... 1949, с. 201].

Таким образом, если не сами поволжские буртасы, то, по крайней мере, их этноним был широко распространен. Фактически он мог служить для обозначения разных групп населения, имевших, по всей видимости, иранские корни.

Вплоть до XVII в. имя буртасов сохраняется, в той или иной форме, в среде различных поволжских народов, что позднее стало основанием для идентификации их с мари́йцами, мишарями, татарами и т. д. В документах XVII в. названы «буртасские татары», а последним считается упоминание в источниках «кадомских буртасов», датированное в 1682 г.

Все это свидетельствует о том, что носители имени буртасов в XIII в., скорее всего, не дожили до настоящего времени и растворились среди соседних народов. В то же время в VIII–X вв. союз племен, получивший название «буртасы», мог включать в себя и мордву, и другие этносы. В любом случае этот союз располагался в районе среднего течения Волги, на правобережье, и нет никаких оснований для того, чтобы перемещать его в Подонье-Придонечье, в ареал лесостепного варианта СМК.

Таким образом, если проблема локализации буртасов и получила здесь определенное разрешение, то вопрос об их этнической принадлежности, о точном составе племен, входивших в VIII–X вв. в союз буртасов, еще требует дальнейшего детального, прежде всего, археологического изучения. Вероятно, дальнейшей интерпретации требуют

археологические материалы среднего Поволжья. Наиболее перспективными в этом отношении представляются памятники типа Золотаревского городища, обнаруженные и частично исследованные на территории Пензенской области. По мнению Р. М. Полесского их можно рассматривать как памятники буртасов послехазарского, но домонгольского времени, т. е. XI–XII вв. [Полесских 1971, с. 38].

§ 4.3. Река «Буртас» средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации

Отдельного рассмотрения требует тезис Г. Е. Афанасьева, который на основе анализа сообщения ал Мас'уди о хазарах, буртасах и некой реке Буртас, пришел к выводу, что под этой рекой следует понимать Дон или Северский Донец [Афанасьев 1984б, с. 38–39; Афанасьев 1985, с. 165; Афанасьев 1988, с. 90–91].

Среди географических объектов юга Восточной Европы, известных арабо-персидским географам X в., фигурирует река Буртас, связывающая водным путем одноименное раннесредневековое население — буртасов — со столицей Хазарского каганата — Итилем. В исторической науке, начиная со второй половины XIX в., был высказан ряд предположений по поводу отождествления реки Буртас с той или иной ныне существующей рекой Восточной Европы. В частности, под рекой Буртас восточных авторов отдельные исследователи (Д. А. Хвольсон, Й. Маркварт, В. Ф. Минорский и т. д.) подразумевали Самару, Оку, иногда даже часть течения Волги от Самарской Луки до места, где Волга начинает делиться на рукава и т. д.

Следует отметить, что еще А. П. Новосельцев возражал против «искусственного перенесения территории буртасов на запад от бассейна Волги» [Новосельцев 1990, 66]. Его аргументация шире задач, стоящих перед настоящей работой, но в целом она связана с традиционным для отечественной исторической науки определением места проживания буртасов в правобережном Поволжье, вероятно, в лесной зоне [Новосельцев 1990, 197] и соотношением этого раннесредневекового населения с предками современной мордвы [Новосельцев 1986]. Естественно, что такая постановка вопроса полностью исключала возможность отождествления реки Буртас с Доном. Вероятно, именно поэтому А. П. Новосельцев не уделил никакого внимания анализу гипотезы

Г. Е. Афанасьева и не привел никаких дополнительных доказательств в пользу своей точки зрения, считая ее и так очевидной.

Прежде чем приступить к более подробному критическому анализу аргументации Г. Е. Афанасьева, необходимо привести соответствующие отрывки из средневековых источников, дающие возможность предполагать то или иное расположение реки Буртас на юго-востоке Восточной Европы.

Итак, описывая течение реки Итиль — Волги, ал Истахри (около 930-х гг.) отмечает, что «...проходит она через земли Булгар, потом через земли Буртас, пока не впадает в Хазарское море» [Караулов 1901, с. 47]. У него же находим следующее указание на территорию распространения буртасов: «Буртасы племя соседнее с Хазарами; между ними и Хазарами не живет никакого другого народа; это народ, рассеянный по долине реки Итиль» [Караулов 1901, с. 49]. Сходное описание Волги предлагает и Ибн Хаукаль (около 976 г.): «(Итиль — А. Т.) ... протекает через Русь, а затем через Болгарию; потом течет через Буртас, пока не впадает в Хазарское море» [Караулов 1908, с. 113]. Исходя из приведенных отрывков, совершенно очевидно, что земля буртасов непосредственно связана с Волгой и в X в. находилась где-то на ее берегах между Волжской Булгарией и Хазарским каганатом.

Непосредственно о существовании реки под названием Буртас среди арабо-персидских авторов X в. знает только ал Мас'уди. Поэтому его сведения представляют наибольшую ценность и должны быть подвергнуты наиболее тщательному анализу. Он сообщает, что «хазары имеют челны, на которых они плавают из своего города **вверх по реке, которая течет в их реку из верхних мест и которая называется Буртас** (выделение — А. Т.); вдоль нее живут оседлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского царства. Их поселения тянутся непрерывно между Хазарским царством и бургарами. **Эта река течет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар.** *5. Буртас — тюркское племя, живет, как ранее упоминалось, на реке, названной по его имени (выделение — А. Т.)» [Минорский 1963, с 195–196].

Казалось бы, что приведенные свидетельства только подтверждают расположение буртасов и реки Буртас в районе бассейна Волги. Все использованные ал Мас'уди географические ориентиры указывают именно на приволжский регион. Во-первых, хазары плывут вверх по

течению (т. е., видимо, по Волге, к буртасам). Во-вторых, поселения буртасов тянутся непрерывно между хазарами и болгарами, при этом сама река буртасов течет со стороны болгар. Наконец, в-третьих, суда непрерывно ходят по ней между болгарами и хазарами и т. д. В соответствии с информацией ал Мас'уди, а других прямых данных о реке Буртас просто не существует, вероятнее всего под этой рекой понимать какую-то определенную часть течения Волги. Вдоль ее берегов жили буртасы, она традиционно ассоциировалась с этим народом, что и породило у ал Мас'уди или у его информаторов идею о существовании особой реки с таким именем.

Тем не менее, Г. Е. Афанасьев именно на основании процитированного выше отрывка из ал Мас'уди (повторенного через несколько столетий ад-Димашки) делает вывод о тождестве реки Буртас с Доном. С одной стороны, он, опираясь на описания обоих восточных авторов, утверждает, что реку Буртас можно рассматривать как многоводный и судоходный приток Итиля. Однако, с другой, ученый сам справедливо отмечает, что «ни в среднем, ни в нижнем течении Волги между хазарами и волжскими булгарами таких притоков нет» [Афанасьев 1984б, с. 38]. Как же объяснить тогда показания источников? Г. Е. Афанасьев предлагает следующий способ: между Доном и Волгой в хазарское время существовал волоковый путь; информаторы ал Мас'уди не знали о волоке, но знали, что можно на кораблях попасть из Каспия и Волги в Черное море и, наоборот, в связи с этим они считали Дон притоком или истоком (рукавом) Волги. Так возникло представление о том, что из Дона можно проплыть в основное русло Волги и далее к Итилю — столице хазар, не выходя на сушу. Все это дает Г. Е. Афанасьеву основания для «отождествления р. Буртас с Доном, который в районе г. Калач-на-Дону так близко подходит к Волге, что информаторы ал Мас'уди принимали его за приток Итиля» [Афанасьев 1984б, с. 39; Афанасьев 1988, с. 91].

Возражая Г. Е. Афанасьеву, следует отметить, что там, где ал Мас'уди говорит о Волго-Донской переволоке и вообще о пути, соединяющем через переволоку бассейны Черного и Каспийского морей, он ни разу не упоминает ни самих буртасов, ни реку Буртас. При анализе текста становится очевидно, что он никак не соотносит реку Буртас и

Дон. Более того, Дон известен ему в его классическом названии, воспринятом арабскими географами от Птолея, — Танаис или Танис: «Что касается моря Понтос, то оно простирается от страны Лазики до Константинополя... В него впадает великая река, известная под именем Танаис (Дон)...» [Бейлис 1962, с. 24].

Ал Мас'уди также сообщает: «Ошибались люди и полагали, что море ал-Хазар соединяется с морем Майотис. А я не видел из входящих в страну хазар купцов и судовладельцев никого, [плавающего] по морю ал-Хазар в страны русов и болгар, кто бы утверждал, что с морем ал-Хазар соединяется какое-либо море из этих морей или соединяется с ним что-нибудь из его вод или каналов, кроме реки ал-Хазар...» [Гаркави 1870, с. 128; Калинина 2001, с. 204].

Далее у него же находим следующее сообщение: «В верхней части хазарской реки есть проток (устье²), вливающийся в залив моря Нитас — море русов (у Гаркави: «которое есть русское море»), по которому не плавают другие племена (у Гаркави: «никто кроме них (Русов) не плавает по нем»)...» [Гаркави 1870, с. 130; Минорский 1963, с. 196].

В другом месте ал Мас'уди объясняет, что он понимает под верховьями Волги: «...от Атила около страны Бургаз (Волжская Булгария) отделяется рукав, который впадает в Майатас» [Минорский 1963, с. 192; Коновалова 1999а, с. 92].

Итак, приведенные выше отрывки позволяют сделать два важных заключения. Во-первых, Танаис ал Мас'уди никак не связан с буртасами. Во-вторых, его представления о названных географических объектах действительно далеко не всегда достаточно четки. В частности, уже в другом месте он пишет о Танаисе (Доне), совершенно не связывая его устье с Азовским морем: «Между большими и известными реками, изливающимися в море Понтус, находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленными народами славянскими и другими народами...» [Гаркави 1870, с. 140–141]. В данном случае Дон описывается ал Мас'уди, как река, непосредственно впадающая в «Понтус» — Черное море, что достаточно типично для географических представлений арабо-персидских авторов. Впрочем, этот тезис мог быть унаследован и от позднеантичной [Подосинов 2005, с. 195–203] или ранневизантийской традиции, представители

которой часто рассматривали Керченский пролив как русло Дона¹, Танаис и «устье Меотиды» [Тортика 2003].

В большинстве приведенных цитат указывается, что Танаис — это именно нижний Дон, связывающий через переволоку бассейны Черного и Каспийского морей. Южным «продолжением» этого Танаиса является Керченский пролив. Впрочем иногда Танаис также можно рассматривать как выражение обобщенного географического представления арабских авторов о наличии водного пути, ведущего на север Восточной Европы через земли славян — сакалиба. В этом обобщенном представлении, основанном на книжной традиции и на знании о существовании конкретных торговых путей, которые шли из бассейна Балтийского моря в Черное и Каспийское моря, объединены и реальные «реки славян» — Дон, Волга, Ока, Днепр, и схоластический Константинопольский пролив [Подосинов 2005, с. 206], прорезающий Восточную Европу с севера на юг. Однако в любой из возможных трактовок Танаис ал Мас'уди ни текстуально, ни по смыслу никак не связан с народом буртас и с одноименной рекой Буртас, которая упоминалась им только в связи с описанием бассейна Волги и проживающего там населения.

В контексте поставленной проблемы особого внимания заслуживает описанный ал Мас'уди маршрут похода русов на Ардебиль и Баку в 912 г.: «[Несколько времени] после 300/912 г. около 500 судов их (русов — А. Т.) прибыли в пролив Нитаса, соединенный с Хазарским морем. Здесь находятся хорошо снаряженные люди хазарского царя. [Их задача] оказывать сопротивление каждому, кто идет с этого моря или с той стороны земли, части которой простираются от Хазарского моря

¹ Представления о том, что устье Дона (Танаиса) соответствует устью Меотиды (Керченскому проливу), мы находим в «Объезде Эвксинского Понта» Арриана (II в. н. э.) и в одноименном Перипле безымянного автора — Псевдоарриана (V в. н. э.). Арриан пишет: «...Она (Танаис) вытекает из Меотидского озера и впадает в море Эвксинского Понта» [Латышев 1948, № 272]. Псевдоарриан вторит ему: «...Эта река Танаис, говорят, отделяет от Азии Европу и вытекает из озера Меотиды, а впадает в море Эвксинского Понта...». Или «...впадает же он двумя рукавами в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор...». [Латышев 1948, № 257]. Интересно, в этой связи, следующее сообщение Прокопия Кесарийского: «Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Эвксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой» [Прокопий Кесарийский 1950, с. 384].

до Нитас... Когда суда русов доплыли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем [прося разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку (канал, на котором стоит их столица?) и таким образом достичь Хазарского моря... Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив, достигли устья реки [Дона] и стали подниматься по этому рукаву, пока не добрались до Хазарской реки (Волги), по которой они спустились до города Атиль и, пройдя мимо него, достигли устья, где река впадает в Хазарское море...» [Минорский 1963, с. 198–199].

Выше уже отмечалось, что «река славян» (Танаис описательного направления арабской географии) представлялась средневековыми авторами очень неясно, и мало соответствовала реальному Дону. Представления о Танаисе — Доне как «реке славян» формируются в арабской географии не ранее середины — второй половины IX в. Эти представления связаны не столько с реальным Доном, сколько с водным торговым путем, проходившим в IX в. через Дон, Волгу и другие реки Восточной Европы. В результате настоящее среднее течение Дона, междуречье Дона и Северского Донца (т. е. ареал распространения аланского варианта салтово-маяцкой культуры, который Г. Е. Афанасьев связывает с буртасами) авторам этого времени были совершенно неизвестны. Рассказывая о нижнем Доне или об ассоциировавшемся с ним Волго-Донском волоковом пути, они никогда не упоминали буртасов и не пользовались названием «река Буртас». Этот регион традиционно был связан для них либо с «сакалиба» и русами, либо с хазарами, контролировавшими этот водный путь и собиравшими таможенные пошлины с проезжавших по нему купцов. Все, что в трудах арабо-персидских авторов было связано с народом буртас, различная географическая терминология, производная от буртасов, локализуется севернее, в районе правого берега Волги, в лесостепи или на юге лесной зоны. Вероятно, где-то здесь и нужно искать место для реки Буртас ал Мас'уди.

Очевидно также, что местное население Восточной Европы никогда не называло Дон ни «рекой славян», ни, тем более, «рекой Буртас». Это были искусственные и неточные термины, по тем или иным причинам попавшие в работы арабо-персидских географов — представителей описательного направления арабской географии. Выше неоднократно подчеркивалось, что в письменной традиции цивилизованных

народов древности и средневековья Дон изначально получил название «Танаис». По своему происхождению оно считается раннеиранским. «Дон» — это тоже название реки, но в позднеиранском его эквиваленте [Фасмер 1986, с. 528–529]. Вероятно, именно это название (в обоих его вариантах) получило всеобщее распространение как у народов, непосредственно проживавших у берегов Дона, так и у писателей, имевших о нем хоть сколько-нибудь приблизительное представление. Такое же название, судя по данным древнерусских источников, было распространено и среди восточных славян — Дон или Дон Великий.

Как отмечает Г. Шрамм, славяне познакомились с Доном лишь в ходе своего продвижения на юго-восток Европы. Очевидно, они позаимствовали это название у алан [Шрамм 1997, с. 33], т. е. у тех носителей салтово-маяцкой культуры, которых Г. Е. Афанасьев как раз и считает буртасами. «...В основу славянских названий Донца и Дона, — пишет Г. Шрамм, — бассейны которых были освоены славянами только в позднейшие века, было положено иранское название Дона...» [Шрамм 1997, с. 55]. Следовательно, ни аланы, ни воспринявшие у них названия Дона и Донца славяне не знали названия реки «Буртас» и не пользовались им по отношению к указанным рекам.

Возвращаясь к проблеме местонахождения реки буртасов, следует отметить, что у того же ал Мас'уди в отрывке, посвященном описанию неудачного завершения похода русов на Каспий в 912 г., есть косвенное указание на расположение земли буртасов именно в районе Волги: «...руссы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслось из них около 5 тысяч, которые на своих судах пошли к той стороне, которая ведет к стране Буртас (Н. А. Караулов переводил — в тех местах, что граничат с буртасами [Караулов 1908, с. 49]). Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам мусульманам, которые [также] поубивали их» [Минорский 1963, с. 200].

Сражение между русами и мусульманской гвардией кагана произошло где-то в районе нижнего течения Волги, вероятно, в пределах дельты. После этого прорвавшиеся на кораблях 5 тысяч русов достигли страны Буртас. Соответственно, они так и не покинули русло Волги. Затем русы вышли на сушу и были убиты буртасами. В то же время, если следовать концепции Г. Е. Афанасьева, чтобы достигнуть территории распространения салтово-маяцкой культуры, сначала им нужно

было совершить несколько (около десяти) дневных переходов, проигнорировав при этом возможность спасения, воспользовавшись речным путем по Дону. Кроме того, они, без всяких на то причин должны были вторгнуться в район Придонецья. Ал Мас'уди пишет, что часть этих русов была убита булгарами. Следовательно, даже выйдя на сушу, они не покидали Поволжья и двигались к северу в сторону Волжской Болгарии. Там болгарские мусульмане продолжили дело, начатое ларсиями в окрестностях Итиля, и уничтожили остатки разбойничьей армии русов.

Интересно, что после удачного похода русов в 969 г. на хазар и на союзные им народы Ибн Хаукаль фиксирует следы русского погрома именно в Поволжье: «Затем пришли русы, разрушили все это и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и буртаским на реке Итиль» [Караулов 1908, с. 114].

Таким образом, можно перейти к следующим выводам: 1) в арабо-персидской средневековой географической традиции Дон никогда не называли рекой Буртас и не связывали с местом проживания буртасов; 2) Дон восточные авторы, несмотря на ряд неточностей и заблуждений, знали под классическим названием «Танаис» или под описательным названием «нахр ас-сакалиба» — «река славян»; 3) чаще всего в трудах арабо-персидских географов под названиями «Танаис» — «река славян» выступал не реальный Дон (на всем протяжении его течения), а только Нижний Дон с Волго-Донской переправой, хорошо известные как часть маршрута военно-торговых предприятий варяго-русов, но отнюдь не как место проживания буртасов; 4) все рассмотренные свидетельства арабо-персидских авторов: ал Истахри, ал Мас'уди, Ибн Хаукаля и др. позволяют искать место расположения реки Буртас, как и территории самих буртасов, в пределах среднего Поволжья. Именно это и делали такие исследователи, как Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави, И. Маркварт, В. В. Бартольд, Б. Н. Заходер, А. П. Новосельцев и др.; 5) наиболее вероятным прототипом реки Буртас представляется Волга в той части ее течения, которая соответствует территории проживания буртасов. Такая локализация реки Буртас снимает аргумент Г. Е. Афанасьева о том, что ни в нижнем, ни в среднем течении Волги нет многоводных и судоходных притоков. Их и не нужно искать. Вероятно, что у ал Мас'уди речь идет о самой Волге, которая, естественно, достаточно многоводна и вполне судоходна.

Таким образом, полученные в данной главе выводы позволяют усомниться в том, что население лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры можно напрямую связывать с буртасами восточных авторов. Подобные выводы также опровергают один из ключевых аргументов Г. Е. Афанасьева о тождестве реки Буртас и Дона. В этом случае тезис об идентичности донских алан и буртасов не выдерживает никакой критики и не должен приниматься во внимание при решении указанной проблемы.

Судя по сообщениям средневековых авторов, буртасы жили в районе правого берега Волги в течение длительного времени, не менее 300 лет, приходящихся на период господства хазар в этом регионе. Естественно, что за такой отрезок времени могла произойти определенная эволюция в расселении этого союза племен, локальные миграции, существенные изменения приоритетных форм хозяйства¹. Тем не менее, в изложении арабо-персидских географов информация о буртасах выглядит константной, полностью лишенной каких бы то ни было хронологических различий. Очевидно, в этом одна из причин тех трудностей, которые испытывают современные исследователи, пытаясь локализовать буртасов в каком-то определенном месте и соотнести их с каким-то одним поволжским народом². Можно предположить, что в течение отмеченных 300 лет изменился состав этого союза племен. После окончательного распада этого союза в середине — второй половине X в. иранское название буртасов могли унаследовать племена, подвергавшиеся наиболее сильному влиянию иранского элемента в течение своей истории. Вероятно, они занимали наиболее южную часть территории этого когда-то обширного и сильного племенного союза, включавшего в себя обитателей как лесной, так и лесостепной зон, степняков, жителей поволжских поселений.

¹ М. И. Артамонов еще в 1949 г. совершенно справедливо писал: «...значение союзов племен и вообще политических образований даже типа государства в процессе этногенеза не следует преувеличивать. Истории известны государства, существовавшие долгое время, но не создавшие в своих границах единого народа. Входявшие в их состав племена и народы упорно сохраняли свои особые языки и другие этнографические признаки» [Артамонов 1949, с. 9].

² Иногда забывая, что «...этнос — категория историческая, этногенез представляет процесс качественных трансформаций, в результате которых одни этнические образования сменяются другими, совершенно отличными от них...» [Артамонов 1949, с. 13].

По всей видимости, распад союза бургасов был обусловлен как внутренними (усиление и этническая консолидация входивших в него ранее племен, прежде всего предков мордвы), так и внешними причинами. Важнейшими из них являются: во-первых, ослабление и гибель Хазарского каганата; во-вторых, расширение территорий Волжской Булгарии и Киевской Руси, одновременно претендовавших на контроль над землями, расположенными вдоль Окского пути. Длительное сопротивление «сидевших по Оке» вятичей экспансии Киевской Руси создало буферную зону, за которой начиналась сфера влияния Булгарии. Мордва, в силу естественного географического расположения и культурных традиций тяготела к Булгару. Оказавшись вне сферы знаний авторов письменных источников, бургасы на триста лет исчезли из поля зрения. Вновь на страницах исторических хроник они появляются только в связи с описанием монгольских завоеваний в Поволжье.

Историки, искавшие следы бургасов в Волго-Донском междуречье между X и XIII вв., полагали, что ещё до XII в. часть из них переселилась в места проживания мордвы, смешалась с ней, поменяла свой образ жизни. Возможно, археологическим проявлением этого движения народов в постхазарский период, в ходе изменений в этногеографии Восточной Европы в середине — второй половине X в., стало появление обряда скорченных женских погребений на мордовских могильниках в бассейне р. Цны. Например, на Крюковско-Кужновском могильнике погребенные захоронены с полусогнутыми ногами, на боку или на спине (5 погребений). Элементы аланского погребального обряда прослеживаются также на Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках [Вихляев 1974, с. 59]. До этого такой обряд здесь не наблюдался. В свою очередь, до середины X в. подобный обряд или его элементы были характерны для аланского населения салтово-маяцкой культуры, ее лесостепного варианта [Плетнева 1967, с. 91]. Именно этот факт рассматривается некоторыми исследователями как доказательство идентичности салтовского населения и бургасов [Бубенок 1997, с. 74]. Однако возможно и совершенно иное его объяснение. Так, еще в 1950-е гг. А. Е. Алихова предположила, что наличие обряда скорченности погребенных у цнинской мордвы свидетельствует об этнических контактах Доно-Донецкими аланами [Алихова 1959, с. 32]. По ее мнению, в результате каких-то военных столкновений аланы попали в среду мордовского населения.

Вероятно, после похода Святослава 965 г., затронувшего Донские территории Хазарского каганата, Саркел, места обитания аланов-ясов (т. е. лесостепной вариант СМК), часть алан могла перейти к поискам новых мест проживания. Скорее всего, это могли быть наиболее северные, граничащие с Русью племенные подразделения алан, т. е. жители лесостепного варианта салтовской культуры, обитатели берегов Северского Донца и его притоков. Уровень общественного развития, ХКТ и даже культура, получившая распространение в хазарское время у мордвы, и у этих групп алан оказались достаточно близки. Все это способствовало¹ достаточно быстрому вхождению салтовцев в новый этнокультурный контекст и ассимиляции алан в преобладающем массиве мордвы. Вполне вероятно, что бежавшие из родных мест переселенцы занимали низкое социальное положение, в таких условиях их культура не могла развиваться и очень скоро исчезла. Это явление фиксируется археологически. Следов явных погромов на салтовских поселениях в бассейне Донца нет. Тем не менее, население их покидает, а новые места проживания этого населения не поддаются четкому определению, т. к. не сохраняется характерная для него материальная культура.

Кроме того, очень показательны, что аланский обряд на мордовских могильниках зафиксирован именно на некоторых женских погребениях². В традиционных обществах замкнутого типа, сохраняющих племенные формы организации, браки с иноплеменниками (иноплеменницами) могли служить индикатором военно-политического статуса этноса. Достаточно часто у преобладающих этносов браки с иноплеменницами носили отнюдь не добровольный характер. Так, в результате набегов и иных форм насильственного воздействия женщины умыкались, и становились рабынями, наложницами, младшими женами.

Характерно, что в период преобладания Хазарского каганата в Восточной Европе (до конца IX — начала X вв.) алано-болгары Подонья-

¹ Как отмечал В. Ф. Генинг, «тесное общение коллективов (племен) с однотипным хозяйственным укладом закономерно влечет за собой все большее их этническое сближение...» [Генинг 1970, с. 94].

² Ю. В. Бромлей утверждал, что «...смешанный брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов». При этом «...удельный вес смешанных браков у поглощаемого этноса обычно значительно выше, чем у этноса, выступающего в роли ассимилятора...». Вообще же «...нарушение эндогамии этноса — предвестник его разрушения» [Бромлей 1983, с. 203–204].

Придонецья берут в жены славянок и, возможно, представительниц каких-то финских этносов лесной зоны. Это проявляется в единовременном погребении с мужчиной высокого социального статуса жен-челядинок и их детей в катакомбных могильниках салтовской культуры¹. Вероятно, наличие женщин-славянок в составе салтовских общин фиксируется в типично женских сферах быта и материальной культуры. Славянки, став единственными женами бедных, занимавших относительно низкий социальный статус, членов аланских общин, не имевших материальных возможностей для женитьбы на соплеменниках, со временем приобретали положение полноправных хозяек своего дома. Отсюда славянская керамика на салтовских поселениях, печи-каменки в салтовских жилищах, подпрямоугольные полуземлянки как тип жилой постройки [Колода 2005, с. 340–342]. Женщины являлись носителями бытовых и обрядовых традиций, благодаря им (даже если эти женщины и были в свое время захвачены насильно) происходил обмен такими традициями, их внедрение в новую этническую среду.

По всей видимости, с середины — второй половины X в. часть аланского населения начинает терять собственную социальную структуру, разрушаются отдельные племена и общины. В результате аланские женщины оказываются в том или ином качестве (жен, наложниц, рабынь) в мордовской племенной среде. Это явление не было массовым. Оно фиксируется единичными погребениями на мордовских могильниках соответствующего времени. В то же время типичный для алан катакомбный обряд погребения в новых условиях не проявляется. Все это свидетельствует о достаточно быстрой потере традиций и ассимиляции постсалтовского населения, по крайней мере здесь, на севере, в лесной зоне².

¹ Это наблюдение впервые было сделано С. А. Плетневой на материалах Дмитриевского могильника: «...странным казался тот факт, что в парных захоронениях рядом с мужчиной-воином хоронили молодую или юную женщину, часто почти девочку. Равноправной она вряд ли могла быть для возмужалого или зрелого воина (25–50 лет). Целесообразность убийства жены для семьи, оставшейся без мужчины-хозяина, также маловероятна. По-видимому, это были челядинки-рабыни, убитые на похоронах и получавшие статус посмертных жен...» [Плетнева 1999, с. 40–41].

² Вполне вероятно, что на юге, в степи, в районе среднего течения Северского Донца, аланское (постсалтовское) население существует и в последующие столетия, даже в золотоордынское время (например, на Сидоровском городище) [Бубенок 2004, с. 148–151; Ламанский 1902, с. 118–121].

Таким образом, отмеченное выше появление женских погребений, имеющих признаки аланского обряда, на мордовских могильниках не может служить аргументом в пользу идентификации буртасов арабо-персидских авторов и населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Вслед за С. А. Плетневой приходится признать, что такая идентификация не облегчает понимание исторического процесса в Доно-Донецком регионе в хазарское время, напротив, только усложняет работу историков. Она не соответствует показаниям источников и не может быть использована в ходе дальнейшего исследования. Скорее всего, имя алан Донецко-Донского региона действительно не было известно авторам письменных источников. Причина этого, по всей видимости, кроется в следующих двух факторах.

Указанный регион находился в глубине Восточной Европы, вне зоны досягаемости представителей цивилизованного мира, прежде всего, восточных купцов, арабов, персов, евреев, служивших основными информаторами авторов географических описаний. Кроме того, военно-политическая активность лесостепного салтовского населения была направлена вглубь Восточной Европы, на север и северо-запад, в сторону, прежде всего, славянских племен. Это также не способствовало известности Доно-Донецкого населения в тех регионах, где создавались раннесредневековые письменные источники.

По всей видимости, жители Северо-Западной Хазарии скрывались под общим обозначением — «хазары». Вероятно, также воспринимали их и построившие Саркел на Дону византийцы. Даже если предположить, что участникам миссии Петроны Каматира были известны племенные названия обитателей Подонья, понятно, что они не видели их особой роли в Причерноморской геополитике и потому игнорировали.

¹ Как указывает М. В. Бибиков, «...весь обширный в локализуемом пространстве, пестрый в реальном этническом содержании мир, окружающий Ромейскую империю, имеет единственный релевантный признак — это «варварский мир», который принципиально везде остается одним и тем же, потому что в нем живут варвары. Другие признаки — точность этнических дефиниций, исторические судьбы миграций, специфические черты быта и строя — второстепенны и подчинены императиву общего представления о варварском мире» [Бибиков 1999, с. 93-94]. И далее: «...Этот мир чужд, его логика непонятна, и потому феномены его могут быть в источнике лишь предметом этнографических зарисовок, а не анализа» [Бибиков 1999, с. 96].

По этой же причине автор ПВА в рассказе о хазарской дани, которую платили те или иные левобережные славянские племена, оперирует лишь общим термином — «хазары». После гибели Хазарского каганата иранская часть носителей СМК (сохранившаяся в среднем и нижнем Придонецье, по крайней мере, в XII в.) фигурирует в древнерусской летописи уже под своим собственным именем — яссы. В хазарское время это название (асы, асии) упоминается в письменных источниках, в частности Кембриджским Анонимом, но не может быть четко локализовано в силу лапидарности данных. В связи с этим, дальнейшие поиски имени носителей лесостепного варианта СМК в VIII–X вв. представляются бесперспективными.

В данном случае в качестве таких собирательных «варваров», включающих в себя ряд иных этносов, в том числе и алано-болгар Подонья-Придонецья, выступают именно хазары.

Работорговля как фактор развития исторического процесса в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата

§ 5.1. Работорговля в Восточной Европе в хазарское время в отечественной и зарубежной историографии: основные подходы и методы

Тот факт, что работорговля процветала в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата, неоднократно привлекал внимание научной общественности и вызывал неоднозначные оценки специалистов. Более того, именно этот момент был и во многом остается поводом для последовательных обвинений Хазарского государства в паразитизме и угнетении народов Восточной Европы. В этой связи, в качестве противоположной и прогрессивной тенденции обычно рассматривалось появление Древнерусского государства, его усиление и конкуренция с Хазарским каганатом, завершившаяся разгромом последнего дружинами русов. В то же время «патриотически настроенные отечественные исследователи» (так называет их О. И. Прицак [Прицак 1997]), как правило, не замечали, что во второй половине I тыс. н. э. работорговля была нормальным явлением для всего цивилизованного мира. В нее, так или иначе, были вовлечены многочисленные народы и государства (в том числе и различные народы Восточной Европы), которые в зависимости от степени военного могущества выступали то в роли товара, то в качестве охотников за рабами и работорговцев.

Отмеченный выше негативный подход к феномену работорговли в Восточной Европе в хазарское время сложился в советской исторической науке в основном в 50-е гг. XX в. Тогда, как известно, начался период господства крайних антинорманистических тенденций в отечественной медиевистике, что было обусловлено недавними политическими событиями, войной с нацистской Германией и победой над ней, а также начинавшейся холодной войной. В исторических работах, посвященных истории раннесредневековой Восточной Европы, впрочем, как и других периодов, прежде всего, приветствовались патриотизм и

государственность¹. Те факты истории, которые не соответствовали этим идеям, были непопулярны, объявлялись ложью, а историки, пытавшиеся их объективно исследовать, подвергались критике. Любое иноэтничное политическое или культурное влияние на развитие Древнерусской государственности однозначно отрицалось или рассматривалось как вредное. Это было время становления и преобладания различных автохтонистских теорий в исторической науке. В этой связи, помимо норманнской теории, всячески критиковалась и идея о большой исторической роли, которую сыграл Хазарский каганат в ранне-средневековой истории Восточной Европы [Новосельцев 1990, с. 200]².

Наиболее ярким представителем этой тенденции стал академик Б. А. Рыбаков. Одним из поводов для критики Хазарии, якобы реальной иллюстрацией ее отрицательной роли в развитии народов Восточной Европы, для Б. А. Рыбакова стала тема работорговли [Рыбаков 1953/б].

¹ Современную критику подобного подхода к изучению раннесредневековой истории Восточной Европы можно найти, например, в работах О. И. Прицака [Прицак 1997], А. П. Новосельцева [Новосельцев 1990, с. 207-210], В. Я. Петрухина [Петрухин 1995; Петрухин 2001, с. 127-142; Петрухин 2005, с. 69-100] и др. Так, например, В. Я. Петрухин отмечает, что «в официозной советской историографии объективная оценка отношений Руси (восточных славян) и Хазарии была предельно затруднена — роль Хазарии сводилась по преимуществу к торможению исключительно прогрессивных процессов развития Русского государства» [Петрухин 2005, с. 69].

² Целесообразно напомнить наиболее характерные моменты, связанные с критикой исследований Хазарской истории из хорошо известной специалистам работы «К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси» [Рыбаков 1953, с. 128-150].

На первых же страницах этой статьи мы находим следующее указание на причины, вызвавшие ее появление: «Концепция М. И. Артамонова, повлиявшая и на других авторов, вызвала суровую и справедливую критику на страницах «Правды» [Иванов 1951; Яковкин 1952]» [Рыбаков 1953, с. 130]. В чем же причина этой критики? Главное возражение автора вызывает тот факт, что, по его мнению, исследователи, тенденциозно толковавшие сведения источников, пытались представить историю русского народа в виде непрерывного ряда воздействий и влияний. Одной из таких попыток было создание хазарской теории происхождения русской государственности. В связи с этим любые утверждения о сколько-нибудь положительной роли Хазарского каганата в историческом развитии народов Восточной Европы, в том числе и становлении государственности в Древней Руси однозначно отвергаются. Подобные же взгляды нашли выражение в критической рецензии К. Б. Старкова на книгу Д. Данлопа «Иудейские хазары» [Старков 1959, с. 241-246].

Хазарам приписывалось поощрение работорговли и активное участие в этом процессе. Подобная историческая интерпретация стала основанием для обвинения хазар в паразитизме, отсутствии у них своей производительной экономики¹. Эти обвинения, в определенной степени, можно рассматривать и как систему взглядов, складывающуюся в советской историографии по отношению ко всем кочевникам — соседям Древнерусского государства. Оправдывая экономическое отставание Российской империи, а затем и Советского Союза от западных стран, политики той эпохи, а вслед за ними и политизированные историки обратились к историческому прошлому, пытаясь в нем обнаружить причины подобного положения дел. В результате татаро-монгольское иго стало тем «историческим злом», которое, по всеобщему тогда мнению, задержало развитие Восточной Европы на 300 лет. В литературе был создан образ хищного и дикого кочевника — монгола (татарина), паразитирующего на культурном и земледельческом населении Руси. Объективное исследование подменялось, в данном случае, навешиванием

¹ Главные положения концепции хазарской истории, сформулированные академиком Б. А. Рыбаковым, заключаются в следующем: Хазария, по его мнению, — это небольшое полукочевническое государство, которое не могло и претендовать на участие в политике Византии и Арабского Халифата. Сведения еврейско-хазарской переписки тенденциозны, а территория всей Хазарии совпадает с территорией домена Иосифа [Рыбаков 1952, с. 76-88]. Экономику Хазарского каганата отличает типичный для кочевников низкий уровень производительных сил, что подтверждается данными арабских авторов об экспортируемых из Хазарии товарах: называются рыбий клей, скот и рабы. Основной источник доходов правящей верхушки государства — торговые пошлины. Городская жизнь у хазар неразвита, торговые же связи с Востоком обеспечивали не хазары, а Русь, которая самостоятельно справлялась с кочевниками и обеспечивала связи Северной и Центральной Европы с Багдадом и Хорезмом.

Вслед за средневековым летописцем академик Б. А. Рыбаков воспроизводит известную легенду о дани полян хазарам, выплаченной обоюдоострыми мечами, и, также как Нестор, считает, что вручение меча нельзя рассматривать как изъявление покорности. По его мнению, это символическое выражение независимости и угроза войны [Рыбаков 1953, с. 131]. В связи с этим, он считает сомнительным сообщение о выплате дани славянскими племенами (северянами, вятичами, радимичами) хазарам как в X, так и в IX вв. [Рыбаков 1953, с. 150]. По его версии хазарам подчинялись только бургасы и болгары. Влияние Хазарии на жизнь Восточной Европы проявлялось в том, что государство кочевников-хазар превратилось в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северскому Донцу, Дону, Керченскому проливу и Волге [Рыбаков 1953, с. 150]. Это противоречило торговым интересам Руси, что и вызвало поход Святослава и последующую гибель Хазарского каганата.

определенных ярлыков и штампов, несущих заведомо негативную оценку исторических событий и явлений. Вскоре этот образ был перенесен и на другие кочевые народы — печенегов, половцев, в том числе и на хазар.

Можно было бы не обращать внимания на историографические тенденции полувековой давности, если бы не популярность этих взглядов и в настоящее время. В частности, в той или иной степени, дальнейшего развития идеи Б. А. Рыбакова получили в работах Л. Н. Гумилева¹ [Гумилев 1992 и др.], А. Кузьмина [Кузьмин 1993] и др. По-прежнему главной причиной для «обвинения» хазар является якобы «паразитический» характер их экономики, участие в международной транзитной торговле и контроль над ней на своей территории (в этом контексте зачастую декларируется и, возможно, преувеличивается роль еврейских или т. н. хазаро-еврейских купцов). Считается, что хазары вместе с купцами евреями, определявшими политику принявшей иудаизм социально-политической верхушки Хазарского каганата², поработали на-

¹ В соавторстве с В. К. Михеевым мне уже приходилось неоднократно писать об особенностях концепции истории Хазарского каганата, предложенной Л. Н. Гумилевым. Эта, с позволения сказать, «концепция» построена на совершенно вольной интерпретации источников, передергивании фактов, прямых домыслах и фантазиях [Тортика, Михеев 2001, с. 149-178]. Трактовка Л. Н. Гумилевым событий хазарской истории во многом отличается от принятых в науке точек зрения [Артамонов 1962; Заходер 1962; Новосельцев 1990; Плетнева 1976; Плетнева 1999 и т. д.], прежде всего благодаря использованию автором собственной теории «этногенеза», основанной на попытке привлечения в качестве фактора, определяющего и объясняющего историческое развитие тех или иных народов, так называемой «пассионарности» — закономерности биолого-генетического характера [Гумилев 1989]. Этот выявленный Л. Н. Гумилевым квазинаучный фактор — «пассионарность» — неоднократно подвергался критике в научной литературе и не признается ни одним здравомыслящим специалистом в области этнологии, истории, археологии и т. д. [См., например, Шнирельман 1996, с. 20-29; Шнирельман, Панарин 2000, с. 5-33].

² Вместе с В. К. Михеевым мной была подготовлена специальная работа, посвященная т. н. «иудео-хазарскому» (по Л. Н. Гумилеву) периоду истории Хазарии. Ее выводы сводятся к следующему: «У власти в Хазарском каганате в течение всей его истории находились сами хазары, хотя и принявшие иудаизм. Двоевластие в государстве, постепенно сошедшее на нет в пользу «царя»-бека к концу IX-X вв. [Петрухин 2001, с. 76-77], объясняется не происками дальновидных представителей еврейской купеческой общины, а связано с существованием достаточно типичной для кочевников политической системы, сохранявшей пережитки родового строя и в той или иной форме проявлявшейся также у венгров или печенегов (отметим, что безо

роды Восточной Европы, втягивая их в зону своих экономических интересов. Отмечается, что эта торговля была невыгодна местному населению, а самым неприятным ее проявлением для аборигенов была широко развитая работорговля, в чем, в первую очередь, обвиняют купцов иудейского происхождения. В качестве прогрессивной антитенденции рассматривается деятельность русов, приведшая в итоге к появлению

всякого со стороны евреев-рахдонитов вмешательства). Эта система была традиционной для тюрк-хазар, имела явно языческий, не иудейский сакральный характер и может рассматриваться как часть политического наследия тюркютов, в составе державы которых хазары находились около 60-ти лет. Иосиф сам сообщает о своем тюркском, а отнюдь не еврейском происхождении. Описание несвойственных средневековым евреям кочевых привычек и кочевой культуры самого хазарского царя, представленное в еврейско-хазарской переписке, в очередной раз подтверждает этот факт.

Как созданное кочевым народом государство Хазария просуществовала рекордно долгий срок, без малого триста лет, выдержав целый ряд сложных исторических испытаний. Факт ее ослабления и гибели выглядит вполне закономерно и в общем контексте истории Восточной Европы в I тыс. н. э., в сравнении с историей других кочевых государств, переживавших зачастую еще больший расцвет и еще более стремительную гибель. Такие кочевые объединения, как государство центрально-азиатских хунну, империя Аттилы, Тюркютский каганат, Аварский каганат, ... империя Чингисхана, как правило, распадались если не сразу после смерти хана, их основавшего, то в период не больший, чем жизнь 1-2 поколений его преемников. Причиной их распада чаще всего были центробежные тенденции, невозможность без сильной руки удержать кочевую вольницу, междоусобицы, борьба за власть между представителями кочевых аристократических кланов.

Если же государство оказывалось достаточно прочным, то со временем социальное расслоение и эксплуатация рядовых кочевников баями, беками и ханами вели к их обеднению и потере статуса свободных и хозяйственно самостоятельных воинов-всадников. Кочевое народное ополчение, обеспечившее победоносное завершение войн в период создания государства, заменялось феодальным, а затем и регулярной армией, которая могла быть и наемной, как это и произошло в Хазарском каганате. В силу развития процессов социально-имущественного расслоения терялась связь между кочевой верхушкой и кочевым народом. Кочевой народ уже не был заинтересован в поддержке власти. Как следствие, наемные войска, на которые и опиралась эта власть, приобретали, помимо военно-пограничных, карательные и фискальные функции. Именно они, а не купцы-евреи, оказывали давление на правящую династию, подчиняли ее себе или полностью свергали.

Очевидно также, что в Хазарском каганате существовала большая еврейская община, которая не могла не играть определенной экономической и политической роли. Но, во-первых, ее роль в хазарской истории не была и не могла быть столь разрушительной; во-вторых, сводить к ее влиянию все процессы, происходившие в этом государстве, также не представляется возможным» [Тортика, Михеев 2004, с. 115–116].

Древней Руси и уничтожению Хазарии¹. Насколько верны и правомерны эти утверждения и насколько деятельность русов в действительности носила «освободительный» характер, предстоит установить в ходе дальнейшего исследования.

Следует отметить, что сюжет о существовании работорговли в Восточной Европе в средние века неоднократно привлекал внимание исследователей и нашел определенное отражение в специальной литературе. Тема эта затрагивалась в связи с изучением торговых путей вообще и при исследовании торговли в средневековой Восточной Европе и близлежащих регионах в частности [Валеев 1992, с. 87–94; Васильевский 1888, с. 121–150; Давидович 1960, с. 92–118; Моця 1992, с. 5–12 и т. д.]. Кроме того, она разрабатывалась в ходе анализа сообщений того или иного средневекового источника или параллельно с оценкой социальной структуры и социальной эволюции населения Восточной Европы в раннем средневековье [Бартольд 1963, с. 810–858; Бейлис 1962, с. 111–113; Ковалевский 1973, с. 62–79; Фроянов 1996 и т. д.]. Однако следует заметить, что специальной работы, посвященной анализу работорговли именно в хазарское время, пока нет. Исключение представляет монография Д. Е. Мишина², но она имеет более широкий характер и ориентирована, главным образом, на изучение феномена «сакалиба» в странах Центральной и Западной Европы, на Ближнем Востоке и в Северной Африке [Мишин 2002].

В дореволюционный период о работорговле на территории Восточной Европы в хазарское время так или иначе писали различные авторы. Они отметили распространенность этого явления, его связь с деятельностью купцов — русов, арабов, евреев. Им был понятен и известен тот

¹ Вместе с В. К. Михеевым мы также отмечали, что «любые однозначные и односторонние подходы к изучению и историософской оценке истории Хазарского каганата уже не соответствуют современному уровню развития исторической науки. Гораздо более конструктивным для объяснения особенностей хазарской истории, в том числе истории еврейских городских общин и факта принятия иудаизма хазарской знатью, представляется использование современной теории кочевничества в рамках цивилизационного подхода. Хазарский каганат — это типичное евразийское государство, основанное кочевым народом, и все основные события его истории, а также причины его возвышения, упадка и гибели могут быть объяснены, исходя из этого утверждения» [Михеев, Тортика 2005, с. 183].

² Более подробный анализ этой работы см. ниже

факт, что рабами становились, как правило, местные жители Восточной Европы, населявшие лесостепную и лесную зоны региона — славяне, финно-угры, балты. Дореволюционные авторы очертили основной круг источников по этой проблеме и приступили к их интерпретации [Вестберг 1908; Гаркави 1870; Известия о хазарах...1869; Куник, Розен 1878]. Однако чаще всего это явление рассматривалось косвенно, в связи с другими проблемами, его анализ носил подчиненный характер в исследованиях, посвященных иным специальным вопросам. Так, например, П. П. Голубовский в ходе изучения взаимоотношений Руси с Волжской Булгарией и Хазарским каганатом отмечал, что «восточные рынки снабжались из Булгара и живым товаром: на Восток шли через Болгарию и славянские невольники» [Голубовский 1888, с. 17].

Обобщающие работы, в которых более подробно рассматривался феномен работорговли, были, как правило, приурочены к европейской проблематике или связаны с историей Арабских халифатов [Ламанский 1859]. Среди дореволюционных историков, писавших специально о средневековой работорговле в Европе и об участии в ней купцов-евреев, особого упоминания заслуживает А. К. Дживелегов [Дживелегов 1904]. Это он одним из первых обобщает и интерпретирует основные известные к настоящему времени сообщения мусульманских авторов о работорговле на территории Европы, в том числе и Восточной (в частности сообщение Ибн Хордадбега о купцах — рахданитах).

Классические труды по работорговле в Европе в раннем средневековье вышли на Западе¹, например: Verlinden Ch. L'esclavage dans

¹ В незавершенной, вышедшей впервые в 1922 г., уже после смерти автора (умер в 1917 г.), работе швейцарского исследователя Адама Меца есть специальный параграф 11. «Рабы», в котором анализируется этнический состав рабов, пути их ввоза, цены на различные категории рабов и т. д. В частности, он отмечает, что «...крупнейшим невольничьим рынком был Самарканд, город, который славился тем, что поставлял самых лучших белых рабов, а также производством воспитателей.... Второй путь ввоза рабов-славян шел через Германию в Испанию, а также в провансальские и итальянские портовые города Средиземного моря.... Наконец, третий путь шел из западных стран работорговли, которые в то время из-за войн с немцами изобиловали живым товаром, непосредственно на Восток, т. е. по маршруту, проделанному рабби Петахья в XII в.: Прага-Польша-Россия. Пунктом отправки была Прага, являвшаяся в X в. средоточием работорговли...» [Мец 1996, с. 160-161].

L'Europe medieval. T. 1. Peninsule iberique — France. — Brugges, 1955. T. 2. Italie — Colonies italiennes du Levant — Levant latin — Empire byzantin. — Gent, 1977; Rorig F. Magdeburgs Entstehung und die altere Handelsgeschichte. — Berlin, 1952 и т. д. Наиболее полные обзоры западноевропейской научной литературы, посвященной этому вопросу представлены в работах А. В. Назаренко [Назаренко 1993; Назаренко 2001] и Д. Е. Мишина [Мишин 2002, с. 7–13].

Европейскими авторами, в основном для Западной, Центральной и Южной Европы, исследовали причины, в результате которых люди попадали в рабское состояние, транзитные торговые пути, по которым двигались караваны рабов, деятельность купцов, занимавшихся работоторговлей, и реакция средневековых европейских государств на это явление, процветавшее на их территории. Основными центрами работоторговли являлись Венеция, Марсель, Верден. Рабы поступали в результате войн и захватов из славянских стран Центральной Европы, Балкан, Балтийского региона. Кроме того, большое количество рабов вывозилось викингами из Англии. Наконец, из самих европейских стран, несмотря на запреты, также вывозились рабы. Рабов захватывали мусульманские пираты, совершавшие набеги не только на побережья, но и вглубь территорий современных Франции и Италии.

Работоторговля была очень прибыльным делом и важной частью средиземноморской экономики раннего средневековья. Несмотря на регулярные протесты и запреты на работоторговлю со стороны епископов и пап вплоть до XI в., а местами и позже, этот вид торговли процветал во всех европейских государствах. Причин было несколько. С одной стороны, работоторговлю стимулировал существовавший в это время в Кордовской Испании, Северной Африке и на Ближнем Востоке спрос на рабов, которых сюда вывозили десятками тысяч ежегодно. В то же время, работоторговля не могла не подпитываться постоянными войнами, характерными для раннесредневековой Европы. Завоевание новых территорий на востоке Европы всегда сопровождалось захватом пленников, становившихся рабами. Это было возможно еще и потому, что захваченное население, как правило, не было христианизировано и, следовательно, на него не распространялись церковные запреты о работоторговле. Впрочем, и христиане часто становились рабами, поскольку продавались либо работоторговцами-язычниками — викингами, либо

мусульманами-пиратами или, наконец, купцами-иудеями. Незрелость экономики, отсутствие или неразработанность других ценных ресурсов — все это делало рабов одним из тех немногих товаров, которые раннесредневековая Европа могла предложить более развитым и богатым странам Востока.

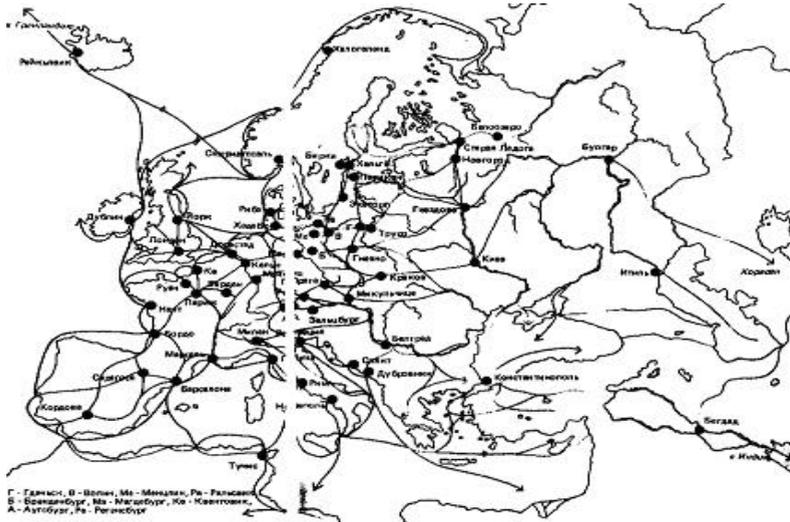

Рисунок 8. Торговые пути раннесредневековой Европы (по Й. Херрману [Херрман 1986, с. 42–43]).

В обмен на рабов на Запад шли монеты или предметы роскоши. Очевидно, что при наличии большого спроса на этот товар на Востоке и постоянного предложения в Европе должны были существовать посредники, которые осуществляли бы перевозку и перепродажу рабов. Такими посредниками стали, в основном, купцы-иудеи [Назаренко 1993, с. 99–100], на которых не распространялся христианский запрет на этот род занятия. Кроме того, в отличие от купцов-христиан в мусульманских странах или купцов-мусульман в христианских государствах, им было проще торговать в обоих этих регионах. Соответственно, они хорошо знали наиболее выгодные и рациональные маршруты передвижения, места остановок и цены. Зачастую они имели там собственность и могли контактировать с общинами единоверцев, рассчитывая на их поддержку и информированность в местных делах. Для местных правителей, как христианских, так и мусульманских, такая деятельность

купцов-иудеев была выгодна еще и потому, что они получали от нее регулярные и большие таможенные сборы, являвшиеся важным источником пополнения казны¹. Таким образом, работорговля, по мнению западных авторов, оказывалась для своего времени вполне закономерным и распространенным явлением, неотъемлемой частью жизни и экономики целого ряда европейских государств и народов.

Следует отметить, что среди советских историков такой подход был принят далеко не сразу и далеко не всеми. Тем не менее, среди исследований по рабовладению и работорговле в раннем средневековье, вышедших в советское время, необходимо упомянуть статью А. А. Сванидзе «О роли рабства в генезисе североевропейского феодализма» [Сванидзе 1986, с. 169–184], а также специальный параграф «Рабы» в монографии Йоахима Херрманна «Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона» [Херрман 1986, с. 110–114]. Эти работы наглядно иллюстрируют тот факт, что социальный и экономический прогресс на севере Европы, в том числе и на севере Восточной Европы, был во многом связан с работорговлей. В частности, Й. Херрман отмечает, что в балтийской экономической системе работорговля процветала с

¹ По данным А. Меца, «...в Европе работорговцами были почти исключительно евреи.... С торговлей рабами связано, по-видимому, расселение евреев в восточносаксонских городах Магдебурге и Мерзебурге. Во время транспортировки рабов этих работорговцев добросовестно обирали, по крайней мере, немцы; так, например, таможенное уложение г. Кобленца требовало с каждой головы раба по 4 динара, а епископ Хура взимал на таможенной заставе в Валенштадте по 2 динара» [Мец 1996, с. 161]. О западном пути работорговли, служившем для вывоза людей из Центральной и Восточной Европы и проходившем через южнобаварские города, сообщает «Раффельштеттенский таможенный устав» (датируется 904-906 г.) [Назаренко 1993, с. 59]. В этом же документе есть сведения о размерах таможенного обложения на такой товар, как рабы, о национальности работорговцев и т. д.: «[Если] корабли с запада, миновав Потавский лес, пожелают расположиться для торговли у Росдорфа либо в каком-нибудь ином месте, пусть платят пошлину в полудрахму, т. е. в один скоти; если пожелают спуститься ниже [по реке] пусть в Линце с каждого корабля внесут по три полумодия, т. е. по три скафиля, соли. С рабов же и всякого прочего товара там не платят ничего, а после сего получают дозволение располагаться для торговли в любом месте до Богемского леса...

Торговцы, то есть евреи и прочие торговцы, откуда бы не явились, из этой страны или из иных стран, платят законную пошлину как за рабов, так и за иной товар, как это всегда бывало во времена прежних королей» [Назаренко 1993, с. 65-67].

VIII по XI вв. Рабы, добытые во время нападений викингов, продавались или использовались для работы в раннегородских центрах Скандинавии, таких как, например, Бирка. Вообще захват рабов и работорговля были характерной чертой этого времени и являлись одной из основных целей походов викингов. За любым войском в эту эпоху следовали работорговцы. Центрами работорговли на границах земель славян и других прибалтийских народов были Магдебург, Хедебю, Мекленбург, Прага. Заслуживают внимания выводы Й. Херрмана, который считает, что именно работорговля, т. е. экспорт людей в IX–XI вв., во многом обеспечили материальную основу для расцвета культуры и искусства стран Балтики [Херрман 1986, с. 114]. Прекращается работорговля только с возникновением феодального общества и феодальных государств, когда непосредственные производители прикрепляются к земле и используются как феодально зависимое крестьянство.

В последние десять лет в восточноевропейской историографии (русской и украинской) все чаще стали появляться работы, в которых так или иначе снова поднимается этот вопрос. Как уже отмечалось, одним из первых попытался изменить утвердившийся среди некоторых восточноевропейских ученых взгляд на эту проблему О. И. Прицак в работе «Происхождение Руси» [Прицак 1997]. По его мнению, во второй половине I тыс. н. э. главными действующими лицами истории в Восточной Европе были различные степные кочевые народы, в том числе и хазары, а также выходцы из Скандинавии — норманны. Они осваивали торговые пути, основывали фактории и города, боролись за зоны экономического и военно-политического влияния. Частью их деятельности была работорговля. Местные народы, в том числе славяне, как считает О. И. Прицак, длительное время были лишь пассивными участниками этих процессов, зачастую выступая в роли товара в организованной на территории Восточной Европы работорговле.

Ряд интересных проблем, связанных с развитием торговых путей и взаимоотношениями между Западной и Восточной Европой (в том числе и тему работорговли) затрагивает в своих работах А. В. Назаренко [Назаренко 1993; Назаренко 2001]. В основном, он пишет о работорговле на границах с западноевропейскими государствами и об участии в этой деятельности купцов из Восточной Европы. Особое внимание привлекает тот факт, что для анализа ситуации используются новые

или малоизвестные раннесредневековые латиноязычные источники немецкого происхождения. По мнению А. В. Назаренко, работорговля была обычным явлением для Восточных германских марок. Особенно этот вид торговли был характерен для Баварской марки, через которую рабы из Восточной Европы, Прибалтики и Чехии транзитом отправлялись в Венецию или на юго-запад Европы, в Кордовский халифат. Судя по данным источников уже в IX в. этот транзит действовал регулярно. Работорговля продолжается здесь и в X в., ее ведут купцы-евреи, фризы, североитальянцы, на востоке Баварии русы и чехи. Это обстоятельство, по мнению А. В. Назаренко, помогает, во-первых, понять, почему русские купцы везли своих рабов именно в Восточную марку, а во-вторых, оценить древность этих торговых контактов, поскольку оба названных пути функционировали уже в IX ст. [Назаренко 1993, с. 92].

В небольшой по объему, но предельно насыщенной источниковедческой информацией статье Т. М. Калининой [Калинина 2000, с. 106–119] содержится достаточно полный перечень произведений арабских авторов, писавших о работорговле в Восточной Европе в Хазарское время (VIII–X вв.). В частности, она отмечает, что о работорговле в Восточной Европе упоминают ибн Хаукаль, ибн Йа'куб, ибн Русте, ибн Фадлан, Гардизи, Истахри и др. По их данным в рабство захватывались чаще всего славяне, иногда русы, позже, в XI в., печенеги. Рабы стоили дорого, продавались за серебряные монеты и пользовались большим спросом на рынках. Захватывали рабов и торговали ими хорасанские воины, мадьяры, русы, болгары. Иногда и сами славяне, когда появлялась возможность, выступали в роли работорговцев, продавая захваченных пленников [Калинина 2000, с. 119].

Наконец, наибольший интерес для настоящего исследования представляет монография московского востоковеда Д. Е. Мишина «Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье» [Мишин 2002]. В этой работе подробно анализируется феномен «сакалиба» в жизни мусульманских стран и в восточной работорговле в раннем средневековье. Автором дан полный обзор источников, сообщающих о рабах-сакалиба в восточных странах, об их захвате, перевозке, продаже и использовании на месте. По его мнению, основными источниками товара для средневековой работорговли были славяно-германский регион, восточное побережье Адриатики и Русь. Из Руси (фактически речь

идет о территории Восточной Европы) рабы вывозились в трех основных направлениях — на запад, юг и восток [Мишин 2002, с. 174]. Д. Е. Мишин не упоминает поток северной, балтийской работорговли по нескольким причинам. Во-первых, изучение этого направления не входит в задачи его работы и никак не связано с бытованием термина «сакалиба» в мусульманском мире. Кроме того, масштабы вывоза рабов на север были, конечно же, принципиально меньшими, нежели масштабы их вывоза на юг, в мусульманские государства и Византию.

Западное направление уже рассматривалось выше как в связи с анализом работ европейских авторов, так и в контексте источниковедческих исследований А. В. Назаренко. Южное было связано, главным образом, с активностью кочевых народов степной зоны Восточной Европы венгров, печенегов, половцев. В основном, они продавали захваченных пленников в византийские города Северного Причерноморья, реже — восточным купцам. По мнению Д. Е. Мишина, это направление работорговли стало главным для исламского мира только после монгольского завоевания, в XIII в. В исследуемый период, в IX–XI вв., оно было незначительным или, по крайней мере, менее значимым, чем другие [Мишин 2002, с. 176].

Особый интерес представляет выделенный Д. Е. Мишиным восточный, или волжский, путь работорговли [Мишин 2002, с. 174–184]. Можно говорить о двух основных вариантах этого пути: первый проходил по Волге и Каспийскому морю к южнокаспийским областям; второй сначала по Волге, а затем от Булгара или от Итиля караванными маршрутами в Хорезм. И в первом, и во втором случаях основными поставщиками товара являлись русы, которые за серебряные монеты продавали рабов мусульманским купцам. В первом случае рабы затем перепродавались, в основном, в Иране и Ираке, в частности в Багдаде. Во втором, вывезенные из Восточной Европы рабы могли в значительном количестве использоваться в самом Хорезме, но какая-то их часть после специального обучения, продавалась за большие деньги в Машрике. Специальные школы, предназначенные для обучения рабов, существовали в это время в Самарканде [Большаков 1986, с. 442]. Юношей учили военному делу, девушек готовили к гаремам. Активное участие русов в работорговле на восточном пути прекращается только во второй половине X в. По мнению Д. Е. Мишина, главной причиной для этого стали походы Святослава и русов, а именно, разрушение Итиля и Булгара.

Таким образом, русы, по его мнению, сами разрушили основные опорные пункты на торговом пути, которым они пользовались в течение нескольких столетий¹.

Одним из факторов, изменивших направление работорговли в Восточной Европе, стал также серебряный кризис в Халифатах [Федоров-Давыдов 1985, с. 90]. Отсутствие покупательной способности у мусульманских купцов привело к тому, что русы перестали продавать им рабов. В то же время вывоз рабов в Византию, где за них платили не только серебром, но и золотом, сохраняет свою выгоду [Мишин 2002, с. 184]. В Константинополь рабов из Восточной Европы вывозили по днепровскому торговому пути. Здесь работорговля существовала уже в рамках Киевского государства и была организована древнерусскими князьями и их дружиной.

После разрушения Итиля захват в рабство и вывоз на восток людей из Восточной Европы не прекращается. Со второй половины X по начало XI в. эту функцию берут на себя хорезмийские «гази». Они

¹ Ниже участие русов в работорговле и связанные с этим данные средневековых источников будут рассмотрены подробнее. Здесь же, в связи с высказанной Д. Е. Мишиным гипотезой, хотелось бы отметить следующее. Скорее всего, торговавшие на волжском пути русы были мало связаны с Киевом. Вернее предположить, что их фактории располагались в верхнем Поволжье и в районах, расположенных у выхода к Балтийскому морю. По всей видимости, их следует связывать с археологическими памятниками, обнаруженными в Ярославском Поволжье — Тимерево, Сарское городище и в Новгородской земле — Старая Ладога. При всей сложности трактовки сообщений восточных авторов о «трех разрядах русов» [Коновалова 1999, с. 145-148] и об «острове русов» [Коновалова 2001, с. 169-189] можно все же, опираясь на эти данные, предположить, что они в действительности были разделены на ряд конкурирующих кланов, деливших между собой сферы влияния на речных путях Восточной Европы. Отголоском этой конкуренции, по всей видимости, является сообщение древнерусской летописи об убийстве Олегом Аскольда и Диры в Киеве [ПВА 1950, с. 216].

Святослав и его дружина ориентировались в своей политике, в основном, на днепровский торговый путь, нижнедунайский регион и Византию. Святослав четко определяет свои приоритеты в известном ответе на претензии Ольги. Он не хочет оставаться в Киеве, по его мнению, гораздо почетнее и выгоднее контролировать нижнее Подунавье и дунайскую торговлю [ПВА 1950, с. 246]. Можно предположить, что восточный поход Святослава (965 г.), направленный, в первую очередь, на подрыв могущества Хазарского каганата и Волжской Булгарии, а также на дальнейшее расширение киевских владений, мог спровоцировать военную активность (поход 969 г.) двух других «разрядов русов». В результате в какой-то степени была подорвана их собственная торгово-экономическая база, основанная на Волжско-Балтийской торговле.

приходят в Булгар и оттуда совершают набеги на сакалиба. В это время за Булгаром находилась огромная страна, где практически безнаказанно можно было охотиться на людей. Д. Е. Мишин предполагает, что «гази» нападали именно на славян, скорее всего, на вятичей. Однако он не исключает, что нападениям могли подвергаться и представители угро-финских народов. По мере распространения и укрепления власти киевских князей, а также в связи с иными внешнеполитическими причинами (например, переориентацией захватнической политики Махмуда Газневида в сторону Индии) набеги гази прекращаются [Мишин 2002, 179–181].

В специальной монографии «Рабство и данничество у восточных славян» тему работорговли, существовавшей на славянских территориях в VIII–X вв., затрагивает И. Я. Фроянов [Фроянов 1996]. Он отмечает, что славяне имели рабов и это явление было широко распространено среди них в указанный хронологический период. Рабы, по его мнению, появлялись у славян в результате двух причин: войн и внутреннего порабощения. Для настоящего исследования важно то, что, как отмечает И. Я. Фроянов, активизация процессов порабощения и работорговли была связана с образованием больших межплеменных союзов [Фроянов 1996, с. 82] в Восточной Европе. Он, как и Д. Е. Мишин, отмечает, что работорговля во многом зависела от деятельности русов, которых все же считает одним из славянских племен [Фроянов 1996, с. 75]. Впрочем, это привычное еще для советской историографии смещение этнического акцента приводит к тому, что, в результате, захват в рабство и торговлю рабами (друг другом) ведут сами славяне [Фроянов 1996, с. 80]. Такое явление, наверное, в действительности неоднократно имело место, хотя и не в случае с русами, проблема этносоциального определения которых будет рассмотрена ниже. Интересно и то, что, по мнению И. Я. Фроянова, термин «челядь» в древнерусских источниках, касающихся событий IX–XI вв., используется, как правило, по отношению к людям рабского положения. Последние не только оказались лишенными большей части человеческих прав, но и, что особенно важно, могли свободно продаваться и перепродаваться [Фроянов 1996, с. 104–155]. Если торговля рабами-пленниками была характерна для «восточных славян» (читай — русов — руси, именно этот этноним скрывается за собирательным «восточные славяне» у И. Я. Фроянова)

в IX–X вв., то с XI в. в Древнерусском государстве процветает уже внутренняя торговля челядью [Фроянов 1996, с. 134–137].

В целом для темы «работоторговля в Восточной Европе», хотя и в более поздний исторический период, важна статья Г. Г. Литаврина [Литаврин 1999, с. 478–495]. Исследуемый Г. Г. Литавриным источник — «Киево-Печерский патерик» предоставляет ценную информацию о том, как кочевники (в данном случае половцы) совершали захват живого товара, каким образом они переправляли его к месту продажи и реализовывали на границах цивилизованного мира. Особый интерес вызывает описание группы купцов-иудеев, специализировавшихся на работоторговле и действовавших в постоянном контакте с кочевниками, обеспечивающими сбыт захваченных во время набегов людей. Описанная в «Слове» 16 Киево-Печерского патерика ситуация, посвященная мученичеству монаха Печерского монастыря Евстратия Постника, выглядит в целом, за исключением развязки, рутинной и привычной для своего времени. Судя по данным источников, подобная практика существовала и в хазарский период истории Восточной Европы. Кочевники совершали набег, причем пытались застигнуть оседлое население врасплох и, как правило, не вступали в серьезные сражения. Они не осаждали городов и крепостей, в данном случае Киев, а старались быстро покинуть территорию противника. Захваченные в предместьях городов и окрестных селах пленники быстро перегонялись через степь на территорию Крымского полуострова, где уже были недоступны для княжеских полков и дружин. Затем они попадали в Херсон и продавались купцам, специализирующимся на работоторговле (в данном случае — иудеям). После чего на кораблях партии рабов перевозились к местам их конкретного назначения. Впрочем, захваченный вместе с остальными жителями предместий Киева монах Евстратий разрушил эту схему. По его инициативе все купленные купцом-иудеем рабы отказались от пищи и умерли в Херсонесе, не дождавшись корабля. Вероятно, самоубийства были нередки среди захваченных в плен и проданных в рабство христиан, для которых тяжесть рабского положения усугублялась иноверием будущего хозяина и грозила не только пожизненной несвободой, но и посмертной гибелью души.

Проведенный выше анализ основных историографических направлений¹ позволяет сформулировать наиболее проблемные и требующие дальнейшего уточнения вопросы, актуальные для настоящего исследования. Как представляется, и в контексте истории всей Восточной Европы, и в приложении к Северо-Западной Хазарии, входящей в историко-культурную, экономическую и геополитическую зону Донского (Донно-Донецкого, Волго-Донского) торгового пути, важно установить следующее. Во-первых, показать роль и место славян в соответствующем использовании речных торговых путей, выявить четкую дифференцированность в отношении к славянам и русам в произведениях арабо-персидских авторов, а также подчеркнуть их очевидное деление на самостоятельные этнографические и социально-политические группы.

С точки зрения прикладного использования полученных сведений для реконструкции геополитического положения лесостепного Подонья-Придонечья необходимо создание рабочей гипотезы, позволяющей объяснить механизм межэтнических (межплеменных, экономических, культурных и пр.) отношений, существовавших между населением Северо-Западной Хазарии и славянскими племенами Днепровского Левобережья. Как представляется, печально известная роль славян в процессе работорговли, их данническое положение по отношению к хазарской метрополии, зафиксированное летописью, должны рассматриваться в одном контексте с построением модели славяно-хазарских отношений, развивавшихся с начала VIII — по начало X в. в Днепродонецком междуречье.

Во-вторых, определение роли работорговли в развитии геополитических процессов IX–X вв. (прежде всего — появления Древнерусского государства и его конкуренции с Хазарским каганатом и Византией)

¹ Объем настоящего параграфа, а самое главное, цели и задачи всей работы не предполагают создания исчерпывающего историографического обзора по теме «Работорговля в Восточной Европе в раннем средневековье». В данном случае обращение к тем или иным сюжетам, связанным с работорговлей, развивавшейся в Восточной Европе в хазарское время, имеет прикладной характер и нацелено на выяснение контекстных обстоятельств существования и исторического развития Северо-Западной Хазарии в VIII–X вв. Очевидно, что полное раскрытие этой весьма простой темы, снабженное, соответственно, и более полным историографическим обзором, возможно только в отдельном монографическом исследовании.

представляется невозможным без ясного понимания этносоциальной природы русов (росов, руси) арабо-персидских, византийских и древнерусских источников. Их полная идентификация или смешение (славяно-русы) со славянами делает невозможным объективный анализ данных источников об этом народе. Это приводит к искаженному пониманию роли русов в использовании речных торговых путей и в работорговле, а также в создании начального государства в Киеве (во второй половине IX — начале X вв.). В этой связи присутствие (или отсутствие) русов на Доно-Донецком (Северскодонецком) торговом маршруте должно рассматриваться как важный индикатор для определения независимого и самостоятельного положения алано-болгарского населения Придонецья в соответствующий исторический период.

Наконец, анализ сообщений раннесредневековых авторов о тех или иных способах приобретения рабов в Восточной Европе, путях их доставки, ценах, основных покупателях и направлениях использования позволит понять истинную роль кочевников, в том числе и хазар, в этой предосудительной (с точки зрения современной морали) деятельности. С другой стороны, становится очевидной истинная роль варяго-русов (отнюдь не славяно-русов), а также восточных купцов, представителей «цивилизованного» мира, являвшихся основными организаторами работорговли. Подобная расстановка акцентов важна для реконструкции геополитического положения Северо-Западной Хазария в конце IX — начале X в. Это необходимо и для выявления внешних критериев, позволяющих на основе лапидарных сведений источников оценивать положение того или иного народа восточноевропейского региона, степень его зависимости или независимости, внутренней организованности, обороноспособности и т. д.

§ 5.2. Славяне — «ас-сакалиба» в контексте хазарской истории и работорговли в Восточной Европе в хазарское время

Проблема взаимоотношений и контактов восточнославянских племен Днепровского левобережья, Подонья-Придонецья (полян, радимичей, вятичей, северян) с хазарами и, в частности, алано-болгарским населением Северо-Западной Хазарии неоднократно поднималась в исторической науке. Еще в 30–40-е гг. XX в. о наличии таких взаимоотношений и существовании такой контактной зоны в районе Северского Донца, Оскола, Верхнего Дона писали М. И. Артамонов [Артамонов 1936] и В. В. Мавродин [Мавродин 1945]. В послевоенный период этим вопросом, в основном в связи с исследованием памятников вольинцевской и роменской археологических культур, а также лесостепного варианта салтовской культуры VIII–X вв., занимаются археологи. Прежде всего, это такие исследователи, как И. И. Ляпушкин [Ляпушкин 1946; 1952; 1958; 1968], Д. Т. Березовец [Березовец 1962; 1965], С. А. Плетнева [Плетнева 1962; 1989; 1999], В. В. Седов [Седов 1982], В. К. Михеев [Михеев 1985; 1991], О. В. Сухобоков [Сухобоков 1975; 1992], А. П. Новосельцев [Новосельцев 1990], О. М. Приходнюк [Приходнюк 1998; 2001], А. З. Винников [Винников 1984; 1995; 1998], В. Я. Петрухин [Петрухин 1995; 2001; 2005] и т. д. В последние годы по этому поводу высказывались: археолог-славист М. В. Любичев [Любичев 1994] и археолог-хазаровед В. В. Колода [Колода 2002; Колода 2005].

В результате указанных исследований, как правило, констатируется факт наличия культурных контактов и соседских взаимоотношений между славянами и алано-болгарами. Никто из названных выше специалистов не возражает против этого утверждения. Свидетельством этих контактов, по мнению археологов, является взаимопроникновение элементов материальной культуры, зафиксированное в ходе раскопок как славянских (вольинцевских, роменских)¹, так и салтовских памятников.

¹ Традиционное для советского периода развития исторической науки отнесение вольинцевской (VII — нач. VIII вв.) и роменской (VIII–XI вв.) культур к археологическим культурам славянского круга в последнее время все чаще оспаривается или уточняется [Седов 1982; Гавритухин, Обломский 1996 и т. д.]. Отмечается наличие в рамках этих культур иных этнических субстратов: позднеиранского, протоболгарского, балтского, финно-угорского. С точки зрения задач, которые ставятся в настоящей работе, эти уточнения не являются принципиальными, поскольку речь идет

На славянских поселениях встречаются фрагменты керамических сосудов салтовских типов [Седов 2002, с. 259], металлические изделия салтовских мастеров. На салтовских памятниках (поселениях и могильниках) изредка встречаются славянская керамика, остатки отопительных сооружений, традиции изготовления которых исследователи связывают со славянскими археологическими культурами (печи-каменки) [Плетнева 1967, с. 58; Винников 1984, с. 118; Приходнюк 2001, с. 123]. Некоторые археологи [Плетнева 1962; Седов 2002, с. 266] пытались также объяснить появление обряда трупосожжения, прослеженного на ряде грунтовых могильников салтовской культуры (Покровский, Сухая Гомольша, у с. Красная Горка), с воздействием характерных славянских традиций погребальной обрядности. В этой связи сразу следует отметить, что последняя гипотеза никогда не была популярна среди специалистов, большинство из которых достаточно обоснованно связывает появление подобного обряда с тюрками или уграми.

о взаимоотношении неких условных целостностей (северян, вятичей) с другой общностью — алано-болгарами, в конкретный период времени (VIII — первая половина X вв.), когда они определенным образом взаимодействовали друг с другом в контексте сложившейся на то время этнической и геополитической ситуации. В этой связи традиционный термин славяне, славянские культуры и т. д. может быть использован без дальнейших пояснений.

¹ Типичный салтовский материал большинства этих погребений, очевидно кочевые традиции культуры, культ коня и воина-всадника, типично кочевнический набор оружия, указывает на явно неславянские корни происхождения этого обряда [Аксенов, Крыганов, Михеев 1996; Михеев 1986, с. 158–173]. См. также [Приходнюк 1998, с. 18; Приходнюк 2001, с. 96–97]. Весьма интересно следующее наблюдение В. С. Аксенова: «Появление кремаций, близких сухогомольшанским, в Кубано-Черноморском регионе относится ко второй половине VII — началу VIII вв., что отражает факт экспансии объединения, возглавляемого хазарами, в отношении к Великой Болгарии Кубрата. Для нас важен факт хронологической последовательности появления «салтовских» кремационных захоронений — первоначально в Кубано-Черноморском регионе, несколько позже — в верхнем Подонцовье, что согласуется со временем и последовательностью распространения на данные регионы власти Хазарского каганата. Время появления салтовских кремационных захоронений в верхнем Подонцовье совпадает со временем появления здесь носителей и салтовского катакомбного погребального обряда — алан. Это позволяет предположить, что и те, и другие оказались в бассейне Северского Донца и на Осколе в результате одних и тех же событий первой половины VIII в., затронувших народы, входившие в состав

По-прежнему спорным является утверждение о наличии на функционирующих салтовских поселениях полуземлянок славянского типа. Пока еще ни один археолог не смог убедительно доказать на основе бесспорных стратиграфических наблюдений факт единовременности салтовских и пеньковских или салтовских и роменских построек¹.

Близкое территориальное соседство славянских и салтовских поселений также было замечено археологами. Хотя никто пока не доказал их единовременности², на этом основании делаются выводы о наличии паритетных, мирных, если вообще ни добрососедских отношений [Винников 1995; Колода 2002; Колода 2005, с. 339]. Отмечается появление этнокультурных контактов и смешанных этнокультурных зон в пределах среднего — верхнего течения Северского Донца, Оскола, Верхнего Дона.

Так, по мнению А. З. Винникова, между славянами и алано-боларами установились исключительно дружеские отношения, которые носили

Хазарского каганата и проживавшие на Северном Кавказе и в Прикубанье. Пришедшие в верхнее Подонцовье носители кремационного обряда из Прикубанья (тюркоугорский этнический элемент) слились с местным населением («пеньковцами» и «колочинцами»)» [Аксенов 2004, с. 20–21]. Единственное возражение, которое возникает при чтении данной работы В. С. Аксенова, это несколько легковесное оперирование термином «слились» в отношении достаточно чуждых друг другу и имевших, очевидно, совершенно различные ХКТ, хозяйственные традиции, язык и т. д. ранних средневековых этносов. Т. е., вероятно, произошла ассимиляция местного населения пришлым, кочевыми угро-тюркоязычными племенами некоего оседлого субстрата. Это не могло пройти мирно и безболезненно, а, тем более, в условиях расширения хазарской экспансии имело, вероятно, характер захвата, порабощения, уничтожения мужской части населения и «присвоения» его женской и т. д., что никак не гармонирует с термином «слились». Уместнее было бы говорить не о слиянии, а о поглощении, что гораздо точнее определяет подобные проявления этногенетических процессов в раннем средневековье.

¹ О. М. Приходнюк, ведущий специалист по пеньковской проблематике, отмечал, что «...декларативное утверждение о наличии связей между пеньковской и салтовской культурами не обосновано археологическими источниками» [Приходнюк 1998, с. 26].

² Даже если подобная единовременность и будет доказана, то на этом основании еще нельзя делать вывод об именно добрососедском и паритетном характере межэтнических отношений. В условиях племенного строя существовали разнообразные виды межэтнической эксплуатации (внеэкономического характера), различные формы неравенства, принуждения и т. д., когда в зависимость от сильных соседей попадали отдельные лица, семьи, роды или племена.

форму торговых контактов, а также проявлялись во взаимном обогащении отдельными производственными навыками [Винников 1995, с. 148].

Следует отметить, что еще в 60-е гг. высказывались и более реалистические точки зрения на ход и форму взаимоотношений между славянами и носителями салтовской культуры в регионе. В частности, Д. Т. Березовец предполагал, что, скорее всего, алано-болгарские племена осуществляли политику центрального хазарского правительства, принуждая соседних славян к выплате дани. Следует согласиться с ним и в том, что эта дань не была эпизодическим явлением, а выплачивалась регулярно всем подчиненным славянским населением. Очевидно, что подобное было возможно только при условии использования военной силы [Березовец 1965, 51–52].

Об этом писал и В. К. Михеев, отмечавший в связи с анализом ситуации, сложившейся в Подонье-Придонечье после проникновения туда северокавказских алан, что в рассматриваемый период трудно предполагать построение отношений между чуждыми друг другу народами на каких-то иных началах, кроме принуждения и использования военной силы [Михеев 1991, с. 47–48]. Военный характер установления даннической зависимости славян от хазар не вызывал сомнений и у И. И. Ляпушкина [Ляпушкин 1968, с. 168].

Таким образом, весьма логично выглядит предложенная Д. Т. Березовцом дата начала выплаты этой дани — середина-вторая половина VIII в., то есть сразу после появления в Подонье стационарных памятников аланского варианта салтовской культуры. По мнению исследователя, хазарские сборщики дани могли проникать достаточно глубоко на славянские территории. Одним из форпостов хазарского влияния на Левобережье, местом сбора дани, центром проживания ремесленников и воинов алано-болгарского происхождения могло быть Битицкое городище [Приходнюк 2001, с. 121–122; Сухобоков, Вознесенская 1989, с. 100–103; Сухобоков, Юренко 1993, с. 121–135; Сухобоков 2004, с. 171]. Интересно, что современные археологи-слависты И. О. Гавритухин и А. М. Обломский, по сути, поддержали эту идею, рассматривая Битицкое городище как вероятный форпост Хазарского каганата. Они же высказали близкую к мнению Д. Т. Березовца мысль на хронологию славяно-салтовских контактов: «Формирование нового этнокультурного симбиоза осложняется экспансией Хазарского каганата,

первые ощутимые волны которой датируются где-то в рамках первой половины VIII в.» [Гавритухин, Обломский 1998, с. 86].

О. В. Сухобоков, посвятивший специальную монографию истории и археологии Днепровского Левобережья в VIII–XIII вв., в целом разделяет взгляды последней, реалистически настроенной группы авторов. Он отмечает, что активность хазар в исследуемом регионе возрастает только после окончания арабо-хазарских войн, т. е. с середины VIII в. Таким образом, по его мнению, Хазария, безусловно, осуществляла эксплуатацию местного славянского населения бассейна Дона и Днепровского Левобережья, используя для этого специально переселенных с Северного Кавказа алан [Сухобоков 1992, с. 64–66].

Вышеперечисленными положениями, в целом, и ограничиваются выводы археологов по поводу исследования и интерпретации славяно-хазарских контактов в Подонье-Придонецье¹.

¹ В последнее время В. В. Седов выдвинул гипотезу о формировании в конце VIII— первой трети IX вв. начального «русского каганата» [Седов 2002, с. 255–295] в районе Днепровского Левобережья: «Русам «Баварского географа» остается территория вольтынской и сменивших ее роменской, боршевской и окской культур VIII–X вв., ареалы которых как раз находятся между Хазарией и регионами полян и древлян» [Седов 2002, с. 268]. И далее: «...Русь — ославяненный, первоначально не-славянский этноним, вошедший в обиход в славянском мире в позднееримское время, когда в условиях славяно-иранского симбиоза формировались анты.... В период гуннского нашествия носители этнонима Русь мигрировали в Среднее Поволжье, где создали именьковскую культуру. Через три столетия они вынуждены были переселиться в Левобережноднепровско-Донской регион, где представлены вольтынской культурой. Место их проживания здесь фиксируется в летописях как Русская земля (в узком значении)» [Седов 2002, с. 274]. «Территория Русского каганата, по всей вероятности, в общих чертах соответствовала области расселения русов, как она очерчивается по данным археологии. На западе она почти целиком охватывала бассейн Десны и сравнительно небольшую часть правобережья Днепра. Южные пределы раннегосударственного образования руссов составляли земли верхних течений Суллы, Псла и Ворсклы, на юго-востоке граница проходила по рекам Северский Донец и Тихая Сосна...» [Седов 2002, с. 287–288]. Очевидную несообразность и недопустимость подобных построений В. В. Седова неоднократно подвергал критике В. Я. Петрухин: «Можно было бы отнести эти поиски (в том числе и в последних книгах В. В. Седова) к «научной инерции», если бы не создаваемая ими видимость практически безграничных возможностей для локализации славянской Руси — от Среднего Поволжья до Подунавья: стоит лишь совместить попытки несовместимых лингвистических реконструкций, выводящих имя Русь из «индоарийских компонентов» в Северном Причерноморье (О. Н. Трубачев) или связывающих это имя с неким

В этой связи следует отметить, что вопрос о характере взаимоотношений между древними или средневековыми этносами в принципе не может быть решен при помощи чисто археологических методов. Это проблема, прежде всего, историческая. В силу отсутствия массива письменных источников, которые непосредственно освещали бы события, проходившие в регионе, речь в данном случае может идти только о создании более или менее вероятной этнополитической модели взаимоотношений славян и алано-болгар, о возможном варианте объяснения исторической действительности.

Для получения более точных представлений о характере взаимоотношений славян и алано-болгар необходимо оценить общую историческую и этнополитическую ситуацию в Восточной Европе в VIII — первой половине X вв.

народом *guzzi*, наименование которого отразилось в топониме Ruzagamarcha в Баварии, упомянутом еще в дарственной грамоте 863 г. восточнофранкского короля Людовика II Альтхаймскому монастырю» [Петрухин 2001, с. 129]. Далее В. Я. Петрухин отмечает: «...Сразу следует сказать, что понятие «Русский каганат» — не более чем историографический фантом, ибо в источниках говорится лишь о том, что правитель Руси именуется каганом — никаких известий о структуре его государства и составе его подданных, которые свидетельствовали бы о почти «имперском» статусе «русского кагана», подобно аварскому или хазарскому, в источниках нет. Представления о раннем русском государстве — каганате IX в. — основываются лишь на единичном сообщении упоминавшихся Бертинских анналов, где неизвестные франкам люди Рос, оказавшиеся шведами, утверждали, что их правитель (*gex*) «именуется хаганом» и что он «ради дружбы» отправил их к императору Феофилу. «Не вызывающих сомнений» данных о существовании в первой половине IX в. «Русского каганата» здесь попросту нет» [Петрухин 2001, с. 132]. «С еще большими историко-ведческими несообразностями связана гипотеза В. В. Седова, продолжающая традиции советской историографии — поиск мощного государства изначальной славянской Руси в Среднем Поднепровье, на этот раз не среди днепровских «древностей антов» (как это делал тот же В. В. Седов в 1987 г.), а в ареале левобережной так называемой волынцевской культуры. Против славянских русов — носителей этой культуры — Хазарскому каганату якобы пришлось строить в 830-е годы Саркел и другие крепости по Дону. В состав этой руси включаются поляне, северяне, радимиичи и даже вятичи (все летописные данники хазар). «Русский каганат» распался в результате «натиска» хазар и Византии (!), тогда в Киевское княжество полян и попали варяги Аскольда и Дира. Перечисленные славянские племена никогда ни в собственно древнерусских, ни в других источниках «русью» не именовались...» [Петрухин 2001, с. 136–137].

Общая оценка исторической ситуации в Восточной Европе в период с VIII — по первую половину X вв. свидетельствует, что восточно-славянские племена северян и вятичей не были инициаторами исторических событий и процессов того времени. Ситуацию в регионе определяли и контролировали хазары, зависимые от них алано-болгары, кочевники — угры, печенеги, черные болгары, огузы, а также проникавшие сюда по рекам русы. Именно между этими этносами происходила борьба за территории, торговые пути, данничество местных племен, в том числе и славян.

Уровень социально-экономического и политического развития славян региона (северян, вятичей) тогда еще был достаточно низок¹. Они жили небольшими родовыми общинами, в поселках, насчитывавших несколько (10–15) единовременных жилищ [Русанова 1988, с. 9–10]. Общинные поселки группировались в небольшие гнезда-племена². Заселялись и хозяйственно использовались только долины рек, водоразделы оставались свободными [Christian 2000, p. 333]. Можно предположить, что славяне образовывали пока еще достаточно аморфные племенные союзы, не имевшие в этот период определенных границ, единого политического устройства и управления [Смиленко 1989, с. 105–114]. В начальный период хазарской экспансии они еще не имели четкой военной организации, в случае необходимости собиралось племенное ополчение [Седов 1982, с. 247]. Городища роменской культуры представляли собой или убежища, или небольшие укрепленные сельские поселения. Последние пока еще не могли претендовать на роль политических центров, объединяющих племена или союзы племен (Донецкое городище — роменский слой, Водяное, Хотмыжск и т. д.) [Дьяченко 1978, с. 322–323; Дьяченко 1979, с. 291–292; Дьяченко 1983; Дьяченко 1991, с. 42–43; Седов 1982; Сухобоков 1992].

¹ По мнению О. В. Сухобокова, именно во власти хазар над славянами Левобережья и Подонья нужно видеть причины архаизма боршевской и роменской культур [Сухобоков 1993, с. 56].

² «В лесостепной полосе поселения располагались гнездами, по 3–4, на расстоянии до 5 км одно от другого. Расстояние между гнездами достигало в среднем 30–40 км., но иногда доходило до 100 км и больше. В поселках имелось до 60–70 домов. Жилища были небольшие, площадью в 10–20 кв. м. и вмещали 4–5 человек...» [Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972, с. 146–147].

Ремесло у славянского населения региона было относительно слабо развито и носило домашний или общинный характер. Обмен товарами и продуктами только начинал выходить за пределы межобщинных, внутриплеменных отношений¹. Появление в этот период на славянских территориях серебряных арабских монет, использовавшихся местным населением как сокровища или украшения, необходимо, по всей видимости, связывать с деятельностью русов или византийского купечества, скупавшего меха и другие местные товары для вывоза их в цивилизованные регионы Азии и Европы.

Все это не идет ни в какое сравнение с четкой структурой социальной организации и расселения алано-болгар, группировавшихся вокруг городищ, имевших сложную иерархию военного сословия и входивших в состав хазарской раннегосударственной политики [Плетнева 1999, с. 25–26, 43; Афанасьев 1993, с. 151–152; Михеев 1991, с. 43–50; Бубенок 1997, с. 62; Бубенок 2002, с. 21–22; Тортика 2005, с. 479–484].

Источники сообщают о дани, которую славяне выплачивали сначала хазарам, а потом варяго-русам [ПВЛ 1999, с. 150, 168], о работоторговле, которую организовали кочевники (угры, печенег) и русы на славянских территориях [Бартольд 1973 с. 23–62; Известия о хазарах... 1869, с. 145; Константин Багрянородный 1991, с. 49]. Это и другие факты позволяют представить модель и характер славяно-алано-болгарских взаимоотношений на границах Северо-Западной Хазарии следующим образом.

Итак, в середине VIII в. в регионе, на высоких правых берегах Северского Донца, Оскола, Дона утверждаются хорошо консолидированные родоплеменные объединения алан. Они основывают сеть

¹ Следует отметить, что процесс социально-экономического развития славянских племен был, с одной стороны, неравномерен (в различных регионах), с другой, достаточно динамичен. Так, если в начальный период хазарского господства в конце VII — начале VIII вв. славяне Днепровского Левобережья находились на еще достаточно низкой ступени развития, то к X в. они выходят на один уровень с салтовской культурой, создают города с развитой торгово-ремесленной экономикой, что и приводит, в конечном итоге, к победе Киевской Руси над Хазарским каганатом в начавшейся после 882 г. борьбе за военно-политическое и экономическое преобладание в регионе.

² М. Б. Свердлов отмечает, что «Уплата дани мехами соответствует уровню восточнославянской экономики в тот период. Забить белку или куницу не составляло для одной семьи чрезмерных трудовых затрат, и вместе с тем собранные меха представляли собой значительное богатство» [Свердлов 1978, с. 147].

стационарных поселений, строят, возможно не без участия центрального хазарского правительства, белокаменные крепости [Афанасьев 1993, с. 141–150; Бубенок 2002, с. 26; Плетнева 1999, с. 25]. В тот же период они, по всей видимости, без особых усилий подчиняют соседние славянские племенные союзы [Новосельцев 1990, с. 202; Ромашев 1992, с. 14]. Никаких данных о сопротивлении, которое оказали славяне, о войнах, которые вели бы с ними хазары или алано-болгары, в источниках нет [Комар 2005, с. 213]. Единственное, о чем сообщает древнерусская летопись — это о дани, которую платили хазарам поляне, радимичи, северяне и вятичи [ПВЛ 1999, с. 148–168]. Поскольку непосредственными соседями этих славянских племен были алано-болгары Подонья-Придонечья, то под летописными хазарами, скорее всего, следует понимать именно их [Михеев 1991, с. 47; Погодин 1871, с. 9]. Понятно, что летописец, писавший о хазарской дани через 150 лет после гибели Каганата (по мнению Д. С. Лихачева в начале XII в.) [ПВЛ 1999], вряд ли мог дифференцировать входившие в его состав племена и народы.

Вассалы хазар — алано-болгары еще в VIII в. создали буферную зону полузависимого даннического населения между своей территорией и основным массивом обитателей севера и северо-запада лесной зоны Восточной Европы [Готье 1927, с. 46; Новосельцев 1990, с. 202–203]. Именно эта группа даннических племен¹ в конце IX — начале X вв. становится объектом притязаний варяго-русской верхушки Киевского государства [Петрухин 2001, с. 139; Петрухин 2005, с. 88–89] и окончательный переход этих территорий под протекторат Руси в середине X в. указывает на ослабление хазарского влияния в Восточной Европе.

В течение VIII — в начале IX вв. аланы теснее консолидируются с болгарам. В этот период у алано-болгар, по всей видимости, складывается территориальная община, типичная для начального этапа развития раннеклассовых отношений. Об этом свидетельствуют планировка и материал салтовских поселений, биритуальный характер погребального обряда и планиграфия ряда могильников региона. Общественные

¹ В. Я. Петрухин совершенно справедливо указывает, что «...волынцевская культура характеризует ареал тех славянских племен — «конфедерации» полян, северян и, возможно, части радимичей, — с которых брали дань хазары... Очевидно, таким образом, что волынцевская культура очерчивает границы не гипотетического каганата русов, а предшествующую Русской земле — домену киевского князя — податную территорию, доминион Хазарии» [Петрухин 2001, с. 138–139].

отношения квалифицируются как развитый племенной строй, с сохранением рудиментов кровнородственных отношений, что характерно как для алан, и не только в этом регионе [Афанасьев 1993, с. 45–50], так и для кочевников-болгар. Последний фактор определяет формирование полицентрической системы расселения и организации общества, отсутствие единого образования, охватывающего всю Северо-Западную Хазарию. Внутри микрорегиональных объединений, которые можно привязать к отдельным салтовским городищам, население распределяется на основе сочетания родоплеменного и военно-административного признаков. Каждая родовая единица вливается в определенное территориальное и военное образование [Тортика 2005, с. 483–484].

В такой ситуации разрозненные славянские племена, имевшие относительно низкую плотность населения и слабую степень развития социально-экономических и политических связей, ничего не могли противопоставить организованной военной силе алано-болгарских вассалов Хазарского каганата. Вероятнее всего, их взаимоотношения с Северо-Западной Хазарией протекали в форме данничества [Михеев 1991, с. 48–49]. Они платили дань мехами, медом, воском, возможно, как свидетельствует летопись, серебряной монетой [ПВА 1999, с. 168]. Надо полагать, что именно они (наряду с другими народами Восточной Европы) и были теми самыми «ас-сакалиба», о которых пишут арабские авторы и которыми торговали мадьяры, печенег, русы, а также купцы — арабы, персы, евреи и греки на рабских рынках Византии и Арабского халифата.

Сами алано-болгары, по всей видимости, не были заинтересованы в массовом применении рабской силы. Скорее, они практиковали домашнее рабство, о чем косвенно могут свидетельствовать безинвентарные погребения на могильниках салтовской культуры. По всей видимости, это были женщины, выполнявшие роль наложниц [Плетнева 1989, с. 132; Плетнева 1999, с. 40–41] и домашних работниц у представителей алано-болгарской знати¹. Возможно, по аналогии с кочевым миром,

¹ В этой же связи О. М. Приходнюк отмечал, что «...бедные трупосожжения в лепных округлобоких горшках славянского типа (с расширением в верхней трети высоты и отогнутым венчиком) могли принадлежать славянам. Можно предположить, что в них были погребены останки жен или наложниц тюркской знати. Кроме того, славяне могли входить в общины степняков, занимая там подчиненное положение...» [Приходнюк 2001, с. 96].

это были также захваченные во время набегов или рожденные рабынями дети. Последние, вырастая, становились членами патриархальных семей [Афанасьев 1984а, с. 66–82] и в качестве «младших родственников» входили в состав коренного алаано-болгарского населения. Тот факт, что их хоронили на родовых кладбищах, говорит о включении в состав общины и даже проявлении некоторой заботы об умершем. Однако, отсутствие инвентаря или его бедность, несоблюдение обряда свидетельствуют о неравноправном положении и низком социальном статусе этих погребенных.

Можно предположить, что алаано-болгары практиковали и насильственное переселение на свои земли целых общин зависимого славянского населения. Это весьма характерное для раннего средневековья явление [Михеев 1991, с. 46]. Факт подобных переселений неоднократно наблюдался в самой Хазарии, на Северном Кавказе и в Закавказье, Крыму, в Византии, Арабском халифате и т. д. Подобные переселения происходили во второй половине I тыс. также в странах Центральной и Западной Европы. Вероятно, что и таким образом можно объяснить близкое соседство славянских и салтовских поселений, причину взаимного проникновения отдельных элементов материальной культуры. Учитывая полиэтничный характер самого салтовского конгломерата, процесс формирования территориальных общин, военно-административный принцип деления алаано-болгарского населения, можно даже говорить о появлении предпосылок для вхождения отдельных славянских групп в племенную структуру населения Северо-Западной Хазарии [Колода 2005, с. 343–344].

Этот процесс не был завершен. Его развитие прекратилось или, точнее, сильно изменилось под воздействием внешних факторов. Северяне и вятичи в конце IX в. вошли в зону политического контроля Киевской Руси. Дальнейшее историческое и этнокультурное развитие восточнославянских племен Днепровского левобережья, Подонья-Придонецья происходило теперь уже в политических границах древнерусских княжеств и в контексте древнерусской городской культуры. Именно в этот период начинается новый этап развития взаимоотношений между славянами и алаано-болгарами. Отныне уже алаано-болгары, очевидно, под давлением печенегов, в небольшом количестве проникают на славянские территории и, уже в качестве зависимых соседей, селятся

на славянских памятниках [Славяне... 1990, с. 333–334]. Напротив, во второй половине X в. на Дону и Северском Донце появляются роменские и боршевские памятники, что свидетельствует о колонизации славянами территорий, принадлежавших ранее Хазарскому каганату [Приходнюк 2001, с. 126].

Таким образом, совершенно ясно, что отношения между славянами и алано-болгарским населением Хазарского каганата необходимо рассматривать в динамике, учитывая многократные изменения внешнеполитических условий этих контактов, тот факт, что эти отношения переживали определенную эволюцию в связи с изменением социально-экономической ситуации, как в славянской, так и в алано-болгарской среде.

Первоначально, в конце VII — начале VIII в. хазары, вероятно всего, совершали только спорадические набеги на славянские территории [Комар 2005, с. 213], не устанавливая над ними постоянного контроля и не оформляя постоянных даннических отношений.

Однако уже с середины VIII в. хазаро-славянские отношения приобретают регулярный и относительно упорядоченный характер. Теперь славяне Днепровского Левобережья, Подонья-Придонецья находятся под постоянным контролем военных гарнизонов белокаменных аланских крепостей, расположенных по Северскому Донцу, Осколу, Дону [Плетнева 1999, с. 25–27]. Славяне платят дань, размеры которой указывает ПВЛ, являются объектом колониальной торговли, источником работорговли. К концу IX в. ситуация постепенно начинает меняться. Растет уровень социально-экономического развития славянского населения [Славяне...1990, с. 431–432] и, соответственно, его сопротивляемость внешним угрозам. Эволюционирует племенной строй, преобразуя достаточно аморфные славянские союзы в консолидированные племенные княжения [Мавродин 1971, с. 44–55]. Ослабляется Хазарский каганат. Одновременно усиливаются его конкуренты — варяги и печенеги. Возникает новая военно-политическая ситуация. В этих условиях славяне постепенно избавляются от хазарского влияния, но тут же попадают в зависимость от Киева и Чернигова.

Отдельного рассмотрения требует также термин «саклаб», «сакалиб(а)», встречающийся в арабских и персидских источниках и, естественно, имеющий непосредственное отношение к сюжету о работорговле в Восточной Европе в хазарское время. Существует две основные

точки зрения на трактовку этого термина. Одни авторы, к их числу, например, относятся Ф. Вестберг [Вестберг 1908, с. 369] и О. И. Прицак [Прицак 1997], считают, что саклабы — сакалиба — это северные рабы (европейцы, причем, в основном, восточноевропейцы) в широком смысле. Соответственно, когда в арабских источниках идет речь о торговле рабами-сакалиба, имеются в виду рабы именно такого происхождения без четкой их этнической дифференциации. Впрочем, среди последних вполне могут быть и славяне.

Другие авторы, в их числе Д. А. Хвольсон [Известия о хазарах... 1869], А. Я. Гаркави [Гаркави 1970], А. А. Куник, В. Р. Розен [Куник, Розен 1878], В. В. Бартольд [Бартольд 1963/б., с. 870–872], Т. Левицкий [Левицкий 1964], Т. М. Калинина [Свод древнейших письменных известий о славянах 1995, с. 509] и др., указывают, что арабское слово славянин — саклаб или сакалиба — заимствовано из греческого языка. Группы славян, выполнявших функцию пограничных войск, были расселены византийцами в Малой Азии и Сирии в начале — середине VII в., где и были впервые встречены арабами. Византийское название славян — славия, славияун трансформировалось у арабов в сакалиба.

Подробный анализ использования данного термина арабо-персидскими авторами осуществил Д. Е. Мишин [Мишин 2002, с. 27–100]. В частности, он отмечает, что для большинства средневековых авторов, живших в период активной продажи европейских рабов на Восток, сакалиба хорошо известны и явно дифференцируются именно как славяне или рабы-славяне. Однако в Европе в раннем средневековье славяне также часто были рабами. В результате и здесь со временем этноним славянин — *slavus* становится синонимом раба. Для более поздних арабо-персидских авторов, не сталкивавшихся напрямую с рабами славянского происхождения, термин постепенно приобретает собирательное значение. Путаница возникает в связи с расширенным толкованием термина, которое дает Ибн Фадлан. Именно он в своей «Записке» называет Алмуша — правителя Волжской Булгарии — царем славян, а жителей этой страны — славянами — сакалиба [Мишин 1997, с. 100–109]. На основе этого сообщения в 1939 г. А. Зеки Валиди-Тоган, а за ним (не смотря на формальную критику его положений) и А. П. Ковалевский [Ковалевский 1956, с. 15] сделали заключение, что в качестве сакалиба арабы воспринимали финно-угорское население Восточной

Европы. В то же время, как отмечает Д. Е. Мишин, у всех других арабо-персидских авторов IX–X вв. сакалиба — это, как правило, именно славяне. Впрочем, по его мнению, полная параллель не всегда корректна и в отдельных случаях может привести к ошибке [Мишин 2002, с. 99].

В настоящем случае будет взято за основу именно такое понимание термина (при условии, что для арабов, мало знакомых с Восточной Европой и часто писавших о ней с чужих слов, ошибки в этнической терминологии были возможны). В этой связи логично предположить, исходя из всего контекста ситуации в регионе и общего фона сообщений источников, что кроме славян объектом работорговли были все поволжские народы, располагавшиеся вдоль великого Волжского пути от Невы до Булгар и не имевшие государственности. Через территорию этих народов, по Волге и ее притокам проходил маршрут основных работорговцев лесной части региона — русов. Очевидно, что и представители различных финно-угорских племен захватывались в плен и продавались русами в Булгаре или Багдаде, а также на севере, в Бирке и других торговых городах Балтийского региона. Однако, поскольку арабским авторам не известны ни чуди, ни меря, ни весь, ни мордва (за исключением поволжских буртасов, этническое определение которых продолжает оставаться спорным [Бубенок 1997, с. 68–71; Михеев 1991, с. 49; Тортіка 2005, с. 13–14]), они всех этих рабов могли называть сакалиба. Предполагаемая общность этимологии может быть вызвана не только региональной близостью — Восточная Европа, но и определенным расовым и антропологическим сходством.

Об агрессивной деятельности русов в этом регионе сообщает и древнерусская летопись. Так, в легенде об изгнании, а потом призвании варягов в качестве заинтересованных сторон и активных участников событий однозначно упоминаются все основные племенные союзы региона, как славянские, так и неславянские: «В год 6367 (859 г.). Варяги из заморья вимали дань с чуди и со славян, и с мери и с всех кривичей (выделение — А. Т.), а хазары брали с полян и с северян, и с вятичей, — брали по серебряной монете и по белке от дыма», — и далее, — «В год 6370 (862 г.). Изгнали варяг за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды и стал род на род, и была у них усобица и стали воевать сами с собой. И сказали они себе: «Пошлем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли

за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свеи, а иные норманы и англý, а еще иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси **чудь, славяне, кривичи и весь** (выделение — А. Т.): «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами!». [ПВЛ 1950, с. 214].

Следует отметить, что в конце VIII — первой половине IX в. до начала активного функционирования Днепровского пути, славянские племена, (возможно за исключением новгородских словен и кривичей) в гораздо меньшей степени входили в сферу военно-экономических интересов русов, чем балты и финно-угры [Свердлов 1969, с. 543]. Не зря летопись относит полян, радимичей, северян и вятичей к зоне хазарского влияния. Главная опасность для большинства восточноевропейских славян исходила с юга, из степи, от венгров, а затем и печенегов [Хазанов 1976, с. 261–262]. Последние, в силу своего географического положения, чаще всего продавали рабов не в Халифаты, а в Византию, где, естественно, не был распространен термин «сакалиба». Здесь рабов называли рабами или пленниками, а о торговле ими сообщают Ибн Русте и Гардизи, Константин Багрянородный и «Повесть временных лет».

Таким образом, при оценке значения анализируемого термина «сакалиба», всегда важен контекст сообщения и происхождение тех сведений о славянах, которыми располагает тот или иной средневековый автор. Слово саклаб-сакалиб обычно, все же, не является полным синонимом термина «раб». С одной стороны, оно указывает на происхождение индивидуума (в первую очередь, славянское), с другой, в более широком контексте — на его общеевропейское или восточноевропейское происхождение¹.

¹ Известно, что для определения рабского положения в Арабских Халифатах существовало достаточно много других терминов, каждый из которых предполагал те или иные смысловые нюансы: ракик — раб, предназначенный на продажу [Свердлов 1982, с. 48], абд — классическое определение раба и ама — рабыни [Большаков 1986, с. 426], мамлюк — прислужник, гулям — молодой раб, затем раб — воин, телохранитель и т. д. [Ковалевский 1956, с. 143, 243, 639].

§ 5.3. Русы как участники работорговли. Этнокультурная природа русов (росов, руси) VIII–X вв.

Как уже отмечалось выше, одними из основных и наиболее активных работорговцев в Восточной Европе в IX–X вв. являлись русы. Очевидно, что дальнейшее изложение материала по заявленной теме невозможно без определения отношения к проблеме происхождения русов и их этнической идентификации. Не претендуя, конечно же, на окончательное решение этого сложного вопроса, хотелось бы сформулировать ту точку зрения, которая будет использована как рабочая версия в ходе данного исследования.

В течение уже почти трех веков в исторической науке так или иначе обсуждается вопрос о происхождении Древнерусского государства и о той роли, которую сыграли в его создании выходцы из Скандинавии — варяги. Начиная с доклада Г. Ф. Миллера и последовавшего на него ответа М. В. Ломоносова (на заседании Императорской Академии наук в 1749 г.), эта проблема воспринималась и поныне воспринимается отечественными исследователями как крайне болезненная и идеологическая [Рыдзевская 1978, с. 128–129]. Именно поэтому ее решение зачастую зависело не от сохранившихся сведений источников и беспристрастных аналитических методов, а от политической конъюнктуры, превратно понимаемого патриотизма [Ловмянский 1985, с. 63] и прочих, далеких от науки факторов.

Анализ историографии, сложившейся по этому поводу, показывает, что круг задач, поставленных предшественниками, чрезвычайно широк и включает в себя как сугубо исторические, так и лингвистические или археологические проблемы. К их числу относятся: вопрос о происхождении термина «русь» (рос, рус); а также об этнической принадлежности его носителей; их роли в создании государственности в Восточной Европе. Отдельных размышлений требует установление и оценка процента скандинавского материала в числе археологических находок на территории древнерусских городских центров и дружинных погребений и т. д. Очевидно, что в данной работе невозможно даже в первом приближении осветить все названные (и неназванные) вопросы. Впрочем, как представляется, для настоящего исследования наиболее важным аспектом является проблема этносоциальной природы русов (росов, руси). Данные источников позволяют, насколько это возможно,

достаточно четко реконструировать этносоциальную обособленность руси от остального населения Восточной Европы — славян, финнов, балтов, указывают на их место в социально-политической структуре Древнерусского государства в первое столетие его существования во второй половине IX — первой половине X в.

Необходимо отметить, что и по сей день в науке существует два основных направления (литература огромна), которые традиционно называют норманистским и антинорманистским [Авдусин 1988, с. 23–34; Артамонов 1984, с. 3–6; Беляев 1991, с. 106–115; Шаскольский 1986, с. 122–124 и т. д.]. Как представляется, такое деление в значительной степени устарело и не отражает реального развития современной историографии. Мало кто из современных ученых продолжает всерьез предполагать, что государственность была в готовом виде перенесена в Древнюю Русь династией норманнов — Рюриковичей [Погодин 1971, с. 11–18]. Большинство современных т. н. «норманистов» прекрасно отдает себе отчет в том, что становление государства — сложный и длительный процесс, который не мог произойти без участия местного населения [Петрухин 1995]. В то же время следует отметить, что т. н. «антинорманисты» по-прежнему являются, в большинстве своем, сторонниками тех или иных гипотез местного, как правило южного, происхождения руси [Рыбаков 1953, с. 23–104; Седов 1987, с. 16–22; Седов 2002, с. 255–294; Тихомиров 1947, с. 60–80; 37, с. 13–29]. В противоположность указанной точке зрения «норманисты» в той или иной степени связывают появление термина «рус(ь)» все же со скандинавским военно-торговым элементом на территории Восточной Европы, его деятельностью в зоне речных торговых путей — сначала Волжского, а затем Днепровского [Шаскольский 1967, с. 153–156].

Из последних высказываний на эту тему наибольшее внимание привлекает позиция Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, О. И. Прицака, А. В. Назаренко. Убедительная критика южнорусских гипотез происхождения термина «рус-рос» содержится в работах О. И. Прицака и В. Я. Петрухина. По мнению последнего, различные гипотезы южного происхождения термина «рус-рос» игнорируют очевидные данные источников и явно не состоятельны. Происхождение этих гипотез связано с идеологическими тенденциями, возникшими в советской исторической науке после второй мировой войны. Главной задачей

историков, занимавшихся тогда происхождением Древней Руси, было опровержение всех проявлений норманнской теории и поиск местных корней термина «рус(ь)». Соответственно, в современных условиях развития исторической науки южнорусские теории происхождения этого термина можно рассматривать только в качестве историографического термина атавизма [Петрухин 2001, с. 129–132].

Не касаясь лингвистической стороны проблемы (см. последние работы по этому поводу [Константин Багрянородный 1991, с. 291–309; Мельникова, Петрухин 1989; Назаренко 2001, с. 11–50; Петрухин 2001; Прицак 1991; Прицак 1997]), хотелось бы показать общую ретроспективу данных средневековых источников о русах и их отношениях со славянами.

Начиная с первого общепризнанного упоминания о них в Бертинских анналах — 839 г. [Латиноязычные источники... 1989, с. 10–11; Мавродин 1945, с. 201; Назаренко 2001, с. 14, 26, 31], русы устойчиво ассоциируются с представителями скандинавских народов. Людовик Благочестивый, ко двору которого в Ингельгейм прибыла делегация русов («неких людей), которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос»), с письмом от византийского императора Феофила, узнал в этих посланцах шведов — «от рода свеонов». Будущий епископ Кремоны, Луидбранд, побывавший в Константинополе в середине X в., также однозначно сообщает о том, что росами в Византии называют тот же народ, который в Европе обычно зовут норманнами [Известия ал Бекри... Ч. 2. 1903, с. 11–12, 21–22].

Русы арабо-персидских авторов, хотя иногда и определяются как разновидность «сакалиба», т. е. славян, в большинстве случаев противопоставляются последним во всех отношениях [Гаркави 1870, с. 3–5, 135, 193, 275–279; Вестберг 1908, с. 16–18; Бартольд 1963, с. 810–858; Бартольд 1963, с. 870–872; Калинина 1978, с. 151–152]: у них иной образ жизни, особый погребальный обряд, который, судя по описаниям Ибн Русте¹ и

¹ «Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении», — пишет Ибн Русте [Новосельцев 2000, с. 304].

Ибн Фадлана [Ковалевский 1956, с. 141–143, 146], носит явно скандинавский характер¹.

У Ибн Русте русам и славянам посвящены отдельные главы произведения. «Земля славян есть равнина лесистая; в лесах они и живут... Вооружение их состоит из дротиков, щитов и копий; другого оружия не имеют. Глава их зовется супанеч. Ему они повинуются и от приказаний его не отступают... Царь объезжает их ежегодно...» [Известия о хазарах... 1869, с. 28–33].

Напротив, «что касается Руси, то находится она на острове, окруженном озером... Русь имеет царя, который зовется Хакан-рус. Они производят набеги на Славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Болгарам и продают там. Пашен Русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в землях славян. Когда у кого из Руси родится сын, отец (новорожденного) берет обнаженный меч, кладет его перед дитятею и говорит: «Не оставлю в наследство тебе никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом». Русь не имеет ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен; единственный промысел их — торговля собольими, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим... Русь мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его весь. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство. Ростом они высоки, красивы собою и смелы в нападениях. Но смелости этой на коне не обнаруживают: все свои набеги и походы производят они на кораблях» [Известия о хазарах... 1869, с. 34–39].

¹ У Ибн Фадлана, как известно, приведено более подробное описание похорон руса: «Мне не раз говорили, что они делают со своими главарями при их смерти дела, из которых самое меньшее — сожжение, так что мне все время очень хотелось познакомиться с этим, пока не дошла до меня [весь] о смерти одного выдающегося мужа из их числа. Итак, они положили его в могиле, и покрыли ее над ним настилом на десять дней, пока не закончат кройки его одежд и их сшивания.

А именно: если [это] бедный человек из их числа, то делают маленький корабль, кладут его в него, и сжигают его [корабль]. Что же касается богатого, то собирают, то, что у него имеется, и делят это на три трети, причем [одна] треть — для его семьи, [одна] треть на то, чтобы на нее скроить для него одежды, и [одна] треть, чтобы на нее приготовить набиз, который они пьют до дня, когда его девушка убьет сама себя и будет сожжена вместе со своим господином...» и т. д. [Ковалевский 1956, с. 143–144].

Итак, русы постоянно нападают на славян, воюют с ними и побеждают, захватывают славян в рабство, путем насилия получают от них все необходимое, живут у них и за их счет в течение всей зимы и заставляют славян служить себе. Главные характеристики руссов: во-первых, их привязанность к рекам (они передвигаются и воюют на кораблях); во-вторых, воинственность — все свое богатство они добывают себе мечом; наконец, в-третьих, постоянное и непосредственное участие в транзитной торговле (они встречаются и торгуют в Булгаре, Итиле, прибывают со своими товарами в Багдад и т. д.). [Гаркави 1870, с. 193–195, 220–222, 275; Известия о хазарах... 1869, с. 28–39; Калинина 1978, с. 151–152; Ковалевский 1956, с. 141–143, 146; Куник 1878, с. 46–53; Новосельцев 2000, с. 264–323].

Характерно указание Ибн Русте на отсутствие у русов своей производительной экономики. Очевидно, что ни один местный народ не мог вести себя подобным образом. Известно, как по данным письменных источников, так и по данным археологии хозяйство большинства племен Восточной Европы имело земледельческий характер с дополнениями в виде скотоводства, охоты и рыбной ловли. Процент присваивающего хозяйства был выше в лесной зоне и к северу (в лесотундре и тундре), производящего — в лесостепи и к югу (в степи). Очевидно, что местные народы могли принимать какое-то участие в международной торговле (торгуя мехами и рабами, в последнем случае они легко могли превратиться из продавцов в товар), существовала у них и местная торговля. Об этом, в частности, писал Ибн Русте: «...Здесь у Славян происходят ежемесячно, в продолжение трех дней, торг: продают и покупают» [Известия о хазарах... 1869, с. 32]. Тем не менее, ни славяне, ни другие аборигены Восточной Европы, в отличие от русов восточных авторов, не живут только от торговли или набегов на соседей.

Явное противопоставление русов — росов славянским племенам Восточной Европы демонстрирует в своем трактате «Об управлении империей» Константин Багрянородный. Названия порогов на Днестре, о которых император сообщает в связи с описанием торгового путешествия росов из Киева в Константинополь, даются в двух вариантах — на славянском и русском языках: 1) «... Эссупи, что означает по-русски и по-славянски «Не спи»...»; 2) «...по-русски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что значит «Островок порога»...»; 3) «...Геландри, что

по-славянски означает «Шум порога...»; 4) «...по-росски Аифор, по-славянски же Неасит...»; 5) «...по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах...»; 6) «...по-росски Леанди, а по-славянски Веручи...»; 7) «...по-росски Струкун, а по-славянски Напрези...» [Константин Багрянородный 1991, с. 47–49].

В настоящее время общепризнанно, что т. н. росские названия порогов имеют явное скандинавское происхождение: «Употребление слова «по-росски» по отношению к бесспорно скандинавским наименованиям порогов, очевидно, говорит о том, что Константин на основании полученной информации отождествляет язык россов с древне-скандинавским...» [Константин Багрянородный 1991, с. 320]

Кроме того, Константин Багрянородный пишет: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется «Кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом, также, как было рассказано, взяв свои моносылы, они оснащают [их] и отправляются в Романию» [Константин Багрянородный 1991, с. 51].

Таким образом, славянские племена кривичей, древлян и т. д., отнюдь, не отождествляются с росами, а, напротив, являются их пактиотами, т. е. зависимыми союзниками росов, и поставляют им лодки-моносылы, необходимые для военных или торговых походов в Византию. На зиму росы уходят в полюдье — кружение по землям славян, где кормятся в течение этого времени и, очевидно, собирают дань, что абсолютно идентично сообщениям арабских авторов, датирующихся концом IX — началом X ст. Характерно, что после этого росы вместе с собранной данью отправляются в торговое путешествие на юг, в Константинополь. Есть все основания говорить о том, что в числе их товаров были и захваченные на территории славянских племен рабы: «...А прочие, взяв вещи, которые были у них в моносилах, проводят рабов в цепях по суше...» [Константин Багрянородный 1991, с. 49]. Регулярный характер работорговли, осуществлявшейся дружинно-княжеской верхушкой древнерусского государства в течение практически всего X в.,

подтверждается многочисленными сообщениями древнерусской летописи [ПВА 1950, с. 224–225, 234, 236, 240, 242; ЛР 1989, с. 21].

В «Повести временных лет» вплоть до второй половины X в. русь-русь рассматриваются в качестве разновидности варягов и перечисляются отдельно от славян и других племен Восточной Европы. По этому поводу еще А. П. Новосельцев отмечал, что «... летописные тексты, если их не трактовать в определенном вкусе, ясно говорят, что первоначальная русь — скандинавы» [Новосельцев 1990, с. 208].

В известной летописной легенде о призвании варягов четко проводится этническая идентификация руси как одной из разновидностей варягов. Варяги напрямую отождествляются с Русью [Известия ал Бекри... Ч. 2. 1903, с. 6–7]. Русь находится в списке подобных ей и известных автору летописи иных «варяжских» племен: свеев, норманнов, англов, готов и т. д. В то же время местные, восточноевропейские племена (чудь, словене, кривичи, весь), явно противопоставлены «варяжской» руси¹.

По поводу соответствующего отрывка из летописи антинорманисты, отрицавшие гипотезу скандинавского (норманнского) происхождения руси, обычно писали, что среди скандинавских народов раннего средневековья никакая русь не известна, и, следовательно, термин этот должен иметь местное, восточноевропейское происхождение. В настоящее время это возражение снимается благодаря объяснению, предложенному в ряде работ Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина [Мельникова, Петрухин 1989, с. 24–38]. Названные авторы аргументированно показали, что первоначально, в VIII–IX вв., термин «русь» применялся к дружинам вольных воинов и торговцев смешанного скандинавского происхождения, в состав которых входили и шведы, и датчане, и норвежцы. Таким образом, отдельного скандинавского этноса — руси действительно не существовало, и все же русь — это тоже скандинавы. Характер сначала хоронима, примененного к территории, подвластной Киеву, а затем и этнонима, обозначающего население Русской земли — Древнерусского государства, термин «русь» приобретает постепенно, не ранее конца X — начала XI вв.

¹ «Пішли вони за море до варягів, до русі. Бо так звали тих варягів — русь, як ото одні зуться свееми, а другі — норманами, англами, інші — готами, — отак і ці. Сказали русі чудь, словени, кривичі і весь: «Земля наша велика і щедра, а порядку в ній нема. Ідїть-но княжити і володіти нами». І вибралося троє братів із родами своїми, і з собою всю узяли русь... І от тих варягів дістала свою назву Руська земля» [ЛР 1989, с. 12].

Таким образом, можно предположить, что русь является производным от слов с древнешведским корнем *roʒer* — «гребля, судоходство, плавание» (например, *roʒslagen*, *roʒskar*, *roʒsmadr* — участники походов на морских судах, гребцы и т. д.). Это самоназвание военных групп скандинавов, проникавших в Восточную Европу с начала VIII в., было воспринято местным населением или иными, сторонними наблюдателями как этноним и закрепилось в различных формах у финнов, славян, немцев, арабов, греков и т. д. Наиболее распространенные его композиты, сохранившиеся в источниках или существующие и поныне — это: греческое — *рос(с)*, арабское — *русы*, древнерусское — *русь*, финское — *Ruotsi*, эстонское — *Roots* (последние два термина являются названиями современной Швеции) и т. д.

Опираясь на сведения древнерусской летописи можно предположить, что «русь» явно пользуется привилегированным положением. Люди этого круга занимают особое место в войске, приближены к князю и его двору, а их имена имеют совершенно скандинавский характер [ПВА 1950, с. 209, 214, 219, 221–222, 231]. Например, для заключения договора с Византией в 911/12 г. князь Олег отправил послов, носивших исключительно скандинавские имена¹.

Очевидна несостоятельность возражения антинорманистов, писавших о том, что люди со скандинавскими именами — это варяги, всего лишь наемники славянской, по их мнению, руси. Непредвзятое изучение источников, в том числе и приведенного отрывка, показывает, что русь — это и есть скандинавы. Представители руси выступают не в качестве наемников, а в качестве полноправных послов от собственного князя, они — русь и их князь — Олег, князь руси. Эта мысль усиливается и подчеркивается сообщением летописи о разделе военной добычи, происходившем несколько ранее, сразу после победного похода Олега на Константинополь. Тогда русь, привилегированная часть дружины и основа войска, опора Олега и инициатор похода на Византию, получила лучшую часть добытого в походе. Подчиненное положение

¹ «... мовлячи... ми, [мужі] від народу Руського — Карл, Ингельд, Фарлоф, Вермуд, Рулав, Гуди, Руальд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лідул, Фост, Стемид, — послані від Олега великого князя руського, і всіх, що є під рукою його, світлих бояр, до вас, Льва, і Олександра, і Костянтина... для збереження і на засвідчення дружби, яка от багатьох літ була між християнами і руссю, за бажаннями наших князів і за їхнім велінням, і від усіх, що є під рукою його, сущих русів...» [АР 1989, с. 20].

славянских союзников руси хорошо иллюстрирует фраза: «Не дано словенам напинати паруси шовкові» [ДР 1989, с. 19].

Легенда о появлении Аскольда и Дира, а затем и Олега в Киеве свидетельствует, что в Поднепровье русы стационарно закрепляются только во второй половине IX в. Очевидно, до этого времени их интересы в большей степени были связаны с Волжским торговым путем и Новгородской землей [ПВА 1950, с. 215–216; ПВА 1999]. Противопоставление «русин — словенин» наблюдается и в отдельных местах «Русской правды» — XI в. [ПР 1947, с. 32].

Таким образом, можно констатировать, что русы (росы, русь) — это все же выходцы из скандинавских стран, которые довольно рано, начиная, по всей видимости, с конца VIII — первой трети IX в., осваивали речные торговые пути Восточной Европы [Christian 2000, р. 335–341] и, прежде всего, Волжский путь [Свердлов 1969, с. 540–545]. Вероятно, процесс этого освоения был неоднозначным и растянутым во времени. Отдельные группы скандинавов, то торгуя с аборигенами, то нападая на них¹, продвигались вглубь континента², к бассейнам Волги и Днепра. Их отношения с местным населением могли строиться, в зависимости от конкретной ситуации, на основе взаимовыгодных договоров или военного принуждения³. Первоначально полученные путем меновой торговли и грабежей меха и рабы отправлялись на север, в

¹ [997 г.] «Пошел он (Эйрик, сын Хакона) на восток в Гардарики на Вальдамара Старого и грабил в его владениях и во многих местах. Он разрушил Альдейгьборг и взял там много богатства, и еще дальше пошел он на востоке в Гардах; всюду шел он войной, жег города и крепости, а бонды бежали со своим имуществом в леса...» — из «Красивой кожи» [Рыдзевская 1978, с. 51].

² «Кочующим» народом называет росов патриарх Константинопольский Фотий, в связи с описанием похода 860 г. (вторая гомилия на нашествие росов): «Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, неизвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский и кочующий, имеющий дерзость оружия...» [Кузнецов 2003, с. 57].

³ «...На четвертое лето отправился он (Харальд Серая Шкура — А. Т.) со своим войском на север в Бьярмаланд, и была у него там большая битва на берегу Вини, и убил он там много народа, взял там и золота, и серебра, и много другого богатства, и отправился назад той же осенью...» — «Сага о Харальде Серая Шкура» [Джаксон 1993, с. 107].

Скандинавию¹. Там они продавались на рынках местных раннегородских центров. Затем, после того, как был получен прямой выход к Волге, более выгодной стала продажа этих товаров за серебряные монеты мусульманским купцам в Булгаре или Итиле и самостоятельные торговые путешествия на юг Каспийского моря и в Багдад.

Естественно, что длительность подобных военно-торговых предприятий, большие расстояния Восточной Европы, сложность преодоления волоковых путей и ограниченность их прохождения определенными временами года², наконец, холодные суровые зимы³ — все это заставляло русов надолго (на год, а то и на несколько лет) оставаться в Восточной Европе⁴ [Дубов 1989, с. 180–190; Лебедев 1985, с. 227–236]. Возникают постоянные населенные пункты — торговые фактории, в которых русы могут жить длительное время (Тимерево, Сарское городище, Старая Ладога, Гнездово). Часть из них оседает в этих пунктах,

¹ «[1018 г.] Гудлейк Гардарский звался один человек, родом из Агдира; он был великий мореход и купец богатый и ездил в торговые поездки в разные страны; он часто ездил на восток в Гардарики, и потому его звали Гудлейк Гардарский. В ту весну Гудлейк снарядил свой корабль и собрался ехать летом в Гарды на восток. Олав конунг послал сказать ему, что хочет с ним повидаться. Когда Гудлейк явился к нему, конунг сказал ему, что хочет войти с ним в товарищество, и поручил ему купить для него драгоценности, которые трудно было достать в стране. ... Гудлейк прибыл летом на восток в Хольмгард и купил там прекрасную парчу, которую хотел отдать конунгу на одежду, а также ценный мех и прекрасную столовую утварь. Осенью, когда Гудлейк плыл с востока, был встречный ветер и они долго стояли у Эланда» — из «Круга Земного» [Рыдзевская 1978, с. 66].

² «[1035 г.] Магнус, сын Олава, отправился в путь после Йюля с востока из Хольмгарда вниз в Альдейгьюборг; стали они снаряжать корабли, когда лед вскрылся весной...» — из «Круга Земного» [Рыдзевская 1978, с. 68].

³ «...Хаук отправился на одном корабле и с хорошей дружиной, осенью прибыл на восток в Хольмгард и там прожил зиму (выделение — А. Т.)...» — «Пергамент с Плоского острова» [Рыдзевская 1978, с. 70].

⁴ Показательна судьба викинга, попавшего в Восточную Европу, потом в Константинополь и не вернувшегося назад, в Скандинавию: [991 г.] «...и поехал он (Кольскегге) на восток в Гардарики и пробыл там одну зиму (выделение — А. Т.). А после того поехал он оттуда в Миклагард и поступил там на службу (выделение — А. Т.). Последнее, что о нем узнали, это — что он женился там и был вождем варяжской дружины, и был там до самого дня смерти (выделение — А. Т.)...» — «Сага о Ньяле» [Рыдзевская 1978, с. 83].

обзаводиться семьями, берет в жены или наложницы представительниц местных племен. Дети, рожденные от этих браков, ведут свое происхождение по отцу, получают в наследство меч, т. е. статус свободных воинов-дружинников и продолжателей рода. Однако они все меньше и меньше знают о Скандинавии и, вероятно, все больше ориентируются в своих интересах на Восточную Европу. В конечном итоге, со временем формируется своеобразная этносоциальная группа населения, которую уже нельзя считать пришлой [Янссон 2001, с. 125]. Ее представители ориентированы на речную торговлю, а также на завоевание и эксплуатацию местного населения. По мере их усиления и увеличения численности воздействию русов подвергаются не только жители речных берегов, но и глубинные племена Восточной Европы.

Можно предположить, что длительность процесса ассимиляции относительно немногочисленных русов местным населением (около двух столетий) связана с непрекращающимися торговыми и культурными контактами со Скандинавией и, вероятно, постоянным притоком новых выходцев из Скандинавских стран. Так, далеко не все скандинавы оседают в Восточной Европе. Многие рассматривают этот регион только как место для выгодной торговли и иных способов заработка. Они стремятся вывезти полученные богатства обратно на север, в Скандинавию. О последнем свидетельствуют многочисленные клады восточного серебра, обнаруженные в различных Скандинавских странах и на островах Балтийского моря [Даркевич 1976, с. 157; Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991, с. 7; Лебедев 1985, с. 140–145; Херрман 1986, с. 81–82].

Только к концу X в. в ходе создания общего для ряда восточноевропейских народов государства — Древней Руси (по мнению В. Т. Пашуто, в состав Древнерусского государства вошло 14 восточнославянских земель и свыше 20 неславянских народов [Пашуто 1968, с. 19–20]) русы постепенно славянизируются. Теперь они уже не представляют собой отдельной группы населения, а принимают участие в формировании этого государства в качестве привилегированного слоя, дружинно-княжеской верхушки [Петрухин 1995, с. 108]. В конце концов, их имя переходит и на все государство — Русь, Русская земля, а затем и на его в основном славянское по этническому происхождению население [Петрухин 1995, с. 220–226].

Необходимо четко разграничивать русов (русь) раннего периода становления и развития Древнерусского государства и варягов периода

княжения Владимира I, Ярослава Мудрого и более поздних князей XI–XII в. Русы ко второй половине IX — началу X вв. превращаются в практически местный фактор. Их жизнь проходит в Восточной Европе, она связана с ее основными речными артериями — Днепром, Волгой, Окой, Доном и т. д. Осев в Киеве, они ещё со времен Олега начинают считать его своей столицей — матерью городов русских. Поэтому и во внешней, и во внутренней политике русы ориентируются на те интересы, которые объективно и закономерно возникают в рамках именно этого региона. События, происходящие в Скандинавии, их больше не интересуют. Большинство из них там уже не бывает или бывает крайне редко. Главным для них становится покорение местных племен и удачная международная торговля с Византией или в Волжско-Каспийском регионе.

Варяги же, напротив, были временными жителями Восточной Европы. Они покидали Скандинавию по разным причинам: в результате усобиц или добровольно, в поисках добычи и наемной платы за военные услуги. Пробыв какое-то время в Новгороде или Киеве, они возвращались на Родину и там устраивали свою жизнь. В отдельные периоды истории Древнерусского государства роль варяжской дружины была достаточно велика. Тем не менее, она представляла собой лишь временный военный контингент, использовавшийся князьями для прихода к власти или отражения какой-либо неординарной внешней угрозы. Иногда при дворе киевского князя воспитывались или служили норвежские конунги, лишенные власти на родине и выгнанные оттуда более успешными соперниками. К их числу относятся: Олав Трюгвассон, Харальд, сын Сигурда (Жестокий правитель), Магнус, сын Олава¹. Во

¹ Например, в саге об Олаве Трюгвассоне говорится следующее: «Теперь имел он (Олав — А. Т.) очень большой почет и славу, в первую очередь от конунга и княгини, а также от всех прочих, знатных и незнатных. Рос он теперь там (т. е. при дворе Владимира, в Киеве — А. Т.) и развивался как по уму и числу лет, так и по всякого рода физическим и духовным совершенствам, которые могут украсить славного вождя. И конунг Вальдамар сделал его скоро хёвдингом в дружине, и чтобы управлять теми воинами, которые должны были добывать честь конунгу, и много разных подвигов совершил он в Гардарики и во многих местах в восточной части мира, хотя здесь и было мало рассказано.

А когда ему было 12 лет, то спрашивает он конунга, нет ли каких-нибудь городов или округов, тех, которые были под его властью и были отняты у него язычниками, присвоившими себе его владения и честь. Конунг отвечает и говорит, что, конечно,

всех известных случаях после нескольких лет службы, проведенных на Руси или в Константинополе, они возвращались в Норвегию и снова боролись там за власть. Вместе с ними уходили и их сторонники, варяжские дружинники киевского князя [Джаксон 1991, с. 155–163]. Лишь немногие из варягов оседали в Восточной Европе, обзаводились семьями, домами и, со временем, превращались в местных жителей.

Именно такое понимание этносоциальной природы русов-росов-руси представляется наиболее приемлемым и соответствующим сообщениям средневековых источников. Русы-росы-русь в течение длительного времени (IX и X вв.) были важными участниками исторических событий и процессов, происходивших в Восточной Европе в период кризиса племенного строя и становления местной государственности. Их роль и значение не нужно преувеличивать, но нельзя и преуменьшать.

Особенно большое участие русы приняли в развитии международной торговли, вовлекавшей население региона в систему экономических и политических интересов более развитых государств — Византии, Арабского халифата и т. д. Охватив своей деятельностью всю систему речных путей, соединявших Каспийское и Черное, Каспийское и Балтийское, Черное и Балтийское моря, они волей или неволей вовлекали проживавшие вдоль этих рек племена в сферу своих экономических интересов. Одновременно, в силу своей малочисленности, они были вынуждены так или иначе учитывать интересы и местного населения, с которым постепенно устанавливались определенные договорные отношения.

были некоторые города и деревни, те, которые принадлежали ему, а другие отвоевали от его владений и присоединили теперь к своему государству. Олав сказал тогда: «Дай мне тогда какой-нибудь отряд в распоряжение и корабли, и посмотрим, смогу ли я вернуть назад то государство, которое потеряно, потому что я очень хочу воевать и биться с теми, которые вас обесчестили; хочу я положиться в этом на Ваше счастье и твою собственную удачу. И будет либо так, что я их убью, либо что они побегут от моей силы». Конунг принял это хорошо и дал ему такой отряд, какой он просил» [Джаксон 1993, с. 135–136].

¹ В целом эта точка зрения совпадает с позицией Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина [Мельникова, Петрухин 1989; Петрухин 1995; Петрухин 1999; Петрухин 2001] и во многом основана на их аргументации.

² Не случайно Константин Багрянородный характеризует славянские племена Поднепровья в качестве союзников — пактиотов киевских росов: «...в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются

Лишенные собственной экономической основы, проявляя, при возможности, агрессию по отношению к аборигенам, русы были заинтересованы в создании укрепленных пунктов и торговых факторий по берегам рек. Здесь, в случае необходимости, они могли держать оборону, зимовать или просто отдыхать после долгого торгового или военно-грабительского путешествия. В результате русы стали одним из факторов, обусловивших возникновения городов и городской жизни. По мере увеличения населения городов они неизбежно оказывались в меньшинстве и постепенно ассимилировались численно преобладающим субстратом (славянским или финским).

Хорошо вооруженные и опытные в военном деле русы неизбежно стали военной опорой первых князей Древнерусского государства, образовали костяк дружины. Однако большие масштабы их предприятий, передвижение в меридиональном и широтном направлениях по всей Восточной Европе от Балтики до Черного моря и от Карпат до Волги не могли не привести к росту значения и местных племен. Первоначально принужденные к дани, пассивно вовлеченные в торговую и военную активность Олега и Игоря, они постепенно становились все более весомым фактором государственной жизни, претендуя на паритетное участие во внешней и внутренней политике. В результате киевские князья и их дружины перестают безнаказанно грабить славян. Более того, известные злоупотребления Игоря привели к его убийству древлянами. Страшная месть Ольги не оставила древлянам иллюзий относительно их равноправия и независимости. В то же время их выступление привело к упорядочиванию системы сбора дани, созданию предсказуемой и относительно стабильной общегосударственной политики эксплуатации населения. Вместе с реформой Ольги дружинная и боярская русь превращается в местный фактор и окончательно противопоставляет себя варягам — «находникам и наемникам».

пактиотами росов» [Константин Багрянородный 1991, с. 51]. Впрочем, этот термин мог обозначать как союзников, так и данников [Константин Багрянородный 1991, с. 316].

§ 5.4. Раннесредневековые авторы о работорговле в Восточной Европе в VIII–X вв.

Среди различных по происхождению групп средневековых источников, содержащих сведения о работорговле, традиционно наиболее известными и цитируемыми являются труды мусульманских авторов: Ибн Хордадбеха, Ибн ал Факиха, Ибн Русте, Ибн Фадлана, Ибн Хаукаля, ал Муккадаси, Гардизи, ал Гарнати и др. Именно в них представлена наиболее полная информация о том, кто, как и куда вывозил рабов из Восточной Европы; кем по этнической принадлежности были эти рабы; какие регионы и государства были основными потребителями такого товара.

Хорошо известна и часто приводится исследователями следующая цитата из Ибн Хордадбеха («Книга путей и государств» — 870-е гг.): «...привозятся также через Западное море евнухи славянские и суданские, мальчики Румские, девушки Андалузские, кожи рогатого и домашнего скота» [Гаркави 1870, с. 48; Ибн Хордадбех 1986, с. 123–124]. Впрочем, эти славяне ни к хазарам, ни к Восточной Европе, скорее всего, никакого отношения не имеют. Они были захвачены или на Севере, или в Центре Европы, или на Балканах. Гораздо большее значение для исследуемой темы имеет рассказ того же Ибн Хордадбеха о маршруте купцов-русов: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей славян (сакалиба). Они доставляют заячьи шкурки, шкурки черных лисиц и мечи из самых отдаленных [о краин страны] славян (сакалиба) к Румийскому морю. Владелец ар-Рума берет с них десятину. Если они отправляются по Танаису — реке славян (сакалиба), то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владелец также берет с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан и высаживаются на любом берегу... Иногда они везут свои товары от Джурджана до Багдада на верблюдах. Переводчиками [для] них являются славянские слуги-евнухи...» [Ибн Хордадбех 1986, с. 124; Калинина 1986, с. 71]. Имеется много трактовок маршрута, описанного в этом сообщении, однако в последнее время преобладает следующий вариант его реконструкции: в IX в. купцы-русы спускались по Днепру на Черное море, затем, преодолев Керченский пролив и Азовское море выходили в устье Дона, пересекали Волго-Донскую переволоку и попадали на Волгу и Каспий [Калинина 2000, с. 113–115; Мишин 2002, с. 57, с. 178].

Вполне вероятно, что Ибн ал Факих говорит о двух вариантах маршрута купцов, направляющихся на Каспий. Видимо один вариант полностью повторяет сведения Ибн Хордадбеха, а второй является описанием Волжского торгового пути — главной артерии работорговли в этот период: «...Что же касается славянских купцов, то они везут шкурки лисиц и бобров из славянских окраин и приходят к морю Румийскому, и взимает с них десятину владетель Рума. Затем они прибывают по морю к Самкарш иудеев, затем переходят к славянам или следуют от моря славян в эту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут пролива хазар (выделение — А. Т.), и взимает с них десятину владетель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому...» [Калинина 1986, с. 75].

Ни у Ибн Хордадбеха, ни у Ибн ал Факиха в качестве товаров, перевозимых по этому маршруту, рабы пока не упоминаются. Тем не менее, описанный ими маршрут купцов-русов начинается в «отдаленных пределах» страны сакалиба. Далее он снова проходит через реку славян (Дон или Волгу), а затем какие-то рабы-славяне сопровождают русов в качестве переводчиков от южного берега Каспийского моря до Багдада¹. Все это говорит о том, что русы, никогда не упускавшие возможности захватить рабов и выгодно продать их восточным купцам, и в этих своих торговых предприятиях вполне могли поставлять на юг Каспия рабов из Восточной Европы.

Подобное сообщение, также продолжающее и компилирующее Ибн Хордадбеха, находим у Ибн Хаукаля («Книга путей и стран», писал после 967 г.). Сообщение это в целом касается развития работорговли в арабском мире, в основном на западе, в Испании и Северной

¹ Вероятно, эти рабы, «славянские слуги-евнухи» Ибн Хордадбеха, являются уже постоянными (хотя, наверное, и вынужденно) жителями южнокаспийских провинций и в состоянии не только переводить с языка русов на арабский язык, но и выступать в роли проводников, посредников и т. д. Возникает вопрос: откуда они знают язык русов, являются ли они выходцами из Восточной Европы и там выучили его или освоили этот чуждый арабскому миру язык по заданию своих хозяев? Источник, к сожалению, не дает прямого ответа на этот вопрос. Не исключено, что в качестве переводчиков в данном случае использовались именно аборигены Восточной Европы, не только хорошо знавшие русов у себя на родине, но, возможно, в свое время захваченные ими и проданные в рабство на нижней Волге или где-то на южном берегу Каспийского моря.

Африке, однако упоминаются и славянские рабы, поступавшие, скорее всего (по Д. Е. Мишину), из Центральной Европы и Балкан: «Товары, которые купцы вывозят из Андалуса в Магриб, Египет и другие мусульманские страны суть: амбра, шафран, золото, серебро, свинец, железо, ртуть, меха выдры, сырой и готовый шелк, и преимущественно мужские и женские невольники, взятые в плен в войнах с Франками и Галицианами; сверх сего славянские евнухи, которые весьма почитаются. Их привозят из страны Франков, где их оскопляют и продают еврейским купцам. Из Магриба вывозят на восток прекрасных мулаток... Туда же посылают молодых и прекрасных рабов румских, амбру, шелк... евнухов из земли негров и славян» [Гаркави 1970, с. 222]. Этот фрагмент дает хорошее представление о том, как использовались рабы в мусульманских странах, и какие категории рабов пользовались наибольшим спросом. Прежде всего, это евнухи разных национальностей, необходимые для обслуживания гаремов. Далее, девушки — обитательницы этих гаремов. Отдельную категорию представляли домашние слуги — «прекрасные рабы румские», владение которыми было необходимо не только для выполнения работ по дому, но и, вероятно, имело престижное значение.

Для непосредственного изучения процессов, происходивших в Восточной Европе, интересно следующее сообщение Ибн Русте: «Русь имеет царя, который зовется Хакан-Рус. Они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Болгарам и продают там» [Известия о хазарах... 1869, с. 35]. Итак, Ибн Русте отмечает, что русы охотятся на рабов в землях славян. Более того, они делают это регулярно и организованно, имея налаженные каналы сбыта полученного таким образом контингента рабов. В данном случае работорговля явно ориентирована на рынки сбыта в мусульманских государствах.

Эти данные находят прямое подтверждение в «Книге лучшего разделения в познании климатов» (985–986 г.) ал Мукаддаси, в которой автор перечисляет длинный список товаров, вывозившихся из Хорезма. Это могли быть меха, янтарь, скот и «славянские невольники». Он отмечает, что «...все эти товары из Болгарии» [Известия о хазарах... 1869, с. 180; Гаркави 1870, с. 282].

Ал Масуди также указывает на то, что «...к хорезмийцам попадает большая часть невольников из славян, хазар и подвластных им стран, также невольники туркские и драгоценные меха» [Гаркави 1870, с. 193].

Далее Ибн Русте пишет: «Магьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые оброки и обращаются с ними как с военнопленными. ... Воюя славян и добывая от них пленников, отводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской земли, который зовется Карх... А как дойдут магьяры с пленниками своими до Карха, греки выходят к ним навстречу. Магьяры заводят с ними торг, отдают им пленников своих, и в замен их получают греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другие греческие товары» [Известия о хазарах, буртасах, болгарах... 1869, 27].

Гардизи в сочинении «Зайн ал-ахбар» следующим образом описывает ситуацию, свидетельствующую о напряженных отношениях между славянами и венграми в IX в.: «...И они (венгры) побеждают славян, и всегда одерживают верх над славянами, и рассматривают их (как источник) рабов. И венгры — огнепоклонники и ходят к гузам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию) и продают. ...И постоянно нападают на славян, и от венгров до славян два дня пути... И у них (славян — А. Т.) есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепление, так как венгры на них постоянно совершают нападения и грабят их» [Новосельцев 2000, с. 296–297].

Описанное Ибн Русте и Гардизи положение дел датируется, по всей видимости, периодом между 830-ми и 890-ми гг., когда венгры действительно кочевали в степях Восточной Европы и могли совершать набеги на местных славян. Тогда же они могли продавать захваченных рабов в византийских городах Крыма, в частности в Кархе — городе, который большинство исследователей отождествляют с Керчью. В 889 г. венгры были вытеснены печенегами из Днепро-Донского междуречья, а к 895 г. из междуречья Днепра и Сирета. После этого их участие в восточноевропейской работорговле прекращается. Впрочем, сменившие венгров в степях Восточной Европы печенеги ведут себя точно также — совершают набеги на славян и продают их в Византию. Об этом пишет, в частности, ал Мас'уди: «Бурджане (печенеги — А. Т.) есть из потомков Юнана, сына Яфетова; государство их велико и обширно; они нападают на греков, славян, хазар и турков... Если между ними и греками мир, то бурджане привозят в Кустантинию девушек и мальчиков из племени славян и греков» [Гаркави 1870, с. 125].

Можно предположить, что наряду с русами, венграми и печенегами в начальный период оформления племенных княжений, в конце VIII–IX вв., работорговлей на территории Восточной Европы занимается и местная племенная верхушка. О возможности существования именно такой практики можно говорить на основе следующего сообщения Ибн Русте: «...царь (славян — А. Т.) объезжает их ежегодно. Если у кого из них есть дочь, обязан он давать царю по одному из платьев ее в год. Таким же образом обязан давать ему в год по одежде сына его, если есть сын. У кого нет ни сына, ни дочери, тот обязан давать по платью в год от жены или служанки» [Известия о хазарах... 1869, с. 33]. Не напоминает ли это откупное за сына (или дочь) или, одновременно, своеобразную форму контроля за людским «поголовьем», которая осуществляется местной племенной верхушкой. Необходимо обратить внимание и на то, что в приведенном отрывке речь идет только о тех половозрастных группах населения, которые могут представлять собой наиболее дорогостоящий «товар» — молодежь обоих полов, женщины, служанки. Перечисленные категории славянского населения в целом совпадают с тем перечнем рабов разного вида, которые, по данным Ибн Хордадбеха и Ибн Хаукаля, были наиболее востребованными в мусульманских странах.

Вероятно, рабов захватывали и в ходе межплеменных войн и столкновений [Фроянов 1996, с. 81–82]. Масса примеров, подтверждающих этот тезис, известна в раннесредневековой истории Прибалтийского региона. Так, ободриты, прусы, даны, поляки, германцы нападали друг на друга, брали пленных и продавали их в рабство [Херрман 1986, с. 110–113]. Сообщения о подобных межплеменных столкновениях, происходивших в Восточной Европе, содержит «Повесть временных лет». В частности, известно, что более многочисленные древляне в период, предшествовавший хазарской дани, оказывали давление на полян: «поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми» [ПВА 1950, с. 212]. После изгнания варягов также начались межплеменные столкновения между народами севера Восточной Европы — чудью, славянами, кривичами, весью, мерей и др. Очевидно, что подобные столкновения были закономерным явлением для той стадии развития племенного строя, на которой тогда находились народы Восточной Европы.

Выделившаяся племенная верхушка («племенные княжения» русской летописи, «цари» славян арабских источников), заинтересованная в обогащении и усилении своих полномочий, вела войны с соседями [Фроянов 1996, с. 491–492]. Представители этой верхушки, накапливавшие богатства, могли участвовать в международной торговле, организованной русами, булгарами и восточными купцами на волжском торговом пути. Речь идет о транзитном регионе, в который входила огромная территория вдоль течения Волги, Оки, Камы, Клязьмы и других рек [Дубов 1989, с. 18–32]. Свидетельством участия местного населения в этой торговле традиционно считаются клады арабского серебра, которые были обнаружены в бассейне Оки, Северского Донца, Средней и Верхней Волги, Ладоги, Мсты, Невы и т. д. В целом, они датируются IX–X вв. [Быков 1974, с. 26–71; Даркевич 1976, с. 147–149; Корзухина 1954 с. 20–31; Кропоткин 1967, с. 118–121; Кропоткин 1968, с. 68; Лебедев 1985, с. 228–234; Любомиров 1923, с. 14–33; Свердлов 1969, с. 541–544; Фасмер 1933, с. 476–479; Янин 1976, с. 57, 81–82, 86–87, 104–105, 116–117]. Размеры этих кладов — иногда до нескольких тысяч монет — говорят о том, что они не могли быть оставлены представителями рядового населения Восточной Европы. Скорее всего, их хозяевами были местная племенная верхушка и купцы. Получить такие богатства можно было только торгуя имеющими спрос, дорогостоящими товарами. Серебром восточные купцы или купцы-русы, если последние не захватывали рабов, а выступали в роли посредников, обычно расплачивались за меха и рабов. Таким образом, логично предположить, что владельцы этих кладов регулярно участвовали в работорговле и получали от этой деятельности свою долю дохода.

О работорговле, процветавшей в начале X в. в Булгаре, подробно пишет Ибн Фадлан: «А если прибудут, русы или какие-нибудь другие [люди] из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову» [Ковалевский 1956, с. 141]. Далее он сообщает о бесправии рабынь, и о характере работорговли русов, которые предпочитали торговать не рабами мужчинами, предназначенными для работы, а красивыми молодыми женщинами — рабынями, предназначенными для гаремов: «...Они прибывают из своей страны, и причаливают свои корабли на Атыле, — а это большая река, — и строят на ее берегу большие дома из дерева. И собирается [их] в одном

[таком] доме десять и двадцать, — меньше или больше. У каждого [из них] скамья, на которой он сидит, и с ними [сидят] девушки-красавицы для купцов. И вот один [из них] сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. А иногда собирается [целая] группа из них в таком положении один против другого, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и наталкивается на него, сочетающегося с ней. Он же не оставляет ее пока не удовлетворит своей потребности» [Ковалевский 1956, с. 142].

Примерно через три десятилетия после Ибн Фадлана Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» упоминает о том, что русы (росы) везли из Киева в Константинополь рабов по Днепру на лодках-однодеревках (моноксилах). Несмотря на то, что Константин Багрянородный прямо не сообщает о том, как именно росы приобретали рабов в Восточной Европе, вся логика и содержание его рассказа о полюдь позволяют предположить, что, скорее всего, рабов захватывали во время зимнего кормления на племенных территориях славян. После этого их вывозили для продажи в Константинополь.

Константин Багрянородный пишет: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется «Кружением», а именно — в Славинии вервианов, другивитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотми росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом, также, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию» [Константин Багрянородный 1991, 51]. Далее, когда «росы» преодолевают пороги Днепра, по дороге в Константинополь, они «...проводят рабов в цепях по суше...». [Константин Багрянородный 1991, 49]. Возникает вопрос, на каком этапе столь подробно описанного «административного» года у «росов» появляются пригодные для продажи рабы. Добыча их в Киеве — этом центре княжеской власти и перевалочном пункте, куда свозились дань и товары со всех окружающих племенных территорий, — маловероятна. Приобретение рабов по пути к порогам выглядит еще более сомнительным. Видимо, рабов, как и другие товары — меха, мед и т. д. — росы приобретали во время «кружения», полюдь на территории подчиненных им славянских племен.

Способ, при помощи которого происходило это «приобретение», был известен Гардизи¹: «И эти люди постоянно нападают на кораблях на славян, захватывают славян, обращают в рабов, отводят в Хазаран и Балкар, и там продают. ...Всегда 100–200 из них (русов) ходят к славянам и насильно берут с них свое содержание, пока там находятся. И там (у них) находится много людей из славян, которые служат (как рабы?) им (русам), пока не избавятся от зависимости...» [Новосельцев 2000, 305]. О том же пишет и Ибн Русте: «Русы мужественны и храбры. Когда они нападают на другой народ, то не отступают, пока не уничтожат его весь. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство» [Известия о хазарах... 1869, с. 38–39]. Далее он продолжает: «С рабами они (русы) обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими)» [Новосельцев 2000, с. 303]. Эту же информацию о нападениях русов на славян и о порабощении последних сообщает ал Мукаддаси: «Страна их (русов) граничит со страной славян, и они нападают на последних, поедают (и расхищают) их добро и захватывают в плен» [Новосельцев 2000, с. 304]. Анонимный автор «Худуд ал Алам» также знает, что «...среди них (русов) есть группа славян, которая им служит» [Новосельцев 2000, 305].

Ситуация, описанная в процитированных отрывках, типична для раннего средневековья. Ведь, в сущности, точно также, как русы вели себя по отношению к славянам в Восточной Европе, поступали и арабские купцы по отношению к населению Восточной Африки [Мец 1996, с. 160]. Они плыли вдоль побережья на кораблях, скупали рабов у

¹ Гардизи, по всей видимости, описывает ситуацию, существовавшую в районе волжского пути на всем его протяжении от Балтики до Каспия. Не зря русы продают рабов волжским булгарам (Блкар) и хазарам, выполнявшим посреднические функции в работорговле на волжско-каспийском направлении. Тем не менее, анализ текста Константина Багрянородного, упоминание последним «кружения» и «кормления» русов во время зимы на территории славян Поднепровья, вывоза русами рабов на юг и т. д. дает практически полное совпадение с данными арабо-персидских авторов (Ибн Русте, Гардизи). Похоже, что и вдоль волжского, и вдоль днепровского торговых путей русы вели себя одинаковым образом, применяя сходные формы принуждения и эксплуатации местного населения. Разница должна быть отмечена лишь в хронологии подобных событий. На Днепре и в Поднепровье, по всей видимости, известное Константину Багрянородному положение дел складывается к первой половине — середине X в., лет на 75–50 позже, чем на Волге.

прибрежных племен, а когда это было возможно, сами захватывали их в плен и продавали [Большаков 1986, с. 442].

О том, что купцы-русы вывозят рабов из Восточной Европы, сообщают и немецкие латиноязычные источники. В частности, в Раффельштеттенском таможенном уставе (датируется 904/906 гг.) есть следующее упоминание о работорговле: «...Славяне же, отправляющиеся для торговли от русов или от богемов... если же пожелают продать рабов или лошадей, [то] за каждую рабыню [пусть заплатят] по одной тремиссе, столько же за жеребца, за раба одну сайгу, столько же за кобылу. Торговцы, то есть евреи, и прочие торговцы, откуда бы ни являлись, из этой страны или из иных стран, платят законную пошлину как за рабов, так и за иной товар...» [Назаренко 1993, с. 65–67].

Известен целый ряд местных таможенных, законодательных и силовых постановлений различных феодальных образований Западной Европы, накладывающих ограничения на транзит или вывоз рабов восточноевропейского происхождения. В этих же документах отдельно указываются направления вывоза людей, отмечается происхождение купцов, занимающихся работорговлей. Эти данные подтверждает и арабо-еврейский автор Ибн Якуб (966 г.), который отмечает, что купцы-русы, торгующие в Праге, продают евреям, мусульманам и венграм рабов, олово и меха [Херрман 1986, с. 113]. Восточноевропейское происхождение этих товаров не вызывает сомнения.

Характерные примеры подобной практики русов по отношению к славянам и другим племенам Восточной Европы видны в политике первых князей Древней Руси. Они датируются временем обретения территории и становления этого государства в конце IX — первой половине X вв. Речь идет о так называемом «освобождении» восточнославянских племен от хазарской дани. «В год 6391 (883 г.). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице». «В год 6392 (884 г.). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам...». «В год 6392 (884 г.). Послал (Олег) к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?». Они же ответили: «Хазарам». И сказал Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по шелягу, как и хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал» [ПВЛ 1999, с. 150].

Очевидно, что со временем некоторые из покоренных и обложенных данью племен выходили из повиновения, тогда требовались новые завоевательные или карательные акции: «В год 6422 (914 г.). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой» [ПВА 1999, с. 158]. По мере укрепления государства аппетиты князя росли и, как известно, в 945 г.: «...Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его» [ПВА 1999, с. 163]. Затем, отомстив за убитого Игоря, Ольга наложила на вновь покоренных древлян очередную «тяжкую дань» [ПВА 1950, с. 240].

Политику своих предшественников продолжает и Святослав. В 964 г. он «...пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?». Они же ответили: «Хазарам — по шелягу с сохи даем»». В следующем году Святослав победил хазар и еще через год: «В год 6474 (966 г.). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил» [ПВА 1999, с. 168]. В очередной раз «освободить» вятичей пришлось уже Владимиру в 982 г.: «Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир, и победил их вторично» [ПВА 1950, с. 256]. Затем, в 984 г. появилась необходимость в новом походе на уже «освобожденных» Олегом радимичей: «...и послал Владимир Волчьего Хвоста (прозвище воеводы — А. Т.) вперед себя и встретил тот радимичей на реке Пищане и победил их... Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доньне» [ПВА 1950, с. 257]. Очень прагматично и ясно сформулировал отношение дружинно-княжеской верхушки древнерусского государства к местным народам Восточной Европы воевода Владимира Добрыня. После удачного похода на волжских булгар в 985 г. он: «...осмотрел пленных колодников (булгар — А. Т.): все они в сапогах. Этим дани нам не давать, — пойдем, поищем себе лапотников» [ПВА 1950, с. 257].

Таким образом, политика древнерусских князей в отношении народов Восточной Европы, по всей видимости, определялась несколькими составляющими. С одной стороны, речь идет о реальной конкуренции с хазарами за дань местных племен, их территории и контроль над торговыми путями. С другой, наблюдается (по крайней мере, на начальном этапе экономической экспансии) достаточно лояльное отношение к местной племенной верхушке, через которую князья осуществляли налоговую политику, возлагая на переподчиненные племена «дань малую», «дань меньше хазарской».

Дань в виде мехов, меда, воска, вероятно, и рабов, была необходима для ведения международной торговли, получения серебра и золота, предметов роскоши. Очевидно, на первых порах эксплуатация подчиненного населения осуществлялась старым, привычным для русов (до государственного периода) полуграбительским способом — набег, захват пленников, прямое принуждение и произвол. Затем система несколько усложнилась, в результате чего появилось зимнее сидение (кормление) у славян и кружение-полюдьё. Именно об этом пишут арабские авторы. Кроме того, подобная ситуация описана Константином Багрянородным (середина X в.). Наконец, о многочисленных примерах подобного поведения древнерусских князей сообщает «Повесть временных лет».

Ярко характеризует политику русов и их отношение к местному населению в Поднепровье окружное послание¹ византийского патриарха Фотия² (датируется концом 866 или первой половиной 867 г.): «... тот самый так называемый [народ] Рос, те самые, кто — **поработив [живших] окрест них** (выделение — А. Т.) и от того чрезмерно возгордившись — подняли руку на самую Ромейскую державу!» [Кузенков 2003, с. 75; Пашуто 1968, с. 59]. Однако со временем старая система раннегосударственной эксплуатации населения Восточной Европы уступила место новой, более упорядоченной и эффективной. В результате после смерти Игоря на основе соответствующей реформы Ольги была введена система погостов и уроков по всей территории Древней Руси от Киева до Новгорода [Петрухин 1995].

«Повесть временных лет» содержит также целый ряд сообщений о прямом участии в работоторговле древнерусских князей.³ Так, договор

¹ Полное название — «Окружное послание к восточным архиерейским престолом, а именно — к патриарху Александрийскому и прочая, в коем речь идет об отрешении некоторых «глав» и о том, что не следует говорить об исхождении Святого Духа «от Отца и Сына», но только «от Отца»», представляет собой приглашение восточных патриархов на Константинопольский собор 867 г. [Кузенков 2003, с. 69, 74].

² Святитель Фотий, патриарх Константинопольский в 858-867 и 877-886 гг. Родился в «первые десятилетия» IX в., умер в ссылке в 90-е гг. IX в. [Кузенков 2003, с. 15-17].

³ Речь идет о захвате, продаже или дарении рабов, а также челяди, идентичность правового положения которой военнопленным доказал И. Я. Фроянов [Фроянов 1996, с. 115-120].

911 г. между Олегом и Византией предусматривал компенсацию за сбежавших или украденных рабов для обеих сторон: «...Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если, действительно, окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие, или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина... Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, — все эти должны продаваться по 20 золотников, и возвращаться в Греческую землю. Об этом. Если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, — возьмут его...» [ПВЛ 1950, с. 224–225; ЛР 1990, с. 21]. На положении рабов в данном случае находятся, прежде всего, военнопленные с обеих сторон.

Князь Игорь после заключения договора 944 г. дарит византийским послам меха, воск и рабов: «...отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском» [ПВЛ 1950, с. 236]. В тексте самого договора 944 г., помимо дублирования статей о взаимном обмене беглыми или украденными рабами и выкупе военнопленных с обеих сторон, указываются точные рыночные цены на рабов, существовавшие в то время: «Сколько бы пленников-христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую при выкупе пусть наши дадут 10 золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть дадут им 8 золотников и возьмут его; если же будет старик или ребенок, то пусть дадут за него 5 золотников. Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по 10 золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте, и взять свою цену — сколько он дал за пленника» [ПВЛ 1950, с. 234]. Последнее, очевидно, свидетельствует об обычной практике такой работорговли, а помещение подобной статьи в договор говорит о важности доходов от работорговли, прежде всего, для княжеского двора.

Княгиня Ольга, отомстив древлянам за смерть мужа, после взятия Искоростеня: «...взяла город и сожгла его, городских же старейшин

забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань» [ПВА 1950, с. 240]. Как отмечал Б. М. Свердлов, исходя из контекста приведенной цитаты, а также остальных случаев употребления слова «работа» в древнерусских памятниках, подобные рабы могли предназначаться для подневольного труда в домашнем хозяйстве своего господина и на сельских работах [Свердлов 1982, с. 46]. Они же могли, в зависимости от их возраста и других данных, быть проданными в Византию за золото по той цене, которая была определена в договоре 944 г.

Также известно, что Ольга, принявшая крещение в Константинополе, по возвращении в Киев отказывает в обещанных ранее подарках — «...челядь, воск и меха и воинов в помощь» [ПВА 1950, с. 242] — послам Константина Багрянородного.

Далее князь Святослав, оставляя Киев и описывая преимущества своего пребывания в Переяславце на Дунае, в качестве основных товаров, привозившихся туда из Руси, называет: «...меха и воск, мед и рабы» [ПВА 1950, с. 246].

В целом, как отмечали В. Т. Пашуто и И. В. Шталь, только в XI в. в результате роста боярского и монастырского холоповладения происходит постепенное снижение роли плена — «ополчения челядью» как источника холопства [Пашуто, Шталь 1971, с. 86]. Тем не менее, вплоть до XIII в. угон людей в неволю в ходе военных конфликтов, пограничных стычек и усобиц остается нормой поведения, характерной для внешней и внутренней политики русских князей. Об этом, в частности, свидетельствует русско-польский договор 1230 г.: «Створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове аще по сѣмь коли будеть межи ими усобица, (то) не воевати Ляхом руское челяди, ни Руси Лядьской» [ПСРА 1908, ст. 757].

Запрет на угон челяди в договоре фиксирует становление феодальных отношений. Фактически закрепленные на земле холопы становились корпоративной собственностью феодалов, и их отчуждение теперь было необходимо ограничить нормами феодального права, как внутригосударственного, так и международного. Таким образом, местное население рассматривалось уже как неотъемлемая собственность государства и порабощалось дружинно-княжеской верхушкой общества на основе норм раннефеодального права. Сведения об этом

есть как в «Русской правде» [Правда Русская 1947. Т. 2, с. 90–94], так и в текстах арабских путешественников.

В частности, ал Гарнати пишет: «...А у славян строгие порядки. Если кто-нибудь нанесет ущерб невольнице другого, или его сыну, или его скоту, или нарушит законность каким-нибудь образом, то берут с нарушителя некоторую сумму денег. А если у него их нет, то продают его сыновей и дочерей и его жену за это преступление. А если нет у него семьи и детей, то продают его...» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... 1971, 35].

Таким образом, можно сказать, что усиление, а затем и политическое преобладание Руси, ее победа в конкуренции с Хазарским каганатом (по крайней мере, в X — начале XI вв.) ничего не изменили для аборигенного населения Восточной Европы, которое по-прежнему продолжало оставаться объектом жестокой эксплуатации. Движение русов вниз по Днепру и их утверждение в Киеве было, как отмечал В. В. Бартольд, враждебным действием против хазар, но никак не союзнической акцией по отношению к славянам [Бартольд 1963/а, с. 827].

Следует отметить, что еще В. В. Мавродин подчеркивал важное значение работорговли в общем торговом обороте как собственно русов, так и нарождающегося Древнерусского государства. В Константинополе существовали особые рынки, на которых русы продавали рабов — челядь. Благодаря сильно развитой работорговле, Восточная Европа и в том числе, Русь даже получила у средневековых евреев прозвище — Ханаан [Мавродин 1945, с. 140].

Сообщения о торговле рабами восточноевропейского происхождения (в первую очередь женщинами) на территории балтийского региона встречаются и в скандинавских источниках. В качестве примера можно привести исландскую «Сагу о людях из Лаксдаля» (X в.). Здесь идет речь о купце, который привез на ярмарку на острова Бреннейар различный товар из Восточной Европы. Самого купца зовут Гилли Русский, что прямо указывает на восточноевропейское происхождение его товаров. Очевидно, это и есть один из тех русов, о которых пишут Ибн Рус-те, Ибн Фадлан, Гардизи и «Худуд ал Алам». Именно они, такие же как Гилли русы — купцы и воины, нападали на славян, захватывали у них рабов и меха, получали «свое зимнее содержание», а потом вывозили полученные таким образом товары в Скандинавию, Булгар или Итиль.

В саге сказано, что на продажу у этого купца, помимо иных товаров, было выставлено 12 рабынь: «..Гилли приподнял этот полог, и Хаскульд увидел, что там сидело двенадцать женщин». Средняя цена на рабыню, судя по тексту саги, была 1 марка серебра¹, но наиболее красивые женщины стоили до 3 марок. Марка серебра соответствовала 204,7 грамм², что приравнивается, примерно, к 70–80 дирхемам³ [Лебедев 1985, с. 144; Рыдзевская 1978, с. 77].

Следовательно, в месте окончательного потребления — на Севере Европы такой товар как рабыни стоил около 80 дирхемов. Впрочем, некоторые рабыни могли стоить и дороже — до 240 дирхемов. Покупались такие женщины, в основном, в качестве наложниц и домашних служанок: «..В тот же вечер Хаскульд разделил с ней ложе» [Херрман 1986, с. 113–114].

Интересное соотношение цен на рабов в Северной Европе и на Ближнем Востоке в X в. приводит Г. С. Лебедев. По его данным, на севере Европы в IX–X вв. раб стоил около 100 дирхемов, тогда как в Византии — до 300 дирхемов (в эквивалентном переводе). На Ближнем Востоке его цена могла колебаться от 200 до 500 дирхемов. Рабыня на севере стоила в среднем, как уже было указано выше, около 70–80 дирхемов. Таким образом, рабы-мужчины, предназначенные, по всей видимости, для работы в сельском хозяйстве и ремесле, а также для гребли на судах, на севере в среднем стоили дороже, чем рабыни. Их труд и способности ценились выше, чем потенциальные возможности рабынь-женщин. На Востоке, напротив, рабыни из северных стран стоили очень дорого и красивая белая рабыня, даже ничему не обученная, могла быть

¹ Действие саги происходит в X в. в месте сбора викингов на Бреннэяр — острове в пограничном районе между Норвегией, Швецией и Данией [Рыдзевская 1978, с. 77].

² В. Т. Пашуто определяет скандинавскую марку в 211–218 граммов серебра [Пашуто 1968, с. 416].

³ Дирхем или куфический дирхем — серебряная арабская монета диаметром 20–25 мм, тип дирхема сложился в конце VII в. и на протяжении четырех последующих столетий оставался единственным типом мусульманской серебряной монеты [Янин 1956, с. 57]. Вес дирхема сильно колебался в разные периоды его обращения (от 2,6 до 4,6 грамма), в среднем достигая величин в 2,73, 3,41, 3,49, 3,65, 3,83 грамма [Пашуто 1968, с. 416]. Высокий вес характерен для поздних дирхемов Среднеазиатской чеканки (саманидской, буидской) середины — конца X в. Для VIII — начала X в. средний вес можно принять за 3 грамма.

продана за 10–15 тысяч дирхемов¹. Средняя же цена на рабыню в мусульманских странах составляла, по мнению Г. С. Лебедева, около 2250 дирхемов [Лебедев 1985, с. 145].

По данным О. Г. Большакова, в Аравии во времена Мухаммеда (первая треть VII в.) хороший раб-мужчина стоил около 400 дирхемов (33–40 динаров), за эти же деньги тогда можно было купить 50 овец или пять верблюдов [Большаков 1986, с. 426]. В начале VIII в., благодаря постоянному притоку рабов вследствие успешных войн, цены на них уменьшились вдвое. Теперь раб уже стоит в среднем 200 дирхемов, в то время как большой кусок ткани оценивался в 100 дирхемов [Большаков 1986, с. 431], ягненок — в 1 динар (20 дирхемов), мешок угля — в 1 дирхем, а куриное яйцо — в 1 фельс (1/16 дирхема) [Рубель 2001, с. 143].

Однако, уже в первой половине XIII в. на невольничьем рынке в Халебе (Сирия) средняя цена раба составляла 25 динаров (около 500 дирхемов) [Большаков 1986, с. 443]. Соответственно, раб снова становится предметом роскоши. Так, средняя цена взрослого мужчины, не имевшего хорошей профессии, составляла около 20 динаров (400 дирхемов), что равнялось стоимости пары рабочих быков и коровы с теленком [Большаков 1986, с. 445].

¹ «Чистокровный арабский скакун «буланый с черным хвостом и гривой», на котором в августе 749 г. въехал в Куфу аббасидский полководец Абу Салама, стоил 12000 дирхемов» [Федоров 1972, с. 78].

² По В. Т. Пашуто: «Динар — золотая монета арабской монетной системы. Внешне обычно мало отличалась от дирхема. В конце VII в. вес динара являлся 4,25 грамма, т. е. соответствовал примерно весу византийского солида. Позже вес и качество золота динаров были не всегда одинаковы. Вес аббасидских и саманидских динаров был от 3,45 до 4,7 грамма...» [Пашуто 1968, с. 416]. О. Г. Большаков подробно рассматривает связь между византийской и арабской золотой монетой. Он отмечает, что теоретически из фунта золота (327,45 г.) в Византии чеканили 72 полновесные монеты, солида или номисмы (которые у арабов назывались динарами), весом 4,55 г. Цена фунта серебра была установлена в 5 солидов, т. е. в соотношении 1:14,4, но серебро в монете стоило дороже и соотносилось с золотом как 12:1 [Большаков 2001, с. 144]. После денежной реформы Абдалмалика в 76 г. х. /695–696 г. средний вес омейядского динара устанавливается, в среднем, в пределах 4,25 г. (при пробе 96% и выше) [Большаков 2001, с. 150]. Средний вес серебряного дирхема при этом равнялся 2,865 г. [Большаков 2001, с. 151]. Соотношение золота и серебра в монете, таким образом, до конца X в. было 1:10 [Большаков 2001, с. 152]. На это соотношение почти не влияли колебания веса динара, который при ранних Аббасидах несколько уменьшился (число монет весом 4,10–4,15 г. возросло с 1,5 до 24,4%) [Большаков 2001, с. 152].

Есть и иные данные. В частности, Д. Е. Мишин приводит сведения о том, что на рубеже VIII–IX в. молодая красивая рабыня-славянка была куплена для гарема в Багдаде за 800 дирхемов [Мишин 2002, с. 288]. Источник не содержит никаких рассуждений о том, являлась ли эта цена нормальной или была завышенной. Однако из текста становится ясно, что будущий хозяин был влюблен в эту рабыню, поэтому последнее вполне вероятно. Очевидно также, что цены должны были колебаться. Они могли зависеть от самых разных обстоятельств военно-политического, экономического, а порой и субъективного характера. Также необходимо отметить, что в любом случае цены на рабынь в мусульманских странах в среднем всегда превышали цены на рабов-мужчин¹. Иногда эта разница исчислялась в сотнях, а то и тысячах дирхемов².

¹ Например, А. Мец приводит следующие соотношения цен: «Около середины VIII в. стоимость одного раба в среднем равнялась 200 дирхемам.... В Омане за хо-рошего раба-негра платили 25-30 динаров. Красивая и обольстительная девушка стоила в 912 г. около 150 динаров.... Красивая нубийская девушка, ценившаяся как наложница выше всех цветных, стоила примерно 300 динаров. ...За обученных рабынь-певиц платили (в эпоху Харуна ар-Рашида) 1-2 тысячи динаров. ...Около 912 г. одна певица продавалась в аристократических кругах за 13 тысяч динаров, посредник получал при этом 1 тысячу динаров. ...Красивая белая рабыня, совершенно ничему не обученная, стоила 1000 динаров и выше» [Мец 1996, с. 160-161].

² Такие цены на рабов и рабынь были доступны далеко не каждому обитателю мусульманского мира. Это очевидно из тех данных по оплате труда, которые приводит для Средней Азии IX-XII вв. М. Н. Федоров: «В IX-X вв. портной, шив одну рубашку на заказ, получал за свою работу 1 дирхем и два данака, т. е. всего 8 данаков. В другом случае портной запросил за 60 сшитых им рубашек всего 20 дирхемов... Поденщик в бане, который «хорошо делал свое дело, мыл и растирал людей, и людям нравилось это», получал за свой труд 2 или 3 дирхема в день. В целом это, видимо, составляло от 30 до 45 дирхемов в месяц, так как в те времена бани на Востоке работали один день для женщин, один — для мужчин....

Так обстояло дело в области труда физического. Посмотрим, как оплачивался умственный труд. В IX в. домашний учитель в зажиточных семьях, обучая детей ко-рану, грамматике, литературе, арифметике и другим наукам, получал 60-70 дирхемов в месяц (в 2-2,5 раза больше, чем квалифицированный ремесленник, работавший по найму). В исключительных случаях, обучая сына какого-нибудь весьма высокопоставленного вельможи, учитель получал до 1000 дирхемов в месяц. Обычный же школьный учитель чаще всего довольствовался скромными подношениями натурой....

«Ремесло» война оплачивалось подороже: если в первой половине VIII в. в войсках Омейядов воин получал 25 дирхемов, то в середине VIII в. аббасидский полководец Абу Салама установил уже каждому своему воину содержание по 80, а военачальникам — от 200 до 2000 дирхемов в месяц. В конце IX — начале X в. в войсках

Возможно, что именно поэтому русы, торговавшие рабами в Булгаре, предлагали купцам-мусульманам в основном именно молодых женщин-рабынь.

В Византии в X в., как следует из приведенных выше статей договора Игоря с Византией 944 г., молодой здоровый раб или рабыня из Восточной Европы стоили 10 золотых. Если приравнять византийский солид (4,5 г золота) к арабскому динару (4,25 г золота) [Пашуто 1968, с. 417], то по известному соотношению дирхема (полудирхема) к динару в VIII–X в. (примерно 1/10–12 [Большаков 1986; Быков 1974, с. 59]) такой раб стоил около 100–150 дирхемов. Раб среднего возраста стоил 8 золотых или 80–120 дирхемов, старик или ребенок — 5 золотых или 50–75 дирхемов¹.

сафаридов воин получал по 100 дирхемов в месяц, т. е. в пересчете на динары по курсу того времени 80 динаров в год...» [Федоров 1972, с. 73-75].

О. Г. Большаков подсчитал средний уровень расходов обычной (небогатой) арабской семьи на Ближнем Востоке в период с VII — по середину XIII вв. В соответствии с приведенными им округленными данными на пропитание семьи из двух взрослых и троих детей требовалось, по крайней мере, 1,2 динара в месяц. С учетом расходов на минимум одежды (2 динара в год) и найм жилья (от 0,5 динара в год), прожиточный минимум составлял 1,5 динара в месяц [Большаков 2001, с. 210]. Очевидно, что такая семья не могла ни купить, ни содержать раба, а тем более рабыню.

¹ М. Н. Федоров указывает, что «при Кудаме ибн-Джаффаре (ум. между 922 и 948 гг.), т. е. в первой половине X в., динар стоил 15 дирхемов. В 1000-1001 г. наместник буидов в Ираке, Амид ал-Джуйш установил достоинство динара ас-сахиби в 15 дирхемов. Затем соотношение динара к дирхему стало 1:20. Около 1066 г. оно уже было 1:45, 1:40. Изменения в стоимости динара были вызваны быстро растущей «порчей дирхемов», в которых резко понизилось содержание серебра, вызванное так называемым серебряным кризисом, происходившим в странах мусульманского Востока в XI — начале XIII вв.» [Федоров 1972, с. 74-75]. Следует отметить, что названные соотношения цен не были полностью универсальными и, конечно же, могли колебаться не только во времени, но отличаться и в различных регионах обширного исламского мира.

Соотношение цен на привозных рабов и оплаты труда свободных ромеев, существовавшие в соответствующий период (в IX-X вв.) в Византийской империи, также весьма показательны: «Поденная плата наемного работника в сельской местности составляла 12 медных фоллов, или 1 серебряный кератий. Обычный вес кератия — около 2 г, 24 кератия составляли одну золотую номисму (4,548 г золота). Вес восточного динара составлял лишь 4,23 г, зато дирхем был тяжелее кератия — 2,97 г, так что один дирхем равнялся примерно полутора кератиям. Таким образом, наемный работник в сельских местностях Византии получал в месяц 30 кератиев или 20 дирхемов. Зарботок квалифицированного ремесленника равнялся в среднем 2 номисмам (48 кератиев), т. е. 32 дирхема в месяц...

Следует отметить, что за период времени, прошедший между договорами Олега и Игоря (33 года), цены на рабов на рынках Константинополя снизились примерно вдвое. При Олеге цена выкупа за пленника-раба с обеих сторон составляла 20 золотых. При этом спрос на рабов в Византии не уменьшился [История Византии 1967, с. 126]. Вероятно, русы, постепенно укореняясь в Поднепровье, настолько насытили Константинопольский рынок рабами, что даже сбили цены на этот товар. В целом, в Византии не наблюдается больших различий в цене между рабами-мужчинами и женщинами.

Исходя из приведенных выше данных, можно попытаться определить цену на рабов в самой Восточной Европе. Очевидно, что для русов и кочевников, непосредственно охотившихся на людей, цена живого товара во многом определялась издержками конкретного военного предприятия. Впрочем, военные затраты компенсировались грабежом захваченных поселков и трудом самих рабов. Соответственно, для них рабы практически ничего не стоили. Восточные купцы, приезжавшие в Булгар или Итиль, покупали у русов рабов уже за дирхемы. Их точная цена неизвестна, но косвенно на то, что она не должна была быть слишком велика, указывал размер таможенных сборов, о которых сообщают Ибн Хордадбех, Ибн ал Факих и Ибн Фадлан. В Булгаре, а затем в Итиле работорговцы должны были выплачивать 1/10 от стоимости своего товара (оплата могла осуществляться в натуральном эквиваленте, 1/10 от его количества). Наверняка их товар облагался пошлиной и при въезде во владения Багдадского халифата. Ибн Хордадбех указывал, что русы, следовавшие в Багдад, притворялись христианами и платили джизью со своих товаров, в том числе, надо полагать, и с рабов [Noonan 1987–1991, p. 213–219]. Примерно такой же таможенный сбор — 1/10 от стоимости любого товара — брали и византийские власти в городах Северного Причерноморья и Константинополе.

Наконец, дорого обходилась и сама дорога. Нужно было построить и оснастить суда, запастись провиантом, снаряжением, оружием.

Обычный заработок неквалифицированного работника был в пределах 1 номисмы (24 кератия), или 16 дирхемов в месяц. Если учесть, что в Византии минимальная стоимость продуктов питания на один день равнялась 10 фоллам ..., то этой суммы едва хватало на полуголодное существование» [Федоров 1972, с. 73-74].

Кроме того, в течение длительного времени (от нескольких месяцев до года) необходимо было содержать и кормить работников, а также моряков и охрану. В частности, по данным В. А. Рубеля, оплата труда караванного слуги в VIII в. обходилась в 20 динаров за рейс, а охранника — 5 динаров за ночь [Рубель 2001, с. 143]. Такие существенные издержки должны были компенсироваться низкой стоимостью товара в месте его первоначального приобретения. Таким образом, довольно низкая начальная цена на рабов в Восточной Европе и ее постепенный рост в Северной Европе, Византии и мусульманских странах стали причиной огромных барышей для купцов-работоторговцев.

Как отмечалось выше, самые низкие цены на рабов были на севере Европы (100 дирхемов за мужчину и 70–80 — за женщину). Рабов сюда везти было ближе, по дороге не было необходимости платить за транзит, да и спрос на рабов был ниже, чем в мусульманских странах и Византии. Очевидно, что северные цены были ближе к расценкам, принятым для данного товара в местах его первоначального приобретения. Поскольку северный купец также должен был получить выгоду от своей достаточно рискованной и не всегда успешной торговой деятельности, можно предположить, что цена на рабов в Восточной Европе составляла в среднем несколько десятков дирхемов за человека (выделение — А. Т.). Таким образом, даже одна выгодно купленная, а затем проданная в мусульманских странах рабыня могла принести восточному купцу доход в 1–2 тысячи дирхемов, а иногда и намного больше. В таких условиях русам намного выгоднее было продавать рабов самим и не в мусульманских странах, а в Константинополе. Здесь они могли получить настоящую цену за свой товар и при этом не быть связанными с какими бы то ни было посредниками. Успешный поход Олега и последовавший за этим договор кардинально улучшили ситуацию. Теперь русы не только не платили пошлину, но, напротив, получали от византийской казны содержание на все время пребывания в Константинополе [Литаврин 1991, с. 60–82].

§ 5.5. Характер работорговли в Восточной Европе в VIII–X вв., ее основные участники и историческое значение

Итак, суммируя сообщения раннесредневековых источников, можно констатировать, что в ходе развернувшейся в IX–X в. работорговли в качестве основного товара выступали представители аборигенного населения лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: славяне, балты, финно-угры. Их захватывали в плен или покупали у представителей местной племенной верхушки, русы и восточные купцы. Кроме того, самостоятельные походы за рабами совершали мадьяры, печенеги, болгары, хорасанцы — гази [Калинина 2000, с. 119]. Сами арабы во время своих первых походов на Северный Кавказ и в Восточную Европу захватывали пленников при первой же возможности [Артамонов 1962, с. 202–215]. Ибн ал Асир пишет о том, что во время завоеваний Мервана на Северном Кавказе в 736 г. неоднократно захватывались рабы: «...Ему подчинился царь (названной страны) и заключил с ним мир, обязавшись доставлять полторы тысячи юношей, пятьсот черноволосых девиц и тысячу муdd пшеницы...» [Ибн-ал-Асир 1940, с. 31]. Во время самой крупной арабо-хазарской войны в 737 г. [Артамонов 1962, с. 224], по данным ал Куфи 20 тысяч семей — «сакалиба» также были захвачены в плен в районе «реки славян» войсками Мервана, преследовавшего хазарскую армию. Впоследствии эти семьи были вывезены за пределы Восточной Европы, где пытались поднять восстание и бежать. Попытка эта не увенчалась успехом, вскоре они были побеждены и уничтожены.

Специальные набеги за рабами, их захват, обращение побежденных народов в плен — все это отнюдь не было уникальным явлением, характерным только для Восточной Европы в хазарский период ее истории. В VIII в. подобная ситуация была нормальна и для Тюркского каганата. Как отмечает С. Г. Кляшторный, сообщения о захвате тюрками «полона» типичны для источников того времени. Пленники были частью добычи, они принадлежали победителю по праву войны, как и любое другое имущество побежденных: «Народ тангутов я победил, их юношей и девиц, их скот и добро я тогда забрал», — с гордостью сообщает надпись в честь Бильге-кагана [Кляшторный 1986, с. 327].

¹ «...Потом он напал на славян и соседних с ними неверных разного рода и захватил в плен из них двадцать тысяч семей. Затем он подошел к реке славян и стал лагерем» [Кляшторный 1964, с. 16].

Следует отметить, что активно участвовавшие в захвате людей кочевники сами, как правило, рабами не пользовались [Марков 1976, с. 303]. В экстенсивном кочевом хозяйстве не было условий для массового применения рабского труда [Хазанов 1975, с. 141]. В домашнем хозяйстве оказывались востребованными только рабыни-женщины, которые могли использоваться в роли наложниц и служанок [Толстов 1934, с. 176]. Они занимались обработкой продуктов скотоводства, готовили еду, шили одежду, присматривали за детьми. Труд рабов-мужчин применялся редко. Оставлять мужчину-раба, особенно военнопленного в степи с самым ценным достоянием кочевника — скотом, было рискованно [Гумилев 1961, с. 18; Кляшторный 1986, 331–333; Хазанов 1975, с. 139–150]. Обычно в богатых хозяйствах выпасом скота занимались обедневшие родственники или единоплеменники. Их труд был квалифицированнее, а сами они вызывали большее доверие, стремясь всячески услужить своему хозяину, и не рассчитывая на какое-либо изменение своего социального положения [Батраков 1947, с. 437; Бернштам 1946, с. 115–129; Владимирцов 1934, с. 158–173; Потапов 1947, с. 12–15]. Таким образом, для кочевников захват рабов всегда был ориентирован на внешнюю торговлю, а именно, на перепродажу пленников купцам из более цивилизованных регионов (в первую очередь, восточных) [Хазанов 1975, с. 144–145; Хазанов 1976, с. 249–279]. В результате представители кочевых народов, не меняя условий своего собственного, в основном, натурального хозяйства, получали непосредственный доступ к богатству и роскоши. На вырученные деньги они покупали ювелирные изделия, дорогие ткани, вино, продукты земледелия. Сами деньги также могли служить в качестве сокровища или предметов украшения.

Обедневший или потерявший в результате джута или эпизоотии свой скот [Хазанов 1975, с. 149–150] кочевник мог, благодаря удачному набегу и захвату пленников, поправить свое материальное положение, приобрести новый скот¹. Поскольку кочевое хозяйство в условиях

¹ По данным Т. И. Султанова, на невольничьих рынках Средней Азии в XVII в. за взрослого здорового мужчину можно было получить 10 лошадей, 3 отреза на халат или 100 зенденей (отрезков ненабивного ситца) [Султанов 1986, с. 344]. А. П. Потапов отмечал, что на Алтае еще в XVIII в. местные богачи — зайсанги, совершали набеги за рабами «кулами», работавшими затем в их домашнем хозяйстве. В XIX в. они лишились такой возможности, так как набеги были строго запрещены царским правительством [Потапов 1947, с. 11].

Восточной Европы, с ее достаточно обильными зимними снегопадами и холодами, было не всегда надежным, после каждой зимы появлялись кочевые подразделения, потерявшие скот и заинтересованные в новых набегах за рабами.

Там, где это было возможно, набеги с целью захвата людей и работорговля продолжались вплоть до нового времени. Сообщения о торговле рабами в Казахстане и Средней Азии вполне типичны и многочисленны даже в документах XVII–XVIII вв. Основным источником получения рабов были постоянные войны, набеги, межплеменные столкновения и распри. Ибн Рузбихан так пишет об этом: «И когда побеждают, то продают друг друга в рабство. Имущество и людей [противника] между собой они считают дозволенной военной добычей и никогда от этого [правила] не отступают...» [Фазлаллах ибн Рузбихан 1976, с. 62]. Рабские рынки существовали в XVII в. на территории Казахского ханства, рабами торговали во всех городах Средней Азии. Как отмечает Т. И. Султанов, предпочтительный вывоз пленников на внешние рынки был обусловлен большей экономической выгодой, получаемой от продаж (цены на рабов всегда были достаточно высоки), чем от прямого использования рабов как рабочей силы в собственном кочевом хозяйстве [Султанов 1986, с. 343].

Хотелось бы отметить, что для кочевых обществ (несмотря на постоянное и достаточно активное участие кочевников в работорговле) этот вид деятельности никогда не являлся основным и не обеспечивал всех необходимых жизненных потребностей. Кочевники, несмотря на их традиционную воинственность и агрессивность по отношению к оседлым соседям, да и друг к другу, продолжали вести кочевое экстенсивное скотоводческое хозяйство, которое, на самом деле, и определяло все стороны жизни общества. Потребность в пище, одежде, жилье, средствах передвижения полностью удовлетворялась за счет домашнего скота [Тортика, Михеев 2001, с. 141–161]. Годовой хозяйственный цикл отдельных кочевых коллективов был связан с необходимостью сезонных передвижений по пастбищам, сохранением и умножением стада. Разрыв или нарушение такого цикла были опасны для традиционной хозяйственной базы кочевых народов [Тортика 1999, с. 98–109]. Нападать на соседей и совершать набеги кочевники предпочитали тогда, когда благополучие стад мало зависело от их присутствия и с выпасом

могли справиться старики, подростки или женщины, оставшиеся в аилах. Для Восточной Европы это период, который продолжался с конца весны и до поздней осени. В это время скот не имеет недостатка в кормах, а погодные условия не создают затруднений для выпаса и охраны стада. Совершать набеги зимой также было нецелесообразно. Захваченные в холодное время года пленники могли не выдержать перехода по степям и погибнуть, не успев окупить затраченные усилия и риск. Как представляется, такая модель поведения была характерна, в целом (всегда возможны какие-то исключения), для хазар, венгров, печенегов, половцев и т. д.

Сами хазары, помимо сбора дани с покоренных племен, таможенных пошлин и контроля над водными торговыми путями — Волгой, Доном, Керченским проливом, вели комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство [Noonan 1995–1997, p. 254–318]. Большую часть года аристократические хазарские роды, включая даже род хазарского царя, проводили вне столицы, на «пастбищах» и «полях». Хазарский царь Иосиф так пишет об этом в своем ответе кордовскому вельможе Хасдаи ибн Шафруту (50–е–60–е гг. X в.): «С месяца Нисана мы выходим из города и идем каждый к своему винограднику и своему полю и к своей (полевой) работе. Каждый из (наших) родов имеет еще (наследственное) владение (полученное от) своих предков, место, где они располагаются; А я, мои князья и рабы идем и передвигаемся на протяжении 20 фарсахов пути, пока не доходим до большой реки, называемой В-д-шан... Страна (наша) не получает много дождей, (но) изобилует реками и источниками... Страна наша тучна, в ней очень много полей и лугов...» [Коковцов 1932, с. 102–103].

Иосиф старается в выгодном свете представить Хасдаи ибн Шафруту свою страну и в выборе системы ценностей, использованных при описании достоинств и благ этой страны, явно опирается на приоритеты, характерные для традиционной кочевой культуры Евразии [Тортика 2001, с. 270–278]. Так, подчеркивается изобилие и богатство пастбищ, наличие достаточного количества водопоев для скота. Судя по описанию, речь идет о землях в районе Маньча, Сарпинских озер и Северо-Западного Прикаспия (так называемые черные земли). Эти территории идеально приспособлены для ведения кочевого хозяйства, расцвет которого можно наблюдать в хазарское время. Для большинства современных исследователей очевидно наличие у хазар своей

производительной экономики, которая в основных показателях не зависела от работорговли [Артамонов 1962, 235–239; Михеев 1985; Новосельцев 1990, с. 113; Плетнева 1999 и т. д.].

Эффективное кочевое скотоводческое хозяйство наблюдается и у печенегов, что подтверждается следующим сообщением Константина Багрянородного: «[Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее...» [Константин Багрянородный 1991, с. 37, 39]. Очевидно, что печенеги не только обеспечивали самих себя продуктами скотоводства, но и имели излишек скота, который могли использовать для торговли, в данном случае, с русами.

Константин Багрянородный сообщает и некоторые сведения о годовом цикле перекочевков печенегов. Известно, что они переправляются через Днепр, по всей видимости, с правого берега на левый, и где-то здесь выпасают скот в летнее время [Константин Багрянородный 1991, с. 45]. Отмеченный в данном случае широтный маршрут перекочевков печенегов не совсем типичен для кочевников Восточной Европы. Последние, как правило, соблюдают меридианальное направление передвижения [Тортика, Михеев 2001]. Впрочем, это можно объяснить не столько отсутствием у печенегов четко определенных летних и зимних хозяйственных территорий [Степи Евразии... 1981, с. 217], сколько избытком свободных земель — от Дона до Дуная, которые представляли собой превосходные пастбища.

Все названные народы жили в степной зоне, экологически наиболее благоприятной для ведения кочевого скотоводческого хозяйства. Можно смело сказать, что они имели свою производительную экономику и в условиях нормального потребления и самовоспроизводства были достаточно обеспечены. Работорговля являлась только дополнением к их обычной экономической деятельности и, как уже было отмечено выше, служила скорее средством для получения излишков, обогащения и роскоши. Отсутствие этого источника доходов никак не повлияло бы на здоровье кочевой экономики и на боеспособность кочевых армий. Соответственно, работорговля была вызвана не столько внутренними потребностями кочевого общества, сколько устойчивым спросом на рабов в оседлых цивилизованных государствах, с которыми кочевники соседствовали. Чем больше был этот спрос, тем больше

кочевники совершали набегов. Таким образом, периоды наиболее активной торговли рабами напрямую связаны с ростом больших и сильных государств Востока. Тех империй, которые были заинтересованы в рабской силе, имели средства для приобретения рабов и возможности для их содержания и использования. Для Восточной Европы такими периодами стали расцвет Арабского халифата (VIII–X вв.), появление империи Чингисхана (XIII в.) и Османской империи (XV–XVII вв.).

Русы (росы, русь), в отличие от кочевников, не имели своей производительной базы в Восточной Европе. Их экономика практически полностью зависела от ресурсов местного населения. Основными способами изъятия этих ресурсов были торговля и насилие. В этой связи для русов работорговля имела гораздо большее значение, чем для кочевников. Вся их деятельность была нацелена на приобретение товаров, среди которых ведущее место по стоимости на рынке занимали меха и рабы [Noonan 1984, p. 151–282]. Не имевшие посевов или стад русы могли рассчитывать исключительно на свою предприимчивость, удачу и возможности военного воздействия на местное население — «все свое богатство они добывают мечом». Соответственно, именно русы стали той группой населения, которая чаще всего упоминалась авторами средневековых источников в качестве основных работорговцев Восточной Европы. Русы не только встречаются на торговых путях, ведущих в места потребления рабов, но и активно функционируют в самих торговых центрах, таких как Булгар, Итиль, Рей, Багдад, Константинополь, Прага, Балтийский регион и т. д. География торговой деятельности русов, в том числе и работорговли, охватывает кольцом всю Восточную Европу [Noonan 1985, p. 179–204]. Она включает в себя все возможные направления: север — верхнюю часть волжского и днепровского путей; запад — транзит через Прагу в Восточную Баварию; юг — днепровский путь; юг и юго-восток — волжский путь. Фактически больше ни одна группа купцов, занимающихся работорговлей в этом регионе, не проявляла такой последовательной активности и не была способна на подобную широту охвата территории. Постоянное и тесное взаимодействие русов с местным населением (особенно зимой, во время «зимнего кормления», «содержания» или «кружения»), в конце концов привело к постепенной культурной и территориальной акклиматизации русов. Очевидно, что они стали рассматривать Восточную Европу в качестве

основного региона своей деятельности (впрочем, поиски альтернатив отдельными группами русов, не совсем довольными своим положением в Восточной Европе, продолжались достаточно долго, вспомним хотя бы походы на Каспий, особенно — поход на Бердаа).

Купцы-евреи, почти монополизировавшие торговлю рабами в раннесредневековой Западной Европе и Средиземноморье, не могли конкурировать с русами на диких пространствах восточноевропейского региона. Ярким примером давления, которое оказывали воинственные русы на купцов еврейского происхождения, является ситуация, описанная в «Киевском письме» — X в. [Голб, Прицак 1997, с. 30–31].

Торговать и передвигаться по рекам в Восточной Европе в IX–X вв. купцам-иноземцам было очень опасно. Киевский купец-еврей, взявший деньги в долг у иноверцев, вероятно у русов, был убит во время своего торгового предприятия где-то на территории Восточной Европы, возможно, недалеко от Киева. Его брат, бывший поручителем, попал в долговую тюрьму и только по прошествии года был выкуплен членами своей общины. Существует только один вариант объяснения того, кто выступал в роли кредиторов и судебных исполнителей в данной ситуации. В X в., т. е. тогда, когда было написано письмо и произошли описанные в нем события, подобные юридические полномочия и финансовые возможности в Киеве имела только русь — дружинно-княжеская верхушка общества.

Русы в это время полностью контролировали речную торговлю на пути «из варяг в греки» и только там, где существовала централизованная государственная власть, а именно: в Итиле и Булгаре, в городах Северного Причерноморья (Самкерце-Таматархе, Кархе — Керчи, Херсонесе), в Праге и Восточной Баварской марке еврейские купцы могли чувствовать себя в относительной безопасности [Тортика 2002, с. 540]. Впрочем, со временем, в ходе укрепления и упорядочивания государственной власти и законов, в Киеве также растет еврейский квартал. Еврейские купцы разворачивают здесь свою торговую деятельность, которую будут продолжать вплоть до монгольского нашествия. Очевидно, что в подобных условиях местные власти облагали евреев-работников значительными налогами и торговыми пошлинами. Однако, ситуация в целом становилась все же более предсказуемой, а выгоды от

¹ См. §2.3. настоящей работы.

торговой деятельности явно превышали расходы. При этом основными действующими лицами драмы, развернувшейся вдоль течения рек на лесных и лесостепных пространствах Восточной Европы, по-прежнему оставались именно русы — свободные и мобильные воины, нападавшие, захватывающие рабов, довлеющие над сельскими поселениями аборигенных народов.

Подводя итог, следует отметить, что в рассматриваемый период в Восточной Европе было несколько основных вариантов приобретения и последующей фиксации рабского состояния. Чаще всего рабами становились военнопленные. В то же время существовала целая система целенаправленных захватов (специально организованных набегов и нападений), следствием которой стали отбор и продажа восточным купцам, во-первых, красивых девушек (предназначенных для гаремов), во-вторых, юношей (подходящих для гвардии или домашнего служения). Кроме того, обедневшие кочевники, в том числе и хазары, продавали в рабство собственных детей¹. Часть людей попадала в долговое рабство или порабощалась за совершенные преступления. Стоило только какому-то из вышеперечисленных народов потерпеть военное поражение, как его представители тут же становились товаром в руках работорговцев. Магьяры совершали набеги на славян и продавали их в Керчи. Затем, через некоторое время, уже они сами начали выступать в качестве предмета торговли для потеснивших их печенегов: «[Знай], что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими и предан почти полному уничтожению... Пачинакиты... могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство жен и детей и разорять землю» [Константин Багрянородный 1991, с. 39].

¹ О продаже в рабство своих детей половцами, попавшими под власть золотоордынских ханов, в первой половине XIV в. сообщает египетский дипломат Ибн Фадлаллах Эломари (умер около 1349 г.): «...По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: «лучше остаться в живых нам и ему, чем умирать нам и ему»» [Тизенгаузен 1884, с. 231]. И далее: «Для султана этого государства наложена на всех дань, которая взывается с них. Иногда они ставят данью в трудное положение в год неурожайный, вследствие падежа... Они продают тогда детей своих для уплаты своей недоимки» [Тизенгаузен 1884, с. 235].

Во время завоевания печенегами последнего места обитания венгров в Восточной Европе — Ателькузу, располагавшегося в междуречье Днепра и Сирета, практически все семьи (дети и жены) венгерских воинов, находившихся в походе, были или уничтожены, или захвачены в плен [Константин Багрянородный 1991, с. 165].

После гибели Хазарского каганата работорговля в Восточной Европе не стала менее интенсивной. На самих хазар, разрозненных и неспособных к военному противодействию, совершали набеги печенеги. Они захватывали их в плен и продавали в рабство. Как уже отмечалось выше, победители хазар — русы постоянно занимались захватом и продажей рабов. В XI в. потерпевших поражение печенегов продавали в рабство уже половцы¹. Рабами продолжали торговать огузы, волжские булгары, позже ордынцы, гемузы, крымские татары. Например, о вывозе рабынь из Волжской Булгарии уже в XI в. с грустью и жалостью к этим несчастным пишет среднеазиатский философ, поэт и путешественник Насыр-и Хосров: «Привозят турчанок из Булгара ради наслаждения мужчин их девственностью» [Семенов 1953, с. 18].

Работорговля активно велась в Восточной Европе и в золотоордынский период ее истории². Контингент рабов тогда все также пополнялся в основном за счет пленных. Жесткий налоговый гнет и голод

¹ И. Г. Коновалова в связи с анализом текста ал Идриси отмечает, что в XI–XIII вв. многочисленные письменные источники «рисуют половцев как участников международной торговли в различных городах Крыма, в частности в Херсоне и Солдае (Судаке). Одной из сфер деятельности половцев в Крыму была работорговля, в которой партнерами половцев были еврейские купцы. В качестве других контрагентов половцев источники называют русских купцов, а судя по составленному в XIII в. «Половецкому словарю» (Codex Cumanicus), половцы вступали в контакты также с восточными и европейскими торговцами» [Коновалова 1999а, с. 167–168]. По данным Ибн ал Асира, половцы продавали захваченных в рабство пленников именно в Судаке «...к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются и на них покупаются девушки и невольники» [Тизенгаузен 1884, с. 26].

² Одним из центров работорговли в ордынское время была венецианская колония Тана. Е. Ч. Скржинская отмечает, что «...особенностью Таны, как единственного в своем роде транзитного, концентрирующего товары пункта, была оживленная и непрерывная (в XIV–XV вв.) работорговля.... Через Тану в Венецию продавались татары (и в XIV, и в XV вв.), греки (только в XIV в.), кавказцы — черкесы, зихи, абхазы, мингрелы (в XV в.), русские и болгары (в XV в.).

заставляли рядовое население продавать в рабство своих детей. Работорговлей занималась особая категория купцов, продолжавших, как и в раннем средневековье, успешно сочетать работорговлю с торговлей мехами, то есть эксплуатировать именно те ресурсы региона, которые представляли наибольшую ценность [Поляк 1964, с. 31].

Необходимо отметить, что работорговля расцветает в раннесредневековой Восточной Европе в хазарский период и поэтому устойчиво ассоциируется у исследователей именно с Хазарским каганатом. Процесс этот связан, по всей видимости, с особой ролью Арабского халифата, формировавшего тогда спрос на рабов в мировой транзитной торговле¹. Время расцвета Халифата, в целом, совпадает со временем существования хазарского государства. По мнению О. Г. Большакова, среднее годовое поступление рабов в Халифат (в форме дани или военной добычи) во второй половине VIII–IX вв. достигало примерно 10 тыс. При этом невозможно точно учесть явно не меньшее количество рабов, ввозившихся работорговцами [Большаков 1986, с. 432]. Очевидно, что такое поступление рабов, как и отмеченные выше достаточно высокие цены на них, определялись существовавшим в это время спросом. Рабы должны были удовлетворять определенные потребности общества.

О. Г. Большаков отмечает, что главное направление использования рабов в мусульманских странах — это домашнее хозяйство: известны рабы-слуги и служанки, няньки, уборщицы, воспитатели детей. Рабы принимали участие и в коммерческой деятельности своих хозяев, исполняя роль приказчиков и доверенных лиц. Кроме того, тюрки и частично славяне получили известность в качестве рабов-гулямов, воинов, гвардии. Зачастую такие рабы по своему материальному и социальному положению могли находиться выше большинства свободных жителей Халифата.

Рабы, поступавшие в частное владение, были роскошью. Они служили для удовольствий, потому молодые девушки и женщины, прежде всего, пополняли гаремы. Для обслуживания гаремов были нужны евнухи, которые, как правило, фабриковались из негров или представителей северных народов (европейцев вообще и славян, в частности).

¹ Формально ислам запрещал обращать в рабство мусульман, поэтому основным источником поступления рабов были пленники, захваченные за пределами исламского мира, или рынки рабов, существовавшие в странах Европы, Азии и Африки.

Например, В. В. Бартольд подчеркивает, что славян ввозили «особенно» в качестве белых евнухов [Бартольд 1963/б, с. 872]. Использование значительного числа рабов для сельскохозяйственного труда известно только при Омеядах. При Аббасидах нет масштабных примеров именно такой реализации рабского труда¹. В то же время не исключено, что рабы в небольшом количестве могли приобретаться и для производительного труда: в частности, они трудились в крупных ремесленных мастерских, пасли скот, убирали улицы больших городов [Большаков 1986, с. 444–445].

С территории Восточной Европы рабы ввозились в основном в Машрик. По наблюдениям Д. Е. Мишина, здесь, по сравнению с Испанией и Северной Африкой, было мало евнухов сакалиба. Кроме славян и других жителей Восточной Европы, в качестве рабов сюда ввозили тюрок, византийцев, негров. По всей видимости, рабы сакалиба не были слишком многочисленными в Машрике в VIII–IX вв. Их количество увеличивается только в X в., но и это ненадолго. Этих рабов, как правило, не оскопляли, среди них были дети, юноши, девушки, женщины и взрослые мужчины. В большинстве своем они использовались как домашние слуги в частных владениях и во дворцах, женщины — как служанки или как наложницы в гаремах, сильные мужчины — в качестве рабов-телохранителей или воинов-гуламов. После первой трети XI в. ввоз невольников сакалиба в Машрик сильно сокращается и упоминания о них в письменных источниках тоже постепенно исчезают [Мишин 2002, с. 288–299].

Итак, активизация работорговли в Восточной Европе в хазарское время была обусловлена сочетанием двух основных факторов: военно-политическим могуществом, экономическим расцветом Халифата и хронологически идентичным периодом существования сильного хазарского государства. Таким образом, когда Халифат был наиболее заинтересован в поступлении рабов, единственной или, по крайней мере, основной военно-политической силой в Восточной Европе [Артамонов 1962, с. 239, 296; Новосельцев 1990, с. 196–210], способной как-то контролировать ситуацию на одном из маршрутов работорговли — волжском пути, да и то

¹ За исключением расчистки солончаков в Нижней Месопотамии, для чего привлекались рабы-негры — зинджи. Впрочем данный «трудовой эксперимент» закончился самым масштабным восстанием рабов в истории Арабского Халифата.

лишь на его нижнем отрезке, был Хазарский каганат. Кроме того, Хазарский каганат, объективно, благодаря своему географическому положению, находился «между» арабскими государствами и народами Восточной Европы, т. е. основным источником работорговли.

Однако народы лесной и лесостепной зон Восточной Европы представляли собой объект работорговли лишь до тех пор, пока у них отсутствовало собственное сильное государство. Большинство из них находилось на той или иной стадии развития племенного строя. Различные племена и племенные союзы враждовали друг с другом, были аморфны, не имели четких границ. Отдельные общины, особенно проживавшие вблизи судоходных рек или сухопутных, шедших с юга, путей, были практически беззащитны перед набегами работорговцев. Племенная верхушка местных народов в ходе межплеменных столкновений и войн также могла захватывать и продавать рабов. Таким образом, она участвовала в ставшей выгодной и популярной работорговле. Следовательно, поток работорговли, проходивший через Волгу, Итиль и Каспийское море, был объективно вызван к жизни наличием массового спроса на рабов в Халифате, Булгаре и в бассейнах многочисленных рек Восточной Европы, связанных с Волгой. Вдоль этих рек двигались отряды русов, прочесывая территории и совершая набеги на поселения местных народов с целью захвата рабов. Параллельно, на границе со степью и в лесостепи на водоразделах, этим же промыслом занимались кочевники.

Хазары участвовали в происходивших событиях косвенно, не как активные работорговцы (в отличие от русов), а как монополисты наиболее важного, нижеволжского участка торгового пути. Фактически они оказывались владельцами единственного удобного выхода к Каспийскому морю [Noonan 1985, p. 179–204]. Было бы странно, если бы они не воспользовались выгодой своего положения и не организовали тот таможенный пункт, о котором пишут многие арабские авторы [Новосельцев 1990, с. 116–117]. В качестве налога за транзит они взимали со всех товаров, в том числе и рабов, причитающуюся им десятину. За это они гарантировали иноземным купцам безопасность и предсказуемость ситуации. Таким образом, было создано правовое поле, в рамках которого можно было рассчитывать на справедливость суда в соответствии с теми законами, которые были приемлемы для самого купца,

мусульманскими, иудейскими и языческими (обычное право). Этой ситуацией пользовались не только купцы-арабы или евреи, но и русы, а также славяне, имевшие вместе с русами общую, языческую юрисдикцию, основанную на обычном праве [Новосельцев 1990, с. 120–121].

Спрос на рабов в IX–X вв. был достаточно высок и в Византии. В крупных землевладениях светских феодалов труд рабов был особенно востребован. Так, исследователи отмечают, что в этот период в Византии наблюдалось даже некоторое увеличение доли применения рабского труда в сельском хозяйстве [Литаврин 1977, с. 14]. Естественно, что такое направление использования рабов предусматривало в основном мужской труд. Вероятно поэтому цены на молодых рабов мужчин и женщин были одинаковы. При этом, как и в мусульманских странах, рабы достаточно широко использовались в качестве домашней челяди [История Византии 1967, с. 126; Литаврин 1977, с. 45]. Кроме того, в византийских городах рабы могли выполнять обязанности работников в государственных эргастриях по добыче золота и серебра [Литаврин 1977, с. 133], работать в государственных мастерских и использоваться в качестве слуг в домах крупной знати [История Византии 1967, с. 153; Литаврин 1977, с. 97]. Как и в Аравии [Большаков 1986], в Византии рабы могли вести дела от имени своего господина, при его поручительстве и материальной ответственности [Литаврин 1977, с. 150]. Рабы сопровождали византийские армии, обслуживали обозы, выполняли всяческие вспомогательные работы [Литаврин 1977, с. 34]. Масштабы их применения были настолько велики, что в Константинополе в это время существовали специальные рынки, на которых продавали рабов и меха [История Византии 1967, с. 138]. Очевидно, что во второй половине IX и X в. на этом рынке торговали, главным образом, русы. Не случайно договоры между Олегом и Византией, а затем между Игорем и Византией уделяют значительное внимание теме рабов, их бегству, выкупу, обмену и ценам на этот товар. Спрос на рабов, ввозившихся в Византию русами, во многом определялся еще и тем, что в Империи, согласно официальному праву, порабощение православных ромеев было запрещено. Таким образом, рабами могли становиться только «варвары» [Литаврин 1977, с. 163].

Хронология торговых отношений (в которые в качестве одного из важнейших компонентов входила и работоторговля) традиционно определяется на основе датировок и распределения монетных кладов

арабского серебра [Быков 1974, с. 26–71; Даркевич 1976, с. 147–149; Корзухина 1954 с. 20–31; Кропоткин 1967, с. 118–121; Кропоткин 1968, с. 68; Лебедев 1985, с. 228–234; Любомиров 1923, с. 14–33; Свердлов 1969, с. 541–544; Фасмер 1933, с. 476–479; Янин 1976, с. 57, 81–82, 86–87, 104–105, 116–117; Noonan 1983, р. 265–281; Noonan 1992, р. 237–259]. В среднем (учитывая разногласия специалистов по поводу хронологической интерпретации выпадения кладов) начало более или менее интенсивной работорговли по волжскому пути можно отнести к VIII–IX вв. В течение всего IX в. это направление продажи рабов продолжает оставаться основным. Однако, уже с середины — последней четверти IX в. начинается постепенная активизация днепровского пути. Очевидным политическим фактором, способствовавшим развитию этого направления работорговли, является утверждение руси, во главе с Олегом, в Киеве в 882 г. В X в. вплоть до гибели Хазарии в 969 г., днепровский и волжский пути работорговли функционируют параллельно.

По крайней мере, с первой четверти X в. рабов из Булгара в Хорезм караванными путями в обход Хазарии, везут хорезмийские купцы. После 965 г. и до начала XI в. этим же путем пользуются отряды «охотников за рабами» из Средней Азии — гази. Восточное и юго-восточное направления работорговли временно угасают (хотя они никогда окончательно не замирали) в связи с политическим и экономическим ослаблением Багдадского халифата, усобицами на юге Каспия и «кризисом восточного серебра» в конце X в. На днепровском пути активная работорговля продолжается, по всей видимости, вплоть до христианизации Руси. В конце X — начале XI вв. она все еще не прекращается полностью, поскольку источники фиксируют набеги на отдельные территории, сопровождающиеся захватом людей. Тем не менее, в Древнерусском государстве начинают преобладать иные тенденции, связанные с усилением княжеской власти и началом феодальной эксплуатации местного населения.

Перевалочными пунктами, местами продажи и перепродажи рабов в хазарское время были Булгар и Итиль на Волге, Керчь в Крыму, вероятно Киев на Днепре, Прага, города Восточнобаварской марки. По рекам и морям рабов везли русы и купцы восточного происхождения: арабы, евреи, хорезмийцы. Кочевники вели своих пленников степными путями к морскому побережью или речным пристаням, где перепродавали

их восточным купцам или византийцам. В качестве основных пунктов, в которых живой товар окончательно поступал к постоянным владельцам, выступали мусульманские страны Средней Азии, затем Багдадский халифат, Египет, Магриб, Кордовский халифат и христианская Византия.

Очевидно, что при всем современном морально-этическом и даже эмоциональном неприятии такого отвратительного явления как работорговля роль этого феномена в развитии цивилизации в Восточной Европе не может быть оценена однозначно отрицательно (о том же пишет и О. И. Прицак [Прицак 1997]). Нельзя не согласиться с тем, что работорговля стимулировала и во многом обусловила проникновение в Восточную Европу носителей более высокого уровня социально-экономических отношений. Рабы, наряду с мехами, были одним из наиболее дорогостоящих и привлекательных для купцов товаров. Именно они могли дать ту прибыль, которая оправдывала долговременные и рискованные купеческие предприятия. В результате в Восточной Европе начинают оседать деньги и импортные товары разных уровней, как колониальные — бусы, дешевые ткани, вино, так и дорогостоящие — ювелирные изделия, специи, шелка. Происходит достаточно быстрое обогащение местной знати. Ускоряется социально-имущественное расслоение. Купеческие фактории с постоянным торгово-ремесленным и военно-дружинным населением становятся одним из факторов формирования раннегородских центров. В регион проникают мировые религии, письменность и книжные знания. Происходит постепенное вовлечение населения Восточной Европы в систему экономических интересов и торговли более развитых регионов и стран.

Жесткие (объективно жесткие, но совершенно нормальные и типичные для раннего средневековья) методы внедрения цивилизации¹ в Восточную Европу со временем приводят к адекватной реакции местной племенной верхушки. Она сливается с норманнской по первоначальному

¹ В данном случае имеется в виду не какое-то одно из многочисленных спекулятивных определений цивилизации, не столько способствующих, сколько препятствующих конкретному историческому исследованию, а общегуманитарное представление о цивилизации и цивилизованности, связанное с наличием государства, письменности, развитой религии и экономики независимо от каких-то локальных способов или форм реализации этих признаков.

происхождению (русь) военно-торговой знатью. Итогом этого сложного этнокультурного и социально-экономического процесса становится создание собственного достаточно сильного государства — Древней Руси. Политического образования, способного как противостоять внешней агрессии, защищая и консолидируя местные племена, так и самостоятельно принуждать, порабощать и эксплуатировать все то же аборигенное население. Именно в таком контексте работорговлю, столь характерную для Восточной Европы в VIII–X вв., можно рассматривать как одну из причин и полноправных составляющих сложного и многогранного процесса формирования государственности. Каким образом работорговля и международная торговля вообще в сочетании с исследованными выше геополитическими, этносоциальными и географическими факторами могли влиять на население Северо-Западной Хазарии, предстоит установить далее.

Северо-Западная Хазария и Доно-Донецкий торговый путь в середине VIII — середине X вв.

§ 6.1. Доно-Донецкий торговый путь и славяне Днепровского Левобережья: историографические традиции и реальность

Традиционным в отечественной медиевистике стало утверждение о существовании в VIII — X вв. Донского или Северскодонецкого пути, связывавшего юг и север Восточной Европы, служившего для прохождения «потоков серебра», которое оседало в самом регионе, в бассейне Дона или Северского Донца, на Днепровском левобережье, затем на севере, а также в Прибалтике и Скандинавии.

Различные исследователи по-своему описывают этот маршрут, хотя и аргументируют свою точку зрения, как правило, на основе одного и того же достаточно ограниченного набора письменных, археологических и нумизматических источников.

Можно выделить несколько основных научных направлений, представители которых так или иначе оценивают режим функционирования торговых путей по Дону и Северскому Донцу, объясняя существование этих путей активностью различных групп раннесредневекового населения Восточной Европы.

Еще в 1923 г. П. Г. Любомиров на основе пяти кладов восточных монет, обнаруженных в бассейне Дона, предположил существование торгового пути, который бы вел из Хазарского каганата по Дону и Северскому Донцу к левобережным притокам Днепра, Пслу и Сейму, на Десну, затем на Днепр и в Киев, и после — по Днепру на север, в Западную Европу [Любомиров 1923, с. 17]. Эта идея была поддержана в последующий период Ю. В. Готье, П. И. Лященко, А. Д. Гусаковым, в некоторой степени и Р. Р. Фасмером. Таким образом, торговый путь по Дону и Донцу рассматривался в большей степени как транзитный, ориентированный не на торговлю с местным населением, а на вывоз дирхема в Балтийский регион и Западную Европу.

В дальнейшем эта идея получила определенное развитие, ее сторонниками были высказаны некоторые предположения о том, кто и с

кем торговал на этом пути и в силу каких причин развивалась эта торговля. Постепенно была сформулирована своего рода «славянская» гипотеза Доно-Донецкого пути. Его реконструкции разнообразны, но, в обобщенном виде, выглядят следующим образом: 1) купцы проникали через волго-донскую переволоку из Итиля на Дон или через Трапезунд, Черное море, Керченский пролив, Азовское море также на Дон; 2) они поднимались вверх по Дону и через южные притоки Оки выходили к мордве и вятичам в бассейн этой реки; 3) торговали со славянами (вятичами) в районе верхнего течения Дона (городища боршевской культуры, Титчиха и т. д.); 4) из Дона выходили в Северский Донец, по Донцу поднимались в его верхнее течение, откуда переходили либо в верхние притоки Оки, либо в левобережные притоки Днепра; 5) торговали с северянами и вятичами, населением памятников роменско-боршевской культуры; 6) переходили на Днепровский путь и торговали там, в частности с северянами, радимичами и полянами, доходя даже до Киева.

Сторонники данного направления, в большинстве своем, считали, что основной целью купцов, торговавших по этому пути, были славянские племена Днепровского левобережья, на памятниках которых обнаружены как отдельные находки, так и клады куфических монет. При этом предполагалось наличие достаточно активного денежного обращения у славянских племен Днепровского лесостепного левобережья уже в конце VIII–IX в. Оговаривалось существование у них развитого ремесленного производства, продукты которого и служили товаром, приобретаемым купцами за серебряные дирхемы. Этническое происхождение этих купцов оценивалось неоднозначно, в них видели и скандинавов, и восточных купцов (арабов, персов, евреев), и, собственно, самих славян.

В оценке роли славянских или даже славяно-русских купцов в организации торговли с восточными странами не обошлось и без откровенных преувеличений. По мнению В. В. Мавродина, древнерусское население уже в VIII–IX вв. испытывало сильное влияние востока, активно втягиваясь в восточную торговлю, которая продолжается до X в. Русские живут в Итиле, осваивают (уже в это время) весь юго-восток Восточной Европы, и именно при их содействии осуществляется торговля с населением Днепровского лесостепного левобережья. Здесь проявляется типичная для советской исторической науки середины XX в.

тенденциозность этнической трактовки термина «ар рус» арабо-персидских авторов. В данном случае русы воспринимаются либо в качестве особого славянского племени, либо синонима, замещающего имя славян в целом. Несмотря на сохраняющееся сегодня разнообразие мнений, наиболее обоснованной и убедительной здесь представляется точка зрения Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина [Мельникова, Петрухин 1989, с. 24–38]. Русы, русь имеют смешанное скандинавское происхождение — это дружины гребцов, проникавших по рекам в Восточную Европу и постепенно, через несколько поколений, становившихся местными жителями [Тортика 2004, с. 105–106]. Государственность на Руси возникает в результате синтеза восточнославянского городского населения и дружинной скандинавоязычной руси. Дружинное название «русь» постепенно распространяется на территорию всего государства, причем, в первую очередь, на те области, с которых ранее брали дань хазары и которые были у хазар отвоеваны [Петрухин 1995, с. 108–109]. Этот процесс, по хронологии древнерусской летописи, начинается не ранее походов Олега на северян в 884 г. и радимичей в 885 г. [ПВЛ 1999, с. 150] и продолжается вплоть до конца X — начала XI вв. Еще в 945 г. в договоре Игоря с Византией дружинная русь достаточно определенно дистанцируется от остального населения «Русской земли».

Как отмечал А. Н. Насонов, территория «Русской земли» не была старой племенной территорией, так как на ней обитали поляне, северяне, часть радимичей, возможно, часть уличей и вятичей. «Русская земля», «Русь» определяется как политически господствующее над славянскими племенами территориальное ядро [Насонов 1951, с. 30–31]. В этой связи говорить о руси, русах арабо-персидских авторов как о славянах не представляется возможным. Тем более, что в левобережном Поднепровье и лесостепном Днепро-Донском междуречье VIII–IX вв. еще не было никакого русского, тем более славяно-русского населения. В принципе, скандинаво-русы могли совершать торговые путешествия по Северскому Донцу и левобережным притокам Днепра, однако нет особых оснований связывать их деятельность с местной славянской торговлей, и уж тем более настаивать на регулярных торговых взаимоотношениях между славянскими племенами Днепровского левобережья и Халифатом в VIII–IX вв.

Реконструкция Волго-Донского пути, по В. В. Мавродину, выглядит следующим образом: «Торговля с мусульманским Востоком осуществлялась по Волго-Донскому пути, соединяющему систему Волги с

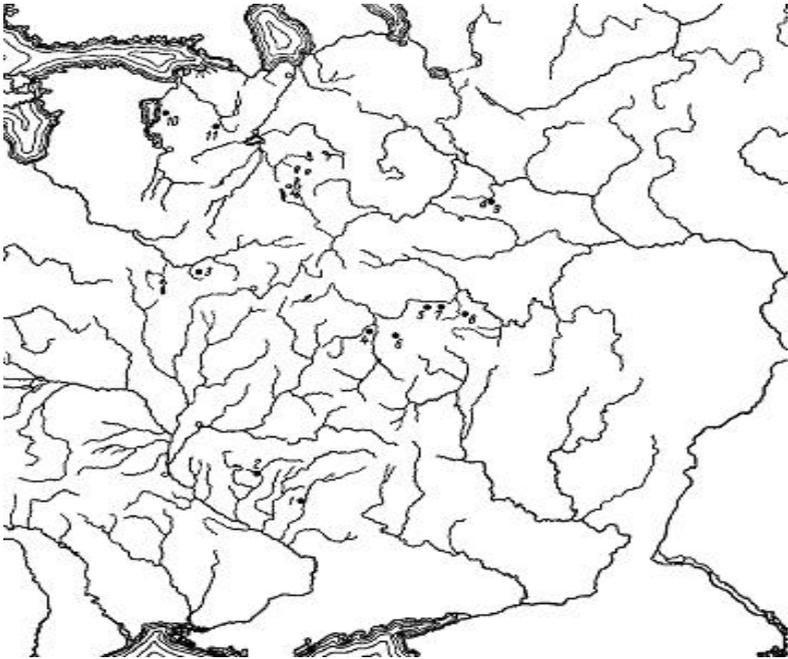

Рисунок 9. Клады IX — начала X вв. на территории Восточной Европы (по Г. Ф. Корзухиной [Корзухина 1954, Карта 1]).

1 — Полтава, 1905 г.; 2 — с. Ивахники Лохвицкого уезда Полтавской губернии, 1905 г.; 3 — имение Суходрево Оршанского уезда Могилевской губернии, 1870-е гг.; 4 — с. Мишнево Лихвинского уезда Калужской губернии; 5 — г. Кашира Тульской губернии, около 1807 г.; 6 — близ с. Лапотково и Покровское Крапивинского уезда Тульской губернии, 1823 г.; 7 — с. Баскач Каширского уезда Тульской губернии, 1861 г.; 8 — с. Железицы Зарайского уезда Рязанской губернии, 1855 г.; 9 — с. Угодичи Ростовского уезда Ярославской губернии, 1914 г.; 10 — д. Узьмина Гдовского уезда Петербургской губернии, 1889 г.; 11 — д. Горки Лужского уезда Петербургской губернии, 1865 г.

Доном, Северским Донцом, Осколом, Сеймом, Десной и Днепром и характеризующему обилием кладов восточных монет, по Ворскле, Суле и Пслу, соединенным через Донец и Оскол с Волгой. На путях к Дону (или с Дона), на Десне, от впадения Сейма, и по Днепру здесь, на Левобережье, группируется основная масса кладов восточных монет VIII–IX вв. [Мавродин 1945, с. 135]. В. В. Мавродин считал, что уже в VIII в. все

среднее течение Днепра было усеяно кладами восточных монет [Мавродин 1945, с. 180], что явно не соответствует действительности.

С аргументированной критикой этой идеи в 1954 г. выступила Г. Ф. Корзухина. Ее выводы базировались на том, что в VIII — первой половине IX в. в среднем Поднепровье городов не было, ни одно из обнаруженных там поселений нельзя считать центром торговой и ремесленной деятельности. Кроме того, ошибочными, по ее мнению, являются представления как об отнесении известий арабских авторов о русах к Среднему Поднепровью, так и об обилии здесь кладов куфических монет VIII–IX вв. Весь комплекс сведений арабских авторов о русах связан, главным образом, не с Поднепровьем, а с Поволжьем. Ни одного клада куфических монет, зарытого в Среднем Поднепровье в VIII в., не найдено. Всего на Левобережье известно 6 кладов IX в., они обнаружены далеко от Днепра и не образуют скопления, а рассеяны поодиночке на большой территории Полтавской, Курской и Черниговской областей. Среди этих кладов, по крайней мере, три датируются концом IX, а то и началом X в. Соответственно, клады куфических монет появляются на среднем Днестре в небольшом количестве и только в X в. Все вышесказанное опровергает мнение о широких торговых связях между Халифатом и Средним Поднепровьем, якобы существовавших в VIII–IX вв. Следовательно, как считает исследовательница, эти торговые связи проходили там, где и обнаружено наибольшее количество кладов IX в., на Оке и Волге, в верховьях Волги, в верхней части волжского пути, на Ладоге и Волхове [Корзухина 1954, с. 34].

Выводы Г. Ф. Корзухиной подтверждаются и результатами более поздних научных исследований. В частности, Д. Т. Березовец в 1965 г. отмечал, что северяне в VIII–IX вв. находились на относительно низком уровне социально-экономического развития. По его мнению, только к началу X в. на всей славянской территории окончательно обособляются ремесла, появляется более или менее широкий внутренний рынок, развивается товарный обмен. В VIII в. у северян еще нет ни городов, ни феодальных замков. Роменские и боршевские городища VIII–IX вв. представляли собой обычные общинные поселения с сельскохозяйственной экономикой, укрепленные в связи с внешней опасностью [Березовец 1965, с. 50; Рыбаков 1988, с. 108; Славяне... 1990, с. 316–318]. По сводным археологическим данным на 1984 г., среди

известных в среднеднепровском левобережье 127-и укрепленных поселений с древнерусскими находками [Древнерусские поселения... 1984] ни одно не может считаться городом (в том или ином сочетании его признаков [Петрухин 1995, с. 167–168]) вплоть до начала X в. О. В. Сухобоков, посвятивший специальное исследование Днепровскому лесостепному левобережью в VIII–XIII вв., отмечает определенный социальный и экономический архаизм населения боршевской и роменской культур, связанный, по его мнению, с хазарским господством в этом регионе¹ [Сухобоков 1992, с. 56].

В 1978 г. в топографии нумизматических находок начального периода обращения дирхема (до 833 г.) В. В. Кропоткин дает 37 кладов, из которых не указаны никакие новые находки на Днепровском Левобережье. Большинство кладов этого периода по-прежнему связано с бассейнами Оки и Волги, Ладогой, Прибалтикой и т. д. [Кропоткин 1978, с. 113]. Авторы обобщающей работы «Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период» (Киев, 1990 г.) также отмечают все тот же относительно небольшой набор находок арабских монет на Левобережье Днепра. Исследователи оперируют находками из Донецкого городища, Райгородка, Змиёва, Купянска, Великой Чугуевки, Верхнего Салтова. Им известны также три клада: из Новотроицкого городища (10 монет, младшая 818–849 г.), из Новых Млынов (80 монет, младшая 787/88 г.), из Ярыловичей (285 монет, младшая 820/21 г.). Все это не позволяет говорить о существовании развитого монетного обращения у населения данного региона, монетные знаки, в целом, отсутствовали во внутреннем обращении местных племен [Славяне... 1990, с. 421].

Что касается рассказов арабских авторов о русах, то они весьма разнообразны и фиксируют этот народ, в зависимости от конкретной ситуации, в разных местах известного им мира. В частности, на Северном Кавказе, на торговых путях Восточной Европы, особенно на пути откуда-то «из страны славян», проходившем через Днепр, Черное море, Азовское море, Нижний Дон и Волгу [Ибн Хордадбех 1986, с. 124; Мишин 2002, с. 178; Новосельцев 2000 (1965), с. 292]. Известны русы и в

¹ Следует отметить, что с подобным утверждением был категорически несогласен А. П. Новосельцев: «...Полностью априорен тезис об отставании этих славян в своем развитии именно в силу их подчинения Хазарии» [Новосельцев 1990, с. 201].

качестве постоянных обитателей Восточной Европы, и как византийские наемники, нападающие на Испанию, и т. д. [Бартольд 1963, с. 810–858; Новосельцев 2000 (1965), с. 303–323; Коновалова 2000а, с. 202–226].

Г. Ф. Корзухина была несогласна с отождествлением Куяйбы — одного из центров восточноевропейских русов арабских географов — и древнерусского Киева. В настоящее время у востоковедов нет особых сомнений в правомерности именно такого отождествления [Новосельцев 2000 (1965), с. 320; Коновалова 2000а, с. 218]. В то же время Г. Ф. Корзухина не ошибалась, когда отказывалась на основе этого сообщения признавать развитую восточную торговлю в среднем Поднепровье в VIII–IX вв. Как отмечал А. П. Новосельцев, информация о трех группах русов у ал Истахри, Ибн Хаукаля, анонимного автора «Худуд ал Алам» и ал Идриси восходит к написанному около 920–921 г. труду ал Балхи «Карта климатов» [Новосельцев 2000 (1965), с. 313]. По всей видимости, эти сведения отражают современные данному автору исторические реалии конца IX — начала X в., в этой связи нет особых оснований для того, чтобы экстраполировать существование разряда русов Куяйбы — Киева на конец VIII — начало IX вв. По мнению И. Г. Коноваловой, данные ал Истахри о Куяйбе — Киеве, а именно: упоминание лиц, ездящих в Куяйбу для торговли, и определение местоположения Куяйбы относительно Булгара должны свидетельствовать о наличии торгового пути, связывавшего Булгар с Киевом в первой половине — середине X в. Наиболее же интенсивно этот путь функционировал с начала XI и до середины XII вв. [Коновалова 2000б, с. 132; Путешествие... 1971, с. 35–36, 109–110].

Собственно, древнерусская летопись свидетельствует о появлении руси Аскольда и Дира в Киеве не ранее 860-х гг. [ПВЛ 1999, с. 149]. Об участии этой руси в восточной торговле также ничего неизвестно. Основной сферой ее военно-политических интересов была, прежде всего, Византия [Кузенков 2003, с. 3–5; Петрухин 2001, с. 140], о чем свидетельствуют сообщения Патриарха Фотия [Кузенков 2003, с. 31–39],

¹ Ссылка дается на переиздание работы А. П. Новосельцева 1965 г. «Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв.», осуществленное в специальном выпуске сборника «Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г.» в 2000 г., посвященном памяти этого выдающегося ученого.

«Продолжателя Феофана» [Продолжатель Феофана 1992, с. 84, 142] и т. д. о событиях 860 и 874 гг. Кроме того, согласно древнерусской летописи, название «русь» распространяется на часть Среднего Поднепровья только после захвата Киева князем Олегом и объявления его «матерью городов русских». Как отмечает В. Я. Петрухин, Аскольд и Дир владели не «русской», а «польской», т. е. полянской землей [Петрухин 1989, с. 29–30]. Таким образом, аргументация Г. Ф. Корзухиной, за исключением отмеченной неточности с идентификацией Куйабы восточных авторов, в настоящее время также представляется весьма убедительной.

Тем не менее, И. И. Ляпушкин, один из ведущих сторонников и соавторов гипотезы о торговле левобережных славян с востоком в VIII–IX вв., основываясь на результатах археологических исследований Днепро-Донского междуречья (главным образом памятников роменской культуры Днепровского левобережья), предполагал, что при содействии населения салтово-маяцкой культуры славяне «получали в обмен на свои продукты (выделение — А. Т.) куфические монеты, а также всевозможные изделия из цветных металлов» [Ляпушкин 1968, с. 152]. Этот исследователь не исключал проникновения арабских купцов «по Дону, Донцу и левым притокам Днепра в область левобережья» [Ляпушкин 1968, с. 152]. По его мнению, этот путь возник раньше Волжского и функционировал уже в VIII–IX вв. Только с конца IX в. приобретает важное значение путь по Волге через Булгар, и связано это, прежде всего, с появлением печенегов в междуречье Днепра и Дона. Таким образом, исходя из концепции И. И. Ляпушкина, печенеги отрезали славян от восточной торговли, в результате последние (т. е. славяне) были вынуждены проложить новый путь, через Оку на Волгу и в Булгар [Ляпушкин 1968, с. 153].

С оценкой роли торгового пути по Северскому Донцу с И. И. Ляпушкиным в целом соглашается и М. Б. Свердлов. По мнению последнего, в древнейший период распространения дирхема в Восточной Европе (конец VIII в. — 833 г., по В. Л. Янину) клады располагаются следующим образом: 1) вверх по Волге к северу от Булгара на Мологу и Волхов; 2) вверх по Оке; 3) по Северскому Донцу и левым притокам Днепра. М. Б. Свердлов отмечает, что «клады, расположенные в верховьях Северского Донца и левых притоков Днепра, образовались, видимо, в результате местной торговли с районами салтово-маяцкой

культуры, как справедливо полагает И. И. Ляпушкин» [Свердлов 1969, с. 541]. Следует отметить, что ни И. И. Ляпушкин, ни М. Б. Свердлов не рассматривали специально вопрос о том, была ли в принципе возможна такая торговля в тех исторических и экономических условиях, которые существовали в это время в указанном регионе. Никто из названных авторов не показал, было ли здесь вообще какое-либо товарное производство или добыча ценных природных ресурсов, служивших нуждам обмена. Если эта торговля все же существовала, то насколько она была регулярна, какие товары служили объектом этой торговли, кто был в этих товарах заинтересован в качестве покупателя. Наконец, помимо ссылок на очень небольшое количество кладов IX в., не было приведено никаких доказательств в пользу того, какой характер могла носить эта торговля, имела ли она товарно-денежное выражение или осуществлялась в форме натурального обмена.

В. П. Даркевич считает, что мусульманские купцы не позднее IX в. освоили путь из Черного в Азовское море и вверх по Дону. Исходным пунктом для них был Трапезунд. По его мнению, связи между Халифатом и Юго-восточной Европой с рубежа VIII–IX вв. не ограничивались собственно Хазарией. Его точка зрения во многом базировалась на высказываниях И. И. Ляпушкина: «Через земли салтовцев они простирались до Верховьев Северского Донца, Верхнего Дона, левых притоков Днепра — Десны с Сеймом, Сулы, Псла и Ворсклы. На роменско-боршевских городищах найдены ранние клады и много единичных куфических монет. В обмен на дирхемы или как дань хазарам роменцы, вероятно, поставляли меха. Лесостепь и южная половина лесной зоны благоприятны для организации пушного промысла. Здесь водились бобр, куница, лисица. Через посредство салтовцев и хазар меха вывозили в Халифат. Как транспортную силу использовали двугорбых верблюдов, караваны которых доходили до Киева. Не исключено, что в район роменско-боршевской культуры иногда проникали и арабские купцы. Отсюда их хорошее знание Танаиса как «славянской реки» (В. П. Даркевич имеет в виду сообщения Ибн Хордадбега, ал Масуди и т. д. — А. Т.). С печенежским вторжением в Причерноморье в конце IX в. связи по Донцу между славянами лесостепи и народами Юго-Восточной Европы прервались» [Даркевич 1976, с. 146–147]. Через правые притоки Оки (Проня, Осетр, Упа, на которых найдены клады дирхемов) купцы

попадали в верховья Дона, по которому в IX в. окское население вступало в контакт с салтовцами. Например, в состав зарайского клада входили ременной наконечник салтовского типа и серьги с подвеской-стерженьком [Даркевич 1976, с. 153]. С рубежа VIII–IX вв. через территории салтовцев, входивших в Хазарский каганат, славянские племена Юго-Восточной Европы сносились с Прикаспийскими провинциями Халифата: Джурджаном, Табаристаном, Иранским Азербайджаном. Эти связи простирались до верховьев Северского Донца, Верхнего Дона и левых притоков Днестра [Даркевич 1985, с. 388].

Предположение о проникновении восточных, мусульманских купцов в области расселения восточнославянских племен было сделано И. И. Ляпушкиным (и поддержано В. П. Даркевичем) не только и не столько на основании одного нумизматического материала. Очевидно, что куфические монеты могли использоваться в торговых операциях на территории Восточной Европы купцами разного этнического происхождения, прежде всего русами, о чем свидетельствует, например, Ибн Фадлан. По мнению И. И. Ляпушкина, одним из основных аргументов в пользу восточного, мусульманского, видимо, арабо-персидского происхождения купцов, торговавших на левобережных славянских территориях, является информация Ибн Русте (по Д. А. Хвольсонову) о славянах [Известия о хазарах... 1869, с. 28–33]. Как считает

¹ Ибн Фадлан следующим образом описывает жизнь и обычаи русов, которые ему пришлось наблюдать в Булгаре в 921/22 гг.: «На шеях у них (жен русов — А. Т.) мониста из золота и серебра, так что если человек владеет десятью тысячами дирхемов (выделение — А. Т.), то он справляет своей жене один [ряд] мониста, а если владеет двадцатью тысячами (выделение — А. Т.), то справляет ей два [ряда] мониста, и таким образом, каждые десять тысяч, которые он прибавляет к ним [дирхемам], прибавляют ряд мониста его жене, так что на шее иной из них бывает много [рядов] монист», — или — «Итак, он (т. е. прибывший для торгов купец-рус — А. Т.) подходит к большому изображению и поклоняется ему, потом говорит ему: «О мой господь, я приехал из отдаленной страны, и со мною девушек столько-то и столько-то голов и собoley, столько-то и столько-то шкур», — пока не назовет всего, что прибыло с ним из его товаров — «и я пришел к тебе с этим даром», — потом [он] оставляет то, что имел с собой, перед [этим] бревном, — «итак, я желаю, чтобы ты пожаловал мне купца, имеющего многочисленные динары и дирхемы (выделение — А. Т.), чтобы он покупал у меня в соответствии с тем, что я пожелаю, и не прекословил бы мне ни в чем, что я говорю»» [Ковалевский 1956, с. 141-142].

И. И. Ляпушкин, эта информация настолько подробна и достоверна, так соответствует археологическим реалиям роменско-боршевской археологической культуры VIII–IX вв. (традиции домостроительства, погребальный обряд, вооружение и т. д.), что все это должно свидетельствовать о непосредственном знакомстве и регулярных контактах представителей мусульманского мира с северянами и вятичами [Ляпушкин 1968, с. 152].

Как известно, данные Ибн Русте заимствованы из так называемой «Анонимной записки», авторство которой пока не установлено [Бартольд 1973, с. 524; Новосельцев 2000 (1965), с. 283–284; Мишин 2002, с. 50–53; Калинина 2003а, с. 204]. Возможно, она представляла собой документ, составленный в государственной канцелярии одного из правителей восточных провинций Халифата, своего рода отчет о военном потенциале, численности и хозяйстве тех или иных народов, потенциально интересующих мусульманский мир. Д. Е. Мишин рассматривает его как справочник или административное пособие, что и объясняет анонимность автора [Мишин 2002, с. 51]. И. Ю. Крачковский не исключал возможность связи этого текста с деятельностью Ибн Хордадбеха или ал Джейхани, имевших прямое отношение к почтовым ведомствам восточной части Халифата, которые, как известно, выполняли и некоторые шпионские функции [Крачковский 1957, с. 219–223]. Т. М. Калинина отмечает, что набор сведений «Анонимной записки» (ландшафт, дороги, города, торговля, экономика, вероисповедания, обычаи и т. д.) отвечает сложившемуся характеру описания земель, далеких от Халифата, в произведениях жанра «Книга путей и стран» [Калинина 2003а, с. 205]. Помимо Ибн Русте, сведения «Анонимной записки» с той или иной полнотой и точностью воспроизводят «Худуд ал Алам», Гардизи, ал Бакри, ал Марвази, Ахмад Туси, ал Казвини и другие авторы [Мишин 2002, с. 51–53; Новосельцев 2000 (1965), с. 294–297; Калинина 2003а, с. 204].

Рассматривая сведения «Анонимной записки» о славянах, А. П. Новосельцев отметил ряд противоречий в тексте этого источника, которые, по его мнению, могут быть объяснены тем, что «автор первоначального варианта получал информацию не об одном каком-то славянском племени, а о разных племенах, проживавших на разных территориях в различных климатических и иных географических условиях» [Новосельцев 2000 (1965), с. 299]. Новейший сравнительно-текстологический анализ этих же данных, проведенный Т. М. Калининой,

показал, что «географические сведения в «Анонимной записке» относятся к восточным славянам, тогда как известия о главах славян, скорее всего, говорят о Великой Моравии», в частности, «конкретные реалии быта и верований могут относиться к любым племенам славян. Следовательно, информация «Анонимной записки» имеет комплексный характер: здесь собраны сведения как о восточных, так и о юго-западных славянах, которых неизвестный автор не отделял друг от друга» [Калинина 2003а, с. 216].

Выводы А. П. Новосельцева и Т. М. Калининой подтверждаются в целом результатами археологического изучения славянских культур VIII–IX вв., памятники которых расположены как в лесостепной, так и в лесной зоне Восточной Европы [Приходнюк 2001, с. 106–107, 111; Славяне... 1990, с. 259–261; Сухобоков 1992, с. 37]. Как к Днепропровскому Левобережью от самого Днепра до Дона и Оки, так и к Правобережью от Днепра до Карпат одинаково хорошо подходят ландшафтные характеристики земли славян: «Путь в эту страну идет по степям (пустыням?) и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут» [Новосельцев 2000 (1965), с. 294].

Для всех славянских культур от Карпат до Оки, как в лесостепной, так и на юге лесной зоны Восточной Европы, характерно преобладание жилых полуземляночных построек [Приходнюк 2001, с. 111; Славяне... 1990, с. 266]: «В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством... В таком жилище остаются они до весны» [Новосельцев 2000 (1965), с. 295].

Носители всех славянских культур как Восточной, так и Центральной Европы, Нижнего Подунавья, Балкан до принятия христианства были язычниками [Рыбаков 1988, с. 196–251], которых в мусульманских странах, не вникая в особенности их мировоззрения, как правило, называли маджусами, т. е. огнепоклонниками: «И все они поклоняются огню» [Новосельцев 2000 (1965), с. 294]. В этот же период, в VIII–IX вв. для всех славян и многих их соседей характерен обряд трупожжения при погребении умерших [Рыбаков 1988, с. 101–110; Славяне... 1990, с. 275–279; Седов 2002, с. 550; Сухобоков 1992, с. 20–21, 36–42]: «Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают» [Новосельцев 2000

(1965), с. 294]. Зафиксирован этнографически и обряд тризны над могилой покойного [Рыбаков 1988, с. 120]: «И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать, больше или меньше, меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся» [Новосельцев 2000 (1965), с. 294]. Все остальные признаки славянской культуры, перечисленные в «Анонимной записке», также носят общеславянский характер и не могут быть приписаны только одной славянской археологической культуре или конкретному племени, названному в летописи. К числу этих общих признаков необходимо отнести: наличие укрепленных городищ [Приходнюк 2001, с. 111; Славяне... 1990, с. 263–264, 316], построенных для защиты от кочевников (по Гардизи); типичный для славян набор вооружения [Славяне... 1990, с. 244, 301–302]; изготовление хмельного напитка из меда; относительно небольшое, по сравнению с соседними кочевниками, количество домашних животных; разведение свиней [Славяне... 1990, с. 369–370]; набор музыкальных инструментов, одежда, брачные обычаи и т. д.

Такая оценка данных «Анонимной записки» о славянах не предполагает их конкретизации и приложения к одному из славянских племен, в том числе к северянам, вятичам [Ляпушкин 1968, с. 152–153], киевским полянам или белым хорватам [Мишин 2002, с. 60]. Несмотря на отмеченную Д. Е. Мишиным подробность и живость рассказа о славянах — сакалиба [Мишин 2002, с. 59], по всей видимости, подобный набор фактов собирался в течение определенного времени и из разных источников. Кроме того, он был опосредован цепью различных информаторов, знакомившихся с обширным славянским миром с разных сторон, в результате различных обстоятельств торгового или дипломатического характера. Таким образом, говорить о непосредственном и близком знакомстве представителей восточного (арабо-персидского) купечества со славянами Днепровского левобережья или Подонья, их постоянных и регулярных контактах, тем более еще в VIII–IX вв., как это делал И. И. Ляпушкин, не представляется возможным.

¹ «И у них есть обычай строить крепости. Несколько человек объединяются, чтобы строить укрепления, так как венгры на них постоянно совершают нападения...» [Новосельцев 2000 (1965), с. 296].

² «Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют» [Новосельцев 2000 (1965), с. 294].

§ 6.2. Основные направления и динамика развития торговли с мусульманскими странами в Восточной Европе в середине VIII — середине X вв.: проблемы и мнения

Анализ историографии, посвященной изучению торговых путей и исторической интерпретации топографического распределения нумизматических материалов (кладов и отдельных находок) на территории Восточной Европы в IX–X вв. приводит к следующему заключению. Наблюдается своего рода «конкуренция» между исследователями, изучавшими различные регионы Восточной Европы в период раннего средневековья в борьбе за приоритет этих регионов в начале восточной торговли и первых поступлений дирхемов, в интенсивности и продолжительности этой торговли и роли данных регионов в отмеченных процессах. Находки в том или ином месте ранних куфических монет, по мнению этих авторов, свидетельствуют о том, что именно здесь, в данном регионе или через данный регион, и началась торговля и транзит монетного серебра из мусульманского мира. Среди этих регионов следует назвать Ладогу и Ладожскую область, собственно бассейн Дона, бассейн Оки и, даже, Днепровское левобережье.

Например, А. Н. Кирпичников отмечает, что на территории ладожских поселений (Княшино, Ладожская крепость, Ладожское поселение, Новые Дубовики) найдены клад и отдельные дирхемы, чеканенные в 749–786 гг., 738–739 г., 773 г., 746–747 г., и, даже, монета 699–700 г., которая была обнаружена в нижней части горизонта ЕЗ. Как считает исследователь, эти находки являются одними из наиболее древних в Восточной Европе и свидетельствуют о начале в 70–80-е гг. VIII в. серебряной торговли с восточными странами. Если применить к этому историческому периоду тот же, что и для X в., срок передвижения монеты от места чеканки к месту зарытия клада, т. е. примерно 14 лет, то, по мнению А. Н. Кирпичникова, можно предположить начало распространения восточных монет по волжскому пути уже в 60-е гг. VIII в. Таким образом, именно Ладога явилась одним из первых мест в Восточной Европе, где дирхемы появились раньше всего. Для А. Н. Кирпичникова «несомненно», что первые дирхемы попали на североевропейские рынки именно через Ладогу [Кирпичников 1979, с. 97–98]. В этом с ним, в целом, солидарен и И. В. Дубов, который считает, что древнейшие клады восточного серебра были обнаружены как раз в верхней части Волжского пути, на территории Старой Ладоги [Дубов 1989, с. 68].

В. В. Кропоткин настаивает на том, что в Восточной Европе значительная часть кладов и единичных находок сасанидских, куфических и византийских монет VII–X вв. территориально увязывается с Хазарским каганатом или с областями, которые находились в политической зависимости от хазар. В частности, в Подонье находки куфических монет VIII — начала IX вв. зафиксированы в Ростовской области (Правобережное Цимлянское городище, станица Верхне-Курмоярская) и в Воронежской области (слободы Урьв и Маклашеевка). Несколько ранних куфических монет было обнаружено также в Днепровском левобережье и в бассейне Северского Донца, в частности: в Сумской области на Новотроицком городище — дирхем 833 г.; в Харьковской области на Верхнесалтовском могильнике — два дирхема 745/46 г. и один 777/78 г., на Донецком городище — дирхем 780 г., в Райгородке — дирхем 815/16 г. [Кропоткин 1968, с. 73, 77–78].

Н. Ф. Котляр не сомневается в том, что главной артерией восточной торговли Руси был путь по Северскому Донцу из Хазарии в Киев. Он считает, что карта находок восточных монет (как кладов, так и отдельных монет) на территории Украины однозначно показывает, что «славянская торговля с востоком в это время велась главным образом по Донцу, т. е. хазарским путем». В отличие от П. Г. Любомирова, Н. Ф. Котляр полагает, что хазарский путь вел не сразу в Киев, а сначала в Черниговскую землю, где он разветвлялся в двух направлениях — на юг и на север по Днепру. По его мнению, абсолютно все находки монет первого периода (800–833 гг.) встречаются именно вдоль этого южного пути, связывавшего Хазарию и славянские земли, соответственно данный регион он определяет как место наиболее раннего проникновения куфических дирхемов на Украину [Котляр 1971, с. 23–24].

Таким образом, точка зрения Н. Ф. Котляра во многом близка взглядам В. В. Мавродина и И. И. Ляпушкина и заключается, в целом, в признании существования самостоятельной торговли между славянскими племенами Днепровского левобережья и мусульманскими странами в хазарское время. Тезис весьма спорный, поскольку вряд ли можно предположить, что в ранний период обращения дирхема в Восточной Европе (т. е. между 800 и 833 гг.) племенной центр полян — Киев мог как-то участвовать в восточной торговле. Выше уже приводилось мнение Г. Ф. Корзухиной, однозначно и вполне аргументировано отрицавшей

возможность торговых отношений населения среднеднепровского Левобережья со странами мусульманского Востока в указанное время. Да и данные письменных источников, а именно: древнерусской летописи (других источников для этого времени просто нет), не позволяют говорить о сколько-нибудь заметной роли Киева и его населения в отмеченных процессах, по крайней мере до его завоевания русью во главе с Олегом и Игорем, которое датируется летописцем 882 г. [ПВЛ 1999, с. 149–150]. Кроме того, характерно, что арабские географы ничего не знают о Днепре как об отдельной реке вплоть до XII в., когда его греческое название — Данабрис, появляется в энциклопедическом труде ал Идриси [Коновалова 2000б, с. 127]. Этот факт также можно рассматривать как существенный аргумент в пользу утверждения об отсутствии активной восточной торговли с Киевом в IX в.

Археологические источники в свою очередь тоже не дают оснований предполагать значительную роль Киева в восточной торговле до конца IX — начала X в. Так, известно, что в VIII–IX вв. на его месте существовала цепочка сравнительно самостоятельных поселений, протянувшихся над Подолом с севера на юг [Булкин 1978, с. 11]. Раннее городище на Старокиевской горе не демонстрирует признаков торговоремесленного поселения [Каргер 1958, с. 98–112], а его культурный слой не содержит документированных находок куфических монет. Никаких кладов VIII–IX в. в Киеве не обнаружено, а самый ранний достоверно датированный монетный клад относится только к первой четверти X в. [Каргер 1958, с. 123]. По данным Г. Ф. Корзухиной, неизвестно здесь и вещевых кладов этого времени. Таким образом, вопреки мнению В. В. Мавродина [Мавродин 1945, с. 135], среднее Поднепровье в конце VIII — первой половине IX вв. находилось в стороне от международных торговых путей и потоков монетного серебра [Корзухина 1954, с. 34, с. 123]. Только с 910-х гг. начинается поступление монетного серебра в Киев из державы Саманидов, но уже не через Хазарский каганат, а через Волжскую Болгарию [Петрухин 2001, с. 140], вероятно, по Окскому пути. В. П. Даркевич, на основании хронологии монетных кладов, связывает усиление значения Днепра в восточной торговле с активизацией русско-византийских связей и, соответственно, датирует это явление началом X в. [Даркевич 1976, с. 159].

А. Л. Монгайт отмечает существование определенных связей между населением салтовской культуры и обитателями бассейна Оки.

Отдельные салтовские украшения встречаются в этом регионе в составе кладов и погребального инвентаря [Монгайт 1961, с. 84]. Но находки эти нельзя считать массовыми. В частности, личные украшения могли и не быть предметом торговли, а поступали каким-то иным путем, возможно даже изготавливались на месте в результате распространения моды на эти изделия на территориях, входивших в состав Хазарского каганата или зависимых от него. В то же время около трети общего количества кладов дирхемов, обнаруженных в Восточной Европе, приходится именно на бассейн Оки. Даже в тех случаях, как отмечает А. Л. Монгайт, когда клады находились не на самой Оке, они были обнаружены в местах, связанных с ее бассейном, на притоках, сокращающих путь со средней Оки к ее верховьям, или на южных притоках Оки, связывающих ее с верховьями Дона [Монгайт 1961, с. 95]. По данным А. Л. Монгайта, в районе Булгара найдено 18 кладов дирхемов, в районе Муромы — 3 клада, в районе Ростова и Суздаля — 6 кладов, по рязанскому течению Оки — 22 клада. В этой связи А. Л. Монгайт настаивает на том, что путь из Булгара в Киев в X в. шел по Оке и Десне, а иногда через Курск, в районе которого также было найдено 6 кладов. Он не возражает против того, что, в принципе, мог существовать и другой, южный путь в среднее Поднепровье, проходивший по Дону, Донцу и левым притокам Днепра, или по морю, от устья Днепра до устья Дона. В то же время для него было очевидно, что эти южные пути длиннее и сложнее, чем окский [Монгайт 1961, с. 96]. Не видит А. Л. Монгайт и особых археологических подтверждений существования таких путей, в чем он в целом солидарен с В. А. Яниным.

Т. Н. Никольская считает, что проникновение дирхемов в бассейн Оки датируется VIII — первой третью IX в. К этому времени относятся нескольких отдельных монет, найденных в культурном слое памятников региона. Самые ранние клады, зарытые в бассейне верхней и средней Оки относятся к первой четверти IX в. (Лапотково и Покровское — 817 г.; Баскач — 807–808 г.; Борки — 817; Скопинский — 818–819 г.). Большая часть кладов в бассейне Оки зарыта в середине — второй половине IX в. (13 кладов) и в первой половине X в. [Никольская 1981, с. 274–276]. Она же отмечает, что торговля с востоком могла вестись и по Дону. Так, помимо известных еще П. Г. Любомирову пяти кладов куфических монет, об этом могут свидетельствовать и новые находки, в частности, обнаруженные на городище Титчиха: 27 целых и

два обреза саманидских дирхемов 899–922 гг. Т. Н. Никольская согласна и с мнением В. В. Кропоткина о том, что большая часть куфических монет связана с Хазарским каганатом или с областями, находившимися в политической зависимости от хазар [Никольская 1981, с. 277].

А. Е. Леонтьев в этом вопросе идет еще дальше и выдвигает свой вариант развития торговли с востоком населения Восточной Европы. По его мнению, несмотря на то, что в бассейне Оки на территории вятичей обнаружено 19 монетных кладов IX в., путь от Болгар по Волге, Оке, Десне к Киеву «как письменные, так и археологические источники позволяют убедительно реконструировать только с X в.». Более вероятным ему кажется прямой путь с юга по Дону, на берегах которого он насчитывает 4 монетных клада IX в.

Таким образом, в бассейн Оки монеты попадают через Дон и южные притоки Оки — Проню, Осетр и Упу. Оттуда же через Дон и Северский Донец монетное серебро перевозилось в бассейны левых притоков Днепра [Леонтьев 1986, с. 5]. На том основании, что в верхневолжском бассейне нет кладов или они единичны, А. Е. Леонтьев выдвигает предположение о том, что «основными путями поступления куфических монет на Русь в IX в. были Дон и Северский Донец, выводившие к славянским поселениям в бассейне Оки и Днепра. В северные районы Руси серебро поступало по Днепру, большей частью, очевидно, с Оки через Десну...» [Леонтьев 1986, с. 7–8]. Таким образом, если следовать логике А. Е. Леонтьева, оказывается, что волжский торговый путь начинает функционировать гораздо позже, чем днепровский (хоть и опосредованно, через Дон, Донец, левые притоки Днепра, Днепр). Однако данное утверждение не соответствует реальной топографии монетных находок, концентрирующихся с явным количественным преобладанием на Оке и в верхней части Волжско-Балтийского пути¹.

В какой-то степени выводы А. Е. Леонтьева находят подтверждение и в результатах исследования скандинавских письменных источников. Так Г. В. Глазырина считала, что динамика фиксации восточноевропейских топонимов в скандинавской письменности позволяет получить отражение их реального исторического развития. По ее мнению,

¹ Тем не менее, ранние (конец VIII — начало IX вв.) монетные находки и клады все же есть, как уже отмечалось выше, и в районе Днепровского Левобережья, что, безусловно, требует дальнейшего объяснения.

самый ранний топонимический пласт, известный раннесредневековым скандинавам, отражает три «входа» на восточноевропейскую равнину: по Западной Двине, через Финский залив и Ладогу, по Северной Двине. При этом только западновинский путь представлен в древнескандинавской письменности с достаточной полнотой, что может являться свидетельством достаточно раннего использования скандинавами этого пути, с дальнейшим выходом на Днепр, Оку, Дон. В то же время из древнерусских земель скандинавы знакомы в это время только с северными областями, с городами Ладогой и Новгородом [Древнерусские города в ... 1987, с. 11].

Таким образом, ранняя скандинавская топо- и гидронимия в целом подтверждает данные нумизматики. Скандинавы начинают свою торговлю с восточными странами через волжско-балтийский путь, в самом начале которого и находились Новгород с Ладогой. В процессе освоения Восточной Европы, отбора наиболее удобных и коротких маршрутов они постоянно экспериментируют и, вероятно, методом проб и ошибок проверяют все возможные и доступные маршруты: 1) через Западную Двину, Днепр, Оку и Волгу; 2) через Днепр, Десну, Северский Донец и Дон; 3) через Днепр, Черное и Азовское моря, Дон и Волгу. Наименее доказуемой представляется возможность торговых связей между Днепром и Доном через Десну и Северский Донец. Данных письменных источников, подтверждающих существование именно такого пути, нет вообще, нумизматический материал в этом регионе относительно малочислен, его ранняя датировка зачастую сомнительна. Гораздо реальнее выглядит реконструкция первого (через Оку) и третьего (через моря и Дон) маршрутов, подтверждаемых как многочисленными нумизматическими данными, так и сведениями восточных авторов — Ибн Хордадбеха и Ибн ал Факиха [Noonan 1983, p. 265–281]. Только после этого использовавшие названные маршруты и оказавшиеся на Нижнем Дону скандинавы-русы хорошо освоили географию региона и могли подниматься вверх по течению Дона, через южные притоки попадать в Оку или наоборот, спустившись с верхней Волги, через Оку перейти на Дон и выйти в бассейн Черного моря.

И. В. Дубов, посвятивший специальное исследование волжскому пути, также отмечает, что Ока была не только основной составляющей этого пути, но и своего рода транзитом, поскольку с ее верховий через

волок можно было попасть и на Дон. Таким образом, Ока являлась связующим звеном между Волгой и Доном в этом районе [Дубов 1989, с. 28]. Следует согласиться с указанием И. В. Дубова на то, что «клады, безусловно, имеют важное значение, но было бы ошибочно только по ним определять направления, хронологию и степень использования тех или иных водных магистралей» [Дубов 1989, с. 29]. В IX–X вв., по мнению И. В. Дубова, предпочтительнее Донского был путь с Днепра по Десне, Оке на Волгу и далее через Булгар в Итиль [Дубов 1989, с. 164]. На этом пути особое значение имела Рязанская земля, игравшая роль перевалочного пункта с Волжского пути на Донской и Днепровский. Подтверждается это «несравнимым ни с каким другим регионом Руси количеством кладов и отдельных находок куфических монет (более 40 кладов IX–X вв.) [Дубов 1989, с. 141]. Итак, через Волго-Окское междуречье путь шел к ключевому пункту на Оке, откуда начинались дороги сразу по трем водным системам: Донской, Северско-Донецкой, Деснинской с прямым выходом в Черное море и на Днепровский путь из варяг в греки. Отсюда также был возможен переход по Дону через волок на нижнюю Волгу в Хазарию, что фиксируется кладами IX в. [Дубов 1989, с. 164].

В. Я. Петрухин указывает, что с рубежа VIII и IX вв. арабское серебро «почти непрерывным потоком движется через Восточную Европу с Дона на Оку, Верхнюю Волгу и Волхов, в Ладогу и далее на Балтику» [Петрухин 1995, с. 89]. Именно Окский участок торгового пути, заселенный вятичами, аккумулирует значительную часть монетного серебра, поступавшего на север из Хазарии. Опираясь на данные В. В. Кропоткина, В. Я. Петрухин отмечает, что одна из групп восточноевропейских кладов концентрируется также в Левобережье Днепра по Десне и Сейму, в ареале северян и радимичей [Петрухин 2001, с. 139]. Учитывая тот факт, что на собственно хазарской территории клады практически неизвестны, возникает необходимость в объяснении концентрации кладов в местах проживания их данников — северян, радимичей и вятичей. В частности В. Я. Петрухин считает вполне вероятным участие славян в торговле русов. Они обеспечивали своих «пактиотов» хлебом, мехами, экипировали ладьи, идущие по Оке на Дон и за эти услуги получали определенную плату монетным серебром [Петрухин 2001, с. 140].

В контексте подобных рассуждений возникает вопрос: почему начальный путь движения дирхемов определяется рядом авторов именно

с Дона, а не с Нижней Волги? Зачем купцы, следовавшие из южного Прикаспия или Закавказья, совершали столь сложный и замысловатый обходной маневр? Какой был смысл в том, чтобы покидать Каспийское море и Нижнюю Волгу, переходить пешим маршрутом на Дон только для того, чтобы подняться по Дону на север, через сложные волоки попасть в верховья Оки и после всех испытанных трудностей, риска, потраченного времени и средств снова оказаться на Волге? Очевидно, что проще было подняться сразу по Волге и уже из основного ее течения попасть, без всяких волоков и пеших переходов, прямо на Оку, Каму и т. д. Вероятно, именно так они и поступали, тем более, что путь из Каспия вверх по Волге был известен, по данным В. П. Даркевича, еще в VIII в. [Даркевич 1976, с. 147].

Лишние волоки, менее судоходные реки, места, заселенные различными нецивилизованными племенами, должны были отпугивать владельцев больших запасов серебра — восточных купцов. Переход из одной речной системы в другую был невозможен без наличия транзитных пунктов, своего рода станций, на которых можно было купить новые лодки и снаряжение, запастись продуктами, отдохнуть или просто переночевать в безопасных условиях. Подобные пункты известны и исследованы археологами на севере, в лесной зоне Восточной Европы (Тимерево, Гнездово, Ладога и т. д.), но пока не обнаружены в районе предполагаемых переволок с Верхнего Дона на Оку и с Верхнего Донца на Псел или Сейм. Единственным населенным пунктом, который гипотетически мог обслуживать транзитные торговые караваны на Дону является Саркел [Плетнева 1996, с. 156–157]. Здесь был обнаружен кусок бумаги из Самарканда, керамика Маверанахра (IX–X вв.) с люстровидной росписью, костяная шахматная фигурка из Средней Азии или Ирана [Даркевич 1976, с. 146]. Но эта крепость контролировала соответствующие отрезки сухопутных дорог между Доном и Волгой [Плетнева 1996, с. 144–150] или волго-донскую переволоку, но никак не могла помочь купцам, отправлявшимся в верховья Дона, Донца, Оки. В этих местах известны только моноэтнические, скорее всего, общинные поселения местных племен, не имевшие характера торгово-ремесленных факторий.

Скорее всего, по донскому пути сами восточные купцы вообще никогда не путешествовали. Этот путь традиционно с IX в. был освоен

скандинавскими купцами и воинами — русами (ар рус) восточных авторов [Коновалова 2000б, с. 128]. Вероятно, об использовании Нижнего Дона и Волго-Донской переволоки именно этим контингентом международных торговцев и сообщают Ибн Хордадбех и Ибн ал Факих [Калинина 1986, с. 80]. Других прямых указаний на этнический состав купцов, освоивших донской путь у авторов письменных источников нет. Наконец, сведения Ибн Хордадбега и Ибн ал Факих не дают особых оснований, для того, чтобы реконструировать путь русов с Оки в верховья Дона или наоборот, с Дона на Оку¹. Оба автора говорят о том, что прежде, чем попасть на некую «реку славян» (которую большинство исследователей для этого времени определяет как Дон (Танаис) [Калинина 2000, с. 114; Коновалова 2000а, с. 206; Новосельцев 1990, с. 186]), русы либо сталкиваются с византийской таможенной, вероятно, в Крыму или Низовьях Днепра² [Бартольд 1963, с. 827, 831; Мишин 2002, с. 57;

¹ Ибн Хордадбех: «А что касается купцов-русов, а они — вид славян, то они везут шкурки бобра, черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славянских к морю Румийскому и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [...] реке славян, входят в Хамлидж — город Хазар, и берет с них десятину властитель их. Затем отправляются к морю Джурджана и выходят на каком-либо его берегу, понравившемуся им...» [Калинина 1986, с. 71].

Ибн ал Факих: «Что же касается славянских купцов, то они везут шкурки лисиц и бобров из славянских окраин и приходят к морю Румийскому, и взымает с них десятину властитель Рума. Затем они прибывают по морю к Самкарш иудеев, затем переходят к славянам; или следуют от моря славян в эту реку, которая называется рекой славян, пока не достигнут пролива хазар, и взымает с них десятину властитель хазар. Затем идут к морю Хорасанскому. Иногда выходят в Джурджане и продают все, что у них есть. А идет все это в Рей» [Калинина 1986, с. 75].

² Прохождение русами таможи в Северном Причерноморье или Крыму реконструируется гипотетически. Как отмечает Т. М. Калинина, Ибн Хордадбех пишет о византийской таможене в связи с продвижением русов в сторону Румийского, т. е. Средиземного моря. Черное море Ибн Хордадбех знает как «море хазар». В этом случае византийская таможня могла находиться где-то в Подунавье или в районе Константинополя [Калинина 2000, с. 113]. Такое понимание сообщения Ибн Хордадбега о передвижениях купцов-русов свидетельствует о существовании не одного, а нескольких маршрутов. Один из них вел из «отдаленных земель славянских» через византийскую таможню в Средиземное море, другой — через «реку славян» в Каспийское море. В то же время Т. М. Калинина считает возможным реконструкцию водного пути через Нижний Дон, переволоку и Волгу на Каспий [Калинина 2000, с. 113]. Такой вариант маршрута купцов-русов предполагает прохождение последними

Новосельцев 2000 (1965), с. 292], либо посещают город Самкуш (Самкерц — Таматарху), расположенный на азиатском берегу Керченского пролива. Какими путями русы добираются до Черного моря ни у Ибн Хордадбега, ни у ал Факиха не сказано [Коновалова 2000б, с. 130]. Из Дона они через переволоку следуют на Волгу [Калинина 2000, с. 108] в Хамлидж, столицу хазар, и на Каспий. Никаких прямых сведений о существовании Окского пути, т. е. о передвижениях из левых притоков Оки в верховья Дона и наоборот, в арабо-персидских письменных источниках IX в. нет. Эта часть маршрута купцов-русов реконструируется исследователями гипотетически, только на основании методически разнообразных трактовок существования монетных находок и кладов в бассейне правых притоков Оки и на самой Оке. Но, как уже отмечалось выше, на Оку и ее притоки, как и в район левых притоков Днепра — Псла и Сейма, куфические монеты могли попадать по прямому торговому пути, проходившему по основному течению Волги и по самой Оке. Здесь русы, действительно, могли платить местным славянам за переоборудование или изготовление новых ладей [Константин Багрянородный 1991, с. 47], а представителям племенной верхушки — за меха, рабов [Тортика 2004б, с. 110] и за возможность безопасного транзита по их территории.

Арабы вообще немного знают о Доне, их представления об этой важной восточноевропейской реке характеризуются целым рядом неточностей, ошибок и искажений. Сведения о Доне в мусульманской среде были вторичными, унаследованными от позднеантичной книжной традиции, а также от современных информаторов, возможно русов, хазар или евреев. Книжные сведения о Доне — Танаисе восходят к автору II в. н. э. Клавдию Птолемею [Калинина 2000, с. 106–107] и воспроизводятся, в первую очередь, представителями математического (астрономического) направления в арабо-персидской географии [Крачковский 1957, с. 94–96]. В частности, одним из первых пишет о Доне-Танаисе Мухамад ибн Муса ал Хорезми (первая треть IX в.) в своей «Книге картины земли» [Калинина 1988, с. 11–107]. Его произведение не имеет

Азовского и Черного морей, возможно, Днепра или Константинопольского пролива, что, опять же, в условиях ближнекаботажного плавания на судах, приспособленных как к речной, так и к морской навигации, не исключает отмеченного Ибн Хордадбехом обложения их товаров 10% пошлиной на византийской таможне.

никаких следов знакомства с реальным Доном и полностью основано на литературной традиции [Бейлис 1962, с. 21–22].

Первоисточник, которым пользовались арабо-персидские авторы, Клавдий Птолемей также знал только нижнее течение Дона и ничего не мог рассказать ни о его среднем или верхнем течении, ни о его притоках [Шрамм 1997, с. 10]. Земля, находившаяся севернее дельты Дона, описывалась и античными, и арабо-персидскими авторами на основе мифологических легенд и фантастических гипотез. Так, например, ат-Баттани (852–929 г.) считал, что Дон вытекает из Меотиды (Азовского моря) и впадает непосредственно в Черное море [Крачковский 1957, с. 100–103], смешивая тем самым Дон — Танаис и Керченский пролив и воспринимая их как единый географический объект. Авторы описательного направления арабской географии, такие как Ибн Хордадбех и ал Факих, а также представители классической школы арабской географии — ал Мас’уди, ал Истархи, Ибн Хаукаль и т. д. описывают не Дон — Танаис как таковой, а торговые пути, проходящие через его нижнее течение, переволоку и Волгу [Калинина 1986, с. 80; Калинина 1999, с. 89; Коновалова 1999а, с. 103]. По всей видимости, они тоже ничего не знают о реальной географии Дона: собственно о его истоках, верхнем и среднем течении, притоках, точном расположении и номенклатуре населявших его берега народов.

Даже такой важный пункт как Саркел, расположенный на левом берегу Дона в районе Волго-Донской переволоки, неизвестен ни одному арабо-персидскому автору. В то же время об основании и строительстве Саркела, состоявшемся во время правления византийского императора Феофила (около 840 г.), знает Константин Багрянородный [Константин Багрянородный 1991, с. 172–173]. О взятии Саркела Святославом около 965 г. рассказывает древнерусская летопись [ПВЛ 1999, с. 168]. Наконец, о вхождении Саркела в состав Хазарского каганата еще в 60-е гг. X в. пишет своему кордовскому корреспонденту последний хазарский царь Иосиф [Коковцов 1932, с. 102]. Все это позволяет сделать вывод, с одной стороны, о важности Саркела в геополитической системе Хазарского каганата, прежде всего на его западных рубежах. Здесь он известен и Византии, и Руси. С другой стороны можно говорить о практически полной неосведомленности об этих западных рубежах Хазарии представителей арабо-персидского мира. Мусульманские

купцы хорошо освоили берега Каспия и течение Волги (вплоть до впадения в нее Камы возле Булгара), нельзя исключить их проникновения в бассейн Оки, но не более того. Видимо, за пределы речных путей напрямую, без волоков, связанных с бассейном Каспия, они не выходили. На Дону они никогда или почти никогда не бывали, а потому устойчивых позитивных знаний о его бассейне не имели (это и отразила арабоперсидская географическая литература). Таким образом, нет оснований и для предположения о существовании развитой восточной торговли в районе Дона и Донца, и для тезиса о вовлечении в эту торговлю местного, салтово-маяцкого или славянского населения.

Вопреки утверждениям Б. А. Рыбакова и О. И. Прицака [Прицак 2003, с. 871], даже ал Идриси, автор энциклопедического труда «Развлечения истомленного в странствии по областям» (1154 г.), ничего не знает о бассейне Северского Донца и его населении. И. Г. Коновалова убедительно доказала, что его сообщения о народе ал-кибарийя, о городах этого народа и о реках, на которых расположены эти города, не имеют никакого отношения к бассейну Северского Донца и салтовским городищам, расположенным на Донце и его притоках. По мнению исследовательницы, этот сюжет у ал Идриси связан с описанием севера Восточной Европы, скорее всего с Новгородской Русью [Коновалова 1999а, с. 105–111].

Следует также напомнить, что В. Л. Янин еще в 1957 г. высказывал достаточно скептическое отношение к идее существования развитого денежного обращения в Хазарском каганате: «...весь комплекс монетных находок на Нижней Волге и на Нижнем Донце, который можно было бы связать с торговым движением непосредственно с территории Хазарского каганата, состоит из двух кладов и нескольких отдельно поднятых монет. Доли процента монетных находок по отношению к общему количеству в Восточной Европе характеризуют не столько степень монетного обращения у хазар, сколько полное отсутствие этого обращения...» [Янин 1957, с. 104–105]. За прошедшее после выхода в свет работы В. Л. Янина время картина распределения монетных находок по территории Восточной Европы изменилась несущественно. Появились новые находки, но они дают, в целом, ту же пропорцию. Монет и монетных кладов явно больше на севере Восточной Европы, в лесной зоне, по берегам судоходных рек, относительно мало в лесостепи и почти нет в степи [Кропоткин 1978, с. 113].

Соглашаясь с В. А. Яниным в сравнительной оценке значения Донского и Волжского пути, нельзя принять последующие выводы известного ученого об отсутствии торговых путей и денежного обращения на территории самого Хазарского каганата [Noonan 1982, p. 219–267]. Следует отметить только, что, судя по данным письменных источников, торговый путь (или пути), проходивший через столицу Хазарского каганата — Итиль на Волге, а также через Таматарху — Самкерц на Керченском проливе и Саркел на Дону, существовали и активно функционировали как минимум с первой трети IX в. В частности, уже сведения Ибн Хордабеха и Ибн ал Факиха позволяют говорить о регулярном передвижении купцов-русов из бассейна Черного моря в Каспийское через Дон, Волго-Донскую переволоку и нижнее течение Волги. Можно предположить, что и сам Саркел был построен совместными усилиями хазар и византийцев именно с целью контроля над передвижениями русов (а также любыми иными передвижениями) по водным путям Восточной Европы. В то же время денежные средства, полученные от

¹ С. А. Плетнева считает, что «...Целью сооружения крепости была не охрана границ, так как она стояла почти в центре Хазарии, и не охрана водной дороги, поскольку с места строительства Дон просматривался на очень небольшое расстояние и, кроме того, водный путь тогда (в первой половине IX в.) не был еще освоен. Крепость предназначалась для охраны сухопутной дороги, которая шла с юга (из Предкавказья) к Донскому броду...» [Плетнева 1996, с. 6]. Не отрицая того, что Саркел мог контролировать и сухопутные торговые пути и являлся своего рода промежуточным пунктом и местом отдыха для сухопутных караванов, можно высказать сомнение в правомерности остальных утверждений исследовательницы. Как представляется, водный путь по Дону существовал в первой половине IX в., как известно, по поводу датировок произведения Ибн Хордабеха высказывались различные мнения, и, скорее всего, первая редакция его труда была написана еще в 40-х гг. IX в. Соответственно, сообщение о передвижениях купцов-русов, которое можно гипотетически связывать с Нижним течением Дона и Волго-Донской переволокой, может свидетельствовать об использовании этого водного пути в это же время. Далее, даже если из самого Саркела река просматривалась и не очень хорошо, это не мешало ее гарнизону высылать разъезды или устанавливать стационарные наблюдательные пункты вверх или вниз по течению Дона. Скорее всего, Саркел контролировал и водный, и сухопутный маршруты, а также мог выполнять роль пункта, через который проходила дань, собранная в Днепро-Донском междуречье и в районе лесостепного течения Дона. Очевидно также, что в разные периоды существования хазарского государства роль Саркела могла меняться и сильно зависела от изменений геополитической ситуации в регионе. Мог он выступать и в качестве форпоста от угрозы с запада, со стороны Киевской Руси [Новосельцев 1990, с. 131-132].

транзита через Итиль, Волгу и Нижний Дон аккумулировались в руках очень ограниченного слоя людей — верхушки хазарского общества, у кагана и его окружения, потом у бека-царя¹. Эти деньги могли накапливаться, прежде всего, в самом Итиле, место расположения которого скрыто в болотах и камышах дельты Волги. Возможно, денежные средства накапливались и в других портовых городах — в Самкерце-Таматархе, в Семендере на берегу Каспия. Скорее всего, правители или военачальники этих городов, такие как, например, булшицы Самкерца (возглавлявший большой отряд, способный на самостоятельные и масштабные военные действия) [Голб, Прицак 1997, с. 141–142] или правитель Семендера, находившийся в родственных отношениях с хазарским каганом² [Голубовский 1888, с. 38; Новосельцев 1990, с. 127], отчисляли суммы от таможенных прибылей в пользу центрального правительства, оставляя определенную часть и себе.

В Итиле деньги тратились на роскошь дворца и, в последние 50–100 лет существования Хазарского каганата, на содержание наемной мусульманской гвардии³. Кроме того, по аналогии с другими, изученными археологически, перевалочными торговыми пунктами, такими как Булгар, Ладога, Новгород, можно предположить, что деньги накапливались в немалых количествах и у городских жителей, обслуживавших транзит. В Итиле нужно было сменить морские суда на речные (на длительное время поставить морские суда на пристани и под охрану), сложить на охраняемом складе товары⁴, закупить провизию и необходимое снаряжение, нанять лоцманов или матросов. Судя по данным письменных источников, в городе были большие рынки, обслуживавшие местное население, хазарскую верхушку, наемное войско и купцов-транзитников. Такой большой город не мог обойтись и без ремесленного производства: керамического, железоделательного, кожевенного и т. д.

¹ Ал Истахри писал об этом следующее: «Источник доходов царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях» [Караулов 1901, с. 43].

² «Царь Семендера иудейского вероисповедания и находится в родстве с царем Хазар» — ал Истахри [Караулов 1901, с. 47].

³ Ал Мас'уди: «Из всех царей этих восточных земель один только царь хазарский может иметь у себя на жаловании войска» [Караулов 1908, с. 45].

⁴ У ал Истахри находим: «В восточной части Хазар живут преимущественно купцы и мусульмане и находятся товары...» [Караулов 1901, с. 45].

Таким образом, существовали все необходимые условия и для активного денежного обращения [Noonan 1995–1997, p. 254–318], и для накопления значительных денежных средств хазарским каганом, царем-беком, аристократией, обогатившимися городскими жителями.

Рядовые хазары-кочевники прямого доступа к этому денежному потоку, по всей видимости, не имели. В отличие от наемников-ларсиев, военную службу они несли не за деньги, а по обязанности и получали за это, в случае военной победы, только определенную долю добычи. Вероятно, в период удачных походов на Закавказье эта доля могла быть вполне достойной, но после конца VIII в. эти походы прекращаются. С начала IX в. хазары используют военные силы для войны с восточноевропейскими племенами и народами, жителями северного Кавказа, кочевниками степей, обитателями юга лесной зоны, у которых трудно предположить наличие большого количества серебряных денег. Одновременно, с конца VIII — начала IX в., развивается транзитная торговля, и деньги поступают туда, где находятся основные товары, которые за эти деньги можно приобрести.

Деньги поступают на рынки мехов и рабов, на север Восточной Европы, прежде всего по Великому волжскому пути и по реками волжской системы, в торгово-ремесленные пункты — фактории, основанные скандинавами, такие как Тимерево, Сарское городище, Ладога (4 клада с младшими монетами: 1) 786 г., 2) 808 г., 3) 847 г., 4) нач. X в., соответственно; пятый клад, смешанный, датируется началом XI в.) [Дубов 1989, с. 65–68, 103–123], здесь и ведут свои торговые дела русы. Деньги поступают в больших количествах в Булгар (16 кладов X в.) [Дубов 1989, с. 152], здесь, как и в Итиле, мирно (до определенного времени) пересекается поток восточной и северной торговли [Noonan 1992, p. 237–259], заключают между собой сделки купцы скандинавского и мусульманского происхождения [Ковалевский 1956, с. 142; Noonan 1984, p. 151–282]. Очевидно, что здесь, а также на волоках, связывающих верхнюю Волгу с Ладогой и Балтийским морем, и появляются клады куфических монет. На юге, в степи, им взяты неоткуда. Собственно хазарскими товарами, известными мусульманским авторам, были только скот и рыба, пойманная в низовьях Волги. Рыбу ловили городские жители Итиля, следовательно, вырученные за нее деньги оседали или тратились, опять же в этом, пока не найденном археологами городе.

Скотом торговали, скорее всего, не столько рядовые кочевники, последние жили, как правило, натуральным хозяйством и обеспечивали максимум своих потребностей за счет простого воспроизводства собственного стада [Тортика, Михеев 2001, с. 141–161], а все та же хазарская аристократия (роды хазар) [Коковцов 1932, с. 102], владевшая лучшими пастбищами в Нижневолжском и Прикаспийском регионе. Следовательно, у большинства рядовых хазар или иных жителей Каганата большого количества денег не было, да и не могло быть, в силу описанных обстоятельств.

Анализируя факт практически полного отсутствия кладов и небольшое количество отдельных находок в степной зоне, между нижней Волгой и нижним Доном, в устье Северского Донца, в степной части Днепро-Донского междуречья, нельзя забывать и о некоторых особенностях кочевого менталитета. Для степных богачей обладание сундуками, наполненными монетами, представляло небольшую ценность. Скот был главным сокровищем, главным мерилем богатства в степи. Деньги, спрятанные в юрте, никому нельзя было показать, никто не мог их увидеть и оценить по достоинству могущество хозяина, тогда как многотысячные стада скота говорили сами за себя. Слава об их владельце разносилась на многие километры. Он устраивал пиры и праздники, одаривал своих родственников и приближенных, содержал отряды батыров, покупал предметы роскоши, дорогие ткани, украшения для своего коня и жен, дорогое оружие и, как правило, не копил деньги, и, соответственно, не прятал клады.

Таким образом, возникла парадоксальная ситуация. Через Хазарский каганат транзитом по нескольким речным и морским торговым путям шли потоки товаров и денег, этими же путями следовали купцы разного этнического происхождения — русы, арабы, персы, евреи, с которых хазарское правительство взимает 10% пошлину, при этом в самой Хазарии денег мало и денежного обращения, за исключением территории городов, практически нет. Рядовое население Хазарского каганата, за исключением жителей нескольких городов, живет в условиях преобладания натурального хозяйства или натурального обмена и племенного строя. Это, как принято считать, и стало одной из причин постепенного ослабления, а затем и гибели Хазарского каганата.

В. В. Кропоткин, в отличие от В. А. Янина, поддерживает традиционное для русской историографии мнение о важной роли, которую

играл хазарский торговый путь в проникновении дирхема в Восточную Европу. Он указывает, что топография всех кладов и отдельных находок куфических и византийских монет VII–X вв., найденных в Восточной Европе, показывает, что значительная часть этих находок территориально увязана с Хазарским каганатом или с областями, которые политически зависели от хазар [Кропоткин 1967, с. 120]. Он считает, что на примере Хазарского каганата можно наблюдать своеобразное явление, когда существование развитой транзитной торговли в VIII–X вв. почти не сопровождалось зарытием монетных кладов на собственно хазарской территории. По мнению В. В. Кропоткина, о роли куфических монет в области СМК, на северной периферии Хазарии, можно судить покладам, обнаруженным на этой территории. В кладах IX–X вв. наряду с куфическими монетами встречаются подражания дирхемам, которые, как предполагает исследователь, чеканились в этом же районе. Таким образом, выводы о незначительном проникновении куфических монет на Русь южным хазарским путем, основанные на топографии монетных находок, В. В. Кропоткин не признает доказанными [Кропоткин 1962, с. 18; Кропоткин 1978, с. 113–114].

Разделяя, в принципе, это утверждение, хотелось бы только скорректировать представление о самих торговых маршрутах, проходивших через территорию Хазарского каганата. Деньги проникали на Русь южным хазарским путем, но, как представляется, основные маршруты проходили с Нижней или Верхней Волги через переволоку на Дон и, затем, в Азовское море, Черное море, Днепр. Еще чаще и интенсивнее мог использоваться маршрут с Нижней Волги на Оку и ее притоки, а оттуда, вполне возможно, в бассейн Днепра. Наименее вероятным и никак не отраженным в источниках, как уже отмечалось выше, в этом списке представляется путь из Дона по Северскому Донцу к Пслу и Сейму. Скорее всего, именно с Оки клады проникали на территорию Днепровского Левобережья [Дубов 1989, с. 141], в ареалы распространения славянских культур — роменской (северяне), вольтинцевской (северяне и радимичи), боршевской (донские вятичи). Такая реконструкция торговых путей не противоречит наблюдению А. Ф. Фомина, отметившего, что наибольшее количество монет африканского чекана, характеризующих ранний период обращения дирхема в Восточной Европе, приходится на бассейн Дона и Северского Донца [Фомин 1982, с. 12–13]. Как отмечает Т. М. Калинина, по данным Ибн Хордадбега в начале IX в.

торговый путь вел с африканского побережья в Сирию, затем в Закавказье, оттуда в Хазарский каганат, далее на территорию Восточной Европы и в страны Балтийского региона [Калинина 1986, с. 79]. Восточные купцы доставляли монеты в Хазарию, а по Восточной Европе они расходились уже при помощи русов [Калинина 1986, с. 82; Калинина 2000, с. 113].

Роль Дона в этой торговой деятельности может быть определена только гипотетически. По сведениям Ибн Хордадбеха, торговый путь проходил по «реке славян». Точное название этой реки в рукописях не сохранилось, что дало возможность для современных исследователей выдвигать различные гипотезы об идентификации «реки славян». Наиболее распространенные среди них сопоставляют отмеченную реку с Волгой или Доном. Т. М. Калинина считает, что «сопоставление нумизматических, исторических и текстологических данных позволяет предпочесть название Танаиса-Дона у Ибн Хордадбеха» [Калинина 1986, с. 80]. В то же время, как уже говорилось выше, Ибн Хордадбех не имеет никакого ясного представления о реальном Доне. Он знает только общий водный путь из земель славян на юг, на Каспий [Калинина 2000, с. 115]. Т. М. Калинина также не исключает смешения у Ибн Хордадбеха сведений о Волге и Доне [Калинина 1986, с. 80]. Тем более, что под Нижним течением Волги арабские авторы довольно часто подразумевали не только саму Волгу, но и участок Дона от излучины до устья [Коновалова 2000б, с. 129].

Все это значительно сокращает степень оптимизма в ходе реконструкции Донского, а тем более Доно-Донецкого пути и определения его роли в транзитной торговле со странами Востока в хазарское время. Очевидно, что гораздо большее значение в торговле мусульманского мира с Восточной Европой имел Волжский путь в его различных вариантах, а к X в. уже упоминавшийся путь из Днепра на Оку, и по Оке на Волгу (из Киева в Булгар) [Коновалова 2000б, с. 132]. По этому пути можно было торговать с Булгаром или даже непосредственно с Итилем. В отличие от маршрута, проходившего по Днепру, Черному морю и Дону, этот путь не подвергался опасностям со стороны кочевников — венгров или печенегов. Видимо, по этой причине автор ПВЛ ничего не знает о пути в Хазарию через Днепр и Дон, но хорошо осведомлен о Волжском пути [Мишин 2002, с. 178].

А. А. Быков, на основе того же сообщения Ибн Хордадбеха, говорит о том, что основной путь поступления восточного серебра в Европу

проходил через Азербайджан и Кавказ. Он также отмечает существование встречного пути купцов-русов по Дону и Волге через Каспийское море. Затем, ссылаясь на мнение В. В. Кропоткина, А. А. Быков утверждает, что «путь славян по Донцу и Дону до Волги отчетливо намечают находки дирхемов первой трети IX в.» [Быков 1974, с. 57]. С этим мнением трудно согласиться. Нет никаких доказательств в пользу того, что именно славяне осуществляли эту торговлю, выезжали из своих племенных территорий, пересекали хазарские земли, нижнее течение Дона, контролировавшееся кочевниками, выезжали на Ближний Восток, торговали в Багдаде.

В указанном регионе в это время наблюдается расцвет СМК, носители которой, алано-болгары, по всей видимости, входили в состав Хазарской державы и следовали в русле хазарской политики. Салтовские городища тянутся длинной чередой вдоль Северского Донца от его нижнего течения до верховий. Это давало салтовскому населению, а следовательно, и хазарам, полный контроль над бассейном Донца. Сомнительно, чтобы славяне вообще в это время пользовались речными путями, тем более так активно и постоянно.

В. В. Кропоткин не приводит убедительных доказательств существования именно такого пути. Он справедливо опровергает мнение В. Л. Янина о том, что через Хазарию монеты в Восточную и Северную Европу не поступали, транзитные торговые пути не проходили, и никакая торговля вообще не осуществлялась. Очевидно, что это не так, но, в то же время, сам В. В. Кропоткин констатирует только наличие некоторого (относительно небольшого) числа монетных находок разного времени в бассейне Дона, Донца, на Днепровском левобережье. Следует отметить, что большинство этих находок датируется X в. и не может служить доказательством раннего функционирования Донецкого пути. Например, Безлюдовский клад (Харьковская обл., найден в 1930-е) достаточно поздний¹. По определению Р. Р. Фасмера, в его составе находилось 29 монет болгарского чекана (подражания саманидским дирхемам). Все монеты однотипны, с именем Барсал (Барман), датируются 20-ми гг. X в. [Кропоткин 1986, с. 47].

¹ В. Л. Янин также отмечает, что этот клад состоял исключительно из подражаний куфическим монетам. Интересна история обнаружения этого клада: «Клад добыт целиком в 1930 г. при организованных Т. Т. Теслей раскопках песчаной дюны у

Таким образом, Безлюдовский клад был оставлен не ранее 30-х гг. X в. и, соответственно, не имеет никакого отношения к функционированию Донецкого или Донского пути в VIII–IX вв. Также можно сказать о кладе Рудки в Черниговской обл. (найден в 1958 г.) и единичных находках Булгарских монет в Звеничеве и Любече [Кропоткин 1986, с. 48]. Еще раз следует подчеркнуть, что тезис о чрезвычайно раннем (VIII–IX вв.) и массовом проникновении куфических монет в бассейн Северского Донца и Днепровское левобережье представляется в этой связи не совсем точным. Ранние монеты действительно были обнаружены на погребальных памятниках салтово-маяцкой культуры, но это не клады, а отдельные находки. Кладов, свидетельствующих о масштабных торговых операциях, товарном производстве, крупных накоплениях отдельных категорий населения здесь нет. Подавляющее большинство монет найдено именно в погребениях и, как правило, использовалось в виде украшений.

§ 6.3. Природные условия, военно-политические и иные факторы речного судоходства в Восточной Европе в VIII–X вв.

Характерно, что в I тыс. н. э. условия судоходства в Восточной Европе были сложными из-за относительно низкого уровня воды и наличия многочисленных порогов, отмелей и других преград. Большую роль, чем в более поздний период в эту эпоху играли и сезонные колебания уровня рек [Дубов 1989, с. 18]. Подобные условия существовали на всей территории Восточной Европы [Ильина, Горохов 1983, с. 31]. Соответственно, они наблюдались и на Дону, а особенно на Северском Донце, где, в принципе, условия для судоходства всегда были гораздо хуже, чем на Волге. Здесь до сооружения дамб и плотин, сильно изменивших русло реки в середине XX вв., существовала масса отмелей и

с. Безлюдовка (Харьковская обл. — А. Т.). Поводом для раскопок послужила находка нескольких монет у подошвы холма. В раскопе был открыт лежавший на боку горшок, из которого длинным шейфом растеклись монеты. Клад в количестве около 1100 монет вскоре был отправлен для изучения Р. Р. Фасмеру в Эрмитаж, откуда был возвращен в Харьковский археологический музей в начале 1941 г.» [Янин 1956, с. 117]. Сам Р. Р. Фасмер писал о том что этот клад из «...более чем 1000 дирхемов, обрезанных в кружок... почти целиком состоял из варварских подражаний» [Фасмер 1933, с. 480–481].

порогов, практически непроходимых в маловодные периоды, главным образом в середине и конце лета. Справедливость этого тезиса подтверждают выводы специалистов, изучавших климат Восточной Европы в I-м тыс. н. э.

Так, например, А. В. Шнитников в ритме увлажненности материков Северного полушария выделяет т. н. эпоху III-б. I-го тыс. н. э., характеризующуюся пониженной увлажненностью и, соответственно, засушливую и теплую. Наибольшее потепление отмечено для VI в. н. э. [Климанов 1989, с. 31], а продолжается оно до VIII-XI вв. [Кислов, Полтараус 1989, с. 45]. К этому времени относится длительный период низкого стояния Каспия [Варущенко 1984, с. 61-69; Шнитников 1957, с. 268-271], что, по А. Н. Гумилеву, должно свидетельствовать о пониженной увлажненности лесной зоны Евразии и о хорошей увлажненности атмосферными осадками степей [Гумилев 1980, с. 32-39]. М. Шварцбах также отмечает, что в 500-700 гг. н. э. в Европе и части Азии было сухо, а в 1100-1250 гг. было обилие осадков [Шварцбах 1955, с. 205]. Ю. Л. Раунер в рамках суббореальной климатической эпохи выделяет 2-ю ксеротермическую фазу, которая датируется 100-650 гг. н. э. и длится 550 лет. В конце VI — первой половине VII вв. на сто лет приходилось 30-35 засушливых, т. е. засухи в это время случались каждые три года [Раунер 1986, с. 7-14]. С. И. Костин период с V по VIII вв. называет вторым ксеротермическим периодом за последние 4500 лет [Костин 1965, с. 110].

Для того, чтобы представить реальные условия судоходства именно по Дону и Северному Донцу необходимо, на основе специальной литературы, рассмотреть основные физико-географические характеристики этих водоемов. Обе реки входят в бассейн Азовского моря и расположены в пределах Восточноевропейской равнины. На севере и на востоке они граничат с бассейном Волги, на западе — с бассейном Днепра. Рельеф бассейнов Дона и Донца имеет равнинный характер, в то же время он значительно расчленен в результате интенсивной эрозионной деятельности поверхностных вод. Условия увлажнения в настоящее время на севере — неустойчивые, южнее — недостаточные. Все реки района — типичные равнинные. Их долины широкие, поймы большие, заболоченные со старицами. Характерно наличие трех террас в долинах [Давыдов 1955, с. 120-121]. Географы единодушно отмечают,

что реки района и в позднем средневековье и новое время активно использовались как пути сообщения [Давыдов 1955, с. 123].

Питание Дона, Донца и их притоков (Оскола, Тихой Сосны, Хопра) — преимущественно снеговое (60%). По характеру водного режима эти реки принадлежат к восточноевропейскому типу. В регионе резко выражено весеннее половодье. Оно начинается в конце марта — начале апреля, на крупных реках затягивается до конца мая, а в низовьях Дона — до начала июня. Наиболее бурно оно протекает на Северском Донце, вследствие одновременного таяния снега почти на всей площади его бассейна. Летняя межень относительно устойчива и нарушается незначительными летними паводками (ливни). Основная часть стока приходится на половодье (60–85%), летом и осенью одинаково, около 10%, зимой до 15% [Давыдов 1955, с. 124].

Осенний ледоход начинается, в среднем, на севере с 20-х чисел ноября, на юге — в начале декабря. Продолжительность осеннего ледохода на средних и крупных реках — 10–15 дней. Ледостав наступает в первой декаде декабря. Весенний ледоход начинается на юге в середине марта, на севере в первой декаде апреля. Его продолжительность — 5–10 дней [Давыдов 1955, с. 125].

Общая длина Дона 1967 км. Истоки Дона заложены на Среднерусской возвышенности, близ г. Елифана, на высоте около 190 м. Началом Дона следует считать реку Урванку, вытекающую из ключей и сбрасывающую воду на юг, в долину Дона [Давыдов 1955, с. 127]. Дон в настоящее время судоходен и используется как водная магистраль на протяжении 1590 км от устья и до с. Хлевно (выше г. Воронежа). На Северском Донце судоходство осуществляется на шлюзованном участке до ст. Гундоровской (222 км). На Воронеже на протяжении 27 км. Дон до последнего времени обладал рядом существенных недостатков, заключавшихся в малых глубинах, обилии перекатов (особенно в верховьях), извилистости фарватера, изменчивости русла. Аналогичными недостатками обладал и Северский Донец [Давыдов 1955, с. 129].

Донец имеет истоки на Курском плато. Рядом берут начало такие притоки Днепра как Сейм и Псел [Материалы для ... 1910, с. 64]. Общая длина Донца — 1016 км. Верхнее течение реки считается от истоков до г. Изюма. Здесь средняя ширина его 10–20 м. Пойма покрыта озерами, старицами. В среднем течении, от г. Изюма до ст. Гундоровской ширина

увеличивается до 80–100 м, река протекает по широкой пойме, покрытой лесом и изобилующей озерами и староречьями. Ниже г. Каменска до ст. Усть-Быстрианской Донец пересекает Донецкий кряж, протекая по узкой долине, образуя высокие скалистые берега. После — долина значительно расширяется. Впадает в Дон в 185 км от устья [Давыдов 1955, с. 137]. Русло Донца сильно извивается, описывает большие изгибы, отклоняясь то к западу, то к востоку [Материалы для ... 1910, с. 64]. Местами основное русло разделяется на два и более рукавов, образуя острова, затоки, озера и сливаясь потом снова в одну реку [Материалы для ... 1910, с. 67, 69]. Незадолго до впадения Донца в Дон от него отделяется старое русло, т. н. Сухой Донец, который еще в начале XX в. летом представлял собой череду пересыхающих озер, но весной был полон воды и впадал в Дон на 36 вёрст ниже по течению от основного русла Донца [Материалы для ... 1910, с. 71–72]. Вполне возможно, что в древности именно Сухой Донец был основным руслом Северского Донца, которое, соответственно, впадало в Дон гораздо ниже его нынешнего местонахождения.

Таким образом, несмотря на некоторые разночтения между специалистами, можно говорить о том, что относительно засушливый период продолжался в Восточной Европе с середины и вплоть до конца I-го тыс. н. э. В лесной зоне выпадало мало дождей, следовательно, в летнее время реки плохо снабжались водой, мелели, изобиловали порогами и отмелями, затрудняющими судоходство. Только в период весеннего половодья, продолжающегося местами до начала-середины июня, условия для судоходства в реках Восточной Европы были достаточно благоприятными. Именно в это время, судя по данным Константина Багрянородного, и начиналась наиболее активная речная навигация: «... в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росссов, и, собравшись там, в течение двух-трех дней, пока соединятся все моносилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр» [Константин Багрянородный 1991, с. 47].

Впрочем, пороги и отмели не пугали русов, наиболее активно осваивавших речные пути Восточной Европы в конце I-го тыс. н. э. О преодолении Днепровских порогов сообщает тот же Константин Багрянородный: «... россы не осмеливаются проходить между скалами, но,

причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моносилах, затем нагие, ощупывая своими ногами [дно волокут их], чтобы не наткнуться на какой-либо камень» [Константин Багрянородный 1991, с. 47]. Это было опасное, сопряженное с целым рядом трудностей, но вполне регулярное, ежегодное предприятие. Главным фактором, обеспечивавшим успех и безопасность, были мирные отношения с местным населением, контролировавшим эти пороги. На Днепре опасность исходила от печенегов, в результате их нападений купцы могли потерять весь свой товар, погибнуть или попасть в рабство [Мишин 2002, с. 175].

По данным Константина Багрянородного во время преодоления порога Аифор (Неасит): «...выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов» [Константин Багрянородный 1991, с. 47–49]. Император знает, «что и у царственного сего града ромеев¹, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо когда росы с ладьями приходят к речным порогам и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко — не могут же росы двум трудам противостоят — побеждают и устраивают резню» [Константин Багрянородный 1991, с. 39]. О том, насколько эта опасность была велика, свидетельствует описанная в древнерусской летописи смерть Святослава, возвращавшегося из неудачного дунайского похода через днепровские пороги: «В год 6480 (972). Пришел Святослав на пороги, и напал на него Куря, князь печенежский. И убили они Святослава...» [ЛР 1990, с. 43].

Пока русы не были в состоянии контролировать низовья рек юга Восточной Европы, они должны были считаться с интересами местного, как правило, кочевого населения, рассматривая его как важный фактор своей деятельности. На нижней Волге таким фактором являлись хазары, собиравшие со всех купцов, проходивших через Итиль 10% пошлину. Они же преобладали на Волго-Донской перемычке, на Дону и в Самкерце-Таматархе. Вероятно, что, по крайней мере, до появления печенегов в Днепро-Донском междуречье (после 889 г.), хазарские

¹ Т. е. у Константинополя.

заставы контролировали и дельту Дона. Саркел (левобережное Цимлянское городище) на Дону был построен около 840 г. [Новосельцев 1990, с. 206], вероятно, для контроля над переволокой, а также над передвижениями по Дону вверх и вниз по его течению. Ни о каких не-санкционированных хазарами переходах через переволоку вплоть до похода Святослава в 965 г. говорить не приходится. Собственно и это успешное военное предприятие не могло обеспечить беспрепятственного прохождения русами дельты Волги. Для того, чтобы открыть себе свободный выход на Каспий, русы совершили поход 969 г. [Коновалова 2003, с. 179], подвергнув нападением не только столицу хазар — Итиль и другие поволжские народы — буртасов и болгар, но, заодно, разгромив и прикаспийский хазарский город Семендер.

Иначе развивались события на севере Восточной Европы, в лесной зоне. Здесь скандинавы появляются достаточно рано, не позднее середины — второй половины VIII в. По всей видимости, в определенные периоды им удается добиваться военного превосходства на берегах судоходных рек, важных участках балтийско-волжского пути. Присутствие скандинавского элемента в культурном слое ряда поселений, погребальном обряде и материале могильников зафиксировано археологами на целом ряде памятников в Ладожской области [Кирпичников 1979; Дубов 1989, с. 68–69], в Тимерево, на Сарском городище, на Владимирских могильниках [Дубов 1982, с. 46–57], в Гнездово [Петрухин, Пушкина 1979] и т. д. Конечно, никакой речи о скандинавской колонизации верхневолжского региона и Ладожской области идти не может. Скандинавы-русы не занимались здесь сельским хозяйством, не претендовали, по всей видимости, на земельные угодья, а контролировали речные пути, организовывали города-фактории, подчиняли и облагали данью местное население, торговали мехами, практиковали работорговлю.

Обо всем этом, как и о непроизводительном характере их деятельности ярко свидетельствуют сообщения арабо-персидских авторов, в частности, Ибн Русте: «...Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому

что торгуют (ими). У них много городов и живут они привольно...» [Новосельцев 2000 (1965), с. 303].

Если следовать хронологии древнерусской летописи, то, основываясь на легенде о призвании варягов племенами северной части Восточной Европы, можно говорить о том, что такое положение дел сложилось уже в середине IX в. «В год 6367 (859 г.). Варяги из заморья взимали дань с чуди и со славян, и с мери и с всех кривичей... — и далее, — «В год 6370 (862 г.). Изгнали варяг за море и не дали им дани...» [ПВЛ 1950, с. 214].

Одним из ключевых районов севера Восточной Европы, дававшим прямой выход на волжский путь, была Ладога и Ладожская область. Купцы, стремившиеся с Балтики в Булгар или Итиль, должны были миновать Ладогу, чтобы выйти на Волхов. Волхов был важным элементом как Волжского, так и Днепровского пути. Для этой реки также характерно наличие порогов, хотя судоходство здесь считается относительно спокойным [Дубов 1989, с. 19]. В IX в. на этом верхнем участке Балтийско-Волжского пути, на Волхове, возникает еще два укрепленных поселения — Новые Дубовичи у Волховских порогов и Холопий городок у слияния Волхова и Волховца. По всей видимости, расположение этих поселений было связано с наиболее сложными для прохода судов участками Волхова. Они занимали важное стратегическое положение на этом пути, контролировали его, были местами стоянок, ремонта, торговли. Характерно, что в этих местах в результате археологических исследований обнаружено много импортных предметов, в том числе и скандинавского происхождения, 12 монетных кладов (вместе с Новгородом) [Дубов 1989, с. 83–85].

В Ярославском Поволжье известны крупные торгово-ремесленные поселения, клады куфического серебра IX–X вв. И в культурном слое поселений, и на сопровождающих их некрополях обнаружены многочисленные привозные изделия, погребения скандинавов [Дубов 1989, с. 103]. Скандинавские материалы представлены во всех категориях находок Тимеревского комплекса (погребения по скандинавскому обряду, отдельные вещи северного происхождения, типы построек и находки на поселении) [Дубов 1989, с. 114]. В Тимеревском могильнике насчитывается до 30 скандинавских комплексов, причем, по мнению И. В. Дубова, этот процент не отражает реального числа пребывавших здесь скандинавов, для многих из которых проживание в Тимерево было

временным. Процентное соотношение элементов обряда на этом могильнике, при всей условности подобной статистики, дает около 75% финского этноса, 12% славянского и 13% скандинавского. Скандинавские материалы представлены и в двух других Ярославских могильниках — Михайловском и Петровском [Дубов 1989, с. 119–120].

Здесь, на севере Восточной Европы, в бассейнах рек Волжского, Днепровского, Окского путей, русы добывали основные товары, пользовавшиеся популярностью у восточных купцов: меха и рабов, мед и воск [Калинина 2000, с. 116–119; Мишин 2002, с. 177; Новосельцев 2000 (1965), с. 303–307]. Выходцы из Скандинавских стран вплоть до конца X — начала XI в. проявляют интерес к Ладоге, пытаются контролировать Ладожскую область, совершают нападения на этот регион [Джаксон 1993, с. 14]. Например, временем между 1000 и 1010 г. датируется событие, описанное скальдом ярла Эйрика Эйольвом Дадскальдом в его «Бандадрапе»: «Богатый отправился опустошать землю Вальдамара огнем битвы. Из-за этого тотчас усилился бой. Ты, устрашающий людей, разрушил Альдейгью...» [Древнерусские города... 1987, с. 16]. В период правления Ярослава скандинавы не только совершают набеги на Ладогу, но и управляют этой важной областью, продолжая тем самым контролировать верхнюю часть Балтийско-Волжского торгового пути.

На Северском Донце, в отличие от севера Восточной Европы, Ярославского Поволжья или Гнездова, присутствие скандинавов не зафиксировано ни письменными, ни археологическими источниками. На памятниках салтово-маяцкой культуры, расположенных на Северском Донце и его притоках, не встречаются находки скандинавских вещей. Все известные науке поселения этого времени принадлежали алано-болгарам и, если и проявляют признаки полиэтничности, особенно в погребальном обряде, то никак не связанные со скандинавским присутствием в этом регионе.

Разнообразие обряда зафиксировано главным образом на прото-болгарских могильниках и объясняется какими-то тюркскими, угорскими или иранскими включениями [Аксенов, Тортика 2001, с. 191–218]. В ареале распространения СМК преобладают евразийские степные культурные влияния и заимствования.

Нельзя исключить, впрочем, и некоторых спорадических контактов скандинавов-русов с населением салтово-маяцкой культуры.

Интересно, в этой связи, наблюдение Г. С. Лебедева за вещевым импортом восточноевропейского происхождения, обнаруженным в Бирке. Состав этого импорта позволяет уточнить маршруты шведских викингов. В частности, там была обнаружена серия вещей «хазарского происхождения», которая, вероятно, связана с ареалом салтово-маяцкой культуры (поясные бляшки, солярные подвески, оружие, сбруя). Таким образом, «документировался путь варяжских дружин через земли Хазарского каганата, по Дону — на Волгу, а равным образом, их движение по волжскому пути» [Лебедев 1985, с. 254].

**§ 6.4. Доно-Донецкий путь и лесостепное Придонечье
в середине VIII — середине X вв.:
реконструкция характера и направлений торговых связей**

Следует отметить, что в ходе реконструкции торговых путей далеко не всегда учитывались реальные исторические условия, существовавшие в зоне прохождения того или иного маршрута, наличие там возможностей для безопасного и беспрепятственного передвижения купцов, покупательная способность местного населения (уровень развития его хозяйства, социальных отношений, политической структуры). На основе относительно небольшой выборки нумизматического материала (нескольких кладов и отдельных находок) в результате использования различных методических подходов или, скорее, в результате отсутствия четко сформулированной методики, делались, порой, диаметрально противоположные выводы. Иногда методика, декларируемая автором, не соответствовала окончательным результатам анализа того же автора, противоречила комплексу доступных для изучения источников. Можно назвать ряд до сих пор спорных методических положений в оценке и исторической интерпретации кладов и монетных находок. Прежде всего, это объяснение причин выпадения кладов на той или иной территории, что именно обозначает наличие кладов, какие экономические или военно-политические процессы за этим скрываются, и как понимать отсутствие кладов в тех случаях, когда по данным письменных и археологических источников они должны быть.

Например, В. А. Янин считает клады, прежде всего, доказательством местного денежного обращения и не склонен связывать их с транзитной торговлей. По его мнению, только после насыщения местного

рынка монетой, дирхемы через балтийских славян попадают в бассейн Балтийского моря и в Скандинавию. Даже пути по Оке и Десне, именно в силу обилия кладов в бассейне Оки, он рассматривает как внутренние пути русской торговли [Янин 1956, с. 103].

В. П. Даркевич, анализируя распространение, главным образом, вещевых кладов и находок, отмечает, что топография предметов импорта дает возможность реконструировать пути сообщения. По его мнению, концентрация находок определяет главные направления и торговые пункты и, кроме того, условия находок предметов импорта характеризуют социальный состав участников обмена [Даркевич 1976, с. 143].

По мнению А. Е. Леонтьева, «...клады отмечают не столько торговую дорогу, сколько тяготеющие к ней районы сосредоточения населения. В этой связи на основании только монетных находок и кладов, особенно при рассмотрении обширных регионов, как правило, можно указать лишь наиболее вероятные пути сообщения...» [Леонтьев 1986, с. 5].

Сходную мысль высказал и В. В. Кропоткин: «Внимательное изучение топографии кладов куфических монет в Восточной Европе убедительно показывает, что в международной и межплеменной торговле принимали участие не только восточные славяне, но и их соседи — аланы, болгары, хазары, венгры, финно-угорские племена Прикамья и Верхнего Поволжья, народы Прибалтики и Скандинавии» [Кропоткин 1978, с. 111].

В. М. Потин считает, что «...случайность монетных находок облегчает определение распространенности кладов на той или иной территории, установление определенных закономерностей» [Потин 1968, с. 9]. «...Находка крупного клада на территории селища говорит о его особом значении как сельского феодального центра, местопребывания княжеской администрации» [Потин 1968, с. 28].

Так что же маркируют монетные клады, торговые пути или же места сосредоточения населения вдоль этих путей? Если места сосредоточения населения, то в силу каких причин это население аккумулировало денежную массу, в какой роли оно выступало в развернувшейся на речных путях международной торговле, чем торговало или могло торговать? Если торговые пути, то, опять же, какие: местные или транзитные? Если местные, то в каких экономических и социальных условиях развивалась эта торговля, было ли местное население способно к организации такой торговли на своей территории, возможен ли был у

тех или иных племен полноценный товарно-денежный обмен, и вообще существовало ли регулярное денежное обращение? Если торговля была транзитной, то почему на одних участках транзитных торговых путей клады есть, а на других их нет или очень мало? Как представляется, полного ответа на эти вопросы авторы нумизматических работ и комментариев пока не дают.

Учитывая поставленные вопросы можно попытаться хотя бы в первом приближении реконструировать картину использования речного торгового пути по Дону и Северскому Донцу в хазарское время (VIII–X вв.).

Хазары появляются в Днепро-Донском междуречье около 678 г., когда в погоне за болгарами Аспаруха они доходят до берегов Дуная [Коковцов 1932, с. 75]. Естественно, что в это время о мирной торговле речь не идет [Корзухина 1954, с. 34]. В течение нескольких десятилетий происходит освоение хазарами тогда еще нового для них геополитического пространства и, уже к началу VIII в. они владеют практически всем степным Крымом, распространяют свою власть на степь и, вероятно, лесостепь, между Днепром и Доном [Айбабин 1999, с. 185; Васильев 1927, с. 186; Якобсон 1954, с. 152]. По всей видимости, хазары не переселяются в названные регионы, их присутствие здесь определяют военные гарнизоны в отдельных пунктах Крыма и подвижные контингенты в степи [Тортика 2004, с. 122]. Нельзя исключить и использования войск болгар Батбая, принявших хазарский сюзеренитет, для контроля над новыми территориями. В это время говорить о существовании торговых путей по Дону и Донцу, скорее всего, ещё не приходится.

Таким образом, начало восточной торговли с Хазарским каганатом, по всей видимости, следует датировать последней четвертью — концом VIII в. В это время хазары постепенно прекращают регулярные набеги на Закавказье, а арабы на Северный Кавказ [Noonan 1984, p. 151–282]. Устанавливается определенный паритет сил, который даже привел к нескольким, правда неудачным, попыткам заключения династических браков между арабскими наместниками Армении и хазарскими каганами. В контексте подобной брачной политики хазары уже демонстрируют владение монетной массой, сокровищами, выраженными в сотнях тысяч дирхемов [Christian 2000, p. 291]. Именно такое приданое давал хазарский каган со своей дочерью Хатун, вышедшей замуж за Язида, правителя Армении. С установлением мирных взаимоотношений между арабами и хазарами, восточные купцы получают

возможность для осуществления торговых операций на территории Хазарского каганата, в северо-западном Прикаспии и в бассейне Волги [Новосельцев 1990, с. 203]. Вероятно, это обстоятельство приводит к встрече владельцев монетного серебра — восточных купцов и скандинавских военно-торговых отрядов, получивших в Восточной Европе обобщенное наименование русов [Noonan 1984, p. 181–282; Noonan 1987–1991, p. 213–219]. Каков был характер этих первых встреч судить трудно, но так или иначе русы получают доступ к куфическому серебру и первые монетные клады появляются на северных участках Великого волжского пути, в Ладoge и Ладожской области. Интенсивным этот обмен назвать еще трудно, как известно, ранних монетных находок и кладов в Восточной Европе относительно немного. Можно предположить, что в первые десятилетия IX в. формируются только некие схемы взаимоотношений, позволяющие получать выгоду от такой торговли всем заинтересованным сторонам. После 833 г. торговля активизируется, количество кладов и число монет явно возрастают. Они обнаружены в бассейне Оки и, по-прежнему, на верхней Волге.

Все арабские авторы, писавшие о торговле с Восточной Европой, достаточно четко формулируют приоритеты этих отношений. Их интересуют меха, рабы, янтарь, моржовая кость, мечи, вывозившиеся скандинавами из рейнских мастерских. Ничего о приобретении восточными купцами продуктов местного ремесленного производства неизвестно. Да и какую ценность могли иметь эти продукты для жителей крупных городов Ближнего Востока, Закавказья, Средней Азии? Очевидно, что ремесленные изделия жителей Восточной Европы в это время очень мало интересовали представителей более развитых в экономическом отношении регионов. Не было никакого смысла испытывать величайшие трудности и опасности торгового путешествия для того, чтобы привезти на продажу на рынки Рея или Багдада лепную керамику роменского типа, грубые льняные ткани или кустарные изделия славянских кузнецов. Как отмечала Т. М. Калинина (в связи с анализом сообщений Ибн Хордадбега и Ибн ал Факиха о транзитной торговле купцов-рахданийя), в VIII в. уровень производства и в Западной, и в Восточной Европе был настолько низким, что ни местные ремесленные изделия, ни отсутствие там месторождений драгоценных металлов не способствовали развитию торгового обмена с Византией, Индией, Халифатом [Калинина 1986, с. 78].

Археологически в Средней Азии зафиксированы только единичные украшения салтовского облика [Труды Семиреченской... 1950, с. 110; Ставиский 1960, с. 117], хотя, вполне возможно, что они производились на месте и были результатом развития общевразийской моды. Кроме того, сами салтовские украшения, как считается в последнее время, восходят, во многом, к моде западных тюрок, определявшейся, в свою очередь, вкусами ремесленников Согда [Тереножкин 1950, с. 92–93].

Арабские купцы вывозили из Восточной Европы только те товары, которые могли оправдать риск торговых предприятий и принести многократную прибыль. Это должны были быть также товары, пользующиеся устойчивым спросом в мусульманских странах. К их числу нужно отнести в первую очередь меха и рабов, возможно, мед и воск. Этот набор товаров считается традиционным для Восточной и Средней Европы, начиная с эпохи бронзы и вплоть до средневековья [Анохин 1967, с. 7–67]. Можно утверждать, что именно эти товары и вызвали основной поток монетного серебра, поступавшего в Восточную Европу, частично оседавшего здесь и следовавшего транзитом в Прибалтику, Скандинавию, Западную Европу [Noonan 1992, p. 237–259]. Других ресурсов, привлекавших внимание цивилизованного Востока, в это время в Восточной Европе еще не было, либо они еще не были разработаны [Новосельцев 1990, с. 205]. Следовательно, появления большого количества монет и монетных кладов можно ожидать там, где работоторговля и торговля мехами были превращены в постоянный промысел, профессию тех или иных групп населения Восточной Европы. В рамках традиционных форм хозяйства, носившего длительное время общинный, натуральный характер, возможностей для интенсивного товарного обмена и накопления значительных денежных средств ещё не было. В границах племенного строя не было и социальных условий для появления значительных групп населения, выделяющихся имущественно из основной общинной среды. Только племенная верхушка могла претендовать на определенное богатство, обусловленное ее властным положением.

Даже в середине X в. в таком экономически развитом полиэтничном населенном пункте как Гнездовское городище (поселение у р. Свинец), служившем для ремесленного обслуживания транзитных торговцев, а также являвшемся погостом, на котором останавливались князь и дружина для сбора полюдья [Петрухин, Пушкина 1979, с. 101, 104],

зафиксирована некоторая замедленность денежного обмена. По наблюдениям А. В. Фомина, в Гнездовском денежно-вещевом кладе (1993 г. находки), как и в Звеничевском (Черниговской обл.) кладе (1971 и 1985 гг. находки), денежная масса кладов может быть разделена на две разнородные части, отличающиеся по составу монет. Это свидетельствует о том, что клады собирались в несколько приемов или образовывались на основе нескольких денежных сумм из разных источников [Фомин 1996, с. 191]. Разница между частями клада составляет несколько лет, как и набор монет, внутри отдельных частей соответствует нескольким (2–5) годам чеканки. Не исключено, что эти разные части кладов могли сформироваться в результате каких-то отдельных торговых предприятий транзитного характера, связанных с посещением Поволжья, может быть даже Булгара или Итиля. Очевидно, что при интенсивном денежном обмене на месте, в самом Гнездово, монеты разных мест и лет чеканки, находившиеся в торговом обороте, должны были бы сильно перемешаться и не объединялись бы в отмеченные А. В. Фоминым группы внутри кладов. Тем не менее, этого не случилось. Следовательно, денежный обмен находился на еще достаточно низком уровне и был связан с оперированием крупными суммами денег, не исключено, что на вес или мерами¹ в уплату за дорогостоящие товары транзитного характера. Если так было в X в., то естественно, что в более ранний период, на протяжении IX в. нужно предполагать еще меньшую интенсивность оборота монет и участия денег в местной торговле.

Что везли в Восточную Европу купцы из мусульманских стран? Прежде всего — монетное серебро, в меньшей степени — дорогие изделия из серебра и других металлов и стеклянные бусы сирийского или египетского производства, пользовавшиеся большой популярностью у разных групп аборигенного населения. О последнем сообщает Ибн Фадлан², слова арабского автора подтверждают данные археологических раскопок могильников Поволжья, Поочья, Придонцовья, Левобережного Поднепровья.

¹ «Весов там не имеют, а только стандартные бруски металла. Они совершают куплю-продажу посредством мерной чашки» — так Ибн Фадлан описывает торговлю русов в Булгаре в 922 г. [Ковалевский 1956, с. 142].

² «Самым великолепным украшением [считаются] у них [русов] зеленые бусы из той керамики, которая бывает на кораблях. Они делают [для приобретения их] исключительные усилия, покупают одну такую бусину за дирхем и нанизывают [их] в качестве ожерелий для своих жен» [Ковалевский 1956, с. 142].

На Дону и Северском Донце куфические монеты появляются только после более полного освоения хазарами этого региона. Как отмечалось выше, самый ранний клад восточного серебра был обнаружен на Правобережном Цимлянском городище. Он состоял из шести целых монет и 42 обломков, среди которых определены монеты сасанидского, арабо-сасанидского, табаристанского, омейядского, аббасидского и идрисидского чекана. Подобный набор характерен именно для ранних кладов на территории Восточной Европы [Кропоткин 1978, с. 114]. Этот памятник, скорее всего, не может свидетельствовать о развитии торговли, экономики, товарно-денежных отношений. Результаты археологических работ С. А. Плетневой свидетельствуют о том, что это было поселение осевших или оседающих кочевников, возможно, гарнизона крепости. Никаких следов интенсивной экономической деятельности, характерной для Старой Ладogi, Тимерево, Гнездово здесь нет. В качестве таможенного пункта на переволоке Правобережное Цимлянское городище не выступало, эта роль досталась Саркелу, построенному в 840 г. Скорее всего, клад серебра, зарытый обитателем городища, имеет внеэкономическое происхождение и связан с какими-то военными или грабительскими предприятиями, в которых его владелец мог принимать участие.

На Северском Донце в середине VIII в. появляется достаточно многочисленное алано-болгарское население, оставившее целый ряд памятников СМК. Как показывает археологическое изучение Придонечья, в ареале салтовской культуры и, тем более, на салтовских памятниках нет кладов куфических монет. Известны только отдельные находки, связанные, главным образом, с погребальной обрядностью. В то же время очевидно, что салтовское население контролирует практически все течение Донца. Вдоль этой реки расположен целый ряд городищ и неукрепленных селищ. Донец не настолько широкая река, чтобы его воды могли служить убежищем для путешествующих по воде купцов. Он имеет ширину в верхнем течении всего лишь несколько десятков метров (50–30), в нижнем течении, местами, до 100 м. Как отмечалось выше, на Донце было много отмелей и перекатов, на которых суда нужно было вести волоком. Отряд лучников в любом месте мог остановить купеческий транспорт, расстрелять непокорных, принудить их пришвартоваться к берегу. Игнорировать салтовское население по дороге к славянам Днепровского левобережья, купцы таким образом, не могли.

Кроме того, археологически у населения салтовской культуры зафиксирован подъем производящей экономики, имевшей комплексный характер [Плетнева 1967; Михеев 1985, с. 66–150]. Развивается пашенное земледелие, отгонное скотоводство, различные домашние ремесла и промыслы [Михеев 1985, с. 151–286]. Раскопки могильников позволяют говорить о достаточно высоком имущественном уровне большинства членов общества [Афанасьев 1993, с. 34–50; Михеев 1991, с. 48–49]. Для мужских погребений характерен высокий уровень вооруженности [Аксенов 1997, с. 51; Аксенов 1998, с. 39–51; Бубенок 2002, с. 24; Крыганов 1989, с. 98–114; Криганов 1993, с. 52–62; Михеев 1986, с. 158–173; Михеев 1990, с. 45–52]. Весь комплекс находок свидетельствует о том, что население региона находится на подъеме, во всех отношениях благополучно [Михеев 1986, с. 349–355; Плетнева 1999, с. 24–64], при этом социальное развитие еще не вышло за пределы высших стадий развития племенного строя [Афанасьев 1993, с. 152–153; Тортика 2005, с. 480–486].

Моделирование системы взаимоотношений между носителями салтовской культуры и соседними славянскими племенами показывает¹, что, по крайней мере, до конца IX в. алано-болгары должны были пользоваться определенным военно-политическим преимуществом в регионе [Березовец 1965, с. 51–52; Новосельцев 1990, с. 200–205; Тортика 2002, с. 146]. Древнерусская летопись указывает на то, что только после походов Олега северяне и радимичи перестают платить дань хазарам [ПВА 1999, с. 150]. Нет сомнений в том, что данниками хазар были и поляне [Новосельцев 1990, с. 204]. В то же время на их территории клады есть [Котляр 1971, с. 21; Кропоткин 1978, с. 113–115], а здесь практически нет.

Нельзя объяснить отсутствие кладов на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и плохой изученностью региона. Напротив, как уже говорилось выше, здесь к настоящему времени известно около 300 объектов [Афанасьев 1993, с. 13], многие из которых неоднократно подвергались археологическим раскопкам и исследованы достаточно большой площадью [Плетнева 1999, с. 24–64]. Вероятно, речь идет все же об определенной исторической закономерности. Кладов

¹ См. параграф 1.5. настоящей работы.

² См. параграф 5.2. настоящей работы.

нет, потому что их здесь просто не зарывали. Г. Ф. Корзухина, оценивая теоретически факт наличия или отсутствия кладов на той или иной территории, отмечала, что «внешние причины только отчасти влияют на обнаружение кладов, в общем же, появление их в тех или иных пунктах, как и их количество, несомненно, отображают правдивую картину распределения кладов по территории Древней Руси. Сама неравномерность распределения кладов неслучайна...» [Корзухина 1954, с. 33].

В связи с обсуждением феномена отсутствия монетных кладов в тех местах, где либо по данным письменных источников, либо на основании комплекса археологических, географических и иных соображений они вроде бы должны быть, А. В. Назаренко справедливо отмечает, что «наиболее активная тезаурация должна была наблюдаться там, где деньги не на что было потратить» [Назаренко 2001, с. 93]. Придонецкий регион распространения памятников салтово-маяцкой культуры во многом соответствует подобной характеристике. На самих салтовских памятниках и в непосредственной близости от них, как уже говорилось, кладов не обнаружено. Отдельные монетные находки сделаны только на некрополях — это обол мертвого или украшение, носившееся умершим при жизни. Клады в этом регионе, если они и есть, либо тяготеют к славянским — северянским памятникам, либо достаточно поздние и не могут быть связаны с населением СМК. В то же время, это население имело достаточно развитую комплексную экономику и, наверняка, участвовало в военно-политических процессах своего времени (в набегах на лесную зону за рабами, в сборе дани со славянских племен — полян, радимичей, северян, вятичей). Таким образом, у этого населения вполне могли быть деньги, полученные в результате продажи рабов и зерна.

Здесь не стоит преувеличивать значение пути через переволоку на Волгу, вероятно, он использовался, но был важен, скорее, как участок транзита для русов (руси, росов), но не как привычная торговая артерия, обеспечивавшая интересы достаточно многочисленного и экономически благополучного населения СМК. Донецкий и Донской путь, вероятно, достаточно активно использовались, но не в транзитном, а в региональном торговом режиме. В условиях относительной стабильности до прихода венгров в Ателькузу, при венграх, сохранявших лояльные отношения с Хазарским каганатом, особенно после сооружения

Саркела и вплоть до появления печенегов на Дону (до 889 г.) не было никаких препятствий для использования традиционного, известного ещё в античное и в римское время торгового пути по Дону и Донцу. Основными контрагентами в этой торговле, в отличие от волжского пути, где господствовали арабские купцы и русы, были евреи из Таматархи и византийские греки, вероятнее всего жители Боспора. Навигация по Азовскому морю в теплое время года не представляет особой сложности, кроме того, летом нетрудно было подняться вверх по течению Дона, а затем и Донца. О таком направлении торговли свидетельствует многочисленная амфорная тара (средневековые крымские амфоры VIII–X вв.), обнаруженная археологами на поселениях СМК. Так, в ходе раскопок Нетайловского селища в 2004 г. было установлено, что в керамическом комплексе салтовского времени (VIII–X вв.) преобладает в процентном отношении амфорная тара — 45%; затем следует лепная керамика домашнего изготовления — 35%; на последнем месте находится гончарная сероглиняная керамика — 20% [Колода, Ряполов, Тортика 2005, с. 176–178].

Сходная пропорция керамического материала была зафиксирована исследователями в ходе раскопок хазарского слоя Саркела. Автор публикации, С. А. Плетнева, отмечает явное преобладание тарной керамики на этом памятнике. Но, в отличие от лесостепного региона, здесь в большей степени представлены не рифленые или гладкие амфоры, а красноглиняные кувшины высоких пропорций с плоскими ручками. Обломков таких кувшинов обнаружено в четыре раза больше, чем фрагментов раннесредневековых амфор. Происхождение таких кувшинов С. А. Плетнева связывает в первую очередь с Таматархой и отмечает, что их производство было начато еще на рубеже VIII–IX вв., а наибольшее распространение они получили в X–XI вв. [Плетнева 1996, с. 11–12].

Скорее всего такие кувшины использовались для перевозки каких-то товаров, скорее всего жидких тел, масла или вина, может быть даже и нефти, служившей, как считает С. А. Плетнева, для освещения [Плетнева 1996, с. 152]. В то же время сомнительно, чтобы керамика, даже такого высокого качества, играла роль самостоятельного товара, перевозившегося на достаточно большое расстояние от Керченского пролива (а возможно, что и от Херсона) до Саркела. Возможно, что купцы из Боспора (или иных византийских городов Таврики) и Таматархи получали,

таким образом, двойную выгоду, продавая на месте, в Саркеле, и содержащее сосудов, и сами сосуды. В верхнем Придонечье кувшинов меньше, по всей видимости, потому, что эта тара хуже приспособлена для дальних перевозок на небольших лодках с необходимостью прохождения через перекаты и волоки. Вероятно, что амфора была удобнее и надежнее в этих условиях. Если от Нижнего Дона до Саркела можно было пройти на относительно крупных речных судах¹, минуя отмели и перекаты и следуя фарватеру реки, то на Донце это было невозможно. Для того, чтобы подняться от устья Донца до уровня Верхнего Салтова в VIII–X вв., когда климат был засушливым и реки менее полноводными, необходимо было преодолеть несколько десятков отмелей и бродов, через которые суда (лодки) нужно было тащить только волоком.

Кроме амфорной тары, еще одним археологическим аргументом в пользу именно южного, византийско-крымского направления развития обменных отношений салтовского населения Придонечья, являются находки высококачественной столовой посуды крымского производства. Она фиксируется в составе погребального инвентаря ряда могильников региона. Так, в результате работ В. К. Михеева, проводившихся в 1985–1994 гг. на могильниках у с. Красная Горка и Червонная Гусаровка Балаклеевского района Харьковской области, были обнаружены 36 кувшинов-ойнохой, 43 небольших красноглиняных одноручных кувшина, 9 кружек с петлевидной ручкой, 1 фляга и 4 стеклянных сосуда, вероятно, византийского происхождения [Аксенов, Михеев

¹ На подобные, в переводе Г. Г. Литаврина, «транспортные» суда во время пребывания в Херсоне пересадил своих «людей» Петрона Каматир по дороге из Константинополя на Дон, к месту строительства Саркела [Константин Багрянородный 1991, с. 171]. У «Продолжателя Феофана», в переводах Я. Н. Любарского и С. Б. Сорочана, эти суда названы «круглыми»: «Приплыв в Херсон, Петрона причалил к берегу и оставил там длинные суда, посадил войско на круглые, переправил его к Танаису, к тому месту, где нужно было соорудить город» [Продолжатель Феофана 1992, с. 56; Сорочан 2005, с. 1402]. Впрочем, полной уверенности в том, что в данном случае речь идет именно о речных судах, быть не может. Оба источника упускают описание пути от Херсона до Саркела, ничего не говорится ни о Боспоре, ни о плавании по Азовскому морю, ни о вхождении в дельту Дона. Во всех этих местах участники миссии Петроны могли пересечь на какие-то иные суда, возможно, что на лодки (типа одноподеревок), лучше приспособленные для плавания против речного течения, преодоления порогов и перекатов.

1998б, с. 344–345]. Единичные находки крымской столовой посуды известны также в Нетайловском, Крымском, Волоконовском, Дмитриевском могильниках, в Саркеле и на Правобережном Цимлянском городище.

Проведенный В. С. Аксеновым типологический анализ этих изделий позволил ему сделать определенные хронологические выводы. Прежде всего, аналогии всем обнаруженным в Придонецье типам посуды фиксируются в местах ее производства, на памятниках Крыма. К их числу следует отнести Скалистинский могильник, могильник Чуфут-кале, Тепсень, поселения Юго-западного Крыма и т. д. Корреляция хронологических рамок бытования подобной столовой посуды, установленных исследователями крымских памятников, с инвентарем и планиграфией салтовских грунтовых могильников Придонецья (Красная Горка, Червоная Гусаровка), позволяет сделать вывод о распространении крымского импорта на раннем этапе существования салтовской культуры, во второй половине VIII — начале IX вв. [Аксенов, Михеев 1998б, с. 353]. Причем характерно, что крымские ойнохойи, обнаруженные в более поздних погребениях, датирующихся первой половиной IX в., носят следы длительного использования [Аксенов, Михеев 1998б, с. 351]. Похоже, что с середины IX в. подобные изделия в ареал распространения лесостепного варианта салтовской культуры практически не поступают. Если эта хронология верна, то необходимо понять, какие исторические процессы ее обусловили. Так, например, В. С. Аксенов полагает, что прекращение использования столовой крымской посуды салтовским населением объясняется двумя основными причинами. Во-первых, затруднением сухопутных связей с Крымом после появления в Днепро-Донецкой лесостепи венгров. Во-вторых, развитием собственно салтовского гончарного производства, удовлетворявшего все нужды местного населения, в том числе и в качественной столовой посуде [Аксенов, Михеев 1998б, с. 349, 351].

Логика В. С. Аксенова не вызывает возражений. Действительно, население, переселившееся в лесостепное Придонецье откуда-то с юга, первоначально сохраняло традицию использования крымской столовой посуды, а, возможно, и какие-то контакты с местами ее производства. Скорее всего, владельцы посуды сами покупали ее в Крыму, в Таматархе или где-то в низовьях Дона, поскольку трудно предположить, чтобы византийские купцы осуществляли дальнюю торговлю глиняной

посудой и специально организовывали ее вывоз в бассейн Северского Донца. Сомнительно, чтобы такой товар мог оправдать расходы и риск дальних торговых предприятий. После появления венгров в Леведии, несмотря на относительно лояльные отношения последних с Хазарским каганатом [Новосельцев 1990, с. 207], лесостепное население потеряло возможность регулярного и беспрепятственного проезда на юг. Одновременно, со сменой поколений и развитием местного гончарного производства, вероятно, под влиянием переселенцев с Северного Кавказа, получает распространение столовая посуда аланских типов, не уступающая крымской ни по качеству, ни по внешнему виду. В это время керамические изделия Крыма и Тамани продолжают поступать на Дон и Донец водным путем, но не в виде самостоятельного товара, а в качестве тары для более дорогостоящего и ходового продукта — вина.

Алано-болгарам, не оставившим кладов куфических монет, на самом деле было не что менять свой скот, рабов и зерно, у них было мало оснований для того, чтобы накапливать монетное серебро и закапывать клады. В отличие от торговли по волжскому пути, где преобладали дорогие импортные товары, предметы роскоши, работорговля и мехоторговля, здесь обмен, с экономической точки зрения, был относительно равноценным и основывался не на природных ресурсах, а, скорее всего, на результатах местного сельскохозяйственного производства¹. Вероятнее всего, основными товарами, потреблявшимися в Подонье-Придонецье алано-болгарами, были вино и, возможно, масло. В большей степени именно вино, достаточно активно изготавливавшееся в хазарское время на территории Крыма [Айбабин 1999, с. 212; Герцен 2002, с. 32], где параллельно отмечается всплеск керамического (в том числе и тарного, амфорного) производства [Якобсон 1979, с. 51–56].

Существование виноторговли в Придонецком регионе наглядно подтверждает выполненный С. Г. Кляшторным перевод граффити со стенки амфоры, обнаруженной на разрушенной части салтовского могильника у с. Маяки [Копыль, Татаринев 1979, с. 269]. Граффити, как это

¹ Приазовье, Подонье и Придонецье являлись экспортными зерновых культур и в XIV–XV вв. Представление об этом дает трактат Франческо Бальдуччи Пеголотти (XIV в.). «Центром этой отдельной и весьма развитой торговли была Тана...», — пишет Е. Ч. Скржинская [Скржинская 1996, с. 223–224].

не странно, было выполнено рунами, процарапанными на стенке амфоры уже после обжига. Надпись относится к восточноевропейской разновидности рунического письма. Текст переведен следующим образом: «X (единиц) всего; (сюда) X (мер) входит (помещается). Белое сухое вино» [Кляшторный 1979, с. 270, 274]. Таким образом, можно предположить, что вином постоянно и регулярно обеспечивался большой земледельческий регион. Эта схема во многом напоминает греческую виноторговлю (в обмен на зерно) скифского времени (V–III вв. до н. э.), а также торговлю позднеримского времени, зафиксированную на керамическом материале черняховских памятников (II–IV вв. н. э.) [Славяне... 1990, с. 408–409].

Как отмечает Н. И. Винокуров, в связи с анализом античной виноторговли в Северном Причерноморье, вино можно рассматривать в качестве «стратегического» товара, всеобщего и неравноценного эквивалента для обмена с варварами. Вино использовалось для меновой торговли (товар на товар) и всегда выступало в качестве одного из наиболее привлекательных эквивалентов обмена для варваров [Винокуров 2003, с. 9]. Уже в VII в. Пантикапей и другие боспорские города начинают виноторговлю с варварским населением Восточной Европы, организовывая, соответственно, поставки вина и в Днепро-Донское междуречье [Винокуров 2003, с. 6]. Сначала осуществлялась торговля привозным вином, но с конца IV — начала III вв. до н. э. в археологическом материале фиксируются боспорские (местного производства) амфоры для перевозки вина, что свидетельствует о развитом и товарном виноделии [Винокуров 2003, с. 31]. Интересно также, что и в античный период преобладали перевозки водными путями, в ходе которых в качестве тары для вина, как правило, использовались амфоры, наиболее удобные для загрузки судов [Винокуров 2003, с. 11]. Доставка товаров по воде была не только более быстрой и удобной, но и дешевой. Сухопутная перевозка по стоимости издержек могла превышать цену самого продукта, в том числе и вина.

Нельзя исключить использования и других видов тары, приспособленной для хранения жидкостей, например, кожаных бурдюков, весьма характерных для кочевого быта населения степной зоны Восточной Европы. Подобные бурдюки были распространены и у салтово-маяцкого населения. Их использование фиксируется благодаря находкам

костяных бурдючных горлышек. Такие бурдюки могли изготавливаться на месте и служили для обеспечения разнообразных хозяйственных нужд местного населения [Михеев 1985, с. 181]. Тем не менее, в количественном отношении в культурном слое салтовских поселений преобладает именно амфорная тара. Вполне возможно, что бурдюки могли использоваться, в большей степени, для сухопутных перевозок. Однако для населения Доно-Донецкого региона такие перевозки в хазарское время могли быть затруднительными не только из-за большого расстояния, но и в силу определенных геополитических причин. Степи Днепро-Донского междуречья со второй трети IX в. занимали сначала венгры, а потом, с 889 г. — печенеги. Судя по сообщению Константина Багрянородного, аланы и печенеги полностью контролировали сухопутное сообщение между Хазарией и территорией Крыма в середине X в. [Константин Багрянородный 1991, с. 37, 41, 53]. В мирных условиях такое передвижение в торговых целях было возможно и проходило, вероятнее всего, по линии — Итиль, через степи Калмыкии, вдоль левого берега Маньча на Тамань или вдоль правого берега Маньча к Нижнему Дону¹ и далее, через Северное Приазовье в Крым [Плетнева 1996, с. 146].

Но так передвигались сами хазары. Гораздо более предпочтительным для византийской торговли представляется путь по Азовскому морю, Дону и Донцу, существование которого засвидетельствовано многочисленными находками амфорной тары на придонских поселениях хазарского времени. По всей видимости, схема виноторговли между византийскими центрами Крыма и варварской периферией Восточной Европы в хазарское время, в целом, воспроизводит основные элементы античной модели. По-прежнему речь идет о неравноценном, в подавляющем большинстве случаев, натуральном обмене. Участниками этой торговли являются с одной стороны византийцы, искушенные в выгодах

¹ Существование подобного пути в XV в. известно благодаря описанию Иосифата Барбаро. В его время из Прикаспийских государств товары везлись в низовья Волги, а оттуда, сухопутным маршрутом, в низовья Дона: «...все специи и шелк шли в Астрахань, а из Астрахани в Тану... Только из одной Венеции посылали в Тану шесть-семь больших галей, чтобы забирать эти специи и шелк» [Барбаро 1996, с. 148]. Вообще ситуация на юге Восточной Европы, в степной зоне, Приазовье и нижнем Подонье в Хазарское и в Ордынское время складывается сходным образом, что, как представляется, вполне может быть использовано для поиска соответствующих аналогий.

торговли, особенно в виноторговле, которая велась в регионе около 1500 лет практически без потери преемственности. С другой стороны выступали народы, находящиеся на тех или иных ступенях развития племенного строя, живущие натуральным хозяйством, не имеющие регулярного денежного обращения. Эта модель вполне применима и к населению лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, находившемуся на соответствующей (племенной) стадии социального и экономического развития. Подобная форма торговли и определяла, главным образом, режим использования водного (речного) пути, соединявшего винопроизводителей Крыма с алано-болгарами Северо-Западной Хазарии. Не восточное и юго-восточное (с мусульманскими странами Прикаспия и Закавказья), а южное и юго-западное направления торговли (с крымскими владениями Византии), безмонетной, основанной на натуральном обмене, позволяют зафиксировать здесь археологические источники.

Как представляется, находки монет на могильниках салтовской культуры в верхнеднепровском регионе только подчеркивают факт отсутствия развитого денежного обращения у местного населения. Выше уже приводились известные В. В. Кропоткину данные о нескольких монетных находках (дирхемов) на Верхнесалтовском могильнике, датированных 745/46 г. и один 777/78 г. Ранняя дата чекана этих дирхемов послужила основанием для предположения о раннем же начале функционирования торгового пути по Северскому Донцу, связывавшего местное салтовское население, а через его посредство и левобережных славян со странами Востока, по крайней мере, с Прикаспием и Закавказьем. В то же время раскопки самого Верхнесалтовского, а также других могильников региона, показывают, что здесь относительно мало куфических монет IX–X вв.

Так, в дореволюционный период исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника, по данным О. В. Иченской [Иченская 1982, с. 145–146], было обнаружено: 7 сасанидских монет VI–VII вв.; 38 Омейядских и Аббасидских дирхемов (часть определений весьма сомнительна), датирующихся началом VIII (705 г.) — началом IX вв. (814 г.), характерно, что большинство этих монет (28 экземпляров) датируется последней четвертью VIII — началом IX вв.; 1 идрисидская монета конца VIII — начала IX вв.; 24 приблизительно определенные монеты X в. Все монеты обнаружены в катакомбах и являлись частью

погребального инвентаря. О. В. Иченской сделано важное наблюдение о характере использования серебряных монет их владельцами. Дело в том, что в ряде погребений (кат. №1 №1906 г. раскопок, №2 1911 г. и №3 1947 г.) в одном ожерелье находились монеты разных лет чеканки, с разницей в 50–100 лет. Следует, в данном случае, согласиться с О. В. Иченской в том, что эти монеты служили в качестве украшений и передавались длительное время из поколения в поколение по наследству [Иченская 1982, с. 144]. Совершенно очевидно, что эти монеты находились вне товарного обращения, не служили нуждам обмена, а использовались именно как личное украшение или сокровище. В этой связи совершенно неприемлемым представляется вывод О. В. Иченской о «...местонахождении Салтова на пути славянской торговли с Востоком, которая до 833 г. велась главным образом по Северскому Донцу...», а также о том, что «Салтов... был одним из крупных торговых центров на этом пути» [Иченская 1982, с. 146–147].

Новые монетные находки, сделанные Харьковскими археологами на Верхнесалтовском катакомбном могильнике в последние десятилетия, также имеют совсем ранние даты¹. Среди них: дирхем, чеканенный при Омейядах в Дамаске в 85 г. х/704 г.²; сасанидская монета — Хосров II (591–628 гг.) — год стерт³; аббасидский дирхем — ал Мансур, 154 г. х.

¹ Сведения о новых находках куфических монет из собрания Харьковского исторического музея (ХИМ), предоставлены заведующим отделом археологии ХИМ В. С. Аксеновым, за что выражаю ему искреннюю благодарность. Следует отметить, что число новых, пока неопубликованных находок дирхемов на салтовских памятниках лесостепного Придонецья превышает несколько десятков, но, к сожалению, большая часть из них пока никем не определялась. Только благодаря организационным усилиям В. С. Аксенова в последнее время была определена часть находок из IV-го Верхнесалтовского катакомбного могильника. Не все из них были обнаружены в ходе раскопок самим В. С. Аксеновым, поэтому, к сожалению, не для всех монет известны точные обстоятельства находки. Определения выполнялись (по фотографиям), главным образом, хранителем восточных монет Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольским (им определены дирхемы, по книге поступлений ХИМ №6974, 87019, 86969, 87012, 87020, 87009, 86970, дирхем из погребения №00 могильника у с. Красная Горка, дирхем из культурного слоя поселения у с. Пятницкое).

² Верхнесалтовский катакомбный могильник (далее — ВСМ) — IV, раскопки В. С. Аксенова 1999 г., катакомба №8 [Аксенов 2000, с. 17. Табл. XXVI (2,3)].

³ ВСМ — IV, раскопки В. Г. Бородулина, катакомба №6, по Книге поступлений ХИМ №6974.

/770/1 г.¹; ал Мансур — 162 г. х./778/9 г.²; ал Мансур — 164 г. х./780/1 г.³; ар-Рашид — 174 г. х./790/1 г.⁴; ар-Рашид — 174 г. х./790/1 г.⁵; ар-Рашид — 177 г. х./793/4 г.⁶; ар-Рашид — 806–809 г. Во время раскопок на грунтовым могильнике у с. Красная Горка в составе инвентаря погребения №00 (1992 г. раскопок) был найден один аббасидский дирхем ал Мансура, который датируется 150 г. х./767 г.⁷ В ходе изучения селища салтовской культуры на берегу малого притока Северского Донца — реки Большая Бабка у с. Пятницкое был обнаружен аббасидский дирхем ал Махди, чеканенный в 162 г. х./778/9 г. [Крыганов 1992, с. 123].

Как видно из приведенного списка нумизматических находок, корпус монет из Верхнего Салтова и соседних памятников очень ранний и относится, в основном, к последней четверти VIII в. Таким образом, то время (IX — первая половина X вв.), когда восточная торговля речными путями получает в других регионах Восточной Европы наибольшее развитие (Ока, Булгар, область Ладоги и Новгорода, Гнездово и т.д.), здесь наоборот не практикуется обмен товаров на деньги и практически отсутствует соответствующая по времени чеканки денежная масса. Даже учитывая запоздалое, по отношению к году чеканки, время появления дирхемов в Восточной Европе, они оказываются на руках у салтовского населения, в лучшем случае, в конце VIII — самом начале IX вв. Эти монеты используются как личные украшения или как сокровище, не участвуют в обмене и, в результате, оказываются в составе погребального инвентаря своих хозяев.

¹ ВСМ — IV, раскопки В. Г. Бородулина, катакомба №5, по Книге поступлений ХИМ №7019.

² ВСМ — IV, раскопки В. Г. Бородулина, катакомба №4, по Книге поступлений ХИМ №6969.

³ ВСМ- IV, раскопки В. С. Аксенова 2000 г., катакомба №2 [Аксенов 2001, с. 4. Табл. У (1,2)].

⁴ ВСМ — IV, раскопки В. Г. Бородулина, катакомба №8 по Книге поступлений ХИМ №7012.

⁵ ВСМ — IV, раскопки В. Г. Бородулина, катакомба №5, по Книге поступлений ХИМ №7020.

⁶ ВСМ — IV, раскопки В. Г. Бородулина, катакомба №7, по Книге поступлений ХИМ №7009.

⁷ Определение И. Г. Добровольского.

Таким образом, эти монеты не могут быть связаны с какой-либо торговой активностью по Донскому или Донецкому речным путям. По всей видимости, они имеют иное, не торговое, происхождение. Для наиболее ранних из них, сасанидских или омейядских, можно предположить военный характер приобретения. Северокавказские аланы, переселившиеся в лесостепное Придонечье в середине VIII в., близко контактировали с арабами, могли принимать участие в войнах и набегах хазар на Закавказье и там стать собственниками определенной денежной массы. После переселения, которое большинство исследователей связывает с победоносным походом арабского полководца Мервана на хазар в 737 г., они уже не имеют возможности получать новые деньги и хранят старые запасы, используя их либо для изготовления ювелирных украшений, либо в погребальном обряде. После 760 г. снова оживляются отношения между хазарами и арабским Закавказьем. Сначала арабский наместник Йазид ас-Сулами женится на хазарской принцессе, причем калым за невесту, уплаченный ее отцу, составил 100 тыс. дирхемов. Потом, после смерти царевны, в 763 г. состоялся сокрушительный набег хазар на Закавказье, сопровождавшийся, естественно, грабежами и мародерством. В 764 г. набег повторился. Последний набег хазар на Закавказье датируется 800 г., и причиной его также послужила смерть хазарской Хатун, выданной замуж за ал Фадла Ибн Йахья [Новосельцев 1990, с. 189-191]. Во время этих набегов хазары и их союзники на Северном Кавказе, в том числе, вероятно, и аланы, становились владельцами крупных денежных средств, выраженных в куфических дирхемах.

Придонецкие аланы, проживавшие в районе с. Верхний Салтов, вполне могли принимать участие в походах хазар и там получить часть добычи в виде дирхемов ал Мансура и ар-Рашида. Они также могли контактировать со своими единоплеменниками на Кавказе, имея там определенный доступ к денежной массе¹. Вероятнее всего, конечно, предположить участие алан в походах в качестве племенного ополчения, практиковавшегося хазарами при формировании армии в период войны. Этой логике соответствует в целом и описанный выше набор

¹ Можно предположить калымы, богатырские игры, подарки, наконец, эпизодическую торговлю, например, мехами или рабами.

дирхемов из Верхнего Салтова. Часть из них попала в Восточную Европу после хазарских походов и войн первой трети VIII в., остальные (ал Мансура и ар-Рашида) — в результате событий второй половины VIII — самого начала IX вв. Именно в этот исторический период [Янин 1956, с. 84] Восточная Европа начинает постепенно знакомиться с восточным серебром. Просто в разных регионах, в силу существовавших там специфических условий, объяснимых благодаря очевидным географическим различиям, социальным, экономическим или военным причинам, знакомство с дирхемом происходило по-своему. Так, на волжском торговом пути, где в это время уже известны купцы и воины скандинавского происхождения — русы, появление дирхема было связано с развитием транзитной торговли и началом эксплуатации товарных возможностей Восточной Европы. В местах же населенных военными союзниками хазар или подчиненными им народами, могли быть актуальны и причины внеэкономического характера, описанные выше.

В ходе анализа состава кладов и монетных находок, исследователи, как правило, предполагали, что причиной накопления этих денежных средств была какая-то экономическая, в большинстве случаев торговая, деятельность их владельцев. В результате, топография подобных находок использовалась для реконструкции торговых путей, в том числе и пути по Северскому Донцу. Такая оценка верна для находок, сделанных в крупных торговых центрах, на поселениях, расположенных вдоль транзитных торговых путей, в местах приобретения тех товаров, которые стоили дорого и оценивались в дирхемах. Все эти признаки не соответствуют характеру находок, сделанных на салтовских памятниках. Как уже отмечалось выше, здесь, в лесостепном Придонецье и Днепровском левобережье, в VIII–IX вв. проживало население, находившееся на высших стадиях существования племенного строя, с развитой, но, в целом, натуральной экономикой. В таких условиях должны преобладать внеэкономические формы накопления денег (дань, грабеж, война и набеги). Впрочем возможностей даже для такого получения денежных средств у салтовского населения, находившегося в зависимости от хазар, также было не очень много, особенно после появления венгров в Ателькузе, о чем собственно и свидетельствует практически полное отсутствие монетных кладов на салтовских памятниках лесостепного региона.

Безусловно, нельзя игнорировать наличие определенного культурного обмена между славянским и салтово-маяцким населением. Этот обмен заключался в проникновении некоторого количества столовой салтовской посуды на славянские территории [Приходнюк 2001, с. 121–122; Щеглова 1987, с. 78], а также в использовании жителями славянских поселков украшений салтовских типов¹ [Щеглова 1987, с. 79; Сухобоков 1992, с. 45]. Кроме того, известны и обратные явления, когда, например, на салтовских памятниках встречаются образцы славянской керамики [Михеев 1991, с. 44; Плетнева 1960, с. 19; Плетнева 1989, с. 132–133], а в традициях домостроительства иногда наблюдаются славянские элементы [Винников, Плетнева 1998, с. 162; Приходнюк 2001, с. 123]. Масштабы этих взаимоотношений, их хронология и интенсивность еще подлежат дальнейшему, прежде всего археологическому, изучению. Тем не менее, по своему характеру они не выходят за рамки обычного межплеменного обмена и культурного взаимовлияния между соседним населением, проживавшим в сходных географических условиях и имевшим близкий хозяйственно-культурный тип. Не случайно салтовские и славянские орудия обработки почвы, уборки урожая, обработки дерева зачастую практически идентичны [Михеев 1985, с. 243–258; Славяне... 1990, с. 292–295]. Такой тип взаимосвязей характерен для племенного строя, известен с эпохи бронзы, если не ранее, и не предполагает интенсивных товарно-денежных отношений.

Денежный эквивалент в таких условиях появляется под воздействием внешнего фактора, транзитной торговли и используется для приобретения товаров международного (рабы, меха), но никак не местного (керамика, бронзовые украшения) значения. Денежный (или денежно-меховой) эквивалент [ПВА 1999, с. 150, 168] в условиях накопления денежной массы за счет внешней торговли товарами транзитного значения мог использоваться при обложении данью славянских племен их соседями алано-болгарами, входившими в состав Хазарского каганата [Тортика 2002, с. 147]. Сомнительно, чтобы эти деньги и меха оставались в регионе. Такая дань должна была поступать в Итиль, ко двору

¹ Значительная часть женских украшений из кладов роменского времени — обоних Полтавских, Суджакского и Ивахниковского — относится исследователями к типам, распространенным у населения салтово-маяцкой культуры [Сухобоков 1992, с. 45].

кагана или бека-царя. Другие формы «денежных» отношений между славянскими племенами и алано-болгарскими племенными группами, в существовавших в конце VIII — начале IX вв. социально-экономических условиях, представить трудно.

Вероятно, со временем ситуация начала меняться. Однако с конца IX — начала X вв. фактор военной угрозы с юга, со стороны кочевников, набеги венгров, а потом и печенегов на славян отнюдь не способствуют развитию денежного обмена в лесостепном Левобережье. Восточные монеты сюда, как ни странно, проникали не с юга, а, скорее, с севера, из бассейна Оки. Появление крупных монетных кладов на Левобережье датируется началом X в. и связано с образованием Древнерусского государства — «Русской земли» — с Киевом, Черниговом и Переяславом во главе, а также с активизацией торговли между названными центрами и Булгаром. Эта торговля, как уже отмечалось выше, велась по речному пути, проходившему от Киева через Десну и Оку на Волгу. По всей видимости, именно с болгарско-русской торговлей нужно связывать происхождение Безлюдовского клада на Харьковщине. Этот клад, вероятно, уже никак не связан с населением Северо-Западной Хазарии, алано-болгарами, и отражает совсем иные исторические процессы, рассмотрение которых не входит в задачи настоящей работы.

Транзит русов через Северский Донец в VIII–IX вв. через перевалы в бассейн Оки или Десны, конечно, был теоретически возможен (главным образом географически), но маловероятен на практике, исходя из геополитической ситуации того времени. Донец, как уже отмечалось, был прочно закрыт системой городищ и военизированных поселений СМК.

Население это было хорошо вооружено и хорошо организовано. Идеология, которая прослеживается на примере погребального обряда (погребения с конем), говорит о существовании серьезного племенного ополчения с элементами формирования дружинного сословия, способного противостоять значительной внешней опасности [Аксёнов 1999, с. 51–52, 134–135; Плетнева 1967, с. 101; Приходнюк 2001, с. 96]. Отдельные военно-торговые или торгово-грабительские бригады гребцов-русов, не в состоянии были силой преодолеть такой заслон. Кроме того, предполагаемое исследователями вхождение этого этно-

культурного анклава в состав Хазарской державы обеспечивало ему до середины X в. поддержку центрального хазарского правительства, и не только дипломатическую, но и прямую военную. Не зря поход Святослава был направлен на подрыв военного потенциала (а, скорее, запугивание) жителей именно этого анклава, в результате чего был взят Саркел, и разбиты какие-то ясы и касоги.

Русы пользовались Донским путем, но, по всей видимости, именно в том режиме, который описали Ибн Хордадбех и Ибн ал Факих. И. Г. Коновалова, анализируя сообщение Ибн Хордадбеха о маршруте купцов-русов, отмечает, что они двигались со своими товарами либо в Константинополь, либо в Багдад. В последнем случае их путь лежал через Хазарию, куда они попадали по «реке славян», название которой в рукописях сильно искажено и восстанавливается большинством исследователей как «Тан(а)ис» (Дон). Поднимаясь по Дону, а затем спускаясь вниз по Волге, купцы-русы попадали в Каспийское море [Коновалова 2000а, с. 206].

Именно такая интерпретация лапидарных и косвенных сведений восточных авторов, а также немногочисленных нумизматических данных о Доно-Донецком торговом пути представляется наиболее соответствующей комплексу информации об экономике, социальном развитии, культуре, традициях внешних связей с дальними и ближними соседями населения Северо-Западной Хазарии и славянских племен Днепровского лесостепного левобережья. Предположение о развитии здесь торговли с восточными странами, транзитной торговли с участием иностранных купцов (мусульман, евреев, русов) не выдерживает критики ни с точки зрения анализа источниковой базы, ни с точки зрения воссоздания соответствующего геополитического контекста. Несостоятельными выглядят и остальные составляющие этой гипотезы, как, например, утверждение о продаже славянами своих ремесленных изделий в восточные страны, о проникновении восточных купцов непосредственно в районы проживания левобережных славянских племен, о посреднических функциях, которые якобы выполняло население салтовской культуры в товарно-денежном обмене между мусульманскими странами и славянами.

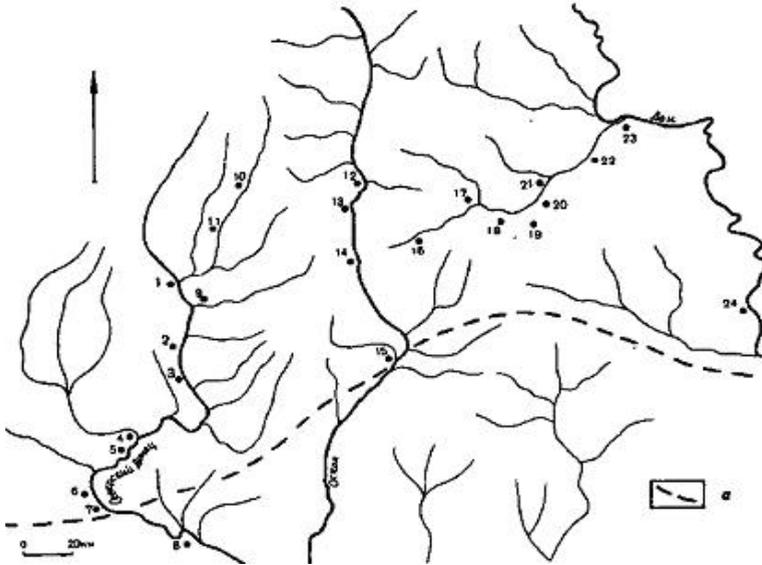

Рисунок 10. Схема расположения городищ салтово-маяцкой культуры в районе Среднего Дона (по Г. Е. Афанасьеву [Афанасьев 1993, с. 125]).

Условные обозначения: а — граница степи и лесостепи. Памятники: 1 — Архангельское; 2 — Верхнесалтовское; 3 — Старосалтовское; 4 — Кабаново; 5 — Мохнач; 6 — Коробовы Хутора; 7 — Сухая Гомольша; 8 — Вербовское; 9 — Волчанское; 10 — Большое; 11 — Дмитриевское; 12 — Афоньевское; 13 — Ютановское; 14 — Поминово; 15 — Поддысенки; 16 — Красное; 17 — Усердское; 18 — Алексеевское; 19 — Колтуновское; 20 — Мухоудеровское; 21 — Верхнеольшанское; 22 — Павловское; 23 — Маяцкое; 24 — Костомарово.

Источниками фиксируется транзит через Дон и переволоку на Волгу, осуществлявшийся скандинаво-русами и не сказавшийся принципиально на уровне развития местной торговли и товарно-денежных отношений. Более глубокому проникновению русов в жизнь региона помешали, как представляется, три основных фактора: 1) последовательная таможенная и пограничная политика Хазарии, проводившаяся вплоть до второй половины X в.; 2) традиционное военное преобладание кочевников в низовьях Дона, не позволившее русам закрепиться

здесь, устроить форпосты, торгово-ремесленные поселения подобные тем, которые они создали на стратегически важных для них речных путях на севере Восточной Европы; 3) высокий военный потенциал населения Северо-Западной Хазарии, блокировавшей путь вверх по Северскому Донцу к истокам рек Окского и Днепровского бассейнов.

Основным направлением торговых отношений салтовского населения Придонецья были, по всей видимости, связи с византийско-крымскими городами, возможно, что и с Таманью. Практически полное отсутствие византийских монет этого времени в регионе [Кропоткин 1962, с. 10–12] свидетельствует о безмонетном, обменном (товар на товар), характере этих торговых отношений. Основным импортным товаром для местного населения является, скорее всего, вино, привозившееся в амфорной таре, многочисленные остатки которой зафиксированы на всех салтовских поселениях, реже, предметы роскоши (косметика, благовония, шелковые ткани, бусы). Предметами вывоза служили, вероятно, зерно, шкуры, мясо, мед, воск, возможно, меха, может быть даже в небольшом количестве и рабы. Это традиционные формы торговли греческого, римского, византийского Крыма, которые воспродолжались из эпохи в эпоху, прекращались в периоды войн и нашествий и возобновлялись в условиях мира и стабильности. Хазары, по всей видимости, смогли создать и поддерживали такую стабильность в районе Керченского пролива, дельты, нижнего [Ларенок 1987, с. 89] и среднего течения Дона, русла Северского Донца около двух столетий, с середины VIII — до середины X вв.

Несмотря на то, что эта торговля не получила никакого отражения в письменных источниках своего времени, ее существование однозначно подтверждается данными археологии (прежде всего, многочисленностью тарной керамики). Кроме того, существование подобного направления торговли и определенной модели торговых отношений между Крымом и лесостепной зоной Восточной Европы было обусловлено объективными и очевидными географическими условиями, поскольку в восточном Причерноморье нет другого водного пути в Восточную Европу, кроме как через Керченский пролив, Азовское море и Дон. Специфические природные условия и традиции хозяйства населения «варварского» севера и византийского юга также определяли характер об-

мена. Следует подчеркнуть, что такое развитие торговли и использование маршрутов по Дону и Донцу находит аналогии как в более древней, античной, так и в более поздней, средневековой истории региона (античный Танаис и венецианская¹ Тана² выполняли сходные колониальные функции³ [Скржинская 1996, с. 204–240]). Наконец, необходимо указать, что все это было возможно в сложившихся к середине VIII в. геополитических условиях, подвергавшихся с течением времени определенным ударам и угрозам (появление печенегов в 889 г. в междуречье Дона и Днепра; описанные Константином Багрянородным нападения алан на хазарские сухопутные пути, пересекавшие этот же регион; нападение руси на Самкерц, ставшее известным благодаря Кембриджскому Анониму), но сохранявшихся, в целом, вплоть до похода Святослава в 965 г.

Торговый путь Керченский пролив-Дон, Дон-Донец стал активно функционировать (был в очередной раз возобновлен) благодаря удачно сложившимся геополитическим условиям, но, со временем, хазарское правительство начинает целенаправленно поддерживать и укреплять эти условия, по всей видимости для того, чтобы сохранить и торговлю, и торговый путь, и свою выгоду от военного превосходства на нем. Одним из элементов сохранения этой геополитической системы стал Саркел, построенный с византийской помощью около 840 г.

Впрочем, Саркел не был единственным хазарским укрепленным пунктом в районе Нижнего Дона. Как показывают исследования последних лет, хазарская оборона этого региона основывалась на целой

¹ Е. Ч. Скржинская подчеркивала, что «Тана — преимущественно венецианская колония, хотя уже в XIV в. там имели свой квартал и генуэзцы...» [Скржинская 2000, с. 115–116].

² Историческая память населения степных районов Восточной Европы о периоде хазарского господства была настолько сильна, что, по данным Иосафата Барбаро, даже в XV в. «...до нынешнего дня «пико», т. е. локоть, которым меряют в Тане и по всем этим местам, называется «газарским локтем»» [Барбаро 1996, с. 145].

³ Кроме того Тана, что крайне важно, выполняла и таможенные функции. Иосафат Барбаро знал некоего Коцадахута — ордынского татарина, являвшегося «...коммеркиарием хана, который через него сдирал пошлину с товаров, ввозимых в Тану» [Барбаро 1996, с. 142]. Вполне вероятно наличие подобного хазарского, а может быть и византийско-хазарского таможенного пункта в низовьях Дона в IX — начале X вв.

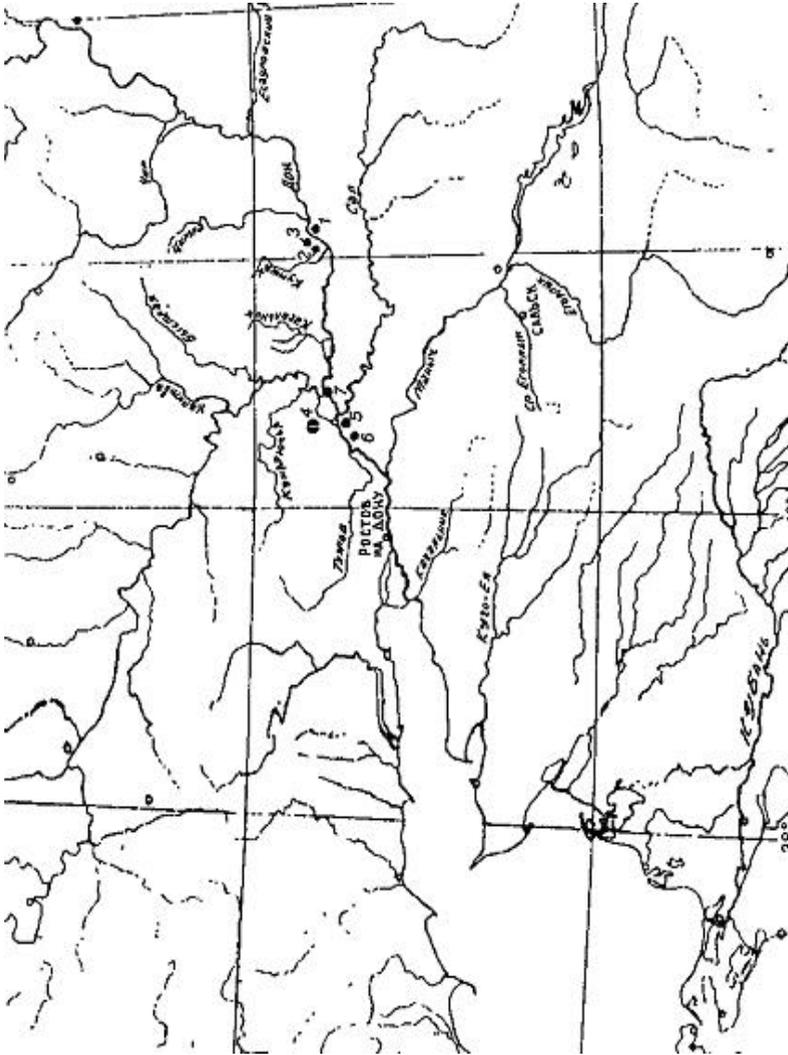

Рисунок 11. Хазарские крепости Нижнего Дона (по В. С. Флерову [Флеров 2002, с. 152]).

1 — Саркел; 2 — Правобережное Цимлянское городище; 3 — Камышевское городище; 4 — Крымский комплекс; 5 — Семикаракорское городище; 6 — Карповка; 7 — остров Куркин, Золотовское городище.

системе крепостей [Ларенок 1987, с. 87], перекрывавших как речные, так и сухопутные пути (см. Рис. 11). Одно из важнейших мест в созданной в хазарское время структуре обороны, пограничного и таможенного контроля занимало, по всей видимости, Семикаракорское городище [Флеров 2001, с. 56–70].

Троянский конь русской торговли, приносившей и таможенную выгоду, и определенное беспокойство, появился здесь уже в первой половине IX в. [Christian 2000, р. 335–341], но был, как представляется, распознан хазарскими правителями. В 912/13 г. русы, несмотря на внушительные размеры их армии, еще были вынуждены договариваться с хазарскими гарнизонами в районе Керченского пролива и Дона для того, чтобы пройти через переволоку на Волгу. В 941 г. они совершают попытку нападения на один из основных пунктов этого пути — Самкерц. Попытку, которая наталкивается на ожесточенное сопротивление хазар и заканчивается полным поражением отряда русов. В 965 и 969 гг. эта затянувшаяся конкуренция в борьбе за преобладание на торговых путях завершается разгромом Хазарского каганата.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемое исследование «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.)» в очередной раз продемонстрировало широту и разнообразие исторических факторов, влиявших на жизнь населения ранне-средневековой Восточной Европы. Переживая воздействие этих общих факторов, каждая этноплеменная группа, тем не менее, осуществляла свой собственный исторический путь, характер которого во многом зависел от уникальных региональных условий. Эти местные условия, характер населения, его способность противостоять стороннему воздействию каждый раз приводили к особому, индивидуальному ответу этноса на вызов внешней среды. Таким ответом могло стать переселение на новые места или покорение сильному сопернику, постепенная потеря собственного пути развития и идентичности. В иных случаях наблюдается упрямое сохранение и консервация традиционных форм жизни, упорная борьба с любым внешним воздействием, которая вела к длительному сохранению племенного строя и родоплеменных отношений. В то же время, гораздо чаще болезненное и мучительное преобразование старых отношений, проходившее на фоне типичных для раннего средневековья форм внеэкономического принуждения, эксплуатации, работорговли, имело следствием определенный социальный прогресс и создание ранних форм государственности.

Изучение конкретного фактического материала показывает, что использование каких бы то ни было спекулятивных (запрограммированных заранее на определенный ответ) мировоззренческих схем для реконструкции исторического процесса всегда оказывает только негативное воздействие на научное исследование. Фактически возникает ситуация, когда реальный исторический материал подменяется различными схоластическими построениями, требующими, если не подтаковки, то, по крайней мере, соответствующей перегруппировки фактов. Наиболее приемлемым, таким образом, является научно-эмпирический подход, когда в ходе изучения фактической базы какие-то закономерности и причинно-следственные связи определяются на основе самого исторического материала.

Однако, следует отдавать себе отчет в том, что далеко не все проявления исторического процесса доступны для исследования и освещены в источниках. Особенно это касается раннесредневековой Восточной Европы, данные письменных источников для которой относительно немногочисленны. Впрочем, существующие археологические, нумизматические и др. материалы также далеко не всегда позволяют точно ответить на все возникающие вопросы. В этой связи, результатом обобщающего исследования «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII — третья четверть X вв.)» может быть только более или менее приближенная к реальности историческая реконструкция, вероятная модель исторического процесса.

Именно такая модель и была предложена вниманию читателя в настоящем исследовании. Без претензии на окончательный охват всей немислимой совокупности археологических или контекстных исторических фактов были, как представляется, выявлены основные структурные элементы, историко-географические ориентиры и опорные закономерности истории лесостепного Придонечья в хазарское время, в конце VII — начале X вв. Очевидно также, что подобная модель не исключает дальнейшего ее уточнения, дополнения, а возможно, со временем, и переосмысления отдельных выдвинутых положений.

В перспективе такие дополнения будут неизбежны, когда будет разработана не усредненная, конец VIII — начало X вв., а более точная хронология салтовских древностей, которая позволит определить время существования отдельных памятников СМК и, особенно, их верхнюю хронологическую границу. Очень важным представляется также дальнейшее картографирование салтовских объектов, реконструкция микрорегионов и более полное изучение входящих в них комплексов. Это позволило бы лучше и подробнее воссоздать племенную структуру лесостепного населения хазарского времени. Параллельное исследование могильников и селищ полной площадью позволит точнее ответить на вопросы, связанные с изучением семьи, родовой или территориальной общины, эволюцией этнического состава населения, его демографией. Дальнейшее обнаружение и публикация нумизматических материалов и серий импортных предметов даст возможность проследить конкретные этапы развития торговли алано-болгар Придонечья с Азово-Черноморским и другими регионами, уточнить хронологию,

направления и приоритеты торговых отношений. Наконец, обнаружение и четкая фиксация следов насильственной гибели салтовских памятников облегчит поиск ответа на вопрос о конкретных причинах исчезновения культуры и дальнейших судьбах оставившего ее раннесредневекового населения.

В настоящее же время можно сказать следующее. Этнический состав населения Северо-Западной Хазарии был сформирован в результате сложных процессов, вызванных хазарским завоеванием Днепро-Донского междуречья. Одним из основных элементов этого населения становятся протоболгарские родовые группы. В результате хазарской экспансии они утрачивают привычную систему племенных связей и образуют новые родоплеменные структуры, существующие уже в условиях хазарского господства. По всей видимости, в это время происходит смешение представителей разных протоболгарских племен, и без того имевших сложный этнический состав. Данные «грунтовых», ямных могильников протоболгарского варианта СМК свидетельствуют о существовании различных вариантов погребального обряда, сохраняющего у отдельных родоплеменных групп тюркские, иранские и угорские элементы. Необходимо подчеркнуть, что возникшая в хазарское время тенденция к этнокультурному сближению указанных этнических групп не была реализована до конца: ее развитие было прервано насильственным путем. Можно предположить, что кочевые протоболгары южного Придонецья в IX в. вливаются в состав сначала венгерских, а после 889 г. и печенежских орд, кардинально меняя направление своего исторического развития. В то же время не исключено, что какая-то часть венгров после появления печенегов в Днепро-Донском междуречье не ушла на запад, а была оттеснена на север, в район расположения лесостепного варианта СМК.

Находившиеся на севере, в лесостепи, протоболгарские родоплеменные группы разного этнического оттенка живут чересполосно с аланами. При этом они сохраняют собственную социальную организацию, имеют отдельные поселения и могильники. Они воспринимают в целом салтово-маяцкую культуру, но, в то же время, сохраняют значительное количество признаков кочевой культуры, отдельные приметы кочевого быта. Характерно, что некрополи лесостепных протоболгар богаче степных. В частности на них обнаружено значительное количество

инвентаря, оружия, неоднократно зафиксированы погребения с конем. Напрашивается предположение, что лесостепное протоболгарское население, наряду с аланами, могло выполнять какие-то пограничные, военные функции. Последнее, естественно обеспечивало бы ему рост благосостояния и большую самостоятельность. Степные протоболгары находились ближе к хазарам. Вероятно, они подвергались большей эксплуатации, традиционно выражавшейся у кочевников в необходимости выплаты дани скотом или прямом изъятии части стада.

Сами хазары в Днепро-Донском междуречье, по всей видимости, не жили и не кочевали. Их присутствие в этом регионе ограничивалось набегами, даннической зависимостью местных племен, вероятно, присутствием временных военных контингентов. Традиционным местом хазарских кочевий являлись степи Северо-Западного Прикаспия, современной Калмыкии и Волго-Донского междуречья, о чем неоднократно свидетельствуют данные арабо-персидских и хазаро-еврейских источников. По всей видимости, к концу VII — началу VIII в. последние попытки сопротивления гасятся хазарами. С этого времени как степные, так и лесостепные племена Днепро-Донского междуречья оказываются в условиях военно-политического преобладания Хазарского каганата. На начальных этапах хазарского завоевания отношения между хазарами и подчиненными ими народами складывались болезненно. Фактически они имели форму военного принуждения, о чем свидетельствуют соответствующие клады на славянских территориях, а также памятники Перещепинского типа.

Следует отметить, что сформулированный выше характер хазарского присутствия в Днепро-Донском регионе не позволяет трактовать памятники Перещепинского типа как погребения хазарской знати¹. Для большинства объектов этого круга сохраняется прежнее разнообразие этнических трактовок, противоречия которого несколько сглаживаются компромиссным определением «памятники раннехазарского времени». Такой подход представляется наиболее приемлемым для реконструкции исторических процессов, происходивших в Днепро-Донском междуречье в конце VII — начале VIII вв.

¹ Только Вознесенский комплекс мог возникнуть в результате какого-то военного конфликта хазар и их противников.

После второй арабо-хазарской войны 737 г. (во время которой арабские войска под командованием Мервана вторглись в хазарские степи и предгорья Северного Кавказа) начинает формироваться новая, более последовательная в отношении восточноевропейских народов и территорий политика Хазарского каганата. Около середины VIII в. в бассейн Северского Донца переселяются аланы. Анализируя все известные версии этого переселения, в качестве главного фактора этого процесса следует выделить внутреннюю политику хазарского государства, осознанное и целенаправленное переселение части алан. Целью этой акции могло быть ослабление потенциального противника на Северном Кавказе — собственно аланских племенных союзов; создание форпоста на северо-западе, на границе с данническими славянскими племенами; обеспечение земледельческой базы в местах, недоступных для нападений арабов.

Как известно, аланы принесли с собой развитые навыки хозяйственной деятельности и культуру, которая через некоторое время становится салтово-маяцкой культурой полиэтничного алано-болгарского населения. По всей видимости, после переселения алан и образования алано-болгарской чересполосной зоны заселения, все еще сохраняется кровнородственный или псевдокровнородственный принцип организации общества. Фактически репродукция кровных уз (даже после разрушения и переселения исходных коллективов) характерна для кочевого и полукочевого населения Евразии на протяжении всей древней и средневековой истории. Это позволяло консолидироваться и выжить оставшимся в живых членам разных родоплеменных образований. Так, через одно-два поколения воспроизводилась новая устойчивая родовая единица, способная к сопротивлению внешней агрессии, обладающая определенным запасом прочности и возможностями для защиты своих членов. В то же время полиэтничный, чересполосный характер расселения оставлял возможность как для сохранения своих этнических особенностей (тюркских, иранских, угорских) отдельными коллективами, так и для пополнения этой условной (территориальной) общности новыми группами иного этнического происхождения.

Наиболее многочисленной, устойчивой в социальном и культурном отношении частью этого конгломерата были аланы. Вероятно

именно аланы определяют основы общей социальной структуры и военной организации населения региона. Реконструкция этой структуры позволяет говорить о развитом и устойчивом племенном строе, обеспечивавшем и внутреннюю организацию, и внешнюю защиту ала-но-болгарских родоплеменных групп. В основе такой социальной организации находилась большая семья, объединявшая несколько поколений родственников, состоявшая из нескольких десятков человек. Такая семья была характерна как для алан, так и для кочевых или полукочевых аилов протоболгар. Военным эквивалентом нескольких таких семей мог быть десяток воинов — типичная низовая единица организации войска в Евразии.

Следующим элементом организации была община. Как уже отмечалось выше, большинство таких общин имело кровнородственный или псевдокровнородственный характер. Впрочем, для крупных центров скопления населения, таких как, например, Верхний Салтов, нельзя исключить и территориального принципа проживания различных групп людей. О наличии предпосылок для формирования территориальных общин свидетельствует биритуализм некоторых протоболгарских могильников, в качестве примера можно привести некрополь у с. Красная горка и появление ямных погребений на катакомбном Дмитриевском могильнике. Общины, в зависимости от их численности могли выставить воинский контингент размером в сотню или несколько сотен воинов.

В рамках военнопграничных функций, а также в условиях высшей стадии развития племенного строя общины группируются в племена или небольшие союзы племен, которые, по существующей в них системе управления, могут быть названы вождествами. Военным эквивалентом такого вождества может быть тысяча, хотя цифра эта конечно условна (до тысячи, более тысячи — самостоятельный крупный военный отряд).

Исходя из результатов картографирования салтовских памятников (городищ и микрорегионов) можно предположить, что отдельные вождества могли объединяться в сложные вождества, обеспечивавшие

¹ Следует отметить, что подобные ямные погребения могли принадлежать и домашним рабам-иноплеменникам, получившим статус «младших» родственников.

союз нескольких племен. В таком случае они могли выставить военный контингент в пределах десяти тысяч¹ человек. Учитывая известную по другим регионам систему хазарского управления зависимым населением, такие сложные вожества могли находиться в ведении отдельных хазарских тудунов. Пока нет оснований для того, чтобы предполагать единую систему управления всем регионом и, соответственно, приписывать «столичную» роль тому или иному салтовскому городищу. Более того, исследования последних лет² показали, что то особое положение, которое традиционно отводилось Верхнесалтовскому комплексу, было обусловлено не столько реальным положением этого объекта, сколько слабой изученностью других комплексов. В то же время нельзя исключить и некой иерархии аланских племен, от более крупных и сильных, до меньших по численности и слабым. В этом случае каждой группе населения могут соответствовать и определенные памятники или комплексы.

Северо-Западная Хазария в составе своих вожеств, сложных вожеств и отдельных общин входила в состав суперсложного вожества, «кочевой политики» — Хазарского каганата. Говорить о феодальных отношениях в рамках этого тюркского раннегосударственного образования, по всей видимости, не приходится, среди его населения господствовал племенной строй. Также вряд ли можно всерьез рассматривать утверждение о конфедеративном характере хазарского государства. Конфедерация предполагает, по крайней мере, добровольное вхождение в нее ее членов и определенную внутреннюю свободу. В

¹ В условиях племенного строя, кочевых каганатов и «империй» размеры и численность воинских контингентов, определявшиеся термином сотня, тысяча, тьма (десять тысяч) могли быть достаточно условны и соответствовали, скорее, размерам родоплеменных подразделений, их выставлявшим, нежели каким-то точным величинам.

² Работы В. К. Михеева на городище «Коробов хутор», работы В. В. Колоды и его сотрудников на городище у пос. Мохнач, на Волчанском городище и ряде других памятников верхнего течения Северского Донца. Исследования Э. Кравченко на Сидоровском городище (средний Донец) вообще меняют существующие в науке представление об уровне экономического и социального развития подобных населенных пунктов. Здесь, вполне вероятно, со временем можно будет выделить отдельные признаки формирования раннесредневекового города, соответствующие элементы городской жизни.

рамках хазарского государства напротив наблюдается преобладание правящего этноса и насильственное включение в состав объединения самых разных народов и племен. Удерживались эти народы также при помощи насилия, натравливания друг на друга, династических браков — заложничества. Как только возможности для использования военной силы начинают иссякать, территория Каганата уменьшается, а входившие в его состав народы и племенные группы выходят из-под контроля.

Вероятно, место Северо-Западной Хазарии в военно-политической системе Каганата пережило определенную эволюцию. В частности оно трансформировалось от практически полного подчинения центральной власти в момент переселения алан с Северного Кавказа в Подонье (во второй половине VIII в.), до формирования относительно самостоятельной военно-племенной структуры (к середине — концу IX в.). Степень самостоятельности региона и его обособленности от хазарской власти, по всей видимости, колебалась, находилась в зависимости от усиления или ослабления центрального правительства.

Быстрое развитие экономики региона и постепенная этнокультурная консолидация входивших в него разнородных групп населения, происходившая на фоне ослабления влияния Хазарского каганата в Восточной Европе, свидетельствуют о появлении возможностей для оформления в лесостепном Подонье-Придонецье независимого от Хазарии этнополитического образования. В силу внешних военно-политических причин тенденция эта не была реализована, и Северо-Западная Хазария просто прекратила свое существование. По-прежнему невозможно точно объяснить причины гибели культуры. Понятно, что это связано с концом хазарской эпохи. Однако какие конкретные события вызвали уход населения, неизвестно. Наиболее вероятным объяснением представляется военно-политическое давление со стороны Древней Руси вообще и поход Святослава 965 г. в частности.

В качестве одного из факторов истории Северо-Западной Хазарии (взаимосвязанного и с хозяйственной, и с социальной эволюцией ее населения) обычно рассматривали процесс оседания кочевников на землю. Впрочем, признаки этого оседания, проявляющиеся, прежде всего, в традициях домостроительства, не представляются настолько масштабными и определяющими, как это казалось ранее. При более

внимательном изучении т. н. «великое оседание» распадается на несколько локальных процессов, вызванных к жизни не закономерностями «стадиального характера», а конкретными историческими причинами. В частности, индивидуально оседали обедневшие кочевники, лишенные скота и возможности кочевать. Оседали также побежденные, ограбленные, изгнанные со своих территорий беженцы. В то же время, здоровые кочевые общества в условиях избытка пастбищ и скота стадильной тенденции к оседанию не имели, напротив они продолжали успешно кочевать, удовлетворяя все основные потребности за счет возможностей кочевого скотоводства. Оседлый характер жизни населения Северо-Западной Хазарии, как и некоторых памятников степного Придонецья, не должен и не может объясняться результатами оседания кочевников на землю. Видимо, он был обусловлен изначально оседлым образом жизни, соответствующим хозяйством и культурой переселившихся в Подонье-Придонецье племен. В качестве доказательства можно рассматривать весь комплекс их материальной культуры, не имеющий никаких признаков эволюции от кочевого к оседлому образу жизни. В частности, это касается традиций домостроительства, свидетельствующих о долгом и привычном опыте оседлой жизни.

Поиск контекстных историко-географических ориентиров (необходимых для понимания места Северо-Западной Хазарии в исторической жизни Восточной Европы VIII–X вв.) привел к необходимости еще раз оценить существующие гипотезы об «имени» (этнониме) жителей этого региона. В этой связи возникла необходимость обратиться к проблеме локализации народа бургас, а также к оценке выдвинутых Г. Е. Афанасьевым аргументов в пользу бургасской идентификации аланского населения лесостепного Подонья-Придонецья. Проведенный с этой целью анализ письменных источников (арабо-персидской традиции, еврейско-хазарских документов и т. д.), а также соответствующих археологических материалов показал, что бургасы могут быть локализованы в районе среднего Поволжья. При этом набор их этнографических признаков соответствует археологическим характеристикам любого лесостепного населения между Волгой и Доном. Таким образом, гипотеза о тождестве бургасов с лесостепным вариантом

СМК представляется ошибочной и не может быть использована для реконструкции исторической географии Северо-Западной Хазарии. Как представляется, отдаленные от центров письменной культуры и находившиеся в русле хазарской политики алано-болгары Подонья-Придонецья могли фигурировать в средневековых документах под именем хазар или, иногда, в качестве асиев (асов), как предполагают некоторые исследователи.

Дальнейшее изучение историко-географического контекста показало, что ближайшими естественными географическими объектами, позволяющими выявить наиболее важные факторы истории региона, являются Дон и Керченский пролив. Именно в этом геополитическом пространстве происходили события, которые не могли не повлиять на положение Северо-Западной Хазарии. Противостояние Хазарского каганата и кочевников (прежде всего, печенегов и гузов); противостояние хазарской¹ таможенной политики и военно-торговых интересов русов (росов, руси); самостоятельная политика северокавказских алан; ухищрения византийской дипломатии — все это определяет содержание исторического процесса в зоне Керченского пролива и Нижнего Дона в VIII–X вв. Именно здесь, по всей видимости, находились те «девять климатов Хазарии», из которых хазары получали необходимые жизненные блага, в том числе и продукты земледелия. Кроме того, это на них не без участия византийской политики совершали нападения северокавказские аланы.

Итак, хазары контролируют Керченский пролив, Нижний Дон и Волго-Донскую переволочку. Они получают 10% таможенную пошлину от проходящих этим путем купеческих караванов, для чего держат в этих местах военные гарнизоны и представителей своей администрации. Русы перманентно стремятся овладеть всеми речными путями Восточной Европы. Они практикуют торговлю мехами и работорговлю, получают за это и вывозят в больших количествах на север монетное серебро. По сути, основными работорговцами Восточной Европы с середины IX и по начало X в. являются именно русы. Они покоряют

¹ В определенные периоды эта таможенная политика могла быть хазаро-византийской или, даже, византийско-хазарской, учитывая традиционные торгово-экономические интересы Византии в этом регионе (см. параграф 6.4.).

прибрежные племена, путем прямого принуждения получают у них необходимые для торговли товары, зимуют у них и за их счет. На севере Восточной Европы, в лесной зоне, по берегам рек Днепровского и Волго-Окского путей возникают города-фактории, торгово-ремесленные пункты со смешанным населением и явным присутствием элементов скандинавской культуры (Тимерево, Гнездово, Сарское городище, Старая Ладога и т. д.).

Эта тенденция на юге Восточной Европы, в районе Волжского и Донского путей, наталкивается на противодействие Хазарского каганата и союзных ему народов. Наиболее яркие конфликты между хазарами и русами, зафиксированные авторами письменных источников, происходят в первой половине X в. Во-первых — это разгром русов в районе Итиля после грабительского похода последних на Каспий в 912/13 г. Во-вторых — военный конфликт в зоне Керченского пролива между русами Хельгу и хазарами Песаха, также закончившийся поражением русов в 941 г. Как известно, месть русов, результатом которой стала гибель Хазарского каганата, последовала в 965 и 969 гг.

Характерно, что в этих условиях хорошо вооруженное, организованное и воинственное население Северо-Западной Хазарии, по всей видимости, успешно противостоит отрядам речных разбойников и торговцев-русов. Обращает на себя внимание факт отсутствия каких бы то ни было скандинавских материалов на памятниках региона. В то же время, строительство хорошо укрепленных городищ на высоких берегах Донца, наличие прекрасно экипированных отрядов (всадников и пеших воинов), местной военной элиты (погребения предводителей), свидетельствуют о достаточно комфортном и независимом состоянии населения рассматриваемого региона. Оно не входило в зону работорговли, не являлось источником рабского товара и жестко контролировало проходившие через регион реки и речные пути. В результате, основные перемещения русов в восточном направлении осуществляются в это время по самой Волге, по Днепру и Оке, по Черному и Азовскому морям, Керченскому проливу и Дону, но никак не по Донцу и его притокам. Таким образом, Северо-Западная Хазария оказалась надежным заслоном на Донецком пути, и ее население само определяло режим его использования.

Как показал анализ нумизматического материала и предметов импорта, т. н. «восточная» торговля почти не достигала Подонья-Придонецья. Тому было несколько причин: 1) большие расстояния и опасности торговых путешествий через степи и водоразделы, отпугивавшие восточных купцов; 2) отсутствие в регионе наиболее привлекательных товаров — рабов и мехов. Последнее, очевидно, было вызвано тем, что население Северо-Западной Хазарии имело свою достаточно эффективную экономику и не нуждалось в подобных формах повышения своего благосостояния или, по крайней мере, они не были здесь основными.

Возможно, что свою роль сыграло и отсутствие русов в Доно-Донецком регионе. Можно сказать, что торговая активность русов и восточных купцов не просто пересекалась, но фактически накладывалась одна на другую. В областях, прилегающих к волжскому (в широком смысле) торговому пути, русы эксплуатируют местные ресурсы, добывают необходимые для восточных купцов товары. В свою очередь восточные купцы, нуждающиеся в этих товарах, везут серебро, ради которого русы и ведут всю эту деятельность. Эти совместные и взаимовыгодные ранние формы эксплуатации природных ресурсов и населения Восточной Европы приводят к своего рода торгово-экономическому симбиозу русов и восточных купцов. Впрочем, эти отношения далеко не стабильны, они прерываются спорадическими попытками русов самостоятельно добраться до источников серебра, примером чего могут служить пиратские набеги на Каспий. Заканчивается отмеченное торговое партнерство с началом серебряного кризиса в мусульманских странах.

На Донце существовал свой режим внешней торговли, никак не связанный с работорговлей и торговлей куфическим серебром. Не случайно арабо-персидские географы имеют весьма туманные представления о Доне, да и то только о его нижнем течении, и вообще ничего не знают о Северском Донце. По всей видимости, здесь велась меновая, безмонетная торговля с византийскими городами Крыма и Таманью. Основными товарами в этой торговле со стороны носителей СМК были продукты земледелия и скотоводства. Византийские купцы в качестве товаров использовали, как правило, вино, возможно масло, нефть, ткани, благовония и бусы. Таким образом, на пути Керченский пролив,

Азовское море, Дон, Донец существовал типичный для античного, римского, позднее — византийского населения Крымского полуострова режим торговли с варварской периферией. Набор товаров и маршруты этой торговли сформировались в целом, уже в VI–V вв. до н. э., то есть тогда, когда на Боспоре начинается собственное производство вина. Соответственно, подобная торговля возобновляется всякий раз, когда в регионе устанавливается относительное затишье, в данном случае — «хазарский мир» [Готье 1927, с. 83]. Как представляется, такая торговля была одним из факторов византийско-хазарской политики в зоне Керченского пролива. Одним из ее проявлений было строительство Саркела Петроной Каматиром в 840–841 гг., другим — интриги Романа Лакапина против Самкерца около 941 г.

Только после того, как русы (росы, русь) оседают в Киеве и переходят к целенаправленным территориальным захватам в Восточной Европе, ситуация меняется. Вероятно, где-то в контексте обострившихся военно-политических взаимоотношений между слабеющим Хазарским каганатом и набирающей силу Русью нужно искать причины гибели салтово-маяцкой культуры. Исчезла культура и соответствующая периоду хазарского господства целостность населения, но не исчезли, не погибли полностью носители этой культуры, обитатели Северо-Западной Хазарии. Об этом, как уже говорилось выше, свидетельствует отсутствие следов погромов и пожаров на подавляющем большинстве изученных салтовских поселений. Большинство из них жители покинули сами и достаточно спокойно.

Можно предположить, что протоболгарские роды в новых условиях ищут себе новых покровителей. Возможно, что они вливаются в состав кочевых объединений печенегов, гузов, а также становятся сателлитами русских князей в Поросье или на Черниговщине. Часть алан, очевидно, уходит на север, в районы проживания мордвы или славян. Там они очень быстро ассимилируются и теряют привычные культурные признаки. Возможно, большая часть алан, в результате угрозы со стороны Руси, напротив, уходит на юг, не исключено, что на средний и нижний Донец, в Крым, на Северный Кавказ. Здесь их имя — Яссы, известно в течение длительного времени, вплоть до монгольского нашествия.

Таким образом, между славянскими племенами и кочевой степью, между Киевом и Итилем, хазарами и Византией в VIII–X вв.

разворачивалась жизнь своеобразного во всех отношениях региона. Его жители, несмотря на зависимость от политики Хазарского каганата, сумели сохранить удивительную культурную, экономическую и социальную самобытность. Однако гибель метрополии не могла не потрясти самих основ существования алано-болгарского населения Подонья-Придонечья. В новых исторических условиях оно было вынуждено искать иную политическую и социально-экономическую нишу. Люди ушли, оставив о себе память длиною в тысячелетие и множество вопросов, на которые еще предстоит дать ответ будущим поколениям исследователей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и Средние века.
АДУ — Археологічні дослідження в Україні.
АО — Археологические открытия. Москва.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь.
ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
Вісник ХДАК — Вісник Харківської державної академії культури.
Вісник ХДУ — Вісник Харківського державного університету.
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
ЗИАН — Записки императорской академии наук. Санкт-Петербург.
ИГАИМК — Известия государственной академии истории материальной культуры.
КБЧ — Книга Большому Чертежу.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения института археологии АН УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры АН СССР. Москва. Ленинград.
КСИЭ — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института этнографии АН СССР.
ЛР — Літопис руський.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НПА — Новгородская первая летопись.
ПВА — Повесть временных лет.
ПР — Правда Русская.

- ПСРА — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РАН — Российская академия наук.
СА — Советская археология.
СМК — Салтово-маяцкая культура.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СС — Східний Світ. Київ.
СЭ — Советская этнография.
УЖ — Український історичний журнал.
ХИМ — Харьковский исторический музей.
ХКТ — Хозяйственно-культурный тип.
ЭО — Этнографическое обозрение.
АЕМА — Archivum Eurasiae Medii Aevi.
HUS — Harvard Ukrainian Studies.
REB — Revue des Etudes Byzantines. Paris.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'Сам Ал Куфи. Книга завоеваний. (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. акад. З. М. Буниятова. — Баку: ЭЛМ, 1981. — 84 с.
2. Авдусин Д. А. Современный антинорманизм: О концепциях образования Древнерусского государства // Вопросы истории. — 1988. — № — С. 23–34.
3. Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. — 1985. — № — С. 191–205.
4. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примеч. М. В. Левченко. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 219 с.
5. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. — 1990. — В. 1. — С. 4–86.
6. Айбабин А. Келегейское погребение военного вождя // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1991. — В. 2. — С. 28–35.
7. Айбабин А. И. Могильники VIII — начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. — 1993. — В. 3. — С. 121–134.
8. Айбабин А. И. Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV–VI вв. // МАИЭТ. — 1993. — В. 3. — С. 206–211.
9. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. — 1993. — В. 3. — С. 211–222.
10. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь: ДАР, 1999. — 352 с.
11. Акимова М. С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. — М.: Наука, 1964. — 196 с.
12. Аксенов В. Н., Гришаков В. В. Тенишевский могильник // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тыс. н. э. — Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1988. — С. 63–79.
13. Аксенов В. С. Импортная керамика в погребениях с конем могильника Красная горка салтовской культуры // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. — Харьков, 1995. — С. 95–96.
14. Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. — Киев: Наукова думка, 1996. — С. 116–129.
15. Аксенов В. С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника // Вісник ХДУ. — №96. — Харків, 1997. — С. 31–37.
16. Аксенов В. С. Об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ: Сер. Історія. — Харків, 1998. — №0 (413). — С. 39–51.

17. Аксенов В. С., Михеев В. К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э.: вопросы хронологии. Материалы II Международной археологической конференции. 17–20 ноября 1997 г. — Самара, 1998. — С. 344–357.
18. Аксьонов В. С. Поховання з конем другої половини VIII–X ст. верхньої течії р. Сіверський Донець: За матеріалами салтівських ґрунтових могильників / Дис... канд. іст. наук. На правах рукопису. — Харків, 1999. — 277 с.
19. Аксенов В. С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского IV катакомбного могильника в 1999 г. — Харьков, 2000. — 36 с. / Рукопись. Архив ХИМ.
20. Аксенов В. С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского IV катакомбного могильника в 2000 г. — Харьков, 2001. — 25 с. / Рукопись. Архив ХИМ.
21. Аксенов В. С., Тортика А. А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 2. Хазарское время. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. — С. 191–218.
22. Аксенов В. С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // Хазарский Альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 6–17.
23. Аксенов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII — первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника) // Хазарский Альманах. — Т. 3. — К. -Харьков, 2004. — С. 5–24.
24. Аксенов В. С. К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца // Хазары, евреи и славяне. — Т.16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 219–230.
25. Ал-Балазури. Книга завоевания стран / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. — В. 3. — Баку, 1927. — 23 с.
26. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. — 1968. — № — С. 35–45.
27. Алихова А. Е. К вопросу о буртасах // СЭ. — 1949. — № — С. 48–57.
28. Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I-го начала — II-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. — Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1959. — С. 9–23.
29. Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. — 1971. — № — С. 96–123.

30. Амброз А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов. — М., 1982. — С. 204–222.
31. Амброз А. К. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.) // СА. — 1985. — № — С. 293–303.
32. Ангелов Д. Образуване на българската народност. — София, 1981. — 241 с.
33. Ангелов Д. Славяне и протоболгары в догосударственный период // Советское славяноведение. — 1986. — № — С. 29–38.
34. Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. — М.: Наука, 1985. — 280 с.
35. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. — Т. 3. — М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 71–112.
36. Анохин Г. И. К проблемам заселения и возникновения поземельной общины в древней Норвегии // Культура и быт народов зарубежной Европы. — М.: Наука, 1967. — С. 7–67.
37. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. — 1896. — В. 3/4. — С. 277–456.
38. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. — Л.: Соцэкгиз, 1936. — 146 с.
39. Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. — 1940. — Т. 6. — С. 130–167.
40. Артамонов М. И. К вопросу об этногенезе в советской археологии // КСИИМК. — М.-Л., 1949. — В. 29. — С. 3–16.
41. Артамонов М. И. История хазар. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. — 523 с.
42. Артамонов М. И. Славяне и норманны в Восточной Европе в период образования русского государства // Вестник Ленинградск. ун-та. Сер. 2.: История, языковедение, литературоведение. — Л., 1984. — В. 4. — С. 3–6.
43. Архипов А. А. Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древнейший период. — М., 1984. — С. 224–240.
44. Астайкин А. А. Библиография по истории Хазарии // А. Н. Гумилев. Сочинения. — М., 1996. — Т. 6. — С. 623–635.
45. Атавин А. Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. — Самара: СамВен, 1996. — С. 208–264.
46. Афанасьев Г. Е. Поселения VI–IX вв. в районе Кисловодска // СА. — 1975. — № — С. 53–61.
47. Афанасьев Г. Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. — Орджоникидзе, 1981. — С. 48–64.

48. Афанасьев Г. Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихой Сосны // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. — Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983. — С. 89–101.
49. Афанасьев Г. Е. Большая семья у алан // СА. — 1984а. — № — С. 66–82.
50. Афанасьев Г. Е. Этническая территория бургасов во второй половине VIII — начале X в. // СЭ. — 1984б. — № — С. 28–41.
51. Афанасьев Г. Е. Бургасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А. Х. Халикову) // СЭ. — 1985. — № — С. 164–169.
52. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.: аланский вариант салтово-маяцкой культуры // Археологические открытия на новостройках. — М., 1987. — В. 2. — С. 1–200.
53. Афанасьев Г. Е. Бургасы // Исчезнувшие народы. — М.: Наука, 1988. — С. 85–96.
54. Афанасьев Г. Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-бургасского населения бассейна Среднего Дона. — М.: Наука, 1993. — 184 с.
55. Афанасьев Г. Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. — 2001. — № — С. 43–54.
56. Ачкинази И. В. Об иудейских памятниках конца IX — начала X вв. из Крыма // Тезисы докладов Международной научной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». г. Симферополь. 21–27 сентября 1994 г. — Симферополь, 1994. — С. 84.
57. Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. — Симферополь: ДАР, 2000. — 192 с.
58. Балинд Ч. Погребения с конями у венгров в IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 176–188.
59. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. — К.: Наукова думка, 1990. — 168 с.
60. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану / Пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской // Каспийский транзит. — Т. 2. — М.: Изд-во ДИ-ДИК, 1996. — С. 125–180.
61. Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. — Т. 2. — Ч. 1. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — С. 810–858.
62. Бартольд В. В. Бургасы // Сочинения. — Т. 2. — Ч. 1. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — С. 868–869.
63. Бартольд В. В. Славяне // Сочинения. — Т. 2. — Ч. 1. — М.: Изд-во вост. лит., 1963 — С. 870–872.
64. Бартольд В. В. Улугбек и его время // Сочинения. — Т. 2. — Ч. 2. — М.: Наука, 1964. — С. 25–196.

65. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. — Т. 5. — М.: Наука, 1968. — С. 19–192.
66. Бартольд В. В. Leon Cahun, Introduction a L'histoire de L'Asie. Turcs et Mongols des origines a 1405. — Paris, 1896. [Рецензия] // Сочинения. — Т. 5. — М.: Наука, 1968. — С. 238–252.
67. Бартольд В. В. Введение к изданию «Худуд ал-Алам» // Сочинения. — Т. 8. — М.: Наука, 1973. — С. 504–545.
68. Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-Ахбар» // Сочинения. — Т. 8. — М.: Наука, 1973. — С. 23–62.
69. Батраков В. С. Особенности феодализма у кочевых народов // Научная сессия АН Узбекской ССР 9-14 июня 1947 г. — Ташкент: Изд-во АН Уз. ССР, 1947. — С. 433–446.
70. Безуглов С. И. Погребение кочевника VII в. н. э. на Нижнем Дону // СА. — 1985. — № — С. 248–252.
71. Бейлис В. М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — С. 21–28.
72. Бейліс В. М. Нові відомості про слов'ян у Північній Африці в X ст. // УІЖ. — 1962. — № — С. 111–113.
73. Бейлис В. М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутахара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1969. — С. 304–311.
74. Бейлис В. М. Ал Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С. 208–228.
75. Бейлис В. М. Ал Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. — Ростов-на-Дону: РГПИ, 1988. — С. 67–76.
76. Бейлис В. М. Сообщения Халифы Ибн Хайята ал-'Усфури об арабско-хазарских войнах в VII — первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 32–53.
77. Белорыбкин Г. Н., Халиков А. Х. Раскопки Армиевского могильника // АО. 1983 г. — М.: Наука, 1985. — С. 138.
78. Беляев А. Норманнская теория: Об антинаучности гипотезы о скандинавском происхождении российской государственности // Сибирь. — 1991. — № — С. 106–115.
79. Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. — М., 1986. — В. 1. — С. 11–29.

80. Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959–1956 гг. // КСИА АН УССР. — К., 1962. — В. 12 — С. 18–22.
81. Березовець Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. — 1965. — Т. 19. — С. 47–67.
82. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. — М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — 207 с.
83. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. — Л.: ЛГУ, 1951. — 256 с.
84. Бешевлиев В. Първобългарите. Бит и култура. — София: Наука и изкуство, 1981. — 165 с.
85. Бибиков М. В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. — СПб.: Изд-во АЛТЕИЯ, 1999. — 314 с.
86. Библиотека иностранных писателей о России / Труды В. Семенова. — СПб.: Иждивением М. Калистратова, 1836. — Т. 1. — 553 с.
87. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. 1. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 382 с.
88. Білик О. О. Реконструкція поясу із червоногусарівського могильника // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Харків, 1998. — В. 3. — С. 18–23.
89. Бокий Н. М., Плетнева С. А. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула // СА. — 1988. — № — С. 99–115.
90. Большаков О. Г. Рабство в странах Халифата // Рабство в странах востока в средние века. — М.: Наука, 1986. — С. 424–449.
91. Большаков О. Г. История Халифата. — Т. 2. Эпоха великих завоеваний (633–656 г.). — М.: Наука, 1993. — 292 с.
92. Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.: Социально-экономические отношения. Изд. 2-е, доп. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2001. — 344 с.
93. Бондаренко Д. М., Коротаяев А. В., Крадин Н. Н. Социальная эволюция, альтернативы и номадизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М., 2002. — С. 9–36.
94. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с франц. — М.: Прогресс, 1986. — 622 с.
95. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 412 с.
96. Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы: VI — начало XIII вв. — К.: Логос, 1997. — 218 с.
97. Бубенок О. Б. Аланы-асы Дніпровсько-Донського межиріччя на військовій службі в хозар // Хазарский Альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 18–28.
98. Бубенок О. Б. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). — К.: Истина, 2004. — 317 с.

99. Булгаков П. Г. «Книга путей и государств» Ибн Хордадбега: К изучению и датировке редакций // Палестинский сборник. — 1958. — В. 3(66). — С. 127–136.
100. Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. — Л.: ЛГУ, 1978. — 150 с.
101. Буниятов З. М. Азербайджан в VII–IX вв. — Баку: Изд-во АН Аз. ССР, 1965. — 382 с.
102. Бунятян К. П. Класифікація та типологія скотарства // Теорія та практика археологічних досліджень. — К.: Наукова думка, 1994. — С. 73–101.
103. Бурмов А. Към въпроса за произхода на прабългарите // Избрани произведения. — София, 1968. — Т. 1. — С. 22–45.
104. Бучинский И. Е. Климат Украины. — Л.: Гидрометеоиздат, 1960. — 130 с.
105. Бушаков В. Етноними Бодрак і Бургас: До питання про історичну долю бургасів // СС. — 1995/1996. — № 1 [6, 7]. — С. 94–103.
106. Быков А. А. Из истории денежного обращения в Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1974. — С. 26–71.
107. Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. — 1976. — № — С. 42–63.
108. Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // СЭ. — 1966. — № — С. 60–81.
109. Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура VI–XI век. — София, 1977. — 171 с.
110. Валеев Р. М. Торгово-экономические взаимосвязи Волжской Булгарии с Русью в IX — начале XIII вв. // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992. — С. 87–94.
111. Васильев А. А. Византия и Арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. — 183 с.
112. Васильев А. А. Византия и Арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. — 320 с. Приложения — 193 с.
113. Васильев А. А. Готы в Крыму. — Ч. 2. // ИГАИМК. — Л., 1927. — Т. 5. — С. 179–282.
114. Васильев Б. А. Проблема бургасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. — В. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 180–209.
115. Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. — Июль 1888. — С. 121–150.

116. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. — Т. 2. — В. 2. — СПб., 1912. — С. 396–400.
117. Варущенко С. И., Варущенко А. Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности Русской равнины в средние века // Известия АН СССР. Сер. географическая. — 1984. — № — С. 61–69.
118. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. — К.: Наукова Думка, 1968. — С. 45–82.
119. Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? // АДСВ. — 1980. — В. 17. — С. 19–33.
120. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. — Тверь-М.: ЛЕАН-АГРАФ, 1997. — 480 с.
121. Вестберг Фр. О. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. — 1908. — Ч. 13. — С. 364–412; Ч. 14. — С. 1–52.
122. Византийские историки: Дексиппъ, Эвнапий, Олимпиодоръ, Малхъ, Петръ Патрицій, Менадръ, Кандидъ, Ноннось и Феофан Византиец / Перевод Спиридона Дестуниса; примечания Гавриила Дестуниса. — СПб.: Иждивением Духовного ведомства, 1860. — XIII, 516 с.
123. Винников А. З. Жилые и хозяйственные комплексы Маяцкого селища // Маяцкое городище (Труды советско-болгаро-венгерской экспедиции). — М.: Наука, 1984. — С. 95–135.
124. Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI в.). — Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1995. — 168 с.
125. Винокуров Н. И. Античная винооторговля в Северном Причерноморье // БИ. — 2003. — В. 3. — С. 5–37.
126. Вихляев В. И. Культурные связи сурско-цининской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды. — В. 45. — Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1974. — С. 57–69.
127. Вихляев В. И. Мордовские племена эпохи разложения первобытнообщинного строя и их соседи // Этнокультурные связи мордвы: Дооктябрьский период. — Саранск: Мордовск. ун-т, 1988. — С. 11–25.
128. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — 223 с.
129. Вуд И. Кинокефаль: кто они? // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2003 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2005. — С. 13–35.
130. Въжарова Ж. Н. Славяни и прабългари (на данни на некрополите от VI–XI в. на територията на България). — София: Изд-во Българскта АН, 1976. — 448 с.

131. Гаврилюк Н. А. Скотоводство Степной Скифии. — К.: Б. и., 1995. — 140 с.
132. Гаврилюк Н. О. Вивчення історії економіки кочовиків за археологічними даними // СС. — 2001. — № — С. 188–194.
133. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. — М.: Б. и., 1996. — 296 с.
134. Гадло А. В. Восточный поход Святослава: К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России: Сборник статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. — Л.: ЛГУ, 1971а. — С. 59–67.
135. Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий в VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. — Л.: Геогр. об-во СССР. Отделение этнографии, 1971б. — С. 61–75.
136. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. — Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1979. — 216 с.
137. Гадло А. В. Северный Кавказ в IV–X вв.: проблемы этнической истории / Автореф. дис... докт. ист. наук. — М., 1984. — 38 с.
138. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в.). — СПб.: Типография Императорской АН, 1870. — 308 с.
139. Гаркави А. Я. Сведения еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. — СПб., 1874. — С. 261–422.
140. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. — Москва: Наука, 1964. — 196 с.
141. Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности: Опыт исследования закономерностей зарождения и раннего развития этноса. — Свердловск, 1970. — 126 с.
142. Генинг В. Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. — Казань: ИЯЛИ, 1989. — С. 4–15.
143. Георги И. И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. 2. — СПб., 1799. — 178 с.
144. Георги И. И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — Ч. 4. — СПб., 1799. — 385 с.
145. Герберштейн Сигизмунд (Барон). Записки о Московитских делах. — Новокамский Павел Иовий. Книга о московитском посольстве. — СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1908. — 382 с.
146. Геродот. История / Пер. и примечания Г. А. Стратановского. — М.: Науч.-изд. центр Ладомир, 2001. — 740 с.
147. Герцен А. Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский Альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 29–34.

148. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. — М.:Б.И., 1997. — С. 86–187.
149. Гильфердинг А. Собрание сочинений. — Т. 1. — СПб., 1968. — 442 с.
150. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послеслов. и коммент. В. Я. Петрухина. — М.-Иерусалим: Гешарим, 1997. — 239 с.
151. Голден П. Б. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма: структура власти и управления. — М.: Наука, 1993. — С. 211–233.
152. Голден П. Б. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 27–68.
153. Голубовский П. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: история южно-русских степей IX–XIII вв. — К., 1884. — 254 с.
154. Голубовский П. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом. — К.: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1888. — 43 с.
155. Гольмстен В. В. Буртасы // КСИИМК. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — С. 17–25.
156. Гопак В. Д. Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тыс. н. э. // СА. — 1976. — № — С. 46–56.
157. Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. — 1984. — № — С. 17–28.
158. Готье Ю. В. Кто были обитатели Верхнего Салтова // ИГАИМК. — 1927. — Т. 5. — С. 65–84.
159. Готье Ю. В. Ясы-Аланы в ранней русской истории // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. — 1927. — Т. 1(58). — С. 46–47.
160. Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. — М.: Наука, 1968. — С. 207–213.
161. Григорьев В. В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ЖМНП. — 1875. — Март. — Ч. CLXXVIII. — С. 1–27.
162. Григорьев В. В. Россия и Азия: Сб. исслед. и статей. — СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1876. — 575 с.
163. Грушевский М. [Рецензия]: Ю. Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. — Берлин, 1924. — 46 с. // Украина. — 1928. — Кн. 2. — С. 133.
164. Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII вв. // СЭ. — 1959. — № — С. 11–25.

165. Гумилев Л. Н. Орды и племена у древних тюрок и уйгуров // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — В. 1. — С. 15–26.
166. Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н. э. по XVI в. н. э.) // Колебания увлажненности Аралокаспийского региона в голоцене. — М., 1980. — С. 32–47.
167. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Мысль, 1992. — 781 с.
168. Гумилев Л. Н. Етногенез и Биосфера Земли. — М.: ТОО Мишель и Ко, 1993. — 503 с.
169. Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. — М.: Наука, 1977. — 327 с.
170. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
171. Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии // Нумизматика и эпиграфика. — 1960. — В. 2. — С. 92–118.
172. Давыдов Л. К. Гидрография СССР: Воды суши. — Ч. 2. Гидрография районов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1955. — 600 с.
173. Даркевич В. П. Художественный металл востока: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. — М.: Наука, 1976. — 199 с.
174. Даркевич В. П. Международные связи (Глава 10) // Древняя Русь. Город, замок, село. — М.: Наука, 1985. — С. 387–411.
175. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 392 с.
176. Дегтярь А. К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. — 1984. — № — С. 239–243.
177. Демченко М. А. Лесостепь Харьковщины // Материалы Харьковского отдела географического общества СССР. — 1965. — В. 1. — С. 48–57.
178. Державотворчі процеси у кочовиків східноєвропейського степу / Бодружин В. М., Довжук І. В., Літвиненко В. Ф. та ін. — Луганськ: Вид-во СУДУ, 2000. — 96 с.
179. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1988–1989 гг. — М.: Наука, 1991. — С. 5–169.
180. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: с древнейших времен до 1000 г. — М.: Наука, 1993. — 304 с.
181. Джанашвили М. Известия Грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. — Тифлис. — 1897. — В. 22. — С. 1–196.
182. Джафаров Ю. Р. Оногуры византийских писателей и хайландуры Елише // ВВ. — 1980. — Т. 41. — С. 153–162.

183. Дживелегов А. К. Торговля на Западе в Средние века. — СПб., 1904 // Каспийский транзит. — Т. 1. — М.: ДИ-ДИК, 1996. — С. 210–254.
184. Джикиев А., Мурадов И. О пережитках большесемейных общин приатрекских туркмен в начале XX в. // Материалы по исторической этнографии туркмен. — Ашхабад, 1987. — С. 47–54.
185. Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. — Варна, 1987. — 303 с.
186. Димитров Д. Прабългарските племена в Източна и Централна Европа // Проблеми на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 32–54.
187. Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. — 1979. — В. 158. — С. 52–57.
188. Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. — 1979 а. — № — С. 212–231.
189. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Графити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. — Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1991. — 192 с.
190. Добродомов И. Г. Этимология этнонима буртас // Ономастика Поволжья: Межвуз. сб. науч. тр. — Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1986. — С. 119–129.
191. Добродомов И. Г. Мордовское название березы и дерево халинг страны буртасов // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. — Т. 2. — М.: Наука, 1990. — С. 57–59.
192. Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафис Абру, Ибн-Ал-зем-Эль Куфи и др. // ЖМНП. — 1844. — Ч. 43. — № 8. — Отдел 2. — С. 1–25; 67–98.
193. Древнерусские города в древнескандинавской письменности / Тексты, перевод, комментарий / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. — М.: Наука, 1987. — 208 с.
194. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья: Археологическая карта / М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, С. А. Беляева и др. — К.: Наукова думка, 1984. — 196 с.
195. Дубов И. В. Великий Волжский путь. — Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1989. — 256 с.
196. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — 248 с.
197. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. — М.: Глав. ред. вост. лит., 1976. — 276 с.

198. Дьяченко А. Г. Исследование славянских памятников в бассейне Северского Донца // АО. 1977 г. — М., 1978. — С. 322–323.
199. Дьяченко А. Г. Новые исследования Донецкого городища // АО. 1978 г. — М., 1979. — С. 291–292.
200. Дьяченко А. Г. Славянские памятники VIII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца / Дис... канд. ист. наук. — М., 1983. — 369 с.
201. Дьяченко А. Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX–X вв. // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991. — С. 37–43.
202. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М.: Наука, 1985. — 245 с.
203. Еремеев Д. Е. К проблеме происхождения и развития кочевничества // Вестник Московск. ун-та. — Сер. 19. Востоковедение. — 1977. — № — С. 3–13.
204. Ермолова И. Е. Общественный строй гуннов последней четверти IV — начала V ст. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. — 1982. — М.: Наука, 1984. — С. 229–238.
205. Ефимова С. Г., Кондукторова Т. С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ. — 1994. — В. 4. — С. 562–583.
206. Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. — М.: Наука, 1968. — С. 274–281.
207. Жиронкина О. Ю., Цитковская Ю. И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. — Самара: СамВен, 1996. — С. 352–368.
208. Жиронкина О. Ю., Крыганов А. В., Цитковская Ю. О. Об одном комплексе погребений Нетайловского могильника // Древности. 1996 г. — Харьков: Бизнес-Информ, 1997. — С. 165–167.
209. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорскою Академиею Наук. — Т. 3. — СПб., 1821. — 540 с.
210. Зарецкий И. А. Клад, найденный при селе Малая-Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии. — Полтава: Электротип. Маркевича, 1912. — 28 с.
211. Засецкая И. П. О роли гуннов в формировании культуры южнорусских степей конца IV–V вв. н. э. // АСГЕ. — 1977. — №8. — С. 92–100.
212. Засецкая И. П. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЕ. — 1986. — №7. — С. 79–91.
213. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). — СПб.: Эллипс Лтд., 1994. — 224 с.

214. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Гурган и Поволжье IX–XI вв. — М.: Изд-во вост. лит., 1962. — 278 с.
215. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. — 2005. — В. 11. — С. 406–429.
216. Зиньковская И. В. Население лесостепного Днепро-Донецкого междуречья во второй-третьей четверти I тыс н. э. (по материалам погребальных комплексов с кремациями) / Автореф. дис... канд. ист. наук. — Воронеж: ВГУ, 1997. — 24 с.
217. Златарски В. Н. История на българската държава през средните векове. — София, 1970. — Т. 1. — Ч. 1. — 412 с.
218. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с арабск., коммент., исслед., указатели и карты Н. Велихановой. — Баку: ЭЛМ, 1986. — 428 с.
219. Ибн-ал-Асир. Тарих-ал-Камиль. — Баку: Изд-во АзрАН, 1940. — 183 с.
220. Иванов П. Об одной ошибочной концепции // Правда. — 1951. — 25 декабря. — №59 (121296). — С. 3.
221. Иванов С. А. Миссия Восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — В. 10. — М.: Наука, 2001. — С. 16–39.
222. Известия ал Бекри и других авторов о руси и славянах. — Ч. 1. / Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена. — СПб., 1878. — 191 с.
223. Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус) / Пер. с англ. С. М. Середонина. — М., 1884. — 105 с.
224. Известия византийских историков, объясняющие Российскую историю древних времен и переселения народов / Собраны и хронологическим порядком расположены И. Штриттером. — Ч. 4.: О волгарцах, влахах, хазарах, команах, уцах, печенегах, венграх и татарах. — СПб.: При императорской АН, 1775. — 308 с.
225. Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омара Ибн-Даста / Д. А. Хвольсон. — СПб.: Тип. императорской АН, 1869. — 199 с.
226. Ильина Л. Л., Грахов А. Н. Повесть о великих реках русской равнины. — Л.: Гидрометиоиздат, 1983. — 168 с.
227. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — М.: Изд-во Вост. лит., 1960. — 436 с.
228. История агван Моисея Каганкатвази, писателя X в. / Пер. К. Патканова. — СПб., 1861. — 361 с.
229. История ат-Табари / Пер. В. И. Беляева с дополнениями О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. — Ташкент: ФАН, 1987. — 442 с.
230. История Византии в 3-х т. / Под. ред. акад. С. Д. Сказкина. — М.: Наука, 1967. — Т. 2. — 471 с.

231. История Дона: С древнейших времен до падения крепостного права / Под. ред. А. П. Пронштейна. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1973. — 300 с.
232. История Татарии в документах и материалах. — М.: Гос. соц. -экон. изд-во, 1937. — 503 с.
233. История Халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Пер. с армянск. К. Патканьяна. — СПб., 1862. — 169 с.
234. Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. — Киев: Наукова думка, 1981. — С. 80–96.
235. Иченская О. В. Особенности погребального обряда и датировка некоторых участков Салтовского могильника // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — К.: Наукова думка, 1982. — С. 140–147.
236. Йорданов С. За социално-политическата организация на Кубратова Велика България: II. Системата Тьолис-Тардуш и двудялбата «Българи — Котраги» в «Старата Велика България» // Българите в Северното Причерноморие. — В. Търново, 1997. — Т. 6. — С. 89–108.
237. Казаков Е. П. Об одном из вариантов культа коня в средневековых памятниках Евразии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1981. — С. 64–66.
238. Казаков Е. П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск: ТГУ, 1984. — С. 99–110.
239. Казаков Е. П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. — Уфа: БЦН Уральск. Отд. АН СССР, 1989. — С. 79–87.
240. Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. — М.: Наука, 1976. — С. 90–101.
241. Калинина Т. М. Ал Мас'уди о расселении русов // Восточная Европа в древности и средневековье. — М.: Наука, 1978. — С. 16–22.
242. Калинина Т. М. Норманский вопрос в трудах востоковедов России // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М.: Наука, 1978. — С. 144–153.
243. Калинина Т. М. Арабский источник X в. (географический трактат «Чистых братьев») о территории СССР и сопредельных районах // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С. 196–207.
244. Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в.: По данным Ибн Хордадбега и Ибн ал Факиха // История СССР. — 1986. — № — С. 68–82.

245. Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата / Текст, перевод, комментарий. — М.: Наука, 1988. — 180 с.
246. Калинина Т. М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. — М.: Наука, 1994. — С. 211–224.
247. Калинина Т. М. Водные пространства Севера Европы в трудах арабских ученых IX–XII вв. // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-ти летию В. Т. Пашуто. — М.: Языки русской культуры, 1999 — С. 84–99.
248. Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 106–119.
249. Калинина Т. М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. — М.: Вост. лит., 2001. — С. 190–210.
250. Калинина Т. М. Употребление этикона ал-хазар в арабо-персидских источниках IX–X вв. // Хазарский Альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 41–51.
251. Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. — М.: Вост. лит., 2003 а. — С. 204–216.
252. Калинина Т. М. Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых // Сборник Русского историч. общества: Россия и мусульманский мир. — М., 2003б. — №(155). — С. 25–37.
253. Калинина Т. М. Ал-хазар и ас-сакалиба: контакты. Конфликты? // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М. -Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 101–110.
254. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. I. Ал-Истахрий // СМОМПК. — Тифлис. — 1901. — В.29. — С. 1–73.
255. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. II. Ибн-ал-Факих // СМОМПК. — Тифлис. — 1902. — В.31. — С. 1–57.
256. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. III. Ибн-Хордадбэ. IV. Кудама. V. Ибн-Русте. VI. Ал-Я'куби // СМОМПК. — Тифлис. — 1903. — В. 32. — С. 1–63.
257. Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. VII. Ал-Мукаддасий. VIII. Мас'уди. IX. Ибн-Хаукаль // СМОМПК. — Тифлис. — 1908. — В. 38. — С. 1–130.

258. Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. — Т. 1. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 579 с.
259. Катанов Н. Ф. О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — 1894. — Т. 12. — В. 2. — С. 109–142.
260. Кеппен П. О волжских болгарях. — СПб., 1836. — 16 с.
261. Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь: На материалах восточнославянских племен и Древней Руси. — К.: Наукова Думка, 1979. — С. 92–106.
262. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 643 с.
263. Кислов А. В., Полтараус Б. В. О временной упорядоченности колебаний климата разных масштабов // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. — М.: Наука, 1989. — С. 44–47.
264. Климанов В. А. Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. — М.: Наука, 1989. — С. 29–33.
265. Кляшторный С. Г. Древнейшее упоминание славян в Нижнем Поволжье // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 16–18.
266. Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. — 1979. — № — С. 270–275.
267. Кляшторный С. Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Рабство в странах востока в средние века. — М.: Наука, 1986. — С. 312–339.
268. Кляшторный С. Г. Азиатский аспект ранней истории хозар // Хазарский альманах. — Т. 2. — Харьков-М., 2003. — С. 47–51.
269. Книга Большому Чертежу / Под ред. Сербиной К. Н. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 229 с.
270. Кобищанов Ю. М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории. — 1992. — № 5. — С. 57–72.
271. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы: Века и народы. — М.: Наука, 1984. — 192 с.
272. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. — Харьков: Харьковск. книжн. изд-во, 1956. — 347 с.
273. Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в., по данным аль Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. — М.: Наука, 1973. — С. 62–79.
274. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка X в. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932. — 138 с.

275. Колода В. В. Оборонительные укрепления Волчанского городища // Материалы международной научной конференции, посвященной 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. — Елец, 1995. — С. 38–40.
276. Колода В. В. Новые исследования Мохначанского городища // Археологічні відкриття в Україні. 1998–1999 рр. — К., 1999. — С. 98–100.
277. Колода В. В. Работы на Мохначанском городище в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні. 1999–2000 рр. — К., 2001. — С. 129–131.
278. Колода В. В. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории восточных славян // Хазары. Второй международный коллоквиум. Тезисы. — М., 2002. — С. 56–58.
279. Колода В. В. Исследования Волчанского городища // Древности. — Харьков: НМЦ МД, 2004. — С. 265–271.
280. Колода В. В., Горбаненко С. А. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова // Хазарский Альманах. — Т. 2. — К.-Харьков-М.: Мосты культуры-Гешарим, 2004. — С. 161–179.
281. Колода В. В., Ряполов В. М., Тортика А. А. Раскопки селища салтово-маяцкой культуры у с. Металловка (2003–2004 гг.) // АДУ. — В. 7. — К.-Запоріжжя: ІА НАНУ- Дике Поле, 2005. — С. 176–178.
282. Колода В. В. К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 338–345.
283. Комар О. В. Ранні хозари у Північному Причорномор'ї // Археологія. — 2000. — № — С. 130–142.
284. Комар А. В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 2. Хазарское время. — Донецк: ДонНУ, 2001. — С. 11–44.
285. Комар О. В. Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст. / Автореф. дис... канд. іст. наук. — К., 2002. — 20 с.
286. Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 207–219.
287. Кондукторова Т. С. Материалы по палеоантропологии Украины // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — М., 1956. — Т. 33. — С. 166–203.
288. Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 1999а. — 254 с.
289. Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-ти летию В. Т. Пашуто. — М., 1999б. — С. 111–120.

290. Коновалова И. Г. Восточные источники// Древняя Русь в свете зарубежных источников. — Ч. 3. / Под ред. Е. А. Мельниковой. — М.: Логос, 2000а. — С. 169–258.
291. Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов// Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000б. — С. 126–133.
292. Коновалова И. Г. Состав рассказа об «острове русов» арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. — М.: Вост. лит., 2001. — С. 169–189.
293. Коновалова И. Г. Падение Хазарии в исторической памяти разных народов // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. — М.: Вост. лит., 2003. — С. 171–190.
294. Константи́н Багряноро́дный. Об управлении империей / Под. ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. — М.: Наука, 1991. — 496 с.
295. Копыл А. Г., Татарин С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. — 1979. — № — С. 267–269.
296. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 156 с. + иллюстр.
297. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 219 с.
298. Костенков А. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи // Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Маньчской экспедиции. — СПб., 1868. — 173 с.
299. Костин С. И. Колебания климата на Русской равнине в историческую эпоху// Труды главной геофизической обсерватории. — 1965. — №1. — С. 56–74.
300. Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. — К.: Наукова думка, 1971. — 175 с.
301. Котляр Н. Ф. Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2003 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2005. — С. 107–118.
302. Кравченко Э. Е, Гусев О. А., Давыденко В. В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим источникам) // Археологический альманах: Сб. ст. — Донецк, 1998. — № — С. 113–140.
303. Кравченко Э. Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский Альманах. — Т. 3. — К. -Харьков, 2004. — С. 242–276.
304. Крадин Н. Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников// Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. — М.: Наука. 1993. — С. 192–210.

305. Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М., 2002. — С. 109–125.
306. Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедончья // СА. — 1981. — № — С. 110–125.
307. Красильников К. И. О некоторых вопросах погребального обряда праболгар Среднедончья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 28–44.
308. Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблемы на пробългарската история и култура. — В. 2. — София, 1991. — С. 62–81.
309. Красильников К. И. Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII — начала X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. — Т. 2. Хазарское время. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. — С. 303–322.
310. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. — Т. 4. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 919 с.
311. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература / Перепеч. с изд. 1957 г. — М.: Вост. лит, 2004. — 919 с.
312. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 64 с.
313. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. — М.: Наука, 1967. — 135 с.
314. Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. — М.: Наука, 1968. — С. 72–79.
315. Кропоткин В. В. О топографии кладов кувических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и Славяне. — М.: Наука, 1978. — С. 111–118.
316. Кропоткин В. В. Булгарские монеты X в. на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь. — Казань, 1986. — С. 38–62.
317. Круглов Е. В. О подкурганных захоронениях калмыко-астраханских степей хазарского времени // Вопросы археологии юга Восточной Европы. — Элиста, 1990. — С. 159–171.
318. Круглов Е. В. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья. — Пенза, 1992. — С. 32–37.
319. Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА. — 1992а. — № — С. 176–183.
320. Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 79–93.

321. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. — М.: Наука, 2003. — 533.
322. Крыганов А. В. Вооружение и конское снаряжение кочевников юга Восточной Европы VIII–X вв. / Дис... канд. ист. наук. — Харьков, 1987. — 371 с.
323. Крыганов А. В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск: ДГУ, 1989. — С. 98–114.
324. Крыганов А. В. Памятник салтово-маяцкой культуры у с. Пятницкое на Харьковщине // Вестник ХГУ. — №62. — Сер.: История. — В. 25. — 1992. — С. 119–123.
325. Криганов А. В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. — 1993. — № — С. 52–62.
326. Крыганов А. В., Чернигова Н. В. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры // Вестник ХГУ. — 1993. — №74. — С. 35–42.
327. Крыганов А. В. Праболгарский ли Нетайловский могильник? // III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии истории и культуры Болгарии, истории болгаристики. — Харьков, 1994. — С. 35–36.
328. Кудряшев К. В. Половецкая степь // Записки Всесоюзного географического общества. Новая серия. — Т. 2. — М.: Огиз, 1948. — 162 с.
329. Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. — М.: Вост. лит., 2003. — С. 3–172.
330. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 137 с.
331. Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. — 1964. — В. 99. — С. 34–39.
332. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. — Орджоникидзе: Ир, 1971. — 247 с.
333. Кузьмин А. Хазарские страдания // Молодая гвардия. — 1993. — №6. — С. 231–252.
334. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — К., 1899. — 73 с.
335. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. — К., 1906. — 144 с.
336. Кулаковский Ю. А. История Византии. — Т. 3. — К., 1915. — 432 с.
337. Кулаковский Ю. А. История Византии. — Т. 3.: 602–717 гг. — 3-е изд., исправ. и доп. — СПб.: Алетейа, 2004. — 352 с.
338. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата: Наука, 1972. — 156 с.

339. Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и Славянах. — Ч. 1. // ЗИАН. — СПб., 1878. — Т. 32. — Приложение №2. — С. 1–117.
340. Куник А., Розен В. Разыскание о родстве Хагано-Болгар с Чувашиами по славяно-болгарскому именнику // ЗИАН. — СПб., 1878. — Т. 32. — Приложение №9 — С. 118–161.
341. Курочкин Г. Н. «Эра кентавра» в Евразийской степной зоне и ее историческое содержание // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. — СПб., 1994. — С. 51–57.
342. Кухаренко Ю. В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. — 1951. — Т. 41. — С. 99–108.
343. Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник и поселения // Археология. — 1952. — Т. 6. — С. 33–50.
344. Кызласов Л. Р. Тува в период Тюркского каганата (VI–VIII вв.) // Вестник МГУ. — 1960. — Серия IX: История. — № — С. 51–76.
345. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М.: МГУ, 1969. — 212 с.
346. Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. — СПб., 1859 — 168 с.
347. Ламанский В. И. Заметка о ясах-аланах // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. — Т. 2. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1902. — С. 118–121.
348. Ларенок П. А. О возможных направлениях дальнейшего изучения исторической географии Нижнего Дона VIII–X вв. // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. — 1987. — № — С. 86–89.
349. Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия IX — первой половины XII в. / Сост., пер., коммент. М. Б. Свердлов. — М.-Л.: Ленинградск. отд. АН СССР, 1989. — 206 с.
350. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. — 1948. — № — С. 221–315.
351. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. — 1948. — №(26). — С. 223–298.
352. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: историко-археологические очерки. — Л: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1985. — 286 с.
353. Левицкий Т. «Китаб ар рауд ал'ми'тар» ибн Абд Ал-Мун'Има Ал-Химйари (XV в.) как источник сведений о Восточной, Центральной и Северной Европе // Проблемы Востоковедения. — 1960. — № — С. 129–136.
354. Левицкий Т. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящихся к раннему средневековью // Сообщения польских ориенталистов. — М.: Изд-во вост. лит., 1961. — С. 45–60.

355. Левицкий Т. Из научных исследований арабских источников: Неизвестные арабские документы о славянах 720 г. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 6–15.
356. Леонтьев А. Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // КСИА. — 1986. — В. 183. — С. 3–9.
357. Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство X–XI вв. — М.: Наука, 1977. — 311 с.
358. Литаврин Г. Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии: Предварительные замечания // Византийские очерки. — М., 1991. — С. 60–82.
359. Литаврин Г. Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // Г. Г. Литаврин. Византия и славяне: Сб. ст. — СПб., 1999. — С. 438–452.
360. Литаврин Г. Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Г. Г. Литаврин. Византия и славяне: Сб. ст. — СПб., 1999. — С. 478–495.
361. Літопис руський/ Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; Відп. ред. О. В. Мишанич. — К.: Дніпро, 1989. — XVI + 591 с.
362. Ловмянский Х. Русь и норманны. — М.: Прогресс, 1985. — 304 с.
363. Львова З. А. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса // МАИЭТ. — 1993. — В. 3. — С. 111–116.
364. Львова З. А. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса // МАИЭТ. — 1994. — В. 4. — 1994. — С. 257–270.
365. Львова З. А. Вещи кочевнического круга из Перещепинского сокровища // Болгарский Ежегодник. — Т. 2. — Харьков-София, 1996. — С. 12–36.
366. Львова З. А., Маршак Б. И. Последнее пополнение Перещепинского сокровища его владельцем // МАИЭТ. — 1998. — В. 6. — С. 490–498.
367. Любичев М. В. Контакты славян Днепро-Донецкого междуречья и населения Северо-Западной Хазарии в конце VII — начале VIII в. // Древности. — Харьков, 1994. — С. 87–100.
368. Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с востоком в VIII–XI вв. // Ученые записки Саратовск. ун-та. — 1923. — Т. 1. — В. 3. — С. 14–33.
369. Ляпушкин И. И. Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII–X вв. // КСИИМК. — 1946. — В. 12. — С. 117–127.
370. Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья // СА. — 1952. — Т. 16. — С. 7–42.
371. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // МИА СССР. — 1958. — №2 — С. 85–150.
372. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА СССР. — 1968. — №2. — 192 с.

373. Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. — 432 с.
374. Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии // СА. — 1975. — № — С. 63–72.
375. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. — М.: Наука, 1983. — 224 с.
376. Магомедов М. Г. Булгары и страна Берсилия // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 66–76.
377. Мажитов Н. А. Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — С. 23–28.
378. Малый Атлас СССР. — М.: Главное управление геодезии и картографии при Совмине СССР, 1973. — 80 с.
379. Марк К. Ю. Этническая антропология мордвы // Вопросы этнической истории мордовского народа. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 118–179.
380. Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. — М.: Изд-во МГУ, 1961. — 208 с.
381. Марков Г. Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. — М.: Наука, 1976. — 317 с.
382. Марков Г. Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СА. — 1981. — № — С. 83–94.
383. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // ПСС. — 2-е изд. — Т. 46. — Ч. 1. — М.: Политиздат, 1968. — С. 461–508.
384. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. — Л.: Наука, 1976. — 191 с.
385. Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. — Самара: СГУ, 1997. — 226 с.
386. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.: Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. — Моршанск: Изд-во Моршанск. краевед. музея, 1952. — 232 с.
387. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. / Тексты, пер., коммент. — М.: Наука, 1979. — 268 с.
388. Мельникова Е. А. Историзация мифа или мифологизация истории? По поводу книги О. Прицака «Происхождение Руси» // История СССР. — 1984. — № — С. 201–209.
389. Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения / Тексты, пер., коммент. — М.: Наука, 1986. — 230 с.
390. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. — 1989. — №. — С. 24–38.
391. Мельникова Е. А. «Мнимые реальности» средневековой географии // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2003 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2005. — С. 151–164.

392. Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. — 1951. — В. 36. — С. 14–30.
393. Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. — 1955. — Т. 23. — С. 131–168.
394. Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях / Введение, пер. и коммент. С. А. Аннинского. — М. -Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 288 с.
395. Мец А. Мусульманский ренессанс. — М.: Изд-во ВиМ, 1996. — 537 с.
396. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — 265 с.
397. Минорский В. Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 19–28.
398. Михеев В. К. До питання про ремісничє виробництво салтівської культури // Вісник ХДУ. — 1966. — №7. — С. 91–98.
399. Михеев В. К., Степанська Р. Б., Фомін А. Д. Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР. — В. 4. — Харків: ХДУ, 1967. — С. 163–172.
400. Михеев В. К. Достижения ремесленников салтовской культуры. — Харьков: ХГУ, 1968. — 27 с.
401. Михеев В. К. Коньковые подвески на могильнике Сухая Гомольша // СА. — 1982. — № — С. 156–167.
402. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. — Харьков: Высшая школа, 1985. — 148 с.
403. Михеев В. К. Экономика и социальные отношения у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья: середина VIII — середина X вв. / Дис... докт. ист. наук. На правах рукописи. — Харьков, 1986а. — 495 с.
404. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. — 1986б. — № — С. 158–173.
405. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. — Казань, 1990. — С. 45–52.
406. Михеев В. К. О социальных отношениях у населения салтово-маяцкой культуры Подонья-Приазовья в VIII-X вв. // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991. — С. 43–50.
407. Михеев В. К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка // Древности. — Харьков, 1994. — С. 194–195.
408. Михеев В. К., Тортика А. А. Историческая география Хазарского каганата и экологически возможная численность кочевых хазар // Вестник Международного Соломонова университета. Сер. Иудаика. — 2001. — № 3. — С. 146–168.

409. Михеев В. К. Северо-Западная окраина Хазарии в свете новых археологических открытий // Хазарский Альманах. — Т. 3. — К.-Харьков, 2004. — С. 74–93.
410. Михеев В. К., Тортика А. А. Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 175–184.
411. Мишин Д. Е. Почему Ибн Фадлан называет поволжских болгар славянами // Арабский Восток. — М., 1997. — С. 100–109.
412. Мишин Д. Е. Географический свод «Худуд ал-Алам» и его сведения о Восточной Европе // Славяноведение. — М., 2000. — № — С. 52–63.
413. Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в ранне средневековье. — М.: Ин-т востоковед. РАН — Изд-во Крафт +, 2002. — 368 с.
414. Могаричев Ю. М. К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в. // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 245–250.
415. Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М: Наука, 1981. — С. 29–43.
416. Молодчикова І. О. Географічне розміщення печенігів у IX–XII ст. // УІЖ. — 1974. — № — С. 105–107.
417. Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 400 с.
418. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРА. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — Т. 25. — 463 с.
419. Моця А. П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX–XIII вв. // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992. — С. 5–12.
420. Наджимов К. Н. О черепях зливкинского могильника // КСИЭ. — 1955. — Т. 24. — С. 66–74.
421. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. — М.: Наука, 1993. — 240 с.
422. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 784 с.
423. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. — М: Изд-во АН СССР, 1951. — 261 с.
424. Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. — Т. 2. — Харьков-М., 2003. — С. 52–76.

425. Науменко В. Є. Таврика у контексті візантійсько-хазарських відносин: Політико-адміністративний аспект / Автореф. дис... канд. іст. наук. — К., 2004. — 24 с.
426. Науменко В. Е. Византийско-хазарские отношения в середине IX в. // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М. -Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 231–244.
427. Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск: Наука, 1990. — 144 с.
428. Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. — первая половина II тыс. до н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 7–49.
429. Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. — М.: Наука, 1985. — 209 с.
430. Никифора патриарха константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия // ВВ. — 1950. — Т. 3. — С. 349–387.
431. Никольская Т. Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. — М.: Наука, 1981. — 296 с.
432. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма: Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика. — М.: Наука, 1972. — 338 с.
433. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М.: Наука, 1990. — 264 с.
434. Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. (1965) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 264–323.
435. Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл. -кор. РАН А. П. Новосельцева. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 367–379.
436. Новосельцев А. П. «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл. -кор. РАН А. П. Новосельцева. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 380–399.
437. Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX — пер. пол. X вв. (полюдь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл. -кор. РАН А. П. Новосельцева. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 400–404.
438. Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-Казахстанских степей. — Екатеринбург, 1993. — С. 167–172.

439. Орлов Р. С. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. — К.: Наукова думка, 1985. — С. 98–105.
440. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. — Ч. 1. — СПб., 1773. — 657 с. + прибавления, карты и иллюстр.
441. Пархоменко В. Нові історичні проблеми Київської Русі // Україна. — 1928. — Кн. 6. — С. 3–6.
442. Пархоменко В. А. Новые толкования «Записки готского топарха» // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. — 1928. — Т. 2(59). — С. 133–135.
443. Пархоменко В. Каганат Русі: Нотатки // СС. — 1929. — №2(7/8). — С. 357–359.
444. Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. — 1883. — Ч. ССХХV (март-апрель). — С. 21–32.
445. Пашкевич Г. А., Горбаненко С. А. К вопросу о земледелии племен салтовской культуры (по материалам поселения Роголик) // Древности. — Харьков: НМЦ МД, 2004. — С. 225–237.
446. Пашуто В. Т. Внешняя политика древней Руси. — М.: Наука, 1968. — 472 с.
447. Пашуто В. Т., Шталь И. В. Забуте повідомлення про рабство у червонорусів (XI–XII ст.) // УІЖ. — 1971. — №(120). — С. 86–89.
448. Петербургский И. М. К вопросу об экономических связях мордвы I — нач. II тыс. н. э. // Материалы по археологии Мордовии. Труды. — В. 52. — Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1976. — С. 127–140.
449. Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города // История СССР. — 1979. — № — С. 100–112.
450. Петрухин В. Я. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 г. — М.: Наука, 1989. — С. 26–30.
451. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. — Смоленск-М.: Русич-Гнозис, 1995. — 320 с.
452. Петрухин В. Я. «Начало Русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. — М., 1999. — С. 220–226.
453. Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2000. — С. 222–229.
454. Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. — М.: Вост. лит., 2001. — С. 127–142.

455. Петрухин В. Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — В.10. — М., 2001. — С. 73–78.
456. Петрухин В. Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 69–100.
457. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. — М., 1941. — 171 с.
458. Пиоро И. С. Проблемы этнической истории населения Крыма в поздне-римский период и раннее средневековье / Автореф. дис... канд. ист. наук. — К., 1989. — 18 с.
459. ПIANO Карпини. История монгалов. 3-е изд. / Вступ. статья, коммент. М. Г. Горнунга. — М.: Мысль, 1997. — 460 с.
460. Плетнева С. А. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII–X вв. // СА. — 1962. — № — С. 83–94.
461. Плетнева С. А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. — М.: Наука, 1967. — 198 с.
462. Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. — 1976. — № — С. 279–298.
463. Плетнева С. А. Конференция по археологии «праболгар» (Болгария, г. Шумен) // СА. — 1977. — № — С. 283–286.
464. Плетнева С. А. Кочевники средневековья: поиск исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982. — 188 с.
465. Плетнева С. А. Хазары. — М.: Наука, 1986. — 92 с.
466. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. — М.: Наука, 1989. — 286 с.
467. Плетнева С. А. Половцы. — М.: Наука, 1990. — 208 с.
468. Плетнева С. А. Саркел и «Шелковый путь». — Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1996а. — 168 с.
469. Плетнева С. А. Беспокоеное соседство: Русь и степные кочевники в домонгольское время // Родина. — 1996б. — №2. — С. 28–41.
470. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. — М. -Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 1999. — 249 с.
471. Плетнева С. А. Города в Хазарском каганате // Хазарский Альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 110–124.
472. Плетнева С. А. Хазары и Хазарский каганат // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М. -Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 13–24.
473. Повесть временных лет. — Ч. 1.: Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 404 с.

474. Повесть временных лет / Подготовка текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, исправ. и доп. — СПб.: Наука, 1999. — 668 с.
475. Погодин М. О волжской Руси г. Хвольсона. — СПб., 1971. — 18 с.
476. Подосинов А. В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. — М.: Наука, 1978. — С. 22–45.
477. Подосинов А. В. *Ex orient lux!* Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. — Москва: Языки русской культуры, 1999. — 720 с.
478. Подосинов А. В. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2003 г. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 2005. — С. 192–208.
479. Полесских М. Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья: Археологические очерки. — Пенза: Приволжск. книжн. изд-во, 1977. — 88 с.
480. Полное собрание русских летописей. — Т. 2.: Ипатьевская летопись. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. — 938; 87 с.
481. Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии: Сравнительный анализ русских и византийских источников // ВВ. — Т. 18. — 1961а. — С. 85–104.
482. Половой Н. Я. О маршруте похода русских на Берда'а и русско-хазарских отношениях в 943 г. // ВВ. — Т. 20. — 1961б. — С. 90–105.
483. Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Восточной и Центральной Европы. — М.: Наука, 1964. — С. 29–66.
484. Поляк А. Н. Восточная Европа IX-X вв. в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. — В. 10. — М.: Наука, 2001. — С. 79–107.
485. Попов А. И. Буртасы и мордва // Ученые записки ленинградск. ун-та. Сер.: Востоковедческих наук. — В. 2. — Л.: ЛГУ, 1948. — С. 199–210.
486. Потапов Л. П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. — В. 1. — Абакан, 1947. — С. 3–30.
487. Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. — Л.: Советский художник, 1968. — 240 с.
488. Правда Русская. — Т. 2. Комментарии / Под ред. Б. Д. Грекова. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 862 с.
489. Приймак В. В., Супруненко А. Б. Венгерское погребение в кургане у с. Твердохлебы Кобелякского района // Курганы Нижнего Поворскля. — М. -Полтава, 1994. — С. 81–85.

490. Приходнюк О. М. Археологические данные о связях славян и степного населения в VII–VIII вв. // МАИЭТ. — 1996. — В. 5. — С. 114–125.
491. Приходнюк О. М. Пеньковская культура: Культурно-хронологический аспект исследования. — Воронеж: Воронежск. ун-т, 1998. — 169 с.
492. Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). — К. -Чернівці: Прут, 2001. — 284 с.
493. Прицак О. И. Происхождение названия RUS/RUS' // Вопросы языкознания. — 1991. — № — С. 115–131.
494. Прицак О. Й. Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела. — Т.1. — К.: Обереги, 1997. — 1073 с.
495. Прицак О. Й. Походження Русі: Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія. — Т. 2. — К.: Обереги 2003. — 1304 с.
496. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Пер., статья, коммент. Я. Н. Любарского. — СПб.: Наука, 1992. — 348 с.
497. Прокопий Кесарийский. О постройках / Пер. С. Кондратьева // ВДИ. — 1939. — №(9). — С. 203–283.
498. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. — М.: Изд-во АН СССР, 1950. — 515 с.
499. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) // Пер. с арабск., вступ. статья и примеч. О. Г. Большакова; истор. коммент. А. Л. Монгайта. — М.: Глав. ред. вост. лит., 1971. — 135 с.
500. Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. — Керчь, 1996. — С. 61–64.
501. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика // ЗИАН. — СПб., 1983. — Т. 72. — Приложение № — С. 1–130.
502. Разин Е. А. История военного искусства. — Т. 2. — СПб.: Полгон, 2000. — 654 с.
503. Раунер Ю. Л. Динамика экстремумов увлажнений за исторический период // Известия АН СССР: Сер. географическая. — 1986. — № — С. 5–22.
504. Рашев Р. Станилов С. Раннесредневековый могильник у с. Ножаарево Силистренский округ (предварительное сообщение) // Проблеми на прабългарската история и култура. — София: Агрес, 1989. — В. 1. — С. 214–220.
505. Рашев Р. К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ. — 1993. — В. 3. — С. 250–254.
506. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. — Т. 1. — Кн. 1. — М.-Л.: АН СССР, 1952. — 221 с.
507. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. — Т. 1. — Кн. 2. — М.-Л.: АН СССР, 1952. — 315 с.

508. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. — Т. 2. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 253 с.
509. Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв.: Сб. / Пер. И. Калиганова и Д. Польшянского. — М.: Худ. лит., 1990. — 527 с.
510. Ромашев С. А. Историческая география Хазарского каганата: период формирования и расцвета (V–IX вв.) / Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1992. — 20 с.
511. Ромашев С. А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // АЕМА. — 1994. — V. 8. — P. 207–252.
512. Рона-Таш А. Хазары и мадьяры // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 111–124.
513. Рубель В. А. Антиаббасидське повстання Абу Харба: Проблема етнодінастійної ідентифікації // СС. — 2001. — № — С. 141–145.
514. Рунич А. П. Новые данные по раннему средневековью Северного Кавказа // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. — Орджоникидзе, 1974. — С. 44–46.
515. Русанова И. П. Об общественном строе пшеворских поселений // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. — М.: Ин-т археологии АН СССР, 1988. — С. 8–19.
516. Рыбаков Б. А. Русские земли на карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. — М., 1952. — В. 43. — С. 3–44.
517. Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. — 1953а. — №7. — С. 23–104.
518. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. — 1953б. — №8. — С. 128–150.
519. Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. — М.: Наука, 1964. — 240 с.
520. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и древнерусские княжества в XII–XIII вв. — М.: Наука, 1982. — 589 с.
521. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1988. — 782 с.
522. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.: Материалы и исследования. — М.: Наука, 1978. — 240 с.
523. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — 393 с.
524. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 205 с.
525. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — В. 1. — С. 2–15.
526. Савицкий П. Н. Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997. — 464 с.
527. Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические исследования на новостройках. — М., 1986. — В. 1. — С. 70–101.

528. Сафаргалиев М. Г. Заметка о буртасах // Записки НИИ при СовМине Мордовской АССР. — В. 13. — Саранск: Мордовск. гос. изд-во, 1951. — С. 88–96.
529. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. — М.: Мысль, 1980. — 358 с.
530. Сбоев В. Исследования об инородцах Казанской губернии. — Казань: Издание книгопродавца Дубровина, 1856. — 188 с.
531. Сванидзе А. А. О роли рабства в генезисе североевропейского феодализма // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1986. — С. 169–184.
532. Сведения арабских и персидских источников о походах к северу от Дербента (22 г. х. /642–643 г. и 119 г. х. /737 г.) / Пер. текстов с арабск. на русский язык и коммент. подготовила Н. Гараева // История татар с древнейших времен в семи томах. — Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань, 2002. — С. 440–481.
533. Свердлов М. Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX–XI вв. // Известия всесоюзного географического общества. — 1969. — Т. 101. — В. 6. — С. 540–545.
534. Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. — М.: Наука, 1978. — С. 144–150.
535. Свердлов М. Б. Челядь и холопы в Древней Руси // Вопросы истории. — 1982. — № — С. 42–56.
536. Свистун Г. Е. Салтовская оборонительная линия Мохначанского городища // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции. — Харьков, 2001. — С. 108–109.
537. Свод древнейших письменных известий о славянах. — Т. 2. (VII–IX вв.) / Сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. — М.: Изд. фирма Вост. лит. РАН, 1995. — 589 с.
538. Седов В. В. Восточные славяне VI–XIII вв. — М.: Наука, 1982. — 347 с.
539. Седов В. В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. — М., 1987. — С. 16–22.
540. Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 624 с.
541. Септпетери Йожеф. О позднеаварских и раннеболгарских связях // Проблемы на прабългарската история и култура. — София, 1989. — С. 117–128.
542. Семенов А. А. Таджикские ученые XI в. н. э. о булгарах, хазарах, русах, славянах и варягах // Доклады Академии наук Таджикской ССР. — 1953. — № — С. 17–21.

543. Семенов А. И. К реконструкции состава комплексов перещепинского круга // АСГЕ. — Л., 1986. — №7. — С. 92–98.
544. Семенов А. И. К поискам наземных признаков поминально-погребальных сооружений раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 1997. — С. 62–63.
545. Семенов И. Г. О набегах хазарского полководца Блучана на Грузию в VIII в. // Одиннадцатая ежегодная международная конференция по иудаике. г. Москва. 3–5 февраля 2004 г. Тезисы докладов. Иудеи и хазары. Археология. — М., 2004. — С. 2–4.
546. Семенов И. Г. К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, «царя Руси» // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М. -Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 326–337.
547. Сеньковский О. И. Бургасы // Энциклопедический лексикон. — Т. 7. — СПб., 1839. — С. 419–420.
548. Сергеев А. Ногайцы на Молочных водах (1790–1832 гг.) // Известия Таврической ученой Архивной комиссии. — 1912. — №8. — С. 1–144.
549. Симачков Г. Н. О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX вв. // СЭ. — 1982. — № — С. 67–75.
550. Симеонов Б. Происхождение и значение названия болгары // Векове. — 1976. — Т. 5. — Кн. 5. — С. 5–15.
551. Скржинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. — 1949. — Т2(27). — С. 245–266.
552. Скржинская Е. Ч. Между Газарией и Персией. История венецианской колонии в России // Каспийский транзит. — Т. 2. — М.: Изд-во ДИ-ДИК, 1996. — С. 204–240.
553. Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. — СПб.: Изд-во АЛЕТЕИЯ, 2000. — 284 с.
554. Славяне и скандинавы / Под ред. Е. А. Мельниковой. — М.: Прогресс, 1986. — 411 с.
555. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, Б. В. Магомедов и др. — К.: Наукова думка, 1990. — 488 с.
556. Словник Гідронімів України / Під ред. А. П. Непокупного та інш. — К.: Наукова думка, 1979. — 780 с.
557. Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). — К.: Наукова думка, 1975. — 211 с.
558. Смиленко А. Т. К изучению локальных особенностей культуры союзов восточнославянских племен VIII–X вв. // Древние славяне и Киевская Русь. — К.: Наукова Думка, 1989. — С. 105–114.

559. Смирнов А. П. Волжские болгары. — М.: ГИМ, 1951. — 277 с.
560. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА СССР. — 1952. — №8. — 276 с.
561. Сорокин С. С. Древние скотоводы ферганских предгорий // Материалы по этнографии. — Л., 1961. — В. 1. — С. 27–31.
562. Сорочан С. Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // БИ. — 2003. — В. 3. — С. 73–130.
563. Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византийско-хазарских отношений в Таврике // Хазарский Альманах. — Т. 2. — Харьков-М., 2004. — С. 77–98.
564. Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры. — Ч.1–2 / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. — Харьков: Майдан, 2005. — 1648 с.
565. Ставиский Б. Я. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в.: в свете данных археологии // Проблемы востоковедения. — М., 1960. — № — С. 108–118.
566. Стагчев С., Иванов С. Некрополь до Нови Пазар. — София: БАН, 1958. — 229 с.
567. Старков К. Б. Новая книга о хазарах. [Рецензия] // Палестинский сборник. — 1959. — В. 4(67). — С. 241–246.
568. Степанов П. Д. Бургасы и мордва // Этногенез мордовского народа. — Саранск: Мордовск. книжн. изд-во, 1965. — С. 201–205.
569. Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М.-Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 317–325.
570. Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — 302 с.
571. Стори Ч. А. Персидская литература. — Ч. 1. Кораническая литература. Всеобщая история. История пророков и ранний ислам / Пер. с англ., переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. — М.: Глав. ред. вост. лит., 1972. — 693 с.
572. Страбон. География в 17 книгах / Пер. статья и коммент. Г. А. Стратановского; под. ред. проф. С. Л. Утченко. — Л.: Наука, 1964. — 943 с.
573. Султанов Т. И. О невольниках в казахском ханстве в XV–XVII вв. // Рабство в странах востока в средние века. — М.: Наука, 1986. — С. 340–352.
574. Сухобоков О. В., Вознесенская А. Г., Приймак В. В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь: Сб. ст. — К.: Наукова Думка, 1989. — С. 92–104.
575. Сухобоков О. В., Юренко С. П. Новое в изучении вольницевских памятников // Славянская археология. Материалы по археологии России. — 1990. — В. 1. — С. 121–135.
576. Сухобоков О. В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. — К.: Наукова думка, 1992. — 215 с.

577. Сухобоков О. В. Тюркомовні народи в історії населення лівобереж-
нодніпровської лісостепової України (археологічний аспект) // Хазар-
ський Альманах. — Т. 3. — К.-Харьков, 2004. — С. 160–175.
578. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки
МГУ. Сер. история. — Т. 2. — 1940. — В. 61. — С. 3–71.
579. Тарабанов В. А. Кремационные погребения VIII–X вв. на территории
Краснодарского края и их этническая принадлежность // XVIII «Круп-
новские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. —
Краснодар, 1994. — С. 11–12.
580. Тарабанов В. А. Исследование раннесредневековых памятников в Ады-
гее в 1986 году // Древности Кубани. — 1999. — В. 14. — С. 20–26.
581. Таскин В. С. Скотоводство сюнну по китайским источникам // Вопросы
истории и историографии Китая. — М.: Наука, 1968. — С. 21–44.
582. Татаринов С. И., Копыл А. Г. Дроновские древнеболгарские могильники
на р. Северский Донец // СА. — 1981. — № — С. 300–307.
583. Татаринов С. И., Копыл А. Г., Шамрай А. В. Два праболгарских могиль-
ника на Северском Донце // СА. — 1986. — № — С. 209–222.
584. Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. — Ереван: Изд-во
АН Арм. ССР, 1977. — 322 с.
585. Тереножкин А. И. Раскопки в Кухендизе Пянджикента // МИА СССР. —
1950. — №5. — С. 81–93.
586. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой
Орды. — СПб., 1884. — Т. 1. — 563 с.
587. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА
СССР. — 1953. — №4. — С. 319–333
588. Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь», «Русская земля» // СЭ. —
1947. — №7. — С. 60–80.
589. Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей // Вопросы фило-
софии. — 1964. — №1. — С. 43–53.
590. Толочко А. П. [Рецензия]: Н. Гольб, О. Прицак. Хазарские еврейские
документы X в. // Вопросы истории. — 1987. — №2. — С. 144–146.
591. Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. —
К: Наукова Думка, 1987. — 245 с.
592. Толочко П. П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Сла-
вяне и Русь (в зарубежной историографии). — К., 1990. — С. 104–105.
593. Толочко П. П. К вопросу о хазаро-иудейском происхождении Киева
// Хазарский Альманах. — Т. 2. — Харьков-М., 2004. — С. 99–108.
594. Толстов С. П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах
// Основные проблемы генезиса и развития феодализма. — М.-Л.:
ОГИЗ, 1934. — С. 165–199.

595. Толстов С. П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вопросы древней истории. — 1938. — № — С. 72–81.
596. Тольбеков С. Е. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего Жуза против добровольного присоединения к России // Вестник АН Казахской ССР. — 1955. — № — С. 43–59.
597. Тольбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX вв.: Политико-экономический анализ. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 634 с.
598. Тортика А. А. Опыт исчисления населения по материалам раннесредневекового могильника у с. Красная горка // Тезисы Международ. конф. «История и археология Слободской Украины». — Харьков, 1992. — С. 35–37.
599. Тортика О. О. Історія протоболгар Дніпро-Донського межиріччя: проблеми періодизації // Тези Всеукр. конф. «Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті». — Харків; ХДІК, 1995. — С. 105–106.
600. Тортика А. А. Некоторые проблемы этнической истории и археологии протоболгар // Болгарский ежегодник. — Т. 2. — Харьков-София, 1996. — С. 37–48.
601. Тортика А. А. Новый взгляд на маршрут перекочевок в Великой Болгарии Кубрата // Тезисы науч. конф. «Проблемы истории и археологии Украины». — Харьков, 1997. — С. 66–67.
602. Тортика О. О. Історична географія та населення Великої Болгарії (630–660 р. н. е.): Методика дослідження кочових суспільств середньовіччя / Автореф. дис... канд. іст. наук. — Харків, 1999. — 16 с.
603. Тортика А. А. Историческая география и население Великой Болгарии (630–660 гг. н. э.): Методика исследования кочевых обществ средневековья / Дис... канд. ист. наук. На правах рукописи. — Харьков, 1999. — 226 с.
604. Тортика А. А., Михеев В. К. Методика эколого-демографического исследования традиционных кочевых обществ Евразии // Археология Восточноевропейской лесостепи. — В. 15. — Воронеж, 2001а. — С. 141–161.
605. Тортика А. А., Михеев В. К. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилева: опыт критического анализа // Материалы восьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. — Ч. 1. — М., 2001б. — С. 149–178.
606. Тортика О. О. Особливості менталітету ранньосередньовічних кочівників Східної Європи (IV–VI ст. н. е.) // Етупон: До 80-річчя академіка О. Й. Прицака / НАН України. Ін-т сходознавства ім. А. Ю. Кримського; голов. ред.: Ю. М. Кочубей // СС. — 1999. — № 2. — К.: Істина, 2001. — С. 270–278.
607. Тортика А. А. Евразийство в современной номадистике: возможности для использования в позитивном научном исследовании // Сходознавство. — 2002. — В. 17. — С. 103–111.

608. Тортика А. А. «Киевское письмо» хазарских евреев: к проблеме критики содержания источника // МАИЭТ. — 2002. — В. 9. — С. 535–542.
609. Тортіка О. О. Проблема посідання кочівників та особливості її вирішення в радянський період розвитку історичної науки // Вісник ХДАК. — 2002. — В. 10. — С. 11–20.
610. Тортика А. А. Восточнославянские племена Днепровского Левобережья, Подонья-Придонецья в контексте хазарской истории: этнополитическая модель взаимоотношений // Хазарский Альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 140–150.
611. Тортика А. А., Михеев В. К. Иудео-хазарский период истории Хазарского каганата: к продолжению критики концепции Л. Н. Гумилева // Хазарский Альманах. — Т. 2. — Харьков-М., 2003. — С. 109–117.
612. Тортика А. А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский // БИ. — 2003. — В. 3. — С. 62–72.
613. Тортика О. О. Військова справа протоболгарських племен Східної Європи у дохазарські часи // СС. — 2003. — № — С. 98–108.
614. Тортика А. А. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // Одиннадцатая ежегодная международная конференция по иудаике. 3–5 февраля 2004 г. Тезисы докладов. Иудеи и хазары. Археология. — М., 2004. — С. 2–4.
615. Тортика А. А. Река Буртас средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции. г. Харьков, 4–6 ноября 2004 г. — Харьков: НМЦ МД, 2004. — С. 88–89.
616. Тортіка О. О. «Дев'ять Кліматів» Костянтина Багрянородного та Північно-Західна Хозарія: Проблема локалізації й ідентифікації // Вісник ХДАК. — 2004. — В. 12/13. — С. 33–43.
617. Тортіка О. О. Етносоціальна природа русів (росів, русі) за даними ранньосередньовічних авторів IX–X ст. // Історичний журнал. — 2004. — № 10/11. — С. 102–108.
618. Тортика А. А. Работорговля в Восточной Европе в период существования Хазарского каганата. — Ч. 1. // СС. — 2004. — № — С. 98–118.
619. Тортика О. О. Особливості хозарської присутності у Дніпро-Донському межиріччі наприкінці VII — на початку VIII ст.: історико-географічна реконструкція // Історичний журнал. — К.: Вища школа, 2004. — № 7. — С. 115–125.
620. Тортика А. А. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства // СС. — 2005. — № — С. 90–106.
621. Тортика А. А. Лесостепное Подонье-Придонецье и Горный Крым в Хазарское время: опыт сравнительного анализа // МАИЭТ. — 2005. — В. 11. — С. 459–489.

622. Тортика А. А. Северо-Западная Хазария, буртасы, мордва: проблема хозяйственно-культурной и этнографической идентификации // Тезисы докладов 12 ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Секция: Иудеи и хазары. Археология. г. Москва, 1–3 февраля 2005 г. — М., 2005. — С. 16–20.
623. Тортіка О. О. Північно-Західна Хозарія, буртами, мордва: проблема господарсько-культурної й етнічної ідентифікації // Вісник ХДАК. — 2005. — В. 16. — С. 4–16.
624. Трофимова Т. А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV веках // Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — 1956. — Т. 33. — С. 73–145.
625. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск: Наука, 1988 — 225 с.
626. Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. — 1977. — № — С. 13–29.
627. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // История. Культура, Язык. — М.: Прогресс, 1997, — С. 55–104.
628. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура, Язык. — М.: Прогресс, 1997. — С. 211–266.
629. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА СССР. — 1950. — №4. — 158 с. + табл.
630. Умняков И. Компендиум испано-арабского географа Исхана ибн Ал-Хусейна и его сведения о хазарах и тюрках // Известия гос. геогр. об-ва. — 1939. — Т. 71. — В. 8. — С. 1138–1145.
631. Фазлаллах ибн Рузбихан. Исфакхани. Михман-каме-йн Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер., предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. — М.: Вост. лит., 1976
632. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немец. и доп. член.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева. — Т. 1. (А-Д). — М.: Прогресс, 1986. — 576 с.
633. Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. — 1933. — №7. — С. 473–484.
634. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: Изд-во МГУ, 1966. — 274 с.
635. Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. — М.: Изд-во МГУ, 1973. — 180 с.

636. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты — свидетели прошлого. — М.: Изд-во МГУ, 1985. — 176 с.
637. Федоров М. Н. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX–XII вв. // СА. — 1972. — № 2. — С. 73–80.
638. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1987. — 510 с.
639. Фирсов А. В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. — 1979. — Т. 40. — С. 104–113
640. Флеров В. С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. — Пенза, 1990. — С. 38–43.
641. Флеров В. С. Рецензия: Дуранкулак. — Т. 1. — София, 1989 // РА. — 1992. — № — С. 208–213.
642. Флеров В. С. К вопросу о социальном строе в Хазарском каганате: по материалам Маяцкого могильника // Социальная дифференциация общества: поиски археологических критериев. — М.: Наука, 1993. — С. 119–133.
643. Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. — М.: Б. и., 1996. — 100 с.
644. Флеров В. С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. — 2001. — № — С. 56–70.
645. Флеров В. С. Крепости Хазарии в долине нижнего Дона (эюд к теме фортификации) // Хазарский альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 151–168.
646. Флеров В. С., Флерова В. Е. Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М. -Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 185–206.
647. Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — М.: Мосты культуры, 2001. — 158 с.
648. Флерова В. Е. Проблемы исследования ямных и курганных могильников хазарского времени на Нижнем Дону // Хазарский альманах. — Т. 1. — Харьков: Каравелла, 2002. — С. 169–188.
649. Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X вв. / Автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1982. — 21 с.
650. Фомин А. В. Куфические монеты Гнездовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике. — М.: Археографический центр, 1996. — С. 187–203.
651. Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. — 512 с.

652. Хазанов А. М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. — М.: Наука, 1975. — 342 с.
653. Хазанов А. М. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. — М.: Наука, 1976. — С. 249–279.
654. Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Кочевая альтернатива социальной эволюции. — М., 2002. — С. 37–58.
655. Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань: Ин-т языка, л-ры и ист. им. Г. Ибрагимова, 1971. — С. 7–36.
656. Халиков А. Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII — начале X вв. // СЭ. — 1985. — № — С. 161–164.
657. Халиков А. Х. Волжская Булгария и Русь: Этапы политических и культурно-экономических связей X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. К 1000-летию русско-булгарского договора. — Казань: КФАН СССР, 1986. — С. 6–9.
658. Халиков А. Х. Протоболгары и протовенгры в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Проблеми на прабългарската история и култура. — София: Аргес, 1989. — С. 55–65.
659. Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971. — С. 64–93.
660. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. — 1976. — № — С. 158–178.
661. Харузин А. Киргизы Букеевской орды: антрополого-этнологический очерк // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологи и этнографии. — М., 1889. — Т. 63. Труды антропологического отдела. — Т. 10. — В. 1. — С. 1–550.
662. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. — М., 1986. — С. 8–128.
663. Художественная проза Киевской Руси XI–XIII вв. / Сост., пер., примеч., И. П. Еремина, Д. С. Лихачева. — М.: Гос. изд. худ. лит., 1957. — 370 с.
664. Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. — В. 6. — М., 1996. — С. 68–80.
665. Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии около 836–889 гг. // МАИЭТ. — 1998. — В. 6. — С. 663–688.
666. Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. — 2001. — В. 3. — С. 312–333.

667. Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // МАИЭТ. — 2002. — В. 9. — С. 521–534.
668. Чекин А. С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. / Тексты, пер., коммент. — М.: Изд. фирма Вост. лит., 1999. — 366 с.
669. Черменский П. Н. Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики // Вопросы географии. — М.: Мысль, 1970. — В. 83. — С. 83–94.
670. Чичуров И. С. Место «Хронографа» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. — М.: Наука, 1976. — С. 5–146.
671. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. — М.: Наука, 1980. — 215 с.
672. Шаскольский И. П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. — Л.: Наука, 1967. — С. 153–156.
673. Шаскольский И. П. Норманнская проблема в исторической науке 1970–1980-х гг. // X Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докл. — М., 1986. — Ч. 1. — С. 122–124.
674. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. — 686 с.
675. Шварцбах М. Климаты прошлого: Введение в палеоклиматологию. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 283 с.
676. Швецов М. А. Средневековые безкурганые могильники на территории Донбасса // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов. — Донецк, 1989. — С. 53–55.
677. Швецов М. А. Могильник «Зливки» // Проблемы на прабългарската история и култура. — В. 2. — София, 1991. — С. 109–123.
678. Шнирельман В. А. Евразийцы и евреи // Вестник еврейского университета в Москве. — 1996. — №(11). — С. 4–45.
679. Шнирельман В., Панарин С. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии (Москва). — 2000. — №(10). — С. 5–37.
680. Шнитников А. В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки географического общества СССР. Новая серия. — Т. 16. — Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 337 с.
681. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца — Х.: Вища школа, 1962. — 404 с.
682. Шрамко Б. А., Михеев В. К. До питання про виробництво заліза у болгаро-аланських племен салтівської культури // ВХУ. — 1969. — №5. — Серія Історія. — В. 3. — С. 74–81.

683. Шрамко Б. А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. — Минск: Наука и техника, 1983. — С. 48–50.
684. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. — М.: Изд-во Eastern Communications, 1997. — 155 с.
685. Щеглова О. А. Салтовские вещи на памятниках волынецовского типа // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж: Изд-во воронежск. ун-та, 1987. — С. 77–82.
686. Эрдаль М. Хазарский язык // Хазары, евреи и славяне. — Т. 16. — М. - Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2005. — С. 125–139.
687. Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н. э. — Киев: Наукова думка, 1985. — 184 с.
688. Юнусов А. С. Военное дело тюрок в VII–X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск: Сибирск. отд. АН СССР, 1990. — С. 97–105.
689. ЯКуби. История // Текст и перевод П. К. Жузе. — Баку: Изд. об-ва обследования и изучения Азербайджана, 1927. — 35 с.
690. Якобсон А. Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. — 1951. — Т. 15. — С. 325–344.
691. Якобсон А. Л. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК — 1954. — В. 54. — С. 164–172.
692. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. — 1954. — Т. 21. — С. 148–163.
693. Якобсон А. Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака // КСИИМК. — 1955. — В. 60. — С. 102–109.
694. Якобсон А. Л. Крым в средние века. — М.: Наука, 1973. — 173 с.
695. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. — Л.: Наука, 1979. — 164 с.
696. Яковкина Н. Правильно освещать историю нашей Родины // Ленинградский университет. — 1952. — 24 января. — №(786).
697. Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. Сер. Истор. -философ., 1946. — Т.3. — № — С. 461–472.
698. Якубовский А. Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгара в IX–X вв. // СА. — 1948. — Т. 10. — С. 255–270.
699. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М.: Изд-во МГУ, 1956. — 207 с.

700. Янссон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. — М.: Вост. лит., 2001. — С. 116–126.
701. Яценко С. А. Процесс оседания кочевых аланов в Приазовье в середине I — середине III вв. н. э. // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. — СПб., 1994. — С. 69–72.
702. Christian D. A History of Russia, Central Asia and Mongolia. — Oxford: Blackwele Publishers Ltd, 2000. — 460 p.
703. Czegledy K. A terkhini uigur rovasirasos felirat torok es Magyar torteneti es nyelveszi vonatkozasai // Magyar Nyelv. — 1981. — V. 77. — P. 461–462.
704. Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. — Princeton-New Jersey, 1954. — 293 p.
705. Golden P. B. Khazar Studies. — Budapest, 1980. — Vol. 1. — 291 p.
706. Golden P. B. Khazar Studies. — Budapest, 1980. — Vol. 2. — 252 p.
707. Golden P. B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. — Wiesbaden, 1992.
708. Golden P. B. Ethnicity and state formation in Pre-Ginggisid Turkic Eurasia. — Bloomington: Department of Central Eurasian Studies Indiana University, 2001. — 46 p.
709. Klyshorny S. G. The Terkhin Inscription // Acta Orientalia Hungarica. — 1982. — V. 36. — P. 335–366.
710. Klyshorny S. G. The Tes Inscription of the Iughur Bogu Qagan // Acta Orientalia Hungarica. — 1985. — V. 39/1. — P. 137–156.
711. Lewicki T. Zrodta arabskie do dziejow Slowianszczyzny. — T. 1. — Wroclaw — Krakow, 1956.
712. Miller R. A. Turkic s, z: Chuvash l, r revisited // Turkic languages. — 1999. — V. 3/1. — P. 3–42.
713. Minorsky V. F. A New Book on the Khazars // Oriens — 1958. — V. 11. — P. 122–145.
714. Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. — Berlin, 1958. — V. 1. — 376 p.
715. Noonan T. S. Did the Khazars Possess a Monetary Economy? The Numismatic Evidence // AEMA. — 1982. — V. 2. — P. 219–267.
716. Noonan T. S. What Does Historical Numismatics Suggest About the History of Khazaria in the Ninth Century? // AEMA. — 1983. — V. 3. — P. 265–281.
717. Noonan T. S. Why Dirhams Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // AEMA. — 1984. — V. 4. — P. 151–282.
718. Noonan T. S. Khazaria as an Intermediary Between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century // AEMA. — 1985. — V. 5. — P. 179–204.
719. Noonan T. S. When Did Rus/Rus' Merchants First Visit Khazaria and Baghdad? // AEMA. — 1987–1991. — V. 7. — P. 213–219.

720. Noonan T. S. Fluctuations in Islamic Trade Into Eastern Euarope During the Viking Age // HUS. — 1992. — V. 16/3-4. — P. 237–259.
721. Noonan T. S. The Khazar Economy // AEMA. — 1995–1997. — V. 9. — P. 254–318.
722. Rona-Tas A. An Introduction to Turkology // Studia Uralo-Altaica. — Szeged, 1991. — V. 33. — P. 25ff.
723. Rona-Tas A. The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // L. Johanson, E. Csaty (eds). The Turkik Languages. — London, 1998. — P. 67–80.
724. Rorig F. Magdeburgs Entstehung und die altere Handelsgeschichte. — Berlin, 1952
725. Saunders J. J. The History of the Mongol Conquest. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. — 275 p.
726. Schechter S. An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. — 1912/1913. — New Series. — V. 3. — № — P. 191–219.
727. Senga T. The Toquz Oghuz Problem and the Origin of the Khazars // Journal of Asian History. — 1990. — V. 24/1. — P. 57–69.
728. Starkova C. Les plus anciens manuscrits de la bible dans la collection de l'institut des etudes orientales de l'Academie d es sciences de L'URSS // La paleographie hebraique medievale. — Paris, 1972. — P. 37–46.
729. Tekin T. Kuzey Mogolistan'da Yeni bir Uyugug Aniti: Tariat (Terhin) Kitabesi // Turk Tarih Kurumu Belleten. — 1982. — V. 156. — №84. — P. 795–838.
730. Tekin T. The Tariat turque ancienne // Acta Orientalia Hungarica. — 1982. — V. 36. — P. 43–86.
731. Thompson E. A. The Huns. — Oxford: Blackwele Published Ltd, 1999. — 326 p.
732. Verlinden Ch. L'esclavage dans L'Europe medieval. — T. 1. Peninsule iberique — France. — Brugges, 1955.
733. Verlinden Ch. L'esclavage dans L'Europe medieval. — T. 2. Italie — Colonies italiennes du Levant — Levant latin — Empire buzantin. — Gent, 1977.
734. Weinryb B. The Khazars. Annotated Bibliography // Studies in Bibliography and Booklore. Library of Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion. — V. 6, Spring, 1963. — P. 111–129.
735. Yarmolinsky A. The Khazars, A Bibliography // Bulletin of the New York Public Library. — 1938. — V. 12. — P. 695–710.
736. Yarmolinsky A. The Khazars (an annoteted) Bibliography 1940–1958 // Bulletin of the New York Pablic Library. — 1959. — V. 63. — P. 237–241.
737. Zuckerman K. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaisme and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. — 1995. — №3. — P. 237–270.

Наукове видання

Олександр Олександрович Тортіка

**Північно-Західна Хазарія
в контексті історії Східної Європи
(друга половина VII — третя чверть X ст.)**

Монографія

(Рос. мовою)

Редактори

Л. Ф. Торбовська

Т. Г. Левченко

Ю. М. Гирка

Т. Д. Булах

Комп'ютерна верстка

І. Г. Колесник

План 2006. Підписано до друку 17.01.2006. Формат 60x84/16.

Гарнітура «Mysl». Папір для мн. ап. Друк ризограф.

Ум. друк. арк 32,26. Обл.-вид. арк. 34,3

Тираж 300. Зам. №

Надруковано в лаб. множ. техніки ХДАК
ХДАК, 61003, Харків-3, Бурсацький спуск, 4